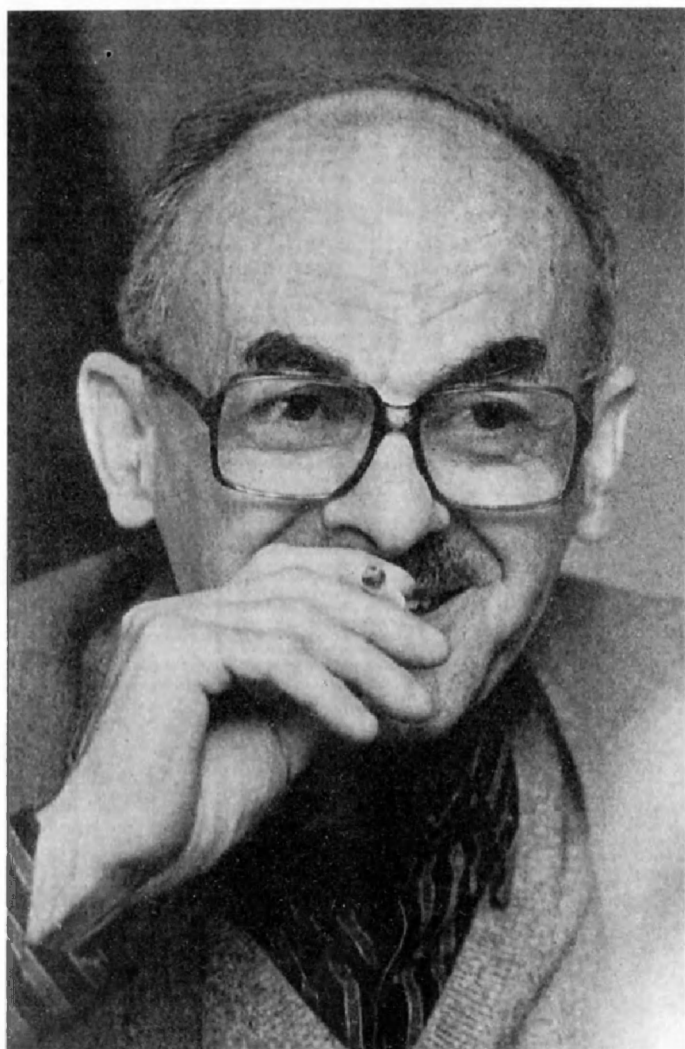

БУЛАТ
ОКУДЖАВА

БУЛАТ ОКУДЖАВА

НОВАЯ БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

***Гуманитарное агентство
«Академический проект»***

БУЛАТ ОКУДЖАВА

СТИХОТВОРЕНИЯ

**Санкт-Петербург
2001**

Редакционная коллегия

А. С. Кушнер (*главный редактор*),
К. М. Азадовский, **В. Э Вацуро**, М. Л. Гаспаров,
А. Л. Зорин, А. В. Лавров, А. М. Панченко,
И. Н. Сухих, Р. Д. Тименчик

Вступительные статьи

Л. С. ДУБШАНА и **В. Н. САЖИНА**

Составление и подготовка текста

В. Н. САЖИНА и **Д. В. САЖИНА**

Примечания

В. Н. САЖИНА

Редактор Г. М. Цурикова

Институт русской литературы благодарит Администрацию
Санкт-Петербурга, Правительство РФ и Всемирный банк
за помощь в осуществлении настоящего издания

ISBN 5-7331-0224-1

- © О. В. Арцимович, *тексты ст-ний Б. Ш. Окуджавы*, 2001
- © В. Н. Сажин, *вступ. статья, примеч.* 2001
- © Л. С. Дубшан, *вступ. статья*, 2001
- © Гуманитарное агентство «Академический проект», 2001

О ПРИРОДЕ ВЕЩЕЙ

I

Есть у Окуджавы датированная 1961 годом песенка, не из самых, кажется, часто звучавших и упоминавшихся, но обладающая, помимо прочего, достоинством верного документа:

На мне костюмчик серый-серый,
совсем как серая шинель.
И выхожу я на эстраду
и тихим голосом пою.

А люди в зале плачут-плачут...

(«На мне костюмчик серый-серый...»)

Именно так все и происходило, существует даже фотография, тоже сделанная в 61-м, правда, там не зал с эстрадой, а московское кафе под названием «Артистическое»¹: Окуджава действительно в сером костюме, и гитара на шнурке. Крутом столики (только кофе, сухое вино), за столиками слушатели. Но эти лица, взгляды! Одни смотрят на певца, другие в сторону, в пространство, и все — в себя. Все хорошие такие, добрые, задумчивые. Ладони держат у лба. Слез на снимке, конечно, не разглядеть, но они где-то здесь, совсем близко —

А люди в зале плачут-плачут...

Вообще говоря, 61-й был годом эйфорическим. В апреле полетел Гагарин, в июле газеты опубликовали проект третьей Программы КПСС, объявлявшей, что «нынешнее поколение советских людей» доживет до коммунизма, и обещание это, как ни странно, тоже возбуждало и радовало. А в напечатанном тогда же «Моральном кодексе строителя коммунизма» было сказано: «Человек человеку — друг, товарищ и брат»².

Отчего же они плачут? Мало ли отчего. Может, Окуджава поет им про синий троллейбус, или про голубой шарик, или про рыжее колечко, одиноко дрожащее на виске, — все равно. Грусть, умиление, воспоминания, война, уже отдаленная, «культ личности», тоже, слава Богу, преодоленный, новые надежды... И потом, его искренний тон и этот чувствительный гитарный тембр, прямо как у Бернеса — там, где шаланды, бульвары, черемухи и Костя-моряк «берет гитару и тихим голосом поет».

Это вот самое «и тихим голосом поет» — вероятный, хоть, может, и нечаянный, источник строчки в автопортретной песенке Окуджавы. Но интонация другая. У Бернеса получалось фамилярно-шутливо и очень задушевно, с пикантной приклатненностью, а тут печально и несколько отчужденно, тут взгляд на себя извне — как души смотрят с высоты. И голос словно звучит со стороны, и обращен он певцом неведомо к кому. К себе же?

А люди в зале плачут-плачут
не потому, что славен я...

Странно, слегка даже нелепо: «не потому, что славен я» — разве вообще от этого плачут? Но и вся песенка такая — будто взял человек инструмент и стал напевать-наигрывать что-то совсем уж простое, складывающееся на ходу, случайно, как Бог на душу положит, без дальних умыслов, без рифм, вроде частушки-нескладухи —

...и не меня они жалеют,
а им себя, наверно, жаль...

Вдруг, словно опомнившись, обращается в зал... — или это тоже к себе, про себя, про них? —

Жалейте, милые, жалейте,
пока жалеется еще,
пока в руке моей гитара,
а не тяжелый автомат...

А вот «автомат» этот вообще возник здесь, кажется, ни к селу, ни к городу — с чего ему взяться? Как и «шинель» в самом начале: ведь то обстоятельство, что костюмчик был «серый-серый», вовсе не достаточно для сравнения его с шинелью. И ничего это сравнение не проясняет. Наоборот, размывает — слишком уж разные и ткань, и покрой. Случайные слова, сомнительные сопоставления, сбивчивая логика. Особенно дальше:

Жалейте, будто бы в дорогу
вы провожаете меня...

Только что ведь было сказано, что, мол, не меня они жалеют, а себя. А теперь кого? И если все-таки его, то по какому поводу? Что это за предположительная «дорога» и что за проводы? Куда? И, кажется, чтобы как-то хоть сошлись концы с концами, финал завивается колечком-рондо:

На мне костюмчик серый-серый.
Он весь — как серая шинель.

Надо заметить, что и музыкальная одежда этой песенки словам под стать — как тот «костюмчик серый-серый». Монотонная

и бледноватая — не сравнить с мелодической роскошью «Часовых любви» или, скажем, «Ночного разговора».

А люди в зале плачут-плачут... Наверное, чувствуют что-то за текстом, под текстом, над текстом. Может, и в самом тексте. Поводы для предположений он, во всяком случае, дает, и не только в отношении всплывающих вдруг «шаланд, полных кефали». Например, «пока жалеется», — не отозвались ли здесь чудные песенные строчки Исаковского «Люби ж, куда любится, / Встречай, пока встречается», за которыми неизбежно встает некрасовское, заветное: «Люби, куда любится, / Терпи, куда терпится, / Прощай, пока прощается, / И — Бог тебе судья!»?

Но тогда уже и странный инверсированный оборот «не потому, что славен я» (неловкость которого отнюдь не вынуждена стиховой механикой — рифмы-то ведь нет, ставь что хочешь) тоже спешит заявить о своем литературном происхождении, причем самом высоком: «И славен буду я, доколь в подлунном мире...». У Державина в переложении Горациевой оды сказано: «И слава возрастет моя, не увядая...», у Ломоносова — «Я буду возрастать повсюду славой...». А «славен... я» только у Пушкина, причем единственный раз.

Не чересчур ли?.. Разве возможно, чтобы величественную тему «Ехегі топипентум...» вместила в себя бедная песенка? Но вот ведь есть в ней и поэт, и те, в ком будит он «чувства добрые», пусть не лирой — гитарой... И очередной «жестокый век», уже свой, двадцатый, с неотменимыми его приметами — «шинелью» и «автоматом». И слова о славе, хоть она и ни при чем. И мысль о посмертной судьбе, ибо что же такое эта «дорога», в которую провозжают, жалея? «С Богом, в дальнюю дорогу...» — так, мы помним, начинает Пушкин «Похоронную песню Иакинфа Маглановича».

Впрочем, песенка — не перепев, о «Памятнике» она помнит, да говорит о другом. Она печальней, фатальней. Даже композиционно: начавшись «костюмчиком», мало похожим на шинель, она заканчивается «шинелью», на которую костюмчик все-таки походит страшно, неотвратимо. А в промежутке между первой и последней строкой, пока не пришел срок провожать, можно успеть поплакать, неважно, над кем, над чем. Жалейте, милые, жалейте, пока жалеется еще...

Как, однако, страдатель и как мучительно пассивен оборот этот — «пока жалеется». Но сколь решителен, и надежен, и удобен для человеческих рук — не хуже гитары, которую он всегда готов сменить, — «тяжелый автомат», внезапно вторгшийся в текст. Что делать. На то он и «автомат», чтоб действовать автоматически, неукоснительно. Как закон.

И нет, кажется, другой благодати, кроме той, о которой все просит, все молит тихий голос — жалейте, милые, жалейте...

***

Если бы существовала формула измерения поэтического КПД, (в 60-х всё любили поговорить, помечтать о каких-нибудь формулах красоты, души и т. п.) она должна была бы представлять собою

дробь, в числителе которой следовало бы как-то обозначить семантическую напряженность слова, а в знаменателе — затраты на достижение этой меры напряженности, некий показатель сложности стихотворной техники.

Скажем, у Мандельштама, часто нас изумляющего мощью и емкостью своей семантики, величины не только числителя, но и знаменателя были бы крупными. А у Окуджавы вроде все не так, у него они, похоже, минимальны. Порою кажется, он вообще ничего со словами не делает, принимает их такими как есть — стихи же его при этом успешно действуют. Каким-то образом.

Писавшие об Окуджаве заметили это давно и не всегда могли происходящее объяснить, а все больше удивлялись:

1961: «Хотя стихи Окуджавы ясны и просты по языку, по форме, сложна та гамма психологических и интонационных оттенков, рефлексов, которые они отбрасывают, тонок и не всегда заметен тот авторский "лиризм", который ими управляет и проявляется в самых будничных речениях и оборотах, в словах одновременно интимных и расхожих, общеупотребительных»³;

1968: «У Окуджавы чудесный дар: о самом высоком он умеет говорить просторечиво, незатейливо, не повышая голоса»⁴;

1977: «Фокус в том, что в устах Окуджавы эти "банальности" отнюдь не выглядят банальностями; ничуть не оригинальничая, он поминутно балансирует над пропастью трюизма и ухитряется не сорваться»⁵;

1994: «В каждом стихотворении Окуджавы возникает некая поэзия, казалось бы, случайных слов, казалось бы, слов обмолвленных, не тех, но самых важных <...>. Поэтика Окуджавы всегда подобна одному из его героев, как бы идет по опасной проволоке, вот-вот упадешь, балансирует поэт на грани какой-то предельной лирической высказанности, почти банальности, почти расхожести, дешевой романсовости. И каждый раз умеет не упасть ни в ту, ни в другую сторону»⁶.

«Фокус», «проволока»... — будто дети смотрят на цирковые чудеса. Игорь Шкляревский в стихотворении «Люблю, когда поет Булат...» прибегнул к сравнению военному:

Он если словом не возьмет,
То голосом добавит.

И голос вроде слабоват,
И слово на бумаге
Лежит нелепо, как солдат,
Когда весь полк в атаке,

И нету музыки без слов!
А вместе соберутся —
И реют выше облаков,
И слезы сами льются...⁷

Все те же недоумения по поводу этой лирики и — ее оправдание. Безусловное, абсолютное, неопровержимое, столь характерное для тех, кто ее любил и любит вопреки всем своим сомнениям: «...и слезы сами льются». Победителей, мол, не судят.

Но она не очень нуждается в оправдании. Кажется, ей немного недостает другого. Того, что дается потруднее, чем искренние слезы, которые каким-то своим секретным способом Окуджава из нас исторгает. Слезы, которые — «сами льются».

Хорошо бы еще и понять, о чем он, собственно, говорил, писал, пел на протяжении сорока лет? В чем состоял, как нынче предпочитают выражаться, его message.

— А разве не ясно?

— А о чем он писал?

— Н-ну... о любви, о чувствах вообще... Ваше величество женщина... Возьмемся за руки, друзья... О войне еще...

— Пожалуй. А это вот о чем? —

Магическое «два». Его высоты,
его глубины... Как мне превозмочь?
Два соболя, два сокола, две сойки,
закаты и рассветы, день и ночь,
две матери, которым верю слепо,
две женщины и, значит, два пути.
два вероятных выхода, два неба —
там, наверху, и у меня в груди.
И залитый морями голубыми,
расколотый кружится шар земной...
...а мальчишки торгуют голубями
по-прежнему. На площади Сенной.

(«Магическое "два". Его высоты...»)

***

И за пределами этого довольно смутного (согласитесь) стихотворения мир в глазах Окуджавы тоже как-то раздваивается, раскалывается. Если взглядеться, можно, например, увидеть, как стихи его нередко образуют своего рода тематические пары, «складни», «двойчатки».

Вот, например, про детские игрушки. Две вариации на одну андерсеновскую тему: «Бумажный солдатик» и — «Оловянный солдатик моего сына». В свое время их соотносительность подметил критик Вл. Соловьев: «Бумажный солдат, красивый и отважный, хочет переделать мир, чтоб все были счастливыми. Оловянный солдат осужден на вечный подвиг, он ждет своих врагов и боится выпустить из рук окаянный автоматик. <...> Два солдатика, антиподы и двойники, ведут между собой вечный спор»⁸.

Вот другая пара: «Король» и «Старый король». Окуджава сочинил их в разные годы, но связь тут есть и контраст тоже. Не только в том, что один из «королей» жертвует собой, а другой

нападает, один гибнет, а другой побеждает. Если бы только это, можно было бы вывести обыкновенную мораль — насчет благо-родства жертвы и подлости агрессора.

Но есть момент осложняющий: они похожи, они оба в некото-рых отношениях ненастоящие. Хоть и по-разному. Ленку Коро-лева «возводит в сан», дает ему «звание» его двор, дворовые ребя-та. Просто игра. А старый король — он, наоборот, легитимный, хоть по виду — совсем-совсем дворовый: «Ему королева мешок суха-рей насушила / и старую мантию так аккуратно зашила, / дала ему пачку махорки и в тряпочке соль. / И руки свои королю поло-жила на грудь, / сказала ему, обласкав его взором лучистым...». Хочется продолжить: «До свидания, мальчики. Мальчики! Поста-райтесь вернуться назад». И отправится король грабить и убивать.

Зачем Окуджава это делает, зачем он составляет такое вот уравнение-парадокс?

Еще одна «двойчатка»:

Круглы у радости глаза и велики у страха,
и пять морщинок на челе от празднеств и обид...
Но вышел тихий дирижер, но заиграли Баха,
и всё затихло, улеглось и обрело свой вид...

Это «В городском саду». И — другое:

Черный ворон сквозь белое облако глянет —
значит, скоро кровавая музыка грянет.
В генеральском мундире стоит дирижер,
перед ним под машинку остриженный хор.
У него — руки в белых перчатках.
Песнопенье, знакомое с давешних пор,
возникает из слов непечатных...

(«Черный ворон сквозь белое облако глянет...»)

Ну, тут понятнее: «музыка души», «музыка атаки»... Но, увы, и во втором случае можно сказать: «всё обрело свой вид». Посколь-ку боевая матерная «музыка» тоже ведь у нас не мимолетность — почтенный вековой обычай.

Еще пара. Сперва вот это вот, наше любимое:

Мне нужно на кого-нибудь молиться.
Подумайте, простому муравью
вдруг захотелось в ноженьки валиться,
поверить в очарованность свою!

И муравья тогда покой покинул,
всё показалось будничным ему,
и муравей создал себе богиню
по образу и духу своему...

(«Мне нужно на кого-нибудь молиться...»)

А другой стишок не все, наверное, помнят:

Давайте придумаем деспота,
чтоб в душах царил он один
от возраста самого детского
и до благородных седин.

Усы ему вырастим пышные
и хищные вставим глаза.
сапожки натянем неслышные,
и проголосуем все — за...

(«Давайте придумаем деспота...»)

— Но это ведь невозможно?! Полная дичь! Прелестный городской романс о влюбленных, которые... «красивые и мудрые, как боги»... и — этот, хищный, с усами...

— Отчего же? Он тоже, как мы помним, постоянно титуловался «мудрым». Да и красивым казался, прямо влюблялись в него. И вот еще: у нее «старенькие туфельки», у него — «сапожки». Но главное сходство, конечно, в другом: «мне нужно на кого-нибудь молиться» — это в обоих случаях. Причем оба предмета поклонения созданы нами же самими, «по образу и духу своему». Или, как в еще одной песенке поется, «мы сами себе сочиняем и песни, и судьбы...». И жаль, «что кумиры нам сняты по-прежнему...» (к «муравейной богине» последнее замечание, понятно, не относится, она, скорее, может быть сопоставлена с другой «богиней — комсомольской»).

— На каком основании?!!

— В том-то и проблема.

***

Нет, нет, не «двойчатки», не «складни» — связи тянутся дальше, ветвятся, сплетаются, запутываются, стягиваются в узлы.

От солдата «оловянного» нить ведет не только к «бумажному» солдатику, но и, скажем, к «Черному мессеру». Тогда получается: «защитник» — и «противник». И оба какие-то неправильные. В первом случае —

Живет защитник мой, неволью

сигнал к сраженью торопя.

Спроси его: «Тебе не больно?»

И он прицелится в тебя —

(«Оловянный солдатик моего сына»)

полный абсурд! Второй случай тоже очень и очень странен, просто сюрреалистичен — с этим немецким ассом, который по вечерам все залетает и залетает в окошко, но наш герой всякий раз достойно его встречает:

Каждый вечер, каждый вечер

у меня штурвал в руке,

я лечу ему навстречу

в довоенном «ястребке».

Каждый вечер в лунном свете
торжествует мощь моя:
я, наверное, бессмертен —
он сдается, а не я...

Тут, кажется, какая-то ирония. Но по поводу чего? Того ли, что в реальных боях часто выходило наоборот, и тогда эта греза — компенсация. Или совсем не так, и здесь ирония по поводу советской героической пропаганды — «...вылетаю, побеждаю... / Сколько ж можно побеждать?». И тогда к этому назойливому «мессеру» возникает явное сочувствие:

...он как старый шмель рыдает,
мухой пойманной жужжит.

Тем более что сказано: «грустный летчик», а это похоже уже на тех «грустных солдат», что «не вернулись из схватки военной» в песенке про «старого короля», но тут мы снова тянем нить еще и к «Леньке Королеву».

Что же это за летчик, который «как курортник» летает себе и летает безобидной мухой в темных очках? К какому ряду отсылает этот, в сущности, трогательный образ — к саркастической идиллии про «старого короля» или к грустной идиллии арбатского двора, откуда навсегда ушел Ленька в роковой миг, когда те самые мессершмиты, «как вороны, / разорвали на рассвете тишину»?

Все здесь у Окуджавы не только связано — все обратимо: сила может обернуться слабостью, победа — поражением, самопожертвование — агрессией. И обратно. Все взаимопревратимо, превратно, зыбко. Плывет, как пейзаж, когда мы видим его «из окна вагона»:

Низкорослый лесок по пути в Бузулук,
весь похожий на пыльную армию леших —
пеших, песни лихие допевших,
сбивших ноги, продрогших, по суткам не евших
и застывших, как будто в преддверье разлук...

(«Из окна вагона»)

Вот вам первое превращение: «леса» — в «леших». Олицетворение, говоря по-школьному. Не просто в «леших» — в «армию леших», но и это понятно, так мы часто говорим: «армия работников народного просвещения», скажем. Обычная газетная метафора. Но Окуджаве этого маленького образного запаса вполне хватает, чтобы его иллюзион продолжил свое представление:

Их седой командир, весь в коросте и рвани,
пишет письма домой на глухом барабане,
позабыв все слова, он марает листы.
Истрепались знамена, карманы пусты,
ординарец безумен, денщик безобразен...

Как пейзаж поражения однообразен!

Но и это еще не все, смотрите внимательно:

Или это мелькнул за окном балаган,
где бушует уездных страстей ураган.
где играют безвестные комедианты,
за гроши продавая судьбу и таланты,
сами судьи и сами себе музыканты...

Их седой режиссер, обалдевший от брани,
пишет пьеску на порванном вдрызг барабане,
позабыв все слова, он марает листы,
декорации смяты, карманы пусты,
Гамлет глух, и Ромео давно безобразен...
Как сюжет нашей памяти однообразен!

Три образа подряд принимает Протей, совершает двойную метаморфозу: «лес» — «армия» — «театр». Лес чахлый, армия разбитая, театр тоже какой-то погорелый. Природа, война, искусство. И все одно, все — «пейзаж памяти». То есть вид из вагонного окна только повод, чтобы из памяти всплыло что-то навсегда в нее запавшее.

Конечно, война.

Речь — о войне, о том, что же она и откуда?

Если из самой природы, из естества — то, значит, безнадежно, значит, навечно.

Или все-таки она не более чем неудачное человеческое изобретение, что-то в истории искусственное и временное?

Говорят же, в конце концов, — «военное искусство», «театр военных действий»... Может, действительно, война всего лишь балаган, или, говоря булгаковскими словами, «кровавая оперетка»? Бездарная выдумка негодяев? А в природе — все иначе, все тянется к добру?

Лес таинственный
лиственный,
весь
малиновками освистанный.
То сырой и бодрящий,
то молчаливый
в оцепенении,
потерявший,
как усталая рота,
равнение.
Всё мне чудится:
вот сойдутся дубы,
и осины, и ели.
И повторят привалов
уют.

Над кострами развезят шинели
и домашнее что-то,

щемящее
запоют.

(«Лес таинственный...»)

То есть смолкнет наконец музыка атаки и зазвучит музыка души, природная музыка. Подлинная:

А музыкант играет вальс. И он не видит ничего.
Он стоит, к стволу березовому прислонясь плечами.
И березовые ветки вместо пальцев у него,
а глаза его березовые строги и печальны.

Тут уж совсем рядом Овидиевы «Метаморфозы»... Дафна, Кипарис, Гиацинт...

А перед ним стоит сосна, вся в ожидании весны.
А музыкант вращается в землю... Звуки вальса льются...
И его худые ноги как будто корни той сосны —
они в земле переплетаются, никак не расплетутся...

(«Чужесный вальс»)

Вот о природе он всё и размышлял, и говорил, и пел. Хоть пейзажным жанром особенно не увлекался, порой обходился минимумом: «Сумерки. Природа...», и все тут. Или так: «За дорогой не то чтоб пустыня — / Но пейзаж без долов и людей...» («Полдень в деревне»). Просто — пейзаж. Не о природе в поле, в лесу, в саду — он думал о природе вещей. О природе, позволим себе сказать, Добра и Зла, хоть и звучит это крайне несовременно. Главное — о том, как страшно они бывают друг на друга похожи, до неразличимости. И непременно надо заставить Протея явить подлинное лицо.

II

Он имел одно виденье, непостижное уму. Даже не виденье — опыт, довольно ранний, совершенно незаменимый и абсолютно ужасный. Опыт, если можно так сказать, почти-смерти. И глубоко впечатленье в сердце врезалось ему.

Постепенно вступают штыки и мортиры, —
значит, скоро по швам расползутся мундиры,
значит, скоро сподобимся есть за двоих,
забывать мертвецов и бояться живых,
прикрываться истлевшею рванью...
Лишь бы только не спутать своих и чужих,
то проклятья, то гимны горланя...

(«Черный ворон сквозь белое облако глянет...»)

Пастернак писал в «Охранной грамоте» о том, что, когда складывается личность, «какие-то части здания, и среди них основная

арка фатальности, должны быть заложены разом, с самого начала...». И что «в каком-то запоминающемся подобии, быть может, должна быть пережита и смерть». Это похоже на то, что этнографы называют инициацией — посвятельным обрядом, часто жестоким, пройдя который юноши и девушки племени принимаются во взрослое сообщество. Для самого Пастернака роль инициации сыграл случай, когда он, тринадцатилетний, упал со скачущей лошади и только чудом остался жив.

Инициацией, которой подверглось поколение Окуджавы, стала война. Завершился «обряд» спустя четыре года, и мало кто дожил до его конца. Есть цифра: из числа родившихся в 1922—1924 годах и попавших на фронт в 1941-м к 1945-му осталось в живых три процента.

Но таковы данные по пехоте. Окуджава же служил в минометной батарее и в тяжелой артиллерии, на фронт из школы ушел добровольцем лишь в 1942-м, был ранен, лежал в госпиталях, пребывал в резерве, так что шансов у него оказалось побольше. Впоследствии он отчитался в своем шальном выигрыше, внес его в декларацию:

Мой сын, твой отец — лежебока и плут
из самых на этом веку.
Ему не знакомы ни молот, ни плуг,
я в этом поклясться могу.

Когда на земле бушевала война
и были убийства в цене,
он раной одной откупился сполна
от смерти на этой войне...

(«Душевный разговор с сыном»)

Вот так — пошучивая, небрежничая... Но зная цену вещам. И называя их совсем просто. Войну, например, — убийством.

***

«Это не приключения. Это о том, как я воевал. Как меня убить хотели, но мне повезло. Я уж и не знаю, кого мне за это благодарить. А может быть, и некого...», — так предуведомлял он читателей своей автобиографической повести «Будь здоров, школяр».

И дальше, уже по ходу сюжета, попавший на передовую восемнадцатилетний мальчик молит неизвестно кого: «Помогите мне. Спасите меня. Я не хочу умирать. Маленький кусочек свинца в сердце, в голову — и все? И мое горячее тело уже не будет горячим?..»

Убили других, подавляющее большинство, а он остался жив, и был этим счастлив, но счастье спасения неразделимо смешалось со стыдом и виной, потому что он понял все в том смысле, что убили-то их как раз вместо него, ибо есть там какие-то лимиты, статистика, и потери даже планируются заранее. Утешало то, что сам он не убил никого, он так и сказал однажды Белле Ахмадулиной: «Я никого не убил, я не мог попасть в цель»⁹. Хотя в стихах:

Ах, что-то мне не верится, что я, брат, убивал.
А может, просто вечером в кино я побывал?
И не хватал оружия, чужую жизнь круша,
и руки мои чистые, и праведна душа...

(«Ах, что-то мне не верится, что я, брат, воевал...»)

Впрочем, понять это можно и по-другому: убивал, но не убил.
Да ведь и — «не верится». Так что, возможно, противоречия нет.
Тем более в других стихах написано иначе:

Сто раз я нажимал курок винтовки,
а вылетали только соловьи.

(«То пагая, то снова нарастая...»)

Его когда-то за эти строчки разбранили критики — за то, что он неправильно написал: «курок», надо было — «спусковой крючок». Но главное раздражение вызвали тогда «соловьи» — если бы, мол, у всех подобные «соловьи» вылетали, мы бы не победили. Стихи они, конечно, понять не могли, но ругались напрасно: в действительности, конечно, не соловьи вылетали. Так что он даже не был уверен, убил или не убил. Но надеялся.

Он, кажется, склонялся к тому, что любая вина, вольная или невольная, — это вина только живущего. Что в конце концов, в последнем итоге, она снимается. Самим этим концом и итогом. Но если расчет отодвинут, отсрочен, то ведь не просто так. В его стихи встроен часовой механизм, он всегда почти ощущает бег времени, его убыль:

...куда уходит минута?
Куда уходит час?
Куда уходят сутки?
Куда уходят дни?
За каким
                    поворотом
скрываются вдруг они?
Куда, наконец, уходит
каждый прожитый год?
И неужели ни разу
снова к нам не зайдет...

(«Время»)

И надо непременно догадаться, зачем досталось это дополнительное время, на что выдан, так сказать, «последний кредит» и как надлежит его потратить. И кем он выдан?

Судьба ли меня защитила, собою укрыв от огня!
Какая-то тайная сила всю жизнь охраняла меня.
И так всё сошлось, дорогая: наверно, я там не сгорел,
Чтоб выкрикнуть *здесь*, догорая, про то, что другой не успел.

(«Поздравьте меня, дорогая: я рад, что остался в живых...»)

Но это была как бы торжественная увертюра, а вообще он в той книжке попробовал разные варианты. Вот «Журавли», начинающиеся ораторским, «маяковским», погромыживанием акцентника:

Последний залп прорвал
тишину
и за горной грядой
смолк,
будто бы там расстрелял войну
артиллерийский
полк.

Вдруг мелькнуло что-то пастернаковское, демисезонное, с домашними неологизмами и гипердактилическими клаузулами:

Зима отмела, отсугробилась.
И вот переулками,
улицами
такой долгожданный и теплый
апрель начинает прогуливаться...

(«Зима отмела, отсугробилась...»)

И хозяйственная, веская интонация Твардовского, узнаваемая даже в обобществленном советском стихе:

У тебя в руках ружьишко,
впереди рассветный дым,
ты доволен, как мальчишка,
одиночеством своим...

(«В лесу»)

Потом, правда, через несколько строк, вероятный Твардовский спокойно перетекал там в некоторое подобие Блока —

...словно кто-то манит к дому...
не ее ли та рука?..

И еще про войну:

Он не писал с передовой,
она — совсем подросток —
звалась соломенной вдовой;
сперва — соломенной вдовой,
потом — вдовою просто... —

вариант горько-мужественный, рубленый, балладный, симоновский, киплингowskiй:

Под скрип сапог, под стук колес
война ее водила,

и было как-то не до слез,
не до раздумий было...

(«Вдова»)

Все это выглядело достаточно солидно и профессионально и отзывалось «учебой у классиков», к которой склоняли молодого автора опытные литконсультанты. Хотя в этой как раз «Вдове» будущий Окуджава как-то узнается — не в стихе, не в интонации, в чем-то другом...

Но так устроено уже:
не сохнет лист весенний,
не верят жены в смерть мужей
и ждут их возвращенья...

В теме, что ли? Уже скоро, через год-другой, он споет про то, как «женщины глядят из-под руки», и попросит мальчиков — «по-старайтесь вернуться назад», и девочек будет умолять о том же.

Не то чтоб в даль дорог глядят
с надеждою на чудо,
что, мол, вернется он назад,
что вот придет домой солдат
неведомо откуда.

А просто, бед приняв сполна,
их взгляду нет границы...

Это, конечно, уже его слова — про «даль дорог», про «надежду», про «чудо», это прообраз его лирического сюжета, движущегося от отчаяния к спасению, которое невозможно.

***

И еще одна деталь, на которую можно было бы не обратить внимания, если бы не позднейший большой контекст им написанного, — о девочке-вдове в стихотворении сказано: «война ее водила». Почти что банально и стерто, как если бы сказать — «судьба вела», но все-таки не так, все-таки метафора здесь, у Окуджавы, оживает, и «война» оказывается лицом действующим, а девочка — претерпевающим, страдательным.

Потом подобное олицетворение повторится многократно, и неслучайность его подтвердится вполне: «Холод войны немилосерд и точен. / Ей равнодушия не занимать...» («Вобла»), «Эту грустную песню придумала война...» («Не веди, старшина, чтоб была тишина...»), «У войны слепой расчет...» («От войны войны не ищут...») и т. д. Он ее бранит, требует с нее ответа: «Ах, война, что ж ты сделала, подлая...» («До свидания, мальчики»).

Если попытаться от нее уйти, она примется догонять: написанная для детей повесть о войне — про мальчишек, мечтавших

убежать на фронт, но попавших под бомбежку у себя в городке, — называется у Окуджавы «Фронт *приходит к нам*». И в стихах: «А по пятам война грохочет вслед...» («Песенка о солдатских сапогах»). У «сапог», кстати, тоже свои суровые намерения, своя воля: «Сапоги — ну куда от них денешься?..» — какие-то просто «самоходы», кошмарный сон! А в «Примете» таким злым одушевленным существом становится пуля: «Ей не жалко никого, / ей попасть бы хоть в кого — / хоть в чужого, хоть в своего — / лишь бы всех до одного...»

Война равносильна смерти — и здесь у Окуджавы то же самое: в «Душевном разговоре с сыном» он скажет, что от смерти «откупился», а в «Сентиментальном марше», где «смерть распахнет свои крыла», она явится как черный ангел, станет виться над головой как ворон в песне у Чапаева. Тут, кстати, приходит на память и другая кинематографическая параллель, снова Бернес — «Темная ночь»: «Смерть не страшна, с ней не раз мы встречались в степи, / Вот и теперь надо мною она кружится». Что неудивительно, во-первых, потому, что есть общие фольклорные и даже мифологические источники, а во-вторых, потому, что «Два бойца» были уж очень популярны.

Но в первом, калужском сборнике, появилось и другое олицетворение — в названии стихотворения «Здравствуй, жизнь!».

Тут был высокий прецедент, хоть о нем, читая стихотворение, вспомнишь не сразу: «Сестра моя — жизнь». Но он сам, конечно, помнил — он всегда, со студенческих лет, преклонялся перед Пастернаком, был им переполнен, встретился с ним однажды и читал ему первые стихи, в которых ему же и подражал¹⁰. Окуджаву тоже, вслед за Пастернаком, олицетворил жизнь, «создал себе богиню», чтобы было кого благодарить.

***

Формула «здравствуй, жизнь!» заключала в себе и еще одно свойство, чрезвычайно для стихов Окуджавы характерное. Свойство грамматическое — сочетание обращения и повелительного наклонения. Примеры вспомнить нетрудно: «полночный троллейбус, по улице мчи», «вставай, вставай, однополчанин», «живописцы, окуните ваши кисти», «возьмемся за руки, друзья», «собирайтесь-ка, гости мои, на мое угощенье», «не клонись-ка ты, головушка», «не оставляйте стараний, маэстро...», и так далее, и так далее — десятки, если не сотни, случаев.

Началось же с песенки, которую автор называл своей первой жанровой пробой, — «Неистов и упрям, / Гори, огонь, гори...». Можно предположить, что жанром эта форма и была востребована, — песня поется для кого-то, кому-то, хоть себе: «Не клонись-ка ты, головушка...». Тем более оказалась такая форма оправданной во времена, когда Окуджаву обратился к залу.

О стиле и смысле этой «грамматики поэзии» хорошо в свое время написала Н. Крымова: «...повелительные наклонения в стихах Окуджавы лишены повелительной интонации. Это именно

наклонение к читателю, а не жест приказа, поучения, призыва и тому подобное. Встань пораньше — и ты увидишь, не сможешь не увидеть. Прислушайся — и услышишь, неужели ты не слышишь?! Это надежда, внушаемая другому. Свой слух и зрение, передаваемые другому. Почти во всех стихах — ощущение этого "другого" человека, которому может стать легче, лучше. Нужно только сделать усилие¹¹.

Действительно — не приказ, не призыв, они и так звучали непрерывно в советской до края милитаризированной и идеологизированной действительности. Может, как раз вместо них? И даже — в споре с ними, хоть и необъявленном, тихом, но действенном?

И про постоянное присутствие «другого» тоже сказано верно. Тут можно обратить внимание на то, что в паре «обращение» + «императив» первое у Окуджавы даже важнее, чем второе, и часто существует от него отдельно: «Ель моя, Ель, словно Спас на крови / твой силуэт отдаленный...» или «Господа юнкера, кем вы были вчера?» — в предложении вопросительном.

Поэзия Окуджавы — это, в значительной мере, «ты-лирика», лирика второго лица. Второго, но, конечно же, и первого, которое к тому наклонено. Лирика диалога, часто — внутреннего, с собой, с собственной жизнью¹².

***

В выражении «здравствуй, жизнь!» оттенок побудительности был почти неразличим, «здравствуй» — это как бы лишь этикетный словесный жест со стертým предметным значением. Но и тут характерная для Окуджавы черточка: он как раз любил, чтобы поэтический смысл слова светился сквозь его бытовую кору неярко, он и тут зовет нас — снова вспомним его барабанщика — «...прислушайся... взглядишь». И название «Будь здоров, школяр» так же сделано: формально говоря, прощание, а в глубине — пожелание. И в строках «До свидания, мальчики! Мальчики, / постарайтесь вернуться назад» опять — разлука, в которой сквозит упование на встречу. Вполне, впрочем, безнадежное упование.

Скажем, у Е. Винокурова тоже было совсем печально, но понятней, логичней: «В полях за Вислой сонной / Лежат в земле сырой / Сережка с Малой Бронной / И Витька с Моховой... Но помнит мир спасенный, / Мир вечный, мир живой...» — хорошие стихи, очень хорошая советская песня.

А у Окуджавы — если прислушаться — все довольно странно: из своего 1958-го он обращается к тем, которые в 1945-м, скорее всего, не пришли. Он призывает их вернуться. «Постараться» вернуться. Но для этого нужно, как минимум, повернуть вспять время. И разве это зависело от «старания»? И как это «постарайтесь» соединяется с прежде сказанным «и себя не щадите вы»? Будто сразу два голоса, но один из них в приказной интонации повторяет, воспроизводит тему романтическую и героическую, адекватную советской идеологии, в рамках которой высшее благо — гибель за Родину, а другой, просительный, ведет свою.

Душа принадлежала разным мирам, лепили ее разные силы, оттого и пела по-разному.

Не вели, старшина, чтоб была тишина.
Старшине не всё подчиняется.

(«Не вели, старшина, чтоб была тишина...»)

Старшина, конечно, не высшая инстанция. Есть посильней.

Эту грустную песню придумала война...
Через час штыковой начинается.

И начинается песня. Пронзительная, как говорится, и лиричная, в лучших традициях Окуджавы и совсем в его духе:

Земля моя, жизнь моя, свет мой в окне...

И — стоп. Обрывается. После многоточия — уже другая песня пошла, не грустная — с раскатом на «р», героическая:

На горе врагу улыбнусь я в огне.
Я буду улыбаться, черт меня возьми,
в самом пекле рукопашной возни.

И так далее — вплоть до гибели, тоже героической и красивой и тоже грозящей врагу:

А если, на шаг всего опередив,
достанет меня пуля какая-нибудь,
сложите мои кулаки на груди
и улыбку мою положите на грудь.
Чтоб видели враги мои и знали бы впредь,
как счастлив я за землю мою умереть!
...А пока в атаку не сигналила медь,
не мешай, старшина, эту песню допеть.

Так что же? — наверное, это и не песня была. Героическая греза... Орленок, орленок, гремучей гранатой... И ровно строчил пулемет... И за желанную свободу мы все боролись и умрем, умрем, умрем!.. Все это в свое время весело распевали кузнецы своего счастья. Так и мальчика воспитали, под этими знаменами.

Но он был не кузнецом — кузнечиком. И песню хотел спеть грустную. И про другое. Но так и не спел, только тихо и стесненно сказал перед тем, как прикажут ему идти в смертный бой:

Пусть хоть что судьбой напорочится:
хоть славная смерть, хоть геройская смерть —
умирать всё равно, брат, не хочется.

Конечно, не песня. Но зато правда здесь, а не там, где про улыбку на груди и про счастье умереть, за что бы то ни было самое великое.

Книга «Острова», 1959 года. Тут открылось «я», в «Лирике» его почти не было — там в основном объективно-описательно, или повествовательно, или публицистично.

Здесь же — до крика, сбивающего все метрические рамки:

Кричу, обессилив,
через хрипоту:
«Пропадаю!»
И к ногам осины,
весь в поту,
припадаю.

Жить хочется!
Жить хочется!
Когда же это кончится?..

Это «Первый день на передовой», удивительная исповедь, в которой Окуджава сделал самый немислимый шаг в сторону от советского канона — решился пожалеть не только других, но и себя. Решился признать в невозможном — в том, что человеку жаль собственной жизни, той единственной, реальность которой дана ему непосредственно.

Конечно, это сон, только сон, которого мальчику стыдно, — тут даже «осина» не совсем случайна, но, припадая «к ногам» ее, он все же оказывается в позе другого евангельского персонажа.

Но к чему относится вопрос «когда же это кончится»? К войне или ко сну? Или к тому и другому сразу, что не так бессмысленно, как может показаться:

Нас время учило:
живи по-походному, дверь отворя..
Товарищ мужчина,
а всё же заманчива доля твоя:
весь век ты в походе,
и только одно отрывает от сна:
чего ж мы уходим,
когда над землю бушует весна?..

Последняя строфа, последний куплет известной песни Окуджавы «Простите пехоте...» («Песенка о пехоте»). Что тут значит «и только одно отрывает от сна», так неожиданно присоединенное к жизнерадостным словам о «заманчивой доле» мужчины, солдата, который «всегда в походе»? То, что война — сон, тяжелый, бредовый. Возвращающийся кошмар. Может, и вся история тоже, поскольку она всегда история войн.

А ту солдатскую «заманчивую долю» (или «должность», как в одном из вариантов) хвалят еще и строчки из «Душевного разговора с сыном»:

Когда погорельцы брели на восток
и участь была их горька,
он в теплом окопе пристроиться смог
на сытную должность стрелка..

Можно вспомнить и «Песенку веселого солдата», там тоже много заманчивого, но это уже прямой сарказм:

Забуду все домашние заботы.
Не надо ни зарплаты, ни работы.
Иду себе, играю автоматом...—
Как просто быть солдатом, солдатом.

А если что не так — не наше дело:
как говорится, «родина велела».

И слова «автомат» — слово, смысл которого у Окуджавы слегка превышает буквально-технический, распространяясь и на того, кто оружием владеет. Так и в «Оловянном солдатике моего сына» — ребенок играет солдатиком, солдатик — автоматиком:

Живет солдатик оловянный
предвестником больших разлук
и автоматик окаянный
боится выпустить из рук.

Живет защитник мой, невольно
сигнал к сраженью торопя.
Спроси его: «Тебе не больно?»
И он прицелится в тебя.

Поразителен здесь этот «защитник», который непременно прицелится в подзащитного, пулей ответит на жалость, поскольку исключений быть не может, если автоматик в руках у автомата!

Впрочем, все уже было у Льва Николаевича Толстого, хоть и не дожил он, слава Богу, до изобретения индивидуального стрелкового автоматического оружия. Но про войну как обыкновенное массовое убийство говорил бесконечно. И про то, что «война только неизбежное последствие существования войск». И про автоматические механизмы организованного насилия: «В измененном лице капрала, в звуке его голоса, в возбуждающем и заглушающем треске барабанов Пьер узнал ту таинственную, безучастную силу, которая заставляла людей против своей воли умерщвлять себе подобных...».

III

Толстовский ключ открывает повесть «Будь здоров, школяр»: «В детстве я плакал много. В отрочестве — меньше. В юности — дважды...». Дальше тоже разного рода отсылки к Толстому в повести хватает. А начинается она эпизодом, особенно напоминающим «Севастополь в августе 1855 года», где семнадцатилетний юнкер Володя Козельцов, только приехав в осажденный город, попадает под обстрел: «“Убьют, буду мучиться, страдать. И никто не заплачет!”. И все это вместо исполненной энергии и сочувствия жизни героя, о которой он мечтал так славно. Бомбы лопа-

лись и свистели ближе и ближе. <...> "Один, один! Всем все равно, есть ли я или нет меня на свете", — подумал с ужасом бедный мальчик, и ему без шуток захотелось плакать».

А вот другой бедный мальчик, очень похожий на того, но здесь не просто реминисценция, но и опыт, такой близкий у обоих авторов: «Второй раз я плачу сейчас здесь в моздокской степи. Я несю командиру полка очень ответственный пакет. Черт его знает, где он, этот командир полка! Песчаные холмы похожи один на другой. Ночь. А я второй день на передовой. А за невыполнение приказа — расстрел. А мне восемнадцать лет. <...> И я утираю слезы».

Нашу критику это очень тогда, в начале 60-х, опечалило — и повесть в целом, и, в первую очередь, сам «школяр»:

«Вся история великой войны с фашизмом представляется ему всего лишь историей о том, "как меня убить хотели, но мне повезло" <...>. Скверные идеи, неприглядный герой»¹³;

«Все покрыто какой-то дымкой мрачного предчувствия неминуемой беды»¹⁴;

«Повесть Б. Окуджавы не только далека от главной линии развития нашей литературы, но вообще не имеет ничего общего с литературой социалистического реализма»¹⁵.

И действительно, с этой самой литературой и с ее главной линией Окуджава и в повести, и во всем остальном не имел уже тогда ничего общего — он, как мы видели, придерживался другой линии. Но Л. Толстого тут критики не узнали. (Или узнали — они были образованные люди, — но не подали виду. Поскольку у нас был тогда в широком официальном употреблении другой Л. Толстой, специально приготовленный щербинами и ломуновыми, — матерый человечиче, неутомимо, будто неандерталец, размахивающий «дубиной народной войны».)

Для Окуджавы Толстой был важен всегда и бесконечно — художественно, нравственно, философски. В его отношении к природе и к Богу, к войне и к любви, к человеческой крови и к человеческим слезам.

В «Путешествии дилетантов» мы слышим отзвук кавказских вещей Толстого, от «Набега» до «Хаджи-Мурата» (с толстовской повестью соотнесены там не только батальные эпизоды, но и приватный портрет Николая I). И там же идет диалог с романом-эпопеей, еще более явственно продолженный «Свиданием с Бонапартом».

В «Похождениях Шипова» героем Окуджавы становится сам Толстой, пусть почти не участвующий фабульно. Вокруг него кипит полицейская возня, а он и не ведает — просто живет вольной жизнью частного человека, едет в степи «на кумыс», пишет с дороги тетушке Ергольской.

Наконец, в автобиографическом рассказе Окуджавы «Частная жизнь Александра Пушкина, или Именительный падеж в творчестве Лермонтова» и в его повести «Новенький как с иголочки» дело происходит в калужской деревне Шамордино. А там в 1910-м Толстой, бежавший из Ясной, останавливался у монахини-сестры Марии Николаевны, и там же, волею случая, сорок лет спустя

Окуджава стал работать в сельской школе, учил русской литературе крестьянских ребят.

***

О присутствии толстовского начала в прозе Окуджавы говорить просто, в поэзии — труднее.

Там, правда, звучит слово Льва Николаевича — в виде короткой цитаты:

Его расстреляли на майском рассвете, и вот уже он далеко.
Всё те же леса, водопады и запах акации острый.
А кто-то ж кричал: «Не убий!» — одинокий... И в это
поверить легко,
но бредили кровью и мезтью святою все прочие братья и
сестры.

(«Мой отец»)

Это об отце-комиссаре, и библейское, толстовское «не убий!» отнесено не только к тем, кто его казнил, но и к нему самому, веровавшему в другое добро — на крови — и павшему жертвой собственной веры.

Может быть, еще в ранних «Островах», в первых же строках книги, толстовский перифраз можно угадать:

Много ли нужно человеку,
идущему по земле...

(«Много ли нужно человеку...»)

«Много ли человеку земли нужно?». И еще — в стихотворении «В городском саду», где сказано, что, мол, когда звучит музыка, то «виноватых нет».

Но стихотворные цитаты из Толстого мы у Окуджавы искать не станем, их, конечно, не найти — стихи Лев Николаевич писал мало, только в ранние годы. Сочинил, будучи молодым артиллерийским офицером, сатирическую солдатскую песенку — «Как четвертого числа / Нас нелегкая несла...».

Хотя девятнадцатилетний артиллерист Окуджава тоже начал в 1943-м со строевой, первую строчку которой он даже помнил: «Нам в холодных теплушках не спалось...» (интересно, что уже в это время он был склонен к оксюмору).

Можно, конечно, говорить о тяготении Толстого к народной песне, которую он (из принципа!) ставил выше любой симфонии или фуги. Или о его пристрастии к цыганскому романсу под гитару — Федя Протасов говорит у него, послушав Машино пение: «...это настоящее».

Но дело не в жанровых предпочтениях. Связь лирического мира Окуджавы с толстовским космосом начинается на уровне самых общих ценностных оснований и корней. В какой-то мо-

мент, ближе к концу 1950-х, он оторвался от советского канона, от всех его разновидностей — и героико-романтических, и мону-ментально-классицистических, — и устремился туда, куда всю жизнь не переставал стремиться учитель с его неприятием всякого рода искусственности и фальши, — к первичному и простому, в котором он тоже, вслед за Толстым, увидел то самое, «настоящее».

«Я люблю парное молоко, но я от него отказываюсь, потому что не хочу, чтоб вы подумали, прекрасная Настасья, что я имею виды. Давайте забудем об этом. Посмотрите лучше, какое вокруг небо! А я ведь приехал не затем, чтобы наслаждаться парным молоком, а чтобы в полной мере почувствовать вашу красоту. И это настроило меня на высокопарный лад, хотя я в общем прост и избегаю особой выразительности. Но там, где я живу, а именно в городе, и в самом центре, там люди отучаются от свободного течения слов, а говорят лишь то, что крайне им необходимо по всяким условиям... Позвольте мне говорить, как у меня выливается, и нисколько не заботиться о том, какое это произведет впечатление на окружающих. Я плохого ничего не скажу, потому что думаю только хорошее, а уж как это будет сказано, пусть останется на моей совести».

Этот обширный абзац — начало опубликованного в 1966-м рассказа Окуджавы «Промоксис», герой которого Паша Сытов, токарь и гитарист, сидит на чужом крылечке и мыслит обо всем на свете, и в этих его вольно текущих мыслях проступает что-то вроде программы автора рассказа, и нравственной, и художественной, — с поправкой, конечно, на самоироничную усмешку этого автора, который прекрасно понимает, что, если бы он принял тон истовой толстовской серьезности, вышло бы просто смеху подобно.

Но программа, по существу, та самая, требующая полной естественности чувств и свободной простоты их выражения. Той «неслышанной простоты», сказав о которой Пастернак, может, Толстого и имел в виду — Толстого, пришедшего в конце концов к народным рассказам и притчам и к прямой проповеди добра, — ибо на ересиарха всеобщей любви и указывает, видимо, словечко «ересь», приложенное Пастернаком к понятию простоты.

Сам Борис Леонидович тоже во второй половине пути держался как раз этих ориентиров — писал простую прозу, порой казавшуюся искушенным людям наивной, потому что «сложное понятней им». И простые стихи, похожие на притчу или на исповедь:

В горячей духоте вагона
Я отдавался целиком
Порыву слабости врожденной
И всосанному с молоком...
.....
Превозмогая обожанье,
Я наблюдал, боготворя.

Здесь были бабы, слобожане,
Учащиеся, слесаря...

«С молоком» Пастернак, как мы знаем, впитал завещанное Толстым, «духом которого, — по собственным пастернаковским словам, — был пропитан» дом его родителей. И вот теперь его снова одушевляли те же мысли и чувства — он едет в духоте вагона, среди простых людей, как и Лев Николаевич в его последнем странствии, и хоть и пытается превозмочь свое «обожанье», но «боготворит», то есть любит их всех бесконечно. Дух, здесь не названный, присутствует во всем — в этих людях и думах, в этой горячей духоте.

***

Все эти вещи назвать было совершенно необходимо, потому что как раз здесь, в зоне толстовских и пастернаковских тяготений, по существу однородных, Окуджава себя наконец и обрел. И как Пастернаку было дано раз в жизни увидеть живого Толстого, а потом, в 1910-м, случилось его хоронить, так и Окуджава в 1960-м хоронил Пастернака, в Переделкино, где потом поселился и сам, храня в памяти единственную свою с ним живую встречу.

Отказавшись в положенный срок от буквального подражания Пастернаку, он сохранил его духовные настройки, и странно знать, что не он, а еще его учитель сказал вот это:

Мирами правит жалость,
Любовью внушена,
Вселенной небывалость
И жизни новизна.

У женщины в ладони,
У девушки в горсти
Рождений и агоний
Начала и пути.

И, конечно же, когда он писал: «Поверьте, эта дама из моего ребра», то вспоминал не только стих 21—23 второй главы Книги Бытия, но и пастернаковскую «Еву»:

Ты создана как бы вчерне,
Как строчка из другого цикла,
Как будто не шутя во сне
Из моего ребра возникла...

И его новогодняя жертвенная Ель тоже плоть от плоти пастернаковских — и тех, что были еще в предвоенных «Вальсе с чертовщиной» и «Вальсе со слезой», тоже дактилических, и позднейшую, из «Зимних праздников»:

Надо, чтоб елкою святочной
Вечность средь комнаты стала.

Чтобы хозяйка утыкала
Тысячью звезд ее платье,
Чтобы ко всем на каникулы
Съехались сестры и братья... —

что, в свою очередь, заставляет вспомнить чудного «Кузнечика» Окуджавы, где тоже о вечности, о бессмертии любви, о «таинственном, возвышенном и страстном» хоре «зеленых братьев и сестер», хотя и то и другое восходит, понятно, к одному источнику, который называть нет необходимости.

А ведь еще есть у Пастернака и «женщины в дешевом затрапезе», которые «ночью топчут башмаки», — родные сестры «ситцевых женщин» Окуджавы. И ставший эмблематичным для Окуджавы момент рыцарского коленопреклонения перед женщиной-королевой, но в самой простой, бедной на взгляд, обстановке —

Женщина, Ваше Величество,
как Вы решились сюда?

О, Ваш приход — как пожарище,
дымно и трудно дышать.
Ну, заходите, пожалуйста,
что ж на пороге стоять... —

он тоже предсказан Пастернаком — в его «Вакханалии», где и топография та же — порог, лестница:

И свою королеву
Он на лестничный ход
От печей перегрева
Освежиться ведет...
.....
Перед нею в гостиной
Не встает он с колен...

О пафосе этих стихов Пастернак сказал в письме к актрисе Алле Тарасовой, и признание его тоже способно осветить смысл связи, существовавшей между его поэзией и творчеством Окуджавы, в том числе и песенным: «...Я это задумал под знаком вакханалии в античном смысле, то есть в виде вольности и разгула того характера, который мог считаться священным и давал начало греческой трагедии, лирике и лучшей и доброй доле ее общей культуры. Тут где-то совсем рядом находится роль и действие банальности и цыганщины не только у Ап. Григорьева, Блока и Есенина, но и в мире Лермонтова, и которую знал в себе и всю жизнь в себе подавлял Лев Толстой...»

То обстоятельство, что здесь снова возникает имя Толстого, уже и не удивительно, так оно и должно быть — единство в духе

просто неизбежно будет порождать множество частных совпадений и соответствий.

Вот еще одно. В пастернаковском цикле 1931 года «Волны» есть место — прямо предшествующее общеизвестным строфам про сверхъестественную естественность больших поэтов и про ересь «неслышанной простоты», — где поэт называет себя «переростком-муравьем». Ближайший контекст, вероятнее всего, как мы говорили, толстовский, заставляет предположить происхождение этого «муравья» от тех самых пребывающих в вечной любви «муравейных братьев», которыми воображали себя в детстве Левушка и Николенька Толстые.

Кажется, что и «московский муравей» Окуджавы — непременный член этого вечного братства.

IV

Толстой и Пастернак дали ему настройку души, но надо было еще поставить голос.

Начиная с «Островов», он уже становится узнаваем, индивидуален, и — парадокс — тут помогли обращения к творчеству анонимному и полуанонимному. К фольклору и к так называемым «низовым» художественным явлениям.

Он обратился в ту сторону, отвернувшись ото всего официально одобренного и процветавшего в советском искусстве, и этот выбор, наверное интуитивный, оказался в его случае оптимальным. Не только потому, что это оказалось продуктивной стилиевой альтернативой, но и потому, что, войдя в соприкосновение с народным искусством (настоящим, органическим, а не советскими фальсификатами), он соединился с тем мирозерцательным, философским, нравственным источником, откуда, собственно говоря, черпали и Толстой, и Пастернак, его учителя. Глубину этого источника, его плодотворную способность знали и умели оценить, конечно, многие.

Старательно мы наблюдаем свет,
Старательно людей мы наблюдаем
И чудеса постигнуть уповаем:
Какой же плод науки долгих лет?
Что наконец подсмострят очи зорки?
Что наконец поймет надменный ум
На высоте всех опытов и дум,
Что? Точный смысл народной поговорки.

Это Баратынский — умница, скептик, меланхолик. Его собственная строчка тоже стала народным достоянием — «Не искушай меня без нужды». Кажется, только эта одна. Благодаря романсу.

У Окуджавы больше: «Возьмемся за руки, друзья...», «Не запирайте вашу дверь...», «Давайте понимать друг друга с полуслова...» — и так далее, все эти его многочисленные обращения и

призывания, половина которых — воспользуемся пушкинской формулой — вошла в поговорку (ну, не в поговорку, в крылатые газетные заголовки, что, применительно к нашему времени, почти то же самое)¹⁶.

Такого у нас, кажется, не случилось со времен Крылова и Грибоедова. Как и они, Окуджава умел слышать и преобразить в стихи фразу обыденного разговора, как и Пушкин, учившийся у московских просвирен, любил просторечие и понимал его таинственную лирическую эффективность¹⁷. Следовал тем образцам очень прилежно, в пении своем воспроизводя даже архаичные фонетические причуды:

И березовыЯ ветки
вместо пальцев у него,
а глаза его березовыЯ
строги и печальны...

(«Чудесный вальс»)

Двигаясь по этому пути, он осмеливался порою забредать и за грань нынешних акцентологических норм — писал, например: «Все ухищрения и все уловки / не дали ничего взамен любви...» («То падая, то снова нарастая...»). Или: «покуда не повторится опять...» («Прощание с осенью»), изменив, правда, впоследствии на орфоэпически безукоризненное — «пока не повторится всё опять...». Может, уступил пожеланиям редакции — понятно же, что «покуда» было ему здесь дороже, чем «пока», и неправильное ударение милее верного. Конечно, это могли быть просто ошибки, но, если и так, они тоже знаменовали присущий Окуджаве вкус к речевой простоте и свободе — «Ах, были б помыслы чисты! А остальное всё приложится...». Дух-то все-таки важнее буквы. И потом — чем случайней, тем вернее.

***

Окуджава брал уроки у русского фольклора, у многих его жанров, начиная с былин: «Мне нравилась их ритмика — какая-то странная, их постоянные эпитеты, некоторая наивность. У меня потом в первых песнях проявилась подобная наивность — наверное, под их влиянием»¹⁸. Нравилась ему народные лирические песни — «Летят утки...»¹⁹, упомянутый им как-то «чапаевский» «Черный ворон», перелетевший впоследствии в его собственные вещи — в «Примету», в стихотворение «Черный ворон сквозь белое облако глянет...». Затем шуточная: «За морем синичка непышно жила, / непышно жила, пиво варивала...», вольно подражая ритму которой он, по собственному признанию, написал свою «Тамань»²⁰:

Год сорок первый. Зябкий туман.
Уходят последние солдаты в Тамань...

Затем частушки, хорошим знакомством с которыми он был обязан Виктору Бокову: «...он мне пел громадное количество частушек, и среди них каждая десятая — гениальная. Удивительно! Меня это поражало. Я помню, как у меня потом пошел ряд песен: "Ты в чем виновата?", "Она меня не щадит" — вот это все оттуда пошло. И "Ванька Морозов", в общем, тоже»²¹.

По поводу «Ваньки Морозова» можно предположить еще и то, что возник он не без влияния послевоенной анонимной песенки «С деревьев листья облетают (ексель-моксель!)...» — близкой и мелодически, и стилистически. А в песенке «Из окон корочкой несет поджаристой...» чуть-чуть отразился знаменитый «Цыпленок жареный...», на что намекает, кроме стихотворного размера, сходство «жареных» эпитетов (это, видимо, было угадано П. Суrowsым, пародия которого на Окуджаву начинается строкой «Собачка с курочкой бежит поджаристой...»²²). Тут уже городская, дворовая стихия.

Вспоминал Окуджаву, говоря о своих истоках, и «блатной» фольклор (без особого нажима), и старинные солдатские песни²³, подражания которым он писал начиная с 50-х: «Ах, война, она не год еще протянется...», «Шла война к тому Берлину...», «Аты-баты, шли солдаты...», — вплоть до поздней «Приметы». И старинные студенческие песни — они тоже не раз становились у Окуджавы объектами стилизации, еще с тех пор, когда он сам был студентом тбилисского университета. «По моим представлениям, — рассказывал он, — студенческая песня должна была быть очень грустной, типа "Быстры, как волны, дни нашей жизни" или что-нибудь в этом роде. И вот как-то однажды я подсел к пианино и двумя пальцами стал подбирать музыку к стихам "Неистов и упрям, гори, огонь, гори..."»²⁴.

Ориентир, указанный тут Окуджавой, знаменателен не только в жанровом смысле, но и как точный показатель его мироощущения, в основе своей элегического, меланхолического. О краткости человеческого срока он потом будет петь всегда и однажды прямо процитирует горькую мудрость давних студенческих вакханалий: «За волной волна, и это значит: / минул век...» («Русского романса городского...»). Его волновала тайна «русского романса городского», столь сильно действующего своими «средствами простыми».

Некая рефлексия по поводу жанра содержится в «Путешествии дилетантов»:

«...Помнишь ли груб заунывные звуки,
брызги дождя, полусвет, полутьму?..

Какие по отдельности нескладные, вялые слова, а в целом это страшный эпизод из чьей-то жизни, и от звучания этих слов избавиться нельзя... "...полусвет, полутьма..."».

Мы знаем, из чьей это жизни эпизод: Некрасов, «Еду ли ночью по улице темной...», правдивая история горя и греха, так что не совсем романс. Но для Окуджавы строки эти были, видимо,

камертоном жанра, и основания тут имелись — Некрасов ведь тоже оттуда брал. И не беда, что строчки эти звучат по романному календарю «Путешествия дилетантов» в 1846-м, тогда как стихотворение было написано только в 1847-м. Романс говорит о вечном — о двоих, отправших от времени, о царстве любовной Утопии, — и, стало быть (пусть вопреки логике и фактам), вечен сам²⁵.

Непременная банальность отполированных всеобщим употреблением романсовых формул Окуджаву не смущала, а притягивала, — «Все банально, что вечно живет», сказано в одном его стихотворении. Вечное под покровом банального — это как у Блока.

V

В черновых записях М. М. Бахтина остались наброски статьи: «Миросозерцательное значение слез и печали. Слезный аспект мира. Сострадание. <...> Стерн. Культ слабости, незащитности, доброты и т. п. — животные, дети, слабые женщины, дураки и идиоты, цветок, все маленькое и т. п. <...> Правда не может торжествовать и побеждать. Слезы (наряду со смехом) как пограничная ситуация (когда практическое действие исключено). Слезы антиофициальны (и сентиментализм). Казенная бодрость. Бравурность. <...> Сентиментальная идиллия. <...> Сентиментальная апология семейного быта. Чувствительный романс. Сострадание, жалость, умиленность. Фальшь. <...> Реакция на неоклассическую героиню и на просветительский рационализм. Культ чувства. Реакция на критический реализм больших масштабов. Руссо и вертеризм в русской литературе»²⁶.

Если не знать, что это была заготовка к статье о Достоевском и сентиментализме, можно было бы вообразить, что Бахтин собирался писать об Окуджаве — столь многое из того, что определяет его творчество, оказалось здесь названо (разумеется, в силу крайней конспективности, без пояснения того, что относится к миру сентиментализма и чему он противопоставлен).

Русская литература подошла к сентиментализму во второй половине XVIII столетия — тогда господство государственного искусства стало убывать, торжественная ода тяжело подвинулась с главного места, освобождая краешек для задумчивой элегии, интимного дружеского послания, лирической песни. Появился интерес к фольклору, на который прежде, в классицистическую эпоху, и не смотрели. Полюбили гитару — она была воспета Державиным в стихотворении «Цыганская пляска». А одним из первых на этот путь стал Александр Петрович Сумароков, который рядом с пышными одами и важными трагедиями стал писать и плачевные элегии, и любовные песенки. И, видимо, недаром оказался он одним из главных героев киноповести Булата Окуджавы и Ольги Арцимович «Мы любили Мельпомену».

Вообще в прозе Окуджавы приметы сентименталистской культуры встречаются на каждом шагу. Они и в жанрах — в «путеше-

ствиях», полных всякого рода сердечных перипетий, в интимных дневниках героев, в их письмах. Они в названиях: «Бедный Авросимов» напоминает о «Бедной Лизе», «Путешествие дилетантов» сразу определяет героев как людей частных, «Свидание с Наполеоном»... что ж, тут хотя бы половина названия относится к приватной сфере. Там, в этой прозе, упоминаются и Стерн, и Руссо, и Карамзин — для сентиментализма, европейского и русского, фигуры «заглавные».

И, разумеется, Толстой — прямой наследник Руссо по сентименталистской линии, которая дальше продолжилась в стихах Пастернака, писавшего «о феврале навзрыд», воспевавшего сад, забрызганный «мильоном синих слез» и жившего под постоянной нештучной угрозой все новых и новых счастливых излияний: «И вспомню я всех, и зальюсь я слезами, / И вымокну раньше, чем заплачусь я...».

***

Во второй половине XX века некоторые условия, вызвавшие в свое время появление сентиментализма, повторились.

Автор настоящей статьи слышал однажды, как поэт Давид Самойлов сказал в одном из своих ленинградских выступлений: «Мы были классицистами, — ну, а Окуджава... он — сентименталист...». Самойлов говорил тогда о себе и о своем поколении — Когане, Кульчицком, Слуцком. Он не ставил оценок — просто признал тот факт, что для него и его друзей предвоенной поры ценности надчеловеческого порядка — революция, государство, народ, история, да и культура, понятая как часть большой истории, — значили поначалу больше, чем ценности частного существования.

Аксиология Окуджавы выстраивалась иначе. Его появление стало самой отчетливой сентименталистской реакцией на «неоклассическую героинку» сталинского государства — и в художественном смысле, и в моральном. Он, конечно, был не единственным воплощением этого начала — сентименталистские черты можно было увидеть у многих — в прозе Паустовского и Пановой, в поэзии, скажем, Евтушенко, Ахмадулиной, в стихах того же Самойлова, когда он писал о своем московском младенчестве или об алтайском пахаре Семене Андреече Косове...

Но Окуджава, наверное, оказался тут последовательней других — в пафосе жалости и сострадания, в сосредоточенности на судьбе отдельного человека, в неприятии государственного насилия, украшаемого обычно цветами официального оптимизма.

Он пошел на риск реабилитации слабости — той правды, что «не может торжествовать и побеждать». Так он и писал в цикле «По дороге к Тинатин»:

Не заботясь о завтрашней участи,
на границе у света и тьмы
не о мужестве,

не о могуществе,
а о слабости молимся мы!..

(«Как разбитая белая армия...»)

Началось все это еще в «Лирике», где автор вступал в разговор со своим сердцем («Сердце скажет»), где бессильно опадающие листья оказывались способны переменить жизнь целого города («Листва багряная — осенние цветы...»), где были даже избыточно сентиментальные стихи про сынишку «в бумазейной рубашке, в штанишках коротких / и с глазами — двумя озорными синичками, / с развеселю ямочкой на подбородке...» («Здравствуй, маленький...»).

Камертоном «Островов» стало стихотворение, поставленное там первым, — «Много ли нужно человеку...», — где зазвучало «женское распевное "до свиданьица", / теплое, как парное молоко». Этот простой и обычный дорожный привет был там истолкован как главное жизненное напутствие и воплощение вечной правды:

Всё пройдет, а оно останется,
всё утихнет, а оно —
нет.

«До свиданьица,
до свиданьица» —
до конца твоих лет
вослед.

Свойственный сентиментализму дух естественности выражен там даже в мелких особенностях синтаксиса. Когда, допустим, стихотворение начинается словами:

А месяц тонкий-тонкий,
засахаренный, ломкий.
А мрак такой нечеткий,
и где-то у избы
поют себе девчонки,
не ждут своей судьбы... —

(«А месяц тонкий-тонкий...»)

то этот повторяющийся в начале фраз алогичный союз «а» сразу дает почувствовать тон беззаботной наивности, беспечности, когда все равно хорошо и все равно, о чем, и как, и зачем, и в каком порядке, и пусть несладко, зато ясно все и просто:

А девчонки ждут ребят,
в хаты не хотят.
А девчонки стариков
слушать не хотят... —

это уже в стихотворении «Лето», где в конце дана, пожалуй, кратчайшая формула естественного счастья:

Две склоненных головы
в зелени травы.

Сельская идиллия.

В стихах Окуджавы развернута широкая идиллическая география — тут и дворы, московские и тбилисские, и деревенские околицы, и маленькие провинциальные города, и даже большой город Москва — в том ее аспекте, который традиционно обозначался словами «большая деревня». Это целые страны (в первую очередь, Грузия) и, конечно же, его Арбат, который можно было бы назвать «столицей идиллии», если бы этот мир не чуждался любых атрибутов власти и государственности. Идиллия хорошо себя чувствует и в уютной комнате (стихотворение «Эта комната», посвященное К. Г. Паустовскому), и «в гостинице районной, где койка у окна / всего лишь по рублю», она воплощается в чаепитии («Чаепитие на Арбате»), в неторопливом дружеском разговоре («Божественная суббота...»).

Население этой страны мы тоже узнаем сразу — уже по именам, по способу обращения, далекому от этикетных условностей: Ленка Королев, Ванька Морозов, Петька Галкин, Надя-Наденька... — «пешеходы», «люди невеликие», обыкновенные, естественные во всем — в том, как едят и пьют, и смеются, и плачут, и любят.

И фауна там, в этом мире, своя, тоже обыкновенно некрупная, — всякие щеглы, воробьи, кузнечики, жуки, сверчки, пчелы, муравьи...

И флора — какие-нибудь недорогие цветы, вроде левкоев...

***

Гитарист и токарь Паша Сытов, герой «Промоксиса», всерьез подозревал, что все существующее имеет какую-то общую, единую, субстанциональную, говоря по-научному, основу. Размышляя на чужом крылечке, он все пытался ее найти, определить, постичь, и эти мысли текли в его голове длинными толстовскими периодами:

«В мире, в котором жили бабочки и стрекозы и различные звери, и росли деревья, и плыли облака; в мире, в котором люди придумали любовь с поцелуями, и песни, и подношение цветов и где соседствовали страх и смех, рождения и смерти, в этом мире ничто не могло существовать просто так, а все имело свою подоплеку...»

Писатель (и, отчасти, гитарист) Булат Окуджава подоплеку эту для себя определил словом «Природа».

Именно так и понималось дело в культуре сентиментализма: вся она строилась на постулате природной — а не исторической, не социальной, не государственной — обусловленности человеческого поведения: человек — дитя природы и часть ее, и природа эта в основе своей исполнена добра.

Надо сказать, Окуджава с удивительным постоянством, со-

вершенно не характерным для XX века, применял именно этот способ объяснения поступков людей — от «природы». Не говоря о стихах, не говоря и о прозе (где это слово встречается на каждом шагу, но может быть истолковано и как знак отдаленной сентименталистской эпохи), мы часто встречаем у него такое словопотребление в самых обыкновенных, современных, практических случаях. Рецензируя детские стихи Эльмиры Котляр, он, к примеру, замечал, что для малышей «все живые существа равны перед природой». Говоря о певице Елене Камбуровой, утверждал: «Да, природа позаботилась о ее вокальных средствах». Рассказывая о себе самом, признавался: «Дух мой, моя человеческая природа остались неизменны...» И так далее, в десятках высказываний.

Из этого основного представления вытекал ряд следствий. Скажем — о подлинной, естественной, изначальной форме объединения людей. Если это не государство, то что?

«Снег идет.

Зажгите лампы.

Меднолицые мои ученики плавно приближаются ко мне из полумрака классной комнаты. Ко мне, ко мне... Они плывут в бесшумных своих лодках. И красноватое пламя освещает их лица. И я, словно Бог, учу их простым словам, самым первым и самым значительным. <...> Я тоже меднолиц. Мы из одного племени (курсив мой. — Л. Д.)»

Слово, произнесенное в повести «Новенький как с иголочки», не раз потом повторено в стихах: «Они сидят в кружок, как пред огнем святым, / забытое людьми и Богом племя...» («Прогулки фрайеров»); «Племен (так в первой публикации. — Л. Д.) этого столпотворенья / не успокоят ни мир, ни война...» («В детстве мне встретился как-то кузнецик...»). Это уже, правда, из области этимологической, но разницы тут нет — люди и насекомые у Окуджавы, в принципе, равны и едины — все дети одной Матери-Природы:

Восславив тяготы любви и свои слабости,
слетались девочки в тот двор, как пчелы в августе;
и совершалось наших душ тогда мужание
под их загадочное жаркое жужжание...

(«Послевоенное танго»)

Узнаете? Да-да, опять Толстой, то самое «роевое начало».

VI

Знаменитые слова из третьего тома толстовского романа: «12 июня силы Западной Европы перешли границы России, и началась война, то есть совершилось противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие».

Как на нечто «противное всей человеческой природе», Толстой смотрел не только на войну, но, как мы знаем, и на государство с его атрибутами — властями, полицией, судом, казенной

церковью. Так смотрел он и на всякое насилие, из которого, в сущности, и складывается то, что принято торжественно именовать Историей. Историей, которой на самом деле и не существует, которая есть только смена форм принуждения и смена разнообразных личин, масок, одежда — лицемерных прикрытий зла.

У Окуджавы похоже:

Для чего мы пишем кровью на песке?
Наши письма не нужны природе... —

сказано в его «Старинной солдатской песне». Тут о войне. Что же касается истории в целом, то у него это тоже своего рода история моды: и в стихах его, и в прозе бесконечно варьируются мотивы одежда — серый-серый костюмчик, из под которого нелепо и гнусно торчит серая же шинель. А также ленты, кружева, ботинки, сапоги, эполеты, аксельбанты, автоматы, пулеметы — что угодно для души! Колоссальный маскарад, бездарный театр, вульгарный балаган... Но попробуй выйди из игры, скинь маску...

В стихотворении «Как я сидел в кресле царя» он ставит как раз такой эксперимент — взвешивает в собственной душе человеческое естество и сравнивает его с условностью государственных форм. Очевидно, выдуманных, искусственных. Что перевесит?

Век восемнадцатый. Актеры
играют прямо на траве.
Я — Павел Первый, тот, который
сидит России во главе.

И полонезу я внимаю,
и головою в такт верчу,
по-царски руку поднимаю,
но вот что крикнуть я хочу:

«Срывайте тесные наряды!
Презренье хрупким каблукам...
Я отменяю все парады...
Чешите все по кабакам...
Напейтесь все, переженитесь
кто с кем желает, кто нашел...
А ну, вельможи, оглянитесь!
А ну-ка денежки на стол!..»

И золотую шпагу нервно
готовлюсь выхватить, грозя...
Но нет, нельзя. Я ж — Павел Первый.
Мне бунт устраивать нельзя...

Трижды царь взывает, вернее, собирается воззвать к своим поданным и всякий раз осекается — «никак нельзя!». Что здесь —

иллюстрация к лапидарной толстовской формуле из «Войны и мира»: «Царь — есть раб истории»?

Можно прочесть и так. Можно вообразить иное: что произошло бы, например, в том невероятном случае, если бы золотая шпага все же была бы выхвачена и царь бы возглавил бунт... против кого? Ну, против государства, против системы... И пролилась бы кровь? И это и было бы счастьем?

И снова полонеза звуки.
Мгновение — и закричу:
«За вашу боль, за ваши муки
Собой пожертвовать хочу!...»

Вот он готов принести себя в жертву — может, это бы и стало искуплением? Слушайте дальше:

«Не бойтесь, судей не жалейте,
иначе — всем по фонарю».

Вот уже царь угрожает виселицей тем, кто не желает драться за собственную свободу. И пророчески возглашает:

«Я зрю сквозь целое столетье...
Я знаю, что я говорю!»

Главная авторская игра заключена именно в этих словах, но оценить ее можно только в том случае, когда вспомнишь, что строка «я зрю сквозь целое столетье» — дословная цитата из революционной книги павловского современника Александра Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Царь, самонадеянно заявляющий: «Я знаю, что я говорю» — и воспроизводящий при этом формулу чужой, радищевской, риторики, — тут уже не ирония истории, тут открытый сарказм.

Обнаруженный Окуджавой печальный парадокс заключается в том, что ложь истории входит составной частью в правду природы, они не существуют порознь, они — одно, и разять их невозможно.

И если люди действительно одно племя, то племенная их жизнь не идиллия, вовсе не идиллия про одухотворенных кузнечиков и сверчков:

В Дорогомилово из тьмы Кремля,
усы прокуренные шевеля,
мой соплеменник пролетает мимо...

(«Арбатское вдохновение»)

Это уже Сталин, тоже соплеменник. Как и тот стрелок из НКВД, который в 1938-м убил комиссара Шалу Окуджаву, отца:

И он вошел к себе домой
пить водку и ласкать детей,

он — соотечественник мой
и брат по племени людей...

(«Убили моего отца...»)

***

Происхождение насилия из самой природы — насилия, всегда прикрытого ложью, — подробно изображено в романе «Путешествие дилетантов». В авторском высказывании, напоминающем Толстого и синтаксически несколько даже утрированном: «...это двуногое, кажущееся олицетворением самоуверенности и даже наглости, истерзанное болезнями, законами, унижением, преследуемое ужасом и сомнениями, густо припудренное, чтобы хоть как-то скрыть землистый оттенок лица, завитое и напомаженное; это существо, обутое в широченные ботфорты или втиснутое в кринолин, а все для того, чтобы не были видны тонкие кривые ножки, с помощью которых оно бежит неизвестно куда; это высшее среди движущихся, не отказывающее себе в удовольствии совершать грехи, чтобы потом долго и утомительно раскаиваться в них, втайне кичащееся собой и презирающее своих собратьев, а наяву распинающееся в любви к ним и в отвращении к себе самому; владеющее сомнительным опытом любви и обремененное переизбытком коварства, как оно воспламеняется, когда его обуревают страсть обладать, властвовать, повелевать, благодетельствовать или вызывать к себе жалость».

Все начинается со страстей, которые, конечно, совершенно естественны — они и есть голос Природы в человеке. Страсти несут в себе энергию горячей крови и могут быть направлены в любую сторону.

Конечно, к любви — он хотел в это верить. В стихотворении «Два великих слова» спрашивал себя, уговаривал, сомневался, усмехался:

Не пугайся слова «кровь» —
кровь, она всегда прекрасна.
Кровь ярка, красна и страстна,
«кровь» рифмуется с «любовь».

Этой рифмы древний лад!..

Но разве «лад»? И разве «кровь всегда прекрасна»? И разве не рифмуется она также и с «убийством»?

Земля пеняет воющим людям: «Пока вы топчетесь в крови, / пока друг другу глотки рвете, / я вся в тревоге и в заботе. / Изнемогаю от любви...» («Земля изрыта вкривь и вкось...»). И соратники Сталина, «его клеветы», тоже «топчутся в крови». Это «топтанье в крови» — универсальная у Окуджавы формула и для внутренней политики, и для внешней, когда они продолжают известными средствами. Вообще — формула, так сказать, «исторического прогресса». Он ее придумал, кажется, в 1961-м и вставлял в частушку:

Ах ты, шарик голубой,
грустная планета,
что ж мы делаем с тобой?
Для чего всё это?

Всё мы топчемся в крови,
а ведь мы могли бы...
Реки, полные любви,
по тебе текли бы!

(«Ах ты, шарик голубой...»)

Война тоже, подобно любви, «неистребима, как сама природа». Писал ли Окуджава про ту Отечественную войну (в «Свидании с Бонапартом»), или про эту, или про Кавказскую (в «Путешествии дилетантов»), или про другую, тоже кавказскую, известную под псевдонимом «восстановление конституционного порядка», — о ней он много говорил в последние свои годы, — она всегда одна. Несущая смерть, равная ей, сама она бессмертна. Она присвоила себе божественные атрибуты — неизменность, вездесущность, вечность. И когда он поет, что она грохочет «по пятам», становятся неразличимы признаки пространственные и временные — она догоняет, она придет, она была, она еще будет:

Спите себе, братцы, — всё придет опять:
новые родятся командиры,
новые солдаты будут получать
вечные казенные квартиры.

Спите себе, братцы, — всё начнется вновь,
всё должно в природе повториться:
и слова, и пули, и любовь, и кровь...
Времени не будет помириться.

(«Старинная солдатская песня»)

***

Пути зла неисследимы. До поры оно затаено, спрятано в природе, в любом человеке, в тебе самом:

Когда бы Несчастье явилось ко мне
в обличии рыцаря да на коне,
грозящем со мной не стесняться, —
я мог бы над ним посмеяться.

Когда бы оно мою жизнь и покой
пыталось разрушить железной рукой
и лик его Злом искажался —
уж я бы над Ним потешался.

Но дело все в том, что в природе Оно
неясною мерою растворено
и в тучке, и в птичке взлетевшей,
и в брани, что бросил сосед на ходу,
в усмешке, мелькнувшей в минувшем году,
в газете, давно пожелтевшей.

Но в том-то и дело, что нам не видать,
когда Ему выпадет нас испытать
на силу, на волю, на долю.
Как будто бы рядом и нету Его,
как будто бы нет вообще ничего —
а раны посыпаны солью

(«Несчастье»)

Тут Окуджава издали поклонился Блоку: Рыцарь-Несчастье —
это его высокая и наивная символика, это «Роза и Крест».
Есть у него и еще нечто о мимикрии зла:

Срываю красные цветы.
Они стоят на красных ножках.
Они звенят, как сабли в ножнах,
и пропадают, как следы...
О, эти красные цветы!
Я от земли их отрываю...

(«Красные цветы»)

Это довольно странные стихи, темные — длинная цепь ассоциаций по смежности, уходящих, кажется сперва, пряником в абсурд: «Они как красные трамваи / среди полдневной суеты. / Тесны их задние площадки — / там две пчелы, как две пилы, / жужжат, добры и беспощадны, / забившись в темные углы. / Две женщины на тонких лапках. / У них кошелки в свежих латках...» и т. д. Собственно, до этого места рвущиеся нити можно кое-как еще связать: «цветы» — «пчелы» и, по какой-то идилической логике, — простые женщины, простая жизнь. Но дальше —

Они, как красные быки, идут толпою к водопою,
у каждого над головою рога сомкнулись, как венки...
Они прекрасны, как полки, остры их красные штыки,
портянки выстираны к бою.

У командира в кулаке — цветок на красном стебельке...

Оказывается, это уже про войну. И так плавлен, так незаметен переход от идиллии к убийству. Но как прервать эту цепь?

Срываю красные цветы.
Они еще покуда живы

Мы вспоминаем — было у Гаршина:

«Цветок в его глазах осуществлял собою все зло; он впитал в себя всю невинно пролитую кровь (оттого он и был так красен), все слезы, всю желчь человечества. Это было таинственное, страшное существо, противоположность богу, Ариман, принявший скромный и невинный вид. Нужно было сорвать его и убить. Но этого мало, — нужно было не дать ему при издыхании излить все свое зло в мир. Потому-то он и спрятал его у себя на груди. Он надеялся, что к утру цветок потеряет всю свою силу. Его зло перейдет в его грудь, его душу, и там будет побеждено или победит — тогда сам он погибнет, умрет, но умрет как честный боец и как первый боец человечества, потому что до сих пор никто не осмеливался бороться разом со всем злом мира». Как тот обреченный, жертвенный «бумажный солдатик».

Он переделать мир хотел,
чтоб был счастливым каждый,
а сам на ниточке висел:
ведь был солдат бумажный.

Он был бы рад — в огонь и в дым,
за вас погибнуть дважды,
но потешались вы над ним:
ведь был солдат бумажный.

«Он понимал, что вокруг него все больные, но в то же время в каждом из них видел какое-нибудь тайно скрывающееся или скрытое лицо, которое он знал прежде или о котором читал или слышал. Больница была населена людьми всех времен и всех стран. Тут были и живые и мертвые. Тут были знаменитые и сильные мира и солдаты, убитые в последнюю войну и воскресшие»...

В огонь? Ну, что ж, иди! Идешь?
И он шагнул однажды,
и там сгорел он ни за грош:
ведь был солдат бумажный.

***

Он много раз возвращался к идее жертвы — как способа разомкнуть порочный круг Добра и Зла.

Был у Окуджавы бедный Ленька-Король со своим зеркально-звуковым именем-прозвищем, увенчанный и обреченный, — в сущности, тот самый царь-жрец, о котором рассказывал Фрезер в «Золотой ветви», царственная жертва, подлежащая умерщвлению ради того, чтобы не иссякло плодородие почвы, — но не надо, заклинает песня, пусть вернется, ведь «не для Леньки сырая земля». Однако жертва принята, и война окончена, и люди спасены, вновь играет радиола, а Ленька остается навечно вписан в тот высокий мартиролог, где запечатлены и иные — и Ель, которую «сняли с креста», пирамидальным силуэтом напоминающая Спас на крови, и одинокая «вобла», эта «счастливая жертва», которую

поедают «пятеро голодных сыновей и дочек / и одна отчаянная мать»:

Удар ножа горяч, как огонь.
Вобла ложилась кусочек в кусочек —
по сухому кусочку в сухую ладонь.

(«Вобла»)

Есть еще у Окуджавы стихотворение и про другую рыбежку, с грузинским именем «храмули», что на русский слух звенит легким церковным звоном, и она вся отдает себя людям, даже с какой-то радостью, ибо «представьте, она понимает призвание свое»:

Ее не едят, а смакуют в вечерней тиши,
как будто беседуют с ней о спасенье души.

(«Храмули»)

Но если «рыба» — это символ Христа очень древний, почти двухтысячелетний, как и виноградная лоза, которую благоговейно целуют в «Грузинской песне», то «морковь», по-видимому, обрела подобный статус именно у Окуджавы — это там, где рота в стотртов насыщается перед боем ею одной, где она — одна на всех²⁷:

Шла война, и кровь текла рекою.
В грозной битве рота полегла.
О природа, ты ж одной морковью,
как Христос,* насытить нас смогла!

И наверно, уцелела б рота,
если б в тот последний грозный час
ты одной любовью, о природа,
как Христос,* насытила бы нас!

(«Одна морковь с заброшенного огорода»)

Но нет, Природа — это «тот родник, который не спасает».

***

Вот «Сентиментальный марш» 1957 года, вызвавший в свое время споры относительно его идеологического пафоса, заслуживший одобрение официоза, навлекший, с другой стороны, на поэта упреки в политическом инфантилизме и давший повод В. Набокову, переведшего стихотворение на английский и изящно процитировавшего его в романе «Ада», назвать автора «неповторимым гением»²⁸. Тоже стихи о жертве.

Три строфы образуют парадигму убывания надежды, но уже в первой не все лучезарно:

---

* Так в первой публикации

Надежда, я вернусь тогда, когда трубач отбой сыграет...

Если иметь в виду, что Война в мифе у Окуджавы обладает атрибутом вечности, то «отбой» не будет никогда. «Не для меня земля сырая...» — резон слабый, ведь и в написанной одновременно песенке про убитого Ленку Королева сказано: «Не для Ленки сырая земля...».

Но если целый век пройдет и ты надеяться устанешь,
Надежда, если надо мною смерть распахнет свои крыла,
ты прикажи, пускай тогда трубач израненный привстанет...

«Ты надеяться устанешь» — это герой говорит не себе, как иногда слышится, а самой Надежде, потому что дальше ей же: «ты прикажи...». Но Надежда, уставшая надеяться, — это когда ее нет и «приказывать» некому. Не говоря уже о том, что «целый век пройдет» сразу и гиперболо (в плане реальной человеческой жизни), и (в плане мифологическом) — литота, означающая не менее чем вечность. И если в первой строфе «вернусь... когда» означало — по прошествии некоего времени (пусть бесконечного), то во второй, вопреки всему, возникает наивно-абсурдное «чтобы»:

...чтобы последняя граната меня прикончить не смогла

В третьей — ни надежды, ни трубача уже нет, зато абсурд растет:

Но если вдруг когда-нибудь мне уберечься не удастся...

То есть что значит — «вдруг когда-нибудь»? Особенно после того, что было сказано раньше? Только парадокс, только отчаяние.

...какое б новое сражение ни покачуло шар земной...

(а оно неизбежно и катастрофично — это, скорей всего, даже не гипотетическая Третья мировая, а предреченный Апокалипсис). Так вот тогда, на пределе абсурда —

...я всё равно паду на той, на той далекой, на гражданской...

Пелось сперва — «На той *единственной* Гражданской...», и это, конечно, не в том смысле, в каком любимой женщине говорят «моя единственная», это не означало признания в любви к Гражданской войне в России 1918—1921 гг. Здесь, в словах «я всё равно паду на той...», нет также и оттенка желательности (если он угадывался, то по идеологической инерции, по аналогии с героическим «И все должны мы неудержимо идти в последний смертный бой...») — здесь только констатация неизбежного.

А «на... гражданской» — не значит ли это, что любая война, Война вообще, есть гражданская, то есть та, на которой убивают и гибнут граждане, школяры и дилетанты войны, а не какие-то специальные военные люди? В 1955-м Окуджава написал и напеча-

тал в первом варианте стихотворения «Ночь после войны» строки, для того времени достаточно нетривиальные:

А где-то в окопах в обнимку лежат
Кости берлинцев и парижан... —

не «немцев» даже, а «берлинцев»! — горожан, граждан, так что и тут Мировая война (какой жуткий оксюморон, будто нарочно передразнивающий великую и простую разделительную формулу «война и мир»!) истолкована в своей сущности как «гражданская». В «Сентиментальном марше», где — словами о покачнувшемся земном шаре — задан масштаб глобальный и, значит, поднимающий над условностью деления на «наших» и «не наших», понятие «гражданская» оказывается еще более уместным: все — граждане этого мира, этой Земли, земляки.

Позднее возник вариант «на той далекой...», — может быть, смягчавший универсальность звучания предыдущего и лучше мотивировавший «предстоящих» в последней строке «комиссаров».

Эта строка, собственно, и была главным предметом обсуждения. Здесь действительно пространство-время сжималось: это была уже Россия, XX век. Конечно, проступал момент романтический, связанный с верой в чистоту революционных истоков, Окуджаве, видимо, тогда еще присущей. Проступал момент сентиментальный, обещанный названием, — «комиссары» напоминали о погибшем отце. Но парадоксальность не исчезала, напротив: получалось, что отец (все-таки живой!) склоняет голову над павшим сыном. Интерпретированный таким образом, «Сентиментальный марш» предстает актом сыновней жертвы отцу, поэтическим его спасением, воскрешением, — момент, который особенно должен был бы поразить Набокова, если бы у него было достаточно сведений для таких догадок.

Подобная, хоть и не столь полная, инверсия «жизни со смертью» происходила и в другом стихотворении 1957 года на ту же тему:

О чем ты успел передумать, отец расстрелянный мой,
когда я шагнул с гитарой, растерянный, но живой?
Как будто шагнул я со сцены в полночный московский уют,
где старым арбатским ребятам бесплатно судьбу раздают.

По-моему, всё распрекрасно, и нет для печали причин,
и грустные те комиссары идут по Москве как один,
и нету, и нету погибших среди старых арбатских ребят,
лишь те, кому нужно, уснули, но те, кому надо, не спят...

(«О чем ты успел передумать, отец расстрелянный мой...»)

***

Стихи про полночное чудо, где погибший отец думает о своем живом сыне, где сгинувшие комиссары, как бы восстав из мерт-

вых, идут по городу, где просыпаются от смертного сна и все те, кого убили позднее, не только в застенках, а и на войне, стихи, написанные амфибрахием (и основанным на нем же дольником первых строк), — это, конечно же, что-то из старых баллад: про то, как «В двенадцать часов по ночам / Из гроба встает барабанщик...» и «В двенадцать часов по ночам / Выходит трубач из могилы...», как «...громко трубят он тревогу / И в темных могилах труба / Могучую конницу будит: / Седые гусары встают, / Встают усачи-кирасиры...». Как покойный император стремится туда, где «Оставил наследника-сына / И старую гвардию он...», а затем «Зовет он любезного сына, / Опору в превратной судьбе...». Как он «...едет по фрунту / И маршалы едут за ним...»...

...Иозеф Кристиан фон Цедлиц, «Воздушный корабль» и «Ночной смотр», переводы Лермонтова и Жуковского. Тут уже все было сказано, и там, у Окуджавы, все услышано и подхвачено — иногда горько-ироническим, иногда лирическим парафразом ключевых и эталонных строк балладного жанра. Отсюда явились и его «трубач израненный», и его, в сущности, не очень-то веселый «барабанщик», одинокий и какой-то призрачный, как блоковский Христос, невидимо шествующий «сквозь сумятицу, и полночь, и туман» и неслышимо грохочущий своими кленовыми палочками. Отсюда, из переведенных Жуковским цедлицевских строк про то, как «С востока и с запада мчатся / На легких воздушных конях / Один за другим эскадроны...», начинают свой марш в смерть гусары Окуджавы:

Все погибли в бою. Флаг приспущен.
И земные дела не для них.
И летят они в райские кущи
на конях на крылатых своих...

(«Песенка о молодом гусаре»)

Из тех же, может быть, баллад и «император в голубом кафтане», и его генералы «медленно и чинно входят в ночь, как в море...» — тоже в смерть.

«Я видел маршалов на портретах, — говорит в детской повести про войну Генка, бредящий Буденным, — умные, мужественные лица и звезды в петличках. Но почему-то, когда Женька говорит о маршалах, мне представляются шляпы с перьями, ботфорты, и плащи, и шпаги, и гнедые арабские скакуны...» Генка сочинил стихи:

С победой пройдут все бои
И встанут геройские маршалы
Пред светлые очи твои.

«Первая строчка не получилась. Но утром я прочел стихи Женьке. Женька закричал даже: — Ты великий поэт! — И он громко и нараспев прочел:

И встанут геройские маршалы
Пред светлые очи твои! <...>

Он подумал и спросил: — А что это за светлые очи? — Так всегда говорят в стихах, — сказал я. — Это даже объяснить нельзя... очи и очи. — Светлые очи... — повторил Женька, — красиво».

Интересно, специально ли Окуджава придумал для своего героя эти стихи или, может быть, вспомнил собственные детские? Может, так он и начинал? Теперь не узнать. Но что-то такое в предыстории души непременно было — слияние старого балладного романтизма с романтикой Революции, сплетение ампира сталинского с наполеоновским. А потом из детских заблуждений ли, прозрений ли стали вырастать стихи, и тут тоже «старая гвардия» Наполеона превращалась в ленинскую «старую гвардию», а маршалы императора — в сталинских маршалов, но уже по-другому. Все магически, фатально двоилось.

Поздравьте меня, дорогая, я рад, что остался в живых,
сгорая в преддверии рая среди маршалов и рядовых,
когда они шумной толпою, в сиянии огненных стрел,
влекли и меня за собою... Я счастлив, что там не сгорел...

Из хроник, прочитанных мною, в которых — судьба и душа,
где теплится пламя бывшее условно, почти не дыша,
являются мне не впервые, как будто из чащи густой,
то флаги любви роковые, то знаки надежды пустой,

то пепел, то кровь, а то слезы — житейская наша река.
Лишь редкие красные розы ее украшают слегка.
И так эта реченька катит, и так не устала катить,
что слез никаких и не хватит, чтоб горечь утрат оплатить...

(«Поздравьте меня, дорогая...»)

VII

Он остался жив, и это было пережито им как чудо, и потом всю жизнь, мечась, как и все, в заколдованном кругу ошибок, и надежда, и самообольщений, и неудач, в этом неразмыкаемом кругу Добра и Зла, он задавался трудными вопросами:

Где родились мы? Под звездой какой?
Какие нам определяют силы
носить в себе и ярость, и покой,
и жажду жить, и братские могилы?

(«Распахнуты дома, безмолвны этажи...»)

Сентименталистские упования на добрую природу оказались, в общем, тщетны. Речь шла уже действительно о Силах — настолько могущественных, что имена их следовало, пожалуй, обозначать с прописной. Так он иногда и делал.

Появлялась Смерть — аллегорическая фигура, будто из средневековых мистерий:

У полковника Смерти ошибки:
недостача убитых в гробах —
у солдат неземные улыбки
расцветают на пыльных губах...

Стихотворение это, написанное в 80-х, называется «Из фронтового дневника» — открытая мистификация, словно говорящая нам: какие уж тут дневники, какая документальность? — страшная сказка, рассказанная мальчику на ночь.

В его «мистерии» участвовали: г-жа Разлука, г-жа Чужбина, г-жа Удача, г-жа Победа. Кроме того, женщина, которую зовут Дорога. И женщина Земля, вынужденная терпеть все, что на ней творят вооруженные мужчины, и жарко шепчущая при этом: «Я вас жалею, дурачье...».

И Время — «возница беспечный» — прямо от Пушкина, к которому попал тоже откуда-то, из античного, кажется, далека.

И Душа — «Человечек задумчивый, / всем наукам печальным и грустным обученный...».

И Жизнь, с которой все и началось, — с калужского сборника, где Окуджава произнес эти слова: «Здравствуй, жизнь!».

И Природа — самая, пожалуй, сложная роль.

Но были и иные, природой не предусмотренные, не обусловленные, явившиеся откуда-то извне, — трое молчаливых и милосердных сестер: Вера, Надежда, Любовь, несущие спасение. И «святое воинство», которое совсем не убивает, а, наоборот, тоже спасительно, — Совесть, Благородство и Достоинство. И — «Часовые любви»:

О, великая вечная армия,
где не властны слова и рубли,
где все — рядовые: ведь маршалов нет у любви!
Пусть поход никогда ваш не кончится.
Признаю только эти войска!..

Все здесь один сюжет, единый. Действительно мистериальный — с Адом, Небесами и разнообразными Силами, которые ведут спор за обладание человеческой душой.

Появление этих наглядных аллегорических фигур было только симптомом, только признаком того, что поэтическая система Окуджавы приобрела со временем характер ощутимо символический, позволяющий вести разговор о вещах таинственных.

***

Полнее и решительнее всех о символизме Окуджавы написал А. Жолковский (взяв почему-то тут несколько снисходительный тон, предметом, кажется, не заслуженный): «...перед нами некая

популярная версия символизма, с его аллегорическим просвечиванием идей сквозь земные оболочки и предпочтением всего прошлого, будущего и надмирного — настоящему. Аналогия подкрепляется и более непосредственными сходствами образного репертуара Окуджавы с блоковским (прекрасные дамы, рыцари, сказочные, средневековые и игрушечные персонажи, музыка, глубокой колорит и т. п.). Общедоступности этого символизма способствует его философская упрощенность, демократизм и повседневность его тематики, а также тот факт, что Окуджава кладет его на музыку городского романса, как в буквальном смысле, так и в переносном — насыщая свои стихи соответствующими мотивами, образами и языковыми формулами. Можно сказать, что с этой точки зрения Окуджава занимает в русской поэзии место, зеркально симметричное месту Блока: если тот, по замечанию Шкловского, канонизировал (то есть возвел в высший литературный ранг) и поставил на службу символизму жанр цыганского романса, то Окуджава как бы популяризировал достижения символизма и вообще высокой поэзии, обогатив ими песенно-поэтическую публицистику современных бардов и мнестрелей»²⁹.

Место, «симметричное месту Блока» (пусть и «зеркально»), — это немало, и мы должны быть благодарны А. Жолковскому за правильное определение масштаба, равно как и за многие точные замечания частного порядка, позволяющие идентифицировать поэтику Окуджавы как в существенном смысле символистскую.

Прав исследователь и в том, что, воспроизводя в некоторых отношениях черты символистского канона, художественная система Окуджавы в иных отношениях от него отстает. Только вот то, что А. Жолковский называет ее «популярностью», «общедоступностью», может быть расценено и иначе: как вкус, такт, органичность — ведь присущая символизму начала века позиция абсолютной и последней серьезности в отношении себя самого, его характерно жреческий тон бывают, на сегодняшний взгляд и слух, совершенно нестерпимы.

Своей живой связью с лексикой и интонациями «улицы» (связью, возможно, внушенной опытом Маяковского³⁰) символизм Окуджавы как раз спасен и оправдан. Аналогичные пробы, предпринятые в замечательном «Пепле» Андрея Белого и в блоковских «Двенадцати», воспринимаются сегодня все же как нечто гораздо более экзотичное или лабораторное. Хотя посматривал Окуджава и на эти образцы, процитировав блоковскую поэму в раннем стихотворении «В музее революции» и в одной из первых своих саркастических антивоенных песенок:

Ах, война, она не год еще протянет —
на то она и война.

Еще много километров портянок
выкроют из полотна.

Встанет, встанет над землей радуга,
будет мир тишиной богат,

но еще многих всяких дураков радует
бравое пенье солдат...

(«Ах, война, она не год еще протянет...»)

Что касается момента «общедоступности», то как раз некоторые характеристики Окуджавы, присутствующие в суждении А. Жолковского, это его мнение и опровергают. Какая уж тут «общедоступность», если даже столь квалифицированный исследователь не смог понять, что никакого предпочтения «всего прошлого» (а тем более «будущего») чему бы то ни было ни в стихах Окуджавы, ни в его прозе не существует? Такое впечатление могло возникнуть только при слишком уж простодушном и доверчивом отношении ко всякого рода антикварному и гардеробному антуражу (особенно военному), которым Окуджава действительно обильно оснащала свои сюжеты, и стихотворные, и прозаические, но совершенно не в пассаистском и реставраторском смысле. Мы уже сказали в каком.

***

Может быть, главное, что позволяет сблизить поэтику Окуджавы с блоковской, — это ее тотальная парадоксальность, оксюморонность (некоторые проявления которой мы уже отмечали — в разговоре про тематические «двойчатки»).

О напряженной оксюморонности художественного мышления Блока сказано много, вот одно лишь характерное суждение, касающееся третьего тома его лирики: «Антонимы "рай" и "ад" употребляются как синонимы в цикле "Черная кровь": твой змеиный рай — бездонной скуки ад. <...> В результате всех этих сближений оксюморонным оказывается все мироздание»³¹.

Чтобы увидеть, насколько близка всему этому образности Окуджавы, достаточно вспомнить хотя бы ряд ошеломляющих парадоксов его «Молитвы»: «мудрому дай голову», «трусливому дай коня», «дай счастливому денег». И дальше:

Я знаю, Ты всё умеешь,
я верую в мудрость Твою,
как верит солдат убитый,
что он проживает в раю...

Или — вариацию той же темы в позднейших стихах:

Ах, что-то мне не верится, что я не пал в бою.
А может быть, подстреленный, давно живу в раю,
и кущи там, и рощи там, и кудри по плечам...
А эта жизнь прекрасная лишь снится по ночам.

(«Ах, что-то мне не верится, что я, брат, воевал...»)

В оксюморонный ряд выстраиваются многие названия: «Комсомольская богиня» «Бумажный солдатик», «Дежурный по апрелю» и, если хорошо прислушаться, «Веселый барабанщик», — во

всех этих и в некоторых других случаях Окуджаву соединяет в парадоксальные пары понятия и образы, относящиеся, с одной стороны, к семантическому полю «официальное», «казенное», а с другой — к полю «естественное», или «душевное», или «духовное».

«Сентиментальный марш» тоже, в общем, становится в тот же ряд. Название стихотворения парадоксально, хотя и не очень: в маршах мы часто слышим что-то сентиментальное. Достаточно вспомнить «Прощание славянки» или финальный марш из «Трех сестер», когда становится известно о гибели Тузенбаха, а Ольга говорит, превозмогая боль: «Музыка играет так весело!...». Дело, видно, как раз в этом «противочувствии», в сопряжении бравурности и тревоги, всегда явно или подспудно ощутимой при звуке военного оркестра. Но логика парадокса здесь, в «Сентиментальном марше», та же, что и в примерах, показанных выше: «марш» репрезентирует официальное, государственное, военное начало, «сентиментальный» — человеческое.

Тут можно, кстати, сказать о соотношении у Окуджавы текста словесного и музыкального — оно тоже часто бывает оксюморонно. Достаточно послушать, например, как печально поет он своего «Веселого барабанщика» (в кинофильме А. Салтыкова и А. Митты «Друг мой, Колька» стихи Окуджавы были соединены с музыкой профессионального композитора, и «противочувствие» исчезло, вышла пустоватая и задорная пионерская песня). В «Песенке о комсомольской богине» запев у Окуджавы выдержан в танцевальном, фокстротном ритме, вызывающем ассоциацию с музыкой арбатского двора, а припев — это марш, это война, это судьба. В «Короле» синкопированные, тангообразные ритмы чередуются с более регулярными, маршевыми, уже в масштабе отдельных строк.

Постоянные совмещения несовместимого у Окуджавы, постоянное двоение подобных, но контрастных образов — прямое выражение опасной двойственности мироустройства, пребывая в которой необходимо пытаться все-таки как-то обрести «точные знания о расстоянье меж Злом и Добром» («Летняя бабочка вдруг закружилась над лампой полночной...»). Найти точку опоры. И нельзя оставлять стараний.

***

И — происходит. Необъяснимо, как Музыка, внезапно, как Любовь. Обыкновенно чудо возникает из самой глубины отчаяния, из самой глубины детства, из страшной балладной сердцевины, когда появляется вдруг волшебный корабль, который по синим волнам океана несет на всех парусах, и хоть не видно на нем капитана, не видно матросов на нем, но скалы, и тайные мели, и бури ему нипочем, и, когда уже невмочь пересилить беду, вот он, будто ковчег спасения, плывет, ритмически покачиваясь с волны на волну, в родной стихии амфибрахия и несет своих, как и ты, потерпевших крушение молчаливых и добрых пассажиров, своих матросов, полночный, последний, случайный синий троллейбус.

Поразительно то, что и о безразличии Природы, и о безнадежности Истории, и о Спасении, возможность которого вдруг открывается в самой безнадежности, он все знал наперед, знал изначально — задолго до стихов, и прозы, и песен.

Есть воспоминания, донесшие до нас то, что никогда даже не было, кажется, занесено на бумагу. Несколько шуточных детских рифмованных строчек, сочиненных им году в 46-м, когда он еще жил в Тбилиси:

Однажды Тирли-Тирли, Тирли-Тирли
Напал на Дугу-Дугу, Дугу-Дугу,
И долго Тирли-Тирли
И долго Дугу-Дугу
Долбали понемножечку друг друга.

Когда взошел на небо Тирли-Тирли,
Увидел дорогого друга Дугу:
Я очень, Тирли-Тирли,
Я очень, Дугу-Дугу...
И бросились в объятия друг к другу²².

Смешные «дикарские» имена — знак человека Природы. Первая строфа — о Войне, об Истории, о Времени. Вторая — о Вечности, о Любви. О Чуде.

Но если этого нет, если не случилось, ничего не остается, как только бесконечно повторять: «Жалейте, милые, жалейте...» — лучшего все равно не придумаешь.

Что же касается «Памятника», который как-то спрятался в песенке про «костюмчик серый-серый», то на эту большую тему есть несколько строчек в деревенской повести Окуджавы «Новенький как с иголочки».

Школа, Шамордино. Учитель читает своим крестьянским ребятам:

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей...

«...А у нас в программе этого нету, — говорит кто-то.

Программа? Откуда им известно это слово?! Это в программе, а это не в программе... Не выходите за рамки программы... Я ведь говорил, что учитель из меня не получится. Я не могу читать без конца "Я памятник себе воздвиг...". Я не воздвигал. Он тоже не воздвигал. Он шутил. Не делайте серьезных физиономий! А вам, чудачки, зачем эта программа? Учитесь говорить о любви вот так, в перерывах между школой и работой в хлеву. Торопитесь — нам немного отпущено».

На учительство Окуджава не претендовал и высказался по этому поводу в известной песенке вполне насмешливо — что, мол, «умный любит учиться, а дурак учить». Но придавать этим словам

категорический смысл, понятно, не стоит. Все-таки учителем он, независимо от намерений, стал. Можно было бы даже сказать «учителем любви», если бы не риск вторгнуться ненароком в сакральную сферу. Его и в статьях³³ уже как-то так называли (а также «утешителем»³⁴ и «псалмопевцем»³⁵). И это правильно.

Примечания

1. См.: Песни Булата Окуджавы. Мелодии и тексты. М., 1989. С. 20.
2. См.: *Вайль П., Генис А.* 60-е. Мир советского человека. М., 1996.
3. *Меньшутин А., Синявский А.* За поэтическую активность: Заметки о поэзии молодых // *Новый мир.* 1961. № 1. С. 239—240.
4. *Гейдеко В.* Талант великодушный // *Подъем.* 1968. № 3. С. 163.
5. *Кубатьян Г.* (Б. н.) // *Литературное обозрение.* 1977. № 7. С. 58.
6. *Библер В.* Шестидесятник навсегда: Постюбилейные размышления о Булате Окуджаве // *Независимая газета.* 1994. 9 июля. С. 8.
7. *Шкляревский И.* «Люблю, когда поет Булат...» // *Юность.* 1975. № 3. С. 3.
8. *Соловьев В.* «По чертежам своей души...» // *Звезда.* 1968. № 5. С. 220.
9. *Ахмадулина Б.* А иначе зачем... // Специальный выпуск «Литературной газеты». 1997. [21 июля]. С. 3.
10. См.: *Окуджава Б.* Для меня он был Богом // Там же. С. 16.
11. *Крымова Н.* Свидание с Окуджавой // *Дружба народов.* 1985. № 6. С. 262.
12. О диалогическом начале у Окуджавы см.: *Новиков Вл.* Булат Окуджава // *Авторская песня.* М., 2000. С. 22.
13. *Новиченко Л.* «Я, человек, я, коммунист...» (Общечеловеческая тема в литературе наших дней) // *Гуманизм и современная литература.* М., 1963. С. 105—106.
14. *Краснов Г.* Про ветер, солнце и орла // *Урал.* 1963. № 9. С. 147—148, 150.
15. *Дымшиц Ал.* Человек и общество: Статья в письмах // *Октябрь.* 1962. № 7. С. 182—185.
16. См.: *Чайковский Р. Р.* Слова, вставшие на крыло: Афоризмы Булата Окуджавы // *Русская речь.* 1994. № 2. С. 22—25.
17. Об этом писали многие, см., например: *Новиков Вл.* Булат Окуджава // *Авторская песня.* М., 2000. С. 22.
18. Стенная газета Московского КСП «Менестрель». 1984. № 2/3 (23/24), март—июнь.
19. Сообщил знавший Булата Окуджаву известный исследователь фольклора В. С. Бахтин.
20. См.: Стенная газета Московского КСП «Менестрель». 1984. № 2—3 (23/24), март—июнь.
21. Там же.
22. *Суров П.* Арбатская менестрельная. Булат Окуджава //

Парнасские страдания: Поэтическая кунсткамера. М., 1990. С. 424—426.

23. *Окуджаву Б.* Ты весь — как на ладони // Сельская молодежь. 1987. № 5. С. 32—37.

24. Песни Булата Окуджавы. М., 1989. С. 21.

25. Блестящее исследование романсового жанра предпринял М. Петровский. См.: *Петровский М.* Скромное обаяние кича, или Что есть русский романс // Русский романс на рубеже веков. Киев, 1997. С. 3—60.

26. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 345—346.

27. Поразительно близкий этому реальный случай, но произошедший не на фронте, а в лагере для военнопленных, — одна морковь на сто человек, — рассказывает в своем дневнике писатель Константин Воробьев, творчество которого в его духовных основах близко творчеству Окуджавы. См.: Память горькая и чистая: Из архива писателя Константина Воробьева // Правда. 1988. 31 октября. С. 4.

28. См.: *Рисин В.* «Надежда, я вернусь тогда...»: Песня Булата Окуджавы на страницах романа Владимира Набокова // Специальный выпуск «Литературной газеты». 1997. [21 июля]. С. 16.

29. См.: *Жолковский А. К.* «Рай, замаскированный под двор»: заметки о поэтическом мире Б. Окуджавы // Жолковский А., Щеглов Ю. Мир автора и структура текста. Tenaflу, 1986. С. 308.

30. О синтезе черт поэтик Блока и Маяковского у Окуджавы см.: *Новиков Вл.* Тайна простых чувств // Литературное обозрение. 1986. № 6. С. 78—81.

31. *Кожевникова Н. А.* Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. М., 1986. С. 208.

32. См.: *Живописцева И.* Опали, как листва, десятилетия... СПб., 1998. С. 9.

33. См., например: *Шилов Л.* Учитель // Стенная газета Московского КСП «Менестрель». 1984. № 2/3 (23/24), март—июнь.

34. *Крымова Н.* Свидание с Окуджавой // Дружба народов. 1986. № 5. С. 260—264.

35. *Священник Георгий Чистяков.* Как умел, так и жил, а безгрешных не знает природа // Специальный выпуск «Литературной газеты». 1997. [21 июля]. С. 8.

Сердечно благодарю моего друга, филолога А. А. Григорьева, в долгом диалоге с которым выяснялось то, о чем говорилось выше.

Л. Дубшан

СЛЕЗА БАРАБАНЩИКА

Достаточно формальные предварительные мотивировки композиции будущего тома стихотворений Б. Окуджавы при их осуществлении (см. преамбулу к примечаниям) неожиданно для составителей привели к тому, что книга открывается и заключается написанными на пространстве без малого в 45 лет стихотворениями, посвященными Франции. В этой случайно выявившейся симметрии есть безусловная закономерность. Дело не только в неоднократно отмеченной в литературе о творчестве Б. Окуджавы цельности его поэтического мира¹, но и в ощущении поэтом своего творчества — на всем его протяжении — как почти не связанного с последовательностью возникавших временных реалий. Отсюда его нежелание, фактически до самых последних лет жизни, датировать свои стихотворения, а при возникновении необходимости в этом — многочисленные произвольные датировки и передатировки одних и тех же текстов². Предельным выражением такого отношения к хронологии явился итоговый сборник Б. Окуджавы «Чаепитие на Арбате»³. Можно сказать, что Б. Окуджава утверждал представление о своем поэтическом мире, как существующем не в потоке времени, а в неколебимости пространства: тем, мотивов, поэтических эмоций и настроений. Без сомнения, это было не литературной игрой, а совершенно искренним самоопределением. Вопрос лишь в его мотивировках и мере адекватности реальной биографии поэта.

Булат Шалвович Окуджава родился 9 мая 1924 г. в Москве на Арбате, в семье коммунистов-партизанов. Отец — Ш. Окуджава, хорошо зарекомендовавший себя кутаисский комсомолец, в 1922 г. был послан на учебу в Москву⁴. В июле 1924 г. его откомандировали в Тифлис, где до 1933 г. он выполнял различные партийные поручения, в частности, в качестве комиссара: то Грузинской военно-командирской школы, то Груздивизии. В 1933 г. ЦК ВКП (б) назначил его секретарем парткома Уралвагонзавода в Нижнем Тагиле, а в 1935 г. — первым секретарем Тагильского горкома ВКП(б)⁵. Не позднее 23 февраля 1937 г. его арестовали, а 14 декабря 1938 г. Ш. Окуджава был расстрелян. Сыну в момент ареста отца было без малого 13 лет. По обстоятельствам жизни родителей (об этом — далее) Булат видел отца очень редко. В середине 1980-х гг. в нескольких интервью, а затем в процессе подготовки к написанию книги воспоминаний о детстве поэт сформулирует роль отца в своем интеллектуальном развитии: «В доме царил культ книги. Сын прачки, отец был начисто лишен “пролетарского” снобизма,

напротив, очень тянулся к интеллигенции, к культуре. И меня приучал. Каждую неделю водил в книжный магазин, причем представлял это с такой торжественностью и столь серьезно предлагал мне самому выбрать книгу, что я и по сей день помню эти походы и благодарен ему. Когда отца, первого секретаря Нижнетагильского горкома, арестовали в 37-м и нам пришлось оставить казенную квартиру, мы взяли с собой чемодан одежды и несколько картонных ящиков с книгами. Больше ничего не было. Абсолютно⁶. Но оформившейся (с годами) в сознании поэта бытовой конкретике за 30 лет до того предшествовала иная:

...в ношеной буденовке подросток,
на отца похожий моего (№ 15).

Это первое упоминание отца в творчестве Окуджавы появилось в печати 8 августа 1956 г., через полгода после XX съезда КПСС (14—25 февраля). Оно было поэтической реакцией Окуджавы на реабилитацию репрессированных коммунистов, которая для него означала возрождение имени отца. И в последовавшем затем «Сентиментальном марше» (самим заглавием указывавшем, что в основе текста не идеология, а чувства, то есть что это не политическое стихотворение, а интимная лирика) в облике «комиссаров в пыльных шлемах» вызывался к жизни, конечно же, не абстрактный комиссар, а его — Булата Окуджавы — собственный отец⁷. В 1962 г. Окуджава опубликует стихотворение «О чем ты успел передумать, отец расстрелянный мой...», которое впоследствии датировано 1957 г., и эта датировка вполне вероятна, поскольку текст соответствует тому эмоциональному и психологическому состоянию, которое поэт переживал в послесъездовскую пору. Вторую по счету и первую изданную в Москве стихотворную книгу «Острова» (1959 г.) Окуджава посвятит «Памяти отца» и откроет ее (а над первым стихотворением поместит посвящение) едва ли не прощанием с отцом:

«До свиданьица,
до свиданьица» —
до конца твоих лет
вослед (№ 67)⁸.

Вскоре Окуджава еще раз вспомнит отца в стихотворении, посвященном годовщине восстановления советской власти в Грузии в 1961 г. (№ 155); впоследствии отец хоть и на периферии творчества поэта и в достаточно формальном контексте, но все-таки будет то и дело возникать в его стихах (№ 339, 340, 381, 424, 573)⁹.

Уже после смерти в 1983 г. своей матери — А. Окуджавы (урожденной Налбандян) поэт признается, что почти не видел ее в детстве (как, впрочем, и отца)¹⁰. Подобно будущему мужу с юности азартно увлеченная политической работой, она полагала ее главным содержанием жизни. Поэтому как должное восприняла то, что надо была остаться в Москве, когда партия направила мужа в Тифлис. Ее домом была фабрика «Трехгорная мануфактура», а

родным языком — язык Ленина. «Когда я был маленьким, — вспоминал Б. Окуджава, — дома у нас обожествлялось все русское, а моя мать, фанатичная большевичка, когда собирались гости и кто-нибудь начинал вдруг говорить по-армянски, всегда прерывала и говорила: "Товарищи, давайте говорить на языке Ленина"»¹¹. В 1930 г. (когда партия поручила ей работу в Тифлисе) она воссоединилась с мужем, но после его назначения в Нижний Тагил на некоторое время, видимо, вернулась в Москву, затем до самого ареста мужа жила в Нижнем Тагиле, снова вернулась в Москву и здесь вскоре была арестована. Сын во всей этой череде перемещений всегда был вместе с ней. Несмотря на систематическое отсутствие мамы дома, ее роль в жизни сына постоянно ощущалась, а саму маму всегда замещали ее родственники — бабушка (у которой они жили в Москве) и тетя Сильвия (к которой маленького Булата то и дело «подкидывали» в Тифлисе). Эта двойственность материнского существования в детском сознании будущего поэта получила драматическое продолжение уже после войны, когда в 1947 г. А. Окуджава освободилась из лагеря: ее устроили подальше от глаз властей бухгалтером в какую-то глухую армянскую деревню, но через два года она была обнаружена и выслана на спецпоселение¹², поэтому даже пребывание матери в 1947 г. на его свадьбе Б. Окуджава впоследствии в своих воспоминаниях как бы вычитал из жизни, всегда называя датой возвращения матери из лагеря и своего воссоединения с ней год 1956-й.¹³ Но в его стихах, с первых публикаций в 1954 г. до последних 1997 г., мама — постоянный персонаж, адресат и собеседник: «испанец руку сжал в кулак свою, / как будто перед матерью своею / немую клятву дав стоять в бою» (№ 608); «На Россию — одна моя мама» (№ 29); «Мама, белая голубушка» (№ 46); «Ты прости меня, мама, за щедрость мою» (№ 55); «Дышит матерью, она у него одна» (№ 81); «у ворот стоят наши матери» (№ 88), «и только мать уходит прочь» (№ 630); «И всё же не хватало им синего-синего, / как матери — сына» (№ 111); «две матери, которым верю слепо» (№ 124)¹⁴; «Только мама моя в грусти и тревоге» (№ 139); «Матушка, не плачь по сыну» (№ 153); «Мама, мама, в нашем городе зима» (№ 643); «словно мать насытить нас могла!» (в первой публикации было: «как Христос»; № 226); «Нынче матери все» (№ 230); «как матушкины слезы» (№ 261); «Я думал: а вдруг это мама?...» (№ 347); «перед ним — лишь мамины глаза» (№ 355); «Собрался к маме — умерла» (№ 381); Письмо к маме (№ 418); «моя стройная старая мама» (№ 431); «И с фанерным чемоданчиком / мама ехала моя» (№ 458); «Мама меня от беды берегла», «Скоро увижу я маму мою» (№ 467); «Я у матери моей первый и единственный» (№ 532); «тревожный шепот мамы» (№ 578). Матери Б. Окуджава посвятил также следующую после «Островов» книгу «Веселый барабанщик» («Другу моему, маме», 1964) и вышедшую на другой год после ее смерти книгу «Стихотворения» (1984). Но подобно «Сентиментальному маршу», в котором после реабилитации репрессированных коммунистов появился не названный напрямую его отец-комиссар, примерно тогда же и так

же анонимно у Окуджавы возник еще один облик матери — «комсомольской богини» (№ 60). И точно так же в нем «партийное» через рефрен «Ах, это, братцы, о другом!» выводилось в интимно-лирическое¹⁵.

В калейдоскопе перемещений Б. Окуджавы в его довоенном детстве: Москва — Тифлис — Москва — Нижний Тагил — Москва — Тифлис — единственным устойчивым, всегда непременно присутствовавшим местом был двор¹⁶. Поэтому, когда детские впечатления стали выявляться в стихах, двор оказался у Окуджавы центром мира: «Во дворе, где каждый вечер всё играла радиола» (№ 43); «там ненастье на дворе» (№ 60); «стали тихими наши дворы» (№ 63); «Со двора подъезд известный» (№ 65); «Просто вышла женщина / на арбатский двор» (№ 68); «Как тесно рыболову во дворе» (№ 82); «Арбатский дворик» (№ 96); «погода двадцатого века / началась на арбатском дворе» (№ 100); «На арбатском дворе — и веселье и смех» (№ 122); «Чаепитье у нас на дворе» (№ 132); «Туапсинский дворик — игрушечный такой» (№ 633); «Он проходит дворами» и др. (№ 133); «и станет пусто на дворе» (№ 155); «где полночь и двор в серебре / и мальчик с гитарой в обнимку / на этом арбатском дворе» (№ 162); «петуху б не кричать во дворе» (№ 641); «ради / красок из глубин дворов / в мир выходят на заре» (№ 195); «что рай наконец наступил на арбатском дворе» (№ 203); «густую грусть шарманка городская / из глубины двора дарила мне» (№ 221); «влетают в старые дворы» (№ 255); «Вы начали прогулку с арбатского двора» (№ 273); «Гляжу на двор арбатский» (№ 280); «Тот самый двор, где я сажал березы», «и рай, замаскированный под двор» (№ 303); «слетались девочки в тот двор как пчелы в августе» (№ 308); «что было — сплыло со двора» (№ 325); «Еще люблю свой двор» (№ 365); «Я — дворянин с арбатского двора» (№ 374); «Когда в прекрасный день Разносчица даров / вошла в мой тесный двор, бродя дворами» (№ 375); «Как наш двор ни обижали — он в классической поре» (№ 379); «в тесном квадрате двора», «перспектива видна / меж домов и дворов... Будто это и есть перспектива» (№ 439); «и на свалку спишет старый двор» (№ 443); «перед тем, как стинуть со двора» (№ 519); «Мы явились на свет из-под палки, / чтоб воспеть городские дворы» (№ 551). Легко заметить, что впервые появившись в «Короле», этот мотив станет одним из постоянных у Окуджавы на всем протяжении 1950—1960-х гг. и сохранится вплоть до 1990-х гг. Причем в нем с самого начала равноправно присутствуют дворы тифлиссские, московские, туапсинские: это вообще все пространство жизни, родной дом или по-детски понимаемый рай — и лишь благодаря популярным песням к середине 1960-х гг. Окуджава станет идентифицироваться как поэт исключительно арбатских дворов, и он, в свою очередь, новыми стихами 1980-х гг. будет упрочивать эту репутацию¹⁷.

После ареста матери Булат с младшим братом Виктором жил в Москве у бабушки, но, по собственной характеристике, «обремененный дворовыми заботами» «совсем отбился от рук»¹⁸ и был

отправлен к тете в Тбилиси (так стал называться с 1936 г. Тифлис). К началу войны ему едва исполнилось 17 лет. «Старшеклассники Булат Окуджава, Жора Минасян и многие другие с раннего утра и до начала занятий пропадали в военкомате, настаивая на том, чтобы их направили на фронт, — вспоминала учительница 101-й тбилисской школы. — А когда им отказали, мол, малы, еще не по возрасту, они вместе с Норой Калатозишвили и другими организовали агитхудожественную бригаду и выступали перед ранеными в госпиталях. <...> И всё же Булату Окуджаве и Георгию Минасяну удалось вырваться на фронт. Мы гордились ими»¹⁹. Когда в 1982 г. очередной интервьюер попросил Окуджаву назвать самый несчастный день его жизни, он ответил: «Это когда я попал на фронт и как-то вдруг сразу в одночасье понял, какая это кровавая трагедия — война»²⁰. Дело было не только в разрушении детского представления о войне и своем патриотическом долге²¹, не просто в ранениях²² и чудовищно неумелых военных действиях²³. Дело было в потрясшем его сознании своей теперь уже абсолютной незащитности (после исчезновения родителей еще было прибежище — многочисленные родственники), сознании того, что он — в буквальном смысле слова брошенный на произвол беспощадной судьбы беззащитный ребенок: «На фронте я понял свою слабость и убедился, что хотя многое зависит от стараний и воли человека, человек зависит все-таки от объективных обстоятельств, которые вынуждают его страдать и лишают его счастья, а порой — и жизни»²⁴. Это был самый настоящий физиологический страх (ужас). Потеря родителей не могла не вызывать подобных эмоций у подростка, но тогда подоспела спасительная поддержка: «Я, красный мальчик, пребывал в крайнем отчаянии, пока моя тетка, чтобы облегчить мои страдания, не поведала мне шепотом, что мои родители на самом деле тайно отправлены на Запад для выполнения особых партийных поручений, а их арест — просто необходимый камуфляж. Я был спасен, лишний раз получив подтверждение, что наши славные чекисты не ошибаются»²⁵. Здесь, на войне, спасения не только что не от кого было ожидать — каждый час грозил уничтожением, и именно так создала себя на войне Б. Окуджава. Когда он впервые воспроизведет свой тогдашний облик в повести «Будь здоров, школяр» (писалась в августе 1960 (в первой публикации опечатка: 1860²⁶) — феврале 1961 г.), главной его характеристикой станет subtilность и тонконовость²⁷, и эти инфантильные признаки утвердятся в стихах Окуджавы на всем протяжении 1960—1980-х гг., как сигнал мотива слабости и незащитности (или беды): «Худосочные дети Арбата» (№ 182); «Худы его колени» (№ 222); «худосочные их сыновья» (№ 230); «Невыспавшийся, тощий, черный» (№ 242); «И на тонких ногах заходила» (№ 253); «Если б я был мальчишкой тонконогим» (№ 254); «Еще моя походка мне была смешна» (№ 273); «Бог беды на тонких ножках» (№ 304); «Нас, тонконогих, и нас, длинношеих, нелепых, очкастых» (№ 363); «и на гордых тонких ножках семеню в святую даль» (№ 440); «ты меня наставляла, на тоненьких ножках просителя», «и две ножки еще не устали от долгой ходьбы»

(№ 459); «и маленький, слабый, худой и больной» (№ 497)²⁸. Поэтому начальный стих одной из самых знаменитых впоследствии песен Окуджавы: «Ах, война, что ж ты сделала, подлая», — в сущности, крик обиды размазывающего по лицу слезы ребенка, не имеющего сил отомстить обидчику²⁹. Когда в начале 1950-х гг. Окуджава начнет печататься, большинство стихотворений о войне (по сути — антивоенных), особенно обильно насытивших его поэтический репертуар до середины 1960-х гг. (но появлявшихся потом на всем протяжении творчества), станут частным случаем стихов о детстве³⁰. При этом Окуджава почти с самого начала обозначит меру своей готовности к беспощадному самоанализу, сделав сюжетом стихотворения «Первый день на передовой» (№ 38) малодушие и страх смерти (пусть в форме солдатского сна).

Примечательно, что ответ на вопрос-антипод — о самом счастливом дне своей жизни — у Окуджавы тоже оказался едва ли не связанным с войной: «Это когда в 1945 году мое стихотворение было опубликовано в окружной военной газете»³¹. Имеется в виду, вероятно, «Девушке-солдату», напечатанное в газете Закавказского фронта «Боец РККА» 9 августа 1945 г.³². Но это было не первое его стихотворение³³.

Постепенно припоминая впоследствии свои первые литературные опыты, Окуджава называл некоторые из них: «...в детстве сочинял патриотические стихи»³⁴; «Учась в пятом классе, я решил написать роман почему-то о китайском добровольце»³⁵; «В 1946 году я писал колоссальный роман о гражданской войне»³⁶; «Вспоминаю, что, когда я сам, еще мальчишкой, начал писать песни, у меня было страшное желание: найти бы каких-нибудь энтузиастов-гитаристов, двух-трех, и каждый вечер, например в восемь часов, выходить на бульвар в определенном месте и там петь свои песни под их аккомпанемент»³⁷. Последнее несомненно относится к предвоенному Тбилиси и подтверждается воспоминаниями Р. Давидова: «...начинал петь свои песни Булат в Тбилиси не в пятидесятых, а в начале сороковых годов, когда еще учился в Тбилисской 101-й средней школе»³⁸. О том же рассказал и тогдашний однокашник Окуджавы: «Булат тогда уже писал стихи. <...> нам они казались очень хорошими. <...> Булат тогда уже считал себя поэтом»³⁹. Мемуарист отмечает, что в качестве исполнителя собственных песен Окуджава пользовался большим успехом у девочек. По возвращении с фронта Окуджава стал посещать литературные объединения при газетах «Молодой сталинец»⁴⁰ и «Боец РККА» («Ленинское знамя») — где состоялись его первые публикации⁴¹. С несколькими молодыми поэтами — Д. Храбровым, Г. Айзенбергом (Н. Гребневым), Р. Давидовым и другими — Окуджава организовал литературный кружок «Зеленая лампа»⁴². «Все у нас в кружке исповедовали пастернаковскую стилистику и хвастались друг перед другом успехами в подражании ему», — вспоминал Окуджава⁴³. По его рассказу, во время пребывания Пастернака в Тбилиси (в 1947 г.?) Окуджава сумел встретиться с поэтом и прочитать свои стихи: «...он отнесся к ним без энтузиазма. Но меня ободрил. На всю жизнь»⁴⁴. По другим воспоминаниям, объеди-

нявшаяся вокруг Окуджавы студенческая молодежь называла себя «маяковцами»: «потому что все были почитателями поэзии В. Маяковского»⁴⁵. Вместе с тем, своим тогдашним кумиром в поэзии Окуджаву в одном из интервью назвал А. Суркова⁴⁶.

В 1977 г. Окуджаву впервые напечатал стихотворение «Неистов и упрям» (№ 120), которое в интервью при публикации и в многочисленных последующих высказываниях стал называть своей первой песней: «Однажды студентом я написал для своих друзей песню "Неистов и упрям, гори, огонь, гори..."». Она была печальна, как многие старые студенческие песни. Было это в 1946 году. После этого десять лет я не думал о песнях. Теперь она, наверное, не лучшее из моих созданий, но она — первая. Этим и дорога»⁴⁷. Характерно, что текст тридцатилетней давности (а духовное и историческое расстояние между советскими 1946 и 1977 гг. еще большее, чем хронологическое) отнюдь не выглядел (по крайней мере, в рамках творчества Окуджавы) архаичным, какими бывают публикации «из раннего» или «из забытого». В нем была та мера концентрации привычных черт поэтики Окуджавы, которая, наоборот, подчеркивала их узнаваемую неизменность: с таким же успехом поэт мог датировать это стихотворение любым другим десятилетием (что и сделал, поместив его в итоговом сборнике «Чаепитие на Арбате» в раздел «Пятидесятые»; см. примеч. 3 и преамбулу к примечаниям).

Самая очевидная и узнаваемая здесь примета поэтики Окуджавы — поговорка, ставшая отдельным стихом: «Семь бед — один ответ». Густая насыщенность стихотворений Окуджавы, на всем протяжении его творчества, пословицами и поговорками, как частный случай широко используемой им фольклорной традиции, отмечена и неоднократно проакцентирована в исследовательской литературе о нем⁴⁸. Да и сам поэт хотел, чтобы это было заметно: «Пожалуй, главный мой учитель — русский фольклор»⁴⁹; «...был период в моей жизни, когда я очень увлекался фольклором, особенно же русским фольклором»⁵⁰.

Другой характерный для всего творчества Окуджавы элемент, имеющийся в стихотворении «Неистов и упрям...», — мотив горения и сопрягающийся с ним мотив (сжигающего) огня. Учитывая автопризнание Окуджавы в подражании (и, значит, внимательном чтении) в эти годы стихотворений Пастернака, можно вспомнить пастернаковское: «Жить и сгорать у всех в обычае» («Смерть сапера») из вышедшей в 1945 г. книги «Земной простор»⁵¹. Разумеется, необходимо учитывать и традиционные мифопоэтические представления об очищающем и жизнепорождающем жертвенном огне. Но для укоренения этого мотива в поэзии Окуджавы есть и более непосредственный источник — повседневная идеологическая атмосфера, пропитывавшая его детство: «...я ведь помню, как в 8 лет молился на Павлика Морозова и мечтал повторить его подвиг. Это соответствовало моим тогдашним представлениям о нравственности», — вспоминал в конце жизни Окуджаву⁵². Автохарактеристики: «красный мальчик», «политический молодой человек»⁵³ — не бравада и эпатаж, а совер-

шенно искреннее и исторически адекватное описание собственной личности. Неудивительно поэтому, что с самых первых публикаций 1953 г. и до последних — 1990-х гг. у Окуджавы встречается мотив горения, равно присутствующий в исторических, пейзажных, лирических стихотворениях, — при этом, за редкими исключениями (когда речь идет о ненавистной войне), с положительными коннотациями (имея в виду, что в описываемой этике к таковым относится и жертвенная гибель), а отрицательные связаны как раз с неспособностью гореть (отсутствием огня): «Нет, неспроста, в повседневном горении» (№ 606); «А звезды горели / всё ярче, неистовой» (№ 2); «И обожгла своей любовью» (№ 614); «И тебе не до сердца, но как я горело, / чтобы ты, мой товарищ, горел!», «ты любил, а сжигало меня» (№ 14); «я горю его огнем» (№ 33); «Победа нас не обошла, / да крепко обожгла» (№ 35); «и там сгорел он ни за грош» (№ 97); «очень трудно привыкает, / очень долго не горит» (№ 110); «Горит пламя, не чадит» (№ 142); «горит он — не сгорает» (№ 157); «Я смертен. Я горю в огне» (№ 168); «пока еще звезды последние не отгорели» (№ 171); «по стволам пробегает горенье» (№ 200); «Ты так играешь, так играешь, / как будто медленно сгораешь. / Но что-то есть в твоём огне, еще неведомое мне» (№ 201); «сгорели в жестокой борьбе» (№ 208); «вот в небе зорька майская сгорает» (№ 646); «Главное — это сгорать и, сгорая, / не сокрушаться о том» (№ 223); «медленно сгорает» (№ 234); «плачет она и сгорает» (№ 392); «Я счастлив, что там не сгорел», «наверно, я там не сгорел, / чтоб выкрикнуть *здесь*, догорая, про то, что другой не успел» (№ 395); «Что из сердца вышло — быстро не сгорает» (№ 407); «догорает, прощенья просят» (№ 413); «никто не смотрит вдале на горизонт горящий» (№ 429); «я и душу сжигал», «всё, что мы потеряли, пусть вспыхнет еще, догорая» (№ 459); «Стоило ли воскресать и гореть?» (№ 467); «Растрacены силы, сгорает душа» (№ 468); «Ах, если б знать заранее, заранее, заранее, / что будет не напрасным горение, сгорание» (№ 469); «Шестидесятникам не кажется, что жизнь сгорела зря» (№ 470); «и за то, что живем, и за то, что горим» (№ 487); «...Настало времечко гореть. / Видать, времечко настало, настало времечко, сгорая, / настало времечко, сгорая, ни о чем не сожалеть...» (№ 499); «Не сгорел — только всё догораю» (№ 503); «Как горите — вдохновенно или так, по мере сил?» (№ 504); «Душа горит» (№ 708); «А если не так, для чего ж мы сгораем?» (№ 600)⁵⁴. Легко угадать и без специального обследования текстов Окуджавы, что в этой густоте взаимоперетекающих мотивов горения-огня-пламени непременно должны присутствовать пожар и костер, которыми эти мотивы-символы в текстах Окуджавы и обязаны, в первую очередь, своим идеологическим происхождением⁵⁵.

Наконец, 6-й стих рассматриваемой «первой песни»: «и горести и смех» — это устойчивая (на всем протяжении творчества Окуджавы) амбивалентная формула его мироощущения: «плачет, мучается, смеется, посвистывает» (№ 81); «Было поровну и в меру в ней улыбки и страданья» (№ 136); «то грустен он, то весел он» (№ 135); «сквозь смех наш короткий и плач» (№ 174); «я вижу, как

насмешливо, / а может быть, печально» (№ 191); «лисы празднуют, плачут, поют» (№ 200); «еще нам плакать и смеяться» (№ 201); «Смеются люди, плачут люди» (№ 220); «Плачут ли они, смеются» (№ 229); «смеясь и плача» (№ 257); «сливаются слезы и смех» (№ 432); «и всё это с плачем и смехом» (№ 456); «Мне по сердцу их лень, и смех, и слезы» (№ 585); «как плачем мы и радуемся» (№ 605). Сюда подпадают многочисленные и столь же устойчивые сочетания, близкие по смыслу: «счастье и беда», «восторг и тоска», «радость и беда», «удача и неудача», «восторг и тоска», «прелесть и грусть» и т. п. Причем превалирует во всех подобных антонимичных сочетаниях такой порядок слов, в котором на втором месте помещается слово, обозначающее негативную эмоцию; таким образом, Окуджава как бы сбивает позитивную эмоцию, заявленную первым словом.

За исключением «Неистов и упрям...», Окуджава не указал больше ни одного своего стихотворения 1940-х гг. Между тем из его собственных воспоминаний (хотя бы о посещении Пастернака) очевидно, что во второй половине 1940-х гг. у него уже сложился корпус стихотворений, из которого он мог выбрать некоторое количество для того, чтобы показать маститому поэту, а по воспоминаниям, например, И. Живописцевой, он уже их «рассылал в разные журналы и газеты»⁵⁶. Работая с 1950 г., по окончании Тбилисского университета, в сельских школах Калужской области (в Шамордино и Высокиничках)⁵⁷, а затем, с 1952 г., в Калуге, Окуджава продолжал попытки напечатать что-то из своих стихотворений: «Я на протяжении долгого времени посылал свои стихи в местную газету, откуда мне регулярно их возвращали с благими советами больше читать классику. С классикой я соприкасался, будучи учителем словесности, а на советы (в принципе-то мудрые) обижался. Однажды появился в редакции сам. Меня вспомнили, спросили, поработал ли я над собой и написал ли что-нибудь новенькое. Я сказал, что поработал и написал, и протянул все свои возвращенные из редакции стихи. После чего они были тут же напечатаны»⁵⁸. Это случилось в газете «Молодой ленинец» 21 и 23 января 1953 г. Тогда же, как можно судить по его воспоминаниям, Окуджаву пригласили перейти на работу в газету⁵⁹.

Очевидно, что благодаря работе в газете Окуджава был замечен как поэт. Именно среди журналистов провинциальных газет черпался контингент для положенных по регламенту работы Союза писателей областных совещаний молодых литераторов. В 1954 г. Окуджава был командирован в Воронеж и читал там первый вариант своей поэмы о Циолковском⁶⁰, на следующий год уже на семинаре в Калуге (21—23 мая) «Стихи и поэма Б. Окуджавы были вынесены на индивидуальную консультацию»⁶¹, а «К открытию третьего Всесоюзного совещания молодых писателей, которое будет происходить в Москве в ноябре этого года, намечено выпустить... книгу стихов Б. Окуджавы»⁶². То, что публиковал Окуджава в 1953—1956 гг. (если вводить это в разряд жанровых определений), можно назвать «стихотворениями на случай» (что в XVIII в. было писать не зазорно, а в советские времена стало аттестовать-

ся как конъюнктура): первая публикация приурочена ко дню смерти Ленина (№ 606), затем излюбленным праздником Окуджавы в 1954—1957 гг. становится 1 мая (№ 607, 612, 617, 627), день рождения Ленина (№ 4), день гибели Пушкина (№ 11), столетие смерти Гейне (№ 18), Новый год (№ 626). Он сам откровенно вспоминал об этой стороне своего стихотворства: «В Калуге, где я жил одно время, работая учителем, я считался лучшим поэтом! Я писал стихи к праздникам и публиковал их в местных газетах. Меня хвалили власти, потому что я никого не беспокоил, — и у меня кружилась голова от собственной гениальности»⁶³. Но можно, думаю, утверждать, что Окуджава читал в кругу друзей-студентов и показывал Пастернаку не эти стихотворения. Параллельно с названным комплексом «стихов на случай» Окуджава в те же годы (1954—1956) публикует стихотворения, связанные, как это не трудно заметить, с интенсивным переживанием своего детства — довоенного и военного. Впрочем, уже в первом из опубликованных стихотворений (приуроченном к очередной годовщине смерти Ленина) найдем этот мотив:

...с самого детства мое поколение
ленинцами называет себя (№ 606).

Из дальнейших публикаций очевидно, что наиболее органично для мотива детства у Окуджавы оказывается его сочетание с темой войны, мотивами двора, матери и дороги (расставания). Показательно, что даже стихотворение на рождение сына посвящено грядущему неминуемому его расставанию с матерью (№ 610). С этой публикации 1954 г. вплоть до 1996 г. мотив детства постоянно присутствует в творчестве Окуджавы: «ты доволен, как мальчишка, / одиночеством своим» (№ 8); «тянется дорога / к детству, к сердцу через перевал» (№ 15); «Те сны прошли, и детства больше нет» (№ 26); «И сладки, как в полдень пасеки, / как из детства голоса, / твои руки, твои песенки, / твои вечные глаза» (№ 46); «Как в старой считалочке детских лет» (№ 84); «Вот заводской оркестр играет / на октябринах / на моих» (№ 155); «и мальчик с гитарой в обнимку» (№ 162); «Я маленький... Я просто так стою» (№ 640); «Худосочные дети с Арбата» (№ 182); «Кричит какой-то соловей / отличных городских кровей, / как мальчик, откровенно» (№ 193); «В детстве мне встретился как-то кузнечик» (№ 228); «Я был его ребенком...» (№ 246); «как с нашим детством — сорок лет подряд» (№ 303); «отвага нас детская мучит» (№ 317); «"Я маленький, горло в ангине"» (№ 347); «Ах, годы детства так пестры» (№ 383); «Я умел не обольщаться / даже в юные года» (№ 397); «Память, словно ребенок, ранима / и куда-то зовет и зовет» (№ 431); «и привычные с детства горят вдоль нее письмена: / то "Вернись!", то "Ступай!", то "Прощай!", то "Счастливо!"» (№ 439); «Стало реже детство видется, / так — какие-то клочки», «Были песни пионерские, / было всякое вранье» (№ 458); «Мама меня от беды берегла, / Бога просила о том, атеистка» (№ 467); «А ведь мальчик был ладен и скроен» (№ 503); «Не поплакаться уже

своим родителям» (№ 529); «Я с детства, представьте, гордился отчизной такой» (№ 566); «Юность кончилась. Голос сломался» (№ 590). Помимо этого несколько стихотворений целиком посвящены воспоминаниям детства: «Детство» (№ 92), «Арбатский дворик» (№ 96), «По утрам...» (№ 133), «Синька» (№ 111), «Послевоенное танго» (№ 308), «Арбатское вдохновение, или Воспоминание о детстве» (№ 365), «Детство» (№ 433), «Нянька» (№ 459). Очевидно, что, за исключением мотива всегда ненавидимой войны, рефлексия по поводу остальных названных атрибутов детской темы у Окуджавы выражается в неутолимом всю его жизнь сожалении об утраченном: о дворе, о родителях, обо всем, что связано с детством, и о самом этом детстве⁶⁴.

Между тем хоть намеченная к выпуску в ноябре 1955 г. первая книга стихов Окуджавы и задержалась с выходом в свет, но через год «Лирика» была напечатана. Тогда же Окуджава получил приглашение на работу в Москве: сначала в издательстве «Молодая гвардия», а затем — зав. отделом поэзии «Литературной газеты». Почти сразу после этого к нему пришла слава. Ее принесли несколько исполненных им под гитару собственных песен.

Впоследствии Окуджава по-разному датировал свое знакомство с игрой на гитаре. то ли это было в начале работы в калужской средней школе в 1952 г., когда завуч как бы взял над ним «шефство и ввел в компанию учителей. Тогда-то впервые появилась гитара»⁶⁵; то ли уже в Москве в начале работы в «Литературной газете»: «Я тогда только научился на гитаре трем аккордам...»⁶⁶. Наконец, по воспоминаниям свояченицы о жизни Окуджавы в их семье после женитьбы в 1947 г., «вскоре он начал по слуху подбирать мелодии на гитаре (отец был его наставником), а потом аккомпанировал себе»⁶⁷. Такая же неопределенность в первоначальном объеме репертуара песен, которые, по мере их обнародования, приносили все более широкую известность и славу поэту: по одним воспоминаниям Окуджавы, «в тесных московских квартирах собиралось человек двадцать таких тихих интеллигентов, я брал гитару... А где-то рядом со мной стояло странное громоздкое сооружение — магнитофон «Днепр». <...> А петь-то было почти нечего — 10—12 песен»⁶⁸. Примерно то же количество названо Окуджавой в рассказе о своем выступлении в Доме кино в Ленинграде (1960 г.): «Когда родилось с десяток таких песен — а все это уже записывалось и расходилось, — мне предложили выступить в небольшой аудитории, в Ленинградском Доме кино. <...> Я спел все десять песен. Потом был антракт, и после него я повторил все снова»⁶⁹. В то же время, в воспоминаниях о своем заведении отделом поэзии «Литературной газеты», перечислив пять песен, которые к 1959 г. у него были написаны, Окуджава заметил: «...да много еще — долго перечислять»⁷⁰. По сведениям Л. Шилова, получавшего информацию непосредственно от Окуджавы, «в 1959 году уже существовало около двух десятков песен»⁷¹. Наконец, укажем на воспоминания Л. Аннинского о том же времени и об Окуджаве у себя в гостях: «Через пару дней он

пришел ко мне домой, расчехлил гитару, уселся перед чемоданным, образца 1958 года, "Спалисом" и... и ушел в первом часу ночи, напев три десятка "песенок"⁷². Можно подумать, что и своего давнего умения играть на гитаре, и сложившегося за тбилиско-калужское прошлое песенного репертуара Окуджавы стеснялся и недооценивал. И лишь случай — под настроение исполненная в дружеской компании одна из песенок — показал ему истинную цену этих песен и их возможное влияние на его творческую судьбу, и он стал постепенно и в зависимости от аудитории, еще не вполне доверяя первоначальному успеху, предьявлять свой песенный багаж.

О том, что бурный успех песен Окуджавы был для него не только неожиданным, но и «нежеланным» с точки зрения его понимания своего назначения как поэта, свидетельствует особенно усердное в первые годы (но сохранившееся и в дальнейшем) настойчивое акцентирование поэтического начала (в противовес песенному) в своем творчестве. «Только не говорите, что это песни. Это стихи», — просил Окуджава А. Володина, представлявшего поэта на первом выступлении в Ленинградском Дворце искусств⁷³; «Выступая перед публикой, я не случайно говорю: "Вы услышите стихи под гитару". Главное в авторской песне — поэзия; музыка ей служит, является вспомогательной»⁷⁴. Эта тема — лейтмотив многочисленных интервью Окуджавы и рассказов об истории создания той или иной песни, которые в подавляющем большинстве сводились к указанию на то, что сначала рождаются стихи и лишь потом появляется мелодия. Как бы то ни было, популярность творчества Окуджавы оказалась связанной, прежде всего, с его публичными выступлениями и распространением магнитофонных записей его песен. Впервые он появился на сцене в Московском Доме кино в 1960 г. «Был субботний вечер отдыха. Никто меня не знал, — вспоминал Окуджава. — Громадная сцена, плохой микрофон, запах шашлыка из ресторана, публика такая веселая. Выступает эстрада — кто-то острит, кто-то поет контральто. Потом конференсье объявляет: "Сейчас выступит Булат Окуджава, он споет свои песни". "Кто такой Булат Окуджава?" Я вышел, на гитаре играть не умею, петь не умею, микрофон плохой. Начал петь — в зале засвистели. Ну, я повернулся и ушел»⁷⁵. По воспоминаниям К. Рудницкого, «В московском Доме кино (тогда еще на улице Воровского) Окуджаву впервые уломали выступить не в частной квартире, не в привычной ему тесноте, а в большом зале. Он вышел, запел: "Ах, война, что ж ты сделала, подлая..." Из темной глубины зала сытый бас рявкнул: "Осторожно, пошлость!" Зашумели, заспорили, закричали. Поэта прогнали со сцены»⁷⁶. Ю. Нагибин 3 октября 1969 г., под впечатлением встречи с Окуджавой, записал в дневнике: «Мне вспомнилось, как десять лет назад он плакал в коридоре Дома кино после провала своего первого публичного выступления»⁷⁷. Успех на сцене пришел к Окуджаве в Ленинграде. Сначала в небольшой аудитории Дома кино («Собралось человек 15»⁷⁸), а затем в декабре 1961 г. во Дворце искусств. К этому последнему выступлению Окуджава уже был

знаменит: его песни исполнялись по радио⁷⁹, в июне 1961 г. худсовет Всесоюзной студии грамзаписи единогласно одобрил к выпуску в свет его авторскую пластинку⁸⁰. Правда, у этой славы была и обратная сторона: киевское телевидение исключило из передачи устного выпуска «Литературной газеты» «все стихи поэта Булата Окуджавы», которые «слишком необычны»⁸¹; утвержденная к выпуску грампластинка в свет так и не вышла⁸²; 11 мая 1961 г. «Комсомольская правда» опубликовала речь секретаря ЦК ВЛКСМ С. П. Павлова на IV Всесоюзном совещании молодых писателей: «...что касается Булата Окуджавы и иже с ним, то уж таким сподручнее делить свои лавры с такими специалистами будауарного репертуара, как Лещенко»⁸³. Выступление Окуджавы в ленинградском Дворце искусств воплотило обе стороны этой славы. Публики было втрое больше, чем мест в зрительном зале⁸⁴, и, по-видимому, Окуджава имел успех, иначе обрушившаяся на него критика (санкционированная, по мнению Окуджавы, С. П. Павловым⁸⁵) не была бы такой агрессивной и безапелляционной. Впрочем, даже перепечатка статьи через неделю в «Комсомольской правде»⁸⁶ несколько Окуджава не повредила, и он был благополучно принят в конце этого года в Союз писателей, хотя и предварительно хорошенько «проработан»⁸⁷. Этот баланс между многочисленными успешными выступлениями Окуджавы в печати или перед публикой и поругиванием его критикой, которое только добавляло ему славы, сохранялся и впредь. Сразу после очередной ругательной статьи он выступал перед огромной аудиторией спортзала Лужников⁸⁸; повесть Окуджавы «Будь здоров, школяр» в вышедшем альманахе «Тарусские страницы» была отрицательно охарактеризована «за цинизм героев и трусость»⁸⁹, но «только в течение одного месяца (1962 г. — В. С.) бюро пропаганды Союза писателей организовало 29 его выступлений в различных аудиториях»⁹⁰; П. Антокольский написал о «странном заговоре молчания вокруг песен Булата Окуджавы»⁹¹,

А люди в зале плачут-плачут (№ 128),

и в 1964 г., например, на выступлениях Окуджавы «театры в Новосибирске, Казани, Куйбышеве были полны»⁹²; но Л. Кассиль полагал, что «его стихи идут под выпивку... вместе с закуской»⁹³; печатный орган саратовских коммунистов обличал выступавшего в местном университете и Филармонии Окуджава: «То, что мы услышали на концерте, дает основание согласиться с критиком Юрием Андреевым, который пишет в первом номере журнала «Октябрь», что Булат Окуджава как мыслитель, как носитель каких-то концепций просто слаб, что гуманизм его абстрактен и лишен отчетливого социального смысла»⁹⁴; в то же время главный журнал «Коммунист» призывал: «Нужно, на наш взгляд, здраво и доброжелательно посмотреть на творчество <...> Булата Окуджавы. <...> лучшие его песни — романтические, чистые и нежные, безусловно, находят дорогу к слушателю»⁹⁵. Формальные неприятности ненадолго случились у Окуджавы лишь в 1972 г. и связаны

они были с его членством в Коммунистической партии — без этого не было бы самого дела⁹⁶. И хотя партком московского отделения Союза писателей РСФСР 1 июня 1972 г. исключил его «за антипартийное поведение»⁹⁷, инцидент был исчерпан после публикации письма Окуджавы в «Литературную газету» от 18 ноября, где он выразил протест «некоторым печатным органам за рубежом» против истолкования своего творчества «во враждебном для нас духе» и попыток «приспособить» его «имя к интересам, не имеющим ничего общего с литературными»⁹⁸. После чего авторские вечера и другие выступления продолжились своим чередом. Не менее успешными были и выступления Окуджавы в печати: для поэта, взыскательно относившегося к своему творчеству, публикация минимум трех-четырёх крупных стихотворных подборок в год и нескольких отдельных стихотворений являлась хорошим результатом творческой работы. Последовательно выходили в Москве книги стихов: в 1959, 1964 (сразу две), 1967, 1976 (с конца 1960-х и в 1970-е гг. Окуджава больше работал над прозой) и т. д. Окуджава стал одним из наиболее широко публикуемых за рубежом советских поэтов. В ФРГ, Англии, США выходили собрания его произведений, его стихотворения включались в антологии советской поэзии в ГДР⁹⁹, Австрии¹⁰⁰, Румынии¹⁰¹, Японии¹⁰², печатались во французских газетах «Монд»¹⁰³ и «Русская мысль»¹⁰⁴, во множестве других стран и изданий. Никакие «проработочные» статьи и прочие претензии властей не мешали Окуджаве лично представлять советскую литературу в многократных зарубежных поездках¹⁰⁵: в Польшу в 1964 г.¹⁰⁶, в Югославию в 1967 г.¹⁰⁷, в том же 1967 г. в Париж¹⁰⁸, в 1970 г. в Венгрию¹⁰⁹, в 1977 г. снова в Париж¹¹⁰, в 1979 г. в США¹¹¹ и другие страны в эти же и тем более в последующие годы.

Всё это были ложные приметы счастливой судьбы, которую Окуджава никогда таковой не ощущал и не впускал в свою поэзию. Наиболее пристрастные его читатели и слушатели (а это, конечно, недоброжелатели) согласно отмечали, что поэзия Окуджавы способна «вышибать слезу у непритязательных обывателей»¹¹²; рассчитана на людей, которым «хочется понюхать вслух на людях, пройти под гитару по струнам собственной, якобы не всеми понятой души»¹¹³; «когда я слушаю записи некоторых песен Окуджавы, например, то вспоминаю рассказы о старых шарманщиках: все эти песни идут на одной тоскливой ноте»¹¹⁴; «Мне не нравятся песни Окуджавы, не все, а как раз те, что для него характерны, потому что они пронизаны унынием и тоской»¹¹⁵; даже в «защитительной» статье в журнале «Коммунист» пришлось отметить, что у Окуджавы «есть просто лирические песенки, будящие в людях хорошие чувства. Сама грусть в них настолько светла, что действует не угнетающе, а облагораживающе на человека»¹¹⁶. Некоторые истоки этого жизнеощущения очевидны и уже обозначены: так трансформировались в поэтическом мире Окуджавы ранние личные потери: отца, матери, устойчивого места обитания — двора, мальчишеского представления о войне-игре. Но для упоче-

ния такой всепроникающей и постоянной на протяжении более чем сорокалетнего творческого пути эмоциональной атмосферы поэзии Окуджавы должны были, по-видимому, иметься и другие источники.

В январе 1966 г. Окуджава опубликовал стихотворение «Эта женщина! Увижу и немею...» (№ 113), которое позднее датировал 1950-ми гг. По утверждению И. Живописцевой, оно было посвящено ее сестре Галине, на которой Окуджава женился в 1947 г., и написано примерно в это же время¹¹⁷. Стихотворение появилось в печати через два месяца после смерти Г. Окуджавы (7 ноября 1965 г.), наступившей почти в день годовщины ее развода с мужем. Впервые Г. Окуджава угадывается в стихотворении «Сыну»:

...да и маму свою ты не видел девчонкой
под бомбежками на воронежских улицах (№ 207)¹¹⁸.

В том же 1955 г. Б. Окуджава публикует стихотворение «Посредник» (№ 6) — предвестие будущей драмы. Нельзя не заметить, что в конце 1950-х гг. Окуджава пишет несколько обращенных к женщине стихотворений, лирическим сюжетом которых является подготовка к разлуке:

Всякое может случиться.
(В жизни чему не быть?)
Вдруг захочу расстаться,
вдруг разучусь любить (№ 85)¹¹⁹.

Прощай. Расстаемся. Пощады не жди!
Все явственней день ото дня,
что пусто в груди, что темно впереди... (№ 116).

И как мотивировка грядущей разлуки:

...две женщины, и, значит, два пути (№ 124).

Вообще не неожиданный для стихов Окуджавы мотив расставания-разлуки¹²⁰ особенно очевидно концентрируется в стихах 1964 г.¹²¹ и реализуется как сюжет в стихотворениях «Сыну» (№ 207) (с заметной прощальной интонацией) и «Старый дом»:

Дом предназначен на слом. Извините,
если господствует пыль в нем и мрак.
Вы в колокольчик уже не звоните.
Двери распахнуты. Можно и так.
Всё здесь в прошедшем, в минувшем и бывшем (№ 197).

6 ноября 1964 г. произошел развод, а 7 ноября 1965 г. в возрасте 39 лет Г. Живописцева (Окуджава) скончалась от разрыва сердца. Стихотворение «Эта женщина! Увижу и немею...», появившееся в печати через два месяца, читается как фрагмент ненаписанного Окуджавой реквизма. Но, кажется, это была не последняя дань

ее памяти. Вероятно, Окуджава безошибочно датировал 1966 г. «Прощание с новогодней елкой», поскольку это стихотворение все посвящено посмертному («сняли с креста») прощанию с любимой:

Где-то по комнатам ветер прошел:
там поздравляли влюбленных.
Где-то он старые струны задел,
тянется их перекличка...

Даже поверилось где-то на миг
(знать, в простодушие сердечном):
женщины той очарованный лик
слит с твоим празднеством вечным...

Ель моя, Ель, словно Спас на крови,
твой силуэт отдаленный,
будто бы след удивленной любви,
вспыхнувшей, неуголенной (№ 245).

«Любовь и разлука» (ср. название № 370) станет сквозным сюжетом поэзии Окуджавы до конца его творческого пути¹²².

Слезы, которых не чуждалась поэзия Окуджавы еще с конца 1950 — начала 1960-х гг.¹²³, в последующее тридцатилетие станут одним из очевидных проявлений устойчивого многосложного мотива грусти-тоски-страдания-боли (с привходящей порой авторской положительной оценкой этих эмоций) и будут распространяться на все составляющие элементы его поэтического мира — детство, мать, отца, Арбат, войну, любовь, вообще человеческое существование (нельзя при этом не учитывать, конечно, и определенную жанровую инерцию)¹²⁴: «плачет, мучается, смеется, по-свистывает» (№ 81); «да плакать ему нечем» (№ 168); «сквозь смех наш короткий и плач» (№ 174); «рукой своей к слезе моей» (№ 271); «то капелька слезы морской — сестра твоей слезы соленой» (№ 272); «Боль и слезы своих дочерей» (№ 654); «Поэты плачут — нация жива» (№ 314); «Давайте горевать и плакать откровенно» (№ 320); «И плачет о своем гармоника лесная, / и на ее слезу попробуй не ответь» (№ 334); «сложится всё соответственно / вере, слезам и судьбе» (№ 357); «ну а мы вместе с ним посмеемся и вместе поплачем» (№ 364); «Что-то к горлу его подступило: / то ли слезы, а то ли слова...» (№ 369); «я тоскую, и плачу, и грежу» (№ 372); «и уже настоящие слезы / проливать по героям готов» (№ 373); «плачет она и стораает» (№ 392); «то пепел, то кровь, а то слезы», «что слез никаких и не хватит, чтоб горечь утрат оплатить» (№ 395); «в разлуке невозможно жить без слез» (№ 398); «Кричи и плачь» (№ 400); «по Варварке слез не пролил» (№ 408); «а я тянусь на цыпочки / и плачу о себе» (№ 420); «И нам остается, пока суд да дело, не грезить, а плакать и петь. / И слезы мои солонны и горячи» (№ 424); «Я плачу не о том, что прошлое исчезло» (№ 429); «сливаются слезы и смех» (№ 432); «Какие слезы на асфальт из круглых глаз катились» (№ 442); «пот и слезы стирая

со щек» (№ 446); «и всё это с плачем, и смехом» (№ 456); «справа — слезы, любовь и отечество» (№ 459); «Я плачу, молюсь и спасаюсь» (№ 468); «слезы, что речкой текут» (№ 472); «Покуда шершавой бумаги хоть капля слезы не омочит» (№ 476); «Но вам сквозь ту бумагу белую / не разглядеть, что слезы лью» (№ 479); «А у нас — одни заботы, только слезы да штыки» (№ 486); «а это в дому моем стонут и плачут» (№ 495); «слезы чистые, прозрачные не высыхают на глазах» (№ 499); «плакать и каяться поздно» (№ 513); «любовь, и слезы, и надежды», «Не будем плакать о былом» (№ 522); «сладость раскаянья, слезы и отзвуки / боли» (№ 524); «Не поплакаться уже своим родителям» (№ 529); «Женщина поет. Мужчина плачет» (№ 534); «А потом вдруг как заплачет, песню выплеснув в окно» (№ 552); «радостных слез не стирает с лица», «слезы, что были недаром ведь пролиты» (№ 564); «мы ж исчезаем так банально со слезами на глазах» (№ 710); «омыты горькими слезами» (№ 711); «жизнь течет, как прежде, / хоть и слезой со щек» (№ 578); «ни слёз, ни сердца не тая» (№ 580); «чем на Арбате по прошлому плакать» (№ 588); «как плачем мы и празднуем» (№ 605); «Лишь дрожь в душе, и плечи согнуты, / и слезы едкие — со щек» (№ 589). И, наконец, в последней прижизненной подборке стихотворений Окуджавы:

Хороша она или плоха,
выплакана или недопета,
музыка стиха всегда тиха
и непредсказуема, как Лета (№ 717).

Это стихотворение датировано 1996 г. и появилось в январском (1997 г.) номере журнала «Знамя». 13 июня 1997 г. умер Булат Окуджава.

Примечания

1. Например: «О чем бы ни писал Булат Окуджава, <...> он всегда пишет об одном и том же человеке» (Соловьев В. «По чертежам своей души...» // Звезда. 1968. № 5. С. 220).

2. Например, стихотворение «Вдова» (наст. изд., № 7; далее в подобных случаях в скобках указывается порядковый номер текста) опубликовано впервые в 1955 г., повторно — в 1990 г. с датой 1946 г., хотя по содержанию («давно в гражданке батальон, где он служил когда-то») стихотворение написано, конечно, по прошествии по крайней мере нескольких лет после войны.

3. Мало того, что в «Чаепитии на Арбате» все стихотворения разделены поэтом по достаточно аморфному принципу «десятилетий». Но он включил, например, в «Пятидесятые» стихотворение, которое сам уверенно признавал написанным в 1946 г. (№ 120); несомненно передатировал «Эта женщина! Увижу и немею» (№ 113; см. ниже), перенес в «Семидесятые» стихотворение «Римская империя времени упадка» (№ 332), написанное, скорее все-

го, в 1982 г. (отмечено: Новиков Вл. Булат Окуджава // Авторская песня: Книга для ученика и учителя. М., 1998. С. 54); вообще насытил раздел «Семидесятые» столь значительным числом стихотворений, что их количество вошло в противоречие с многократными утверждениями поэта: «...в последнее время стихов и песен не пишу» (Смена. 1971. 24 ноября); «...хочется писать стихи, а получается мало: одно-два стихотворения в год» (Литературная газета. 1976. 17 ноября); «...десять лет стихов не писал» (Вечерний Таллин. 1983. 10 апреля); «..уже лет восемь не писал стихов» (Вечерний Ленинград. 1984. 7 мая; Смена. 1984. № 18); см. также примечания к стихотворениям настоящего издания.

4. Возможно, не без протекции своего брата Михаила, члена Президиума ЦК КП(б) Грузии, в то время находившегося в Москве (см.: Борьба за упрочение советской власти в Грузии: (Сб. документов и материалов). 1921—1925 гг. Тбилиси, 1959. С. 117). Во второй половине 1920-х гг. Шалва выступит против Михаила и другого своего брата — Николая: «Находясь в Тифлисе на партработе, мне приходилось вести активную борьбу против троцкистов и, в частности, против своих братьев» (Кто ты, Шалва Окуджава?: Архивы рассказывают // Тагильский рабочий. 1988. 27 сентября).

5. «В парткоме Уралвагонстроя меня встречает смуглый с блестящими глазами, очень кудрявый и очень веселый, энергичный товарищ — секретарь парткома и парторг ЦК Шалва Окуджава», — вспоминал А. Авдеенко (Авдеенко А. Наказание без преступления. М., 1991. С. 99).

6. Огонек. 1991. № 19. С. 4.

7. Этот мотив «взывания» к покойному отцу-коммунисту есть и в одной из сцен знаменитого тогдашнего фильма М. Худиева «Мне двадцать лет» («Застава Ильича»), где, кстати, в хроникальном фрагменте Б. Окуджава исполняет «Сентиментальный марш».

8. Одновременно это прощание является и предвестием будущей встречи: для поэтической системы Окуджавы очень характерно, что подобный же мотив загробной встречи будет воспроизведен им едва ли не через 30 лет: «Скоро увижу я маму мою» (№ 467).

9. По-видимому, ко второй половине 1960-х гг. относится эпизод, рассказанный В. Огневом в контексте характеристики тогдашнего оргсекретаря Союза писателей В. Н. Ильина: «Помню, как он достал для Окуджавы фотографию его отца из секретного архива, как искренне был обижен, что Булат якобы забыл фото на столике в ресторане» (Огнев В. Амнистия таланту: Близки памяти // Знамья. 2000. № 8. С. 154).

10. Но, наряду с отцом, Окуджава в позднейших воспоминаниях отведет и матери важную роль в его духовном воспитании: «...почему моя мама, дочь машиниста, получившая весьма приблизительное образование, не имеющая никакого музыкального слуха, с фанатическим упорством приучала меня к серьезной музыке, к опере? Почему, почти ежевечерне, уставшая после трудового дня, она уводила меня, семилетнего мальчика, жаждущего

военных подвигов, в оперный театр?» (Панорама искусств: 8. М., 1985. С. 596—397); «...мама стала приобщать меня к опере с пяти лет... Почти каждый вечер мы шли в Большой театр» (Сельская молодежь. 1985. № 2. С. 39). Так Окуджаву мотивировал происхождение своей музыкальности и многочисленных стихотворений о музыке и музыкантах — начиная со стихотворения 1955 г. «Ночь после войны» (№ 9) и вплоть до «Отъезда» 1994 г. (№ 564); причем в более чем полусотне таких стихотворений из всего поэтического репертуара Окуджавы легко заметить расширение состава его «оркестра»: к многочисленным трубам и барабанам 1950-х гг. постепенно прибавляются шарманка (№ 150), флейта (№ 157), скрипка и кларнет (№ 171), валторна (№ 417). (См. об этом: *Баженова А.* «Ничего взамен любви...»: Штрихи к портрету Булата Окуджавы // Октябрь. 1984. № 9. С. 200).

11. Аргументы и факты. 1993. № 13. С. 7.

12. *Казбек-Казиев З. А.* Воспоминание // Литературное обозрение. 1998. № 3. С. 37.

13. Эта нескладица встречи с матерью после ее первого освобождения по-своему трансформировалась в рассказе Б. Окуджавы «Девушка моей мечты».

14. Из этих двух матерей вторая — Родина. Через 30 лет после цитируемого стихотворения Окуджаву это еще раз подтвердит: «...я люблю отчизну бедную, как маму бедную мою» (№ 479).

15. За одним исключением («к черту сказки о богах» — № 47) можно бы сказать, что высокому проценту «культовых» «фразеологических единиц» (*Распутина С.* Фразеологическое своеобразие бардовского искусства 1960—1980-х годов: (Б. Окуджаву) // Русское слово в художественном тексте и на уроке: Сб научных студенческих работ. Магнитогорск, 1992. С. 35) в поэзии Окуджавы положила начало именно «Песенка о комсомольской богине». Это обстоятельство и то, что густота такой лексики особенно заметна в стихотворениях 1950 — начала 1960-х гг., в сопоставлении с позднейшим:

Мама меня от беды берегла,
Бога просила о том, атеистка (№ 467) —

позволяет предположить, что именно влиянием матери, с которой Окуджаву воссоединил в 1957 г., инициировано это свойство его поэзии. Христианским мотивам в поэзии Окуджавы посвящена большая литература, из которой отметим: *Жолковский А. К.* Искусство приспособления // *Жолковский А. К.* Блуждающие сны и другие работы. М., 1994. С. 46 и др.; *Бойко С. С.* Поэзия Булата Окуджавы как целостная художественная система. М., 1998. С. 13; *Ходанов М.* «Спасите наши души!..»: О христианском осмыслении поэзии В. Высоцкого, И. Талькова, Б. Окуджавы и А. Галича. М., 2000. Частный случай названных лексических единиц в поэзии Окуджавы — выражение «братья и сестры», которое встречаем на протяжении 1960—1990-х гг. (№ 295, 327, 339, 424, 475, 684). Это традиционное обращение друг к другу христиан, скорее все-

го, несет на себе след воспоминания Окуджавы о радиообращении И. Сталина 3 июля 1941 г., начинавшемся: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота!» (И. Сталин о Великой Отечественной войне Советского Союза. 5-е изд. М., 1948. С. 9). Ср. также с заглавием романа Ф. Абрамова «Братья и сестры» (1958).

16. Кажется, что Б. Окуджава потом не очень четко отличал по годам места своего детства: в «Упраздненном театре» пребывание в Москве относится к 1924—1930 гг., потом появляется Тифлис, в 1932 г. — Москва, в 1934 г. — Нижний Тагил («позади 3 класс»), из которого мать увезла сына в Москву после ареста отца в 1937 г.; вместе с тем, по другим воспоминаниям Б. Окуджавы, он остался на второй год в 5-м классе, и дядя (муж тети Сильвии, живший в Тифлисе) устроил его на работу в мастерскую по ремонту пишущих машинок (ЛГ-Досье. 1993. № 6); тот же дядя, по другим воспоминаниям Б. Окуджавы, посоветовал ему, 12-летнему мальчику, отнести свои первые стихотворения в Союз писателей (Труд. 1993. 11 марта); а по рассказу одноклассника Б. Окуджавы по московской школе № 69 И. Окунева, отец которого тоже работал на Тагилстрое, матери привозили их на лето из Москвы в Нижний Тагил (Окунев И. Виноградная косточка в горле КГБ // Вечерняя Москва. 1998. 5 ноября).

17. С середины 1980-х гг., наряду с другими демонстративно резкими самооценками, Б. Окуджава выскажется в подобном роде и об атмосфере своего детского двора: «...в 1937 году мы с бабушкой остались вдвоем, и моими кумирами надолго стали чубатые мальчики в тельняшечках, с фиксами, в сапогах гармошечкой» (Сельская молодежь. 1985. № 2. С. 39); рассказывая, как его дворовые друзья участвовали в концерте «Джаз веселых поварят», Окуджава заметит: «И вот, представьте, с одной стороны двор, с его грязью, пьянством и драками, и с другой стороны — маленькие советские повара, в белых колпачках и красных галстуках, поют: "Эх, хорошо в стране советской жить!" А после концерта — домой, где пьют и матерятся... И вот я сижу в зале и вижу, что вот эти, с которыми я живу в одном дворе, и сам я с ними курю и хулиганю, и знаю, что у них творится дома, — на сцене, в красных галстуках... Мне был тогда очень неприятен такой контраст. Но я постарался его поскорее от себя отогнать» (Общая газета. 1997. 17—23 июля).

18. ЛГ-Досье. 1993. № 6.

19. Махаз-Тарумова А. Уходили на фронт сыновья // Вечерний Тбилиси. 1976. 8 мая.

20. Лесная промышленность. 1982. 4 мая.

21. «Я был какой-то очень политический молодой человек... Пошел воевать с фашизмом, вот и всё. Это было конкретно. Вот когда мальчишкой пытался бежать в Испанию — там была романтика. А тут совершенно сознательно» (Советская эстрада и цирк. 1983. № 11. С. 8); ср.: «Еще в 1936 году мы с другом собирались бежать в Испанию — не в поисках романтики, приключений, а из желания воевать с фашизмом» (Даугава. 1986. № 7. С. 101); «Вое-

вал не я. Воевал юноша с моим именем и фамилией. Он был романтичен, как, впрочем, и большинство его сверстников, он был сыном врагов народа, и это его ранило и побуждало идти на фронт, чтобы доказать всем, чтобы все видели, что значит для него его прекрасная, единственная, неповторимая отчизна. Прозорливости ему, конечно, не хватало. Ни знаний, ни житейского опыта у него не было. Его согревали романтические костры тех лет и уже живые мифы» (Литературная газета. 1990. 2 мая).

22. «Был минометчиком, потом радистом тяжелой артиллерии. Ранения, госпитали, снова передовая» (Московские новости. 1985. 6 января).

23. «Во время артиллерийской подготовки в тылу 242-й дивизии, с правого крыла, с боевого участка, расположенного по соседству с 339-й стрелковой дивизией, подошли наши танки, которые, приняв за пехоту противника, по ошибке прямой наводкой начали обстреливать нашу пехоту; танки 63-й танковой бригады вышли к командному пункту 903-го полка и открыли по нему сильный огонь. Танкистами 63-й бригады было ранено и убито 23 человека» (Купатагзе Э. С. Из истории боевого пути 242-й горнострелковой дивизии // Участие Грузинской ССР в Великой отечественной войне: (1941—1945 гг.): (Сб. трудов). Тбилиси, 1989. С. 18).

24. Окуджава Б. Песни: В 2 т. / Сост. В. Фрумкин. Ann Arbor, 1986—1988. Т. 1. С. 155.

25. Писатели России: Автобиографии современников. М., 1998. С. 346—347

26. Тарусские страницы: Литературно-художественный иллюстрированный сборник. Калуга, 1961. С. 75.

27. «Я смотрю на свои не очень античные ноги, тоненькие, в обмотках» (Тарусские страницы. С. 50—51). Ср. в интервью через двадцать с лишним лет варшавскому еженедельнику «Крик»: «Мне было тогда 17 лет. И были у меня худые, кривые ноги и длинная тонкая шея» (цит. по: Русская мысль. 1983. 24 ноября).

28. Вариант того же мотива: «Руки тонкие к небу возносит» (№ 413); «я ручками размахиваю, я ножками сучу» (№ 421); «мои тонкие запястья пред глазами скрещены» (№ 444).

29. «Что же касается того, что нас сформировала Великая Отечественная война, то это просто легенда. И вообще: не было никакой Великой Войны. Была просто война. Великим может быть народ и его дела. Но не война, не бойня. Не кровавая мясорубка, не смерть. Это была не Великая, а Ужасная Война. Мерзкая Война. Она опустошила наши души, сделала нас жестокими» (из интервью венгерской литературной газете «Элет Эш Ирадолом» 9 августа 1983 г. Цит. по: Окуджава Б. Песни: В 2 т. Т. 2. С. 86).

30. «...и дышишь прохладой поздней, / как в детстве далеком своем» (№ 3); «с первых маршей войны став негаданно взрослым» (№ 5); «С войной мы стали вдруг взрослее» (№ 614); «мальчик, выращенный войной» (№ 9); «Вот какой-то испуганный мальчик / сам с собою играет в войну», «и какой-то задумчивый мальчик / днем и ночью идет по войне» (№ 100); «Мы для нее как

детвора» (№ 152); сюда же, разумеется, включаются ставшие хрестоматийными «Король» (№ 43) и «До свидания, мальчики» (№ 63).

31. Левинский Л. Понимать с полуслова // Аврора. 1988. № 4. С. 32.

32. 2 сентября в той же газете опубликованы еще два стихотворения Окуджавы: «Не позабыть жестоких дней» и «В край родимый», а после возвращения газете прежнего наименования («Ленинское знамя») 12 декабря: «Кавалерист», 1 января 1946 г.: «Декабрьская полночь» и в сентябре: «До свиданья, сыны» (почти: «До свидания, мальчики!») — последнее за подписью: А. Долженков. Сведения об этих текстах, за отсутствием названной газеты в доступных мне библиотеках, привожу по описаниям в библиографиях Окуджавы.

33. Заметно, что Окуджава не по рассеянности забывал, но намеренно не хотел помнить свои ранние тексты. «Как-то пришло в редакцию "Комсомольской правды" письмо: "Пишете о Булате Окуджаве. А не тот ли это Булат, что служил в нашем батальоне и сочинил собственную батальонную песню?" <...> Подражательской этой песни о темной ночи, о землянке не помнил. Если бы не письмо — до сих пор считал бы, что первая моя песня родилась, когда сидел в кругу близких друзей (имеется в виду 1956—1957 гг. — В. С.). В бесшабашном настроении мне вдруг захотелось спеть одно свое шуточное стихотворение» (Вечерняя Одесса. 1984. 24 мая; см. также: Смена. 1984. № 18. С. 22). Это, по-видимому, и есть один из тех текстов, с публикацией которых связан, как признавался впоследствии Окуджава, «самый счастливый день» его жизни.

34. Вечерняя Москва. 1991. 4 февраля. Возможно, это были те, которые он по совету своего дяди носил в Союз писателей (см. примеч. 16).

35. Сельская молодежь. 1985. № 2. С. 38.

36. Там же.

37. Клуб и художественная самодеятельность. 1977. № 18. С. 27.

38. Давигов Р. О друзьях-товарищах // Литературная Грузия. 1991. № 11/12. С. 187.

39. Казбек-Казиев З. А. Воспоминание // Литературное обозрение. 1998. № 3.

40. Не ясно, в каком именно году это было, — сам Окуджава, кажется, не называл определенной даты своего возвращения в Тбилиси; Ю. Эдлис, посещавший то же литобъединение, вспоминает: «Мы занимались в Тбилиси, когда он вернулся с фронта после ранения, в литобъединении при газете "Молодой сталинец", и относит свои воспоминания к 1943 г. (Эдлис Ю. <Выступление на открытии Музея Б. Окуджавы 22 августа 1998 г. > // Дом Булата. № 2. Мичуринец, 1999. С. 15). Во всяком случае, к 1945 г. Окуджава уже доучился в школе и поступил в Тбилисский государственный университет им. И. В. Сталина.

41. См.: Давигов Р. О друзьях-товарищах. С. 187.

42. Там же. По воспоминаниям Окуджавы, кружок назывался «Соломенная лампа» (Сельская молодежь. 1987. № 5. С. 34).

43. ЛГ-Досье. 1990. № 2. С. 12.

44. Огонек. 1986. № 47. С. 20.

45. Живописцева И. Опали, как листва, десятилетия... СПб., 1998. С. 19.

46. Сельская молодежь. 1987. № 5. С. 35. В дальнейшем в качестве своих литературных учителей Окуджава называл Державина, Пушкина, Киплинга, Заболоцкого (см. примечания к стихотворениям настоящего издания, где отмечены реминисценции из этих и других поэтов).

47. Аврора. 1981. № 1. С. 117. См. также: «После фронта я вернулся в Тбилиси, где поступил на филологический факультет университета. И так как я уже в это время писал стихи, мне захотелось написать студенческую песню. Сложились стихи, затем я придумал мелодию, и родилась песня. Ее разучили мои друзья, мы часто ее пели...» (Заря Востока. 1983. 13 февраля); «...как-то в сорок шестом году, будучи студентом, подсел к пианино и двумя пальцами стал подбирать песенку... Друзья ее подхватили» (Смена. 1984. № 18. С. 22).

48. См. наиболее насыщенное соответствующим материалом исследование: Соколова И. А. Фольклорная традиция в лирике Булата Окуджавы // «Свой поэтический материк...»: Научные чтения, посвященные 75-летию со дня рождения Булата Окуджавы. <М.>, 1999. С. 33—41; особенно: С. 38—39. См. также: Новиков Вл. Булат Окуджава // Русская речь. 1989. № 3. С. 66; Кушнер А. Рискую вызвать негодование... // ЛГ-Досье. 1992. № 11. С. 3. Косвенно сопрягающаяся с названной тема романсового начала в поэзии Окуджавы также неоднократно рассмотрена в литературе о его творчестве, причем отмечена связь лирики Окуджавы с литературным романсом, наиболее ярко представленным в творчестве А. Григорьева. Наряду с этим не должен быть упущен из виду и такой источник, как советская песня, отзвуки которой нередки в стихах Окуджавы; об этом см.: Сухарев Д. Введение в субъективную бардиетику // Знамя. 2000. № 10. С. 188.

49. Смена. 1984. № 18. С. 23.

50. Советская музыка. 1988. № 9. С. 39.

51. Пастернак Б. Стихотворения и поэмы. М.; Л., 1965. С. 417 (Библиотека поэта; Большая серия).

52. Огонек. 1991. № 19. С. 4. Показательно, что нередко сбиваясь в датах, здесь Окуджава абсолютно точен: Павлик Морозов совершил свой «подвиг» и погиб в 1932 г., когда юному Булату действительно было 8 лет.

53. См. с. 22 и примеч. 21.

54. Репертуар мотива огня (пламени): «Вы пламенем /раны ее опалите», «Слова, как слова, / повседневны и зримы, / но было ли что / их огня убедительней...» (№ 2); «на веселое пламя глядели» (№ 17); «на горе врагу улыбнусь я в огне» (№ 58); «На век не хватает огня» (№ 74); «В огонь? Ну что ж, иди! Идешь?» (№ 97); «и нет в этом небе огня» (№ 116); «огонь сосны с огнем души / в

печи перемешайте» (№ 121); «На ясный огонь» (№ 177); «Есть муки у огня» (№ 215); «красную краску возьми, чтобы пламя / затрепетало», «в красный подбросить огонь» (№ 223); «обуянный огнем суеты» (№ 239); «и муками обожжена» (№ 266); «Никто не знает, чьей вины / пожаром нас душило» (№ 366); «Во всем видна судьба, и пламень, и порыв» (№ 664); «Да ещё ведь надо в душу к нам проникнуть и поджечь» (№ 380); «Жаркий огонь полыхает в камине» (№ 388); «где теплится пламя бывшее» (№ 395); «и пламень тревоги, как свечка, угас», «А надо ли было, чтоб сник этот пламень тревоги. / Но пламень тревоги, который угас» (№ 412); «И жар ловлю не от того огня» (№ 415); «за него не страшно и в огонь» (№ 428); «как будто бы не мы метались в том огне, / как будто тот огонь был неизвестен мне» (№ 429); «Мне слышится пламени рокот» (№ 436); «вливает в них пламя свое» (№ 450); «весь — надежда и огонь» (№ 517); «Слово бурь не предвещало — было пламенным сначала» (№ 523); «в глазах удивленных и в душах святая готовность / пойти и погибнуть, как новое пламя, дрожит», «и в пламени праведном этом надежды улыбка» (№ 525); «Соперника профиль неясный / всё четче под жгучим огнем» (№ 531); «Когда огонь вражды безжалостней и круче» (№ 542); «и душа в огне» (№ 559); «и нас сжигает то огонь любви» (№ 596). Пожалуй, лишь в поэзии революционного народничества можно отыскать такую концентрацию мотива жертвенного горения-сгорания.

55. В силу такой очевидности считаем излишним их перечислять.

56. Живописцева И. Опали, как листва, десятилетия... С. 20. «...впоследствии, когда он стал известным, некоторые стихи пошли в печать как откровение и шедевры» (Там же). Из написанного Окуджавой в эти годы мемуаристка цитирует его шуточные «домашние» стихотворения, фрагмент стихотворения «Для тебя», посвященного жене Галине и датированного 3 октября 1947 г., а также фрагмент стихотворения «Эта женщина! Увижу и немею...», которое Окуджава исполнял, аккомпанируя себе на гитаре, и приводит по памяти строки из поэмы, условно ею называемой «Белая медведица» (Там же. С. 15, 40, 20, 27).

57. «Когда я туда приехал, меня охватило предощущение скуки и тоски» (Клуб и художественная самодеятельность. 1977. № 18. С. 28).

58. Вечерний Таллин. 1983. 10 апреля.

59. Молодой ленинец. 1980. 22 марта.

60. «...поэма была одобрена, автору указали на ряд недостатков...» (Львов М. О семинаре по поэзии: (Заметки руководителя) // Молодой ленинец. 1955. 3 июня).

61. Там же.

62. Выше мастерство и активность // Молодой ленинец. 1955. 3 июня.

63. Предисловие Б. Окуджавы к парижскому изд. «Бедного Авросимова» (1972) цит. по: Окуджава Б. Песни: В 2 т. Т. 1. С. 61.

64. Можно сказать, что это была рефлексия по утраченному раю, которая именно так и воплощалась Окуджавой на протяжении всего его творчества: «Куда? / Там не рай ведь» (№ 2); в стихотворении «Рай» («Туапсинский дворик...») рай — антоним войне (№ 633); «как верит солдат убитый, что он проживает в раю» (№ 184); «на подороге к раю» (№ 193); «Что рай наконец наступил на арбатском дворе» (№ 203); «пощечины перепадут в раю» (№ 227); «Всё так правильно в этом краю, / как в раю!» (№ 239); «Я вижу, как в чужом раю» (№ 242); «и рай настанет не для нас» (№ 262); «стремятся в райские врата» (№ 288); «вижу райские места» (№ 290); «и рай, замаскированный под двор» (№ 303); «а погибнем — райская дорога» (№ 309); «сегодня в преддверии рая средь маршалов и рядовых» (№ 395); «лишь режется, будто бы в раю» (№ 673); «третий (лишний, наверно) в раю погребен» (№ 416); «А может быть, подстреленный, давно живу в раю» (№ 421); «рожденный райской канонадой», «и птица райская взлетела» (№ 425); «На райское пение падки» (№ 427); «В поисках рая глаза проглядел. / Где-то он всё в стороне остается» (№ 462); «в заснеженном этом раю» (№ 477); «И эти райские места благословят мои уста» (№ 489); «и райская роща всё яснее видна» (№ 512); «райские смотрят врата» (№ 513); «и вокруг как в раю» (№ 528); «Я в раю, где уют и улыбки» (№ 543; ср. с № 633 — отметим эмоционально как бы для Окуджавы отсутствующее реальное расстояние в 32 года между двумя стихотворениями под одинаковым заглавием «Рай»); «И немец, застреленный Ленкой, в раю проживает» (№ 719). Рай — редкий мотив поэзии Окуджавы, с которым почти без исключений связаны положительные коннотации.

65. Соловьев В. Это было недавно... // Учительская газета. 1988. 21 октября.

66. Труд. 1993. 11 марта.

67. Живописцева И. Опали, как листва, десятилетия... С. 15.

68. Сельская молодежь. 1985. № 2. С. 39, 59.

69. Советская музыка. 1988. № 9. С. 39. Организовывавший это выступление Окуджавы А. Володин вспоминает слова поэта: «Да у меня и песен-то всего семь-восемь» (Вологин А. «Он был ниспослан нам откуда-то свыше...» // Петрополь. 1997. № 7. С. 3).

70. ЛГ-Досье. 1992. № 3.

71. Шилов Л. Феномен Булата Окуджавы // Музыкальная жизнь. 1988. № 8. С. 5. (Отдельное издание: М., 1998. С. 9).

72. Аннинский Л. Шепот и крик // Музыкальная жизнь. 1988. № 12. С. 26.

73. Вологин А. Одноместный трамвай. М., 1990. С. 39.

74. Культура и жизнь. 1987. № 8. С. 26.

75. Савченко Б. Продолжение знакомства // Советская эстрада и цирк. 1983. № 11. С. 8. См. также: Вечерний Таллин. 1983. 10 апреля.

76. Рудницкий К. Театральные сюжеты. М., 1990. С. 398. По воспоминаниям самого Окуджавы, он пел «Песню о солдатских сапогах» (Савченко Б. Продолжение знакомства. С. 8). По сведениям С. Рассадина, это была реакция актеров Л. Кмита и З. Кириенко (Рассадин С. Свобода в зоне // Век. 1998. № 23. 11—18 июня).

77. *Нагибин Ю.* Дневник. М., 1996. С. 243. Окуджаву откровенно признавался в подобной реакции на критические ситуации, будь то положительного или отрицательного свойства: во время успешных выступлений «состояние приближалось к полубоморочному» (Комсомольская правда. 1991. 16 ноября); когда в начале 1970-х гг. ему позвонил полковник госбезопасности, он «чуть в обморок не упал» (Огонек. 1991. № 19. С. 5).

78. *Вологин А.* «Он был ниспослан нам откуда-то свыше...». С. 3.

79. *Шилов Л.* «Я слышал по радио голос Толстого...»: Очерки звучащей литературы. М., 1989. С. 183—186.

80. Там же. С. 186.

81. Кто сорвал телепередачу в Киеве? // Литературная газета. 1960. 11 октября.

82. См.: *Шилов Л.* «Я слышал по радио голос Толстого...». С. 186.

83. *Павлов С. П.* Боевое пополнение литературы: Речь секретаря ЦК ВЛКСМ на IV Всесоюзном совещании молодых писателей // Комсомольская правда. 1961. 11 мая.

84. См.: *Лисочкин И.* О цене «шумного успеха» // Смена. 1961. 29 ноября.

85. Вечерний клуб. 1993. 30 января.

86. Комсомольская правда. 1961. 7 декабря.

87. По воспоминаниям М. Поповского, «Комната № 8 в Центральном доме литераторов, где предстояло судилище, была в тот день переполнена. Окуджаву пришел понурый. Сказал, как-то жалко глядя себе под ноги: «Может быть, я вам спою то, что пел в Ленинграде?...Может быть, не так уж все было страшно...». Окуджава пел минут сорок. «Когда Булат отложил гитару, сидевший рядом со мной Солоухин, подчеркнуто окая, сказал: «Ну вот поразвлекались хорошо, а теперь возьмемся за розги». В розгах в тот раз недостатка не было» (Новое русское слово. 1979. 15 марта).

88. *Соколов В.* Странная история // Юность. 1987. № 6. С. 73.

89. Записка к проекту постановления бюро ЦК КПСС 1 февраля 1962 г. за подписью зав. Отделом науки, школ и культуры ЦК КПСС по РСФСР и зам. зав. Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС по РСФСР Е. Лигачева (История советской политической цензуры: Документы и комментарии. М., 1997. С. 136).

90. *Агов И.* Бремя славы // Вечерняя Москва. 1962. 20 апреля.

91. *Антокольский П.* Отцы и дети // Литературная газета. 1962. 11 декабря.

92. *Волгин И.* <Выступление на открытии Музея Окуджавы 22 августа 1998 г. > // Дом Булата. № 2. Мичуринец, 1999. С. 17.

93. *Кассиль Л.* «Дело вкуса»: Заметки писателя. М., 1964.

94. *Жуйкова А.* Поэты на эстраде // Коммунист. 1965. 8 февраля. На этом саратовские коммунисты не успокоились: Герой Советского Союза, плотник, студент и другие отправили возмущенное письмо в Москву (*Енютин Д., Долгова Н. и др.* Ловцы дешевой славы: Письмо в редакцию // Советская Россия. 1965. 21 февраля).

95. Наровчатов С. Пафос гражданственности в нашей поэзии // Коммунист. 1965. № 11. С. 77.

96. Окуджава вступил в партию в 1956 г., после XX съезда, «Но уже в 59-м я понял, что совершил ошибку. Коммунистом себя не ощущал, и вообще, какой я был член партии в общепринятом понимании? Но выйти из нее не мог: со мной бы разделились и семья бы не пощадили» (Литературная газета. 1990. 2 мая). Ср. также: «Конечно, это был привычный холопский страх, а может быть, грузинское легкомыслие, которое позволяло не придавать особого значения этому страху. Не знаю» (Писатели России: Автобиографии современников. М., 1998. С. 347).

97. «И не хочет унижаться...» / Публ. А. Новикова // Московские новости. 1997. № 25. 22—29 июня.

98. Литературная газета. 1972. 29 ноября.

99. Иностранная литература. 1965. № 6. С. 269.

100. Иностранная литература. 1967. № 4. С. 258.

101. Иностранная литература. 1968. № 11. С. 266.

102. Литературное обозрение. 1982. № 2. С. 86.

103. Дружба народов. 1967. № 11. С. 273.

104. Русская мысль. 1970. 2 апреля.

105. Уже в наши дни такая свобода выезда за границу вызвала печатную полемику по поводу отношений Окуджавы с КГБ (об этом см.: Окунев И. Виноградная косточка в горле КГБ // Вечерняя Москва. 1998. 5 ноября).

106. «Первые мои зарубежные успехи связаны <...> с Польшей» (Русская мысль. 1983. 24 ноября). См. также: Варшава. 1964. № 11. С. 5.

107. См.: Левитанский Ю. Турнир поэтов // Юность. 1968. № 1. С. 109 — 110. В Югославии Окуджава получил премию «Золотой венец Стружских вечеров поэзии 1967 года» за стихотворение «Оловянный солдатик моего сына».

108. О выступлении Окуджавы в Париже 30 ноября см.: Померанцев К. Булат Окуджава в Париже: «Берегите нас, поэтов, берегите нас» // Русская мысль. 1967. 14 декабря. «Страх был велик. Хотелось ударить за кулисы» (Окуджава Б. Письмо Шаляпина // Панорама искусств: 8. М., 1985. С. 398). См. также: Гранин Д. Успех советской книги // Литературная газета. 1967. 5 декабря.

109. См.: Иностранная литература. 1970. № 8. С. 277.

110. См.: Литературная газета. 1977. 16 ноября. Кажется, к этой поездке относится рассказ Окуджавы о том, как за сидевшими на его выступлении представителями советского посольства он увидел эмигрировавшего во Францию в сентябре 1974 г. писателя В. Некрасова: «Конечно, не храбрость вдохновила меня, но какая-то тайная сила толкнула к ступенькам, я сбежал в зал и кинулся к нему. Он вскочил, и мы крепко обнялись через головы мрачно застывших посольских. Дух захватило. Все, подумал я, теперь никуда не выпустят!.. Теперь все...— подумал я. Ну и ладно... и черт с ними!» (Новый мир. 1997. № 1. С. 86).

111. «Недавно вернулся из Соединенных Штатов Америки, где гостил два месяца. Были встречи, выступления. Там тоже вы-

ходят мои книги, пластинки с песнями» (Полярная звезда. 1979. 7 июня). В газете «Новое русское слово» 15 марта, 8, 14 и 18 апреля по поводу выступлений Окуджавы в США развернулась дискуссия между М. Поповским, Н. Коржавиным и Б. Парамоновым (перепеч.: Третья волна. 1979. № 7/8. С. 165 — 195).

112. *Агов И.* Время славы // Вечерняя Москва. 1962. 20 апреля.

113. *Кассиль Л.* «Дело вкуса». С. 92.

114. *Воронцов Г.* Разговор о песне // Молодой коммунист. 1965. № 2. С. 36;

115. *Долматовский Е.* Из жизни поэзии. М., 1967. С. 69.

116. *Наровчатов С.* Пафос гражданственности в нашей поэзии. С. 77. Конечно, у статьи Наровчатова была, так сказать, «политическая» цель — защитить Окуджаву от критики, и поэтому он как бы «снимает» грусть в его стихах, но само слово в контексте написанного Окуджавой к 1965 г. он своим поэтическим слухом выловил абсолютно точно. Дальнейшее творчество Окуджавы показало, что грусть-печаль-тоска — это еще один из постоянных на протяжении всего пути поэта мотивов: «Грустить, художник, не надо» (№ 1); «Вымарывая грусть свою из строк» (№ 12); «Ты страдал, а меня разрывало от грусти» (№ 14); «Нет, осень не печальнее весны, / и грусть ее — лишь выдумка поэтов» (№ 23); «и грустные те комиссары идут по Москве как один» (№ 45); «Эту грустную песню придумала война» (№ 58); «Как хлопьев снега грустных слов навалят» (№ 83); «и грустные, как жители земли» (№ 106); «Не верь войне, мальчишка, / не верь: она грустна. / Она грустна, мальчишка, / как сапоги тесна» (№ 115); «Вот влюбленный человек.../ Но почему же, почему у него печальный век?» (№ 117); «придержи до поры и тоску и усталость» (№ 127); «и украдкой грустя о нем» (№ 633); «то грустен он, то весел он» (№ 135); «печальный ястреб» (№ 136); «Только мама моя в грусти и тревоге» (№ 139); «Еще вернемся мы к своим печалям» (№ 156; с характерным соседством в следующем стихе: «К своим воспоминаньям»); «Грустный летчик» (№ 159); «Побалагуришь — и пройдет тоска» (№ 163); «пять грустных солдат» и далее (№ 164); «я вижу, как насмешливо, / а может быть, печально» (№ 191); «чтоб ни печали, ни покоя» (№ 201); «от пуль уцелев, от печалей» (№ 208); «Его, наверно, грустный мастер» (№ 220); «густую грусть шарманка городская» (№ 221); «Былое нельзя воротить и печалиться не о чем, «ни нам, ни тебе не пришлось бы грустить о былом» (№ 233); «как бьется, как она тоскует» (№ 266); «и грусть, что соседствует с нами» (№ 295); «два печальных постовых», «очень грустная статья» (№ 300); «Да грустная короткая любовь» (№ 656); «Не грустите о поколениях» (№ 316); «поскольку грусть всегда соседствует с любовью» (№ 320); «Ах, как мало любви, а печали так много» (№ 657); «я грущу о нас с тобой» (№ 350); «Я тоскую, и плачу, и грежу» (№ 372); «Сколько прелести в этом законе! Но и грусти порой...» (№ 378); «Что ж печалиться напрасно» (№ 379); «с рассеянной грустью перо золотое сжимаю» (№ 669); «Что еще важнее, чем это, что еще грустнее, чем то» (№ 671); «...от печалей

отшутиться» (№ 391); «чем выше музыка любви, / тем громче музыка печали / чем громче музыка печали, / тем чище музыка любви» (№ 409); «Но из прошлого, из былой печали» (№ 417); «почему так печально завишу» (№ 431); «то, о чем тоскуем мы» (№ 434); «Отчего ты печален, художник» (№ 446); «но погрузите хотя бы, увидев, как сходит на нет / серый, чужой, старомодный, сутулый его силуэт» (№ 498); «Отчего же в моем сердце эта горечь, эта грусть? (№ 504); «В моем облике печальном» (№ 517); «И снова — то в восторге, то в тоске» (№ 523); «Какая грусть — лететь в полночном поезде» (№ 535); «ни тоски, под колеса подброшенной» (№ 526); «Всё тоска окружает, тоска, тоска», «А печаль-то, мой брат, печаль, печаль!» (№ 559); «с тоскою в глазах» (№ 560); «На почве страха и тоски» (№ 567). Отметим, как в 1993—1995 гг. прежде сменявшие друг друга варианты мотива вытесняются в нескольких стихотворениях одним устойчивым — тоской.

117. Живописцева И. Опали, как листва десятилетия... С. 20.

118. Г. Живописцева во время войны год проучилась в строительном институте в Воронеже.

119. Это стихотворение с посвящением «Галине» опубликовано в книге «Острова» вместе с другим, беспощадно резким — «Ты в чем виновата?..» (№ 77), которое безусловно также посвящено Г. Окуджаве.

120. В 1954 г.: «постучится в дверь разлуки час» (№ 610); в 1957 г.: «в заколдованный круг из рук и разлук» (№ 628); в 1959 г.: «на окраине разлуки» (№ 108).

121. «И разлукой, и кровью» (№ 202; ср.: «среди крови и разлук» (№ 316) в 1975 г.); «Разлука — вот какая штука» (№ 212); «Живет солдатик оловянный / предвестником больших разлук» (№ 220); «в преддверье разлук» (№ 231).

122. В этом контексте автокомментарий Окуджавы к стихотворению «Две женщины плакали горько» (№ 676; см. примечания) выглядит намеренным сокращением его подлинного интимного смысла:

Две женщины плакали горько,
а Ванька ну просто рыдал.
О Господи, что за несчастье,
такого и свет не видал!
.....
Кто тот треугольник разрушит?
Кто узел судьбы разорвет?
И слезы любви он глотает,
и воздух разлуки он пьет.

Если б датировки стихотворений Окуджавы не были так неопределенны, я бы осмелился предположить, что как «Прощание с новогодней елкой», так и «Соединение сердец» и «Две женщины плакали горько», появившиеся в печати с удивительным хронологическим ритмом, соответственно: в 1966, 1976, 1986 гг. — писались Окуджавой в очередную годовщину смерти Г. Окуджавы.

123. См. приведенные выше отзывы критики; для полноты картины укажем на работы, которые в течение всего творческого пути Окуджавы обращали внимание на преобладающие мотивы грусти-тоски-страдания в его поэзии: *Клепикова Е.* Поэзия добрых чувств // Звезда. 1965. № 10. С. 217; *Михайлов О.* О чем они спорят? М., 1966. С. 61; *Красухин Г.* «То грустен он, то весел он...» // Вопросы литературы. 1968. № 9. С. 42; *Жолковский А. К.* К описанию одного типа семиотических систем: (Поэтический мир как система инвариантов) // Семиотика и информатика. Вып. 7. М., 1976. С. 48—49, 54; *Жолковский А.* Поэту настоящему спасибо...: Новые стихи и песни Булата Окуджавы // Страна и мир. 1987. № 4. С. 133—139; *Поздняев М.* Какой струны касаешься прекрасной // Неделя. 1988. 3—10 января; *Сигоров Е.* Течение стихотворных дней: Статьи. Портреты. Диалоги. М., 1988. С. 10—11; *Белая Г.* Булат Окуджава, время и мы // Б. Окуджава. Избранные произведения: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 24; *Аннинский Л.* Семь струн, семь нот, семь бед // Ex libris НГ. 1997. 19 июля.

124. Здесь уместно вернуться к отмеченным выше многочисленным утверждениям Окуджавы о прекращении своего поэтического творчества в 1970 — начале 1980-х гг. Он действительно с конца 1960-х гг. переключается на прозу, над которой работает в следующие десятилетия, и, хотя нельзя сказать, что совершенно не пишет стихов, по-видимому, ощущает свою жизнь утратившей поэтическое начало. Отсюда в его интервью тех лет постоянное акцентирование внимания на многолетнем перерыве в работе над стихами, а в самих стихах — нарастающий в течение двух последних десятилетий жизни поэта мотив смерти и предсмертного прощания: «Чувствую: пора прощаться» (№ 345); «Я живу в ожидании краха» (№ 359); «Короток путь от весны до погоста» (№ 388); «Но когда пришлось прощаться, / и, быть может, навсегда» (№ 397); отчетливо «прощальные» подборки в «Московском комсомольце» (1985. 31 марта) и в «Юности» (1980. № 1); «и управляет мой состав земной / в тупик небесный» (№ 465); «Скоро увижу я маму мою» (№ 467); «не берусь за серьезные книжки: / всё боюсь не успеть дочитать» (№ 500); «Вон уж и Лета маячит / прямо за ближним углом» (№ 513); наконец, вся книга стихотворений «Зал ожидания» (1996): редкий у Окуджавы случай книги с единым сквозным сюжетом — прощания с жизнью, которая вся интерпретируется поэтом как процесс ожидания смерти. Предельно откровенно о том же говорил Окуджава и в интервью: «Что касается меня лично, то мне не хочется ничего. Это правда» (Даугава. 1986. № 7. С. 102); «Я почувствовал себя выключенным из жизни» (Огонек. 1991. № 19. С. 6); «Я думаю, что предназначенное мне я совершил» (Неделя. 1991. 16—22 декабря); «Я устал от крушения иллюзий — личных и общественных» (Огонек. 1994. № 2/3. С. 14).

Нельзя не заметить, что, помимо некоторых антисталинских стихотворений и написанных по поводу конкретных политических событий (как бы возвращения к первоначальным стихам «на случай»), в 1970—1990-е гг. у Окуджавы не появляется мотивов, которые бы не присутствовали в его прежней поэзии. Думается,

что при свойственной Окуджаве рефлексии по поводу своего творчества это обстоятельство не могло быть им не замечено и только укрепляло в нем сознание исчерпанности своей жизни, в том числе и вследствие предельной, как он ее сознавал, переполненности страданием. В последние годы он придал этому жизнеощущению вид афоризма, который найдем в стихах (№ 512, 589) и в интервью: «К сожалению, мир спасет страдание» (Наша газета. 1993. № 11, сентябрь); «Только страдания заставят человека вздрогнуть и измениться» (Литературная газета. 1995. 29 марта); «...мир спасет страдание, только оно заставит людей остановиться и опомниться» (цит. по: Комсомольская Правда. 1999. 18 сентября).

Валерий Сажин

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПЯТИДЕСЯТЫЕ

---

1. МОЯ ФРАНЦИЯ

Дождя пелена косая.
Пропитано всё водой.
А ты под дождем босая
стоишь, протянув ладонь.

Усталостью смяты плечи.
Мертвы на губах слова...
Такою тебя под вечер
художник нарисовал.

Мутная, нерастревоженная,
серая акварель.
Он плакал, старый художник,
судьбы не поняв твоей.

Но я за осенней мглою
вижу тебя другой:
с поднятой головою
идешь ты в последний бой.

И в этом бою неистовом
рождается и встает
в поступи коммунистов
будущее твое.

Я всюду тебя встречаю,
хоть ты от меня далека:
и в голубиных стаях,
рвущихся в облака,

и в кулаках матросских,
и в играх твоих детей,
и в честных глазах подростка,
продающего «Юманите».

Грустить, художник, не надо,
вглядись-ка в осенний дым:
женщина с баррикады
стоит за холстом твоим.

<1953>

2. ВЕСНА В ОКТЯБРЕ

Поэма

Россия

...«Нужны ли звезды
Российской империи?
И есть ли смысл
пробираться к Луне?
Она не так далека,
и теперь ее
можно в трубу
разглядеть вполне.
Довольно исследований и поисков!
Во всех этих выдумках
кроется двойственность.
России гораздо нужнее войско
для обеспечения
спокойствия.
Вон студенты
запретное перелистывают,
крестьяне к поместьям
упрямо крадутся...
Наводнило империю
социалистами,
развелось поджигателей
и вольнодумцев.
А тут еще вздумали
небо облазить...»
И почерк монарший
ложится, старателен:
«Поменьше ученых
и всяких фантазий,
побольше казаков
и прочих карателей».

И вот,
полосатые версты не меряя,
пылила по трактам
монаршая милость,
во все уголки
непокорной империи
с клинком и нагайкой
катилась,
катилась.
Россия, Россия,
а сколько повыстрадано,
лихая судьба завела на распутье.
Тебя продавали цари и министры,
тебя оболгали попы и Распутины,
твой стон заглушали
церковные оргии;
и всё же, мечтая
о светлом, о лучшем,
Россия, Россия,
считала ты,
сколько их,
твоих сыновей,
в застенках замучено?..

Губерния

По улицам города
слухи бродили,
гоня обывателей
с теплых матрацев:
учитель свихнувшийся
выточил крылья,
решил до Луны
прямоком добираться.

Не часто столкнешься
с такими вещами.
Опасная выдумка.
Бред, не иначе...
И вот
засуетились мещане,
высматривая,

шепча
и судача.

И полз шепоток
по дорогам окрестным,
сквозь ставни сочился
и в уши вползал он:
«Что, ему в городе,
что ли, тесно?
Что, кренделей ему,
что ли, мало?»

Луна, она вон где,
она ведь не что-нибудь...
Скажите, пожалуйста,
экая птица!
Да как это так —
человек чтобы по небу!

А что же ему на земле
не сидится?
Такого отцы
И во сне-то не видели
(не будь, эти страсти
помянуты к вечеру)...»
И он становился у них
отравителем,
бунтовщиком и
фальшивомонетчиком.
Вот он шагает,
как будто нездешний,
совсем одинокий,
ненужный,
незванный.
Хозяева
вслед ему смотрят
насмешливо,
и псы во дворах
цепями позванивают.
Лицом к лицу
разговоры о вере,
но воздух отравой
пропитан насквозь.

Его душило
их лицемерие,
тупость их
и ленивая злость.
И всё это вместе,
дурманом опутанное,
стеной окружало,
давя и тревожа.
Казалось, как будто
сигнала лишь ждут они,
чтоб разом
наброситься и уничтожить.
И можно ли было,
печаль свою выплакав,
легко и спокойно
зарыться в дела?..

...меня,
человека сегодняшней выправки,
поэзия в мир тот
на миг завела.
Мы с ним повстречались
в далеком «когда-то»,
как будто влекло нас
тропую единой,
как будто свидетелем
и секундантом
я был приглашен
на его поединок.
А бой разгорался
всё ярче, всё резче,
но кровь не лилась,
как бывало, рекою,
и шпаги
со звоном не перекрещивались,
и гарью не пахло пороховою.
Но шло наяву,
а не в воображении,
без передышки,
с отменным упорством
за годами годы — это сражение,
это бескровное единоборство.
Враги...

Беспощадная дикая стая.
Он с детства знаком был
с их злобой и спесью.
Их каждый лабаз —
что стена крепостная:
попробуй — проникни,
попробуй — пробейся.
А звезды горели,
дразня и поблескивая.
Всё чаще и чаще томило сомненье:
к чему тебе эта мечта, Циолковский?
И кто твое дело поймет и оценит?
Делиться сомненьем?
Наивно и не с кем.
Ну что ж, он готов
и к насмешкам, и к битвам.
Но жизнь заполнял,
захлестывал дерзкий,
безжалостный враг,
именуемый бытом.
За тонкой стеною
жена, малыши.
И горькою платой
за долгие годы
в кармане обидно звенели гроши —
застывшие капли
лишений и пота.
И разве дойдешь
до чего-то большого,
когда и до малого
версты не считаны,
когда иссушил
доходец грошовый —
служба, белыми нитками шитая.
Тупик?..
Ведь бывает,
и чтоб без огласки,
когда безысходность
огнем распалит,
холодные волны
покажутся ласковей,
нужней и удобнее
всякой земли.

Вода всколыхнется лениво —
и кончено.
А может быть, выстрел?
Вернее и проще...
Но дуло тянется
к жилке височной
убийственно медленно,
словно на ощупь.
Немыслима жизнь,
да порвать с ней
не просто.
А годы?
А звезд непочатая сила?
Неужто опять
их несчитанным гроздьям
загадкой гореть
над нищей Россией?
Бывало не раз:
только шаг не осилен,
а боль залечить
не отыщешь врача,
но сердце не сдастся
и крикнет:
«Россия!
Ведь я для тебя это всё,
выручай!..»
И в миг,
что, казалось,
не сыщешь спасения,
в раскрытые окна
на помощь внезапно
ворвется, охватит
дыханье весеннее,
родимой земли отрезвляющий запах.
Вот так —
и не сказкою,
не сновиденьем,
а новой надеждой,
поддержкой целительной —
пробились к нему
ручейки сбережений
безвестных его
друзей и ценителей.

Стекались без звона,
без пышного слова,
не подаянием
из холеной руки...
И были ему
золотей золотого
простые
медные те пятаки.
Ведь это не просто
подачка ученому
на бедность,
на старость,
на жалкий уют...
Земля,
измученная
и иссеченная,
с ним разделяла
надежду свою.
О нет, он не маг,
не колдун, не астролог,
он просто рабочий,
строитель,
труженик,
земля заболела болезнью тяжелой —
ее излечить обязательно нужно.
Вы пламенем
раны ее опалите,
опрыскайте душу
водою живой...
Россия,
да где ж он,
твой исцелитель?
По звездам ли высчитать
время его?

Обретенное

Шуршала листва
всевозможной раскраски;
пестрели заборы,
листами оклеенные;

Калуга дышала
морозцем октябрьским
и жаром декретов,
подписанных Лениным.
Она просыпалась
внезапно и затемно,
и улицы все
заполнялись мгновенно:
ей каждая новость
была обязательна,
и каждая речь ей
была непременно.
Один за другим
поднимались ораторы.
На мнущихся
не было спроса в ту осень:
тогда принималось
всё безвозвратно
или же
не принималось вовсе.
А он всё шагал
мимо пеших и конных,
охваченный ритмом
неслыханных песен,
а город казался
ядром раскаленным:
фитиль поднести —
и взлетит в поднебесье.
Всё было ему
удивительно ново:
и сила
недавно прочитанных строк,
и вместо усатого городского
посты солдатские у костров;
замки на лабазах,
подпоры железные,
ключей вековых
поворот троекратный...
А дроги хозяев
на юг, в неизвестность,
тряслись по ухабам
Козельского тракта.

На дугах не пели,
как встарь, колокольчики,
и не было ленточек
в гривах взлохмаченных.
Калуга вышвыривала
афончиковых,
за многие «милости»
разом расплачиваясь.
«Судьба окаянная,
не верна ты...
Сулила дороги,
а встретила тропами...
Солдаты продались,
сбежал губернатор,
и дом губернаторский
полон холопами...»
Бывало,
холеные бороды выставив,
вот к этому дому
дорожкой укатанной
съезжались архиереи и приставы,
купцы и дворяне
и прочие знатные.
Съезжались из
особняков и поместий,
довольством лоснясь
и богатством поблескивая,
а рядом, под носом,
нужда и безвестность
душили,
сводили с ума
Циолковского.
Ему приходилось
труднее с годами,
но, боль и усталость
упрямо осиливая,
ученый мечтал,
как о радостном самом,
о счастье твоём,
Россия, Россия!
А звезды горели
всё ярче, неистовей,
как будто бы звали,

как будто просили,
и он торопился
дороги к ним выстелить,
и всё для тебя,
Россия, Россия!
И вот всколыхнулось
багряное зарево...
Но новость о людях,
пришедших с рассветом,
наверно, не звезды
ему рассказали,
и ветры, наверно,
не пели об этом.
Был вид тех людей
повседневно обычен.
Те люди
лавровых венков не носили.
Их внешность совсем
не блистала величием,
величием
новых хозяев России.
В дырявых лаптях,
в обожженных шинелях,
крещенные пулей,
покрытые пылью...
Но можно ли было
нежней и сильнее
любить,
чем они
свою землю любили?
И снова сомненье
минутною болью
в душу, врывалось
под грохот орудий:
до звезд ли теперь?
Да и небо нужно ли
вот этим,
земным до последнего,
людям?
Гудели костры
под ветрами осенними,
а звезды сквозь тучи
землю отыскивали...

Казались они
то костров отражениями,
то в черное небо
летающими искрами...
Пальто нараспашку.
Пусть ветер,
пусть поздно!
Что ж старость?
Она ведь надежды не студит.
И он к тем кострам
торопился,
как к звездам,
как к первой любви
торопятся люди.
Куда?
Там не рай ведь.
Там мысли и пальцы
к винтовочным ложам
припаяны прочно.
А стужа вот-вот
наползет и навалится.
А много ль тепла
от костров полуночных?
Твой дом не набит
сундуками окованными,
и каждая корка
на строгом учете.
А много ль у этих
хлеба пайкового,
чтоб думать еще
о тебе, звездочете?
Смертями и голодом
быт их украшен,
и стужей прошит,
и из горечи соткан...
Но что-то большое
кипело в их маршах,
в их крепких словах
и в упрямой походке.
Им жизнь
устилала пути не цветами,
не мрамор ложился
на стены хатенок,

но он торопился
к ним на свидание,
как будто к юности обретенной.
Бывает,
то дождь, то крупа,
и без усталости
жирную грязь
на ногах не дотащишь,
но сердце уже
заболело предчувствием
весны неминуемой
и настоящей.
Костры разгорались
на многие версты,
их пламя лилось
ослепительным блеском,
и отсвет его
волновался на звездах
красногвардейских.
Стояла пора,
новизной напоенная.
«Земли и свободы!
Свободы и света!»
Россия,
не думы ль твои затаенные
тогда вырывались
из строчек декретов?!
Слова, как слова,
повседневны и зримы,
но было ли что
их огня убедительней:
«Мечты
революции
необходимы.
И небо
и звезды
нужны победителям».
Костры разгорались.
Всё выше,
торжественней
взлетало их пламя
в сумраке синем...
Костры и солдаты,

и он,
путешественник,
и всюду,
куда ни помотришь,
Россия.

<1954>

3

Полжизни промчалось в походах.
И вот, от разлуки устав,
торопишься к дому, на отдых.
Плывет за верстою верста.

Но только достигнешь порога,
войдешь в незабываемый мирок,
другая поманит дорога.
а мало ли в жизни дорог.

И вот перед тем, как расстаться,
выходишь в полночную тишь:
молчат паровозы на станции,
а ты у калитки стоишь

и дышишь прохладой поздней,
как в детстве далеком своем,
и падают тихие звезды
холодным и крупным дождем.

<1955>

4. ЛЕНИН

Мы приходим к нему за советом,
приходим за помощью
и в прозрачное утро,
и в полдень,
а бывает, и полночью.
Он выходит навстречу,
всегда аккуратен и собран,
невысокого роста, приветлив

и скромно одет:
крепко жмет тебе руку,
и смотрит знакомо и добро,
и совсем по-домашнему
вводит к себе в кабинет.
Тонко звякает ложка
в стакане остывшего чая.
Вот рассветный дымок
за окном тишину обволок;
а беседа течет,
до последней звезды не стихая,
входит в самое сердце
знакомый его говорок.
Мы встречаемся с ним ежедневно,
и в будни, и в праздники,
может быть, и не так,
не по строчкам стиха моего,
и, наверно, у всех
эти встречи проходят по-разному,
но попробуй представить себя
хоть на миг без него.
И когда нам в дороге
порою приходится трудно,
если горек туман,
если парус едва не поник,
разве мы не приходим к нему —
чтобы ветер попутный,
чтобы силу извлечь
из испытанных временем книг.
Всё, что создано нами прекрасного,
создано с Лениным,
всё, что пройдено было великого,
пройдено с ним...
Он приходит, простой и любимый,
сквозь все поколения,
начиная свой путь
из далекой симбирской весны.

<1955>

Здравствуй, маленький,
                   здравствуй, счастливый
   сынишка мой,
 в бумазейной рубашке,
                                   в штанишках коротких
 и с глазами —
                                   двумя озорными синичками,
 с развеселюю ямочкой
   на подбородке.
 Нет, тебе невдомек,
                                   что когда-то отец твой,
 сам едва не мальчишка,
   безусый подросток,
 нес солдатскую службу
                                   со смертью в соседстве,
 с первых маршей войны
   став нежданно взрослым.
 Нет, тебе незнакомо осколков
   поцелкиванье,
 от разрывов
                                   не приходилось
   сутулиться,
 да и маму свою
                                   ты не видел девчонкой,
 под бомбежками
   на воронежских улицах...
 Две смешинки дрожат
                                   у тебя под глазами,
 в окна смотрятся
   добрые звезды весенние,
 и под ветром
                                   колышутся шторы кисейные,
 парусами колышутся,
   парусами.
 Здравствуй, маленький,
                   здравствуй, счастливый
   сынишка мой,
 в бумазейной рубашке,
                                   в штанишках коротких
 и с глазами —

двумя озорными синичками,
с развеселю ямочкой
на подбородке.

<1955>

6. ПОСРЕДНИК

Сидишь, одета в платье ситцевое,
облокотясь о стол рукою,
а платье-то давно повыцвело,
да и лицо уже другое.

А рядом ходит в белых валенках,
по-воробьиному щебечет
такой неизмеримо маленький,
но очень нужный человечек.

То хмурит брови, то смеется,
то, обижаясь, горько плачет,
то вдруг в ладонь твою уткнется
комочком мягким и горячим.

И пусть ты буднично одета,
устала пусть, но для него
нет лучше платица, чем это,
и лучше мамы — никого.

Бывает: спор меж нами вьюгой,
и крови жгуч к лицу прилив,
и мы стоим друг против друга,
чего-то там не поделив.

А он в углу, в игрушках, замер
и, игры все забыв, сидит
и смотрит круглыми глазами,
за нами пристально следит:

как будто замер перед боем,
как будто, сжавши кулачки,
готов тебя прикрыть собою,
готов помериться со мною,
своим силенкам вопреки.

И тотчас, словно пробуждение,
весь спор поник, весь пыл угас,
и ссора стороною где-нибудь
идет, не задевая нас.

<1955>

7. ВДОВА

Он не писал с передовой,
она — совсем подросток —
звалась соломенной вдовой;
сперва — соломенной вдовой,
потом — вдовою просто.

Под скрип сапог, под стук колес
война ее водила,
и было как-то не до слез,
не до раздумий было.

Лежит в шкатулке медальон
убитого солдата.
Давно в гражданке батальон,
где он служил когда-то.

Но так устроено уже:
не сохнет лист весенний,
не верят вдовы в смерть мужей
и ждут их возвращенья.

Не то чтоб в даль дорог глядят
с надеждою на чудо,
что, мол, вернется он назад,
что вот придет домой солдат
неведомо откуда.

А просто, бед приняв сполна,
их взгляду нет границы,
и в нем такая глубина,
что голова кружится.

Как будто им глаза даны,
чтобы глазами теми
всем не вернувшимся с войны
глядеть на мир весенний.

<1955>

8. В ЛЕСУ

У тебя в руках ружьишко,
впереди рассветный дым,
ты доволен, как мальчишка,
одиночеством своим.

Вот и лес. Зарей окутан.
Поглядишь со стороны,
и покажется, как будто
дремлет он и видит сны.

Но едва шагнешь ногою
в этот замерший покой,
под ногой заплещет хвоя,
словно море под тобой.

И тропа, с травой слившись,
сквозь лесные рубежи
осторожно и неслышно,
как живая, пробежит.

День идет легко и быстро.
Но бывает иногда:
отзвучит последний выстрел,
вспыхнет первая звезда.

Под ногою ветка хрустнет,
птицы кинутся во тьму,
и внезапно станет грустно
неизвестно почему.

Словно к берегу пустому,
ты приплыл издалека,
словно кто-то манит к дому...
не ее ли та рука?

Плывет над землею песнь ее,
яркая,

словно радуга...

Завидная эта профессия —
жизнь украшать и радовать!

<1955>

11. БЕССМЕРТЬЕ

Поэта сраженного не излечить.
Лекарства — пустая затея.
И руки по швам опустили врачи,
со смертью схватиться не смея.
Пощады не жди в поединке таком.
Придворные были довольны.
И царь повелел, схоронивши тайком,
Забуть о поэте крамольном.
Конец? Но, резцы и палитры неся,
тропой незаросшей, знакомой
к могиле поэта сходились друзья,
как в прошлом сходились к живому.
Гранит под упрямой рукой оживал,
был мрамор податлив и розов,
и снова поэт над землею вставал
то в краске, то в камне, то в бронзе.
Но годы — что волны: упрям их прилив;
те старые минули сроки,
и книги тонули в архивной пыли,
теряя за строками строки.
И бронза тускнела, под ветром звеня,
холсты угасали, прогнивши...
Но годы — что волны, и не было дня,
чтоб их охватило затишье.
Тот край, где поэт похороненный спит,
за многие годы не раз он
снарядами был обожжен и изрыт,
и цепью траншей опоясан.
И в злобе враги искрошили гранит,
осколками землю усеяв;
и бронзу, смеясь, отправляли они
грустить в чужеземных музеях.

Но жизнь не сдалась, не пропала в дыму:
весна не поникла в потемках...
А как же поэт? Неужели ему
теперь не дойти до потомков?
И вот я Москвой на рассвете иду.
Пора, тишиной налитая.
Но кто это там у весны на виду
знакомое что-то читает?
Совсем еще дети, еще не успев
за партой узнать о поэте,
мальчишки читали стихи нараспев...
А это и было
бессмертье.

<1956>

12. ПИСЬМА

Дороги непогодою размыты,
и сапоги раскисли от воды.
Труды командировочного быта —
какие это тяжкие труды!
Мы отправляем письма нашим милым,
но даже письма пахнут октябрем,
и авторучек синие чернила
как будто перемешаны с дождем.
Мы пишем так: «Раздуй огонь пожарче,
чтоб в эту комнату как в Африку войти:
веселый краснобокий самоварчик
из старого чулана прихвати,
а то ведь может хворь скрутить любая...
Как хочется тепла и тишины...»
Но милые читают, улыбаясь,
Им эти беды попросту смешны.
И пишем тех не прячут по шкатулкам.
Им, верно, вспоминается тогда,
как шла по затемненным переулкам
другая, настоящая беда;
как где-то за сожженными лесами
давно домов растаяло тепло,
Лишь расстоянье, словно наказание,
за спинами солдатскими текло,

и смерть была близка, и небо — хмуро,
но мы писали письма на восток,
похлеще, чем военная цензура,
вымарывая грусть свою из строк.
Писали так: «У нас совсем спокойно.
Окоп — уютен. Выстрелы — редки...»
И уносили в сумках почтальоны
пропахшие любовью уголки.
Когда же, уцелевшие в дороге,
прошедшие по разным адресам,
вдруг подступали ласковые строки
к усталым и заплаканным глазам
и проступали стершиеся даты,
не укрывая смысла своего,
тогда никто не смел корить солдата
за выдумку нелегкую его.

<1956>

13

Стоят леса, опутаны
осенней желтизной.
Бредет усталый путник
по просеке лесной,
нехоженой, неезженной...
А сам — о ней, о ней:
живет в сознание женщина,
и нет ее сильней.
Внезапно разлюбившая,
кто знает — почему,
остывшая, забывшая,
да вот нужна ему.
Всё кончено, всё сломано,
но он как будто слеп...
А сколько горьких слов она
ему швырнула вслед.
Ведь вот какая женщина!
А без нее не жить.
Змеится в сердце трещинка,
а он: любить, любить...

И верит и надеется,
что вот придет пора,
что где-нибудь имеются
по сердцу мастера.

<1956>

14. СЕРДЦЕ СКАЖЕТ

Нет, не будет ни долгих гудков, ни печали.
Просто, песне своей изменив,
сердце скажет: «Конец. Я, видать, отстучало.
Ты, товарищ, меня извини».
Сердце скажет... А он не поймет, удивится;
он не думал еще о таком:
«Ты совсем обленилась, трусливая мышца,
и тебя затащило жирком!
Мир грохочет. А тут ковыляешь с одышкой
от стены и опять до стены...»
Сердце скажет: «Четыре войны — это слишком,
это много — четыре войны».
...Шаг пехоты крутой. Перебранка тачанок.
И окоп у последней версты...
Сердце скажет: «А как я, товарищ, стучало,
чтобы ты невзначай не остыл!
В черных ранах земли неприкрытое тело,
и увидит весна под обстрел,
и тебе не до сердца, но как я горело,
чтобы ты, мой товарищ, горел!
С топором — на леса, с автоматом — на бруствер,
на затишье не выпало дня.
Ты страдал, а меня разрывало от грусти,
ты любил, а сжигало меня.
Не по слову людей, не по буквам уставов
я опять в неоплатном долгу,
и не жалею, просто я очень устало
и уже ничего не могу».
А весна, как всегда, журавлями прокличет,
позовет за собою весна...
Сколько ж надо сердец, даже самых отличных,
чтобы всем надышаться сполна?

И не вложишь в короткого века границы —
что досталось пройти одному...
Сердце скажет... И старый солдат удивится,
Удивится себе самому.

<1956>

15. КАРТЛИ

Осень ли разгуливает, март ли —
солнце неизменное встает.
Здравствуй, здравствуй, Картли,
сердце мое!

Если спросят, чем же ты отмечен,
край, где воздух синего синей,
я войду под гор крутые плечи
и себя почувствую сильней.

Если спросят, что в тебе такого,
чем, мол, ты меня околдовал,
я услышу твой гортанный говор,
терпкие, певучие слова.

И меня поманит издалёка
перевал, которого не знал,
и увижу: тянется дорога
к детству, к сердцу через перевал.

Вот они. Встают навстречу горы.
Как же мне не рваться к тем горам,
где лежит такой веселый город,
и павлины бродят по дворам,

и глядит, задумавшись, на звезды,
будто бы не слыша ничего,
в ношеной буденовке подросток,
на отца похожий моего?

<1956>

Если сполна надыхаться морским ароматом пряным,
если в море всматриваться упрямо-упрямо,
неожиданно, тихим прибоем омыта,
выйдет из зеленой волны Афродита.

Выйдет, поздними сумерками влекома,
и улыбнется знакомо-знакомо...

Где? На каком портрете? В каком музее
я встречал эту точеную шею,
эту копну волос золотистых и вязких,
эту голову, вскинутую по-царски,
эти глаза, что многое могут и смеют?
Где? На каком портрете? В каком музее?

Вот стоит она на песке видением близким,
с бронзовой кожи стряхивая соленые брызги.
А когда распластаются длинные синие тени,
такое простое платье ловко она оденет,
черной заколкой волосы туго стянет,
станет такой обычной, земною станет,
просто соседкой, старой знакомою просто
в будничном платье — поношенном, ситцевом,
пестром.

<1956>

17. НОЧЬ ПРОЩАНИЯ С ЛЕТОМ

Гулкой ночью почти что осенней
цвел костер у дороги шоссеиной.

Рядом женщины молча сидели,
на веселое пламя глядели.

И лежали серпы в отдаленье,
словно спали, поджавши колени.

Ничего необычного в этом —
просто полночь прощания с летом.

Но кричала какая-то птица:
«Ох, не спится... не спится... не спится...»

<1956>

18. ГЕЙНЕ

Гремят по обломкам копыта,
по ранам недавних боев.
Взъерошенной Эльбой омыто,
Германия, сердце твое.

Неведомый путь уготован,
рассвет затерялся в ночи.
Задумался старый Бетховен,
и Гёте, насупясь, молчит.

И Гейне, печальный изгнанник,
в далеком скитаясь краю,
увидел в свинцовом тумане
сожженную землю свою.

Смертей и развалин без счета —
обычный побоища след,
но было такое в нем что-то,
чему удивился поэт:

сквозь трещины в ржавом металле
весенняя зелень текла,
и белые птицы взлетали
в спаленное небо стремглав,

и та, что была им воспета,
что вечно живая была,
сквозь сизую дымку рассвета
к солдатским кострам подошла.

Спокойно, надежно и ясно
горят перед нею, горят
походные звезды на касках
пришедших с востока ребят.

<1956>

19. ЗДРАВСТВУЙ, ЖИЗНЬ!

Словно непогодой осенней,
обнимали робкие соседи:
«Жив остался —
это ль не везенье!

Доживай свое на белом свете
без разлук,
без горечи,

без слез...»

Отшумели жаркие сраженья,
а героем стать мне не пришлось.

Где тот танк,
в котором я и не был?
Только помню взорванное небо,
только помню,

пламенем объаты,
заживо горели в нем ребята,
одногодки,

может, чуть постарше...

У могилы братской замер шаг.

Только ахнул залп

прощальным маршем,
да земля посыпалась,
шурша.

Смерть прошла.

Я не столкнулся с нею.

Где пути ее —

не угадать;

завела судьба на батарею,

не рискуя время коротать.

И другие падали у дотов,

и, седую пыль полей клубя,

день и ночь упрямая пехота

под огонь шагала за тебя.

Но твердят назойливо соседи,

будто бы опутывают сетью:

«Что ж тебе спокойно не живется?

Жизни молодой не жалко вроде...

Ведь бывает:

даже полководцы

умирают дома —

не на фронте.

Не от сабли злой

и не от пули,

и кругом не бой,

а тишина,

И ты выходишь, чуть робея,
упрятав грусть, умерив шаг,
как будто вас с весной обеих
нельзя и сравнивать никак,
как будто невозвратно давни
твои недавние года,
как будто молодость годами
измерить можно иногда.
Нет, годы — что: их грубой меркой
мы чувства мерить не должны:
не может молодость померкнуть
под первым снегом седины,
как не померкла в горьком дыме.
И ведь, огнем опалены,
вернулись снова молодыми
седые женщины с войны.
И может быть, лишь с их приходом
еще нужнее, чем была,
сама весенняя природа
нам крепко на сердце легла.

<1956>

21. АПРЕЛЬ

Когда исхоженное станет
студить последним декабром,
седой архив воспоминаний,
не торопясь, переберем.
И вспыхнут давние надежды,
любви закружится метель.
И нам захочется, как прежде,
подкарауливать апрель,
чтоб по-весеннему одетым,
с двадцатилетием в груди
к девчонке, вынесшей букеты,
не спотыкаясь, подойти.
И, не боясь прослыть нелепым,
к груди девчонку ту прижать
и синих глаз сплошное небо,
да, только небо целовать.
Друзья, а мне до слез обидно,
какой нас холод обволок?

Мы стали важны и солидны
не к месту, не к добру, не в срок.
И в кабинетах, как в потемках,
сидим, не поднимая глаз,
и та апрельская девчонка
с цветами ждет уже не нас...

<1956>

22. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Мужья на войне:
им пиши — не пиши.
В горах
городок, тишиной занесенный;
он в самой глуши,
а в домах — ни души
Стоят у ворот одинокие жены.
А крыльев-то нет долететь до войны,
мужей разыскать,
от беды убересть их.
Лишь смуглые руки у каждой жены,
да черные косы струятся за плечи
и падают на пол,
бегут за порог
и где-то в ущельях,
пропав ненароком,
становятся лентами горных дорог...
(Мы многим обязаны этим дорогам.)
Наверно, по ним,
осторожно кружа,
когда ожиданье почти на исходе,
приходят одетые в бурки мужа,
из самого пекла
к подругам приходят.
Ведь что им тоска расстояний любых:
ведут их знакомою прядкою
те черные косы — дороги любви,
которыми сам я вернулся однажды.

<1956>

Листва багряная — осенние цветы.
 Не те, что продают на перекрестках,
 не те, что по утрам срываешь ты
 спокойно, не задумываясь, просто.
 Их пеленой прикрыл рассветный дым.
 На них ледок случайный
 и непрочный.

Они пока неизвестны, и не им
 соперничать с улыбками цветочниц.
 Они летят который день подряд.
 Но знаю я, что утром недалеким
 трамвай остановит листопад
 и люди вздрогнут, выглянув из окон:
 а листья в вышине плывут, паря,
 то вниз, к земле, швырнет их свежим ветром,
 чтоб подчеркнуть богатства сентября,
 твоей земли и красоту, и щедрость.
 Вершатся свадьбы. Ярок их разлив.
 Застольный говор и горяч, и сочен.
 И виноградный сок, как кровь земли,
 кипит и стонет в темных недрах бочек.
 Он в долгом одиночестве изныл,
 он рвется в шум, ему нельзя без света...
 Нет, осень не печальнее весны,
 и грусть ее — лишь выдумка поэтов.

<1956>

Ты веди нас по жизни строго,
 жаркой молодости дорога,
 чтобы не было на пути
 ни расслабленности до срока,
 ни отчаяния в груди.
 Если ж, скрюченные печалью,
 вдруг опустятся два крыла,
 и привычная за плечами
 станет молодость тяжела,

А много ль было горьких слов,
хоть вскользь, обронено в салонах,
иль шелком бальным, снегом словно,
всё замело и занесло?

Шумели толпы, боль, и жалость,
и скорбь не в силах превозмочь.
Как будто вся земля сбежалась,
чтоб вместе мерзнуть в эту ночь.

Несло от свеч дымком утарным,
и до зари не гас огонь,
и в шубы кутались жандармы,
скрывая золото погон.

Была ли им вражда известна,
вражда — преддверие беды?
И не к дворцовым ли подъездам
тянулись той вражды следы?..

А в тех дворцах балы кипели,
лилась мазурка по рядам.
Там было славное веселье,
и много их кружилось там.

И безобразных, и красивых,
холодных, и с огнем в крови...
Но кто из них с его Россией
был в силах спорить о любви!

Ее любовь плотнее, уже
смыкалась у крыльца в ночи.
И аромат духов и стужи
мешался с горечью овчин.

И в толпах тех затерян где-то,
соленым барам не чета,
мужик крестился, хоть поэта
ни разу в жизни не читал.

<1956>

32. ПОДМОСКОВЬЕ

I

Март намечается.

Слезою со щеки
вдруг скатывается издалека...
И вербины цветы, как серые щенки,
ерошат шерсть и просят молока.
И тополи
попеременно
босые ноги ставят в снег,
скользя
шагают, как великие князья, —
как будто безнадежно,
но надменно.

II

Кричат за лесом электрички,
от лампы — тени по стене,
и бабочки,
как еретички,
горят на медленном огне.
Сойди к реке по тропке топкой,
и понесет сквозь тишину
зари вечерней голос тонкий,
ее последнюю струну.
Там отпечатаны коленей
остроконечные следы,
как будто молятся олени,
чтоб не остаться без воды.
По берегам, луной залитым,
они стоят: глаза — к реке,
твердя вечерние молитвы
на тарабарском языке.
Там птицы каркают и стонут.
Синеют к ночи камыши,
и ветры с грустной истомой
всё дуют в дудочку души...

III

На белый бал берез не соберу.
Холодный хор хвои хранит молчанье.
Кукушки крик, как камешек отчаянья,
всё катится и катится в бору.

И все-таки я жду из тишины
(как тот актер, который знает цену
чужим словам, что он несет на сцену)
каких-то слов, которым нет цены.

Ведь у надежд всегда счастливый цвет,
надежный и таинственный немного,
особенно когда глядишь с порога,
особенно когда надежды нет.

IV

Как ты там поживаешь над рекой Серёной,
караями заселенной,
облаками засоренной?
Как ты там поживаешь в своем скворешнике,
примостившемся на берегу,
где полку́ молодого орешника
на бегу
изогнулись в дугу,
где в тине, зеленой и темной,
перепутались рыбы́ следы,
где ивы, упрямо и томно,
перелистывают книгу воды?..
А когда осенний дождичек частый
бубнит, как столетний дед,
кому ты выносишь в пригоршнях счастье,
которому имени нет?

V

Всё поле взглядом невзначай окинь:
костры, костры, костры и дух щавелий...
И трактора сползались на огонь
и желтыми лучами шевелили.

Осенний первый дождь спокойно шел
и не мешал огню, и было ярко,
и пахло щами и ржаной коркой.
Лес лисами и листьями шуршал.

Мы крепко спали на пороге дня.
Лишь дождь перебирал привычно струны,
и наши тени медленно и странно
плясали, приседая, у огня...

VI

А знаешь ты,
что времени у нас в обрез
и кошельки легки без серебра,
учитель мой, взъерошенный как бес,
живущий в ожидании добра?

Когда-нибудь
окончится осенний рейс,
и выяснится наконец, кто прав,
и скинет с плеч своих наш поздний лес
табличку медную: «За нарушение — штраф!»

Когда-нибудь
внезапно стихнет карусель
осенних роц и неумытых луж,
и только изумленное:

«Ужель

возможно это?!» —

вырвется из душ.

И в небеса
взовьется белый дым змеей,
и, словно по законам волшебства,
мы пролетим над теплою землей
в обнимку,
как кленовая листва...

VII

Где-то там, где первый лег ручей,
где пробился корм, парной и смачный,
начинаются бунты грачей
и жуков торжественные свадьбы.

Я по прошлому иду.
Я гляжу его глазами,
я горю его огнями...
Я по прошлому иду —
я его не подведу.

<1957>

34. ПОДМОСКОВЬЕ

Подмосковье, подмосковье,
ты прохладное дно морское,
кладовая синего света.
Где-то там,
над тобою где-то,
пекло
горькое городское,
лето
переспелого цвета...
Как мне помнится это лето!

Провожанье, провозанье —
тонких стекол в ночи дрозжанье,
два луча голубых над крышей...
На плече у солдата — скатка,
он тревожных гудков не слышит
всё целует свою солдатку...
Всё целует ее, целует,
у войны минуты ворует.

Подмосковье, подмосковье
проводило меня с тоскою,
а встречало — просило страстно:
«Здравствуй!
Только больше не странствуй...»

А леса
как закружатся сами
перед глазами
зелеными небесами...

А голоса
ночных электричек
то проплачут,
а то прокличут...

А роса
вдруг покатится слезой
голубою...

Подмосковье,
что мне делать с твоей
любовью?

<1957>

35. АНГЕЛЫ

Выходят танки из леска,
устало роют снег,
а неотступная тоска
бредет за ними вслед.

Победа нас не обошла,
да крепко обожгла.
Мы на поминках водку пьем,
да ни один не пьян.

Мы пьем напропалую
одну, за ней вторую,
пятую, десятую,
горькую десантную.

Она течет, и хоть бы черт,
ну хоть бы что — ни капельки...
Какой учет, когда течет?
А на закуску — яблоки.

На рынке не развешенные
дрожащею рукой,
подаренные женщиной,
заплаканной такой.

О ком ты тихо плакала?
Всё, знать, не обо мне,
пока я топал ангелом
в защитной простыне.

Ждала, быть может, слова,
а я стоял едва,
и я не знал ни слова,
я все забыл слова.

Слова, слова... О чем они?
И не припомнишь всех.
И яблочко моченое
упало прямо в снег.

На белом снегу
лежит оно.
Я к вам забегу
давным-давно,

как еще до войны,
как в той тишине,
когда так нужны
вы не были мне...

1957

36. ВОБЛА

Холод войны немилосерд и точен.
Ей равнодушия не занимать.

...Пятеро голодных сыновей и дочек
и одна отчаянная мать.

И каждый из нас глядел в оба,
как по синей клеенке стола
случайная одинокая вобла
к земле обетованной плыла,
как мама руками теплыми
за голову воблу брала,
к телу гордому ее прикасалась,
раздевала ее догола...
Ах, какой красавицей вобла казалась!
Ах, какую крошечной вобла была!

Она клала на плаху буйную голову,
и летели из-под руки
навстречу нашему голоду
чешуи пахучие медяки.

А когда-то кружок звон, как звон наковален,
как колоколов перелив...
Знатоки ее по пивным смаковали,
королевою снеди пивной нарекли.

...Пятеро голодных сыновей и дочек.
Удар ножа горяч, как огонь.
Вобла ложилась кусочек в кусочек —
по сухому кусочку в сухую ладонь.
Нас покачивало военным ветром,
и, наверное, потому
плыла по клеенке счастливая жертва
навстречу спасению моему.

1957

37. СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ МАРШ

Надежда, я вернусь тогда, когда трубач отбой сыграет,
когда трубу к губам приблизит и острый

локоть ответит.

Надежда, я останусь цел: не для меня земля сырая,
а для меня твои тревоги и добрый мир твоих забот.

Но если целый век пройдет и ты надеяться устанешь,
Надежда, если надо мною смерть распахнет

свои крыла,

ты прикажи, пускай тогда трубач израненный

привстанет,

чтобы последняя граната меня прикончить не смогла.

Но если вдруг когда-нибудь мне уберечься не удастся,
какое б новое сражение ни покачнуло шар земной,
я все равно паду на той, на той единственной

Гражданской,

и комиссары в пыльных шлемах склонятся

молча надо мной.

1957

38. ПЕРВЫЙ ДЕНЬ НА ПЕРЕДОВОЙ

Волнения не выдавая,
оглядываюсь, не спрашивая.
Так вот она — передовая!
В ней ничего нет страшного.

Трава не выжжена, лесок не хмур,
и до поры
объявляется перекур.
Звенят комары.

Звенят, звенят
возле меня.
Летят, летят —
крови моей хотят.

Отбиваюсь в изнеможении
и вдруг попадаю в сон:
дым сражения, окружение,
гибнет, гибнет мой батальон.

А пули звенят
возле меня.
Летят, летят —
крови моей хотят.

Кричу, обессилев,
через хрипоту:
«Пропадаю!»
И к ногам осины,
весь в поту,
припадаю.

Жить хочется!
Жить хочется!
Когда же это кончится?

Мне немного лет...
Гибнуть толку нет...
Я ночных дозоров не выстоял...
Я еще ни разу не выстрелил...
Я в созревшую листву зарываюсь
и просыпаюсь...

Я, к стволу осины прислонившись, сижу,
я в глаза товарищам гляжу-гляжу:
а что, если кто-нибудь в том сне побывал?
А что, если видели, как я воевал?

1957

Пароход попрощается басом,
и пойдет

волной его качать...

В жизни я

нашибался.

Не пора ли кончать?

Вот я снова собираю пожитки
и... опять совершаю ошибки.

А кто-то кричит мне с порога:

— Это ж не дорога,

а морока!..

А мне спешить

далеко-далеко:

жизнь не дается на два срока.

1957

А. Шуб

Нева Петровна, возле вас — всё львы.

Они вас охраняют молчаливо.

Я с женщинами не бывал счастливым,

вы — первая. Я чувствую, что — вы.

Послушайте, не ускоряйте бег,

банальным славословьем вас не трону:

ведь я не экскурсант, Нева Петровна,

я просто одинокий человек.

Мы снова рядом. Как я к вам привык!

Я всматриваюсь в ваших глаз глубины.

Я знаю: вас великие любили,

да вы не выбирали, кто велик.

Бывало, вы идете на проспект,

не вслушиваясь в титулы и званья,

а мраморные львы — рысцой за вами

и ваших глаз запоминают свет.

И я, бывало, к тем глазам нагнусь
и отражусь в их океане синем
таким счастливым, молодым и сильным...
Так отчего, скажите, ваша грусть?

Пусть говорят, что прошлое не в счет.
Но волны набегают, берег точат,
и ваше платье цвета белой ночи
мне третий век забыться не дает.

1957

41

Глаза — неведомые острова
лугов зеленых,
тобою населенных.
Там не в чести слова
и часовые стерегут кордоны.

Там, прямо в утро
окуная головы,
воркуют голуби
задумчиво и мудро.

Там окна плещут
на рассвете ставнями...
А я прикинусь странником,
мешок — за плечи.

Мне нужно в ту страну!
И, поздно или рано,
я зоркую охрану
обману.

1957

42. ВЕСЕЛЫЙ БАРАБАНЩИК

Встань пораньше, встань пораньше, встань пораньше,
когда дворники маячат у ворот.
Ты увидишь, ты увидишь, как веселый барабанщик
в руки палочки кленовые берет.

Будет полдень, суматохою пропахший,
звон трамваев и людской водоворот,
но прислушайся — услышишь, как веселый
барабанщик
с барабаном вдоль по улице идет.

Будет вечер — заговорщик и обманщик,
темнота на мостовые упадет,
но взглядишь — и ты увидишь, как веселый барабанщик
с барабаном вдоль по улице идет.

Грохот палочек... то ближе он, то дальше,
сквозь сумятицу, и полночь, и туман...
Неужели ты не слышишь, как веселый барабанщик
вдоль по улице пронесит барабан?!

1957

43. КОРОЛЬ

Б. Фегорову

Во дворе, где каждый вечер всё играла радиолоа,
где пары танцевали, пыля,
ребята уважали очень Лёньку Королева
и присвоили ему званье короля.

Был король, как король, всемогущ. И если другу
станет худо и вообще не повезет,
он протянет ему свою царственную руку,
свою верную руку — и спасет.

Но однажды, когда «мессершмитты», как вороны,
разорвали на рассвете тишину,
наш Король, как король, он кепчонку как корону —
набекрень, и пошел на войну.

Вновь играет радиолоа, снова солнце в зените,
да некому оплакать его жизнь,
потому что тот король был один (уж извините),
королевой не успел обзавестись.

Но куда бы я ни шел, пусть какая ни забота
(по делам или так, погулять),
всё мне чудится, что вот за ближайшим поворотом
Короля повстречаю опять.

Потому что на войне, хоть и правда стреляют,
не для Лёньки сырая земля.
Потому что (виноват), но я Москвы не представляю
без такого, как он, короля.

1957

44. ПОЛНОЧНЫЙ ТРОЛЛЕЙБУС

Когда мне невмочь пересилить беду,
когда подступает отчаянье,
я в синий троллейбус сажусь на ходу,
в последний,
случайный.

Полночный троллейбус, по улице мчи,
верши по бульварам круженье,
чтоб всех подобрать, потерпевших в ночи
крушенье,
крушенье.

Полночный троллейбус, мне дверь отвори!
Я знаю, как в зябкую полночь
твои пассажиры — матросы твои —
приходят
на помощь.

Я с ними не раз уходил от беды,
я к ним прикасался плечами...
Как много, представьте себе, доброты
в молчанье,
в молчанье.

Полночный троллейбус плывет по Москве,
Москва, как река, затухает,
и боль, что скворчонком стучала в виске,
стихает,
стихает.

1957

О чем ты успел передумать, отец расстрелянный мой,
 когда я шагнул с гитарой, растерянный, но живой?
 Как будто шагнул я со сцены в полночный московский
 уют,
 где старым арбатским ребятам бесплатно судьбу
 раздают.

По-моему, всё распрекрасно, и нет для печали причин,
 и грустные те комиссары идут по Москве как один,
 и нету, и нету погибших среди старых арбатских
 ребят,
 лишь те, кому нужно, уснули, но те, кому надо, не
 спят.

Пусть память — нелегкая служба, но всё повидала
 Москва,
 и старым арбатским ребятам смешны утешений слова.

1957

46. НОВОЕ УТРО

Не клонись-ка ты, головушка,
 от невзгод и от обид.
 Мама, белая голубушка,
 утро новое горит.

Всё оно смывает начисто,
 всё разглаживает вновь...
 Отступает одиночество,
 возвращается любовь.

И сладки, как в полдень пасеки,
 как из детства голоса,
 твои руки, твои песенки,
 твои вечные глаза.

1957

Не бродяги, не пропойцы,
за столом семи морей
вы пропойте, вы пропойте
славу женщине моей!

Вы в глаза ее взгляните,
как в спасение свое,
вы сравните, вы сравните
с близким берегом ее.

Мы земных земней. И вовсе
к черту сказки о богах!
Просто мы на крыльях носим
то, что носят на руках.

Просто нужно очень верить
этим синим маякам,
и тогда нежданный берег
из тумана выйдет к вам.

1957

48. ПЕСНЯ О СОЛДАТСКИХ САПОГАХ

Вы слышите: грохочут сапоги,
и птицы ошалелые летят,
и женщины глядят из-под руки?
Вы поняли, куда они глядят?

Вы слышите: грохочет барабан?
Солдат, прощайся с ней, прощайся с ней
Уходит взвод в туман-туман-туман...
А прошлое ясней-ясней-ясней.

А где же наше мужество, солдат,
когда мы возвращаемся назад?
Его, наверно, женщины крадут
и, как птенца, за пазуху кладут.

А где же наши женщины, дружок,
когда вступаем мы на свой порог?
Они встречают нас и вводят в дом,
но в нашем доме пахнет воровством.

А мы рукой на прошлое: вранье!
А мы с надеждой в будущее: свет!
А по полям жиреет воронье,
а по пятам война грохочет вслед.

И снова переулком — сапоги,
и птицы ошалелые летят,
и женщины глядят из-под руки...
В затылки наши круглые глядят.

1957

49. ГОЛУБОЙ ШАРИК

Девочка плачет: шарик улетел.
Ее утешают, а шарик летит.

Девушка плачет: жениха всё нет.
Ее утешают, а шарик летит.

Женщина плачет: муж ушел к другой.
Ее утешают, а шарик летит.

Плачет старушка: мало пожила...
А шарик вернулся, а он голубой.

1957

50. ВАНЬКА МОРОЗОВ

А. Межирову

За что ж вы Ваньку-то Морозова?
Ведь он ни в чем не виноват.
Она сама его морочила,
а он ни в чем не виноват.

Он в старый цирк ходил на площади
и там циркачку полюбил.
Ему чего-нибудь попроще бы.
а он циркачку полюбил.

Она по проволоке ходила,
махала белою рукой,
и страсть Морозова схватила
своей мозолистой рукой.

А он швырял в «Пекине» сотни:
ему-то было всё равно.
А по нему Маруся сохнет,
и это ей не всё равно.

А он медузами питался,
циркачке чтобы угодить,
и соблазнить ее пытался,
чтоб ей, конечно, угодить.

Не думал, что она обманет:
ведь от любви беды не ждешь...
Ах, Ваня, Ваня, что ж ты, Ваня?
Ведь сам по проволоке идешь!

1957

51. МЕДСЕСТРА МАРИЯ

А что я сказал медсестре Марии,
когда обнимал ее?
— Ты знаешь, а вот офицерские дочки
на нас, на солдат, не глядят.

А поле клевера было под нами,
тихое, как река.
И волны клевера набегали,
и мы качались на них.

И Мария, раскинув руки,
плыла по этой реке.
И были черными и бездонными
голубые ее глаза.

И я сказал медсестре Марии,
когда наступил рассвет:
— Нет, ты представь: офицерские дочери
на нас и глядеть не хотят.

1957

52

Над синей улицей портовой
всю ночь сияют маяки.
Откинув ленточки фартово,
всю ночь гуляют моряки.

Кричат над городом сирены,
и птицы крыльями шуршат,
и припортовые царевны
к ребятам временным спешат.

Ведь завтра, может быть, проститься
придут ребята, да не те...
Ах, море — синяя водица!
Ах, голубая канитель!

Его затихнуть не умолишь —
взметнутся щепками суда.
Земля надежнее, чем море, —
так почему же вы туда?

Волна соленая задушит —
ее попробуй упросить...
Эх, если б вам служить на суше
да только б ленточки носить!

1957 (?)

53

А мы швейцару: «Отворите двери!
У нас компания веселая, большая,
приготовьте нам отдельный кабинет!»

А Люба смотрит: что за красота!
А я гляжу: на ней такая брошка!
Хоть напрокат она взята,
пускай потешится немножко.
А Любе вслед глядит один брюнет.

А нам плевать, и мы вразвалочку,
покинув раздевалочку,
идем себе в отдельный кабинет.

На нас глядят бездельники и шлюхи.
Пусть наши женщины не в жемчуге,
слушайте, пора уже,
кончайте ваши «ах» на сто минут.

Здесь тряпками попахивает так...
Здесь смотрят друг на друга сквозь червонцы.
Я не любитель всяких драк,
но мне сказать ему придется,
что я ему попорчу весь уют,
что наши девушки за денежки,
представь себе, паскудина брюнет,
они себя не продают.

1957—1958

54

Я ухожу от пули, делаю отчаянный рывок.
Я снова живой на выжженном теле Крыма.
И вырастают вместо крыльев тревог
за моей человеческой спиной надежды крылья.

Васильками над бруствером, уцелевшими от огня,
склонившимися над выжившим отделеньем,
жизнь моя довоенная разглядывает меня
с удивленьем.

До первой пули я хвастал: чего не могу посметь?
До первой пули врал я напропалую.
Но свистнула первая пуля, кого-то накрыла смерть,
а я приготовился пулю встретить вторую.

Ребята, когда нас выплеснет из окопа четкий приказ,
не растопчите этих цветков в наступленье!
Пусть синими их глазами глядит и глядит на нас
идущее за нами поколение.

1958

55. ТАМАНЬ

Год сорок первый. Зябкий туман.
Уходят последние солдаты в Тамань.

А ему подписан пулей приговор.
Он лежит у кромки береговой,
он лежит на самой передовой:
ногами — в песок, к волне — головой.

Грязная волна наползет едва —
приподнимется слегка голова;
вспять волну прилив отнесет —
ткнется устало голова в песок.

Эй, волна! Перестань, не шамань:
не заманишь парня в Тамань...

Отучило время меня дома сидеть.
Научило время меня в прорезь глядеть.
Скоро ли — не скоро, на том ли берегу
я впервые выстрелил на бегу.

Отучило время от доброты:
атака, атака, охрипшие рты...
Вот и я гостинцы раздаю-раздаю...
Ты прости меня, мама, за щедрость мою.

1958

56

Сто раз закат краснел, рассвет синел,
сто раз я клял тебя, песок моздокский,
пока ты жег насквозь мою шинель
и блиндажа жевал сухие доски.

А я жевал такие сухари!
Они хрустели на зубах, хрустели...
А мы шинели рваные расстелим —
и ну жевать. Такие сухари!

Их десять лет сушили, не соврать,
да ты еще их выбелил, песочек...
А мы, бывало, их в воде размочим —
и ну жевать, и крошек не собрать.

Сыпь пощедрей, товарищ старшина!
Пируем — и солдаты и начальство...
А пули? Пули были. Били часто.
Да что о них рассказывать — война.

1958

57. САПОЖНИК

Кузьма Иванович — сапожник ласковый.
Он сапоги фасонные тачает.
А черный молоток его, как ласточка,
хвостом своим раздвоенным качает.

Он занят целый день поклонами,
тот молоток. Он по подметкам метит.
А к вечеру — все гвоздики поклеваны,
все сапоги починены на свете.

Я слышу рассуждения домашние,
когда над головою свет потухнет:
кто носит сапоги — пускай донашивает.
А сам Кузьма Иваныч носит туфли.

Постукивает под крыльцом, позевывает
и постепенно понимает вроде,
что ну их к черту, сапоги кирзовые...
А сапоги фасонные не в моде.

Кузьма Иванович, ступай на пенсию:
есть фабрики — военных обошьют.
Но пусть война останется за песнею.
А ласточке твоей пора на юг.

Она хвостом своим качнет раздвоенным,
из рук твоих натруженных рванется
и полетит над грозами, над войнами...
А ты сиди и жди. Она вернется.

1958

58

Не вели, старшина, чтоб была тишина.
Старшине не всё подчиняется.
Эту грустную песню придумала война...
Через час штыковой начинается.
Земля моя, жизнь моя, свет мой в окне...
На горе врагу улыбнусь я в огне.
Я буду улыбаться, черт меня возьми,
в самом пекле рукопашной возни.
Пусть хоть жизнь свою укорачивая,
я пойду напрямик
в пулеметное поколачиванье,
в предсмертный крик.
А если, на шаг всего опередив,
достанет меня пуля какая-нибудь,
сложите мои кулаки на груди
и улыбку мою положите на грудь.
Чтоб видели враги мои и знали бы впредь,
как счастлив я за землю мою умереть!
...А пока в атаку не сигналила медь,
не мешай, старшина, эту песню допеть.
Пусть хоть что судьбой напорочится:
хоть славная смерть, хоть геройская смерть —
умирать всё равно, брат, не хочется.

1958

59. ИСКАЛА ПРАЧКА КЛАД

На дне глубокого корыта
так много лет подряд
не погребенный, не зарытый
искала прачка клад.

Корыто от прикосновенья
звенело под струну,
и плыли пальцы, розовея,
и шарили по дну.

Корыта стенки как откосы,
омытые волной.
Ей снился сын беловолосый
над этой глубиной,
и что-то очень золотое,
как в осень листопад...
И билась пена о ладони —
искала прачка клад.

1958

60. ПЕСЕНКА О КОМСОМОЛЬСКОЙ БОГИНЕ

Я смотрю на фотокарточку:
две косички, строгий взгляд,
и мальчишеская курточка,
и друзья кругом стоят.

За окном всё дождик тенькает:
там ненастье на дворе.
Но привычно пальцы тонкие
прикоснулись к кобуре.

Вот скоро дом она покинет,
вот скоро вспыхнет бой кругом,
но комсомольская богиня...
Ах, это, братцы, о другом!

На углу у старой булочной,
там, где лето пыль метет,
в синей маечке-футболочке
комсомолочка идет.

А ее коса острижена,
в парикмахерской лежит.
Лишь одно колечко рыжее
на виске ее дрожит.

И никаких богов в помине,
лишь только дела гром кругом,
но комсомольская богиня...
Ах, это, братцы, о другом!

1958

61

Часовые любви на Смоленской стоят.
Часовые любви у Никитских не спят.
Часовые любви по Петровке идут неизменно...
Часовым полагается смена.

О, великая вечная армия,
где не властны слова и рубли,
где все — рядовые: ведь маршалов нет у любви!
Пусть поход никогда ваш не кончится.
Признаю только эти войска!..
Сквозь зимы и вьюги к Москве подступает весна.

Часовые любви на Волхонке стоят.
Часовые любви на Неглинной не спят.
Часовые любви по Арбату идут неизменно...
Часовым полагается смена.

1958

62

Е. Рейну

Из окон корочкой несет поджаристой.
За занавесками — мельканье рук.
Здесь остановки нет, а мне — пожалуйста:
шофер в автобусе — мой лучший друг.

А кони в сумерках колышут гривами.
Автобус новенький, спеши, спеши!
Ах, Надя, Наденька, мне б за двугривенный
в любую сторону твоей души.

Я знаю, вечером ты в платье шелковом
пойдешь по улицам гулять с другим...
Ах, Надя, брось коней кнутом нащелкивать,
попридержи-ка их, поговорим!

Она в спецовочке, в такой промасленной,
берет немислимый такой на ней...
Ах, Надя, Наденька, мы были б счастливы...
Куда же гонишь ты своих коней!

Но кони в сумерках колышут гривами.
Автобус новенький спешит-спешит.
Ах, Надя, Наденька, мне б за двутривенный
в любую сторону твоей души!

1958

63. ДО СВИДАНИЯ, МАЛЬЧИКИ

Ах война, что ж ты сделала, подлая:
стали тихими наши дворы,
наши мальчики головы подняли —
повзрослели они до поры,
на пороге едва помаячили
и ушли, за солдатом — солдат...
До свидания, мальчики!

Мальчики,
постарайтесь вернуться назад.
Нет, не прячьтесь вы, будьте высокими,
не жалейте ни пуль, ни гранат
и себя не щадите,

и всё-таки
постарайтесь вернуться назад.

Ах, война, что ж ты, подлая, сделала:
вместо свадеб — разлуки и дым,
наши девочки платица белые
раздарили сестренкам своим.

Сапоги — ну куда от них денешься?
Да зеленые крылья погон...
Вы наплюйте на сплетников, девочки.
Мы сведем с ними счеты потом.

Пусть болтают, что верить вам не во что,
что идете войной наугад...

До свидания девочки!

Девочки,
постарайтесь вернуться назад.

1958

64. ПЕСЕНКА О ПРИСЯГЕ

Каких присяг я ни давал, какие ни твердил слова,
но есть одна присяга — кружится голова.

Приду я к женщине своей — всю жизнь к ногам ее
сложу,
но о присяге этой ни слова не скажу.

Подстережет меня беда — не обойду свою беду,
а вот присяги этой не выдам и в бреду.

И только где-нибудь потом, случайно кто-нибудь в
пути
слова присяги этой найдет в своей груди.

1958(?)

65. ПЕСЕНКА ПРО ЧЕРНОГО КОТА

Со двора подъезд известный
под названьем «черный ход».
В том подъезде, как в поместье,
проживает Черный кот.

Он в усы усмешку прячет,
темнота ему как щит.
Все коты поют и плачут —
этот Черный кот молчит.

Он и звука не проронит —
только ест и только пьет,
грязный пол когтями тронет
как по горлу проскребет.

Он давно мышей не ловит,
усмехается в усы,
ловит нас на честном слове,
на кусочке колбасы.

Он не требует, не просит,
желтый глаз его горит,
каждый сам ему выносит
и спасибо говорит.

Оттого-то, знать, не весел
дом, в котором мы живем...
Надо б лампочку повесить —
денег всё не соберем.

1957—1959

66

Ст. Рассадину

Мой мальчик, нанося обиды,
о чем заботятся враги?
Чтоб ты не выполз недобитый,
на их нарвавшись кулаки.

Мой мальчик, но — верны и строги
о чем заботятся друзья?
Чтоб не нашел ты к ним дороги,
свои тревоги пронося.

И все-таки, людьми ученый,
еще задолго до седин,
рванешь рубаху обреченно,
едва останешься один.

И вот тогда-то, одинокий,
как в зоне вечной мерзлоты,
поймешь, что все, как ты, двуноги,
и все изранены, как ты.

8 сентября 1959

68. СКАЗКА

Ничего смешного,
ничего нелепого,
ничего такого
вовсе не было.

Просто вышла женщина
на арбатский двор,
где белье развешено
с давних пор.

Просто так губами
шевелила —
с кем-нибудь, должно быть,
говорила.

Мы тоже гуляли
среди дворовых стен,
мы долго гадали;
с кем она, с кем?

А она белье развешивала.
нас не звала,
красивая женщина
с тесного двора.

А двор наш арбатский
совсем невелик.
А двор наш арбатский
капелью залит.

А она всё ходит,
губами шевелит,
словно позабыть про себя
не велит.

<1959>

69. НА РАССВЕТЕ

Руки засунув в карманы,
похаживают всякие краны.
Бульдозеры, словно крабы,
почтительно шествуют в свите...

О, Москва на рассвете
чудесами полна.
Вот буксирный пароходик «Ветер»
подкидывает волна,
и он проползает мимо,
весь в мазутном поту,
белыми кольцами дыма
жонглируя на ходу.
А вот идет человек,
маленький,
смешной человек —
пиджак наброшен на плечи,
во рту папиросы блистанье...
Ты куда, человек?
Это ж царство бетона и стали!
Вдруг бульдозер какой-нибудь,
от злости сопя,
в землю втопчет тебя...
Но перед ним ложится пространство
и краны гнутся подобострастно,
и бульдозеры униженно пятятся
словно пытаются спрятаться.
Стальные чудища,
мне вас жалко:
вы и слабей,
вы и глупей...
А это идет Петька Галкин —
мы раньше
гоняли с ним голубей.

<1959>

70. ЛЕТО

По баштану рыжий дым
переспелых дынь.

Ты сидишь спиной к реке,
никого не ждешь.
Тихо плавает в руке
перочинный нож.

Дыня стонет на зубах,
стынет на губах.
За спиною Тихий Дон,
а за Доном — дом.

Два окошка — прямо в степь.
Пена белых стен.

Как из первого окна
тишина слышна.
У второго же окна
не твоя ль жена
скучно семечки грызет,
ничего не ждет?

...По баштану синий дым
перезрелых дынь.
И плывет, плывет за Дон
месяц молодой.

А девчонки ждут ребят,
в хаты не хотят.
А девчонки стариков
слушать не хотят.

Принаряжены слегка,
что ни говори,
не гадают на века —
только до зари.

Ночь ложится на поля.
Кружится земля.

Две склоненных головы
в зелени травы.

<1959>

71. КОЛЬЦО

Обручила нас с тобой
не кручина —
дело молодое.

Нас кольцо садовое
обручило,
пусть не золотое.

Ювелиры не гудели
в сторону,
не гадали сонно,
сколько в нем, мол,
поровну ль, не поровну ль
золота и звона.

По нему, нелегкому,
посчитали версты,
прошагали оба,
радовались,
горевали вдосталь... —
это ли не проба?

Мы его на граммы
не развешивали,
в бедах не теряли.
Что ж теперь
клониться оробевшими
перед матерями?

Ты не прячь лицо,
не стой незваною,
гляди зорче...

Ты звени-звени, кольцо,
ты позванивай
да позвонче!

<1959>

72. КОЛОКОЛ

С. Наровчатову

Ударил колокол по свету.
Поэт прочел веселый стих.
А ты почувствовал, что нету
еще десятка лет твоих.

А ты на ветер не бросал их,
они в анкете учтены...
Ах, на каком таком базаре
отдал ты их за полцены?

Отдал куда — и не заметил,
отдал кому — и не спросил...
Ударил колокол, как ветер,
как первый грач крылом косым.

Он бил легко и неустанно.
А где-то стало вдруг теплей,
кому-то вдруг светлее стало
от тихой щедрости твоей.

<1959>

73. МАРФА

С невеселого месяца марта
твоя родословная, Марфа.
Небо плянется грустно.
Небо валится грузно.
Что за мартом — весна?
Что за мартом — зима?
Недогадливы люди.
Сходят с ума.
То дожди, то метели,
то сугроб, то вода...
Только ты, моя Марфа,
светла всегда.
Лишь единую спичку
на единую вспышку —
и пойдет
и потянется плавно
из окна
сарафанное пламя.
Как же быть человечеству
без окна твоего?
Человечество ж лечится
у огня твоего.

Так живи, моя Марфа,
на окраине марта,
на пороге теплыни вешней
вечно-вечно.

<1959>

74

Итак, я постарею...
Неужели я постарею,
кашне закручу на шею,
глубокие калоши куплю,
и тебя разлюблю,

и буду на виду у прохожих
сидеть на бульваре воскресном
и коченеть в зной,
и молодежи будет тесно
рядом со мной?

Неужели это случится?
На век не хватает огня.
Не стареют ведь птицы...
Научите меня,

чтобы петь, петь, петь,
поднимаясь круто
до последней минуты...
А потом уж упасть,
как пропасть!

<1959>

75

Ночь белая. Спят взрослые, как дети.
Ночь белая. Ее бесшумен шаг.
Лишь дворники кружатся по планете
и о планету метлами шуршат.

<1959>

Сыпь, вечер, звезды.

Сыпь.

На волосы, на губы и на плечи.

Тому, кто громом будет сыт,
нужнее вечер.

И мы позабываем обо всем,
едва лишь хлопья звезда повалят с неба.

Вот почему мой город, словно снегом,
бывает тишиною занесен.

Потом снег тает. Каждый — снова путник
несет земле своей кто чем богат...

Всё так устроено. Не наугад.

И тишина влетает прямо в будни.

Так день заманивает тишину,
и он ее крылом своим — на части...

И мы идем за ними. Как в плену.

За буднями.

И в этом — наше счастье.

<1959>

Ты в чем виновата?

Ты в том виновата,
что зоркости было
в тебе маловато:

красивой слыла,
да слепою была.

А в чем ты повинна?

А в том и повинна,
что рада была
любви половинной:

любимой слыла,
да ненужной была.

А кто в том виною?
А ты и виною:
всё тенью была
у него за спиною,

всё тенью была —
никуда не звала.

<1959>

78

О. Б.

Звезды сыплются в густую траву...

Я в деревне Лазаревке живу,
где налево от ворот любых
километры лесов голубых,
где направо от любых ворот
волчьих вотчин невпроворот.

Я в деревне Лазаревке живу,
вдоль по Лазаревке странствую...
Ты пошли мне, Лазаревка, жену,
как ты, Лазаревка, ласковую,
как ты, Лазаревка, крутую в мороз,
как ты, Лазаревка, жаркую;
чтоб звалась она Марфою,
чтобы ей без меня не жилось,
чтобы отражались в тихой заводи
армии Марфиных соловьев,
чтобы таял от тихой зависти
синий снег под пимами ее.
А когда трактора приползают с марша,
тарыхтя на все голоса,
чтоб маячила у околицы Марфа,
тоненькая, как лоза.

1959

70. ПЯТАК

Бывает так, бывает так:
лежит на улице пятак,
едва-едва заметный
простой кружочек медный.

А человек... Да, человек!
внезапно остановит бег
и до земли поклонится,
как будто переломится.

<1959>

80

Куда вы подевали моего щегла?
А может быть, он сам наутек от меня?
Вот и конь мой рвется из-под седла.
Чем вы соблазнили моего коня?

Степью ли хрустящей? Песней ли раки?
Торбой ли под мордой, чтоб вволю зерна?
Голубой ли ящерицей апрельской реки,
что к копытам липнет так, задарма?

О река, упала ты на белый песок,
неба разметала платок голубой;
платье твое ситцевое — в ромашках всё,
руки твои теплые — под головой.

И сама ты теплая, на всё щедра:
на горечь, на сладость, на любить — не любить,
щедра, как крылья моего щегла,
как коня моего ускакавшего прыть.

<1959>

81. ЧЕЛОВЕК

Дышит воздухом, дышит первой травой,
камышом, пока он колышется,
всякой песенкой, пока она слышится,
теплой женской ладонью под головой.
Дышит, дышит — никак не надышится.

Дышит матерью —
она у него одна,
дышит родиной —
она у него единственная,
плачет, мучается, смеется, посвистывает,
и молчит у окна, и поет дотемна,
и влюбленно недолгий свой век перелистывает.

<1959>

82

Есть разные красивые слова:
послушаешь —
кружится голова.

Как будто опьянен сиренью...
такое
головокружение.

Есть вкрадчивые, тихие слова,
слова,
не объяснимые сперва,
как будто бы сова
к стволу прижалась,
о чем-то призадумалась
сова.

Иному слову тесно в словаре,
как тесно рыболову во дворе,
иные век глядят, не говоря,
из словаря, как из монастыря.

А есть слова: шинелей серый ряд.
В литые сапоги

они обуты,
ремни свои затягивают круто,
махоркою прогорклою дымят.
Вот так дымят: размеренно,
не наспех.

Но позови — сигарки под каблук
и за тебя — в любой огонь,
хоть на смерть,
оружия не выпустив из рук.

<1959>

83. ДОРОГА

Дорога начиналась от порога.
Из жактовской лиловой тесноты
текла она, высокая дорога,
с которою мы не были на «ты».

А будни нас кормили калачами,
а женщины корили по ночам,
чтоб мы дороги той не замечали,
не тратили себя по мелочам.

Как хлопьев снега грустных слов навалят,
но чемодана щелкнет вдруг латунь,
и упадет билет в твою ладонь,
компостером простреленный навывлет.

Пока ночная птица не молчит,
прощайте же! Пока рассвет синеет,
прощайте же! Знать, что-то есть сильнее,
чем сбитые на сливках калачи.

<1959>

84

Всё ты мечешься день-деньской.
Всё ты мечешься день-деньской
по смешной привычке своей городской,
по смешной привычке своей городской...

Руки протягиваешь, словно я бог,
среди стен четырех маешься,
а что я могу, если бог не смог
тебя сотворить понимающей?

Цвет голубой — у тебя под рукой.
Цвет голубой — у тебя под рукой.
А тебе почему-то нужен другой.
А тебе почему-то нужен другой...

Как в старой считалочке детских лет,
губы обидные выпятиз:
«Выпади мне цвет, которого нет,
самый счастливый выпади!»

А над крышей резной твоего гнезда,
а над крышей резной твоего гнезда
мечется голубая звезда,
мечется голубая звезда...

Руки заламывает, подражает
сестрам твоим отпрыгавшим...
А осенью звезды дорожают —
лови ее, глупую, в пригоршни.

Ты повесь ее под своим потолком,
ты повесь ее под своим потолком
потухающим голубым угольком,
потухающим голубым угольком...

Ведь осенью звезды дорожают,
попробуй заработать горбом...

Глупые мы всё же, горожане:
ни черта не смыслим в голубом.

<1959>

85

Галине

Снится или не снится?
Вечер в дождь до пят.
Две молчаливых птицы
из-под бровей глядят.

Будто бы с недоступной,
сказочной высоты
две молчаливых птицы
сказочной красоты.

Всякое может случиться.
(В жизни чему не быть?)
Вдруг захочу расстаться,
вдруг разучусь любить,

вдруг погляжу с порога
за семь морей и рек:

«Вон где моя дорога,
глупый я человек!»

И соберусь проститься,
лишь оглянусь назад:
две молчаливых птицы
из-под бровей глядят,

будто бы говорят мне:
«Останови свой бег,
это же невероятно,
глупый ты человек!»

<1959>

86. КОЛУМБЫ

Утром комбайны,
утром комбайны
уходят как будто в плаванье.
Один за другим,
один за другим,
след в след.
И за спиной исчезают
привычные гавани,
где загорелые женщины
стряпают сытный обед.

Море, море, море.
Гребешки шевеля,
ветер, ветер, ветер —
ему не сидится.
Сашка стоит у штурвала,
он хочет крикнуть: «Земля!»,
но нет земли —
кругом сплошная пшеница.

Только открыт,
еще не обжит,
но уже истоптан
под брюхом комбайна
золотой-золотой материк...

...Как сходились сюда
развеселые толпы,
чтоб с землей посоперничать,
черт подери!

А бывает:
то Невский мелькнет карнавалом,
то поманит Арбат
и возьмет на прицел...
Но упрямо и мудро
идут караваны
Колумбу не грезившихся
каравелл.

Птицы — на новоселье!
Поля, поля, поля...
...И когда вы хрустите
жаркой хлебной коркой,
знайте:
бывает всякое
и даже горькое-горькое,
но Сашка не дрейфит,
он железно стоит
у руля.

<1959>

87. УТРО В ТБИЛИСИ

Песенкой неспетой
первый крик зари.
Гаснут по проспектам
смешные фонари.

Кура, по-раннему дымная,
спешит под Верийский мост.
А в небе корочка дынная
истекает соками звезд.

А где-то за Ортачалами
рыжие, как пятаки,
пронзительно и отчаянно
трубят зарю петухи.

Вот так начинается утро,
и остывают сны,
и тонет в небе утлая
лодочка луны.

И надо собираться
в утренний поход...
Белая акация
по городу идет.

<1959>

88

Когда мы уходим
(хоть в дождь, хоть в сушь),
у ворот стоят наши матери —
первооткрыватели наших душ,
как материков

открыватели.

А сердца матерей горят кострами.
(Те костры в расставании жгут.)
Ах, сердца, вы, сердца, — родимые страны,
где нас непременно ждут,
где мы якоря свои бросили,
и куда б нас чудеса ни завели,
всё равно в те страны по осени
улетают
наши журавли.

<1959>

89. ВЕСНА НА ПРЕСНЕ

У Краснопресненской заставы
весна погуливает всласть.
Она врасплох меня застала,
водой под шинами зажглась,
шофер смеялся, зубы скалил,
гражданка в хохоте зашлась.

А я в глаза: он добрый, добрый,
шофер. Апрельская езда.
И мне не жалко мокрый бобрик,
я капель стряхивать не стал.

А москвичи садились к чаю,
сердца апрелю отворив.
Так здравствуй, день, когда прощают
шаги неверные твои.

Когда полегчало кому-то
ну просто так, ни от чего,
когда старье — на дне комода
и все забыли про него.

Так здравствуй, день! Он петь заставил.
Он — словно лебедь с высоты...
У Краснопресненской заставы
дарили женщинам цветы.

<1959>

90. ЛЕТНИЙ САД

...Это было тогда,
когда
помутнела в Неве
вода
и, отфыркиваясь устало,
всем пробоинам вопреки
допотопные броневики
становились на пьедесталы;
и по Летнему саду
бродил солдатик в шинели,
так что статуи
цепенели:
что он выкинет?
То ли грозное выкрикнет,
то ли молча за горло возьмет...
Как узнать?
...Но такая теплынь разливалась во взгляде.

— Не волнуйтесь, гражданочки.
Мне поручено вас охранять,
мы поладим.

Отступленье болот.
Сыроватый гранит Петрограда.
За оградю Летнего сада
белых статуй полет.

— А куда ваш полет?

— В небо, в небо,
в проходящие облака...

— Чем вы живы, красавицы?

— Негой, негой:

Так судили века...

И теперь, лишь Нева непогодкой расплещется,
или вскинется крик проходящего катера,
или шорох шагов по траве, —
белым статуям непременно мерещится
помутневшее небо над Питером
и такая теплынь
из-под жестких бровей.

<1959>

91

А месяц тонкий-тонкий,
засахаренный, ломкий.
А мрак такой нечеткий,
и где-то у избы
поют себе девчонки,
не ждут своей судьбы.

Судьба, гармошку стиснув,
единственный почет,
в своих сапожках тесных
течет на пяточок.

Кудрявится ромашка,
и дух с реки парной.
Потертая гармошка —
надежда всех парней.

и что-то пели про картошку,
про пионерскую еду,
и я глядел на них в окошко
у Саваофа на виду.

А Бог мигнул мне глазом черным
так, ни с того и ни с сего,
и вдруг я понял: это ж дворник
стоит у дома моего.

<1959>

93. БАЛЛАДА О ДОНКИХОТАХ

У Москвы у реки, в переулке Глубоком,
дульциней взирают из окон, —
ждут, когда возвратятся с работы
донкихоты,
и на синем огне из веселой крупы
сочиняют супы.
Их немного состарило время — века и заботы,
но...
идут донкихоты.
Вот они поднимаются постепенно
на свои этажи, на свои чердаки,
и гремят каблуки по ступеням,
и поют соловьями звонки.
Дульцинея, встречай!
Вот он входит усталым шагом
с краснопресненскими ландышами в руке,
не в доспехах и не со шпагой,
а в рабочем своем пиджаке.

Дульцинея,
а помнишь своего Дон Кихота
в минувшие года?
Дульцинея,
а помнишь: уходила пехота
неведомо куда,
где того и гляди
встретит смерть на пути,
стукнет пуля в висок
наискосок,
и смолкнет скучный ее голосок...

А рыцарский скарб — по музеям весь:
стали музеям мечи ценнее,
но
гранату за пояс, винтовку наперевес
и
«Ты не плачь, я вернусь, Дульцинея!»

...Да, живут донкихоты!
Я касаюсь в толпе их руки.
Да, я слышу — с рассветом
гремят башмаки вдоль реки.
Да, взирают из окон,
да, глядят,
как над городом вечер синеет
нежданный...
В переулке Глубоком,
как столетья назад,
дульцинеи
жаждут
свиданий.

<1959>

94

...Вот я добираюсь
до своих высот,
и ковровую дорожку
жизнь мне стелет...
Но, может, меня
не туда несет?
Быть может, здесь я
простой подмастерье?
Рассчитал косолапо
и наскоро
и просчитался
тут?..
А где-то ждут меня, мастера,
пропавшего мастера
ждут.

<1959>

97. БУМАЖНЫЙ СОЛДАТИК

Один солдат на свете жил,
красивый и отважный,
но он игрушкой детской был:
ведь был солдат бумажный.

Он переделать мир хотел,
чтоб был счастливым каждый,
а сам на ниточке висел:
ведь был солдат бумажный.

Он был бы рад — в огонь и в дым,
за вас погибнуть дважды,
но потешались вы над ним:
ведь был солдат бумажный.

Не доверяли вы ему
своих секретов важных,
а почему?
А потому,
что был солдат бумажный.

В огонь? Ну что ж, иди! Идешь?
И он шагнул однажды,
и там сторел он ни за грош:
ведь был солдат бумажный.

1959

98. ПЕСЕНКА ОБ АРБАТЕ

Ты течешь, как река. Странное название!
И прозрачен асфальт, как в реке вода.
Ах, Арбат, мой Арбат, ты — мое призвание.
Ты — и радость моя, и моя беда.

Пешеходы твои — люди не великие,
каблучками стучат — по делам спешат.
Ах, Арбат, мой Арбат, ты — моя религия,
мостовые твои подо мной лежат.

От любви твоей вовсе не излечишься,
сорок тысяч других мостовых любя.

Ах, Арбат, мой Арбат, ты — мое отечество,
никогда до конца не пройти тебя!

1959

99. ЖИВОПИСЦЫ

Ю. Васильеву

Живописцы, окуните ваши кисти
в суету дворов арбатских и в зарю,
чтобы были ваши кисти словно листья.
Словно листья, словно листья к ноябрю.

Окуните ваши кисти в голубое,
по традиции забытой городской,
нарисуйте и прилежно и с любовью,
как с любовью мы проходим по Тверской.

Мостовая пусть качнется, как очнется!
Пусть начнется, что еще не началось!
Вы рисуйте, вы рисуйте, вам зачтется...
Что гадать нам: удалось — не удалось?

Вы, как судьи, нарисуйте наши судьбы,
наше лето, нашу зиму и весну...
Ничего, что мы — чужие. Вы рисуйте!
Я потом, что непонятно, объясню.

1959

100

Раскрываю страницы ладоней,
молчаливых ладоней твоих,
что-то светлое и молодое,
удивленное смотрит из них.

Я листаю страницы. Маячит
пережитое. Я как в плену.
Вот какой-то испуганный мальчик
сам с собою играет в войну.

Вот какая-то женщина плачет —
очень падают слезы в цене,
и какой-то задумчивый мальчик
днем и ночью идет по войне.

Я листаю страницы, листаю,
исступленно листаю листы:
пережитого громкие стаи,
как синицы, летят на кусты.

И уже не найти человека,
кто не понял бы вдруг на заре,
что погода двадцатого века
началась на арбатском дворе.

О, ладони твои всё умеют,
всё, что было, читаю по ним,
и, когда мои губы немеют,
припадаю к ладоням твоим,
припадаю к ладоням горячим,
в синих жилках веселых тону...

Кто там плачет?
Никто там не плачет...
Просто дети играют в войну!

1959

101. РОДИНА

Б. А.

Говоришь ты мне слово покоя.
Говоришь ты мне слово любви.
Говоришь ты мне слово такое,
восхищенное слово «Живи!».

Я тобою в мучениях нажит,
в долгих странствиях каждого дня.
Значит, нужен тебе я и важен,
если ты позвала вдруг меня.

Говоришь ты мне долгие сроки.
Говоришь ты мне слово «Твори!».
Мои руки — они твои слуги,
не мои они слуги — твои.

И твое меня греет дыханье.
Значит, с празднествами и бедой,
с мелочами моими, с грехами
я единственный праведный, твой.

Значит, люб я тебе хоть немного,
если, горечь разлуки клубя,
говоришь ты мне слово «Тревога!»,
отрываешь меня от себя.

И наутро встаю я и снова
отправляюсь в решительный бой...
Остается последнее слово.
Оставляю его за собой.

1959

102

Б. Ахмагулиной

Рифмы, милые мои,
баловни мои, гордячки!
Вы — как будто соловьи
из бессонниц и горячки,
вы — как музыка за мной,
умопомраченья вроде,
вы — как будто шар земной,
вскрикнувший на повороте.

С вами я, как тот богач,
и куражусь и чудачу,
но из всяких неудач
выбираю вам удачу...
Я как всадник на коне
со склоненной головою...

Господи, легко ли мне?
Вам-то хорошо ль со мною?

1959

103. ДЖАЗИСТЫ

Ст. Рассагину

Джазисты уходили в ополчение,
цивильного не скинув облачения.
Тромбонов и чечеток короли
в солдаты необученные шли.

Кларнетов принцы, словно принцы крови,
магистры саксофонов шли, и, кроме,
шли барабанных палок колдуны
скрипучими подмостками войны.

На смену всем оставленным заботам
единственная зрела впереди,
и скрипачи ложились к пулеметам,
и пулеметы бились на груди.

Но что поделатъ, что поделатъ, если
атаки были в моде, а не песни?
Кто мог тогда их мужество учесть,
когда им гибнуть выпадала честь?

Едва затихли первые сраженья,
они рядком лежали. Без движенья.
В костюмах предвоенного шитья,
как будто притворяясь и шутя.

Редели их ряды и убывали.
Их убивали, их позабывали.
И все-таки под музыку земли
их в поминанье светлое внесли,

когда на пяточке земного шара
под майский марш, торжественный такой,
отбила каблук, танцую, пара
за упокой их душ. За упокой.

1959

О. Батраковой

...И когда под вечер над тобою
журавли охрипшие летят,
ситцевые женщины толпою
сходятся — затмить тебя хотят.

Молчаливы. Ко всему готовы.
Окружают, красотой соря...
Ситцевые, ситцевые, что вы!
Вы с ума сошли: она ж — своя!

Там, за поворотом Малой Бронной,
где окно распахнуто на юг,
за ее испуганные брови
десять пар непуганых дают.

Тех, которые ее любили,
навсегда связала с ней судьба.
И за голубями голубыми
больше не уходят ястреба.

Вот и мне не вырваться из плена.
Так кружиться мне, и так мне жить...
Я — алхимик.
Ты — моя проблема
вечная...
Тебя не разрешить.

1959

С. Ломинадзе

Стихло в улицах вранье.
Замерло движенье.
Улетело воронье
на поля сраженья.

Лишь ползут из тишины,
сердце разрывая,
как извозчики войны,
красные трамваи.

Надеваю шинель —
главную одежду,
понимаю сильней
всякую надежду.

Замирает в тиши
чуткий, голосистый
телеграф моей души:
нет телеграфиста.

Он несет свой синий кант
по сраженьям грозным.
Он уже прописан там.
Там с пропиской просто.

Южный фронт. Бельэтаж.
У конца дороги.
От угла — второй блиндаж...
Вытирайте ноги!

Мне нужно на кого-нибудь молиться.
Подумайте, простому муравью
вдруг захотелось в ноженьки валиться,
поверить в очарованность свою!

И муравья тогда покой покинул,
всё показалось будничным ему,
и муравей создал себе богиню
по образу и духу своему.

И в день седьмой, в какое-то мгновенье,
она возникла из ночных огней
без всякого небесного знаменья...
Пальтишко было легкое на ней.

Всё забыв — и радости, и муки,
он двери распахнул в свое жилье
и целовал обветренные руки
и старенькие туфельки ее.

И тени их качались на пороге,
безмолвный разговор они вели,
красивые и мудрые, как боги,
и грустные, как жители земли.

1959

107. ТРИ СЕСТРЫ

Опустите, пожалуйста, синие шторы.
Медсестра, всяких снадобий мне не готовь.
Вот стоят у постели моей кредиторы
молчаливые: Вера, Надежда, Любовь.

Раскошелиться б сыну недолгого века,
да пусты кошельки упадают с руки...
— Не грусти, не печалуйся, о моя Вера, —
остаются еще у тебя должники!

И еще я скажу и бессильно и нежно,
две руки виновато губами лоя:
— Не грусти, не печалуйся, мать Надежда, —
есть еще на земле у тебя сыновья!

Протяну я Любви ладони пустые,
покаянный услышу я голос ее:
— Не грусти, не печалуйся, память не стынет,
я себя раздарила во имя твое.
Но какие бы руки тебя ни ласкали,
как бы пламень тебя ни сжигал неземной,
в троекратном размере болтливость людская
за тебя расплатилась... Ты чист предо мной!

Чистый-чистый лежу я в напльвах рассветных,
белым флагом струится на пол простыня...
Три сестры, три жены, три судьбы милосердных
открывают бессрочный кредит для меня.

1959

Иду.

Гимнастерка в соленом поту.

Иду.

Отставать мне не хочется.

Я скоро на мокрый песок упаду
от раны осколочной корчиться.

Успею с тоскою подумать: «Готов...»

Приникну к багульнику

рыжему...

Потом я восстану из цепких бинтов,
из мертвых воскресну

и выживу.

Потом всё затянется корочкой. В срок.

Покажется легким, неистинным.

Ходьба — длинноногое чудо дорог —
опять меня выманит из дому.

И вот я иду. До последнего дня.

Иду. Спотыкаюсь. Прощается.

Наверно, земле ну никак без меня:
в обнимку со мною вращается.

<1959>

110

Эта женщина такая:

ничего не говорит,

очень трудно привыкает,

очень долго не горит.

Постепенно, постепенно

поднимается, кружа

по ступеням, по ступеням

до чужого этажа.

До далекого, чужого,

до заоблачных высот...

И, прищурясь, смотрят жены,

как любить она идет,

как идет она — не шутит,
хоть моли, хоть не моли...
И уходят в норы судьи
коммунальные мои.

<1959>

111. СИНЬКА

В южном прифронтовом городе на рынке
торговали цыганки развесной синькой.
Торговали цыганки, нараспев голосили:
«Синяя синька! Лиля-лиля!»

С прибаутками торговали цыганки
на пустом рынке, в рядах пустых,
а черные мужья крутили сигарки,
и пальцы шевелились в бородах густых.

А жители от смерти щели копали.
Синьку веселую они не покупали.
Было вдоволь у них синевы под глазами,
синего мрака погребов наказанья,
синего инея по утрам на подушках,
синей золы в печурках потухших...

И всё же не хватало им синего-синего,
как матери — сына, как каравая сытного,
а синька была цвета синего неба,
которого давно у них не было, не было.

И потому, наверное, на пустом рынке,
пестрые юбки по ветру кружа,
торговали цыганки (чудеса!) синькой,
довоенной роскошью, без барыша.

<1959>

112

...И когда удивительно близко
остается идти до тебя,
отправляется нежность на приступ,
в свои тихие трубы трубя.

И поротно, и побатальонно
льется в душу она сгоряча,
и ее голубые знамена
на твои упадают плеча.

Знаешь, Оля, на улочке этой,
где старинные стынут дома,
в поединках сходились поэты,
гимназистки сходили с ума.

Продолжается жизни движенье
вдоль по улочке. Век непочат.
Продолжается листьев круженье,
каблуки по асфальту стучат.

И за щедрой твоею рукою
что-то брезжится мне впереди,
и в груди назревает такое,
что уже не хватает груди.

1959(?)

113

Эта женщина! Увижу и немею.
Потому-то, понимаешь, не гляжу.
Ни кукушкам, ни ромашкам я не верю
и к цыганкам, понимаешь, не хожу.

Напророчат: не люби ее такую,
набормочут: до рассвета заживет,
наколдуют, нагадают, накукуют...
А она на нашей улице живет!

1959(?)

114

Ах, война, она не год еще протянет —
на то она и война.
Еще много километров портянок
выкроют из полотна.

Встанет, встанет над землей радуга,
будет мир тишиной богат,
но еще многих всяких дураков радует
бравое пенье солдат.

И потому, знать, за щедро пролитые
за жизни, за радость живых
трехлинеечки четырежды проклятые
бережем, как законных своих.

1959(?)

115

Не верь войне, мальчишка,
не верь: она грустна.
Она грустна, мальчишка,
как сапоги тесна..

Твои лихие кони
не смогут ничего:
ты весь — как на ладони,
все пули — в одного.

1959(?)

116

Глаза, словно неба осеннего свод,
и нет в этом небе огня,
и давит меня это небо и гнет —
вот так она любит меня.

Прощай. Расстаемся. Пощады не жди!
Всё явственней день ото дня,
что пусто в груди, что темно впереди —
вот так она любит меня.

Ах, мне бы уйти на дорогу свою,
достоинство молча храня!
Но старый солдат, я стою, как в строю...
Вот так она любит меня.

1959(?)

Вот несчастный человек — это видно по всему.
Но почему же, почему у него бессрочный век?

Вот счастливый человек — это видно по всему.
Но почему же, почему у него короткий век?

Вот влюбленный человек — это видно по всему.
Но почему же, почему у него печальный век?

118. АТЫ-БАТЫ ШЛИ СОЛДАТЫ

Аты-баты, шли солдаты.
Аты-баты, в дальний путь.
Не сказать, чтоб очень святы,
но и не в чем упрекнуть.

Аты — справа, баты — слева.
Шла девчонка мимо них.
Не сказать, чтоб королева,
но не хуже остальных.

Разговор об этой крале
все солдаты завели.
Не сказать, чтоб приставали,
но и мимо не прошли.

А она остановилась,
черной бровью повела.
Не сказать, чтобы влюбилась,
но и против не была.

Аты-баты, шли солдаты.
Аты-баты, в дальний путь.
Не сказать, чтоб слишком святы,
но и не в чем упрекнуть.

119

Плыл троллейбус по улице.
Женщина шла впереди.
И все мужчины в троллейбусе
молча смотрели ей вслед.

Троллейбус промчался мимо.
Женщину он обогнал.
Но все мужчины в троллейбусе
глаз не сводили с нее.

И только водитель троллейбуса
головой не вертел:
ведь должен хотя бы кто-нибудь
всё время смотреть вперед.

120

Ю. Нагибину

Неистов и упрям,
гори, огонь, гори.
На смену декаблям
приходят январь.

Нам всё дано сполна:
и горести и смех,
одна на всех луна,
весна одна на всех.

Прожить лета б дотла,
а там пускай ведут
за все твои дела
на самый страшный суд.

Пусть оправданья нет
и даже век спустя...
Семь бед — один ответ,
один ответ — пустяк.

Неистов и упрям,
гори, огонь, гори.
На смену декаблям
Приходят январь.

121. ПЕСЕНКА ОБ ОТКРЫТОЙ ДВЕРИ

Когда метель кричит как зверь —
протяжно и сердито —
не запирайте вашу дверь,
пусть будет дверь открыта.

А если ляжет дальний путь,
нелегкий путь, представьте,
дверь не забудьте распахнуть,
открытой дверь оставьте.

И, уходя, в ночной тиши
без долгих слов решайте:
огонь сосны с огнем души
в печи перемешайте.

Пусть будет теплою стена
и мягкой — скамейка...
Дверям закрытым — грош цена,
замку цена — копейка!

122

Ни арбатском дворе — и веселье и смех.
Вот уже мостовые становятся мокрыми.
Плачьте, дети!
Умирает мартовский снег.
Мы устроим ему веселые похороны.

По кладовкам по темным поржавеют коньки,
позабытые лыжи по углам покоробятся...
Плачьте, дети!
Из-за белой реки
скоро-скоро кузнечики к нам заторопятся.

Будет много кузнечиков. Хватит на всех.
Вы не будете, дети, гулять в одиночестве...
Плачьте, дети!
Умирает мартовский снег.
Мы ему воздадим генеральские почести.

Заиграют грачи над его головой,
грохнет лед на реке в лиловые трещины...
Но останется снежная баба вдовой...
Будьте, дети, добры и внимательны к женщине.

123. КАРАВАЙ

Вы видели, щиток приоткрывая,
в задумчивой и душной глубине
прищуренные глазки каравая,
когда он сам с собой наедине?

Когда очнуться не хватает мочи,
когда румяный край — под цвет зари...
О чем он думает? О чем бормочет,
ленивые глотая пузыри?

А в нем живут сгоревшие поленья,
старанья мастериц и мастеров.
Он, как последнее стихотворенье,
и добр, и откровенен, и суров.

И задыхается на белом блюде
от радости рожденья своего...
И кланяются караваю люди
и ломтики уносят от него.

124

Магическое «два». Его высоты,
его глубины... Как мне превозмочь?
Два соболя, два сокола, две сойки,
закаты и рассветы, день и ночь,
две матери, которым верю слепо,
две женщины и, значит, два пути,
два вероятных выхода, два неба —
там, наверху, и у меня в груди.
И, залитый морями голубыми,
расколотый кружится шар земной...
...а мальчики торгуют голубями
по-прежнему. На площади Сенной.

125. ПЕСЕНКА О ФОНТАНКЕ

По Фонтанке, по Фонтанке, по Фонтанке
лодки белые холеные плывут.
На Фонтанке, на Фонтанке, на Фонтанке
ленинградцы удивленные живут.

От войны еще красуются плакаты,
и погибших еще снятся голоса.
Но давно уж — ни осады, ни блокады —
только ваши удивленные глаза.

Я — приезжий. Скромно стану в отдаленье.
Слов красивых и напрасных не скажу:
что я знаю?

Лишь на ваше удивленье
удивленными глазами погляжу.

126

Женщины-соседки, бросьте стирку и шитье,
живите, будто заново, всё начинайте снова!
У порога, как тревога, ждет нас новое житье
и товарищ Надежда по фамилии Чернова.

Глаза ее суровы, их приговор таков:
чтоб на заре без паники, чтоб вещи были собраны,
чтоб каждому мужчине — по паре пиджаков
и чтобы ноги — в сапоги, а сапоги — под седлами.

Прощайте, прощайте, наш путь предельно чист,
нас ждет веселый поезд, и два венка терновых,
и два звонка медовых, и грустный машинист —
товарищ Надежда по фамилии Чернова.

Ни прибыли, ни убыли не будем мы считать —
не надо, не надо, чтоб становилось тошно!
Мы успели всяких книжек сорок тысяч прочитать
и узнали, что к чему и что почем, и очень точно.

Время идет, хоть шути — не шути,
как морская волна вдруг нахлынет и скроет...
Но погоди, это всё впереди,
дай надышаться Москвою.

Мало прошел я дорогой земной.
Что же рвешь ты не в срок пополам мое сердце?
Ну не спеши, это будет со мной.
ведь никуда мне не деться.

Видишь тот дом? Там не гасят огня,
там друзья меня ждут не больным, не отпетым...
Да не спеши! Как же им без меня?
Надо ведь думать об этом.

Дай мне напиться воды голубой,
придержи до поры и тоску и усталость...
Ну потерпи, разочтемся с тобой —
я должником не останусь.

На мне костюмчик серый-серый,
совсем как серая шинель.
И выхожу я на эстраду
и тихим голосом пою.

А люди в зале плачут-плачут
не потому, что славен я,
и не меня они жалеют,
а им себя, наверно, жаль.

Жалейте, милые, жалейте,
пока жалеется еще,
пока в руке моей гитара,
а не тяжелый автомат.

Жалейте, будто бы в дорогу
вы провожаете меня...
На мне костюмчик серый-серый.
Он весь — как серая шинель.

Дома лучше (что скрывать?),
 чем на площади холодной:
 здесь хоть стулья да кровать —
 там — всего лишь флаг бесплодный.

Здесь, хоть беден, хоть богат,
 остаюсь самим собою.
 Здесь я — барин, там — солдат,
 и разлука за спиною.

Не пробуй этот мед: в нем ложка дегтя.
 Чего не заработал — не проси.
 Не плюй в колодец. Не кичись. До локтя
 всего вершок — попробуй укуси.

Час утренний — делам, любви — вечерний,
 раздумьям — осень, бодрости — зима...
 Весь мир устроен из ограничений,
 чтобы от счастья не сойти с ума.

Жизнь моя — странствия. Прощай! Пиши!
 Мне нужно выяснить не за рубли:
 широки ли пространства твоей души,
 велико ль государство моей любви.

132. ЧАЕПИТЬЕ

Начинается чаепитье.
Поднимая чашки свои,
хлещут красные черепицы
от зари голубые чай.

Эта мартовская работа
всё меняет за пять минут:
голубые капельки пота
по оконным стеклам бегут.

Птицы первые распевают.
Рушь, погода, сугробы! Рушь!
Слышно — новые поспевают
самовары солнца и луж.

Пей, земля! Мостовые, пейте!
Пейте сдадкое то питье.
Вам на белом весеннем свете
без того питья не житье.

И, усталый, больной и хрупкий,
оседает снег на заре.
Поднимайте чашки и кружки!
Чаепитье у нас на дворе!

<1960>

133

По утрам
за колхозною площадью
в тесных
во дворах,
где воскресный царит тарарам,
вдруг становится тихо.

Рождается песня,
и до сумерек бродит она по дворам.
Одноногие туловища

шарманок

повисают с утра на хозяйских плечах,
и шарманщики
достаю́т из карма́нов
обезьянок

с тоскою и ленью в очах,
достаю́т попугаев столетних и хилых,
и коричневых свинок они достаю́т.

И шарманки пою́т.

И мальчишки не слушать не в силах.

А шарманки пою́т.

И крикливые женщины,

стирку оставив,

зати́хают торже́ственно у ворот,

и больные выглядываю́т

из-за ставен:

это им в исцеленье шарманка поет.

Очень старая песенка катит рекою...

Ах, шарманщик!

Он медленно руку ведет,

он выводит мелодию правой рукою,

а другую —

на плечи шарманке кладет.

Он проходит дворами,

оракул безвестный,

а билеты со счастьем

всего по рублю...

Перемешиваю́тся

молчанье и песни,

звон трамваев,

и «я не люблю» и «люблю».

И но́чами,

уже не подвластные Богу,

околдованные

шарманкой земной,

переспелые звезды ложатся к порогу

и кочуют со мной...

И но́чуют со мной...

<1960>

134. ГОРОД

Он меня измучал во сне и наяву,
и в будний гром, и в тишине,
город,

но не тот, в котором я живу,
а который громоздится во мне.
Над которым, как над его людьми,
сто всяких бурь пронеслось.

Город тихого камня,
трудной любви
и коротких

слез.

Он меня в колыбели своей качал
и собакой ложился у ног.

Он, как женщина,
входящая по ночам
в комнату, где я одинок.

И как голубая вода реки,
озаренная цепью огней,
над которой задумчивые рыбаки
упускают с руки
золотых своих окуней.

Он, как новые улицы,
что лежат

по дороге к моей судьбе,
и как Федоринин — старший сержант,
обучивший меня стрельбе.

Я окопной воды свою норму
испил,

губы свои пережег.

Я вдоволь настрелялся,
но мало любил,

а город меня бережет.

Он за мною, как нянька, — след в след,
ковры расстилает мне,
как будто я — единственный свет,
свет

у него

в окне.

<1960>

135. МОСКОВСКИЙ МУРАВЕЙ

Не тридцать лет, а триста лет иду, представьте вы,
по этим древним площадям, по голубым торцам.
Мой город носит высший чин и звание Москвы,
но он навстречу всем гостям всегда выходит сам.

Иду по улицам его в рассветной тишине,
бегу по улочкам кривым (простите, города)...
Но я — московский муравей, и нет покоя мне —
так было триста лет назад и будет так всегда.

Ах, этот город, он такой похожий на меня:
то грустен он, то весел он, но он всегда высок..
Что там за девочка в руке несет кусочек дня,
как будто завтрак в узелке мне, муравью, несет?

<1960>

136. ОСЕНЬ В КАХЕТИИ

Вдруг возник осенний ветер, и на землю он упал.
Красный ястреб в листьях красных словно
в краске утопал.

Были листья странно скроены, похожие на лица, —
сумасшедшие закройщики кроили эти листья,
озорные, заводные посшивали их швеи...
Листья падали на палевые пальчики свои.

Называлось это просто: отлетевшая листва.
С ней случалось это часто по традиции по давней.
Было поровну и в меру в ней улыбки и страдания,
торжества и увяданья, колдовства и мастерства.

И у самого порога, где кончается дорога,
веселился, и кружился, и плясал хмельной немного
лист осенний, лист багряный, лист
с нелепою резьбой...
В час, когда печальный ястреб вылетает на разбой.

1960

137. О КУЗНЕЧИКАХ

Два кузнечика зеленых в траве, насупившись, сидят.
Над ними синие туманы во все стороны летят.
Под ними красные цветочки и золотые лопухи...
Два кузнечика зеленых пишут белые стихи.

Они перышки макают в облака и молоко,
чтобы белые их строчки было видно далеко,
и в затылках дружно чешут, каждый лапкой шевелит,
Но заглядывать в работу один другому не велит.

К ним бежит букашка божья, бедной барышней бежит,
но у них к любви и ласкам что-то сердце не лежит.
К ним и прочие соблазны подбираются, тихи,
но кузнечики не видят — пишут белые стихи.

Снег их бьет, жара их мучит, мелкий дождичек кропит,
шар земной на повороте отвратительно скрипит...
Но меж летом и зимою, между счастьем и бедой
прорастает неизменно вещей смысл работы той,
и сквозь всякие обиды пробиваются в века
хлеб (поэма), жизнь (поэма), ветка тополя (строка)...

1960

138. СТАРЫЙ ПИДЖАК

Я много лет пиджак ношу.
Давно потерялся и не нов он.
И я зову к себе портного
и перешить пиджак прошу.

Я говорю ему шутя:
«Перекроите всё иначе,
сулит мне новые удачи
искусство кройки и шитья».

Я пошутил. А он пиджак
серьезно так переживает,
а сам-то всё переживает:
вдруг что не так. Такой чудак.

Одна забота наяву
в его усердье молчаливом,
чтобы я выглядел счастливым
в том пиджаке. Пока живу.

Он представляет это так:
едва лишь я пиджак примерю —
опять в твою любовь поверю...
Как бы не так. Такой чудак.

1960

139. ДЕЖУРНЫЙ ПО АПРЕЛЮ

Ах, какие удивительные ночи!
Только мама моя в грусти и тревоге:
— Что же ты гуляешь, мой сыночек,
одинокий,
одинокий? —
Из конца в конец апреля путь держу я.
Стали звезды и круглее и добрее...
— Мама, мама, это я дежурю,
я — дежурный
по апрелю!

— Мой сыночек, вспоминаю всё, что было,
стали грустными глаза твои, сыночек...
Может быть, она тебя забыла,
знать не хочет?
Знать не хочет? —
Из конца в конец апреля путь держу я.
Стали звезды и круглее и добрее...
— Что ты, мама! Просто я дежурю,
я — дежурный
по апрелю...

1960

Г. Венгеровой

Тьмою здесь всё занавешено
И тишина, как на дне...
Ваше величество женщина,
да неужели — ко мне?

Тусклое здесь электричество,
с крыши сочится вода.
Женщина, ваше величество,
как вы решились сюда?

О, ваш приход — как пожарище.
Дымно, и трудно дышать...
Ну, заходите, пожалуйста.
Что ж на пороге стоять?

Кто вы такая? Откуда вы?!
Ах, я смешной человек...
Просто вы дверь перепутали,
улицу, город и век.

1960

141. ПО СМОЛЕНСКОЙ ДОРОГЕ

По Смоленской дороге — леса, леса, леса.
По Смоленской дороге — столбы, столбы, столбы.
Над Смоленской дорогою, как твои глаза, —
две вечерних звезды — голубых моих судьбы.

По Смоленской дороге — метель в лицо, в лицо,
всё нас из дому гонят дела, дела, дела.
Может, будь понадежнее рук твоих кольцо —
покороче б, наверно, дорога мне легла.

По Смоленской дороге — леса, леса, леса.
По Смоленской дороге — столбы гудят, гудят.
На дорогу Смоленскую, как твои глаза,
две холодных звезды голубых глядят, глядят.

1960

Горит пламя, не чадит,
Надолго ли хватит?
Она меня не щадит —
тратит меня, тратит.

Быть недолго молодым,
скоро срок догонит.
Неразменным золотым
покачусь с ладони.

Потемнят меня ветра,
дождичком окатит...
А она щедра, щедра —
надолго ли хватит?

1960(?)

143. ПЕСЕНКА О МОСКОВСКОМ МЕТРО

Мне в моем метро никогда не тесно,
потому что с детства оно — как песня,
где вместо припева, вместо припева:
«Стойте справа, проходите слева».

Порядок вечен, порядок свят:
те, что справа, всегда стоят.
А те, что идут, всегда должны
держаться левой стороны.

1957—1961

144. ПЕСЕНКА О МОЕЙ ЖИЗНИ

А как первая любовь — она сердце жжет.
А вторая любовь — она к первой льнет.
А как третья любовь — ключ дрожит в замке,
Ключ дрожит в замке, чемодан в руке.

А как первая война — да ничья вина.
А вторая война — чья-нибудь вина.

А как третья война — лишь моя вина,
А моя вина — она всем видна.

А как первый обман — да на заре туман.
А второй обман — закачался пьян.
А как третий обман — он ночи черней,
Он ночи черней. он войны страшней.

1957—1961

145. ПЕСЕНКА О МОЕЙ ДУШЕ

Что такое душа? Человечек задумчивый,
всем наукам печальным и горьким обученный
(видно, что-то не так в его долгой судьбе).
Но — он сам по себе. а я — сам по себе.

Он томится, он хочет со мной поделиться,
очень важное слово готово пролиться —
как пушинка дрожит на печальной губе...
Но — он сам по себе. а я сам по себе.

Я своей доброты никогда не разбрасываю,
я его никогда ни о чем не спрашиваю.
Каждый волен играть, что горазд, на трубе...
Каждый сам по себе: я — себе, он — себе.

1957—1961

146. ПЕСЕНКА ПРО ДУРАКОВ

Вот так и ведется на нашем веку:
на каждый прилив по отливу,
на каждого умного по дураку,
всё поровну, всё справедливо.

Но принцип такой дуракам не с руки:
с любых расстояний их видно.
Кричат дуракам: «Дураки! Дураки!..»
А это им очень обидно.

И чтоб не краснеть за себя дураку,
чтоб каждый был выделен, каждый,
на каждого умного по ярлыку
повешено было однажды.

Давно в обиходе у нас ярлыки
по фунту на грошик на медный.
И умным кричат: «Дураки! Дураки!»
А вот дураки незаметны.

1960—1961

147. ПЕСЕНКА ВЕСЕЛОГО СОЛДАТА

Возьму шинель, и вещмешок, и каску,
в защитную окрашенные краску.
Ударю шаг по улицам горбатым...
Как просто быть солдатом, солдатом.

Забуду все домашние заботы.
Не надо ни зарплаты, ни работы.
Иду себе, играю автоматом...
Как просто быть солдатом, солдатом.

А если что не так — не наше дело:
как говорится, «родина велела».
Как славно быть ни в чем не виноватым
совсем простым солдатом, солдатом.

1960—1961

148

Берегите нас, поэтов, берегите нас.
Остаются век, полвека, год, неделя, час,
три минуты, две минуты, вовсе ничего...
Берегите нас, и чтобы — все за одного.

Берегите нас с грехами, с радостью и без.
Где-то, юный и прекрасный, ходит наш Дантес.
Он минувшие проклятья не успел забыть,
но велит ему призванье пулю в ствол забить.

Где-то плачет наш Мартынов — поминает кровь:
он уже убил однажды, он не хочет вновь,
но судьба его такая, и свинец отлит,
и двадцатое столетье так ему велит.

Берегите нас, поэтов, от дурацких рук,
от поспешных приговоров, от слепых подруг.
Берегите нас, покуда можно уберечь,
только так не берегите, чтоб костями нам лечь,

только так не берегите, как борзых псари,
только так не берегите, как псарей цари...
Будут вам стихи и песни, и еще не раз.
Только вы нас берегите, берегите нас.

1960—1961

149. ОТРАДА

В будни нашего отряда,
в нашу окопную семью
девочка по имени Отрада
принесла улыбку свою.

И откуда на переднем крае,
где даже земля сожжена,
тонких рук доверчивость такая
и улыбки такая тишина?

Пусть, пока мы шагом тяжелым
проходим по улице в бой,
редкие счастливые жены
над ее злословят судьбой.

Ты клянись, клянись, моя рота,
самой высшей клятвой войны:
перед девочкой с Южного фронта
нет в нас ни грамма вины.

И всяких разговоров отрава,
заливайся воронкою вслед...
Мы идем на Запад, Отрада,
а греха перед пулями нет.

1960—1961

150. ШАРМАНКА-ШАРЛАТАНКА

Е. Евтушенко

Шарманка-шарлатанка, как сладко ты поешь!
Шарманка-шарлатанка, куда меня зовешь?
Шагаю еле-еле, вершок за пять минут.
Ну как дойти до цели, когда ботинки жмут?

Работа есть работа. Работа есть всегда.
Хватило б только пота на все мои года.
Расплата за ошибки — она ведь тоже труд.
Хватило бы улыбки, когда под ребра бьют.

1960—1961

151

Поэтов травили, ловили
на слове, им сети плели;
куражась, корнали им крылья,
бывало, и к стенке вели.

Наверное, от сотворенья,
от самой седой старины
они как козлы отпущенья
в скрижалях земных учтены.

В почете, и всё ж на учете,
и признанны, но до поры...
Вот вы с ними рядом живете,
а были вы с ними добры?

В трагическом их государстве
случалось и празднествам быть,
и всё же бунтарство с мытарством
попробуй от них отделить.

Им разные тракты клубили,
но всё ж в переделке любой
глядели они голубыми
за свой горизонт голубой.

И слова рожденного сладость
была им превыше, чем злость.
А праздника — это лишь слабость
минутная. Так повелось.

Я вовсе их не прославляю.
Я радуюсь, что они есть.
О, как им смешны, представляю,
посмертные тосты в их честь.

<1960—1961>

152

Земля изрыта вкривь и вкось.
Ее, сквозь выстрелы и пенье,
я спрашиваю: «Как терпенье?
Хватает? Не оборвалось —
выслушивать все наши бредни
о том, кто первый, кто последний?»

Она мне шепчет горячо:
«Я вас жалею, дурачье.
Пока вы топчетесь в крови,
пока друг другу глотки рвете,
я вся в тревоге и в заботе.
Изнемогаю от любви.

Зерно спалите — морем трав
взойду над мором и разрухой,
чтоб было чем наполнить брюхо.
покуда спорите, кто прав...»

Мы все — трибуны, смельчаки,
все для свершений народились,
а для нее — озорники,
что попросту от рук отбились.

Мы для нее как детвора,
что средь двора друг друга валит
и всяк свои игрушки хвалит...
Какая глупая игра!

<1960—1961>

Шла война к тому Берлину,
шел солдат на тот Берлин.
Матушка, не плачь по сыну,
у тебя счастливый сын.

Шел не медленно, не быстро,
не жалел солдатских ног.
Матушка, ударил выстрел,
покачнулся твой сынок.

Опрокинулся на спину
и застыл среди осин...
Матушка, поплачь по сыну:
у тебя счастливый сын.

1960—1961

154. ПЕСЕНКА О БЕЛОЙ КРОВИ

А. Кривенко

Тело вскрыли и зашили.
Кровь из тела утекла.
Белой крови в тело влили,
чтобы видимость была.

Нам не спится, не ложится,
дело валится из рук:
наши дети мрут в больнице,
не от кори — это врут.

Мрут и в розницу, и оптом.
Всё качается, плывет...
Кто же этот главный доктор?
В каком городе живет?!

Начало 1961

155. ЧЕТЫРЕ СЫНА

1

Идет к концу
Февраль тифлисский.
Он весь —
на остром сквозняке.
Платанов скорченные листья
в его протянутой руке.
И он на город зябкий смотрит
из-под нависших
облаков.
И фазтоны мокнут-мокнут
без седоков,
без седоков.
Кому теперь кататься в ночи?
И,
глядя со своих высот,
тоскливо думает
извозчик,
кого он завтра
повезет.

2

По городу гуляет полночь
в дожде
от маковки до пят.
А жители
часов не помнят
и притворяются,
что спят.
Никто не спит.
Темно и жутко.
Все перемен наутро ждут.
Особотрядчики в «буржуйках»
на всякий случай
папки жгут.
И тайны длинных коридоров,
и осужденных
голоса,
и запах
спешных приговоров
уходят с дымом в небеса.

Есть в переулке домик старый.
Там прачка старая
живет.
Дверь на ключе,
закрыты ставни,
холодный дождь веревки вьет.
Он вьет и плачет,
вьет и плачет.
Мигает лампы желтый глаз.
Привычно прачка
бомбы прячет
не в первый раз,
не в первый раз.
Грузинка с тихими глазами,
согнувшаяся
от забот...

Четыре сына верят маме
не первый год,
не первый год.

Никто не спит.
Все смотрят в оба.
Не спится прачке у окна.
На чердаке не спится бомбам
в сухом бачке
из-под вина.
А на дворе — темно и сыро.
А маму ожиданье жжет.
А мама ждет,
о, мама ждет,
когда придут четыре сына,
когда в свой дом они войдут...
А может, просто их введут?..
А может быть,
не доведут?..
И у порога выстрел грянет,
в два пальца пуля просвистит...
Ей нужно —
и она достанет,
не пожалеет,
не простит.

И только охнет вскрик короткий,
и станет пусто на дворе.
И снова
маузер — в коробке,
в своей дубовой кобуре,
как пес дворовый —
в конуре,
как старый желудь —
в кожуре...

4

Никто не спит.
Февраль томится.
Все перемен наутро ждут.
Особотрядчикам
не спится —
четыре сына их гнетут.
Слабеет их клубок осинный,
уже к ним близится конец.
Там за окном —
четыре сына,
и самый младший —
мой отец.
И вижу я сквозь годы это,
всё это накрепко во мне:

вот новый день встает с рассветом,
и флаг багровый
в вышине...

Вот залп последний назревает,
вот прогремел он
и затих...
Вот заводской оркестр играет
на октябринах
на моих.

Вот, как отец,
с презреньем к смерти,
с благоговением к стране,
я сам — уже солдат,
заметьте,

я сам шагаю
по войне.
И с тем врагом,
мой свет крадущим,
так недобра моя рука...

Но это всё пока в грядущем,
пока в грядущем.
А пока...

5

Никто не спит.
Никто.
До сна ли?
Все начеку.
Судьба — к судьбе.
Четыре сына — в Арсенале.
Четыре сына — в Дидубе.
В Нахаловке — четыре сына.
И бой часов —
как стук сердец...
Четыре сына — это сила,
и самый младший —
мой отец.

6

Я знаю:
завтра, завтра, завтра,
едва забрезжится
заря,
меньшевики
уйдут на запад,
последней рухлядью
соря.
В разлуку веря и не веря,
не добряцавши до весны,
они покинут этот берег.
Четыре сына им страшны.
У пароходов,
там, в Батуме,
качнутся черные бока.

«О, Грузия!
Кто мог подумать...»
Но это завтра,
А пока...

7

Увязаны баулы срочно.
Глядят сквозь ставни господ.
Не накрахмалены
сорочки.
Уже не ходят
поезда.
Они глядят сквозь ставни мрачно:
там утро новое
встает.
И с тихими глазами
прачки
выходят гордо из ворот.

8

И вижу я в рассвете синем:
через порог,
что стар и крут,
ее ведут
четыре сына
под локти.
Бережно ведут.
Пускай февраль сырой и грязный,
и кони пусть несут,
храпя...
Ах, прачка,
ты не знала разве,
что эти кони
для тебя!
Давай нахлестывай, извозчик,
по мостовой,
по мостовой!
Вези-ка старую
на площадь —
там будет митинг мировой!
Там будет всё теперь
как надо.

Под бой часов,
под стук сердец;
четыре сына станут рядом.
И самый младший —
мой отец.
Под песню первого рассвета
лети, пролетка, так легка,
вдоль Головинского проспекта
Но это — завтра.
А пока...

9

Никто не спит.
И, как сквозь сито,
дождь сыплет,
непреодолим.
Никто не спит.
Четыре сына
проходят городом своим.
И слышу я в рассвете синем,
под бой часов,
под стук сердец, —
они поют.
Четыре сына.
И самый младший —
мой отец.

10

И выхожу я сам к рассвету,
и сам иду
туда... туда...
Куда уносит
песню эту
Куры
февральская вода.

<1961>

156. КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Мери Лорджипанидзе

Вернемся к вечеру. Лети, машина старая!
Водитель,

нзучи ее летать.

Вернемся к вечеру. И у подъезда стану я
бока ее побитые латать.

И голосами хрипылыми фазаньими
аукнется под старой Мцхетой бег,
и повернутся домики фасадами...

А на Арбате нынче первый снег.

Поет грузинка. И кочует пение,
как вечный странник,

из жилья в жилье...

О, есть ли что на свете колыбельнее,
чем эта колыбельная ее?

И дети спят. Мужчины горько плачут.

Кто это там идет за нами вслед?

Чем только, чем

за эти слезы платят?..

А на Арбате нынче первый снег.

Еще вернемся мы к своим печалям,
к своим воспоминаньям, к берегам,
как пароходы грузные, причалим.
Лети, машина! Крылья — по бокам
Осенний рыжий бог спешит по рощицам,
веснушчатый веселый человек.

Пускай пророчит.

Хватит осторожничать...

А на Арбате нынче первый снег.

<1961>

157. ЧУДЕСНЫЙ ВАЛЬС

Ю. Левитанскому

Музыкант в лесу под деревом наигрывает вальс.

Он наигрывает вальс то ласково, то страстно.

Что касается меня, то я опять гляжу на вас,

а вы глядите на него, а он глядит в пространство.

Целый век играет музыка. Затянулся наш пикник.
Тот пикник, где пьют и плачут, любят и бросают.
Музыкант приник губами к флейте. Я бы к вам
приник!
Но вы, наверно, тот родник, который не спасает.

А музыкант играет вальс. И он не видит ничего.
Он стоит, к стволу березовому прислонясь плечами.
И березовые ветки вместо пальцев у него,
а глаза его березовые строги и печальны.

А перед ним стоит сосна, вся в ожидании весны.
А музыкант вращается в землю... Звуки вальса льются...
И его худые ноги как будто корни той сосны —
они в земле переплетаются, никак не расплетутся.

Целый век играет музыка. Затянулся наш роман.
Он затянулся в узелок, горит он — не сгорает...
Ну давайте ж успокоимся! Разойдемся по домам!..
Но вы смотрите на него... А музыкант играет.

1961

158

Всю ночь кричали петухи
и шеями мотали,
как будто новые стихи,
закрыв глаза, читали.

Но было что-то в крике том
от едкой той кручины,
когда, согнувшись, входят в дом
постылые мужчины.

И был тот крик далек-далек
и падал так же мимо,
как гладят, глядя в потолок,
чужих и нелюбимых.

Когда ласкать уже невмочь
и отказать трудно...
И потому всю ночь, всю ночь
не наступало
утро.

1961

159. ЧЕРНЫЙ «МЕССЕР»

Вот уже который месяц
и уже который год
прилетает черный «мессер»,
спать спокойно не дает.

Он в окно мое влетает,
он по комнате кружит,
он как старый шмель рыдает,
мухой пойманной жужжит.

Грустный летчик как курортник...
Его темные очки
прикрывают, как намордник,
его томные зрачки.

Каждый вечер, каждый вечер
у меня штурвал в руке,
я лечу к нему навстречу
в довоенном «ястребке».

Каждый вечер в лунном свете
торжествует мощь моя:
я, наверное, бессмертен —
он сдается, а не я.

Он пробоинами мечен,
он сгорает, подожжен,
но приходит новый вечер,
и опять кружится он.

И опять я вылетаю,
побеждаю, и опять
вылетаю, побеждаю...
Сколько ж можно побеждать?

1961

160. В БАРАБАННОМ ПЕРЕУЛКЕ

В Барабанном переулке барабанщики живут.
Поутру они как встанут, барабаны как возьмут,
как ударят в барабаны, двери настезь отворя...
Где же, где же, барабанщик, барабанщица твоя?

В Барабанном переулке барабанщиц нет, хоть плачь.
Лишь грохочут барабаны ненасытные, хоть прячь.
То ли утренние зори, то ль вечерняя заря...
Где же, где же, барабанщик, барабанщица твоя?

Барабанщик пестрый бантик к барабану привязал,
барабану бить побудку, как по буквам, приказал
и пошел по переулку, что-то в сердце затая...
Где же, где же, барабанщик, барабанщица твоя?

А в соседнем переулке барабанщицы живут
и, конечно, в переулке очень добрыми слывут,
и за ними ведь не надо отправляться за моря...
Где же, где же, барабанщик, барабанщица твоя?!

1961

161. ПЕСЕНКА О ПЕХОТЕ

Простите пехоте,
что так неразумна бывает она:
всегда мы уходим,
когда над землею бушует весна.
И шагом неверным
по лестничке шаткой (спасения нет)...
Лишь белые вербы,
как белые сестры, глядят тебе вслед.

Не верьте погоде,
когда затяжные дожди она льет.
Не верьте пехоте,
когда она бравые песни поет.
Не верьте, не верьте,
когда по садам закричат соловьи:
у жизни и смерти
еще не окончены счеты свои.

Нас время учило:
живи по-походному, дверь отворя...
Товарищ мужчина,
а всё же заманчива доля твоя:
весь век ты в походе,
и только одно отрывает от сна:
чего ж мы уходим,
когда над землею бушует весна?

1961

Допеты все песни. И точка.
И хватит, и хватит о том.
Ну, может, какая-то строчка
осталась еще за бортом.

Над нею кружатся колеса.
но, даже когда не свернуть,
наивна и простоволоса,
она еще жаждет сверкнуть.

Надейся, надейся, голубка,
свои паруса пораскинь,
ты, хрупкая, словно скорлупка,
по этим морям городским.

Куда тебя волны ни бросят,
на помощь теперь не зови.
С тебя ничего уж не спросят:
как хочется — так и плыви,

подобна мгновенному снимку,
где полночь и двор в серебре
и мальчик с гитарой в обнимку
на этом арбатском дворе.

1961

163. СТИХИ, ЯВЛЯЮЩИЕСЯ КРАТКИМ РУКОВОДСТВОМ ДЛЯ ПОЛЬЗОВАНИЯ ПУГАЧОМ

...Когда почувствуешь недомоганье вдруг,
купи пугач
в отделе игр,
мой друг.

Стрельни налево,
и стрельни направо,
и в стол швырни.

Недолгая забава.
И жизнь идет. И свет сменяет темь.
Всё прежнее вокруг.

А между тем
как будто выраженье глаз иное,
и темечко всё как-то странно ноет.

Представь себе:

случилось так, что ты
вдруг отупел от слов и суеты
и наступила главная проверка,
как в ателье — последняя примерка.
И ты берешь пугач (к нему привык),
к виску подносишь — он к виску приник,
смеешься ты:

ведь он не убивает...

Но в принципе всё точно так бывает:
его — к виску, а он к виску приник,
вся жизнь прошла за краткий этот миг,
всё вспомнилось, что не было и было...
И темечко

как бы к дождю заныло.

Затем обратно в стол его швырни:
он пригодится на другие дни.
Тебя холодный этот душ окатит —
на день-другой, глядишь, его и хватит.
Купи пугач, купи!

Тебе не в труд.

Он безопасен.

С ним не заберут.

Побалагуришь —
и пройдет тоска...
...Всё пугачи мы держим у виска!

<1961>

164. СТАРЫЙ КОРОЛЬ

В поход на чужую страну собирался король.
Ему королева мешок сухарей насушила
и старую мантию так аккуратно зашила,
дала ему пачку махорки и в тряпочке соль.

И руки свои королю положила на грудь,
сказала ему, обласкав его взором лучистым:
«Получше их бей, а не то прослывешь пацифистом,
и пряников сладких отнять у врага не забудь!»

И видит король — его войско стоит средь двора:
пять грустных солдат, пять веселых солдат и ефрейтор.

Сказал им король: «Не страшны нам ни пресса,
ни ветер!
Врага мы побьем и с победой придем, и ура!»

И вот оттремело прощальных речей торжество.
В походе король свою армию переиначил:
веселых солдат интендантами сразу назначил,
а грустных оставил в солдатах — авось ничего.

Представьте себе, наступили победные дни.
Пять грустных солдат не вернулись из схватки
военной,
ефрейтор, морально нестойкий, женился на пленной,
но пряников целый мешок захватили они.

Играйте, оркестры! Звучите, и песни и смех!
Минутной печали не стоит, друзья, предаваться:
ведь грустным солдатам нет смысла в живых
оставаться,
и пряников, кстати, всегда не хватает на всех.

1961(?)

165. ГИТАРА

Усталость ноги едва волочит,
гитара корчится под рукой.
Надежда голову мне морочит,
а дождь сентябрьский льет такой...

Мы из компании. Мне привычны
и дождь и ветер, и дождь и ты.
Пускай болтают, что не типичны
в двадцатом веке твои черты.

Пусть друг недолгий в нас камень кинет,
пускай завистник свое кричит —
моя гитара меня обнимет,
интеллигентно она смолчит.

Тебе не первой, тебе не первой
предъявлен веком нелегкий счет.
Моя гитара, мой спутник верный,
давай хоть дождь смахну со щек.

1961(?)

Л. Лужиной

Непокорная голубая волна
всё течет, всё течет, не кончается.
Море Черное, словно чаша вина,
на ладони моей всё качается.

Я всё думаю об одном, об одном,
словно берег надежды покинувши.
Море Черное, словно чашу с вином,
пью во имя твое, запрокинувши.

Неизменная среди всяких морей,
как расстаться с тобой, не отчаяться?
Море Черное на ладони моей
как баркас уходящий качается.

1961(?)

167. ЗАМОК НАДЕЖДЫ

Я строил замок надежды. Строил-строил.
Глину месил. Холодные камни носил.
Помощи не просил. Мир так устроен:
была бы надежда — пусть не хватает сил.

А время шло. Времена года сменялись.
Лето жарило камни. Мороз их жег.
Прилетали белые сороки — смеялись.
Мне было тогда наплевать на белых сорок.

Лепил я птицу. С красным пером. Лесную.
Безымянную птицу, которую так люблю.
«Жизнь коротка. Не успеешь, дурак...» Рискую.
Женщина уходит, посмеиваясь. Леплю.

Коронованный всеми празднествами, всеми боями,
строю-строю. Задубела моя броня...
Все лесные свирели, все дудочки, все баяны,
плачьте, плачьте, плачьте вместо меня.

<1962>

168. МОЙ КАРАНДАШНЫЙ ПОРТРЕТ

Шуршат, шуршат карандаши
за упокой живой души.
Шуршат не нашуршатся,
а вскрикнуть не решатся.
А у меня горит душа,
но что возьмешь с карандаша:
он правил не нарушит
и душу мне потушит.
...Последний штрих, и вот уже
я выполнен в карандаше,
мой фас увековечен...
Но бушевать мне нечем,
и жилка не стучит в висок,
хоть белый лоб мой так высок,
и я гляжу бесстрастно
куда-то всё в пространство.
Как будет назван тот портрет?
«Учитель»,
«Каменщик»,
«Поэт»,
«Немой свидетель века»?..
Но мне ли верить в это?
Я смертен. Я горю в огне.
Он вечен в раме на стене
и премией отмечен...
...Да плакать ему
нечем.

<1962>

169. ДВА ВЕЛИКИХ СЛОВА

Не пугайся слова «кровь» —
кровь, она всегда прекрасна.
Кровь ярка, красна и страстна,
«кровь» рифмуется с «любовь».

Этой рифмы древний лад!
Разве ты не клялся ею,
самой малостью своею,
чем богат и не богат?

Жар ее неотвратим...
Разве ею ты не клялся
в миг, когда один остался
с вражьей пулей на один?

И когда упал в бою,
эти два великих слова,
словно красный лебедь, снова
прокричали песнь твою.

И когда пропал в краю
вечных зим, песчинка словно,
эти два великих слова
прокричали песнь твою.

Мир качнулся. Но опять
в стуже, пламени и бездне
эти две великих песни
так слились, что не разнять.

И не верь ты докторам,
что для улучшения крови
килограмм сырой моркови
нужно кушать по утрам.

1962

170. СТАРЫЙ ДОМ

Пятится он, к переулочку лепится,
старьем его занесло-занесло,
а мимо бегут-проплывают троллейбусы,
голубые и звонкие, как назло.

А он свои рыжие трубы поднимает,
а он еще приветствует своих ворон,
и лестничкой поскрипывает, и не понимает,
что хватит.

Нечего.

Приговорен.

А он пересуды еще лепит смачные,
ядовитой плесени разливает моря...
Осторожно, девочка! Он тебя запачкает,
твои круглые плечики, голубка моя!

Завтра же. На рассвете розовом.
И ни минутой позже. Чтобы как в строю.
Сходитесь, люди!

Сползайтесь, бульдозеры!
Спасайте девочку —
голубку мою!

Пусть стены закачаются, коридоры скользкие
рухнут

и покатится гул по мостовой,
чтоб вышло пропавшее без вести войско,
спасенное войско дышать Москвой.

<1962>

171. ЛЕНИНГРАДСКАЯ МУЗЫКА

Пока еще звезды последние не отгорели,
вы встаньте, вы встаньте с постели, сойдите к дворам,
туда, где — дрова, где пестреют мазки акварели...
И звонкая скрипка Растрелли послышится вам.

Неправда, неправда, всё — враки, что будто бы старят
старанья и годы! Едва вы очутитесь тут,
как в колокола купола золотые ударят,
колонны горластые трубы свои задерут.

Веселую полночь люби — да на утро надейся...
Когда ни грехов и ни горестей не отмолить,
Качаясь, игла опрокинется с Адмиралтейства
и в сердце ударит, чтоб старую кровь отворить.

О, вовсе не ради парада, не ради награды,
а просто для нас, выходящих с зарей из ворот,
Гремят барабаны гранита, кларнеты ограды
свистят менуэты... И улица России поет!

1962

1

Вся земля, вся планета — сплошное «туда».
 Как струна, дорога звонка и туга.
 Все, куда бы ни ехали, только — туда,
 и никто не сюда. Все — туда и туда.

Остаюсь я один. Вот так. Остаюсь.
 Но смеюсь (я признаться боюсь, что боюсь).
 Сам себя осуждаю, корю. И курю.
 Вдруг какая-то женщина (сердце горит)...
 — Вы куда?! — удивленно я ей говорю.
 — Я сюда... — так влюбленно она говорит.

«Сумасшедшая! — думаю. — Вот ерунда...
 Как же можно "сюда", когда нужно — "туда"?!»

2

Строгая женщина в строгих очках
 мне рассказывает о сверчках,
 о том, как они свои скрипки
 на протянутых носят руках,
 о том, как они понемногу,
 едва за лесами забрезжит зима,
 берут свои скрипки с собою в дорогу
 и являются в наши дома.

Мы берем их пальто, приглашаем к столу
 и признательные расточаем улыбки,
 но они очень скромно садятся в углу,
 извлекают свои допотопные скрипки,
 расправляют помятые сюртучки,
 поднимают над головами смычки,
 распрямляют свои вдохновенные усики...
 Что за дом, если в нем не пригреты сверчки
 и не слышно их музыки!...

Строгая женщина щурится из-под очков,
по столу громоздит угощенье...
Вот и я приглашаю заезжих сверчков
за приличное вознаграждение.
Я помятые им вручаю рубли,
их рассаживаю по чину и званию,
и играют они вечный вальс по названию:
«Может быть, наконец, повезет мне в любви...»

3

Я люблю эту женщину. Очень люблю.
Керамический конь увезет нас постранствовать,
будет нас на ухабах трясти и подбрасывать...
Я в Тарусе ей кружев старинных куплю.

Между прочим, Таруса стоит над Окой.
Там торгуют в базарные дни земляникою,
не клубникою, а земляникою, дикою...
Вы, конечно, еще не встречали такой.

Эту женщину я от тревог излечу
и себя отучу от сомнений и слабости,
и совсем не за радости и не за сладости
я награду потом от нее получу.

Между прочим, земля околдует меня
и ее и окружит людьми и деревьями,
и, наверно, уже за десятой деревнею
с этой женщиной мы потеряем коня.

Ах, как гладок и холоден был этот конь!
Позабудь про него. И, как зернышко — в борозду,
ты подкинь-ка, смеясь, августовского хворосту
своей белою пригоршней в красный огонь.

Что ж касается славы, любви и наград...
Где-то ходит, наверное, конь керамический
со своею улыбочкою иронической...
А в костре настоящие сосны горят!

Вокзал прощанье нам прокличет,
и свет зеленый расцветет,
и так легко до неприличья
шлагбаум руки разведет.

Не буду я кричать и клясться,
в лицо заглядывать судьбе...
Но дни и версты будут красться
вдоль окон поезда, к тебе.
И лес, и горизонт далекий,
и жизнь, как паровозный дым,
все — лишь к тебе, как те дороги,
которые когда-то в Рим.

1962

173. КАК Я СИДЕЛ В КРЕСЛЕ ЦАРЯ

Век восемнадцатый. Актеры
играют прямо на траве.
Я — Павел Первый, тот, который
сидит России во главе.

И полонезу я внимаю,
и головою в такт верчу,
по-царски руку поднимаю,
но вот что крикнуть я хочу:

«Срывайте тесные наряды!
Презренье хрупким каблукам...
Я отменяю все парады...
Чешите все по кабакам...
Напейтесь все, переженитесь
кто с кем желает, кто нашел...
А ну, вельможи, оглянитесь!
А ну-ка денежки на стол!»

И золотую шпагу нервно
готовлюсь выхватить, грозя...
Но нет, нельзя. Я ж — Павел Первый.
Мне бунт устраивать нельзя.

И снова полонеза звуки.
И снова крикнуть я хочу:
«Ребята, наострите руки,
вам это дело по плечу:
смахнем царя... Такая ересь!
Жандармов всех пошлем к чертям —
мне самому они приелись...
Я поведу вас сам... Я сам...»

И золотую шпагу нервно
готовлюсь выхватить, грозя...
Но нет, нельзя. Я ж — Павел Первый.
Мне бунт устраивать нельзя.

И снова полонеза звуки.
Мгновение — и закричу:
«За вашу боль, за ваши муки
собой пожертвовать хочу!
Не бойтесь, судей не жалейте,
иначе — всем по фонарю.
Я зрю сквозь целое столетье...
Я знаю, что я говорю!»

И золотую шпагу нервно
готовлюсь выхватить, грозя...
Да мне ж нельзя. Я — Павел Первый.
Мне бунтовать никак нельзя.

1962

174. ГЛАВНАЯ ПЕСЕНКА

Наверное, самую лучшую
на этой земной стороне
хожу я и песенку слушаю —
она шевельнулась во мне.

Она еще очень неспетая.
Она зелена, как трава.
Но чудится музыка светлая,
и строго ложатся слова.

Сквозь время, что мною не пройдено,
сквозь смех наш короткий и плач
я слышу: выводит мелодию
какой-то грядущий трубач.

Легко, необычно и весело
кружит над скрещеньем дорог
та самая главная песенка,
которую спеть я не смог.

1962

175. МУЗЫКА

Симону Чиковани

Вот ноты звонкие органа
то порознь вступают, то вдвоем,
и шелковые петельки аркана
на горле стягиваются моим.

И музыка передо мной танцует гибко,
И оживает всё до самых мелочей:
пылинки виноватая улыбка
так красит глубину ее очей!

Ночной комар, как офицер гусарский, тонок,
и женщина какая-то стоит,
прижав к груди стихов каких-то томик,
и на колени падает старик,

и каждый жест велик, как расстояние,
и веточка умершая жива, жива...
И стыдно мне за мелкие мои старанья
и за непоправимые слова.

...Вот сила музыки. Едва ли
поспоришь с ней бездумно и легко,
как будто трубы медные зазвали
куда-то горячо и далеко...

И музыки стремительное тело
плывет, кричит неведомо кому:
«Куда вы все?! Да разве в этом дело?!»
А в чем оно? Зачем оно? К чему?!!

...Вот черт, как ничего еще не надоело!

1962

Оле

Я никогда не витал, не витал
 в облаках, в которых я не витал,
 и никогда не видал, не видал,
 городов, которых я не видал.
 И никогда не лепил, не лепил
 кувшин, который я не лепил,
 и никогда не любил, не любил
 женщин, которых я не любил...

Так что же я смею? И что я могу?
 Неужто лишь то, чего не могу?
 И неужели я не добегу
 до дома, к которому я не бегу?
 И неужели не полюблю
 женщин, которых не полюблю?
 И неужели не разрублю
 узел, который не разрублю,
 узел, который не развяжу,
 в слове, которого я не скажу,
 в песне, которую я не сложу,
 в деле, которому не послужу..
 в пуле, которую не заслужу?..

1962

177. НОЧНОЙ РАЗГОВОР

— Мой конь притомился. Стоптались мои башмаки.
 Куда же мне ехать? Скажите мне, будьте добры.

— Вдоль Красной реки, моя радость,
вдоль Красной реки,
 до Синей горы, моя радость, до Синей горы.

— А как мне проехать туда? Притомился мой конь.
 Скажите, пожалуйста, как мне проехать туда?

— На ясный огонь, моя радость, на ясный огонь,
 езжай на огонь, моя радость, найдешь без труда.

— А где же тот ясный огонь? Почему не горит?
Сто лет подпираю я небо ночное плечом...

— Фонарщик был должен зажечь, да, наверное, спит,
фонарщик-то спит, моя радость... А я ни при чем.

И снова он едет один без дороги во тьму.

Куда же он едет, ведь ночь подступает к глазам!..

— Ты что потерял, моя радость? — кричу я ему.

И он отвечает: — Ах, если б я знал это сам.

1962

178

Нацеленный глаз одинокого лося.
Рога в серебре, и копыта в росе.
А красный автобус вдоль черного леса,
как заяц, по белому лупит шоссе.

Шофер молодую кондукторшу любит.
Ах, только б автобус дошел невредим...
Горбатых снопов золотые верблюды
упрямо и долго шагают за ним.

Шагают столбы по-медвежьи, враскачку,
друг друга ведут, как коней, в поводах,
и птичка какая-то, словно циркачка,
шикарно качается на проводах.

А лес раскрывает навстречу ворота,
и ветки ладонями бьют по лицу.
Кондукторша ахает на поворотах:
ах, ей непривычно с мужчиной в лесу!

Сигнал повисает далекий-далекий.
И смотрят прохожие из-под руки:
там красный автобус на белой дороге,
у черного леса, у синей реки.

<1963>

179. АИСТЫ

Вот вам, пожалуйста,
первые краски заката,
вечного аиста
белые хлопья над хатой,
старой пословицы
словно хранящие цену:
всё, мол, устроится,
были бы аисты целы.

С неба ли звездного
в окна крадутся потемки?
Чем там до позднего
заняты в этой хатенке?

Редко ли,
часто ли,
вправду ль о виденном судят?
Крепко ли
счастливы?
Вовремя ль молоды люди?
Спросишь о прожитом,
глянешь в глаза через силу:
что, мол, встревожены?
Аиста, мол, не хватило.

Как, мол, без аиста?
Вот и бедуешь в жилище,
и спотыкаешься, —
и виноватого ищешь...

Дело не в старости.
Это совсем про другое:
были бы аисты
белые
над
головою.

<1963>

Кот бережет минуту,
 пес бережет года,
 бронзовый лев в карауле
 бодрствует всегда.
 Звери

даже мгновений
 не отдают никому...
 Только мы изменяем
 времени своему.

Ловкие транжиры
 с палочками в руках.
 Время для нас — что деньги
 в чужих
 кошельках.

Время для нас — что звезды,
 падающие

по ночам...
 «Стоит ли волноваться,
 друг мой,
 по мелочам?..»

Но время всё же уходит.
 Я спрашиваю у вас:
 куда уходит минута?
 Куда уходит час?
 Куда уходят сутки?
 Куда уходят дни?
 За каким

поворотом
 скрываются вдруг они?
 Куда, наконец, уходит
 каждый прожитый год?
 И неужели ни разу
 снова к нам не зайдет,
 ну для того хотя бы,
 чтоб, помешав нам спать,
 о том,

что мы позабыли,
 строго напомнить
 опять?..

<1963>

181. МАРТ ВЕЛИКОДУШНЫЙ

У отворённых у ворот лесных,
откуда пахнет сыростью, где звуки
стекают по стволам, стоит лесник,
и у него — мои глаза и руки.

А лесу платя старые тесны.
Лесник качается на качкой кочке
и всё старается не прозевать весны
и первенца принять у первой почки.

Он наклоняется — помочь готов,
он вслушивается, лесник тревожный,
как надрывается среди стволов
какой-то стебелек неосторожный.

Давайте же не будем обижать
сосновых бабок и еловых внучек,
пока они друг друга учат,
как под открытым небом март рожать!

Всё снова выстроить — нелегкий срок,
как зиму выстоять, хоть и знакома...
И почве выстрелить свой стебелек,
как рамы выставить хозяйке дома...

...Лес не кончается. И под его рукой
лесник качается, как лист послушный...
Зачем отчаиваться, мой дорогой?
Март намечается великодушный!

1963

182

М. Хуцеву

Мы приедем туда, приедем,
проедем — зови не зови —
вот по этим каменистым, по этим
осыпающимся дорогам любви.

Там мальчики гуляют, фасоня,
по августу, плавают в нем,
и пахнет песнями и фасолью,
красной солью и красным вином.

Перед чинарою голубою
поет Тинатин в окне,
и моя юность с моею любовью
перемешиваются во мне.

...Худосочные дети с Арбата,
вот мы едем, представь себе,
а арба под нами горбата,
и трава у вола на губе.

Мимо нас мелькают автобусы,
перегаром в лица дыша...
Мы наездили, мы не торопимся.
Мы хотим хоть раз не спеша.

После стольких лет перед бездною,
раскачавшись, как на волнах,
вдруг предстанет, как неизбежное,
путешествие на волах.

И по синим горам, пусть не плавное,
будет длиться через мир и войну
путешествие наше самое главное
в ту неведомую страну.

И потом без лишнего слова,
дней последних не торопя,
мы откроем нашу родину снова,
но уже для самих себя.

1963

183. КРАСНЫЕ ЦВЕТЫ

Ю. Домбровскому

Срываю красные цветы.
Они стоят на красных ножках.
Они звенят, как сабли в ножнах,
и пропадают, как следы...

О, эти красные цветы!
Я от земли их отрываю.
Они как красные трамваи
среди полдневной суеты.

Тесны их задние площадки —
там две пчелы, как две пилы,
жужжат, добры и беспощадны,
забившись в темные углы.

Две женщины на тонких лапках.
У них кошелки в свежих латках,
но взгляды слишком старомодны,
и жесты слишком благородны,
и помыслы их так чисты!..

О, эти красные цветы!
Их стебель почему-то колет.

Они, как красные быки, идут толпою к водопою,
у каждого над головою рога сомкнулись, как венки...
Они прекрасны, как полки, остры их красные штыки,
портянки выстираны к бою.

У командира в кулаке — цветок на красном
стебельке...

Он машет им перед собою.
Качается цветок в руке, как память о живом быке,
как память о самом цветке,
как памятник поре походной,
как монумент пчеле безродной,
той,
благородной,
старомодной,
летать привыкшей налегке...

Срываю красные цветы.
Они еще покуда живы.
Движения мои учтивы,
решения неторопливы,
и помыслы мои чисты...

1963

184. МОЛИТВА

Пока Земля еще вертится, пока еще ярок свет,
Господи, дай же ты каждому, чего у него нет:
мудрому дай голову, трусливому дай коня,
дай счастливому денег... И не забудь про меня.

Пока Земля еще вертится — Господи, твоя власть! —
дай рвущемуся к власти навластвовать всласть,
дай передышку щедрому, хоть до исхода дня.
Каину дай раскаяние... И не забудь про меня.

Я знаю: ты всё умеешь, я верую в мудрость твою,
как верит солдат убитый, что он проживает в раю,
как верит каждое ухо тихим речам твоим,
как веруем и мы сами, не ведая, что творим!

Господи мой Боже, зеленоглазый мой!
Пока Земля еще вертится, и это ей странно самой,
пока ей еще хватает времени и огня,
дай же ты всем понемногу... И не забудь про меня.

1963

185. ХРАМУЛИ

Храмули — серая рыбка с белым брюшком.
А хвост у нее как у кильки, а нос — пирожком.
И чудится мне, будто брови ее взметены
и к сердцу ее все на свете крючки сведены.

Но если взглядеться в извилины жесткого дна —
счастливой подковкою там шевелится она.
Но если всмотреться в движение чистой струи —
она как обрывок еще не умолкшей струны.
И если внимательно вслушаться, оторопев, —
у песни бегущей воды эта рыбка — припев.

На блюде простом, пересыпана пряной травой,
лежит и кивает она голубой головой.
И нужно достойно и точно ее оценить,
как будто бы первой любовью себя осенить.

Потоньше, потоньше колите на кухне дрова,
такие же тонкие, словно признаний слова!

Представьте, она понимает призвание свое:
и громopodobные пиршества не для нее.
Ей тосты смешны, с позолотою вилки смешны,
ей чуткие пальцы и теплые губы нужны.
Ее не едят, а смакуют в вечерней тиши,
как будто беседуют с ней о спасенье души.

1963

186. ПОСЛЕДНИЙ МАНГАЛ

Джансугу Чарквиани, Тамазу Чиладзе

Когда под хохот Куры и сплетни,
в холодной выпачканной золе,
вдруг закричал мангал последний,
что он последний на всей земле,
мы все тогда над Курой сидели
и мясо сдабривали вином,
и два поэта в обнимку пели
о трудном счастье, о жестяном.

А тот мангал, словно пес — на запах
орехов, зелени, бастурмы,
качаясь, шел на железных лапах
к столу, за которым сидели мы.

И я клянусь вам, что я увидел,
как он в усердьи своем простом,
как пес, которого мир обидел,
присел и вильнул жестяным хвостом.

Пропахший зеленью, как духами,
и шашлыками еще лютей,
он, словно свергнутый бог, в духане
с надеждой слушал слова людей...

...Поэты плакали. Я смеялся.
Стакан покачивался в руке.
И современно шипело мясо
на электрическом очаге.

1963

187. В ГОРОДСКОМ САДУ

Круглы у радости глаза и велики у страха,
и пять морщинок на челе от празднеств и обид...
Но вышел тихий дирижер, но заиграли Баха,
и всё затихло, улеглось и обрело свой вид.

Всё стало на свои места, едва сыграли Баха...
Когда бы не было надежд — на черта белый свет?
К чему вино, кино, пшено, квитанции Госстраха
и вам — ботинки первый сорт, которым сносу нет?

«Не всё ль равно: какой земли касаются подошвы?
Не всё ль равно: какой улов из волн несет рыбак?
Не всё ль равно: вернешься цел или в бою падешь ты
и руку кто подаст в беде — товарищ или враг?»

О, чтобы было всё не так, чтоб всё иначе было,
наверно, именно затем, наверно, потому
играет будничные оркестры привычно и вполсилы,
а мы так трудно и легко всё тянемся к нему.

Ах, музыкант мой, музыкант, играешь, да не знаешь,
что нет печальных и больных и виноватых нет,
когда в прокуренных руках так просто ты сжимаешь,
ах, музыкант мой, музыкант, черешневый кларнет!

1963

188. ФРЕСКИ

I. Охотник

Спасибо тебе, стрела,
спасибо, сестра,
что так ты кругла
и остра,
что оленю в горячий бок
входишь, как Бог!
Спасибо тебе за твое уменье,
за чуткий сон в моем колчане,
за оперенье,
за тихое пенье...
Дай тебе Бог воротиться ко мне!

Чтоб мясу быть жирным на целую треть,
чтоб кровь была густой и липкой,
олень не должен предчувствовать смерть..
Он должен
        умереть
                с улыбкой.

Когда окончится день,
я поклонюсь всем богам...
Спасибо тебе, Олень,
твоим ветвистым рогам,
мясу сладкому твоему,
побуревшему в огне и в дыму...
О Олень, не дрогнет моя рука,
твой дух торопится ко мне под крышу...
Спасибо, что ты не знаешь моего языка
и твоих проклятий я не расслышу!
О, спасибо тебе, расстояние, что я
не увидел оленьих глаз,
когда он угас!..

II. Гончар

Красной глины беру прекрасный ломоть
и давить начинаю его, и ломать,
плоть его мять, и месить, и молоть...
И когда остановится гончарный круг,
на красной чашке качнется вдруг
желтый бык — отпечаток с моей руки,
серый аист, пьющий из белой реки,
черный нищий, поющий последний стих,
две красотки зеленых, пять рыб голубых...

Царь, а царь, это рыбы раба твоего,
бык раба твоего... Больше нет у него ничего.
Черный нищий, поющий во имя его,
от обид обалдевшего раба твоего.

Царь, а царь, хочешь, будем вдвоем рисковать:
ты башкой рисковать, я тебя рисовать?
Вместе будем с тобою озоровать:
Бога — побоку, бабу — под бок, на кровать?!

Царь, а царь, когда ты устанешь из золота есть,
вели себе чашек моих принести,

где желтый бык — отпечаток с моей руки,
серый аист, пьющий из белой реки,
черный нищий, поющий последний стих,
две красотки зеленых, пять рыб голубых...

III. Раб

Один шажок
и другой шажок,
а солнышко село...
О господин,
вот тебе стожок
и другой стожок
доброго сена!
И все стога
(ты у нас один)
и колода меда...
Пируй, господин,
до нового года!
Я амбар — тебе,
а пожар — себе...
Я рвань,
я дрянь,
меня жалеть опасно.
А ты живи праздно:
сам ешь, не давай никому...
Пусть тебе — прекрасно,
госпоже — прекрасно,
холеям — прекрасно,
а плохо пусть —
топору твоему!

1963

189. ПЕСЕНКА О НОЧНОЙ МОСКВЕ

Б. Ахмагулиной

Когда внезапно возникает
еще неясный голос труб,
слова, как ястребы ночные,
срываются с горячих губ,

мелодия, как дождь случайный,
гремит; и бродит меж людьми
надежды маленький оркестрик
под управлением любви.

В года разлук, в года сражений,
когда свинцовые дожди
лупили так по нашим спинам,
что снисхождения не жди,
и командиры все охрипли...
он брал команду над людьми,
надежды маленький оркестрик
под управлением любви.

Кларнет пробит, труба помята,
фагот, как старый посох, стерт,
на барабанах швы разлезлись...
Но кларнетист красив как черт!
Флейтист, как юный князь, изящен...
И вечно в сговоре с людьми
надежды маленький оркестрик
под управлением любви.

1963

190. ПИСЬМО АНТОКОЛЬСКОМУ

Здравствуйте, Павел Григорьевич! Всем штормам
пока конфликты улаживаются и рушатся материки,
крепкое наше суденышко летит по волнам стрелой,
и его добротное тело пахнет свежей смолой.

Работа наша матросская призывает бодрствовать нас,
хоть вы меня и постарше, а я помоложе вас
(а может быть, вы моложе, а я немного старей)...
Ну что нам все эти глупости? Главное — плыть
поскорей.

Киплинг, как леший, в морскую дудку насвистывает
Блок над картой морей просиживает, не поднимая
лица,

Пушкин долги подсчитывает, и, от вечной петли
спасен,
в море вглядывается с мачты вор Франсуа Вийон!

Быть может, завтра меня матросы под бульканье
якорей
высадят на одинокий остров с мешком гнилых
сухарей,
и рулевой равнодушно встанет за штурвальное колесо,
и кто-то выругается сквозь зубы на прощание мне
в лицо.

Быть может, всё это так и будет. Я точно знать
не могу.

Но лучше пусть это будет в море, чем на берегу.
И лучше пусть судят меня матросы от берегов вдали,
чем презирающие море обитатели твердой земли...

До свидания, Павел Григорьевич! Нам сдаваться
нельзя.

Все враги после нашей смерти запишутся к нам
в друзья.

Но перед бурей всегда надежней в будущее глядеть...
Самые чистые рубахи велит капитан надеть!

1963

191. ЭТА КОМНАТА

К. Г. Паустовскому

Люблю я эту комнату,
где розовеет вереск
в зеленом кувшине.
Люблю я эту комнату,
где проживает ересь
с богами наравне.

Где в этом, только в этом
находят смысл
и ветром
смывают гарь и хлам,

где остро пахнет веком
четырнадцатым
с веком
двадцатым пополам.

Люблю я эту комнату
без драм и без расчета...
И так за годом год
люблю я эту комнату,
что, значит, в этом что-то,
наверно, есть, но что-то —
и в том, чему черед.

Где дни, как карты, смешивая —
грядущий и начальный,
что жив и что угас, —
я вижу, как насмешливо,
а может быть, печально
глядит она на нас.

Люблю я эту комнату,
где даже давний берег
так близок — не забыть...
Где нужно мало денег,
чтобы счастливым быть.

1963

192. ОСЕНЬ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

Какая царская нынче осень в Царском Селе!
Какие красные листья тянутся к черной земле,
какое синее небо и золотая трава,
какие высокопарные хочется крикнуть слова.

Но вот опускается вечер,
и слышится ветер с полей,
и филин рыдает, как Вертер,
над серенькой мышкой своей.

Уже он не первую губит,
не первые вопли слышны.
Он плоть их невинную любит,
а души ему не нужны.

И всё же какая царская осень в Царском Селе!
Как прижимаются листья лбами к прохладной земле,
какое белое небо и голубая трава,
какие высокопарные хочется крикнуть слова!

1963

193

В чаду кварталов городских,
среди несметных толп людских
на полдороге к раю
звучит какая-то струна,
но чья она, о чем она,
кто музыкант — не знаю.

Кричит какой-то соловей
отличных городских кровей,
как мальчик, откровенно:
«Какое счастье — смерти нет!
Есть только тьма и только свет —
всегда попеременно».

Столетия строгого дитя,
он понимает не шутя,
в значении высоком:
вот это — дверь, а там — порог,
за ним — толпа, над ней — пророк,
и слово — за пророком.

Как прост меж тьмой и светом спор!
И счастлив я, что с давних пор
всё это принимаю.
Хотя, куда ты ни взгляни,
кругом пророчества одни,
а кто пророк — не знаю.

1963

194

Не верю в Бога и в судьбу, молюсь прекрасному и
высшему
предназначенью своему, на белый свет
меня явившему...

Бредят кистями ладони,
краски бодрствуют, спешат.
Кисти, как ночные кони,
по траве сырой шуршат...
Синяя по стенам влага,
бурый оползень оврага,
пятна на боках коров —
это штуки маляров.

Или вот вязанка дров,
пестрая, как наважденье,
всех цветов нагроможденье:
дуба серая кора,
золотое тело липы,
красный сук сосны, облитый
липким слоем серебра...
Или вот огонь костра...
Или первый свет утра...

Маляры всегда честны.
Только им слегка тесны
сроки жизни человеческой,
как недолгий бег весны.
И когда у них в пути
обрывается работа,
остается впереди
недокрашенное что-то,
как неспетое — в груди...

Уважайте маляров —
звонких красок мастеров!
Лейтесь, краски,
пойте, кисти,
крась, маляр,
и будь здоров!

<1964>

196. СВЕТ В ОКНЕ НА УЛИЦЕ ВАХШУТИ

Кружатся тени, кружатся тени.
Они — как бабочки в тишине.
Чернеют стены ночных строений,
и только тени — в ночном окне.

Всё здесь в прошедшем, в минувшем и бывшем.
Ночь неспроста тишину созвала.
Серые мыши, печальные мыши
все до единой ушли со двора.

Где-то теперь собралось их кочевье?
Дом предназначен на слом. Но сквозь тьму,
полно таинственного значенья,
что-то еще шелестит по нему.

Мел осыпается. Ставенька стонет.
Двери надеются на визит.
И удивленно качается столик.
И фотокарточка чья-то висит.

И, припорошенный душною пылью,
помня еще о величье своем,
дом шевелит пожелтевшие крылья
старых газет, поселившихся в нем.

Дом предназначен на слом. Значит, кроме
не улыбнется ему ничего.
Что ж мы с тобой позабыли в том доме?
Или не всё унесли из него?

Может быть, это ошибка? А если
это ошибка? А если — она?..
Ну-ка, гурьбой соберемся в подъезде,
где, замирая, звенит тишина!

Ну-ка, взбежим по ступенькам знакомым!
Ну-ка, для успокоенья души
крикнем, как прежде: «Вы дома?.. Вы дома?!»
Двери распахнуты. И ни души.

<1964>

198. ЛЕНИНГРАДСКАЯ ЭЛЕГИЯ

Я видел удивительную, красную, огромную луну,
подобную предпраздничному первому помятому блину,
а может быть, ночному комару, что в свой черед
легко взлетел в простор с лесных болот.

Она над Ленинградом очень медленно плыла.
Так корабли плывут без капитанов медленно...
Но что-то бледное мне виделось сквозь медное
покрытие ее высокого чела.

Под ней покоилось в ночи пространство невское,
и слышалась лишь переключка площадей пустых...
И что-то женское мне чудилось сквозь резкое
слияние ее бровей густых.

Как будто гаснущий фонарь, она качалась в бездне
туда-сюда над Петропавловкой скользя...
Но в том ее огне казались мне мои друзья
еще надежней и еще красивей.

Я вслушиваюсь: это их каблуки отчетливо стучат...
И, словно невская волна, на миг взметнулось эхо,
когда друзьям я прокричал, что на прощание кричат.
Как будто сам себе я прокричал всё это.

<1964>

199

В саду Нескучном тишина.
Встает рассвет светло и строго.
А женщину зовут Дорога...
Какая дальняя она!

<1964>

200

Осень ранняя. Падают листья.
Осторожно ступайте в траву.
Каждый лист — это мордочка лисья...
Вот земля, на которой живу.

Лисы ссорятся, лисы тоскуют,
лисы празднуют, плачут, поют,
а когда они трубки раскурят,
значит — дождички скоро польют.

По стволам пробегает горенье,
и стволы пропадают во рву.
Каждый ствол — это тело олень...
Вот земля, на которой живу.

Красный дуб с голубыми рогами
ждет соперника из тишины...
Осторожней: топор под ногами!
А дороги назад сожжены!

...Но в лесу, у соснового входа,
кто-то верит в него наяву...
Ничего не попишешь: природа!
Вот земля, на которой живу.

<1964>

201

Надежда, белою рукою
сыграй мне что-нибудь такое,
чтоб краска схлынула с лица,
как будто кони от крыльца.

Сыграй мне что-нибудь такое,
чтоб ни печали, ни покоя,
ни нот, ни клавиш и ни рук...
О том, что я несчастен, врут.

Еще нам плакать и смеяться,
но не смиряться, не смиряться.
Еще не пройден тот подъем.
Еще друг друга мы найдем...

Все эти улицы — как сестры.
Твоя игра — их говор пестрый,
их каблучков полночный стук...
Я жаден до всего вокруг.

Ты так играешь, так играешь,
как будто медленно сгораешь.
Но что-то есть в твоём огне,
еще неведомое мне.

<1964>

202. ПЕСЕНКА О СОКОЛЬНИКАХ

По Сокольникам листья летят золотые,
а за Язузу — лето летит.
Мы с тобою, Володя, почти молодые —
нам и старость в глаза не глядит.

Ну давай,
как в канун годового отчета,
не подумав заняться другим,
мы положим на стол канцелярские счета
и ударим по струнам тутим.

И разлукой, и кровью, и хлебом мякинным,
и победой помянем войну:
пять печальных костяшек
налево откинем,
а счастливую — только одну.

Всё припомним, сочтем и учтем,
и, конечно,
не похожи на сказку и бред,
побегут под рукой
за колечком колечко
цвета радостей наших и бед.

Ах, потери, потери, — с кого мы их спросим?
Потому,
разобравшись во всем,
два печальных колечка налево отбросим,
три веселых направо снесем.

...По Сокольникам сумерки сыплются синим,
и домишки старинные спят.
Навсегда нам с тобою, Володя Максимов,
каждый шорох за окнами свят.

Навсегда-навсегда,
меж ночами и днями,
меж высокой судьбой и жильем
мы вросли,
словно сосны,
своими корнями
в ту страну, на которой живем.

<1964>

205. ПЕШЕХОДОВ РОДОСЛОВНОЕ ДРЕВО

Их родословное древо росло не в теплицах.
Не для них лихачи приспособливали
бубенцы под дугу.
Только раз на веку
им везло прокатиться:
только раз на веку,
да и то на последнем шагу.
Привозили в кибитках
и в клетках,
в тюремных фургонах,
в вагонах,
но всходили на сбитые наскоро эшафоты
пешеходы.
Было принято кланяться —
кланялись,
век менялся — молчали,
как святые,
вытягивались
перед толпой,
то на вечную память
переглядывались
с палачами,
то, кудрями тряхнув,
кидались стремглав
под топор.
Всё умели они:
выйдут в поле —
там за колосом колос,
то дворцы в небеса вознесут,
топоришки
достав.
И возьмут медяки,
и подрядчику сломятся в пояс,
и пойдут-побредут,
не поняв своего колдовства.
А любовь?..
Что любовь?..
Где-то там, за густыми лесами...
Нет, не пели
серенад утонченных
у обложенных львами ворот.

...А в крымской пыли
всё маки цвели,
а погоны и кокарды повыцвели.

И на утренней заре,
отгуляв до поры
и поротно,
закатились в Анкару
золотые юнкера
безвозвратно.

Там дом, там Крым
шумит кедами.
Не спят мальчики
русокудрые.

С далека заманчивый
чужой город спит.
Не спят мальчики — они пьют спирт.

Выпей на пол-ордена,
мундир залатай...
Где ж твоя родина,
юнкер золотой?

За морем стобалльным,
за синей волной...
С нею больно,
без нее — больней.

Наплетут с три короба
на нее.
(У чужого города
сердце свое.)

Наплетут, насвищут,
но с каждым днем
будет она чище
в сердце твоём.

«Пусть ее вечер
по-осеннему сер,
но она ведь родина...
Как я посмел?!»

Пусть она горькая,
пускай без сил,
но она ведь — матушка...
Где же я был?!»

...Вот мы и встретимся
на краю земли,
где, словно лебеди,
молчат корабли,
где начинается
первая рожь,
куда всё равно, хоть зарежь,
приползешь.

<1964>

207. СЫНУ

Он входит точно по утрам,
когда рассветный тарарам
еще не смог очнуться,
лишь стоит под рукой дверям
едва-едва качнуться.
Он входит в день мой неспроста
походкой Черного Дрозда...
Что для него приметы?..
И сразу
на свои места
становятся предметы...

И он стоит недалеко,
храня минуту эту,
и держит красный мяч в руке,
как целую планету.

А по смешным его трусам
бежит, змеясь,
каемка,
и красный мяч
назло часам
позванивает тонко.

Купите, Мария Иванна,
за тридцать копеек букет.

В его аромате медовом,
в его кружевах и резьбе —
история шара земного
таится,
        представьте себе!

Вы знаете, сколько печали
пришлось перевидеть земле,
чтоб эти левкой стояли
так просто
        на вашем столе?

Подумайте только:
веками
шла битва за этот цветок,
чтоб вы ощутили руками
надменный его холодок.

И самые лучшие люди
сгорели в жестокой борьбе,
чтоб вы королевских левкоев
купили.

        Представьте себе!

Но тем, что в сражениях пали,
и тем, что остались в живых,
от пуль уцелев,
        от печалей,
от пыток и ран ножевых,
и в годы мытарств,
        и в покое,
и в юности,
        и повзрослев...
им вовсе не снились левкой,
левкой — цветы королев.

Представьте себе:
        баррикада
и знамя в крови и пыли...
А где-то, и, может быть, рядом,
спокойно левкой цвели.

Холодное брюхо трубы
обхватив,
трубит музыкант
позабытый мотив.

Труби, труби, музыкант,
труби,
пока не откажет глотка
трубы.
Пока на плечах —
золотая труба,
труби
во имя травы и труда.

Труби, труби, музыкант,
труби,
труби
по всем четырем
сторонам.
Провозглашаем праздник
любви!
Горе
не по карману
нам.

<1964>

212. ГЕОРГИЙ СААКАДЗЕ

Разлука — вот какая штука:
не ожидая ничего,
мы вздрагиваем не от стука,
а от надежды на него.
Бежит ли дождь
по ржавой жести,
стучит ли ставня —
он такой:
разлука с женщиною —
женский,
с надеждами —
глухой,
другой,

с победами былыми —
колкий,
нетерпеливый, частый он,
а с родиной —
не стук, а долгий
вечерний звон,
вечерний звон.

<1964>

213

Дорога,
слишком дорого берешь.
Не забывай про долг.
Когда вернешь?..
Молчит дорога.
Лишь июль печет,
да пыль сухая по ногам течет,
да черный грач на камне золотом,
задумавшись, сидит
с открытым ртом.
Грачиный царь — корона на башке,
да перышко седое
на брюшке.
Знать, и ему дорога дорога...
А может, и не царь он, а слуга?
Почем дорога?
Разве хватит ног,
чтоб уплатить?
А сколько их, дорог!
Лежат дороги. Да цена красна.
Пуста-пуста грачиная казна.
Лежат дороги.
Пыль по ним метет.
Но всяк по ним задумчиво идет:
и царь, и раб, и плотник, и поэт...
Идут-идут... И виноватых нет.

<1964>

Любовь, любовь — такое государство,
 где нет ни бед, ни радостей т в о и х,
 где пламень сердца
 и души богатства —
 всё ровно пополам,
 всё на двоих.

Где назревает днями и ночами
 еще неведомое
 торжество,
 где все — как рекруты,
 все — как начало,
 и каждый начинает с ничего.

Однако
 замечаю я, что прячут
 какие-то досады от меня.
 Над Ней ломают головы, и плачут,
 и странные дают ей имена.
 Я замечаю горестные лица.

Мне самому
 страшна
 судьба
 моя...

О, что-то, знать, неладное творится
 в стране Любовь,
 где проживаю я:
 люблю с опаской,
 верю осторожно,
 спешу тревожно из далеких мест.
 Лицо любви — оно как знак дорожный,
 прямой не разрешающий проезд.

И для Нее,
 как на года осады,
 как против крепости
 готовят здесь
 и соглядатаев, и диверсантов,
 и западни, и подкупы, и лесть...

А кто готовит?

Тот, кто был счастливым.

Им всё прошло. Им нету ничего...

Эй, рекруты!
Вы, милые, смешливы
до первого сраженья своего:
мол, где оно там горе — за годами...
А молодость — гасить — не погасить...
Всё похохатываете,

Адамы,
всё яблочка торопитесь
вкусить!

Пока ж вы ходите, его срывая,
уже лежит в наветах и крови,
неупраздненная

и нежилая,
античная
империя
любви.

<1964>

219. ВЫВЕСКИ

Уходит из Навтлуга батарея.
Тбилиси,

вид твой трогателен и нелеп:
по-прежнему на синем — «бакалечя»
и по коричневому — «хлеб».
Вот «парикмахерская», «гастроном»,
«пивная».

Вдруг оживают вывески. Живут.
Бегут за нами, руки воздевая.
С машины стаскивают нас.

Зовут.
Мешаются с толпою женщин.
Бегут, пока не скроет поворот...
Их платица из разноцветной жести
осенний ветер теребит и рвет.

Ах, жестяные, жалостные люди!
Вам обо мне подумать предстоит.
Там с вами девочка. Она меня не любит.
Она у «школы», как всегда, стоит.

Живет солдатик оловянный
предвестником больших разлук
и автоматик окаянный
боится выпустить из рук.

Живет защитник мой, невольно
сигнал к сраженью торопя.
Спроси его: «Тебе не больно?»
И он прицелится в тебя.

1964

221

То падая, то снова нарастая,
как маленький кораблик на волне,
густую грусть шарманка городская
из глубины двора дарила мне.
И вот, уже от слез на волосок,
я слышал вдруг, как раздавался четкий
свихнувшейся какой-то нотки
веселый и счастливый голосок.

Пускай охватывает нас смятением
несоответствие мехов тугих,
но перед наводнением смертельным
всё хочет жить. И нету правд других.

Все ухищрения и все уловки
не дали ничего взамен любви...
...Сто раз я нажимал курок винтовки,
а вылетали только соловьи.

1964

222. ПЕСЕНКА О ХУДОЖНИКЕ ПИРОСМАНИ

Николаю Грицюку

Что происходит с нами,
когда мы смотрим сны?
Художник Пиросмани
выходит из стены,

из рамок примитивных,
из всякой суеты
и продает картины
за порцию еды.

Худы его колени,
и насторожен взгляд,
но сытые олени
с картин его глядят,

красотка Маргарита
в траве густой лежит,
а грудь ее открыта —
там родинка дрожит.

И вся земля ликует,
пирует и поет,
и он ее рисует
и Маргариту ждет.

Он жизнь любил не скупю,
как видно по всему...
Но не хватило супа
на всей земле
ему.

1964

223. КАК НАУЧИТЬСЯ РИСОВАТЬ

Если ты хочешь стать живописцем,
то рисовать не спеши.
Разные кисти из шерсти барсучьей
перед собой разложи,
белую краску возьми, потому что
это — начало, потом
желтую краску возьми, потому что
всё созревает, потом
серую краску возьми, чтобы осень
в небо плеснула свинец,
черную краску возьми, потому что
есть у начала конец,
краски лиловой возьми пощедрее,
смейся и плачь, а потом

синюю краску возьми, чтобы вечер
птицей слетел на ладонь,
красную краску возьми, чтобы пламя
затрепетало, потом
краски зеленой возьми, чтобы веток
в красный подбросить огонь.
Перемешай эти краски, как страсти,
в сердце своем, а потом
перемешай эти краски и сердце
с небом, с землей, а потом...
Главное — это сгорать и, сгорая,
не сокрушаться о том.
Может быть, кто и осудит сначала,
но не забудет потом!

1964

224. КАПЛИ ДАТСКОГО КОРОЛЯ

Вл. Мотылю

В раннем детстве верил я,
что от всех болезней
капель Датского короля
не найти полезней.
И с тех пор горит во мне
огонек той веры...
Капли Датского короля
пейте, кавалеры!

Капли Датского короля
или королевы —
это крепче, чем вино,
слаще карамели
и сильнее клеветы,
страха и холеры...
Капли Датского короля
пейте, кавалеры!

Рев орудий, посвист пуль,
звон штыков и сабель
растворяются легко
в звоне этих капель,

солнце, май, Арбат, любовь —
выше нет карьеры...
Капли Датского короля
пейте, кавалеры!

Слава головы кружит,
власть сердца щекочет.
Грош цена тому, кто встать
над другим захочет.
Укрепляйте организм,
принимайте меры...
Капли Датского короля
пейте, кавалеры!

Если правду прокричать
вам мешает кашель,
не забудьте отклебнуть
этих чудных капель.
Перед вами пусть встанут
прошлого примеры...
Капли Датского короля
пейте, кавалеры!

1964

225. ПРОЩАНИЕ С ОСЕНЬЮ

Осенний холодок. Пирог с грибами.
Калитки шорох и простывший чай.
И снова
неподвижными губами
короткое, как вздох: «Прощай, прощай...»

«Прощай, прощай...»
Да я и так прощаю
всё, что простить возможно, обещаю
и то простить, чего нельзя простить.
Великодушным мне нельзя не быть.

Прощаю всех, что не были убиты
тогда, перед лицом грехов своих.
«Прощай, прощай...»
Прощаю все обиды,
обеды у обидчиков моих.

«Прощай...»
Прощаю, чтоб не вышло боком.
Сосуд добра до дна не исчерпать.
Я чувствую себя последним богом,
единственным умеющим прощать.

«Прощай, прощай...»
Старания упрямы
(знать, мне лишь не простится одному),
но горести моей прекрасной мамы
прощаю я неведомо кому.

«Прощай, прощай...» Прощаю, не смущаю
угрозами, надежно их таю.
С улыбкою, размашисто прощаю,
как пироги, прощенья раздаю.

Прощаю побелевшими губами,
пока не повторится всё опять:
осенний горький чай, пирог с грибами
и поздний час — прощаться и прощать.

1964

226. ОДНА МОРКОВЬ С ЗАБРОШЕННОГО ОГОРОДА

Мы сидим, пехотные ребята.
Позади — разрушенная хата.
Медленно война уходит вспять.
Старшина нам разрешает спать.

И тогда (откуда — неизвестно,
или голод мой тому виной),
словно одинокая невеста,
выросла она передо мной.

Я киваю головой соседям:
на сто ртов одна морковь — пустяк...
Спим мы или бредим?
Спим иль бредим?
Веточки ли в пламени хрустят?

...Кровь густая капает из свеклы,
лук срывает бранный свой наряд,
десять пальцев, словно десять свекров,
над одной морковинкой стоят...

Впрочем, ничего мы не варили,
свекла не адела, лук не пах.
Мы морковь по-братски разделили,
и она хрустела на зубах.

Шла война, и кровь текла рекою.
В грозной битве рота полегла.
О природа, ты ж одной морковью
словно мать насытить нас могла!

И наверно, уцелела б рота,
если б в тот последний грозный час
ты одной любовью, о природа,
словно мать насытила бы нас!

1964

227

Мгновенно слово. Короток век.
Где ж уместается человек?
Как, и когда, и в какой глуши
распускаются розы его души?
Как умудряется он успеть
свое промолчать и свое пропеть,
по планете просеменить,
гнев на милость переменить?
Как умудряется он, чудак,
на ярмарке поцелуев и драк,
в славословии и пальбе
выбрать только любовь себе?

Осколок выплеснет его кровь:
«Вот тебе за твою любовь!»
Пощечины перепадут в рай:
«Вот тебе за любовь твою!»

И всё ж умудряется он, чудак,
на ярмарке поцелуев и драк,
в славословии и гульбе
выбрать только любовь себе!

1964

Ярославу Смелякову

В детстве мне встретился как-то кузнечик
 в дебрях колечек трав и осок.
 Прямо с колючек, словно с крылечек,
 прыгивал он, как танцор, на песок,
 передо мною маячил мгновенье
 и исчезал иноходцем в траве...
 Может быть, первое стихотворенье
 зрело в зеленой его голове.
 — Намереваюсь! — кричал тот кузнечик.
 — Может ли быть? — усмехался сверчок.
 Из-за досок, из щелей, из-за печек
 крался насмешливый этот басок.
 Но из-за речек, с лугов отдаленных:
 — Намереваюсь! — как песня, как гром...
 Я их встречал, голубых и зеленых.
 Печка и луг им служили жильем.
 Печка и Луг — разделенный на части
 счастья житейского замкнутый круг,
 к чести его обитателей частых,
 честных, не праздных, как Печка и Луг,
 маленьких рук постоянно стремленье,
 маленьких мук постоянна волна...
 Племени этого столпотворенье
 не успокоят ни мир, ни война,
 ни уговоры его не излечат,
 ни приговоры друзей и врагов...
 — Может ли быть?! — как всегда из-за печек.
 — Намереваюсь! — грохочет с лугов.
 Годы прошли, да похвастаться нечем.
 Те же дожди, те же зимы и зной.
 Прожита жизнь, но всё тот же кузнечик
 пляшет и кружится передо мной.
 Гордый бессмертьем своим непреклонным,
 мировоззреньем своим просветленным,
 скачет, куражится, ест за двоих.
 Но не молчит и сверчок тот бессонный.
 Всё усмехается.
 Что мы — для них?

1964

229. ФОТОГРАФИИ ДРУЗЕЙ

Деньги тратятся и рвутся,
забываются слова,
приминается трава,
только лица остаются
и знакомые глаза...
Плачут ли они, смеются —
не слышны их голоса.

Льются с этих фотографий
океаны биографий,
жизнь в которых вся, до дна,
с нашей переплетена.

И не муки и не слезы
остаются на виду,
и не зависть и беду
выражают эти позы,
не случайный интерес
и не сожаленья снова...

Свет — и ничего другого,
век — и никаких чудес.
Мы живых их обнимаем,
любим их и пьем за них...

...только жаль, что понимаем
с опозданием на миг!

1964

230. ВРЕМЕНА

Нынче матери все
словно заново всех
своих милых детей полюбили.
Раньше тоже любили,
но больше их хлебом корили,
сильнее лупили.

Нынче, как сухари,
и любовь, и восторг,
и тревогу, и преданность копят...

То ли это инстинкт,
то ли слабость души,
то ли сам исторический опыт?

Или в воздухе нашем само по себе
разливается что-то такое,
что прибавило им суетливой любви
и лишило отныне покоя?

Или, ждять отказавшись, теперь за собой
оставляют последнее слово
и неистово жаждут прощать, возносить
и творить чудеса за кого-то другого?

Что бы ни было там,
как бы ни было там
и чему бы нас жизнь ни учила,
в нашем мире цена на любовь да на ласку
опять высоко подскочила.

И когда худосочные их сыновья
лгут, преследуют кошек,
наводняют базары,
матерям-то не каины видятся — авели,
не дедалы — икары!

И мерещится им
сквозь сумбур сумасбродств
дочерей современных,
сквозь гнев и капризы
то печаль Пенелопы,
то рука Жанны д'Арк,
то задумчивый лик Моны Лизы.

И слезами полны их глаза,
и высоко прекрасные вскинуты брови.
Так что я и представить себе не могу
ничего,
кроме этой Любви!

1964

231. ИЗ ОКНА ВАГОНА

Низкорослый лесок по пути в Бузулук,
весь похожий на пыльную армию леших —
пеших, песни лихие допевших,
сбивших ноги, продрогших, по суткам не евших
и застывших, как будто в преддверье разлук.

Их седой командир, весь в коросте и рвани,
пишет письма домой на глухом барабанае,
позабыв все слова, он марает листы.
Истрепались знамена, карманы пусты,
ординарец безумен, денщик безобразен...
Как пейзаж поражения однообразен!

Или это мелькнул за окном балаган,
где бушует уездных страстей ураган,
где играют безвестные комедианты,
за гроши продавая судьбу и таланты,
сами судьи и сами себе музыканты...

Их седой режиссер, обалдевший от брани,
пишет пьеску на порванном вдрызг барабанае,
позабыв все слова, он марает листы,
декорации смяты, карманы пусты,
Гамлет глух, и Ромео давно безобразен...
Как сюжет нашей памяти однообразен!

1964

232. ЗНОЙ

Питер парится. Пора парочкам пускаться в поиск
по проспектам полночным за прохладой. Может быть,
им пора поторопиться в петергофский первый поезд,
пекло потное покинуть, на перроне позабыть.

Петухи проголосили, песни поздние погасли.
Прямо перед паровозом проплывают и парят
Павловска перрон пустынный, Петергофа плен
прекрасный,
плеть Петра, причуды Павла, Пушкина пресветлый
взгляд.

1964

Былое нельзя воротить, и печалиться не о чем,
у каждой эпохи свои подрастают леса...
А все-таки жаль, что нельзя с Александром Сергеевичем
поужинать в «Яр» заскочить хоть на четверть часа.

Теперь нам не надо по улицам мыкаться ощупью.
Машины нас ждут, и ракеты уносят нас вдаль...
А все-таки жаль, что в Москве больше нету
извозчиков,
Хотя б одного, и не будет отныне... А жаль.

Я кланяюсь низко познания морю безбрежному,
разумный свой век, многоопытный век свой любя...
А все-таки жаль, что кумиры нам снятся по-прежнему
и мы до сих пор всё холопами числим себя.

Победы свои мы ковали не зря и вынашивали,
мы всё обрели: и надежную пристань, и свет...
А все-таки жаль — иногда над победами нашими
встают пьедесталы, которые выше побед.

Москва, ты не веришь слезам — это время проверило.
Железное мужество, сила и стойкость во всем...
Но если бы ты в наши слезы однажды поверила,
ни нам, ни тебе не пришлось бы грустить о былом.

Былое нельзя воротить... Выхожу я на улицу
и вдруг замечаю: у самых Арбатских ворот
извозчик стоит, Александр Сергеевич прогуливается...
Ах, нынче, наверное, что-нибудь произойдет.

1964

Человек стремится в простоту,
как небесный камень — в пустоту,
медленно стораает
и за предпоследнюю черту
нехотя взирает.

Но во глубине его очей
будто бы во глубине ночей
что-то созревает.

Время изменяет его внешность.
Время усмиряет его нежность,
словно пламя спички на мосту,
гасит красоту.

Человек стремится в простоту
через высоту.
Главные его учителя —
Небо и Земля.

<1965>

235. ТБИЛИСИ

Тбилиси утром голову подымет
и сладкий сон пугнет от карих глаз,
и жители запляшут в раннем дыме
и вскрикнут, торопясь:

«Который час?!..»

И чайных ложек целые оркестры
ударят разом, тишину круша...
Все — музыканты.

Он один — маэстро.

Ему не полагается —

спеша.

Пускай они спешат. Пускай надежды
хватают, как одежды, не дошив...

Он будет азиатом,

как и прежде...

Спешат невежды...

Он — нетороплив.

Он дверь прикроет, хлопнет по карманам,
туманом увлажнит свои глаза,
к престранным тяготеющий романам,
он будет зорок, вдоль домов скользя.
Пока они хлопочут, как придется,
он будет их считать по одному,
чтоб здания, что разбрелись, как овцы,
согнать скорее к стаду своему.

И долго, как над нардами сутулясь,
он будет сам,

пока ему с руки,
распутывать хитросплетенья улиц
и душных переулков узелки.
И вот тогда (сто раз увидев это),
о, может быть, и сам я стану вновь
сентиментален,
как его рассветы,
и откровенен,
как его любовь.

<1965>

236

Строитель, возведи мне дом,
без шуток,
в самом деле,
чтобы леса росли на нем
и чтобы птицы пели.

Построй мне дом, меня любя,
построй, продумав тонко,
чтоб был похож он на себя
на самого,
и только.

Ты не по схемам строй его,
ты строй не по стандарту, —
по силе чувства своего,
по сердцу,
по азарту.

Ты строй его — как стих пиши,
как по холсту — рисуя.
По чертежам своей души,
от всей души,
рискуя.

<1965>

Насмешливый, тщедушный и неловкий,
 единственный на этот шар земной,
 на Усачевке, возле остановки,
 вдруг Лермонтов возник передо мной,
 и в полночи рассеянной и зыбкой
 (как будто я о том его спросил)
 — Мартынов — что... —
 он мне сказал с улыбкой. —
 Он невиновен.
 Я его простил.
 Что — царь? Бог с ним. Он дожил до могилы.
 Что — раб? Бог с ним. Не воин он один.
 Царь и холоп — две крайности, мой милый.
 Нет ничего опасней середин...
 Над мрамором, венками перевитым,
 убийцы стали ангелами вновь.
 Удобней им считать меня убитым:
 венки всегда дешевле, чем любовь.
 Как дети, мы всё забываем быстро,
 обидчикам не помним мы обид,
 и ты не верь, не верь в мое убийство:
 другой поручик был тогда убит.
 Что — пистолет?.. Страшна рука дрожащая,
 тот пистолет растерянно держащая,
 особенно тогда она страшна,
 когда сто раз пред тем была нежна...
 Но, слава Богу, жизнь не оскудела,
 мой Демон продолжает тосковать,
 и есть еще на свете много дела,
 и нам с тобой нельзя не рисковать.
 Но, слава Богу, снова паутинки,
 и бабье лето тянется на юг,
 и маленькие грустные грузинки
 полжизни за улыбки отдают,
 и суждены нам новые порывы,
 они скликают нас наперебой...

Мой дорогой, пока с тобой мы живы,
 всё будет хорошо у нас с тобой...

238. ГРИБОЕДОВ В ЦИНАНДАЛИ

Цинандальского парка осенняя дрожь.
Непредвиденный дождь. Затяжной.
В этот парк я с недавнего времени вхож —
мы почти породнились с княжной.

Петухи в Цинандали кричат до зари:
то ли празднуют, то ли грустят...
Острословов очкастых не любят цари —
Бог простит, а они не простят.

Петухи в Цинандали пророчат восход,
и под этот заманчивый крик
Грибоедов, как после венчанья, идет
по Аллее Любви напрямик,

словно вовсе и не было дикой толпы
и ему еще можно пожить,
словно и не его под скрипенье арбы
на Мтацминду везли хоронить;

словно женщина эта — еще не вдова
и как будто бы ей ни к чему
на гранитном надгробье проплакать слова
смерти, горю, любви и уму;

словно верит она в петушиный маневр,
как поэт торопливый — в строку.
Нет, княжна, я воспитан на лучший манер,
и солгать вам, княжна, не могу,

и прощенья прошу за неловкость свою...
Но когда б вы представить могли,
как прекрасно — упасть, и погибнуть в бою,
и воскреснуть, поднявшись с земли!

И, срывая очки, как винтовку — с плеча,
и уже позабыв о себе,
прокричать про любовь навсегда, сгоряча
прямо в рожу орущей толпе!..

...Каждый куст в парке княжеском мнит о себе.
Но над Персией — гуще гроза.
И спешит Грибоедов навстречу судьбе,
близоруко прищунив глаза.

1965

239. РУИСПИРИ

Шуточная баллада

Посвящается Арчилу Окуджава

1

Красноватой коры красота.
Черепичина кровель.
Мха короста.
И Гомборская высота,
ястребиной крапленая кровью.
Всё так просто!

Предзакатные тени тихи.
В руиспирском духане
духанщик —
счастливый обманщик —
в десятом стакане
мои воспевают грехи.

Виноградным вином я не брезгую,
я не брезглив.
Он хохочет:
он не верит мне трезвому,
и беседовать так, не в разлив,
он не хочет.
Пью и эдак и так,
натошак,
неумело и скверно...
(До ближайших писак —
с полстолетья, наверно.)

Прислонившись спиной к жерновам,
он как будто бы дразнится.
Я учу его трезвым словам,
учит он меня праздности.
Я пытаюсь его усмирить,
как придется,
разумнее быть
призываю...
Учит он меня весело жить
и смеется,
бездонный свой рот разевая.

Десять бочек пусты.
Я не пьян.
Но не вышло бы боком!..
Он — двухсотый стакан
за мое красноречие:
«С богом!»

Двадцать бочек лежат на дворе,
совершенно пустые.
На вечерней заре
отношения очень просты.
Сорок бочек лежат на дворе.
Это мы их распили
на вечерней заре
на краю у села Руиспири!

Всё так правильно в этом краю,
как в раю!
Не его ли мы ищем?
Я себя узнаю,
потому что здесь воздух очищен.
Все слова мной оставлены там,

в городах,

позабыты.
Все обиды,
словно досками окна в домах,
позабиты.
Все причуды
(их там целые груды,
словно горы немытой посуды
побитой).
Где-то там,
свой покой сторожа,
и велик, хоть и прожит,
мой последний любимый ханжа
до меня дотянуться не может.

Нет земли.
Вся земля — между небом и мною.
Остальное —
одни пустышки.
И последний альпийский цветок,
что не пробовал зноя,
в городские не верит стихи...

...По ущелью молочный туман
 проползает змеєю.
 Я об этом кричу изумленно...
 Мне духанщик подносит туман
 (я не пьян)

вместе с этой землею
 влюбленно.
 Я кричу про зарю.
 Он зарю
 мне на блюде подносит,
 и взамен ничего он не просит.
 Я немею!..
 Только сам ничего не дарю —
 не умею.

Он в ладонь мое сердце берет,
 он берет мою душу,
 как врач, осторожно...
 И при этом поет...
 Я не то чтобы трушу —
 мне просто тревожно.

— Что?
 Зачем?
 Для чего?
 Почему?! —
 так кричу я.
 Но помощник его,
 словно фельдшер, к нему
 подбегает, танцуя.
 Из каких-то там недр
 извлекает он рыбу и зелень...
 Он по-дьявольски щедр
 и по-ангельски как-то рассеян.
 Сыплет зелень на сердце мое
 и на душу, с лихвою.
 А духанщик поет
 и качает своей головою,
 и лежат они: сердце, душа.
 Свежий ветер ущелий и речек
 между ними струится, шурша:
 лечит, лечит...

...Не хочу уезжать. Наотрез.
 Чтобы снова томиться?..
 Я как стеклышко трезв.
 И шашлык на мангале дымится.
 Но духанщик подносит мне рог
 (свой восторг
 выражает),
 и меня по-приятельски — в бок,
 и трезвее, чем бог,
 вслед за мной — на порог:
 провожает,
 и за счастье дорог
 тост последний свой
 провозглашает.

Спят земля,
 общепит и нарпит
 и котлеты с лапшой...
 Лишь село Руиспири не спит,
 над моею врачую душою.

Где-то там, по земле, я хожу,
 обуянный огнем суеты
 и тщеславьем охвачен,
 как жаждой в пустыне...
 Но отсюда, как бог, я гляжу
 на себя самого с высоты
 и себе самому ничего не прощаю отныне.

Никакого духана здесь нет.
 Ничего с нас не спросят,
 если даже мы что-нибудь скрыли
 от любви и от долга...
 Но, однако, пускай как на свет
 нас на эти высоты возносят
 наши белые крылья
 хотя б ненадолго...

Возносите сюда
иногда...
Здесь колхозники
очень щедры.
Что пиры?
Есть на свете важнее дары:
в ранний час, когда ветер затих
и затихли рассветные речи и рощи,
поглядите отсюда на землю, на себя на самих —
сразу многое станет яснее и проще.

<1965>

240. ЦИРК

Ю. Никулину

Цирк — не парк, куда вы входите грустить и отдыхать.
В цирке надо не высидывать, а падать и взлетать.
И, под куполом, под куполом, под куполом скользя,
ни о чем таком сомнительном раздумывать нельзя.

Все костюмы наши праздничные — смех и суета.
Все улыбки наши пряничные не стоят ни черта
перед красными султанами на конских головах,
перед лицами, таящими надежду, а не страх.

О Надежда, ты крылатое такое существо!
Как прекрасно твое древнее святое вещество:
даже если вдруг потеряна (как будто не была),
как прекрасно ты распахиваешь два своих крыла

над манежем и над ярмаркою праздничных одежд,
над тревогой завсегдатаев, над ужасом невежд,
похороненная заживо, являешься опять
тем, кто жаждет не высидывать, а падать и взлетать.

1965

241. АЛЕКСАНДР СЕРГЕИЧ

С. П. Щипачеву

Не представляю Пушкина без падающего снега,
бронзового Пушкина, что в плащ укрыт.
Когда снежинки белые посыплются с неба,
мне кажется, что бронза тихо звенит.

Не представляю родины без этого звона.
В сердце ее он успел врасти,
как его поношенный сюртук зеленый,
железная трость и перо — в горсти.

Звени, звени, бронза. Вот так и согреешься.
Падайте, снежинки, на плечи ему...
У тех — всё утечи, у этих — всё зрелища,
а Александра Сергеича ждут в том дому.

И пока, на славу устав надеяться,
мы к благополучию спешим нелегко,
там гулять готовятся господа гвардейцы,
и к столу скликает «Вдова Клико»,

там напропалую, как перед всем светом,
как перед любовью — всегда правы...
Что ж мы осторожничаем? Мудрость не в этом.
Со своим веком можно ль на «вы»?

По Пушкинской площади плещут страсти,
трамвайные жаворонки, грех и смех...
Да не суетитесь вы! Не в этом счастье...
Александр Сергеич помнит про всех.

<1966>

242. ДОРОЖНАЯ ФАНТАЗИЯ

Таксомоторная кибитка,
трясущаяся от избытка
былых ранений и заслуг,
по сопкам ткет за кругом круг.

Миную я глухие реки,
и на каком-то там ночлеге
мне чудится (хотя и слаб)
переселенческой телеги
скрип, и коней усталых храп,
и мягкий стук тигриных лап,
напрягшихся в лихом набеге,
и крик степи о человеке,
и вдруг на океанском бреге —
краб, распластавшийся как раб...

С фантазиями нету сладу:
я вижу, как в чужом раю,
перемахнув через ограду
отыскивая дичь свою,
под носом у слепой двустволки
ободранные бродят волки...
Я их сквозь полночь узнаю.

А сторож-то! Со сторожихой
с семидесятилетней, тихой!
Они под жар печной — бока,
пока созревшей облепихой
дурманит их издалека,
пока им дышится, пока
им любопытны сны и толки,
пока еще слышны им волки,
и августа мягка рука,
пока кленовый лист узорный
им выпадает на двоих...

Вот так я представляю их,
случайный Бог таксомоторный,
невыспавшийся, тощий, черный,
с дорожных облаков своих.

<1966>

Умереть — тоже надо уметь,
на свидание к небесам
паруса выбирая тугие.
Хорошо, если выберешь сам,
хуже, если помогут другие.

Смерть приходит тиха,
бестелесна
и себе на уме.
Грустных слов чепуха
неуместна,
как холодное платье — к зиме.

И о чем толковать?
Вечный спор
ни Христос не решил, ни Иуда...
Если там благодать,
что ж никто до сих пор
не вернулся с известьем оттуда?

Умереть — тоже надо уметь,
как прожить от признанья до сплетни,
и успеть предпоследний мазок положить,
сколотить табурет предпоследний,
чтобы к самому сроку,
как в пол — предпоследнюю чашу,
предпоследние слезы со щек...
А последнее — Богу,
последнее — это не наше,
последнее — это не в счет.

Умереть — тоже надо уметь,
как бы жизнь ни ломала
упрямо и часто...
Отпущенье грехов занять —
ах как этого мало
для вечного счастья!

Сбитый с ног наповал,
отпущением что он добудет?
Если б Бог отпущенье давал...
А дадут-то ведь люди!

Что — грехи?
Остаются стихи,
продолжают бесчинства по свету,
не прося снисхожденья...
Да когда бы и вправду грехи,
а грехов-то ведь нету,
есть просто движенье.

<1966>

244. ПРОЩАНИЕ С ПОЛЬШЕЙ

Мы связаны, поляки, давно одной судьбою
в прощанье, и в прощенье, и в смехе, и в слезах.
Когда трубач над Краковом возносится с трубою,
хватаясь я за саблю с надеждою в глазах.

Потертые костюмы сидят на нас прилично,
и плачут наши сестры, как Ярославны, вслед,
когда под крик гармоник уходим мы привычно
сражаться за свободу в свои семнадцать лет.

Прошу у вас прощенья за раннее прощанье,
за долгое молчанье, за поздние слова;
нам Время подарило пустые обещанья,
от них у нас, Агнешка, кружится голова.

Над Краковом убитый трубач трубит бесменно,
любовь его безмерна, сигнал тревоги чист.
Мы школьники, Агнешка. И скоро перемена.
И чья-то радиолка наигрывает твист.

<1966>

245. ПРОЩАНИЕ С НОВОГОДНЕЙ ЕЛКОЙ

З. Крахмальниковой

Синяя крона, малиновый ствол,
звяканье шишек зеленых.
Где-то по комнатам ветер прошел:
там поздравляли влюбленных.
Где-то он старые струны задел —
тянется их переключка...
Вот и январь накатил-налетел
бешеный, как электричка.

Мы в пух и прах наряжали тебя,
мы тебе верно служили.
Громко в картонные трубы трубя,
словно на подвиг спешили.
Даже поверилось где-то на миг
(знать, в простодушье сердечном):
женщины той очарованный лик
слит с твоим празднеством вечным.

В час расставания, в час платежа,
в день увяданья недели
чем это стала ты нехороша?
Что они все, одурели?!
И, утонченные, как соловьи,
гордые, как гренадеры,
что же надежные руки свои
прячут твои кавалеры?

Нет бы собраться им — время унять,
нет бы им всем — расстаться...
Но начинают колеса стучать:
как тяжело расставаться!
Но начинается вновь суета.
Время по-своему судит.
И в суете тебя сняли с креста,
и воскресенья не будет.

Ель моя. Ель — уходящий олень,
зря ты, наверно, старалась:
женщины той осторожная тень
в хвое твоей затерялась!
Ель моя, Ель, словно Спас на крови
твой силуэт отдаленный,
будто бы след удивленной любви,
вспыхнувшей, неутоленной.

1966

246

Мой город засыпает. А мне-то что с того?
Я был его ребенком, я нянькой был его,
я был его рабочим, его солдатом был...
Он слишком удивленно всегда меня любил.
Он слишком отчужденно мне руку подавал,
по будням меня помнил, а в праздник забывал.

И если я погибну, и если я умру,
проснется ли мой город с печалью поутру?
Пошлет ли на кладбище перед заходом дня
своих счастливых женщин оплакивать меня?

А затея на бумаге, как строка стиха,
так строга и так тиха под каплями пота.

Ты корабль рисуешь белый, грубый человек!
Ты проводишь кистью белой по бумаге белой.
Час проходит как мгновенье, два мгновенья — век,
каждый взмах руки и кисти стоит жизни целой.

Горец бредит кораблями: руки — в якорях.
Тянет тиною от пашен, песен и подушек.
Ходит в булочниках лекарь, пекарь — в токарях.
Сто дорог с собою кличут — одна из них душит.

Белый-белый, как береза, борт у корабля.
Белый, как перо у чайки. Он воды коснется...
Чей-то сын веселый утром встанет у руля:
«Ты прощай, земля!..» — и рыба под водой проснется.

Сядет твой отец убитый в тот корабль живой.
Капитан команду вскрикнет. И на утре раннем
побегут барашки белые над самой головой
вслед надеждам, вслед тревогам, вслед воспоминаньям.

<1967>

249. ПОСЛЕДНИЙ ПИРАТ

В районной пивной, на сквозном ветерке,
гуляет Последний Пират.
С малиновым камнем в старинной серьге
идет он в последний парад.

Десятая кружка, добра как вдова,
плывет, подбоченясь, к нему,
и вобла срывает с себя кружева,
готова уже ко всему.

И пена пивная дрожит на столах,
и брызги слетают с руки,
и красные рыбки в зеленых глазах
свои совершают круги.

Все денежки пропиты. Руки на стол!
Я сам из последних плачу
и сам поминаю соленый простор
и как ординарец шучу,

что прокляли б мы наш искоженный шар
и сами бы сдохли с тоски,
когда б не малиновый этот пожар
серебряной этой серьги,
когда б не улыбки буфетных ворон,
не пенье фабричной трубы,
когда б не качался под нами перрон,
как палуба нашей судьбы.

<1967>

250. ТИЛЬ УЛЕНШПИГЕЛЬ

Красный петух. Октябрь золотой. Тополь серебряный.
Разве есть что на свете их перьев, и листьев, и пуха
целібнее?
Нужно к ранам (вот именно) к свежим (естественно)
их приложить...
Если свежие раны, конечно, вы успели уже заслужить.
Это пестрое, шумное, страстное нужно с рассвета
и затемно
собирать, и копить, и ценить, и хранить обязательно,
чтобы к ранам (вот именно) к свежим (естественно)
их приложить...
если свежие раны, конечно, вы успели уже заслужить.
Как трудны эти три работенки: Надежда, Любовь
и Пристрастие.
Оттого-то, наверно, и нет на земле работенки
прекраснее.
Вот и самые свежие раны неустанно дымятся во мне...
Потому что всегда и повсюду только свежие раны
в цене.

<1967>

Когда затихают оркестры Земли
и все музыканты ложатся в постели,
по Сивцеву Вражку проходит шарманка —
смешной, отставной, одноногий солдат.

Представьте себе: от ворот до ворот,
в ночи наши жесткие души тревожа,
по Сивцеву Вражку проходит шарманка,
когда затихают оркестры Земли.

<1967>

252. СЧАСТЛИВЧИК ПУШКИН

Александру Сергеичу хорошо!
Ему прекрасно!
Гудит мельничное колесо.
боль угасла,

баба щурится из избы,
в небе — жаворонки,
только десять минут езды
до ближней ярмарки.

У него ремесло первый сорт
и перо остро.
Он губаст и учен как черт,
и всё ему просто:

жил в Одессе, бывал в Крыму,
ездил в карете,
деньги в долг давали ему
до самой смерти.

Очень вежливы и тихи,
делами замученные,
жандармы его стихи
на память заучивали!

Даже царь приглашал его в дом,
желая при этом
потрепаться о том о сем
с таким поэтом.

Он красивых женщин любил
любовью не чинной,
и даже убит он был
красивым мужчиной.

Он умел бумагу марать
под треск свечки!
Ему было за что умирать
у Черной речки.

<1967>

253

Пробралась в нашу жизнь клевета,
как кликуша глаза закатила,
и прикрыла морщинку у рта,
и на тонких ногах заходила.

От раскрытых дверей — до стола,
от стола — до дверей, как больная,
всё ходила она и плела,
поминая тебя, проклиная.

И стучала о грудь кулаком,
и от тонкого крика синела,
и кричала она о таком,
что посуда в буфете звенела.
От Воздвиженки и до Филей,
от Потылихи до Самотечной
всё клялась она ложью твоей
и своей правотой суматошной...

Отчего же тогда проношу
как стекло твое имя?

Спасаюсь?

Словно ногтем веду по ножу —
снова губ твоих горьких касаюсь.

И смеюсь над ее правотой,
хрипотою ее, слепотою,
как пропойца — над чистой водою.
Клевета.
Клеветы.
Клеветой.

<1967>

254. О ДРОЗДАХ

Чем старей,
        тем скорей
                        расслабляются
  пятерни якорей.

И надежды смешней,
        а потребность в надеждах
  острей,
и в прекрасных залатанных крыльях
        (как ты ими ни шевелишь)
только гордость одна и осталась...
                        Далеко ли на ней улетишь?

Уж какую весну,
        черный дрозд, —
                        я пытаюсь взлететь —
  не могу.

Не жалейте дроздов:
        нам, дроздам, как солдатам,
                        всё равно погибать на бегу.

Ну, так пусть же на тающем снеге апрельском
  мелькнет иногда
не упрек, не намек, —
        просто черный комок
                        путешествующего дрозда.

Уж какую весну,
        черный дрозд, —
                        я хочу свои крылья поднять.

Не жалейте дроздов:
        нам, дроздам,
                        ваших слов всё равно не понять.

Мы, дрозды,
        и почище печали
                за плечами
                        таскаем с собой...

Если б я был мальчишкой,
                тонконогим,
                        с пушком
                                над
  губой!..

<1967>

255. ТРАМВАИ

Москва всё строится, торопится.
И, выкатив свои глаза,
трамваи красные сторонятся,
как лошади — когда гроза.

Они сдают свой мир без жалобы.
А просто: будьте так добры!
И сходят с рельс.

И, словно жаворонки,
влетают в старые дворы.

И, пряча что-то дилижансовое,
сворачивают у моста,
как с папиросы
искры сбрасывая,
туда, где старая Москва,

откуда им уже не вылезти,
не выползти на белый свет,
где старые грохочут вывески,
как полоумные, им вслед.

В те переулочки заученные,
где рыжая по крышам жесть,
в которых что-то есть задумчивое
и что-то крендельное есть.

<1967>

256

Я дарю тебе к светлому празднику множество
всяких странных вещей:

звон неожиданных звонков,
запах блюд, не сготовленных вовсе,

и мужество
ни о чем не жалеть...

и охапки цветов,
не проросших еще, ароматных и бархатных,
удивленья, надежду на добрую весть,
вид из окон (еще до сих пор не распахнутых)
на дорогу

(которая, может быть, есть).

<1967>

257. ЯНВАРЬ В ОДЕССЕ

В Одессе был густой мороз,
тревожный и трескучий,
и замерзали капли слез.
и замерзали тучи.
И город был почти «готов»,
снег падал без предела...
Но вдруг у кромки синих льдов
возникла каравелла.
Кораблик типа скорлупы
от грецкого ореха,
без ресторана, без трубы.
Умрешь на нем от смеха.
Откуда бог его принес,
по-своему чужаца?..
Но с мачты прокричал матрос:
— Земля!.. —

смеясь и плача.

Он зубы скалил в тишине,
спасению дивился,
по бронзовой его спине
горячий пот струился.
И город вышел на мороз,
толпа в ладони била:
ведь кто-то что-то произнес,
и что-то в этом было!
Смешались дети, старики,
смешались все одежды.
— Земля!.. —

кричали, остряки

одесские

с надеждой.

— Земля! — и, к пристани валя,
хватали снег руками...

Воистину

была земля

у них под каблуками.

Таким я город повстречал,
и, радости не пряча,
я сам кричал:

На эту осеннюю площадь
чудесную лошадь веду.
Лиловая умная лошадь
шагает за мной в поводу.

В губах — золотой подорожник,
зеленая грива густа...
Какой сумасшедший художник
позволил сойти ей с холста?

Походкой своей неземною
она потешает народ,
но счастлив я знать, что за мною
лиловая лошадь идет,

что эта зеленая грива,
как поздняя нива, густа...
Уж если она некрасива,
что значит тогда красота?

От хохота рушится площадь,
хватается всяк за живот...
Но тихая, умная лошадь
по городу гордо идет,

под узким оконцем шагает,
и видит она над собой,
как с белой ладони слетает
счастливый петух голубой.

<1967>

260. ГОЛУБОЙ ЧЕЛОВЕК

Голубой человек в перчатках,
в красной шапочке смешной
поднимается по лестнице,
говорит: — Иду домой.

Вот до верха он добрался,
вот — под крышею самой,
но упрямо лезет выше,
говорит: — Иду домой.

Вот — ни крыши и ни лестниц.
Он у неба на виду.
Ты куда, куда, несчастный?!
Говорит: — Домой иду... —
Вот растаяло и небо —
мироздания тишь да мрак,
ничего почти не видно,
и земля-то вся — с кулак.

— Сумасшедший, вон твой дом!
— Где мой дом?
— Да вон твой дом!.. —
Шар земной совсем уж крошечный
различается с трудом.

— Эй, заблудишься, заблудишься!
Далеко ли до беды? —
Он карабкается, бормочет:
— Не порите ерунды!..

<1967>

261. ПЕСЕНКА О ДАЛЬНОЙ ДОРОГЕ

Б. Золотухину.

Забудешь первый праздник и позднюю утрату,
когда луны колеса затренькают по тракту,
и силуэт свиный склонится с облучка,
и прямо в душу грянет простой романс сверчка.

Пускай глядит с порога красотка, увядая,
та гордая, та злая, слепая и святая...
Что — прелесть ее ручек? Что — жар ее перин?
Давай, брат, отрешимся.
Давай, брат, воспарим.

Жена, как говорится, найдет себе другого,
какого-никакого, как ты, недорогого.
И дальняя дорога дана тебе судьбой,
как матушкины слезы, всегда она с тобой.

Покуда ночка длится, покуда бричка катит,
дороги этой дальней на нас обоих хватит.
Зачем ладонь с повинной ты на сердце кладешь?
Чего не потеряешь — того, брат, не найдешь.

От сосен свет целебный, от неба запах хлебный,
а от любви бедной сыночек будет бледный,
а дальняя дорога...
а дальняя дорога...
а дальняя дорога...

1967

262. СТАРИННАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ ПЕСНЯ

Ф. Светову

Поднявший меч на наш союз
достоин будет худшей кары,
и я за жизнь его тогда
не дам и ломаной гитары.
Как вождельно жаждет век
нащупать брешь у нас в цепочке...
Возьмемся за руки, друзья,
чтоб не пропасть поодиночке.

Среди совсем чужих пиров
и слишком ненадежных истин,
не дожидаясь похвалы,
мы перья белые почистим.
Пока безумный наш султан
сулит дорогу нам к острогу,
возьмемся за руки, друзья,
возьмемся за руки, ей-богу.

Когда ж придет дележки час,
не нас калач ржаной поманит,
и рай настанет не для нас,
зато Офелия помянет.
Пока ж не грянула пора
нам отправляться понемногу,
возьмемся за руки, друзья,
возьмемся за руки, ей-богу.

1967

263. ПУТЕШЕСТВИЕ В ПАМЯТИ

Анатолию Рыбакову

Не помню зла, обид не помню, ни громких слов,
ни малых дел
и ни того, что я увидел, и ни того, что проглядел.
Я всё забыл, как днище вышиб из бочки века своего.
Я выжил.
Я из пекла вышел.
Там не оставил ничего.

Теперь живу посередине между войной и тишиной,
грехи приписываю Богу, а доблести — лишь Ей одной.
Я не оставил там ни боли, ни пепла, ни следов сапог,
и только глаз мой карий-карий блуждает там,
как светлячок.

Но в озаренье этом странном, в сиянье вещем светляка
счастливые бывшие люди мне чудятся издалека:
высокий хор поет с улыбкой,
земля от выстрелов дрожит,
сержант Петров, поджав коленки,
как новорожденный лежит.

1967

264

П. Луспекаеву

Ваше благородие госпожа разлука,
мне с тобою холодно, вот какая штука.
Письмецо в конверте погоди — не рви...
Не везет мне в смерти,
повезет в любви.

Ваше благородие госпожа чужбина,
жарко обнимала ты, да мало любила.
В шелковые сети постой — не лови...
Не везет мне в смерти,
повезет в любви.

Ваше благородие госпожа удача,
для кого ты добрая, а кому иначе.
Десять граммов в сердце постой — не зови...
Не везет мне в смерти,
повезет в любви.

Ваше благородие госпожа победа,
значит, моя песенка до конца не спета!
Перестаньте, черти, клясться на крови...
Не везет мне в смерти,
повезет в любви.

1967

265. ГРУЗИНСКАЯ ПЕСНЯ

М. Квливидзе

Виноградную косточку в теплую землю зарюю,
и лозу поцелую, и спелые гроздья сорву,
и друзей созову, на любовь свое сердце настрою...
А иначе зачем на земле этой вечной живу?

Собирайтесь-ка, гости мои, на мое угощенье,
говорите мне прямо в лицо, кем пред вами слыву,
царь небесный пошлет мне прощение
за прегрешенья...
А иначе зачем на земле этой вечной живу?

В темно-красном своем будет петь для меня моя Дали,
в черно-белом своем преклоню перед нею главу,
и заслушаюсь я, и умру от любви и печали...
А иначе зачем на земле этой вечной живу?

И когда заклубится закат, по углам залетая,
пусть опять и опять предо мною плывут наяву
синий буйвол, и белый орел, и форель золотая...
А иначе зачем на земле этой вечной живу?

1967

266. ПУТЕШЕСТВИЕ ПО НОЧНОЙ ВАРШАВЕ В ДРОЖКАХ

Варшава, я тебя люблю легко, печально и навеки.
Хоть в арсенале слов, наверно, слова есть тоньше
и верней,
но та, что с левой стороны, святая мышца в человеке,
как бьется, как она тоскует?.. И ничего не сделать
с ней.

Трясутся дрожки. Ночь плывет. Отбушевал в Варшаве
полдень.
Она пропитана любовью и муками обожжена,
как веточка в Лазенках та, которую я нынче поднял,
как Зигмунта поклон неловкий, как пани странная
одна.

Забывтый Богом и людьми, спит офицер
в конфедератке.
Над ним шумят леса чужие, чужая плещется река.
Пройдут недолгие века — напишут школьники
в тетрадке
про всё, что нам не позволяет писать дрожащая рука.

Невыносимо, как в раю, добро просеивать сквозь сито,
слова процеживать сквозь зубы, сквозь недоверие —
любовь...
Фортуны верткую свою воспитываю жить открыто,
надежду — не терять надежды, доверие —
проснуться вновь.

Извозчик, зажигай фонарь на старомодных крыльях
дрожек.
Неправда, будто бы он прожит, наш главный полдень
на земле!
Варшава, мальчики твои прически модные ерошат,
но тянется одна сплошная раздумья складка на челе.

Трясутся дрожки. Ночь плывет. Я еду Краковским
Предместьем.
Я захожу во мрак кавярни, где пани странная поет,
где мак червонный вновь цветет уже иной любви
предвестьем...

Я еду Краковским Предместьем.
Трясутся дрожки.
Ночь плывет.

<1967>

267. ПЕСЕНКА ПРО СТАРОГО ГУСАКА

Лежать бы гусаку в жаровне на боку,
да, видимо, немного пофартило старику:
не то чтобы хозяин пожалел его всерьез,
а просто он гусятину на завтра перенес.

Но гусак перед строем гусиным
ходит медленным шагом гусиным,
говорит им: «Вы видите сами —
мы с хозяином стали друзьями!»

Старается гусак весь день и так и сяк,
чтоб доказать собравшимся, что друг его — добряк.
Но племя гусака прошло через века
и знает, что жаровня не валяет дурака.

Пусть гусак перед строем гусиным
машет крылышком псевдоорлиным,
но племя гусака прошло через века
и знает, что жаровня не валяет дурака.

Август 1968

268. МАСТЕР ГРИША

Агаму, Яцеку, Каролю

В нашем доме, в нашем доме, в нашем доме —
благодать, благодать.
Все обиды до времени прячем.
Ничего, что удачи пока не видать —
зря не плачем.

Зря не плачем, зря не плачем, зря не плачем —
для чего, для чего?
Мастер Гриша придет, рядом сядет.
Две больших, две надежных руки у него —
всё наладит.

Всё наладит, всё наладит, всё наладит —
переждем, переждем.
На кого же надеяться, кроме?
Разговоры идут день за днем всё о нем
в нашем доме.

В нашем доме, в нашем доме, в нашем доме —
сквозняки, сквозняки.
Да под ветром корежится крыша...
Ну-ка, вынь из карманов свои кулаки,
мастер Гриша.

<1968>

269

Б. Слуцкому

Вселенский опыт говорит,
что погибают царства
не оттого, что тяжек быт
или страшны мытарства.
А погибают оттого
(и тем больней, чем дольше),
что люди царства своего
не уважают больше.

1968

270. ПЕСЕНКА О МОЦАРТЕ

И. Балаевой

Моцарт на старенькой скрипке играет.
Моцарт играет, а скрипка поет.
Моцарт отечества не выбирает —
просто играет всю жизнь напролет.
Ах, ничего, что всегда, как известно,
наша судьба — то гульба, то пальба...
Не оставляйте стараний, маэстро,
не убирайте ладони со лба.

Где-нибудь на остановке конечной
скажем спасибо и этой судьбе,
но из грехов нашей родины вечной
не сотворить бы кумира себе.

Ах, ничего, что всегда, как известно,
наша судьба — то гульба, то пальба...
Не расставайтесь с надеждой, маэстро,
не убирайте ладони со лба.

Коротки наши лета молодые:
миг — и развеются, как на кострах,
красный камзол, башмаки золотые,
белый парик, рукава в кружевах.
Ах, ничего, что всегда, как известно,
наша судьба — то гульба, то пальба...
Не обращайтесь вниманья, маэстро,
не убирайте ладони со лба.

1969

271. БОЯРЫШНИК «ПАСТУШЬЯ ШПОРА»

Боярышник «Пастушья шпора» —
моя надежда и опора,
мой Росинант, мое седло...
Куда бы время ни текло,
от дружеского разговора
в душе становится светло,
и нету места в ней для вздора.

Душа — зеркальное стекло:
два силуэта в ней прекрасных,
враждующих и несогласных.
Мне холодно, а им тепло.

Тот маленький из них, который
как клерк из маленькой конторы,
довольный маленьким бытjem,
как узник — коркой и битьем,
такой, с иголки одетый,
влюбленный в женщину до слез...
И как букеты белых роз
несущий белые манжеты...

И тот большой из них, который
готов толкнуть меня на споры
легко, играючи, со зла,
как волк в кольце охрипшей своры,
не знающий, что жизнь прошла...

Бесчинствуйте, кому охота!
А у меня одна забота:
туда отправиться скорей,
где тянется от косогора
боярышник «Пастушья шпора»
рукой своей
к слезе моей.

<1969>

272. НА БЕРЕГУ ВЕЛИКОГО ОКЕАНА

Покуда поздняя заря еще не скована туманом,
замри, счастливый пешеход, перед Великим Океаном:
там в синих сумерках воды, в сиреневых ее закатах
так много ангелов простых, любвеобильных
и крылатых.

Вон среди зарослей и мглы, как стройный мальчик
на крыльчке,
колышется конек морской без седока и без уздечки,
не знающий кнута и шпор, не ведающий поля брани...
Мне слышится из глубины его загадочное ржанье.

Вон сельдь плывет среди равнин. Кто знает,
что у той сельдки —
змеиный бюст, акулий нрав и сердце девочки
в середине?

Кто знает, что в ее душе, затейливой и многогранной,
под платицем ее смешным, в улыбке ласковой,
но странной?

То краб, то мидия, то спрут вplывают в тот поток
хрустальный,
то хищник в строгом пиджаке, то либерал
сентиментальный,

то круг медузы молодой, похожей на пирог слоеный,
то капелька воды морской — сестра твоей слезы
соленой.

<1969>

273. АРБАТСКИЙ РОМАНС

Арбатского романа знакомое шитье,
к прогулкам в одиночестве пристрастье;
из чашки запотевшей счастливое питье
и женщины рассеянное «здрасьте»...

Не мучьтесь понапрасну: она ко мне добра.
Светло иль грустно — век почти что прожит.
Поверьте, эта дама из моего ребра,
и без меня она уже не может.

Бывали дни такие — гулял я молодой,
глаза глядели в небо голубое,
еще был не разменян мой первый золотой,
пылали розы, гордые собою.

Еще моя походка мне не была смешна,
еще подошвы не поотрывались,
за каждым поворотом, где музыка слышна,
какие мне удачи открывались!

Любовь такая штука: в ней так легко пропасть,
зарыться, закружиться, затеряться...
Нам всем знакома эта мучительная страсть,
поэтому нет смысла повторяться.

Не мучьтесь понапрасну: всему своя пора.
Траву взрастите — к осени сомнется.
Вы начали прогулку с арбатского двора,
к нему-то всё, как видно, и вернется.

Была бы нам удача всегда из первых рук,
и как бы там ни холило, ни било,
в один прекрасный полдень оглянетесь вокруг,
и всё при вас, целехонько, как было:

арбатского романа знакомое шитье,
к прогулкам в одиночестве пристрастье,
из чашки запотевшей счастливое питье
и женщины рассеянное «здрасьте».

1969

274. ЧЕТЫРЕ ГОДА

С. Орлову

Четвертый год подряда
война — твой дом, солдат.
Но хватит, отгудела непогода.
Есть дом другой —
там ждут и там не спят
четыре года, четыре года.

Здесь словно годы дни,
а там в окне — огни
горят, не позабытые в походах...
Когда б вам знать,
как мне нужны они —
четыре года, четыре года!

Когда кругом темно,
светлей твое окно...
Пора, пора, усталая пехота!
Есть много слов,
но я храню одно
четыре года, четыре года.

275. ПЕСЕНКА О МОСКОВСКОМ ТРАМВАЕ

Раскрасавец двадцатых годов,
позабывший про старость и раны,
он и нынче, представьте, готов
нам служить неустанно.

Он когда-то гремел и блистал,
на него любоваться ходили.
А потом он устал и отстал,
и его позабыли.

По проспектам бежать не дают.
в переулках дожить разрешают,
громких песен о нем не поют,
со смешком провожают.

Но по улицам, через мосты
он бежит, дребезжит и бодрится.
И с горячей ладони Москвы
всё сойти не решится.

276. ПРОВОДЫ ЮНКЕРОВ

Наша жизнь не игра.
Собираться пора.
Кант малинов, и лошади серы.
Господа юнкера,
кем вы были вчера?
А сегодня вы все — офицеры.

Господа юнкера,
кем вы были вчера
без лихой офицерской осанки?
Можно вспомнить опять
(ах, зачем вспоминать?),
как ходили гулять по Фонтанке.

Над гранитной Невой
гром стоит полковой,
да прощанье недорого стоит.
На германской войне
только пушки в цене,
а невесту другой успокоит.

Наша жизнь не игра.
В штыковую! Ура!..
Замерзают окопы пустые.
Господа юнкера,
кем вы были вчера?
Да и нынче вы все — холостые.

277

Он наконец явился в дом,
где она сто лет вздыхала о нем,
куда он сам сто лет спешил:
ведь она так решила и он решил.

Клянусь, что это любовь была.
Посмотри — ведь это ее дела.
Но, знаешь, хоть Бога к себе призови,
всё равно ничего не понять в любви.

И поздний дождь в окно стучал,
и она молчала, и он молчал,
и он повернулся, чтобы уйти,
и она не припала к его груди.

Я клянусь, что и это любовь была.
Посмотри — ведь это ее дела.
Но, знаешь, хоть Бога к себе призови,
всё равно ничего не понять в любви.

278. БЕЛОРУССКИЙ ВОКЗАЛ

Здесь птицы не поют,
деревья не растут,
и только мы, плечом к плечу,
встаем в землю тут.
Горит и кружится планета,
над нашей родиной дым,
и, значит, нам нужна одна победа,
одна на всех, мы за ценой не постоим.
Нас ждет огонь смертельный,
и всё ж бессилен он.
Сомненья прочь. Уходит в ночь отдельный,
десятый наш, десантный батальон.

Едва огонь угас —
звучит другой приказ,
и почтальон сойдет с ума, разыскивая нас.
Взлетает красная ракета,
бьет пулемет неутомим,
и, значит, нам нужна одна победа,
одна на всех, мы за ценой не постоим.
Нас ждет огонь смертельный,
и всё ж бессилен он.
Сомненья прочь. Уходит в ночь отдельный,
десятый наш, десантный батальон.

От Курска и Орла
война нас довела
до самых вражеских ворот... Такие, брат, дела.
Когда-нибудь мы вспомним это
и не поверится самим,
а нынче нам нужна одна победа,
одна на всех, мы за ценой не постоим.
Нас ждет огонь смертельный,
и всё ж бессилён он.
Сомнения прочь. Уходит в ночь отдельный.
Десятый наш, десантный батальон.

279. ДУШЕВНЫЙ РАЗГОВОР С СЫНОМ

Мой сын, твой отец — лежебока и плут
из самых на этом веку.
Ему не знакомы ни молот, ни плуг,
я в этом поклясться могу.

Когда на земле бушевала война
и были убийства в цене,
он раной одной откупился сполна
от смерти на этой войне.

Когда погорельцы брели на восток
и участь была их горька,
он в теплом окопе пристроиться смог
на сытную должность стрелка.

Не словом трибуна, не тяжкой киркой
на благо родимой страны —
он всё норовит заработать строкой
тебе и себе на штаны.

И всё же, и всё же не будь с ним суров
(не знаю и сам почему),
поздравь его с тем, что он жив и здоров,
хоть нет оправданья ему.

Он, может, и рад бы достойней прожить
(далече его занесло),
но можно рубаху и паспорт сменить,
да поздно менять ремесло.

280. ПЕСЕНКА О МОСКОВСКИХ ОПОЛЧЕНЦАХ

Над нашими домами разносится набат,
и затемнение улицы одело.
Ты научи любви, Арбат,
а дальше — дальше наше дело.

Гляжу на двор арбатский, надежды не тая,
вся жизнь моя встает перед глазами.
Прощай, Москва, душа твоя
всегда, всегда пребудет с нами!

Расписки за винтовки с нас взяли писаря,
но долю себе выбрали мы сами...
Прощай, Москва, душа твоя
всегда, всегда пребудет с нами!

281

Разлюбила меня женщина и ушла не спеша.
Кто знает, когда доведется опять с нею встретиться.
А я-то предполагал, что земля — это шар...
Не с кем мне было тогда посоветоваться.

282. ЧАСИКИ

Купил часы на браслетке я.
Ты прощай, моя зарплата последняя.
Вижу слезы жены — нету в том моей вины:
это в дверь постучались костяшки войны.

А часики тикают, тикают, тикают,
тикают ночи и дни,
и тихую, тихую, тихую, тихую
жизнь мне пророчат они.

Вот закончилось, значит, сражение.
Вот лежу я в траве без движения.
Голова моя в огне, и браслетка при мне,
а часы как чужие стучат в стороне...

Всё тикают, тикают, тикают, тикают,
тикают ночи и дни,
и тихую, тихую, тихую, тихую
жизнь мне пророчат они.

283. СТАРЫЙ ФЛЕЙТИСТ

Идут дожди, и лето тает,
как будто не было его.
В пустом саду флейтист играет,
а больше нету никого.
Он одинок, как ветка в поле,
косым омытая дождем.
Давно ли, долго ли, легко ли —
никто не спросит ни о чем.

Ах, флейтист, флейтист в старом пиджаке,
с флейтою послушною в руке,
вот уж день прошел, так и жизнь пройдет,
словно лист осенний опадет.

Всё ниже, глуше свод небесный,
звук флейты слышится едва.
«Прости-прощай» — мотив той песни,
«Я всё прощу» — ее слова.
Знать, надо вымокнуть до нитки,
знать, надо горюшка хлебнуть,
чтоб к заколоченной калитке
с надеждой руки протянуть.

Ах, флейтист, флейтист в старом пиджаке,
с флейтою послушною в руке,
вот уж год прошел, так и век пройдет,
словно лист осенний опадет.

284

Песенка короткая, как жизнь сама,
где-то в дороге услышанная,
у нее пронзительные слова,
а мелодия почти что возвышенная.

Она возникает с рассветом, вдруг,
медить и врать не обученная,
она как надежда из первых рук,
в дар от природы полученная.

От дверей к дверям, из окна в окно
вслед за тобой она тянется.
Всё пройдет, чему суждено,
только она останется.

Песенка короткая, как жизнь сама,
где-то в дороге услышанная,
у нее пронзительные слова,
а мелодия почти что возвышенная.

285. ВОЕННЫЕ ПОРТНЯЖКИ

Все военные портняжки —
золотые мастера.
Уважайте труд их тяжкий
и сегодня, как вчера.

Потому что командиры
(любо-дорого смотреть)
наряжаются в мундиры,
чтоб красиво умереть.

Чтоб лежать на поле бранном,
не жалея ни о ком,
не недужным и не пьяным,
а застреленным врагом.

Чтоб лежать на бранном поле
рядом с верными людьми
не по чьей-то злобной воле,
а по собственной любви.

То не ветер в поле стонет,
не дубравушка шумит...
Их никто на смерть не гонит —
сердце чистое велит.

И тогда над смертью слава
нарождается в дыму.
Разве в мире есть держава,
безразличная к сему?

Ничего, что не добратся
вновь до дома своего...
Слава Богу, новобранцам
есть учиться у кого!

Вот поэтому портняжки
так обучены кроить,
так изогнуты, бедняжки,
чтобы славе угодить.

И поэтому мундиры
так кроятся день и ночь,
чтоб блистали командиры,
уходя из жизни прочь.

286

Ю. Домбровскому

Разве лев — царь зверей? Человек — царь зверей.
Вот он выйдет с утра из квартиры своей,
он посмотрит кругом, улыбнется...
Целый мир перед ним содрогнется.

287

Скрипят на новый лад все перья золотые.
Стращают рай и ад то зноем, то грозой.
Поэты молодые не ставят запятые,
но плачут, как и мы, горючею слезой.

Вот милое лицо искажено печалью.
Вот вскинута ладонь под кромку топора.
И этот скорбный жест всё разгадать не чаю.
Понять бы уж пора, что каяться пора.

Соединив души отчаянье и трепет,
и трещинку в стене, и облачко тоски,
фантазия моя свое подобье слепит
и воспроизведет разбитое в куски:

ту трещинку в стене, ту фортку, что разбита,
тот первый сквознячок, что в ней проголосил...
Не катастрофа, нет, а так — гримасы быта.
Пора бы починить, да не хватает сил.

Мой дом стоит в лесу. Мой лес в окно глядится.
Окно выходит в лес. В лесу пока темно.
За лесом — божий мир: Россия, Заграница —
на перекрестке том, где быть им суждено.

288

Когда известный русский царь в своей поддевочке
усмешкой странной на губах и журавлиною походкой
напоминая давний свой портрет в ореховом овале,
входил в присутствие, то все присутствующие
вставали.

В присутствии вставали все, хоть на царе была
Неважно, что таилось в ней: дань старине или издевка.
Не думая, как взглянем мы на них — с надеждой
они вставали, словно лес, и ран не посыпали солью.
Присутствующие тех лет, предшествующих тем
не оставлявшие следов достойных у порогов отчих,
стремятся в райские врата, все гимны скопом
киркой, лопатой и пером ни разу рук не замаравши.

И мы, присутствуя при сем со дня рожденья
так расточительны подчас и так жалки в своем
что лишь по нашему труду, по нашей лишь недоброй
растет, растет цена на соль тем более, чем больше
боли.

Решайте, решайте, решайте
 за Марью, за Дарью, за всех.
 И в череп свой круглый вмещайте
 их слезы, позор и успех.
 Конечно, за голову эту
 при жизни гроша не дадут...
 Когда же по белому свету
 вас в черных цепях поведут,
 сначала толпа соберется,
 потом как волна опадет...
 И Марья от вас отвернется,
 и Дарья плечами пожмет.
 ...И всё же решайте, решайте...

Карандаш желает истину
 знать. И больше ничего.
 Только вечную и чистую,
 как призвание его.

И не блатом, не лекарствами —
 создан словно на века.
 Он как джентльмен при галстуке,
 как умелец у станка.

Он не жаждет строчки прибыльной,
 задыхаясь на бегу, —
 только б у фортуны губительной
 ни на грош не быть в долгу.

И пока больной, расхристанный,
 вижу райские места,
 взгляд его, стальной и пристальный,
 не оторван от листа.

И пока недолго длящийся
 жизни путь к концу лежит,
 грифелек его дымящийся
 за добычею бежит.

Подступает мгла могильная,
но... уже совмещены
зов судьбы, ладонь бессильная,
запах пота и вины.

291

Виктору Забелышинскому

Долго гордая упряжка
через жизнь меня везла,
и счастливая ромашка
на пути моем росла.

Ехал я, еще не старей,
якоря свои рубя,
и какие-то гитары
предлагали мне себя.

Что-то бури предвещало,
бормотало всё о том...
Время сказок не прощало —
это скажется потом.

Всё потом: и сожаленье,
что не выпало посметь,
и везенье, и прозренье,
и раскаянье, и смерть.

И, пронзенный этим знаньем,
всё запомнив назубок,
перед главным наказаньем
призадумался ездок,

не прося услад у Бога,
не прельщаясь на обман...
Всё равно одна дорога —
пыль, разлука да туман.

292

Я вас обманывать не буду.
Мне вас обманывать нельзя:
обман и так лежит повсюду,
мы по нему идем, скользя.

Давно погашены улыбки,
вокруг болотная вода,
и в том — ни тайны, ни ошибки,
а просто горе да беда.

Когда-то в молодые годы,
когда всё было невдомек,
какой-то призрачной свободы
достался мне шальной глоток.

Единственный. И без обмана
среди прочих ненадежных снов,
как сладкий яд, как с неба манна,
как дар судьбы без лишних слов.

Не в строгих правилах природы
ошибку повторять свою,
поэтому глоток свободы
я долго и счастливо пью.

293

А. Тарковскому

Друзья, не надейтесь на чудо,
не верьте в заморский Сезам.
Нам плакать и плакать, покуда
Москва не поверит слезам.

294

Немоты нахлебавшись без меры,
с городской отравой в крови,
опасаюсь фанатиков веры,
и надежды, и поздней любви.

Как блистательны их карнавалы —
каждый крик, каждый взгляд,
каждый жест...

Но зато как горьки и усталы
окончания пышных торжеств!

Я надеялся выйти на волю.
Как мы верили сказкам, скажи?
Но мою злополучную долю
утопили во зле и во жи.

От тоски никуда не укрыться,
от природы ее грозовой.
Между мною и небом — граница.
На границе стоит часовой.

295

Мы едем на дачу к Володе,
как будто мы в кровном родстве.
Та дача в Абрамцево вроде,
зарыта в опавшей листве.

Глядят имена музыкантов
с табличек на каждом углу,
и мы, словно хор дилетантов,
удачам возносим хвалу.

Под будничными облаками
сидим на осеннем пиру,
и грусть, что соседствует с нами,
всё чаще теперь ко двору.

Минувшего голос несносный
врывается, горек, как яд...
Зачем же мы, братья и сестры,
съезжаемся в тот листопад?

Зачем из машин мы выходим?
Зачем за столом мы сидим?
И счетов как будто не сводим —
светло друг на друга глядим.

Мы — дачники, мы — простофили,
очкарики и фраера...
В каких нас давилнях давили —
да, видно, настала пора.

Свинцом небеса налитые,
и пробил раскаянья час,
и все мы почти что святые,
но некому плакать о нас.

На даче сидим у Володи,
поближе к природе самой,
еще и не старые вроде,
а помнится... Боже ты мой!

296

Ю. Мориц

Среди стерни и незабудок
не нами выбрана стезя,
и родина — есть предрассудок,
который победить нельзя.

297

Я жалею собак с нашей улицы:
очень грустно сидеть на цепи...
Все они белозубы и умницы,
только им не хватает степи!

298

Затихнет шрапнель, и начнется апрель.
На прежний пиджак поменяю шинель.
Вернутся полки из похода.
Хорошая нынче погода.

Хоть сабля сечет, да и кровь всё течет —
брехня, что у смерти есть точный расчет,
что где-то я в поле остался...
Назначь мне свиданье, Настасья.

Всё можно пройти, и всё можно снести,
а если погибнуть — надежду спасти,
а выжить — как снова родиться...
Да было б куда воротиться.

В назначенный час проиграет трубач,
что есть нам удача среди всех неудач,
что все мы еще молодые
и крылья у нас золотые.

299. БОЛЬШАЯ ПЕРЕМЕНА
(Школьная песенка)

Долгий звонок соловьем пропоет в тишине,
всем школярам перемену в судьбе обещая.
Может, затем, чтоб напомнить тебе обо мне,
перемена приходит большая.

Утро и ночь проплывают за нашим окном.
Хлеб и любовь неразлучными ходят по кругу
Долгий звонок... Мы не раз еще вспомним о нем,
выходя на свиданье друг к другу.

Время не ждет. Где-то замерли те соловьи.
Годы идут. Забываются школьные стены.
Но до конца... Это, видимо, в нашей крови
ожиданье большой перемены.

300

Д. Самойлову

На углу у гастронома,
на стеченье мостовых,
как два древних астронома —
два печальных постовых.

Что ж вы дремлете, ребята?!
Собирайте-ка отряд:
недалече от Арбата
снова в Пушкина палат!

Похудевший и небритый,
приложась щекой к земле,
он опять лежит убитый
с грустной думой на челе.

Пистолет старинный рядом,
весь сюртук уже в крови,
где-то, за потухшим взглядом —
крик надежды и любви.

Пушкин, Пушкин, счет обидам —
очень грустная статья.
Но неужто быть убитым —
привилегия твоя?

Пистолет стреляет прямо,
да молва спешит в обход...
Ах, ни бронза и ни мрамор
не спасают от забот.

И опять невежда скромный
выбегает на Тверской
и огромный перст погромный
водружает над Москвой.

И опять над постаментом
торопливым инструментом
водружают монумент,
как эпохи документ.

Зачем торопится в Сибирь поэт Горбовский?
Чтоб делать там
с души своей наброски.

Под ребрами, в таинственной глуши
отчаиваясь и надеясь сладко,
как разноцветные карандаши,
она истаивает без остатка.

Покуда мир совсем не перешит,
ее бродячий скарб увязан снова.
Всё плачет в ней,
ликует,
верещит,
безумствует
и просит слова.

Что она, Боже, делает с собой!
То красным коршуном она забьется,
то нежностью зальется голубой,
то черною слезою вдрут прольется...

Пока асфальт холодный топчем мы,
всё то же повторяя, как по нотам,
он дожидается конца зимы
и улетает со своим блокнотом
туда, где дни, как вольные стрелки,
чем безвозвратней —

тем сильнее...

Там лучше ловятся

слова

в силки,

а сердцу там вольнее и больше...

Дуй, паровоз, в трубу, свисти в свисток,
пугай прохожих старомодным ликом.
Спеши, лошадка,
торопись ездок...
Эй, женщины, не поминайте лихом!

302. ПРИЕЗЖАЯ СЕМЬЯ ФОТОГРАФИРУЕТСЯ У ПАМЯТНИКА ПУШКИНУ

А. Цибулевскому

На фоне Пушкина снимается семейство.
Фотограф щелкает, и птичка вылетает.
Фотограф щелкает, но вот что интересно:
на фоне Пушкина! И птичка вылетает.

Все счета кончены, и кончены все споры.
Тверская улица течет, куда, не знает.
Какие женщины на нас кидают взоры
и улыбаются... И птичка вылетает.

На фоне Пушкина снимается семейство.
Как обаятельны (для тех, кто понимает)
все наши глупости и мелкие злодейства
на фоне Пушкина! И птичка вылетает.

Мы будем счастливы (благодаренье снимку!).
Пусть жизнь короткая проносится и тает.
На веки вечные мы все теперь в обнимку
на фоне Пушкина! И птичка вылетает.

1970

303. РЕЧИТАТИВ

Владлену Ермакову

Тот самый двор, где я сажал березы,
был создан по законам вечной прозы
и образцом дворов арбатских слы;,
там, правда, не выращивались розы,
да и Гомер туда не заходил...
Зато поэт Глазков напротив жил.

Друг друга мы не знали совершенно,
но, познавая белый свет блаженно,
попеременно — снег, дожди и сушь,
разгулы будней, и подъездов глушь,
и мостовых дыханье, неизменно
мы ощущали близость наших душ.

Ильинку с Божедомкою, конечно,
не в наших нравах предавать поспешно,
и Усачевку, и Охотный ряд...
Мы с ними слиты чисто и безгрешно,
как с нашим детством — сорок лет подряд;
мы с детства их пророки... Но Арбат!

Минувшее тревожно забывая,
на долголетье втайне уповая,
всё медленней живем, всё тяжелей...
Но песня тридцать первого трамвая
с последней остановкой у Филей
звучит в ушах, от нас не отставая.

И если вам, читатель торопливый,
он не знаком, тот гордый, сиротливый,
извилистый, короткий коридор
от ресторана «Прага» до Смоляги
и рай, замаскированный под двор,
где все равны: и дети и бродяги,
спешите же... Всё остальное — вздор.

1970

304. ЖИЗНЬ ОХОТНИКА

К. Ваншенкину

1

Первый день, первый день!
Всё прекрасно, всё здорово,
хоть уже на всем второго
дня
лежит косая тень.

2

День второй — день чудес,
день охоты, день объятий,
никаких еще проклятий
ни из уст и ни с небес.

Всё пока как будто впрок,
всё еще полно значенья,
голосок ожесточенья
легкомыслен, как щенок.

3

Третий день — день удач.
За удачею — удача.
Удивляйся и чудачь,
поживи еще, чудача.

Нет пока лихих годин
выражений осторожных...
Бог беды на тонких ножках
в стороне бредет один.

И счастливой на века
обещает быть охота,
и вторая капля пота,
как амброзия, сладка.

4

День четвертый. Рука
оперлась о подлокотник...
Что-то грустен стал охотник,
нерешителен слегка.

Вездесущая молва
о возможном всё страннее,
капли пота солонее,
и умеренней слова.

Счастлив будь, Сурок в норе!
Будь спокойна, Птица в небе!
Он — в раздумьях о добре,
в размышлениях о хлебе.

Из ствола не бьет дымок,
стрелы колют на лучину.
Всё, что было лишь намек,
превращается в причину.

Пятый день. Холодна
за окном стоит погода.
Нет охоты — есть работа.
Пота нет — лишь соль одна.

Отрешенных глаз свинец,
губ сухих молчанье злое...
Не похоже, чтоб скупец,
скапливающий бывшее.

Непохоже, чтоб глупец,
на грядущее плюющий,
пьянствующий иль непьющий,
верующий или лжец.

Может, жизнь кроя свою
на отдельные полоски,
убедился, что в авоське
больше смысла, чем в раю?..

Или он вдруг осознал,
что, спеша и спотыкаясь,
радуясь и горько каясь,
ничего не обогнал?

Что он там? Чему не рад
сам себе холоп и барин?
Был, как бес, высокопарен,
стал задумчив, как Сократ.

День шестой, день шестой...
Всё теперь уже понятно:
путь туда такой простой —
это больно и приятно.

Всё сбывается точь-в-точь,
как напутствие в дорогу.
Тайна улетает прочь...
Слава Богу,
слава Богу.

Доберемся как-нибудь
(что нам — знойно или вьюжно?).
И увязывать не нужно
чемоданы в дальний путь.

Можно просто налегке,
не трясясь перед ошибкой,
с дерзновенною улыбкой,
словно с тросточкой в руке.

Остается для невежд
ожиданье дней, в которых
отсыревший вспыхнет порох
душ,
или раздастся шорох
вновь проснувшихся надежд.

Что ты там ни славословь,
как ты там ни сквернословь,
не кроится впрок одежда...
Жизнь длиннее, чем надежда,
но короче, чем любовь.

7

День седьмой.
Выходной.
Дверь открыта выходная.
Дверь открыта в проходной...
До свиданья,
проходная!

<1971>

Ю. Левитанскому

Заезжий музыкант целуется с трубою,
пассажи по утрам, так просто, ни о чем...
Он любит не тебя. Опомнись. Бог с тобою.
Прижмись ко мне плечом,
прижмись ко мне плечом.

Живет он третий день в гостинице районной,
где койка у окна — всего лишь по рублю,
и на своей трубе, как чайник, раскаленной
вздыхает тяжело...
А я тебя люблю.

Ты слушаешь его задумчиво и кротко,
как пенье соловья, как дождь и как прибор.
Его большой трубы простуженная глотка
отчаянно хрипит. (Труба, трубы, трубой...)

Трубач играет гимн, трубач потеет в гамме,
трубач хрипит свое и кашляет, хрипя...
Но как портрет судьбы — он весь в оконной раме,
да любит не тебя...
А я люблю тебя.

Дождусь я лучших дней и новый плащ надену,
чтоб пред тобой проплыть, как поздний лист, дрожа...
Не много ль я хочу, всему давая цену?
Не сладко ль я живу, тобой лишь дорожа?

Тебя не соблазнить ни платьями, ни снедью:
заезжий музыкант играет на трубе!
Что мир весь рядом с ней, с ее горячей медью?..
Судьба, судьбы, судьбе, судьбою, о судьбе...

<1972>

306. СЧИТАЛОЧКА ДЛЯ БЕЛЛЫ

Я сидел в апрельском сквере.
Пред мной был Божий храм,
но не думал я о вере,
а глядел на разных дам.

И одна, едва пахнуло
с несомненностью весной,
вдруг на веточку вспорхнула
и уселась предо мной.

В модном платьице коротком,
в старомодном пальтеце,
и ладонь — под подбородком,
и загадка на лице.

В той поре, пока безвестной,
обозначенной едва:
то ли поздняя невеста,
то ли юная вдова.

Век мой короток — не жалко,
он длинней и ни к чему...
Но она петербуржанка
И бессмертна посему.

Шли столетья по России,
бил надежды барабан.
Не мечи людей косили —
слава, золото и обман.

Что ни век — всё те же нравы,
ухищренья и дела...
А она вдали от славы
на Васильевском жила.

Знала счет шипам и розам
и безгрешной не слыла.
Всяким там метаморфозам
не подвержена была.

Но когда над Летним садом
возносила луна,
Михаилу с Александром,
верно, грезилась Она.

И в дороге, и в опале,
и крылаты, и без крыл,
знать, о Ней лишь помышляли
Александр и Михаил.

И загадочным и милым
лик Ее сиял живой
Александру с Михаилом
перед пулей роковой.

Эй вы, дней былых поэты,
старики и женихи,
признавайтесь, кем согреты
ваши перья и стихи?

Как на лавочке сиделось,
чтобы душу усладить,
как на барышень гляделось,
не стесняйтесь говорить.

Как туда вам всё летелось
во всю мочь и во всю прыть...
Как оттуда не хотелось
в департамент уходить!

1972

307. БАТАЛЬНОЕ ПОЛОТНО

Сумерки. Природа. Флейты голос нервный.
Позднее катанье.
На передней лошади едет император
в голубом кафтане.
Серая кобыла с карими глазами,
с челкой вороною.
Красная попона. Крылья за спиною,
как перед войною.

Вслед за императором едут генералы,
генералы свиты,
славою увиты, шрамами покрыты,
только не убиты.
Следом — дуэлянты, флигель-адъютанты.
Блещут эполеты.
Все они красавцы, все они таланты,
все они поэты.

Всё слабее звуки прежних клавесинов,
голоса былые.
Только топот мерный, флейты голос нервный
да надежды злые.
Всё слабее запах очага и дыма,
молока и хлеба.
Где-то под ногами и над головами —
лишь земля и небо.

1973

308. ПОСЛЕВОЕННОЕ ТАНГО

Вяч. Конгратьеву

Восславив тяготы любви и свои слабости,
слетались девочки в тот двор, как пчелы в августе;
и совершалось наших душ тогда мужание
под их загадочное жаркое жужжание.

Судьба ко мне была щедра: надежд подбрасывала.
Да жизнь по-своему текла — меня не спрашивала.
Я пил из чашки голубой — старался дочиста...
Случайно чашку обронил — вдруг август кончился.

Двор закачался, загудел, как хор под выстрелами,
и капельмейстер удалой кричал нам что-то...
Любовь иль злоба наш удел? Падем ли, выстоим ли?
Мужайтесь, девочки мои! Прощай, пехота!

Примяли наши сапоги траву газонную,
всё завертелось по трубе по гарнизонной.
Благословили времена шинель казенную,
не вышла вечною любовь — а лишь сезонной.

Мне снятся ваши имена — не помню облика:
в какие ситчики вам грезилось облечься?
Я слышу ваши голоса — не слышу отклика,
но друг от друга нам уже нельзя отречься.

Я загадал лишь на войну — да не исполнилось.
Жизнь загадала навсегда — сошлось с ответом...
Поплачьте, девочки мои, о том, что вспомнилось,
не уходите со двора: нет счастья в этом!

1973

309. СТАРИННАЯ СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ

Отшумели песни нашего полка,
отзвенели звонкие копыта.
Пулями пробито днище котелка,
маркитантка юная убита.

Нас осталось мало: мы да наша боль.
Нас немного, и врагов немного.
Живы мы покуда, фронтовая голь,
а погибнем — райская дорога.

Руки на затворе, голова в тоске,
а душа уже взлетела вроде.
Для чего мы пишем кровью на песке?
Наши письма не нужны природе.

Спите себе, братцы, — всё придет опять:
новые родятся командиры,
новые солдаты будут получать
вечные казенные квартиры.

Спите себе, братцы, — всё начнется вновь,
всё должно в природе повториться:
и слова, и пули, и любовь, и кровь...
Времени не будет помириться.

1973

310. ПЕСНЯ КРАСНОАРМЕЙЦА

Вслепую пушка лупит,
наотмашь шашка рубит,
и ворон большекрылый над битвою кружит.
А пуля знает точно,
кого она не любит:
кого она не любит — в земле сырой лежит.

Окоп ты мой холодный,
паек ты мой голодный...
Не плачь, моя мамаша, что писем нет давно.
Не пропадет напрасно
наш подвиг благородный,
и время золотое наступит всё равно.

Не надо мне пощады,
не надо мне награды,
а дайте мне винтовку и дайте мне коня.
А если я погибну,
пусть красные отряды,
пусть красные отряды оплатят за меня.

<1973>

311. НА СМЕРТЬ БОРИСА БАЛТЕРА

Не всё ль равно, что нас сведет в могилу — пуля
иль простуда?
Там, верно, очень хорошо: ведь нет дурных вестей
оттуда.
Я жалоб не слышал от них, никто не пожелал
вернуться.
Они молчат, они в пути. А плачут те, что остаются.
Они молчат Бог весь о чем — иные берега пред ними,
и нету разницы для них между своими и чужими.
К великой тайне приобщась, они уходят постепенно
под скорбный марш,
под вечный марш,
под польский марш,
под марш Шопена.

1974

312. ВЕСНА

Небо синее, как на картинке.
Утро майское. Солнце. Покой.
Улыбается жук на тростинке,
словно он именинник какой.

Все устали от долгой метели,
раздражительны все потому...
Что бы там о зиме вы ни пели,
но длиннее она ни к чему.

Снег такой, что не сыщешь друг друга;
ночь бездонная, словно тюрьма;
всё живое засыпала вьюга,
а зачем — позабыла сама.

Всяк, заблудший во льдах ее синих,
поневоле и слеп и безуст...
Нет, увольте от сложностей зимних,
от капризов ее и безумств.

Слава богу, что кущи и рощи
наполняются звоном опять.
Пусть весна легковесней и проще,
да ведь надо же чем-то дышать!

Наслаждается маем природа,
зверь в лесах и звезда в небесах;
и из самого сердца народа
вырывается долгое «ах!».

1974

313. КАБИНЕТЫ МОИХ ДРУЗЕЙ

Что-то дождичек удач падает не часто.
Впрочем, жизнью и такой стоит дорожить.
Скоро все мои друзья выбьются в начальство,
и, наверно, мне тогда станет легче жить.

Робость давнюю свою я тогда осилю.
Как пойдут мои дела — можно не гадать:
зайду к Юре в кабинет, загляну к Фазилию,
и на сердце у меня будет благодать.

Зайду к Белле в кабинет, скажу: «Здравствуй, Белла!»
Скажу: «Дело у меня, помоги решить...»
Она скажет: «Ерунда, разве это дело?..»
И, конечно, сразу мне станет легче жить.

Часто снятся по ночам кабинеты эти,
не сегодняшние, нет; завтрашние, да:
самовары на столе, дама на портрете...
В общем, стыдно по пути не зайти туда.

Города моей страны все в леса одеты,
звук пилы и топора трудно заглушить:
может, это для друзей строят кабинеты —
вот построят, и тогда станет легче жить.

1974

Сестра моя прекрасная, Натела,
 прошли года, а ты помолодела —
 так чист и ясен пламень глаз твоих...
 Возьми родную речь, горбушку хлеба,
 и эти облака, и это небо
 и раздели на нас, на шестерых.

Вот заповедь ушедшего поэта,
 чья песня до конца еще не спета.
 Сестра моя, всё — только впереди!
 Пускай завистникам пока нейметя...
 Галактион когда-нибудь вернется,
 он просто задержался по пути.

Средь океана слов и фраз напрасных,
 не столь прекрасных, сколько безопасных,
 как острова лежат его слова,
 спешит перо как будто пред грозой...
 Его глаза подернуты слезою:
 поэты плачут — нация жива.

<1975>

А мы с тобой, брат, из пехоты.
 А летом лучше, чем зимой.
 С войной покончили мы счеты...
 Бери шинель —
 пошли домой.

Война нас гнула и косила.
 Теперь конец и ей самой.
 Четыре года мать без сына...
 Бери шинель —
 пошли домой.

Мы все — войны шальные дети:
 и генерал и рядовой.
 Опять весна на белом свете...
 Бери шинель —
 пошли домой.

К золе и пеплу наших улиц
опять, опять, товарищ мой,
сковорцы пропавшие вернулись...
Бери шинель —
пошли домой.

А ты с закрытыми очами
спишь под фанерною звездой.
Вставай, вставай, однополчанин,
бери шинель —
пошли домой.

Что я скажу твоим домашним?
Как встану я перед вдовой?
Неужто клясться днем вчерашним?..
Бери шинель —
пошли домой.

<1975>

316. ЧАЕПИТИЕ НА АРБАТЕ

Пейте чай, мой друг старинный,
забывая бег минут.
Желтой свечкой стеариновой
я украшу ваш уют.

Не грустите о поленьях,
о камине и огне...
Плед шотландский на коленях,
занавеска на окне.

Самовар, как бас из хора,
напевает в вашу честь.
Даже чашка из фарфора
у меня, представьте, есть.

В жизни выбора не много:
кому — день, а кому — ночь.
Две дороги от порога:
одна — в дом, другая — прочь.

Нынче мы — в дому прогретом,
а не в поле фронтовом,
не в шинелях, и об этом
лучше как-нибудь потом.

Мы не будем наши раны
пересчитывать опять.
Просто будем, как ни странно,
улыбаться и молчать.

Я для вас, мой друг, смешаю
в самый редкостный букет
пять различных видов чая
по рецептам прежних лет.

Кипятком крутым, бурлящим
эту смесь залью для вас,
чтоб бывшее с настоящим
не сливалось хоть сейчас.

Настояться дам немножко,
осторожно процежу
и серебряную ложку
рядом с чашкой положу.

Это тоже вдохновенье...
Но, склонившись над столом,
на какое-то мгновенье
всё же вспомним о былом:

над безумною рекою
пулеметный ливень сек,
и холодной щекою
смерть касалась наших щек.

В битве выбор прост до боли:
или пан, или пропал...
А потом, живые, в поле
мы устроили привал.

Нет, не то чтоб пировали,
а, очухавшись слегка,
просто душу согревали
кипятком из котелка.

Разве есть напиток краше?
Благодарствуй, котелок!
Но встречал в блаженство наше
чей-то горький монолог:

«Как бы ни были вы святы,
как ни праведно житье,
вы с ума сошли, солдаты:
это — дрянь, а не питье!

Вас забывчивость погубит,
равнодушие вас убьет:
тот, кто крепкий чай разлюбит,
сам предаст и не поймет...»

Вы представьте, друг любезный,
как казались нам смешны
парадоксы те из бездны
фронтowego сатаны.

В самом деле, что — крученный
чайный лист — трава и сор
пред планетой, обреченной
на страданье и разор?

Что — напиток именитый?..
Но, среди крови и разлук,
целый мир полузабытый
перед нами ожил вдруг.

Был он теплый и прекрасный...
Как обида нас ни жгла,
та сентенция напрасной,
очевидно, не была.

Я клянусь вам, друг мой давний,
не случайны с древних лет
эти чашки, эти ставни,
полумрак и старый плед,

и счастливый час покоя,
и заварки колдовство,
и завидное такое
мирной ночи торжество:
разговор, текущий скупно,
и как будто даже скука,
но... не скука — естество.

1975

317. ЛУНИН В ЗАБАЙКАЛЬЕ

Н. Эйгельману

Мелькнуло короткое лето.
Увяла забвенья трава.
Какая-то женщина где-то
на вас потеряла права.

О вы, неудачник опасный,
скажите: зачем-почему
сменили халат свой атласный
на вечную эту тюрьму?

Ступайте на волю скорее,
велите возок заложить...
Чем медленней мы — тем старее.
Пора бы собой дорожить.

Отвага нас детская мучит,
в кирпич кулачками стучит.
Дерзаниям штык не научит,
с любовью замок разлучит.

Неужто что было, то было?
И гвардия вас позабыла,
и даже не снитесь вы ей...

А чем же вы это опасны?
Наверное, тем, что прекрасны,
и тем, что, наверно, пристрастны
в любви к отчизне своей.

<1975>

318

Живые, вставай-подымайся,
будь счастлив, кто снова живой,
на первый-второй рассчитайся,
ряды поредевшие сдвой.

Чисты ваши тонкие руки,
ясна ваших глаз синева,
цена за минувшие муки
ничтожна, как дым и трава.

Чем дальше от юности дерзкой,
тем ближе мы к черной земле,
и памятка бури вселенской
лежит как печать на челе.

И всё неподатливей струны,
и с каждой минутой трудней
увидеть в усмешке фортуны
улыбку надежды своей.

<1975>

319. ПЕСЕНКА КАВАЛЕРГАРДА

Кавалергарды, век недолог,
и потому так сладок он.
Поет труба, откинут полог,
и где-то слышен сабель звон.
Еще рокочет голос струнный,
но командир уже в седле...
Не обещайте деве юной
любви вечной на земле!

Течет шампанское рекою,
и взгляд туманится слегка,
и всё как будто под рукою,
и всё как будто на века.
Но как ни сладок мир подлунный —
лежит тревога на челе...
Не обещайте деве юной
любви вечной на земле!

Напрасно мирные забавы
продлить пытаетесь, смеясь.
Не раздобыть надежной славы,
покуда кровь не пролилась...
Крест деревянный иль чугунный
назначен нам в грядущей мгле...
Не обещайте деве юной
любви вечной на земле.

1975

320. ПОЖЕЛАНИЕ ДРУЗЬЯМ

Ю. Трифонову

Давайте восклицать, друг другом восхищаться.
Высокопарных слов не стоит опасаться.
Давайте говорить друг другу комплименты —
ведь это всё любви счастливые моменты.

Давайте горевать и плакать откровенно
то вместе, то поврозь, а то попеременно.
Не нужно придавать значения злословью —
поскольку грусть всегда соседствует с любовью.

Давайте понимать друг друга с полуслова,
чтоб, ошибившись раз, не ошибиться снова.
Давайте жить, во всем друг другу потакая, —
тем более что жизнь короткая такая.

1975

321. БОЖЕСТВЕННАЯ СУББОТА, ИЛИ СТИХИ О ТОМ, КАК НАМ С ЗИНОВИЕМ ГЕРДТОМ В ОДНУ ИЗ СУББОТ НЕ БЫЛО КУДА ТОРОПИТЬСЯ

Божественной Субботы
хлебнули мы глоток.
От празднеств и работы
закрылись на замок.
Ни суетная дама,
ни улиц мельтешня
нас не коснутся, Зяма,
до середины дня.

Как сладко мы курили!
Как будто в первый раз
на этом свете жили
и он сиял для нас.
Еще придут заботы,
но главное в другом:
божественной Субботы
нам терпкий вкус знаком!

Уже готовит старость
свой неперенный суд.
А много ль нам досталось
за жизнь таких минут?
На пышном карнавале
торжественных невзгод
мы что-то не встречали
божественных суббот.

Ликуй, мой друг сердечный,
сдаваться не спеши,
пока течет он, грешный,
неспешный пир души.
Дыши, мой друг, свободой...
Кто знает, сколько раз
еще такой субботой
наш век одарит нас.

1975

322. Я ПИШУ ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

В. Аксенову

В склянке темного стекла
из-под импортного пива
роза красная цвела
гордо и неторопливо.
Исторический роман
сочинял я понемногу,
пробиваясь как в туман
от пролога к эпилогу.

Были дали голубы,
было вымысла в избытке,
и из собственной судьбы
я выдергивал по нитке.
В путь героев снаряжал,
наводил о прошлом справки
и поручиком в отставке
сам себя воображал.

Вымысел — не есть обман.
Замысел — еще не точка.
Дайте дописать роман
до последнего листочка.
И пока еще жива
роза красная в бутылке,
дайте выкрикнуть слова,
что давно лежат в копилке:

каждый пишет, как он слышит.
Каждый слышит, как он дышит
Как он дышит, так и пишет,
не стараясь угодить...
Так природа захотела.
Почему?
Не наше дело.
Для чего?
Не нам судить.

1975

323. ДВА СИЛУЭТА

Среди житейского тумана
кого-то ищем непрестанно,
но два знакомых силуэта
мы различаем тем верней.
О Дона Анна, Донна Анна,
мы всё не встретимся, как странно!
О Дульсинея, Дульсинея,
Кто Дон Кихот — тебе видней.

Как много женщин знаменитых,
бессмертной славою увитых.
Но два знакомых силуэта
мы различаем среди них:
О Офелия, о нимфа,
о помяни меня в молитвах,
О Маргарита, Маргарита,
здесь я умру у ног твоих.

1975 (?)

Ласточка, звонкая птица,
 ангел над кровлей моей,
 что же тебе не летится?
 Плен тебе, что ли, милей?
 Солнце встает над горою,
 пахнет дымком от костра...
 Хочешь, я окна раскрою?
 Вырвись на волю, сестра.

Ласточка, долгие годы
 жаждем мы доли своей.
 Что тебе наши заботы?
 С крыльев стряхни их скорей.
 Лучшая сердцу отрада —
 два твоих тонких крыла...
 Много ли счастья мне надо?
 Лишь бы ты в небе была.

<1976>

Соединение сердец —
 старинное приспособленье:
 вот-вот уж, кажется, конец —
 ан снова, смотришь, потепленье.
 Вот-вот уж, кажется, пора,
 разрыв почти увековечен...
 Но то, что кажется с утра,
 преобразается под вечер.

Соединение сердец —
 старинное приспособленье...
 Но если впрямь настал конец,
 какое, к черту, потепленье?
 И если впрямь пришла пора,
 все рассуждения напрасны:
 что было — сплыло со двора,
 а мы хоть врозь, но мы — прекрасны.

И в скорбный миг, печальный миг
теряют всякое значение
все изречения мудрых книг
и умников нравоченья.
Понятны только нам двоим
истоки радости и муки...
И тем живем. На том стоим
и утешаемся в разлуке.

<1976>

326

Есть «да» и «нет».
И не шутя
веками длится спор.
Но только время им судья,
хоть суд его не скор.

Сияли тысячи комет,
их цвет
давно погас,
но только время «да» иль «нет»
произнесет
в свой час.

Прекрасны юные мечты:
все метят в главари,
но время скажет «нет»,
и ты
пойдешь в золотари.

Надежды нет,
пути круты,
всё в прошлом, хоть гори...
Но время скажет «да»
и ты
возносишься
в цари.

И поражений
и побед
хлебнули вы не раз...

Но только время
«да» и «нет»
произнесет
в свой час.

<1976>

327

О. Чухонцеву.

Я вновь повстречался с Надеждой — приятная
встреча.

Она проживает всё там же — то я был далеке.
Всё то же на ней из поплина счастливое платье,
всё так же горящ ее взор, устремленный в века...
Ты наша сестра, мы твои непутевые братья,
и трудно поверить, что жизнь коротка.

А разве ты нам обещала чертоги златые?
Мы сами себе их рисуем, пока молодые,
мы сами себе сочиняем и песни и судьбы,
и горе тому, кто одернет не вовремя нас...
Ты наша сестра, мы твои торопливые судьи,
нам выпало счастье, да скрылось из глаз.

Когда бы любовь и надежду связать воедино,
какая бы (трудно поверить) возникла картина!
Какие бы нас миновали напрасные муки,
и только прекрасные муки глядели б с чела...
Ты наша сестра. Что ж так долго мы были в разлуке?
Нас юность сводила, да старость свела.

1976

328. ДОМ НА МОЙКЕ

Меж домом графа Аракчеева и домом Дельвига,
барона,
не просто тротуар исхоженный, а поле — вечно
и огромно,
вся жизнь, как праздник запоздалый, как музыкант
в краю чужом,
отрезок набережной давней, простертой за его окном.

Меж домом графа Аракчеева и домом Дельвига,
барона,
всё уместилось понемногу: его любовь, его корона,
беспомощность — его кормилица, и перевозчика
весло...
О чем, красotka современная, ты вдруг вздохнула
тяжело?

Меж домом графа Аракчеева и домом Дельвига,
барона,
как между Было и Не стало — нерукотворная черта.
Ее мы топчем упоенно, и преступаем окрыленно,
и кружимся, и кувыркаемся, и не боимся ни черта.
Прогуливаясь вдоль по набережной, предвидеть
ничего нельзя.
Как просто тросточкой помакивать, раскланиваясь
и скользя!
Но род людской в прогулке той не уберется от урона
меж домом графа Аракчеева и домом Дельвига,
барона.

1976

329. ЕЩЕ ОДИН РОМАНС

В душе моей запечатлен портрет одной прекрасной
дамы.
Ее глаза в иные дни обращены.
Там хорошо, и лишних нет, и страх не властен над
годами,
и все давно уже друг другом прощены.

Еще покуда в честь нее высокий хор поет хвалебно,
и музыканты все в парадных пиджаках.
Но с каждой нотой, Боже мой, иная музыка целебна...
И дирижер ломает палочку в руках.

Не оскорблю своей судьбы слезой поспешной
и напрасной,
но вот о чем я сокрушаюсь иногда:
ведь что мы сами, господа, в сравнение с дамой той
прекрасной,
и наша жизнь, и наши дамы, господа?

Когда воротимся мы в Портленд, мы будем кротки
как овечки,
да только в Портленд воротиться нам не придется
никогда.

Что ж, если в Портленд нет возврата, пускай несет нас
черный парус,
пусть будет крепок ром ямайский, всё остальное
ерунда.

Когда воротимся мы в Портленд, ей-богу, я во всем
покаюсь.
Да только в Портленд воротиться нам не придется
никогда.

Что ж, если в Портленд нет возврата, пускай купец
помрет со страху,
ни Бог, ни дьявол не помогут ему спасти свои суда.
Когда воротимся мы в Портленд, клянусь — я сам
взбегу на плаху.
Да только в Портленд воротиться нам не придется
никогда.

Что ж, если в Портленд нет возврата, поделим золото
как братья,
поскольку денежки чужие не достаются без труда.
Когда воротимся мы в Портленд, нас примет родина
в объятья.
Да только в Портленд воротиться не дай нам, Боже,
никогда.

332

Римская империя времени упадка
сохраняла видимость твердого порядка:
главный был на месте, соратники рядом,
жизнь была прекрасна, судя по докладам.
А критики скажут, что слово «соратник» — не римская
деталь,
что эта ошибка всю песенку смысла лишает...
Может быть, может быть, может, и не римская —
не жаль.
Мне это совсем не мешает, а даже меня возвышает.

Римляне империи времени упадка
ели, что достанут, напивались гадко,
а с похмелья каждый на рассол был падох, —
видимо, не знали, что у них упадок.
А критики скажут, что слово «рассол», мол, не римская
деталь,
что эта ошибка всю песенку смысла лишает...
Может быть, может быть, может и не римская —
не жаль.
Мне это совсем не мешает, а даже меня возвышает.

Юношам империи времени упадка
снились постоянно то скатка, то схватка,
то они в атаке, то они в окопе,
то в Афганистане, а то и в Европе.
А критики скажут, что «скатка», представьте,
не римская деталь,
что эта ошибка всю песенку смысла лишает...
Может быть, может быть, может, и не римская —
не жаль.
Мне это совсем не мешает, а даже меня возвышает.

Римлянкам империи времени упадка,
только им, красавицам, доставалось сладко —
все пути открыты перед ихним взором:
хочешь — на работу, а хочешь — на форум.
А критики хором: «Ах, форум! Ах, форум! —
вот римская деталь!»
Одно лишь словечко — а песенку как украшает!..»
Может быть, может быть, может быть, и римская —
а жаль:
мне это немного мешает и замысел мой разрушает.

Солнышко сияет, музыка играет.
Отчего ж так сердце замирает?
Там за поворотом, недурен собою,
полк гусар стоит перед толпою.
Барышни краснеют, танцы предвкушают,
кто кому достанется, решают.

Но полковник главный на гнедой кобыле
говорит: «Да что ж вы всё забыли!
Танцы были в среду, нынче воскресенье,
с четверга — война, и нет спасенья.
А на поле брани смерть гуляет всюду.
Может, не вернемся, врать не буду!..»

Барышни не верят, в кулачки смеются,
невдомек, что вправду расстаются.
Вы, мол, повоюйте, если вам охота,
да не опоздайте из похода...
Солнышко сияет, музыка играет,
отчего ж так сердце замирает?

334. СЕНТЯБРЬ

Чем дальше от Москвы, тем чище дух крестьянства,
тем голубей вода, тем ближе к небесам.
Гармоники лесной завидно постоянство,
и гармониста чуб склоняется к басам.

Мелькают пальцы в ряд, рискованно и споро,
рождается мотив в сентябрьском огне,
и синие глаза как синие озера...
Но бремя тяжких дум на их песчаном дне.

Как сладко в том краю, чужих невзгод не зная.
Чем ближе к небесам — тем ненаглядней твердь.
И плачет о своем гармоника лесная,
и на ее слезу попробуй не ответь.

335. ДЕРЖАВИН

Запах столетнего меда,
слова и золота вязь...
Оды державинской мода
снова в цене поднялась.

Сколько ценителей тонких,
сколько приподнятых крыл!..
Видишь, как зреет в потомках
имя твое, Гавриил?

Будто под светом вечерним
встало оно из земли...
Вот ведь и книжные черви
справиться с ним не смогли.

Стоит на миг оглянуться,
встретиться взглядом с тобой —
слышно: поэты клянутся
кровью твоей голубой.

Мнил я уже обреченным
утлый огарок свечи...
Золото резче на черном.
Музыка звонче в ночи.

Гуще толпа у порога,
тверже под ними земля...
Нет, их не так уж и много.
Да ведь и всё от нуля.

336

Шарманка старая крутилась,
катилось жизни колесо.
Я пил вино за вашу милость
и за минувшее за всё.

За то, что в прошлом не случилось
на бранном поле помереть,
а что разбилось — то разбилось,
зачем осколками звенеть?

Шарманщик был в пальто потертом,
он где-то в музыке витал.
Моим ладоням, к вам простертым,
значенья он не придавал.

Я вас любил, но клялся прошлым,
а он шарманку обнимал,
моим словам, земным и пошлым,
с тоской рассеянной внимал.

Текла та песня как дорога,
последних лет не торопя.
Все звуки были в ней от Бога —
ни жалкой нотки от себя.

Но падали слова убого,
живую музыку губя:
там было лишь одно от Бога,
всё остальное — от себя.

337

Давайте придумаем деспота,
чтоб в душах царил он один
от возраста самого детского
и до благородных седин.

Усы ему вырастим пышные
и хищные вставим глаза,
сапожки натянем неслышные
и проголосуем все — за.

Давайте придумаем деспота,
придумаем, как захотим.
Потом будет спрашивать не с кого,
коль вместе его создадим.

И пусть он над нами куражится
и пальцем грозит из тьмы,
пока наконец не окажется,
что сами им созданы мы.

338

Стоит задремать немного,
сразу вижу Самого.
Рядом, по ранжиру строго,
собутельнички его.

Сталин трубочку раскурит —
станут листья опадать.
Сталин бровь свою нахмурит —
трем народам не бывать.

Что ничтожный тот комочек
перед ликом всей страны?
А усы в вине намочит —
все без удержу пьяны.

Вот эпоха всем эпохам!
Это ж надо — день ко дню,
пусть не сразу, пусть по крохам,
обучала нас вранью.

И летал усатый сокол,
целый мир вгоняя в дрожь.
Он народ ценил высоко,
да людей не ставил в грош.

Нет, ребята, вы не правы
в объяснение прошлых драм,
будто он для нашей славы
нас гонял по лагерям.

С его именем ходили
(это правда) на врага,
но ведь и друг дружку били
(если правда дорога).

А дороги чем мостили?
А за всё платили чем?
Слишком быстро всё простили,
позабыли между тем...

Нет, ребята, хоть упрямы
демонстрации любви,
но следы минувшей драмы
всё равно у нас в крови.

Чем история богата,
тем и весь народ богат...
Нет, вы знаете, ребята,
Сталин очень виноват.

Убили моего отца
ни за понюшку табака.
Всего лишь капелька свинца —
зато как рана глубока!

Он не успел, не закричал,
лишь выстрел треснул в тишине.
Давно тот выстрел отзвучал,
но рана та еще во мне.

Как эстафету прежних дней
сквозь эти дни ее несу.
Наверно, и подохну с ней,
как с трехлинейкой на весу.

А тот, что выстрелил в него,
готовый заново пальнуть,
он из подвала своего
домой поехал отдохнуть.

И он вошел к себе домой
пить водку и ласкать детей,
он — соотечественник мой
и брат по племени людей.

И уж который год подряд,
презревши боль былых утрат,
друг друга братьями зовем
и с ним в обнимку мы живем.

340

Не слишком-то изыскан вид за окнами,
пропитан гарью и гнилой водой.
Вот город, где отца моего кокнули.
Стрелок тогда был слишком молодой.

Он был обучен и собой доволен.
Над жертвою в сомненьях не кружил.
И если не убит был алкоголем,
то, стало быть, до старости дожил.

И вот теперь на отдыхе почетном
внучат лелеет и с женой в ладу.
Прогулки совершает шагом четким
и вывески читает на ходу.

То в парке, то на рынке, то в трамвае
как равноправный дышит за спиной.
И зла ему никто не поминает,
и даже не обходят стороной.

Иные времена, иные лица.
И он со всеми как навеки слит.
И у него в бумажнике — убийца
пригрелся и усами шевелит.

И, на тесемках пестрых повисая,
гитары чьи-то в полночи бренчат,
а он всё смотрит, смотрит не мигая
на круглые затылочки внучат.

341

Как время беспощадно,
дела его и свет.
Ну я умру, ну ладно —
с меня и спросу нет.

А тот, что с нежным пухом
над верхнею губой,
с еще нетвердым духом,
разбуженный трубой, —

какой счастливой схваткой
разбужен он теперь,
подкованною пяткой
захлопывая дверь?

Под звуки духовые
не ведая о том,
как сладко всё впервые,
как горько всё потом...

342. ПРОВОДЫ У ВОЕНКОМАТА

Б. Бургеру

Вот оркестр духовой. Звук медовый.
И пронзителен он так, что — ах...
Вот и я, молодой и бедовый,
с черным чубчиком, с болью в глазах.

Машут ручки нелепо и споро,
крики скорбные тянутся вслед,
и безумцем из черного хора
нарисован грядущий сюжет.

Жизнь музыкой бравурной объята —
всё о том, что судьба пополам,
и о том, что не будет возврата
ни к любви и ни к прочим делам.

Раскаляются медные трубы —
превращаются в пламя и дым.
И в улыбке растянуты губы,
чтоб запомнился я молодым.

343. ИЗ ФРОНТОВОГО ДНЕВНИКА

В этом поле осколки как розги
по ногам атакующих бьют.
И колючие ржавые розы
в этом поле со звоном цветут.

И идет, не пристроившись к строю,
и задумчиво тычется в пыль
днем и ночью, верста за верстою
рядовой одноногий Костыль.

У полковника Смерти ошибки:
недостача убитых в гробах —
у солдат неземные улыбки
расцветают на пыльных губах.

Скоро-скоро случится такое:
уцелевший средь боя от ран,
вдруг запросит любви и покоя
удалой капитан Барaban.

И, не зная, куда и откуда,
он пойдет, как ослепший на свет...
«Неужели вы верите в чудо?!» —
поперхнется поручик Кларнет.

Прав ли он, тот Кларнет изумленный,
возвышая свой голос живой
над годами уже не зеленой,
похоронной, сожженной травой?

Прав ли он, усомнившись в покое,
разрушая надежду окрест?..
Он, бывало, кричал не такое
под какой-нибудь венский оркестр.

Мы еще его вспомним, наверно,
где-то рядом с войною самой,
как он пел откровенно и нервно...
Если сами вернемся домой.

Мы еще его вспомним-помянем,
как передний рубеж и обоз...
Если сами до света дотянем,
не останемся здесь, среди роз.

344

У Спаса на Кружке забыто наше детство.
Что видится теперь в раскрытое окно?
Всё меньше мест в Москве, где можно нам погреться,
всё больше мест в Москве, где пусто и темно.

Мечтали зло унять и новый мир построить,
построить новый мир, иную жизнь начать.
Всё меньше мест в Москве, где есть о чем поспорить,
всё больше мест в Москве, где есть о чем молчать.

Куда-то всё спешит надменная столица,
с которою давно мы перешли на «вы»...
Всё меньше мест в Москве, где помнят наши лица,
всё больше мест в Москве, где и без нас правы.

345

Чувствую: пора прощаться.
Всё решительно к тому.
Не угодно ль вам собраться
у меня, в моем дому?

Будут ужин, и гитара,
и слова под старину.
Я вам буду за швейцара —
ваши шубы отряхну.

И, за ваш уют радея,
как у нас теперь в ходу,
я вам буду за лакея
и за повара сойду.

Приходите, что вам стоит!
Путь к дверям не занесен.
Оля в холле стол накроет
на четырнадцать персон.

Ни о чем не пожалеем,
и, с бокалом на весу,
я последний раз хореем
тост за вас произнесу.

Нет, не то чтоб перед светом
буйну голову сложу...
Просто, может, и поэтом
вам при этом послужу.

Был наш путь не слишком гладок.
Будет горек черный час...
Дух прозренья и загадок
пусть сопровождает нас.

346

Ф. Искандеру

Быстро молодость проходит, дни счастливые крадет.
Что назначено судьбою — обязательно случится:
то ли самое прекрасное в окошко постучится,
то ли самое напрасное в объяття упадет.

Так не делайте ж запасов из любви и доброты
и про черный день грядущий не копите милосердьё:
пропадет ни за понюшку ваше горькое усердьё,
лягут ранние морщины от напрасной суеты.

Жаль, что молодость мелькнула, жаль, что старость
коротка.
Всё теперь как на ладони: лоб в поту, душа в ушибах...
Но зато уже не будет ни загадок, ни ошибок —
только ровная дорога до последнего звонка.

«Я маленький, горло в ангине...»
 (Так Дезик однажды писал.)
 На окнах полуночный иней,
 и сон почему-то пропал.

Метался Ордынкой январской
 неведомый мне человек,
 наверно, с надеждой гусарской
 на стол, на тепло и ночлег.

С надеждой на свет и на место,
 с улуйскою розой в руках,
 кидался в подъезд из подъезда,
 сличал номера на домах.

Не с тем, чтобы жизнь перестроить,
 а лишь обогреться душой
 и розу хотя бы пристроить
 в надежной ладони чужой.

Фортуна средь мрака и снега
 не очень-то доброй была:
 то стол без тепла и ночлега,
 то мрак без стола и тепла,
 то свет без еды и кровати,
 то вовсе тепло не тепло...

Тот адрес загадочный, кстати,
 какое сболтнуло трепло?
 Все спали, один без другого
 не мысля себя на веку,
 не слыша, что кто-то без крова
 в январском стораает снегу.

А может, не спали — бледнели,
 в потемках густых затаясь,
 как будто к январской метели
 лицом обернуться страшась.

Полночную тьму разрежало
 неистойвой трелью звонков.
 Там кожа с ладоней слезала,
 коснувшись промерзших замков.

И что-то меня подымало,
сжигало, ломало всего.
Я думал: а вдруг это мама?..
Но роза в руке — для чего?

Мне слышались долгие звуки,
но я не сбегал во дворы...
И кровоточат мои руки
с той самой январской поры.

348

Оркестр играет боевые марши,
старается ни свет и ни заря.
Не лейте слез, родимые мамыши,
на крылья наши слез не лейте зря!

В пророчества их горькие не веря,
мы ждали той минуты золотой,
чтоб с птицы зла попадали перья,
когда оркестр ударит духовой.

Какие нас морочили обманы!
Какие пули жалили во мгле!
А сами мы, юны и безымянны,
за что потом покоились в земле?

А всё ведь та музыка удалая,
мелодии знакомой благодать
послышится, свиданье отдаляя,
сближая с тем, чего не миновать.

И свистнут пули будто бы впервые,
и выйдет смерть и поглядит в глаза...
А там — опять оркестры духовые
смешают труб и меди голоса.

349

Кириллу Померанцеву

Как хорошо, что Зворыкин уехал
и телевиденье там изобрел!
Если бы он из страны не уехал,
он бы, как все, на Голгофу взошел.

И не сидели бы мы у экранов,
и не пытались бы время понять,
и откровения прежних обманов
были бы нам недоступны опять.

Как хорошо, что уехал Набоков,
тайны разлуки ни с кем не деля.
Как пофартило! А скольких пророков
не защитила родная земля!

Был этот фарт ну не очень-то сладок.
Как ни старалась беда за двоих,
всё же не выпали в мутный осадок
тернии их и прозрения их.

Как хорошо, что в прозрении трудном
наши глаза застилают слеза!
Даже и я, брат, в моем неуютном
благополучии зрю небеса.

Что же еще остается нам, кроме
этих, еще не разбитых оков?
Впрочем, платить своей болью и кровью —
это ль не жребий во веки веков?

350

В. Войновичу

О, фантазии на темы
торжества добра над злом!
В рамках солнечной системы
вы отправлены на слом.

Торжествует эта свалка
и грохочет, как прибор...
Мне фантазий тех не жалко —
я грущу о нас с тобой.

351

С каждым часом мы старше
от беды и от любви.
Хочешь жить — живи скорее,
а не хочешь — не живи.

Не кори меня, Настасья,
долгих счетов не своди.
С тем, что было, я расстался,
а что будет — впереди.

Николай нальет,
Михаил пригубит.
Кто совсем не пьет —
тот себя погубит.

Кто там робкий, кто там пылкий —
всё равно стезя одна.
Не молись, дурак, бутылке —
просто пей ее до дна!

Не для праздного безделья
нас фортуна призвала...
Дай Бог легкого похмелья
после трудного стола!

Николай нальет...

Бог простит, беда научит,
судьба с жизнью разлучит.
Кто что стоит, то получит,
а не стоит — пусть молчит.

Наша жизнь — ромашка в поле,
Пока ветер не сорвет...
Дай Бог воли! Дай Бог воли!
Остальное заживет.

Николай нальет...

352

Красный снегирь на июньском суку —
шарфик на горлышке.
Перемолоть соберусь на муку
хлебные зернышки.

И из муки, из крупитчатой той,
выпеку, сделаю
крефель крылатый, батон золотой,
булочку белую.

Или похвастаюсь перед тобой
долею тяжкою:
потом и болью, соленой судьбой,
горькой черняшкою.

А уж потом погляжу между строк
(так, от безделия),
как они лягут тебе на зубок,
эти изделия.

353

В. Некрасову

Мы стоим с тобой в обнимку возле Сены,
как статисты в глубине парижской сцены,
очень скромно, натурально, без прикрас...
Что-то вечное проходит мимо нас.

Расставались мы где надо и не надо —
на вокзалах и в окопах Сталинграда,
на минутку и навеки, и не раз...
Что-то вечное проходит мимо нас.

354

Впереди идет сержант.
На груди — лиловый бант.
А в глазах его печальных — и надежда и талант.

Он не любит воевать.
Он не хочет убивать.
Он ничьи не может жизни у природы воровать.

А за ним идет солдат
не высок, не бородат.
Он такому командиру и признателен и рад.

У него в дому жена.
Не нужна ему война.
А уж если разобраться, то кому она нужна?

Впрочем, эти двое — сон
в обрамлении погон,
исключение из правил, а не норма, не закон.

Ведь у прочих всё не так:
все — вояки из вояк,
а с вояками такими уцелеть нельзя никак.

355

Вот король уехал на войну. Он Москву покинул.
Иль не ту он карту подобрал, из колоды вынул?
Как же без него теперь Москва, сам он без Москвы?!
Ни из сердца не идет она, ни из головы.

А какую видится она из окна теплушки?
Тишина на улочках ее, на западе — пушки.
Распахнулась скорбная тетрадь, а запад в огне.
Дворник у парадного крыльца, словно свет в окне.

До чего ж кровавая война! Нет ее кровавей.
Но, покуда он бежит, хрипя о своей державе,
перед ним — лишь мамины глаза, да судьба его,
дворик детства, крашенная дверь... Больше ничего.

356

Понедельник, после вторник,
Среда тоже...
Тот начальник, этот дворник —
рожа к роже.

Четверг, пятница, суббота,
воскресенье...
Кому честь, кому работа,
мне спасенье.

Кликну мальчиков с Арбата,
что живые.
Они все свои ребята
золотые.

Пойдем к Зине, пойдем к Саше,
пойдем к Насте...
Это барышни все наши —
с ними счастье.

357

Часики бьют так задумчиво,
медленно, не торопясь.
И в ожидании лучшего
жилка на лбу напряглась,
хоть понимаю, естественно,
счастья желая себе:
сложится всё соответственно
вере, слезам и судьбе.

358

Я горой за сюжетную прозу,
за красотку, что высадит розу
под окошком, у самых дверей.
Она холит ее, поливает,
поливает, как будто справляет
день рождения розы своей.

Распускается каждая ветка.
А потом появляется некто
неизвестно зачем, почему.
Выбрав время, и место, и позу,
наша барышня красную розу,
розу красную дарит ему.

Дверь распахнута. Пропасть разверста.
Всё там есть, и всему там есть место:
и любви, и войне, и суме...
И бушует житейское море,
и спасается кто-то от горя,
но стреляется кто-то во тьме.

К сожалению, всё отцветает.
Наша жизнь — она тоже ведь тает
и всегда невпопад, как на грех.

Даже если решение не близко,
всё зависит от степени риска,
от таланта зависит успех.

Не ищите сюжеты в комодке,
а ищите сюжеты в природе.
Без сюжета ведь прозы-то нет.
Да, бывает, что всё — под рукою:
и идеи, и мысли — рекою,
даже деньги... Но нужен сюжет.

359

Я живу в ожидании краха,
унижений и всяких утрат.
Я, рожденный в империи страха,
даже празднествам светлым не рад.

Всё кончается на полуслове
раз, наверно, по сорок на дню...
Я, рожденный в империи крови,
и своей-то уже не ценю.

360

Канадский берег под моим крылом.
Мое крыло над берегом нависло.
Арбат — мой дом, но и весь мир — мой дом...
Всё остальное не имеет смысла.

361

Сталин Пушкина листал,
суть его понять старался,
но магический кристалл
непрозрачным оставался.

Что увидишь сквозь него
даже острым глазом горца?
Тьму — и больше ничего,
но не душу стихотворца.

Чем он покорял народ,
если тот из тьмы и света
гимны светлые поет
в честь погибшего поэта?

Да, скрипя своим пером,
чем он потрафлял народу?
Тем, что воспевал свободу?..
Но, обласканный царем,
слыш оппозиционером,
был для юношей примером
и погиб в тридцать седьмом!

Снова этот год проклятый,
ставший символом уже!
Был бы, скажем, тридцать пятый —
было б легче на душе.

Может, он — шпион английский,
если с Байроном дружил?
Находил усладу в риске —
вот и голову сложил...

Впрочем, может, был агентом
эфиопского царя?..
Жил, писал о том и этом,
эпиграммами соря...

Над Москвой висела полночь,
стыла узкая кровать.
Но Иосиф Виссарьоныч
не ложился почивать.

Всё он мог: и то, и это,
расстрелять, загнать в тюрьму,
только вольный дух поэта
неподвластен был ему.

Он в загадках заблудился
так, что тошно самому...
И тогда распорядился
вызвать Берия к нему.

362. ПОМИНАЛЬНАЯ

Наша память бессильна уйти от потерь,
всё с фонариком бродит в былом.
Даже в праздничный день
чья-то тихая тень
вместе с нами сидит за столом.

Блиндажи той войны все травой заросли.
Тишина, и поют соловьи.
Не слова, не молва эту землю спасли,
а открытые раны твои.

Я счастливых живых в майский день созову.
Хоть тогда под огнем ножевым
не склоняли голов, но склоните главу
перед братом погибшим своим.

Сколько лет, сколько зим, как умолкла война!
Сколько слез утекло, сколько рек...
Мы в те годы с тобою прощались сполна,
чтоб уже не прощаться вовек.

<1980>

363

Летняя бабочка вдруг закружилась над лампой
каждому хочется ввысь вознестись над фортуной
полночной:
непрочной.

Летняя бабочка вдруг пожелала ожить в декабре,
не разглагольствуя, не помышляя о Зле и Добре.

Может быть, это не бабочка вовсе, а ангел небесный
кружит и кружит по комнате тесной с надеждой
чудесной:

разве случайно его пребывание в нашей глуши,
если мне видятся в нем очертания вашей души?

Этой порою в Салослове — стужа, и снег, и метели.
Я к вам в письме пошутил, что, быть может, мы зря
не взлетели:
нам, одуревшим от всяких утрат и от всяких торжеств,
самое время использовать опыт крылатых существ.

Нас, тонконогих, и нас, длинношеих, нелепых,
очкастых,
терпят еще и возносят еще при свиданьях нечастых.
Не потому ли, что нам удалось заработать горбом
точные знания о расстоянье меж Злом и Добром?

И оттого нам теперь ни к чему вычисления эти.
Будем надеяться снова увидеться в будущем лете:
будто лишь там наша жизнь так загадочно не убывает...
Впрочем, вот ангел над лампой летает... Чего не бывает?

1980

364. О ВОЛОДЕ ВЫСОЦКОМ

Марине Владимировне Поляковой

О Володе Высоцком я песню придумать решил:
вот еще одному не вернуться домой из похода.
Говорят, что грешил, что не к сроку свечу затушил...
Как умел, так и жил, а безгрешных не знает природа.

Ненадолго разлука, всего лишь на миг, а потом
отправляться и нам по следам по его по горячим.
Пусть кружит над Москвою охрипший его баритон,
ну а мы вместе с ним посмеемся и вместе поплачем.

О Володе Высоцком я песню придумать хотел,
но дрожала рука и мотив со стихом не сходился...
Белый аист московский на белое небо взлетел,
черный аист московский на черную землю спустился.

1980

365. АРБАТСКОЕ ВДОХНОВЕНИЕ,
ИЛИ ВОСПОМИНАНИЯ О ДЕТСТВЕ

Посвящаю Алтону

Упрямо я твержу с давнишних пор:
меня воспитывал арбатский двор,
всё в нем, от подлого до золотого.
А если иногда я кружева
накручиваю на свои слова,
так это от любви. Что в том дурного?

На фоне непросохшего белья
руины человеческого жилья,
крутые плечи дворника Алима...
В Дорогомилово из тьмы Кремля,
усы прокуренные шевеля,
мой соплеменник пролетает мимо.

Он маленький, невыттый и рябой
и выглядит растерянным и пьющим,
но суть его — пространство и разбой
в кровавой драке прошлого с грядущим.
Его клеветы топчутся в крови...
Так где же почва для твоей любви? —
вы спросите с сомнением, вам присущим.

Что мне сказать? Я только лишь пророс.
Еще далече до военных гроз.
Еще загадкой манит подворотня.
Еще я жизнь сверяю по двору
и не подозреваю, что умру,
как в том не сомневаюсь я сегодня.

Что мне сказать? Еще люблю свой двор,
его убогость, и его простор,
и аромат грошового обеда.
И лну душой к заветному Кремлю,
и усача кремлевского люблю,
и самого себя люблю за это.

Он там сидит, изогнутый в дугу,
и глину разминает на кругу,
и проволочку тянет для основы.

Он лепит, обстоятелен и тих,
меня, надежды, сверстников моих,
отечество... И мы на всё готовы.

Что мне сказать? На всё готов я был.
Мой страшный век меня почти добил,
но речь не обо мне — она о сыне.
И этот век не менее жесток,
а между тем насмешлив мой сынок:
его не облапошить на мякине.

Еще он, правда, тоже хил и слаб,
но он страдалец, а не гордый раб,
небезопасен и небезоружен...
А глина ведь не вечный матерьял,
и то, что я когда-то потерял,
он в воздухе арбатском обнаружил.

1980

366. ПАМЯТИ ЛЬВА ГИНЗБУРГА

Жил, пел, дышал и сочинял,
стихам был предан очень.
Он ничего не начинал,
всё так и не закончил.

Жил, пел, ходил, дышал, как все,
покуда время длилось
в своей изменчивой красе...
Потом остановилось.

Как поглядеть со стороны:
пуста тщета усилий.
Но голоса чужой страны
он оживил в России.

Никто не знает, что нужней,
да и поймет едва ли...
Но становились мы нежней,
и раны зарастали.

Никто не знает, чьей вины
пожаром нас душило...
А может, не было войны?
Будь проклято, что было!

1980

367

Ю. Карякину

Ну что, генералиссимус прекрасный,
потомки, говоришь, к тебе пристрастны?
Их не утомонить, не упросить...
Одни тебя мордуют и поносят,
другие всё малюют, и возносят,
и молятся, и жаждут воскресить.

Ну что, генералиссимус прекрасный?
Лежишь в земле на площади на Красной...
Уж не от крови ль красная она,
которую ты пригоршнями пролил,
пока свои усы блаженно холил,
Москву обзревая из окна?

Ну что, генералиссимус прекрасный?
Твои клешни сегодня безопасны —
опасен силуэт твой с низким лбом.
Я счета не веду былым потерям,
но, пусть в своем возмездье и умерен,
я не прощаю, помня о былом.

1981

368

Всему времечко свое: лить дождю, Земле вращаться,
знать, где первое прозренье, где последняя черта...
Началась вдруг война — не успели попрощаться,
адресами обменяться не успели ни черта.

Где встречались мы потом? Где нам выпала прописка?
Где сходились наши души, воротясь с передовой?

386

На поверхности ль земли? Под пятой ли обелиска?
В гастрономе ли арбатском? В черной туче ль
грозовой?

Всяк неправедный урок впрок затвержен и заучен,
ибо праведных уроков не бывает. Прах и тлен.
Руку на сердце кладя, разве был я невезучим?
А вот надо ж, сердце стынет в ожиданье перемен.

Гордых гимнов, видит Бог, я не пел окопной каше.
От разлук не зарекаюсь и фортуны не кляню...
Но на мягкое плечо, на вечернее, на ваше,
если вы не возражаете, я голову склоню.

1982

369. ПОЛДЕНЬ В ДЕРЕВНЕ

(Поэма)

Вл. Соколову

1

У дороги карета застыла.
Изогнулся у дверцы лакей.
За дорогой не то чтоб пустыня —
но пейзаж без домов и людей.
Знатный баловень сходит с подножки,
просто так, подышать тишиной.
Фрак малиновый, пряжки, застежки
и платочек в руке кружевной.

2

У оврага кузнечик сгорает,
рифмы шепчет, амброзию пьет
и худым локотком утирает
вдохновенья серебряный пот.
Перед ним — человек во фраке
на природу глядит свысока
и журчанием влаги в овраге
снисходительно дышит пока.

Ах, кузнечик, безумный и сырый
что ему твои рифмы и лиры,
строк твоих и напевов тщета?
Он иной, и иные кумиры
перед ним отворяют врата.
Он с природою слиться не хочет...
Но, назойлив и неутомим,
незнакомый ему молоточек
монотонно стрекочет пред ним.

3

Вдруг он вздрогнул. Надменные брови
вознеслись неизвестно с чего,
и гудение собственной крови
докатилось до слуха его.

Показалось смешным всё, что было,
еле видимым сквозь дерева.
Отголоски житейского пира
в этот мир пробивались едва.
Что-то к горлу его подступило:
то ли слезы, а то ли слова...

Скинул фрак. Закатал рукава...
На платке оборвал кружева...

То ли клятвы, а то ли признанья
завучали в его голове...

4

И шагнул он, срывая дыханье
спотыкаясь о струны в траве,
закружился, цветы приминяя,
пятерней шевелюру трепля,
рифмы пробуя, лиру ломая
и за ближнего небо моля.
Он не то чтобы к славе стремился —
просто жил, искушая судьбу...
И серебряный пот заструился
по его невеликому лбу.

Ручка белая к небу воздета.
В глазках карих — ни зла, ни обид...
Заждалась у дороги карета,
и лакей на припеке храпит.

1982

370. ДОРОЖНАЯ ПЕСНЯ

Еще он не шит, твой наряд подвснечный,
и хор в нашу честь не споеет...
А время торопит — возница беспечный, —
и просятся кони в полет.

Ах, только бы тройка не сбилась бы с крута,
не смолк бубенец под дугой...
Две вечных подруги — любовь и разлука —
не ходят одна без другой.

Мы сами раскрыли ворота, мы сами
счастливую тройку впрягли,
и вот уже что-то сияет пред нами,
но что-то погасло вдали.

Святая наука — расслышать друг друга
сквозь ветер, на все времена...
Две странницы вечных — любовь и разлука —
поделятся с нами сполна.

Чем дальше живем мы, тем годы короче,
тем слаще друзей голоса.
Ах, только б не смолк под дугой колокольчик,
глаза бы глядели в глаза.

То берег — то море, то солнце — то вьюга,
то ангелы — то воронье...
Две вечных дороги — любовь и разлука —
проходят сквозь сердце мое.

1982

Глас трубы над городами,
под который, так слабы,
и бежали мы рядами,
и лежали как снопы.

Сочетанье разных кнопок,
клавиш, клапанов, красот;
даже взрыв, как белый хлопок,
безопасным предстает.

Сочетанье ноты краткой
с нотой долгою одной —
вот и всё, и с вечной сладкой
жизнью кончено земной.

Что же делать с той трубою,
говорящей не за страх
с нами, как с самой собою,
в доверительных тонах?

С позолоченной под колос,
с подрумяненной под медь?..
Той трубы счастливый голос
всех зовет на жизнь и смерть.

И не первый, не последний,
а спешу за ней, как в бой,
я — пятидесятилетний,
искушенный и слепой.

Как с ней быть? Куда укрыться,
чуя гибель впереди?..
Отвернуться?
Притвориться?
Или вырвать из круди?..

1982

Всё кончается неумолимо.
Миг последний печален и прост.
Как я буду без вас в этом мире,
протяженном на тысячи верст,
где всё те же дома и деревья,
и метро, и в асфальте трава,
но иные какие-то лица,
и до вас достучишься едва?

В час, когда распускаются розы,
так остры обонянье и взгляд,
и забытые мной силуэты
в земляничных дворах шелестят,
и уже по-иному крылато
всё, что было когда-то грешно,
и спастись от вечной разлуки
унизительно мне и смешно.

Я унижен тобою, разлука,
и в изменника сан возведен,
и уже укоризны поспели
и слетаются с разных сторон,
что лиловым пером заграничным,
к меловым прикасаясь листам,
я тоскую, и плачу, и грежу
по святым по арбатским местам.

Да, лиловым пером из Риеки
по бумаге веду меловой,
лиловеет души отраженье —
этот оттиск ее белой,
эти самые нежность и робость,
эти самые горечь и свет,
из которых мы вышли, возникли.
Сочинились...
И выхода нет.

Ч. Амирэджоби

Я выселен с Арбата, арбатский эмигрант.
В Безбожном переулке хиреет мой талант.
Вокруг чужие лица, безвестные места.
Хоть сауна напротив, да фауна не та.

Я выселен с Арбата и прошлого лишен,
и лик мой чужеземцам не страшен, а смешон.
Я выдворен, затерян среди чужих судеб,
и горек мне мой сладкий, мой эмигрантский хлеб.

Без паспорта и визы, лишь с розою в руке
слоняюсь вдоль незримой границы на замке
и в те, когда-то мною обжитые края
всё всматриваюсь, всматриваюсь, всматриваюсь я.

Там те же тротуары, деревья и дворы,
но речи несердечны и холодны пиры.
Там так же польхают густые краски зим,
но ходят оккупанты в мой зоомагазин.

Хозяйская походка, надменные уста...
Ах, флора там всё та же, да фауна не та...
Я эмигрант с Арбата. Живу, свой крест неся...
Заледенела роза и облетела вся.

1982

373. НАСТОЛЬНЫЕ ЛАМПЫ

Арсению Тарковскому

Обожаю настольные лампы,
угловатые, прошлых времен.
Как они свои круглые лапы
умещают средь книг и тетрадей,
под ажурную сенью знамен,
возвышаясь не почестей ради,
как гусары на райском параде
от рождения до похорон!

Обожаю на них абажуры,
кружевные, неярких тонов,
нестареющие их фигуры
и немного надменные позы.
И путем, что, как видно, не нов,
ухожу от сегодняшней прозы
и уже настоящие слезы
проливать по героям готов

Укрощает настольные лампы
лишь всесильного утра река.
Исчезает, как лиры и латы,
вдохновенье полночной отваги.
Лишь вздымают крутые бока
аккуратные груды бумаги,
по которым знакомые знаки
равнодушно выводит рука.

Свет, растекшийся под абажуром,
вновь рождает надежду и раж,
как приветствие сумеркам хмурым,
как подобье внезапной улыбки...
Потому что чего не отдашь
за полуночный замысел зыбкий,
за отчаяние, и ошибки,
и победы — всего лишь мираж?

1982

374. НАДПИСЬ НА КАМНЕ

*Посвящается учащимся
33-й московской школы,
придумавшим слово
«арбатство»*

Пускай моя любовь как мир стара, —
лишь ей одной служил и доверялся
я — дворянин с арбатского двора,
своим двором введенный во дворянство.

За праведность и преданность двору
пожалован я кровью голубою.
Когда его не станет — я умру,
пока он есть — я властен над судьбою.

Молва за гробом чище серебра
и вслед звучит музы́кою прекрасной...
Но не спеши, фортуна, будь добра,
не выпускай моей руки несчастной.

Не плачь, Мария, радуйся, живи,
по-прежнему встречай гостей у входа...
Арбатство, растворенное в крови,
неистребимо, как сама природа.

Когда кирка, бульдозер и топор
сподобятся к Арбату подобраться
и правнуки забудут слово «двор» —
согрей нас всех и собери, арбатство.

1982

375. ПРОГУЛКИ ФРАЙЕРОВ*

Оле

По прихоти судьбы — Разносчицы даров —
в прекрасный день мне откровенья были.
Я написал роман «Прогулки фрайеров»,
и фрайера меня благодарили.

Они сидят в кружок, как пред огнем святым,
забытое людьми и богом племя,
каких-то горьких дум их овевает дым,
и приговор нашептывает время.

Они сидят в кружок под низким потолком.
Освистаны их речи и манеры.
Но вечные стихи затвержены тайком,
и сундучок сколочен из фанеры.

Наверно, есть резон в исписанных листах,
в затверженных местах и в горстке пепла...
О, как сидят они с улыбкой на устах,
прислушиваясь к выкрикам из пекла!

---

* В буквальном переводе с немецкого: **франт**, жених, а в обыденном смысле — мнение люмпена об интеллигенте (*Примеч. авт.*).

Пока не замело следы на их крыльце
и ложь не посмеялась над судьбою,
я написал роман о них, но в их лице
о нас: ведь всё, мой друг, о нас с тобою.

Когда в прекрасный день Разносчица даров
вошла в мой тесный двор, бродя дворами,
я мог бы написать, себя переборов,
«Прогулки маляров», «Прогулки поваров»...
Но по пути мне вышло с фрайерами.

1982

376. АВТОПАРОДИЯ НА НЕСУЩЕСТВУЮЩИЕ СТИХИ

А. Иванову

Мы убили комара. Не в бою, не на охоте,
а в домашней обстановке, в будний вечер. Видит бог,
мы не крадучись его, а когда он был в полете...
Мы его предупреджали — он советом пренебрег.

Незадолго перед тем дождь пошел осенний, мелкий.
За стеной сосед бранился. Почему-то свет мигал.
Дребезжал трамвай.

В шкафу глухо звякали тарелки.
Диктор телевизионный катастрофами пугал.

Расхотелось говорить. Что-то вспомнилось дурное,
так, какая-то нелепость, горечи давнишний след...
В довершенье ко всему меж окошком и стеною
вдруг возник как дуновенье комариный силуэт.

Мы убили комара.

Кто-то крикнул: «Нет покоя!
Неужели эта мерзость залетела со двора!..
Здесь село или Москва?..».

И несметною толпою
навалились, смяли...

В общем, мы убили комара.

Мы убили комара. Он погиб в неравной схватке —
корень наших злоключений, наш нарушивший покой...
На ладони у меня он лежал, поджавши лапки,
по одежке — деревенский, по повадкам — городской.

Мы убили комара.

За окошком колкий, мелкий,
долгий дождичек осенний затянуться обещал.
Дребезжал трамвай.

В шкафу глухо звякали тарелки.
Диктор телевизионный что-то мрачное вещал.

1982

377

Ю. Давыгову

Нужны ли гусару сомненья,
их горький и въедливый дым,
когда он в доспехах с рожденья
и слава всегда перед ним?

И в самом начале сраженья,
и после, в пылу, и потом
нужны ли гусару сомненья
в содеянном, в этом и в том?

Покуда он легок, как птица,
пока он горяч и в седле,
врагу от него не укрыться:
нет места двоим на земле.

И что ему в это мгновенье,
когда позади — ничего,
потомков хула иль прощенье?
Они не застанут его.

Он только пришел из похода,
но долг призывает опять.
И это, наверно, природа,
которую нам не понять.

...Ну ладно. Враги перебиты,
а сам он дожил до седин
и, клетчатым пледом прикрытый,
рассеянно смотрит в камин.

Нужны ли гусару сомненья,
хотя бы в последние дни,
когда, огибая поленья,
в трубе исчезают они?

1982

378. ПАРИЖСКАЯ ФАНТАЗИЯ

Т. Кулымановой

У парижского спаниеля лик французского короля,
не погибшего на эшафоте, а достигшего славы и лени:
набекрень паричок рыжеватый, милосердие в каждом
движенье,
а в глазах, голубых и счастливых, отражаются жизнь
и земля.

На бульваре Распай, как обычно, господин Доминик
у руля.
И в его рестораничке тесном заправляют полдневные
тени,
петербургскою ветхой салфеткой прикрывая от пятен
колени,
розу красную в лацкан вонзая, скатерть белую
с хрустом стеля.

Этот полдень с отливом зеленым между нами
по горстке деля,
как стараются неутомимо Бог, Природа, Судьба,
Провиденье,
короли, спаниели, и розы, и питейные все заведенья.
Сколько прелести в этом законе! Но и грусти порой...
Voilà!

Если есть еще позднее слово, пусть замолвят его
обо мне.
Я прошу не о вечном блаженстве — о минуте
возвышенной пробы,
где возможны, конечно, утраты и отчаянье даже,
но чтобы —
милосердие в каждом движенье и красавица в каждом
окне!

1982

Как наш двор ни обижали — он в классической поре.
 С ним теперь уже не справиться, хоть он и безоружен.
 Там Володя во дворе,
 его струны в серебре,
 его пальцы золотые, голос его нужен.

Как с гитарой ни боролись — распаялся струнный
ЗВОН.

Как вино стихов ни портили — всё крепче
становилось.

Кто сначала вышел вон,
 кто потом украл вагон —
 всё теперь перемешалось, всё объединилось.

Может, кто и нынче снова хрипоте его не рад,
 может, кто намеревается подлить в стихи елея...
 Ведь и песни не горят,
 они в воздухе парят,
 чем им делают большее — тем они сильнее.

Что ж печалиться напрасно: нынче слезы лей —
не лей,

но запомним хорошенечко и повод, и причину...
 Ведь мы воспели королей
 от Таганки до Филей,
 пусть они теперь поэту воздают по чину.

1982(?)

380. МУЗЫКАНТ

И. Шварцу

Музыкант играл на скрипке — я в глаза ему глядел.
 Я не то чтоб любопытствовал — я по небу летел.
 Я не то чтобы от скуки — я надеялся понять,
 как способны эти руки эти звуки извлекать
 из какой-то деревяшки, из каких-то грубых жил,
 из какой-то там фантазии, которой он служил?

Да еще ведь надо пальцы знать, к чему прижать когда,
 чтоб во тьме не затерялась гордых звуков череда.

Да еще ведь надо в душу к нам проникнуть
и поджечь...
А чего с ней церемониться? Чего ее беречь?

Счастлив дом, где голос скрипки наставляет нас
на путь
и вселяет в нас надежды... Остальное как-нибудь.
Счастлив инструмент, прижатый к угловатому плечу,
по чьему благословению я по небу лечу.

Счастлив он, чей путь недолог, пальцы злы, смычок
остер,
музыкант, соорудивший из души моей костер.
А душа, уж это точно, ежели обожжена,
справедливей, милосерднее и праведней она.

1983

381

Собрался к маме — умерла,
к отцу хотел — а он расстрелян,
и тенью черного орла
горийского весь мир застелен.

И, измаравшись в той тени,
нажравшись выкриков победных,
вот что хочу спросить у бедных,
пока еще бедны они:

собрался к маме — умерла,
к отцу подался — застрелили...
Так что ж спросить-то позабыли,
верша великие дела:
отец и мать нужны мне были?
...В чем философия была?

1983

382. ПЕСЕНКА О МОЛОДОМ ГУСАРЕ

Грозной битвы пылают пожары,
и пора уж коней под седло.
Изготовились к схватке гусары:
их счастливое время пришло.

Впереди — командир, на нем новый мундир,
а за ним — эскадрон после зимних квартир.
А молодой гусар, в Амалию влюбленный,
он всё стоит пред ней коленопреклоненный.

Все погибли в бою. Флаг приспущен.
И земные дела не для них.
И летят они в райские кущи
на конях на крылатых своих.
Впереди — командир, на нем рваный мундир,
а за ним — тот гусар покидает сей мир.
Но чудится ему: по-прежнему влюбленный,
он всё стоит пред ней коленопреклоненный.

Вот иные столетья настали,
и несчетно воды утекло,
и давно уже нет той Амальи,
и в музее пылится седло.
Позабыт командир — дам уездных кумир.
Жаждет новых потех просвещенный наш мир...
А юный тот гусар, в Амалию влюбленный,
опять стоит пред ней коленопреклоненный.

1983 (?)

383

Под Мамонтовкой жгут костры
бродяги иль студенты...
Ах, годы детства так пестры,
как кадры киноленты!

Еще не найдена стезя
меж адом и меж раем,
и все пока в живых друзья,
и мы в войну играем.

Еще придет пора разлук
и жажда побороться.
Еще всё выпадет из рук —
лишь мелочь подберется.

Но это всё потом, потом,
когда-нибудь, быть может.
И нету сведений о том,
что Время нам предложит.

Еще придет тот главный час
с двенадцатым ударом,
когда добром помянут нас
и проклянут задаром.

Еще повеет главный час
разлукой ледяною,
когда останутся у нас
лишь крылья за спиною.

<1984>

384. УТРО

Погас на Масловке фонарь
и дремлет, остывая.
Сменил страничку календарь
под нервный вскрик трамвая.

Растаяла ночная мгла,
и утро закрубилось...
Собака в комнату вошла
с надеждою на милость.

<1984>

385. ПРИМЕТА

А. Жигулину

Если ворон в вышине,
дело, стало быть, к войне.

Чтобы не было войны,
надо ворона убить.
Чтобы ворона убить,
надо ружья зарядить.

А как станем заряжать,
всем захочется стрелять.
Ну, а как стрельба пойдет,
пуля дырочку найдет.

Ей не жалко никого,
ей попасть бы хоть в кого,
хоть в чужого, хоть в свово...
Во, и боле ничего.

Во, и боле ничего.
Во, и боле никого.
Кроме ворона того:
стрельнуть некому в него.

<1984>

386

Красотки томный взор
не повредит здоровью.
Мы бредим с юных пор:
любовь, любви, любовью.
Не правда ли, друзья,
не правда ли, друзья,
с ней, может быть, не сладко,
а без нее нельзя?

Вперед, судьба моя!
А нет — так Бог с тобою.
Не правда ли, друзья:
судьба, судьбы, судьбою?
Не правда ли, друзья,
не правда ли, друзья,
с ней, может быть, не сладко,
а без нее нельзя?

Он где-то ждет меня,
мой главный поединок.
Не правда ли, друзья,
нет жизни без поминок?

Не правда ли, друзья,
не правда ли, друзья,
жить, может быть, не сладко,
а вот не жить нельзя?!

<1984>

387

В юности матушка мне говорила,
чтоб для любви свое сердце открыла.
Видно, иные пришли времена.
Бедная, как заблуждалась она!

А у меня душа — она почти из воска:
податлива, тонка, наивна, как березка.
Душа моя щедра, но что вам от щедрот?
Никто ведь не поймет, никто ведь не поймет.
Ах, нынче женихи твердят лишь о богатстве,
костры былой любви навеки в них погасли.
И лишь один из них — сам ангел во плоти...
Но где его найти? Но где его найти?

С юности встретить мечтаю поныне
друга, поверьте мне, в каждом мужчине.
Я беззащитна пред вами стою.
Что же вы топчете душу мою?

А у меня душа — она почти из воска...

<1984>

388

Жаркий огонь полыхает в камине,
тень моя, тень на холодной стене.
Жизнь моя связана с вами отныне...
Дождик осенний, поплачь обо мне.

Сколько бы я ни бродила по свету,
тень моя, тень на холодной стене.
Нету без вас мне спокойствия, нету...
Дождик осенний, поплачь обо мне.

Все мы в руках у молвы и фортуны,
тень моя, тень на холодной стене.
Лютни уж нет, но звучат ее струны...
Дождик осенний, поплачь обо мне.

Жизнь драгоценна, да выжить непросто,
тень моя, тень на холодной стене.
Короток путь от весны до погоста...
Дождик осенний, поплачь обо мне.

<1984>

389. ПАМЯТИ БРАТА МОЕГО ГИВИ

На откосе, на обрыве
нашей жизни удалой
ты не удержался, Гиви,
стройный, добрый, молодой.

Кто толкнул тебя с откоса,
не сказав тебе «прощай»,
будто рюмочку — с подноса,
будто вправду невзначай?

Мы давно отвоевали.
Кто же справился с тобой?
Рок ли, время ли, молва ли,
вождь ли, мертвый и рябой?

Он и нынче, как ни странно —
похоронен и отпет, —
усмешается с экрана,
а тебя в помине нет.

Стих на сопках Магадана
лай сторожевых собак,
но твоя большая рана
не рубцуется никак.

И кого теперь с откоса
по ранжиру за тобой?..
Спи, мой брат беловолосый,
стройный, добрый, молодой.

1984

390. ДЕРЗОСТЬ, ИЛИ РАЗГОВОР ПЕРЕД БОЕМ

— Господин лейтенант, что это вы хмуры?

Аль не по сердцу вам наше ремесло?

— Господин генерал, вспомнились амуры — не скажу, чтобы мне с ними не везло.

— Господин лейтенант, нынче не до шашней: скоро бой предстоит, а вы всё про баб!

— Господин генерал, перед рукопашной золотые деньки вспомянуть хотя б.

— Господин лейтенант, не к добру всё это!

Мы ведь здесь для того, чтобы побеждать...

— Господин генерал, будет вам победа, да придется ли мне с вами пировать?

— На полях, лейтенант, кровию политых, расцветет, лейтенант, славы торжество...

— Господин генерал, слава для убитых, а живому нужней женщина его.

— Черт возьми, лейтенант, да что это с вами!

Где же воинский долг, ненависть к врагу?!

— Господин генерал, посудите сами:

я и рад бы приврать, да вот не могу...

— Ну гляди, лейтенант, каяться придется!

Пускай счесть с тобой трибунал сведет...

— Видно, так, генерал: чужой промахнется, а уж свой в своего всегда попадет.

1984(?)

391. ДУНАЙСКАЯ ФАНТАЗИЯ

Оле

Как бы мне сейчас хотелось в Вилкове вдруг

очутиться!

Там — каналы, там — гоңдолы, гоңдольеры.

Очутиться, позабыться, от печалей отшутиться:

ими жизнь моя отравлена без меры.

Там побеленные стены и фундаменты цветные,
а по стенам плющ клубится для оправы.
И лежат на солнцепеке безопасные, цепные,
показные, пожилые волкодавы.

Там у пристани танцуют жок, а может быть, сиртаки:
сыновей своих в солдаты провожают.
Всё надеются: сгодятся для победы, для атаки,
а не хватит — сколько надо нарожают.

Там опять для нас с тобою дебаркадер домом служит.
Мы гуляем вдоль Дуная, рыбу удим.
И объятя наши жарки, и над нами ангел кружит
и клянется нам, что счастливы мы будем.

Как бы мне сейчас хотелось очутиться в том,
вчерашнем,
быть влюбленным и не думать о спасенье,
пить вино из черных кружек, хлебом заедать
домашним,
чтоб смеялась ты и плакала со всеми.

Как бы мне сейчас хотелось ускользнуть туда,
в начало,
к тем ребятам уходящим приобщиться.
И с тобою так расстаться у дунайского причала,
чтоб была еще надежда воротиться.

24 января 1985

392. ГИМН УЮТУ

А. Пугачевой

Слава и честь самовару —
первенцу наших утех!
Но помяну и гитару —
главную даму из всех.

Вот он — хозяин уюта,
золотом светится медь.
Рядом — хозяйка, как будто
впрямь собирается спеть.

Он запыхтит, затрясется,
выбросит пар к потолку —
тотчас она отзовется
где-нибудь здесь, в уголку.

Он не жалеет водицы
в синие чашки с каймой, —
значит, пора насладиться
пеньем хозяйки самой.

Бог не обидел талантом,
да и хозяин как бог,
вторит хозяйке дискантом,
сам же глядит за порог:

там, за порогом, такое,
что не опишешь всего...
Царствуй, хозяин покоя:
праведней нет ничего.

Слава и честь самовару!
Но не забудем, о нет,
той, что дана ему в пару,
талию и силуэт.

Врут, что она увядает.
Время ее не берет.
Плачет она и сгорает,
снова из пепла встает.

Пой же, и всё тебе будет:
сахар, объяття и суд,
и проклянут тебя люди,
и до небес вознесут.

Пойте же, будет по чести
воздано вам за уют...
Вот и поют они вместе,
плачут и снова поют.

<1985>

Вот музыка та, под которую
 мне хочется плакать и петь.
 Возьмите себе оратории,
 и дробь барабанов, и медь.

Возьмите себе их в союзники
 легко, до скончания дней...
 Меня же оставьте с той музыкой:
 мы будем беседовать с ней.

<1985>

394. ПЕСЕНКА БЕЛЛЕ

Машина — это дело.
 Всё остальное — пыль.
 Вот деньги тебе, Белла:
 купи автомобиль.

Садись за руль надежный,
 дорожный мрак рассей,
 лети на крик тревожный
 спасти своих друзей.

И в том автомобиле
 объезди целый свет...
 Я дал бы тебе крылья,
 да у меня их нет.

<1985>

Поздравьте меня, дорогая: я рад, что остался в живых,
 сгорая в преддверии рая среди маршалов и рядовых,
 когда они шумной толпою, в сиянии огненных стрел,
 влекли и меня за собою... Я счастлив, что там
 не сгорел.

Их хроник, прочитанных мною, в которых — судьба
 и душа,
 где теплится пламя былое условно, почти не дыша,

являются мне не впервые, как будто из чащи густой,
то флаги любви роковые, то знаки надежды пустой,

то пепел, то кровь, а то слезы — житейская наша река.
Лишь редкие красные розы ее украшают слегка.
И так эта реченька катит, и так не устала катить,
что слез никаких и не хватит, чтоб горечь утрат
оплатить.

Судьба ли меня защитила, собою укрыв от огня!
Какая-то тайная сила всю жизнь охраняла меня.
И так всё сошлось, дорогая: наверно, я там не сгорел,
чтоб выкрикнуть здесь, догорая, про то, что другой
не успел.

<1985>

396

Я выдумал музу Иронии
для этой суровой земли.
Я дал ей владенья огромные:
пари, усмехайся, шали.

Зевеса надменные дочери,
ценя превосходство свое,
каких бы там умниц ни корчили —
не стоят гроша без нее.

<1985>

397

Я умел не обольщаться
даже в юные года.
Но когда пришлось прощаться,
и, быть может, навсегда,

тут уж не до обольщений
в эти несколько минут...
Хоть бы выпросить прощенье,
знать бы, где его дают.

Не скажу, чтоб стал слезливей
с возрастом, но всякий раз
кажется, что мог счастливей
жребий выпросить у вас.

Впрочем, средь великолепий,
нам дарованных судьбой,
знать, и вам не выпал жребий
быть счастливее со мной.

<1985>

398

Не сольются никогда зимы долгие и лета:
у них разные привычки и совсем несхожий вид:
Не случайны на земле две дороги — та и эта,
та натруживает ноги, эта душу берedit.

Эта женщина в окне в платье розового цвета
утверждает, что в разлуке невозможно жить без слез,
потому что перед ней две дороги — та и эта,
та прекрасна, но напрасна, эта, видимо, всерьез.

Хоть разбейся, хоть умри — не найти верней ответа,
и куда бы наши страсти нас с тобой ни завели,
неизменно впереди две дороги — та и эта,
без которых невозможно, как без неба и земли.

<1985>

399

Восхищенность вашим сердцем, вашим светом,
нерастроченным теплом
мне вручило провиденье этим летом,
как последний мой диплом.

Ах, не очень торопливо (не взыщите,
что пути иного нет)
я готовился к последней той защите
пять десятков с лишним лет.

Но за окнами — всё новые пейзажи
и природа уж не та!..
Всё уходит. Исчезают даже
голос ваш и красота.

Лишь трамвай, в свои пространства уползая,
в новом видится окне.
Он оставлен с тех времен как память злая
и о вас, и обо мне.

<1985>

400

Ю. Киму

Ну чем тебе потрафить, мой кузнечик?
Едва твой гимн пространства огласит,
прислушаться — он от скорбей излечит,
а вслушаться — из мертвых воскресит.

Какой струны касаешься прекрасной,
что тотчас за тобой вступает хор,
таинственный, возвышенный и страстный,
твоих зеленых братьев и сестер?

Какое чудо обещает скоро
слететь на нашу землю с высоты,
что так легко, в сопровожденье хора,
так звонко исповедуешься ты?

Ты тоже из когорты стихотворной,
из нашего бессмертного полка.
Кричи и плачь. Авось твой труд упорный
потомки не оценят свысока.

Поэту настоящему спасибо,
руке его, безумию его
и голосу, когда, взлетев до хрипа,
он неба достигает своего.

<1985>

401. МОЙ ПОЧТАЛЬОН

Всяк почтальон в этом мире, что общеизвестно,
корреспонденцию носит и в двери стучит.
Мой почтальон из другого какого-то теста:
писем ко мне не приносит, а только молчит.

Топчется в темной прихожей в молчании строгом,
круг оттоптал на пороге у самых дверей.
Радостный день и объятия там, за порогом,
горестный мрак и утрата в пещере моей.

Мой почтальон презирует меня и боится,
жаждет скорей от меня отбойриться, плут.
Там, за порогом, мелькают счастливые лица,
там ни о чем не жалеют и писем не ждут.

Вот наконец, изгибаясь и кланяясь, что ли,
будто спасаясь, спешит по обратной тропе.
Как он вздыхает легко, оказавшись на воле,
как ни о чем не жалеет, теряясь в толпе.

<1985>

402

Всё забуду про тревогу,
про пожары и про лед.
Всё припомню понемногу,
когда времечко придет.

Всё оставляю за порогом,
чтоб резвиться без хлопот.
Всё сойдется в доме строгом,
когда времечко придет.

Всё, что, кажется, бесплодно
разбазариваем мы,
когда времени угодно,
вдруг появится из тьмы.

Никому уже не вычесть
из реестра своего
пусть ничтожных тех количеств,
что пришились на одного.

Пусть, хоть много или мало,
составляющих судьбу,
без которых не пристало
место занимать в гробу.

<1985>

403

Читаю мемуары разных лиц.
Сопоставляю прошлого картины,
что удается мне не без труда.
Из вороха распавшихся страниц
соорудить пытаюсь мир единый,
а из тряпья одежки обветшалою —
блестательный ваш облик, господа.
Из полусгнивших кружев паутины —
вдруг аромат антоновки лежалой,
какие-то деревни, города,
а в них — разлуки, встречи, именины,
родная речь и свадеб поезда;
сражения, сомнения, проклятья...
и кринолины, и крестьянок платья...
Как медуница перед розой алой —
фигуры ваших женщин, господа...
И не хватает мелочи, пожалуй,
чтоб слиться с этим миром навсегда.

<1985>

404

Сколько сделано руками удивительных красот!
Но рукам пока далече до пронзительных высот,
до божественной, и вечной, и нетленной красоты,
что соблазном к нам стекает с недоступной высоты.

<1985>

Строка из старого стиха слывет ненастоящей:
она растрочена уже, да и к мольбам глуха.
Мне строчка новая нужна какая-нибудь послаще,
чтоб начиналось из нее течение стиха.

Текут стихи на белый свет из темени кромешной,
из всяких горестных сует, из праздников души.
Не извратить бы вещей смысл иной строкой
поспешной.
Всё остальное при тебе — мужайся и пиши.

Нисходит с неба благодать на кущи и на рощи,
струится дым из очага... И колея в снегу...
Мне строчка новая нужна какая-нибудь попроще,
а уж потом я сам ее украшу, как смогу.

Текут стихи на белый свет, и нету им замены,
и нет конца у той реки, пока есть белый свет.
Не о победе я молю: победы все надменны,
а об удаче я молю, с которой спроса нет.

Пугает тайною своей ночное бездорожье,
но избежать той черной мглы, наверно, не дано...
Мне строчка новая нужна какая-нибудь построже,
чтоб с ней предстать перед Тобой мне не было б
грешно.

Текут стихи на белый свет рекою голубою
сквозь золотые берега в серебряную даль.
За каждый крик, за каждый вздох заплачено
любовью —
ее всё меньше с каждым днем, и этого не жаль.

<1985>

Почему мы исчезаем,
превращаясь в дым и пепел,
в глинозем, в солончаки,
в дух, что так неосязаем,
в прах, что выглядит нелепым, —
нытики и остряки?

Почему мы исчезаем
так внезапно, так жестоко,
даже слишком, может быть?
Потому что притязаем,
докопавшись до истока,
миру истину открыть.

Вот она в руках как будто,
можно, кажется, потрогать,
свет ее слепит глаза...
В ту же самую минуту
Некто нас берет под локоть
и уводит в небеса.

Это так несправедливо,
горько и невероятно —
невозможно осознать:
был счастливым, жил красиво,
но уже нельзя обратно,
чтоб по-умному начать.

Может быть, идущий следом,
зная обо всем об этом,
изберет надежный путь?
Может, новая когорта
из людей иного сорта
изловчится как-нибудь?

Всё чревато повтореньем.
Он, объятый вдохновеньем,
зорко с облака следит.
И грядущим поколениям,
обожженным нетерпеньем,
тоже это предстоит.

<1985>

В день рождения подарок преподнес я сам себе.
Сын потом возьмет, озвучит и сыграет на трубе.
Сочинилось как-то так, само собою
что-то среднее меж песней и судьбою.

Я сижу перед камином, нарисованным в углу,
старый пудель растянулся под ногами на полу.
Пусть труба, сынок, мелодию сыграет...
Что из сердца вышло — быстро не сгорает.

Мы плывем ночной Москвою между небом и землей.
Кто-то балуется рядом черным пеплом и золой.
Лишь бы только в суете не заигрался...
Или зря нам этот век, сынок, достался?

Что ж, играй, мой сын кудрявый, ту мелодию в ночи,
пусть ее подхватят следом и другие трубачи.
Нам не стоит этой темени бояться,
но счастливыми не будем притворяться.

<1985>

408

О. В. Волкову

Гомон площади Петровской,
Знаменка, Коровий вал —
драгоценные обноски...
Кто их с детства не знал?

Кто Пречистенки не холил,
Божедомки не любил,
по Варварке слез не пролил,
Якиманку позабыл?

Сколько лет без меры длился
этот славный карнавал!
На Покровке я молился,
на Мясницкой горевал.

А Тверская, а Тверская,
сея праздник и тоску,
от себя не отпуская,
проводила сквозь Москву.

Не выходят из сознания
(хоть иные времена)
эти древние названья,
словно дедов имена.

И живет в душе, не тая,
пусть нелепа, да своя,
эта звонкая, святая,
поредевшая семья.

И в мечте о невозможном
словно вижу наяву,
что и сам я не в Безбожном,
а в Божественном живу.

<1985>

409

Всё глуше музыка души,
всё звонче музыка атаки.
Но ты об этом не спеши:
не обмануться бы во мраке,
что звонче музыка атаки,
что глуше музыка души.

Чем громче музыка атак,
тем слаще мед огней домашних.
И это было только так
в моих скитаниях вчерашних:
тем слаще мед огней домашних,
чем громче музыка атак.

Из глубины ушедших лет
еще вернее, чем когда-то, —
чем звонче музыка побед,
тем горше каждая утрата,
еще вернее, чем когда-то,
из глубины ушедших лет.

И это всё у нас в крови,
хоть этому не обучали:
чем выше музыка любви,
тем громче музыка печали,
чем громче музыка печали,
тем чище музыка любви.

<1985>

В нашей жизни, прекрасной, и странной,
и короткой, как росчерк пера,
над дымящейся свежее раной
призадуматься, право, пора.

Призадуматься и присмотреться,
поразмыслить, куда живой,
что там кроется в сумерках сердца,
в самой черной его кладовой.

Пусть твердят, что дела твои плохи,
но пора научиться, пора
не вымаливать жалкие крохи
милосердия, правды, добра.

Но пред ликом суровой эпохи,
что по-своему тоже права,
не выжухивать жалкие крохи,
а творить, засучив рукава.

<1985>

Мне не в радость этот номер,
телевизор и уют.
Видно, надо, чтоб я помер, —
все проблемы отпадут.

Ведь они мои, и только.
Что до них еще кому?
Для чего мне эта койка —
на прощание пойму.

Но когда за грань покоя
преступлю я налегке,
крикни что-нибудь такое
на грузинском языке.

Крикни громче, сделай милость,
чтоб на миг поверил я,
будто это лишь приснилось:
смерть моя и жизнь моя.

<1985>

412. ПАМЯТИ ОБУХОВОЙ

Е. Камбуровой

Когда б вы не спели тот старый романс,
я верил бы, что проживу и без вас,
и вы бы по мне не печалились и не страдали.
Когда б вы не спели тот старый романс,
откуда нам знать, кто счастливей из нас?
И наша фортуна завиднее стала б едва ли.

И вот вы запели тот старый романс,
и пламень тревоги, как свечка, угас.
А надо ли было, чтоб сник этот пламень тревоги?
И вот вы запели тот старый романс,
но пламень тревоги, который угас,
опять разгорелся, как поздний костер у дороги.

Зачем же вы пели тот старый романс?
Неужто всего лишь, чтоб боль улеглась?
Чтоб боль улеглась, а потом чтобы вспыхнула снова?
Зачем же вы пели тот старый романс?
Он словно судьба расплескался меж нас,
всё, капля по капле, и так до последнего слова.

Когда б вы не спели тот старый романс,
о чем бы я вспомнил в последний свой час,
ни сердца, ни голоса вашего не представляя?
Когда б вы не спели тот старый романс,
я умер бы, так и не зная о вас,
лишь черные даты в тетради души проставляя.

1985

413

У поэта соперников нету
ни на улице и ни в судьбе.
И когда он кричит всему свету,
это он не о вас — о себе.

Руки тонкие к небу возносит,
жизнь и силы по капле губя.
Догорает, прощения просит:
это он не за вас — за себя.

Но когда достигает предела
и душа отлетает во тьму...
Поле пройдено. Сделано дело.
Вам решать: для чего и кому.

То ли мед, то ли горькая чаша,
то ли адский огонь, то ли храм...
Всё, что было его, — нынче ваше.
Всё для вас. Посвящается вам.

<1986>

414

Благородные жены безумных поэтов,
от совсем молодых до старух,
героини поэм, и молвы, и куплетов,
обжигающих сердце и слух.

Вы провидицы яви, рожденной в подушках,
провозвестницы света в ночи,
ваши туфельки стоптаны на побегушках...
Вы и мужнины, вы и ничьи.

Благородные жены поэтов безумных,
как же мечетесь вы, семена
в коридорах судьбы, бестолковых и шумных,
в ожидании лучшего дня!

И распахнуты крылья любви вековые,
и до чуда рукою подать,
но у судеб финалы всегда роковые,
и соперницы чуду под стать.

Благородных поэтов безумные жены,
не зарекшись от тьмы и сумы,
ваши души сияют, как факел зажженный,
под которым блаженствуем мы.

В этом мире, изученном нами и старом,
что ж мы видим, спадая с лица?
Как уродец, согретый божественным даром,
согревает и ваши сердца.

Но каким бы он в жизни не был безобразным,
слышим мы из угла своего,
как молитвы возносите вы ежечасно
за бессмертную душу его.

И когда он своею трепещущей ручкой
по бумаге проводит пером,
слышу я: колокольчик гремит однозвучный
на житейском просторе моем.

<1986>

415. РАБОТА

Жест. Быстрый взгляд. Движение души.
На кончике ресницы — влага.
Отточены карандаши,
и приготовлена бумага.

Она бела, прохладна и гладка.
Друзья примолкли сиротливо.
А перспектива так сладка
в зеленом поле объектива.

Определяю день и час,
события изобретаю,
как ворон, вытаращив глаз,
над жертвою очередной витаю.

Нелепо скрючена рука,
искажены черты и поза...
Но перспектива так сладка!
Какая вызревает проза!

Уж целый лист почти совсем готов,
и вдруг как будто прозреваю:
как нищ и беден мой улов,
не те цветы ищу я и срываю.

И жар ловлю не от того огня,
и лгу по мелочам природе...
Что стоит помолиться за меня?
Да нынче вам не до молитвы вроде.

И вновь: Я. Злость. И трепет у виска.
И пот... Какой квартет отличный!
А перспектива так близка,
и сроки жизни безграничны.

<1987>

416

Черный ворон сквозь белое облако глянет —
значит, скоро кровавая музыка грянет.
В генеральском мундире стоит дирижер,
перед ним — под машинку остриженный хор.
У него — руки в белых перчатках.
Песнопенье, знакомое с давешних пор,
возникает из слов непечатных.

Постепенно вступают штыки и мортиры, —
значит, скоро по швам расплзутся мундиры,
значит, скоро сподобимся есть за двоих,
забывать мертвецов и бояться живых,
прикрываться истлевшею рванью...
Лишь бы только не спутать своих и чужих,
то проклятья, то гимны горланя.

Разыгрался на славу оркестр допотопный.
Все наелись от пуза музыки окопной.
Дирижер дирижера спешит заменить.
Те, что в поле вповалку (прошу извинить),
с того ворона взоров не сводят,
и кого хоронить, и кому хоронить —
непонятно... А годы уходят.

Всё кончается в срок. Лишней крови хватает.
Род людской ведь не сахар: авось не растает.
Двое живы (покуда их вексель продлен),
третий (лишний, наверно) в раю погребен,
и земля словно пух под лопатой...
А над ними с прадедовых самых времен —
черный ворон, во всем виноватый.

<1987>

После дождичка небеса просторны,
голубей вода, зеленее медь.
В городском саду — флейты да валторны.
Капельмейстеру хочется взлететь.

Ах, как помнятся прежние оркестры,
не военные, а из мирных лет!
Расплескалася в улочках окрестных
та мелодия... А поющих нет.

С нами женщины. Все они красивы.
И черемуха — вся она в цвету.
Может, жребий нам выпадет счастливый:
снова встретимся в городском саду.

Но из прошлого, из былой печали,
как ни сетую, как там ни молю,
проливается черными ручьями
эта музыка прямо в кровь мою.

<1987>

418. ПИСЬМО К МАМЕ

Ты сидишь на нарах посреди Москвы.
Голова кружится от слепой тоски.
На окне — намордник,
воля — за стеной,
ниточка порвалась меж тобой и мной.
За железной дверью топчется солдат...
Прости его, мама: он не виноват,
он себе на душу греха не берет —
он не за себя ведь — он за весь народ.

Следователь юный машет кулаком.
Ему так привычно звать тебя врагом.
За свою работу рад он попотеть...
Или ему тоже в камере сидеть?
В голове убогой — трехэтажный мат...
Прости его, мама: он не виноват,
он себе на душу греха не берет —
он не за себя ведь — он за весь народ.

Чуть за Красноярском — твой лесоповал.
Конвоир на фронте сроду не бывал.
Он тебя прикладом, он тебя пинком,
чтоб тебе не думать больше не о ком.
Тулуп на нем жарок, да холоден взгляд...
Прости его, мама: он не виноват,
он себе на душу греха не берет —
он не за себя ведь — он за весь народ.

Вождь укрылся в башне у Москвы-реки.
У него от страха паралич руки.
Он не доверяет больше никому,
словно сам построил для себя тюрьму.
Всё ему подвластно, да опять не рад...
Прости его, мама: он не виноват,
он себе на душу греха не берет —
он не за себя ведь — он за весь народ.

<1987>

419

На полянке разминаются оркестры духовые
и играют марш известный неизвестно для чего.
Мы пока еще все целы, мы покуда все живые,
а когда нагрянет утро — там посмотрим, кто кого.

И ефрейтор одинокий шаг высокий отбивает,
у него глаза большие, у него победный вид...
Но глубоко, так глубоко, просто глубже не бывает,
он за пазухою письма треугольные хранит.

Лейтенантик моложавый (он назначен к нам комбатом)
смотрит карту полевую, верит в чудо и в успех.
А солдат со мною рядом называет меня братом:
кровь, кипящая по жилам, нынче общая на всех.

Смолкли гордые оркестры — это главная примета.
Наготове все запасы: крови, брани и свинца...
Сколько там минут осталось... три-четыре до рассвета,
три-четыре до победы... три-четыре до конца.

<1987>

Над площадью базарною
вечерний дым разлит.
Мелодией азартною
весь город с толку сбит.

Еврей скрипит на скрипочке
о собственной судьбе,
а я тянусь на цыпочки
и плачу о себе.

Снует смычок по площади,
подкрадываясь к нам,
все музыканты прочие
укрылись по домам.

Все прочие мотивчики
не стоят ни гроша,
покуда здесь счастливики
толпятся чуть дыша.

Какое милосердие
являет каждый звук,
а каково усердие
лица, души и рук,

как плавно, по-хорошему
из тьмы исходит свет,
да вот беда: от прошлого
никак спасенья нет.

<1987>

Ах, что-то мне не верится, что я, брат, воевал.
А может, это школьник меня нарисовал:
я ручками размахиваю, я ножками сучу,
и уцелеть рассчитываю, и победить хочу.

Ах, что-то мне не верится, что я, брат, убивал.
А может, просто вечером в кино я побывал?
И не хватал оружия, чужую жизнь круша,
и руки мои чистые, и праведна душа.

Ах, что-то мне не верится, что я не пал в бою.
А может быть, подстреленный, давно живу в раю,
и кущи там, и рощи там, и кудри по плечам...
А эта жизнь прекрасная лишь снится по ночам.

<1987>

422

Распахнуты дома. Безмолвны этажи.
Спокойным сном охвачены квартиры.
Но к зимней печке ухо приложи —
гудят за кладкою mortarы.

Гуляет тихий вечер по земле,
беспечный... Но в минуту роковую
толченый перец в склянке на столе
готов напомнить пыль пороховую.

Стоит июль во всей своей красе.
За поворотом женщина смеется,
но шаг — и стратегическим шоссе
тропинка к дому обернется.

По улицам, сливая голоса,
неотличимы брат от брата,
текут и строятся полки и корпуса,
которым не даровано возврата.

Где родились мы? Под звездой какой?
Какие нам определяют силы
носить в себе и ярость, и покой,
и жажду жить, и братские могилы?

<1987>

423

Старики умирать не боятся.
Им героически погибнуть не труд.
Только нечего зря распаяться:
всё равно их на фронт не берут.

Умирают в боях молодые,
хоть не хочется им умирать, —
лишь надежды свои золотые
оставляют меж нами витать.

И бесшумная их эскадрилья
наводняет и полдень, и мрак...
Тени черные, белые крылья,
и от глаз не укрыться никак.

<1987>

424. МОЙ ОТЕЦ

Он был художав и насвистывал старый,
давно позабытый мотив,
и к жесткому чубчику ежеминутно его пятерня
прикасалась.

Он так и запомнился мне на прощанье,
к порогу лицо обратив,
а жизнь быстротечна, да вот бесконечной ему
почему-то казалась.

Его расстреляли на майском рассвете, и вот он
уже далеко.
Всё те же леса, водопады, дороги и запах акации
острый.

А кто-то ж кричал: «Не убий!» — одинокий... И в это
поверить легко,
но бредили кровью и мезтью святою все прочие
братья и сестры.

И время отца моего молодого печальный
развезало прах,
и нету надгробья, и памяти негде над прахом
склониться, рыдая.

А те, что виновны в убийстве, и сами давно уже все
в небесах.

И там, в вышине, их безвестная стая кружится,
редея и тая.

В учебниках школьных покуда безмолвны и пули
и пламя, и плеть,

но чье-то перо уже пишет и пишет о том, что пока
безмянно.
И нам остается, пока суд да дело, не грезить, а плакать
и петь.
И слезы мои солонь и горючи. И голос прекрасен...
Как странно!

1987

425

Над глубиной бездонных вод,
над атлантической громадой
взлетает солнечный восход,
рожденный райской канонадой.

Внизу — Европа в облаках,
а тут — пушкарь. Он знает дело:
горит фитиль в его руках —
и птица райская взлетела.

Гордись, пушкарь, своей судьбой —
глашатай света и свободы, —
покуда спорят меж собой
внизу эпохи и народы.

Пока твой свет с собой зовет,
пока чисты твои одежды...
Ведь что мы без твоих щедрот,
без покаянья и надежды?

<1987>

426

От войны войны не ищут.
У войны слепой расчет:
там чужие пули рыщут,
там родная кровь течет.

Пулька в золотой сорочке
со свинцовым животом...
Нет на свете злей примочки,
да кого спросить о том?

Всем даруется победа,
не взаправду — так в душе.
Каждый смотрит на соседа,
а соседа нет уже.

Нас ведь создал Бог для счастья
каждого в своем краю.
Отчего ж глухие страсти
злобно сводят нас в бою?

Вот и прерван век недолгий,
и летят со всех сторон
письма, словно треуголки
Бонапартовых времен.

<1988>

427

А. Кушнеру

Хочу воскресить своих предков,
хоть что-нибудь в сердце сберечь.
Они словно птицы на ветках,
и мне непонятна их речь.

Живут в небесах мои бабки
и ангелов кормят с руки.
На райское пение падки,
на доброе слово легки.

Не слышно им плача и грома,
и это уже на века.
И нет у них отчего дома,
а только одни облака.

Они в кринолины одеты.
И льется божественный свет
от бабушки Елизаветы
к прабабушке Элисабет.

<1988>

Совесь, благородство и достоинство —
 вот оно, святое наше воинство.
 Протяни ему свою ладонь,
 за него не страшно и в огонь.

Лик его высок и удивителен.
 Посвяти ему свой краткий век.
 Может, и не станешь победителем,
 но зато умрешь как человек.

<1988>

Б. Сарнову

С последней каланчи, в Сокольниках стоящей,
 никто не смотрит вдаль на горизонт горящий,
 никто не смотрит вдаль, все опускают взор.
 На пенсии давно усатый брандмайор.

Я плачу не о том, что прошлое исчезло:
 ведь плакать о былом смешно и бесполезно.
 Я плачу не о том, что кануло во мгле,
 как будто нет услад и ныне на земле.

Я плачу о другом — оно покуда с нами,
 оно у нас в душе, оно перед глазами,
 еще горяч и свеж его прекрасный след —
 его не скроет ночь и не проявит свет.

О чем бы там перо, красуясь, ни скрипело —
 душа полна утрат, она не отскорбела.
 И как бы ни лились счастливые слова —
 душа полна потерь, хоть, кажется, жива.

Ведь вот еще вчера, крылаты и бывалы,
 сидели мы рядком, и красные бокалы
 у каждого из нас — в изогнутой руке...
 Как будто бы пожар — в прекрасном далеке.

И на пиру на том, на празднестве тягучем,
я, видно, был один, как рекрут, не обучен,
как будто бы не мы метались в том огне,
как будто тот огонь был неизвестен мне.

<1988>

430

*В Женеве установлен памятник
генералу Дюфуру, не пролившему
ни одной капли солдатской крови.*

Всё утрясается мало-помалу,
чтобы ожить в поминанье людском.
Невоевавшему генералу
памятник ставят в саду городском.

О генерал, не видны твои козни,
бранные крики твои не слышны.
Что-то таится в любви этой поздней
к невоевавшему богу войны.

В прошлое бронзовым глазом уставясь
сквозь пепелища, проклятья и дым,
как ты презрел эту тайную зависть
к многим воинственным братьям своим?

Или клинки в поединках ослабли?
Или душой, генерал, изнемог?
Крови солдатской не пролил ни капли,
скольких кормильцев от смерти сберег!

Как же ты, сын кровожадного века,
бросив перчатку железной войне,
ангелом бился за жизнь человека,
если и нынче она не в цене!

Я не к тому ведь, что прочие страны
зря воспевают победы свои,
но согласитесь: приятны и странны
в этом краю вожделенья сии.

Может быть, в беге столетий усталых
тоже захочется праведней жить,
может, и мы о своих генералах,
о генерал, будем так же судить.

<1988>

431. ЗВЕЗДОЧЕТ

Что в подзорные трубы я вижу,
поднимаясь на башню во мгле?
Почему так печально завишу
от чего-то бывшего во мне?

И, смотря с высоты виновато
на уснувшую пропасть Арбата,
отчего так поспешно и вдруг
инструмент выпускаю из рук?

Спят в постелях своих горожане,
спят с авоськами, спят с гаражами,
спят тревожно на правом боку...
Изготовилось тело к прыжку.

Вон из пятен ночного тумана
появляется вдруг вдалеке
моя стройная старая мама —
чемоданчик фанерный в руке.

Он, пожалуй, минувшая мода,
но внутри, словно в дебрях комода,
что давно развалиться готов,
фотографии прежних годов.

Память, словно ребенок, ранима
и куда-то зовет и зовет...
Всё печально, что катится мимо,
всё банально, что вечно живет.

И живу я вот с этой виною
на двадцатом ее этаже
между тою и этой войною,
не умея спуститься уже.

<1988>

432. МОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Всего на одно лишь мгновенье
раскрылись две створки ворот,
и вышло мое поколение
в свой самый последний поход.

Да, вышло мое поколение,
усталые сдвоив ряды.
Непросто, наверно, движенье
в преддверии новой беды.

Да, это мое поколение,
и знамени скромн наряда,
но риск, и любовь, и терпенье
на наших погонах горят.

Гудят небеса грозовые,
сливаются слезы и смех.
Все — маршалы, все — рядовые,
и общая участь на всех.

<1988>

433. ДЕТСТВО

Я еду Тифлисом в пролетке.
Октябрь стоит золотой.
Осенние нарды и четки
повсюду стучат вразнобой.

Сапожник согнулся над хромом,
лудильщик ударил в котел,
и с уличным гамом и громом
по городу праздник пошел.

Уже за спиной Оргачала.
Кура пролегла стороной.
Мне только лишь три отстучало,
а что еще будет со мной!

Пустьячное жизни мгновенье,
едва лишь запомнишь его,
но всюду царит вдохновенье,
и это превыше всего.

В застолье, в любви и коварстве,
от той и до этой стены,
и в воздухе, как в государстве,
все страсти в одну сведены.

Я еду Тифлисом в пролетке
и вижу, как осень кружит,
и локоть родной моей тетки
на белой подушке дрожит.

<1988>

434

А. Володину

Что-то знает Шура Лифшиц:
понапрасну слез не льет.
В петербургский смог зарывшись,
зерна истины клюет.

Так устроившись удобно
среди каменных громад,
впитывает он подробно
этих зерен аромат.

Он вонзает ноги прочно
в почвы лета и зимы,
потому что знает точно
то, о чем тоскуем мы.

Жар души не иссякает.
Расслабляться не пора...
Слышно: времечко стекает
с кончика его пера.

<1988>

435

По какой реке твой корабль плывет
до последних дней из последних сил?
Когда главный час мою жизнь прервет
вы же спросите: для чего я жил?

Буду я стоять перед тем судом —
голова в огне, а душа в дыму...
Моя родина — мой последний дом,
все грехи твои на себя приму.

Среди стерни и роз, среди войн и слез
все твои грехи на себе я нес.
Может, жизнь моя и была смешна,
но кому-нибудь и она нужна.

<1988>

436

От нервов ли, от напряженья,
от жизни, что вся наугад,
мне слышится крови движенье,
как будто далекий набат.

Мне слышится пламени рокот.
Пожар полыхает земной.
И тут ни багры не помогут,
ни струи воды ледяной.

Сокрытый от праведных взоров,
разлит, словно море, в душе,
и бравая брань брандмайоров,
увы, бесполезна уже.

Он с каждой минутой всё пуще,
всё явственней он и слышней
над лесом, над лугом, над пущей,
над улицей жизни моей.

<1988>

437

На полотне у Аллы Беляковой,
где темный сад немного бестолковый,
где из окна, дразня и завораживая,
выплескивается пятно оранжевое,
где всё имеет первозданный вид
и ветви как зеленая оправа,

где кто-то бодрствует, а кто-то спит
в том домике, изображенном справа, —
там я бываю запросто в гостях,
и надобности нет о новостях
выспрашивать дотошно и лукаво.

По лесенке скрипучей в сад схожу
и выгляжу, быть может, даже хмурым;
потом сажусь и за столом сижу
под лампою с зеленым абажуром.
Я на виду, я чем-то удручен,
а может, восхищен, но тем не мене
никто, никто не ведает, о чем
я размышляю в данное мгновенье,
совсем один в той странной тишине,
которую вселенная объята...
И что-то есть, наверное, во мне
от старого глехо* и от Сократа.

<1988>

438

М. Козакову

Приносит письма письмоносец
о том, что Пушкин — рогоносец.
Случилось это в девятнадцатом столетье.
Да, в девятнадцатом столетье
влетели в окна письма эти,
и наши предки в них купались, словно дети.

Еще далече до дуэли.
В догадках ближние дурели.
Всё созревало, как нарыв на теле... Словом,
еще последний час не пробил,
но скорбным был арапский профиль,
как будто создан был художником Лунёвым.

Я знаю предков по картинкам,
но их пристрастье к поединкам —
не просто жажда проучить и отличиться,

---

* Крестьянин (груз.).

но в кажущейся жажде мести
преобладало чувство чести,
чему с пеленок пофартило им учиться.

Загадочным то время было:
в понятие чести что входило?
Убить соперника и распрямиться сладко?
Но если дуло грудь искало,
ведь не убийство их ласкало...
И это всё для нас еще одна загадка.

И прежде чем решать вопросы
про сплетни, козни и доносы
и расковыривать причины тайной мести,
давайте-ка отложим это
и углубимся в дух поэта,
поразмышляем о достоинстве и чести.

<1988>

439

По Грузинскому валу воинственно ставя носок,
ты как будто в полете, и твой золотой голосок
в простодушные уши продрогших прохожих струится.
Но хотя он возвышен, и ярок, и чист, и высок,
не успеешь моргнуть — а уже просочился в песок,
и другими уже голосами гордится столица.

Как чиновна она, неприступна она, брат, с крыльца,
и не сходит уже позолота с ее, брат, лица,
так что в тесном квадрате двора поспевай, брат,
вертеться.

Где уж годы беречь, если сыплются дождичком дни,
и тяжки и горьки, как свинцовые пульки они,
и ложатся один за другим возле самого сердца.

И фортуна твоя, подбоченясь, глядит из окна,
ослепленная мыслью, что ей перспектива видна
меж домов и дворов... Будто это и есть перспектива.
И дорога твоя от рожденья — то мир, то война,
и привычные с детства горят вдоль нее письмена:
то «Вернись!», то «Ступай!», то «Прости!»,
то «Прощай!», то «Счастливо!».

437

По Грузинскому валу к финалу рабочего дня,
заломив козырек, ошалев от обид и вранья,
независимый облик храня, прогуляться неплохо...
Навостриться бы мне разводить своих братьев плечом,
научиться бы мне, чтобы так не жалеть ни о чем,
да, как видно, уже не успеть до последнего вдоха.

<1988>

440

Взяться за руки не я ли призывал вас, господа?
Отчего же вы не вслушались в слова мои, когда
кто-то властный наши души друг от друга уводил?
Чем же я вам не потрафил? Чем я вам не угодил?

Ваши взоры, словно пушки, на меня наведены,
словно я вам что-то должен... Мы друг другу
не должны.
Что мы есть? Всего лишь крохи в мутном море бытия.
Всё, что рядом, тем дороже, чем короче жизнь моя.

Не сужу о вас с пристрастьем, не рыдаю, не ору,
со спокойным вдохновеньем в руки тросточку беру
и на гордых тонких ножках семеню в святую даль.
Видно, всё должно распасться. Распадайся же...

А жаль.

<1988>

441

В. Фогельсону

Витя, сыграй на гитаре,
на семиструнной такой,
если, конечно, в ударе,
если она под рукой.

Дай я чехол с нее скину
и как букет поднесу...
Было: свистели нам в спину,
будто бы в позднем лесу.

Этого долгого свиста
нету в помине уже.
Нынче мы все гитаристы —
не наяву, так в душе.

Пальцы притронулись к первой,
тихо откликнулась медь...
...Только бы нотки неверной
нам невзначай не пропеть.

Пальцы касаются баса,
будто в струне той изъян...
...И до последнего часа
буду я верен друзьям.

Пальцы по всем заскользили,
трели сливая и гром...
...Тех, что добры с нами были,
брат мой, помянем добром.

Витя, сыграй на гитаре,
на семиструнной такой,
если, конечно, в ударе,
если она под рукой.

<1988>

442. ВОСПОМИНАНИЕ О ДНЕ ПОБЕДЫ

Была пора, что входит в кровь, и помнится, и снится.
Звенел за Сретенкой трамвай, светало на Мясницкой.
Еще пожар не отгудел, да я отвоевал
в те дни, когда в Москве еще Арбат существовал.

Живые бросились к живым, и было правдой это,
любили женщину одну — она звалась Победа.
Казалось всем, что всяк уже навек отгоревал
в те дни, когда в Москве еще Арбат существовал.

Он нашей собственностью был, и мы клялись Арбатом.
Еще не знали, кто кого объявит виноватым.
Как будто нас девятый вал отныне миновал
в те дни, когда в Москве еще Арбат существовал.

Какие слезы на асфальт из круглых глаз катились,
когда на улицах Москвы в обнимку мы сходились —
и тот, что пули избежал, и тот, что наповал, —
в те дни, когда в Москве еще Арбат существовал.

<1988>

443

Дама ножек не замочит,
друг мараться не захочет,
и на свалку спишут старый двор.
Защитите его, струны,
от изменчивой фортуны.
Наша жизнь — короткий разговор.

Что ж вы дремлете, ребята:
ведь осколки — от Арбата!
А какая улица была!
Разрушители гурьбою
делают лавры меж собою.
Вот какие в городе дела.

Ни золота и ни хлеба
ни у черта, ни у неба,
но прошу я без обиняков:
ты укрой меня, гитара,
от смертельного удара,
от московских наших дураков.

Пусть мелодия простая,
но, из сердца вырастая,
украшает наше ремесло.
Ты прости меня, гитара,
может, я тебе не пара,
просто мне с тобою повезло.

<1988>

444

Как мне нравится по Пятницкой в машине проезжать!
Восхищения увиденным не в силах я сдержать.

440

Кораблями из минувшего плывут ее дома,
будто это и не улица — история сама.

Но когда в толпе я шествую по улицам Москвы,
не могу сдержать отчаянья, и боли, и тоски.

Мои тонкие запястья пред глазами скрещены,
будто мне грозят несчастья с той и с этой стороны.

Как нелепа в моем возрасте, при том, что видел я,
эта странная раздвоенность, растерянность моя,

эта гордая беспомощность как будто на века
перед этой самой Пятницкой, счастливой, как река.

<1988>

445. КРАТКАЯ АВТОБИОГРАФИЯ

Не укрыть, не утаить, а, напротив, пусть несмело,
тайну сердца, тайну жизни вам доверить я хотел,
откровенный свой рассказ прерывая то и дело,
ночь пока не отгорела, дождь пока не отшумел.

Но за этот подвиг мой без притворства и коварства
и за это вдохновенье без расчета и вранья
слишком горькая на вкус, как напрасное лекарство,
эта поздняя надежда отказалась от меня.

И осталось, как всегда, непрочитанное что-то
в белой книге ожиданий, в черной книге праздных

дел..

Тонких листьев октября позолота. Жить охота,
жизнь пока не облетела, свет пока не отгорел.

<1988>

446

Отчего ты печален, художник —
живописец, поэт, музыкант?
На какую из бурь невозможных
ты растратил свой гордый талант?

На каком из отрезков дороги
растерял ты свои медяки?
Всё надеялся выйти в пророки,
а тебя занесло в должники.

Словно эхо поры той прекрасной,
словно память надежды былой —
то на Сретенке профиль твой ясный,
то по Пятницкой шаг удалой.

Так плати из покуда звенящих,
пот и слезы стирая со щек,
за истертые в пальцах дрожащих
холст и краски, перо и смычок.

<1988>

447

Мне не хочется писать
ни стихов, ни прозы,
хочется людей спасать,
выращивать розы.

Плещется июльский жар,
воском оплывает,
первой розы красный шар
в небо уплывает.

Раскрываются цветы
сквозь душные травы
из пчелиной суеты
для чести и славы.

За окном трещит мороз,
дикий, оголтелый, —
расцветает сад из роз
на бумаге белой.

Пышет жаром злая печь,
лопаются плитки,
соскользают с гордых плеч
лишние накидки.

И впадают невпопад
то в смех, а то в слезы
то березы аромат,
то дыханье розы.

<1988>

448

Сижу на опушке лесной,
гляжу на цветы луговые.
Вот венчик ромашки резной,
ее лепестки роковые.

Отсчитаны нечет и чет,
и силы земные початы,
и грозное время течет,
не зная ни сна, ни пощады.

Вот знойный горит горицвет.
Осоки блистанье стальное...
В душе моей горе и свет,
а там уж — и всё остальное.

<1988>

449

Ах, оркестры духовые,
голоса победные!
Наши судьбы роковые,
а надежды бедные.

Ах, оркестрики-оркестры,
мы на всё готовы.
Провожают нас невесты,
а встречают вдовы.

<1988>

Клубничины сорваны с грядки.
Они треугольны и сладки.
Белеют внутри семена —
придут еще их времена.

Но прежде, чем кануть в забвенье,
свершают они омовенье
под каплями чистой росы
в рассветные эти часы.

Душисты бока их тугие,
мундыры на них дорогие,
расшиты они в пух и прах,
с узорами на обшлагах.

Их жаркая почва рождает,
их музыка сопровождает,
вливает в них пламя свое...
Да жаль: мы не слышим её.

<1988>

Переулочек Божественным
назван мной для чего?
Чтобы слогом торжественным
возвеличить его?

Для того, чтоб из вымысла
на московскую твердь
как волной его вынесло
посиять, пошуметь?

Видно, прозвище прежнее
без опоры в судьбе:
так, пустое, небрежное,
ни тебе — ни себе.

Видно, прежнее прозвище —
как чужак меж людьми:
у него не допросишься
ни воды, ни любви...

А в сегодняшнем имени
есть сиянье из тьмы,
что-то доброе, сильное,
что утратили мы.

Просто есть в нем для города
не на год, не на час
что-то вечное, гордое,
словно это про нас.

<1988>

452. ИЗ СТИХОВ ГЕНЕРАЛА ОПОЧИНИНА 1812 ГОДА

Вдали от собственного дома,
на льдине из чужой воды —
следы осеннего разгрома,
побед несбывшихся плоды.
Окончен бой. И в нем, в жестоком,
мы проиграли. Генерал
на льдину хрупкую упал.
Войны таинственным итогом
пренебрегая, мертвым оком
последний подает сигнал
прощания пред встречей с Богом.

И юношеские года,
и лет покойных череда —
всё кажется минутным вздором.
Лишь лед Зачанского пруда
(во сне иль наяву) всегда
перед его потухшим взором.

Нам преподало Провиденье
не просто меру поведенья,
а горестный урок паденья:
и за кровавый тот урок
кому тут выскажешь упрек —
пустых словес нагроможденье?

Ну хорошо. Он бездыхан.
А мы-то как же, молодые,
пусть вшивые, но ведь живые?

Неужто из горячих ран
себе соорудим карьеру
и будем хвастаться не в меру
под батальонный барабан?

<1989>

453. ИРОНИЧЕСКОЕ ОБРАЩЕНИЕ К ГЕНЕРАЛУ

Пока на свете нет войны,
вы в положении дурачком.
Не лучше ли шататься в штатском,
тем более что все равны?

Хотя, с обратной стороны,
как мне того бы ни хотелось,
свои профессию и смелость
вы совершенствовать должны?

Ну что моряк на берегу?
Что прачка без воды и мыла?
И с тем, что и без войн вы — сила,
я согласиться не могу.

Хирургу нужен острый нож,
пилоту — высь, актеру — сцена,
геолог в поиске бесценно:
кто знает дело — тот хорош.

Воителю нужна война
разлуки, смерти и мученья,
бой, а не мирные ученья,
иначе грош ему цена.

Воителю нужна война
и громогласная победа,
а если всё к парадом это —
то, значит, грош ему цена.

Так где же правда, генерал?
Подумывай об этом, право,
пока вышагиваешь браво,
предвидя радостный финал.

Когда ж сомненье захлестнет,
вглядись в глаза полкам и ротам:
пусть хоть за третьим поворотом
разгадка истины блеснет.

<1989>

454

Восемнадцатый век из античности
в назиданье нам, грешным, извлек
культ любви, обаяние личности,
наслаждения сладкий урок.

И различные высокопарности,
щегольства достославный парад...
Не ослабнуть бы от благодарности
перед ликом скуластых няяд.

Но куда-то лета эти минули,
как под жесткой ладонью раба:
невеселую карточку вынули
наше время и наша судьба.

И в лицо — что-то злобное, резкое,
как по мягкому горлу ребром,
проклиная, досадуя, брезгуя
тем, уже бесполезным добром.

Палаши, извлеченные наголо,
и без устали — свой своего...
А глаза милосердного ангела?..
А напрасные крики его?..

<1989>

455

В земные страсти вовлеченный,
я знаю, что из тьмы на свет
шагнет однажды ангел черный
и крикнет, что спасенья нет.

Но, простодушный и несмелый,
прекрасный, как благая весть,
идуший следом ангел белый
прошепчет, что надежда есть.

<1989>

456

В больничное гляну окно, а там, за окном, —
Пироговка,
и жизнь, и судьба, и надежда, и горечь, и слава,
и дым.
Мне старость уже не страшна, но всё-таки как-то
неловко
мешать вашей рыси отменной ничтожным галопом
своим.

А там, за широким окном, за хрупким, прозрачным,
больничным,
вершится житейский порядок, единый во все времена:
то утро с кефиром ночным, то вечер с вареньем
клубничным,
и всё это с плачем, и смехом, и с пеной, взлетевшей
со дна.

В больничное гляну окно, а там, за окошком, — аллея,
клубится февральское утро, и санный рождается путь.
С собой ничего не возьмешь, лишь выронить можно,
жаляя,
но есть кого вспомнить с проклятьем, кого и добром
помянуть.

В больничное гляну окно — узнаю, что может
начаться,
и чем наконец завершится по этому свету ходьба,
что завтра случится, пойму. И в сердце мое постучатся
надежда, любовь, и терпенье, и слава, и дым, и судьба.

<1989>

457. АВГУСТ В ЛАТВИИ

Булочки с тмином. Латышский язык.
Красные сосны. Воскресные радости.
Всё, чем живу я, к чему я приник
в месяце августе, в месяце августе.

Не унижайся, видземский пастух,
пестуй осанку свою благородную,
дальней овчарни торжественный дух
пусть тебе будет звездой путеводною.

Не зарекайся, видземский король,
ни от обид, ни от бед, ни от хворости,
не обольщай себя волей, уволь:
вольному — воля, гордому — горести.

Тот, кто блажен, не боится греха.
Бедность и праведность перемежаются.
Дочку отдай за того пастуха,
пусть два источника перемешаются.

Между удачей, с одной стороны,
и неудачею жизнь моя мечется
в сопровождении медной струны
августа месяца, августа месяца.

<1989>

458

Ю. Даниэлю

Не успел на жизнь обидеться —
вся и кончилась почти.
Стало реже детство видеться,
так — какие-то клочки.

И уже не спросишь — не с кого.
Видно, каждому — свое.
Были песни пионерские,
было всякое вранье.

И по щучьему велению,
по лесам и по морям
шло народонаселение
к магаданским лагерям.

И с фанерным чемоданчиком
мама ехала моя
удивленным неудачником
в те богатые края.

Забываются минувшие
золотые времена;
как монетки потонувшие,
не всплывут они со дна.

Память пылью позасыпало?
Постарел ли? Не пойму:
вправду ль нам такое выпало?
Для чего? И почему?

Почему нам жизнь намерила
вместо хлеба отрубей?..
Что Москва слезам не верила —
это помню. Хоть убей.

<1989>

459. НЯНЬКА

Акулина Ивановна, нянька моя дорогая,
в закуточке у кухни сидела, чаек попивая,
выпевая молитвы без слов золотым голоском,
словно жаворонок над зеленым еще колоском.

Акулина Ивановна, около храма Спасителя
ты меня наставляла, на тоненьких ножках просителя,
а потом я и душу сжигал, и дороги месил...
Не на то, знать, надеялся и не о том, знать, просил.

По долинам, по взгорьям толпою текло человечество.
Слева — поле и лес, справа — слезы, любовь
и отечество,
посередке лежали холодные руки судьбы,
и две ножки еще не устали от долгой ходьбы.

Ах, наверно, не зря распаялся небесною властью
твой российский костер над моею грузинскою
страстью,
узловатые руки сплетались теплей и добрей,
как молитва твоя над армянскою скорбью моей.

Акулина Ивановна, всё мне из бед наших помнится.
Оттого-то и совесть моя трепетанием полнится,
оттого-то и сердце мое перебои дает,
и не только когда соловей за окошком поет.

Акулина Ивановна, нянька моя дорогая,
всё, что мы потеряли, пусть вспыхнет еще, догорая,
всё, что мы натворили, и всё, что еще сотворим, —
словно утренний дым над тамбовским надгробьем
ТВОИМ.

<1989>

460

В больнице медленно течет река часов,
сочится в форточки и ускользает в двери.
По колким волоскам моих седых усов
стекает, растворяясь в атмосфере.

Течет река. Над нею — вечный дым.
Чем исповедаюсь? Куда опять причаляю?
Был молодым. Казался молодым.
О молодости думаю с печалью.

В больнице медленно течет поток времен,
так медленно, что мнится беспредельным.
Его волной доставленный урон
не выглядит ни скорбным, ни смертельным.

На новый лад судьбу не перешить.
Самодовольство — горькое блаженство.
Искусство всё простить и жажда жить —
недосягаемое совершенство.

<1989>

*Александр Галичу,
Владимиру Высоцкому,
Юлию Киму*

Вечера французской песни
нынче в моде и в цене.
А своих-то нет, хоть тресни...
Где же наши шансонье?

Пой, француз, тебе и карты,
ты — француз, ты вдалеке.
Дело в том, что наши барды
проживают в бардаке —

в том, в котором нет пророка,
чуть явись — затопчут след.
Пой, француз, ведь ты далеко,
и к тебе претензий нет.

Чем начальству ты приятен?
Тем, что текст твой непонятен.
Если ж нужен перевод,
переводчик — наш молодчик —
как прикажут — переврет.

Ты поёшь, и ты танцуешь,
ты смакуешь каждый стих,
если ж даже критикуешь —
ведь не наших, а своих.

Пой, француз, с тебя нет спроса,
ты ведь гость, чего грешить...
Остальное — наша проза,
не тебе ее решить.

<1989>

Из Вашингтона в назначенный срок
в определенном судьбой экипаже
я отправляюсь (храни меня Бог)
сквозь непонятные эти пейзажи.

Что моя жизнь? — эти краски в окне.
Сколько же в них вариантов возможных,
словно в стихах, пробужденных во мне,
и обольстительных, и безнадежных?

Что мое время? — вагон голубой,
красных холмов за окошком сплетенье.
Что мое бремя? — разлука с тобой
от отречения до обретенья.

В поисках рая глаза проглядел.
Где-то он всё в стороне остается.
Видно, прозрение — поздний удел:
не заработавшим не достается.

<1989>

463. КУХНЯ

Рожденье бифштекса — само волшебство.
Брильянтовых капель без счета.
А эта, которая жарит его,
похожа на рыжего черта.

И этот, из пара родившийся черт,
азы про себя повторяет,
и жарит, и парит, и льет, и печет,
и фартуком лоб утирает.

Она в ароматы смолы и огня
себя погрузить не страшится,
и плавно святая ее пятерня,
как розовый ангел, кружится.

И если в окно заглянуть со двора —
какая бесовская штука:
в чугунной ладье громоздится гора
под кольцами белого лука.

Там всё перемешано в соке его,
в прожилках его благородных:
и гибель, и жизни моей торжество,
и хриплые крики голодных.

<1989>

Оле

Надежды крашенная дверь.
 Фортуны мягкая походка.
 Усталый путник, средь потерь
 всегда припрятана находка.
 И хоть видна она нечетко,
 но ждет тебя она, поверь.

Улыбка женщины одной,
 единственной, неповторимой,
 соединенною с тобой
 суровой ниткою незримой,
 от обольщения хранимой
 своей загадочной судьбой.

Придут иные времена
 и выдумки иного рода,
 но будет прежнею она
 как май, надежда и природа,
 как жизнь, и смерть, и запах меда...
 И чашу не испить до дна.

<1989>

Мне всё известно. Я устал всё знать
 и всё предвидеть.
 А между тем как запросто опять
 меня обидеть.

Как мало значу я без гордых сил,
 в костюме зашитый.
 Мой опыт мне совсем не накопил
 от бед защиты.

Судьба моя беспомощна сама
 и в ус не дует.
 История, сходящая с ума,
 со мной флиртует.

Флиртуй, флиртуй, сентябрьская ночь,
кажись забавной.
Невыносимо, но не превозмочь
разлуки главной.

Она стоит как стрелочник за мной —
служака честный —
и отправляет мой состав земной
в тупик небесный.

466

Мой брат по перьям и бумаге,
одной мы связаны судьбой.
Зачем соперничать в отваге?
Мы не соперники с тобой.

Мы оба к сей земле пристрастны,
к ней наши помыслы спешат,
а кто из нас с тобой прекрасней —
пусть Бог и время разрешат.

467

К старости косточки стали болеть,
старая рана нет-нет и заноеет.
Стоило ли воскресать и гореть?
Всё, что исхожено, что оно стоит?

Вон ведь какая прогорклая мгла!
Лето кончается. Лета уж близко.
Мама меня от беды берегла,
Бога просила о том, атеистка,

карагандинской фортуны своей
лик, искореженный злом, проклиная...
Что там за проволокой? Соловей,
смолкший давно, да отчизна больная.

Всё, что мерещилось, в прах сожжено.
Так, лишь какая-то малость в остатке...
Вот, мой любезный, какое кино
я досмотрел на седьмом-то десятке!

«Так тебе, праведник!» — крикнет злодей.
«Вот тебе, грешничек!» — праведник кинет...
Я не прощенья прошу у людей:
что их прощение? Вспыхнет и сгинет.

Так и качаюсь на самом краю
и на свечу несгоревшую дую...
Скоро увижу я маму мою,
стройную, гордую и молодую.

468

Вот комната эта — храни ее Бог! —
мой дом, мою крепость и волю.
Четыре стены, потолок и порог
и тень моя с хлебом и солью.

И в комнате этой ночью порой
я к жизни иной прикасаюсь.
Но в комнате этой, отнюдь не герой,
я плачу, молюсь и спасаюсь.

В ней всё соразмерно желаньям моим —
то облик берлоги, то храма, —
в ней жизнь моя тает, густая, как дым,
короткая, как телеграмма.

Пока вы возносите небу хвалу,
пока укоряете время,
меня приглашает фортуна к столу
нести свое сладкое бремя.

Покуда по свету разносит молва,
что будто я зло низвергаю,
я просто слагаю слова и слова
и чувства свои излагаю.

Судьба и перо, по бумаге шурша,
стараются, лезут из кожи.
Растрачены силы, сгорает душа,
а там, за окошком, всё то же.

Ах, если б знать заранее, заранее, заранее,
 что будет не напрасным горение, сторание
 терпения и веры, любви и волшебства,
 трагического после, счастливого сперва.

Никто на едкий вызов ответа не получит.
 Напрасны наши споры. Вот Лермонтов-поручик.
 Он некрасив, нескладен, и всё вокруг серо,
 но как же он прекрасен, когда в руке перо!

Вот Александр Сергеич, он в поиске и муке,
 да козыри лукавы и не даются в руки,
 их силуэты брезжут на дне души его...
 Терпение и вера, любовь и волшебство!

Всё гаснет понемногу: надежды и смятенье.
 К иным, к иным высотам возносятся их тени.
 А жизнь неутомимо вращает колесо,
 но искры остаются. И это хорошо.

И вот я замечаю, хоть и не мистик вроде,
 какие-то намеки в октябрьской природе:
 не просто пробужденье мелодий и кистей,
 а даже возрожденье умолкнувших страстей.

Всё в мире созревает в борениях и встрясках.
 Не спорьте понапрасну о линиях и красках.
 Пусть каждый, изнывая, достигнет своего...
 Терпение и вера, любовь и волшебство!

Лену Карпинскому

Шестидесятники развенчивать усатого должны,
 и им для этого особые приказы не нужны:
 они и сами словно кони боевые
 и бьют копытами, пока еще живые.

Ну а кому еще рассчитывать в той драке на успех?
 Не зря кровавые отметины видны на них на всех.
 Они хлебнули этих бед не понаслышке.
 Им всё маячило — от высылки до вышки.

Судьба велит шестидесятникам исполнить этот долг,
и в этом их предназначение, особый смысл и толк.
Ну а приказчики, влюбленные в деспота,
пусть огрызаются — такая их работа.

Шестидесятникам не кажется, что жизнь сгорела зря:
они поставили на родину, короче говоря.
Она, конечно, в суете о них забудет,
но ведь одна она. Другой уже не будет.

471

Б. Ахмагулиной

Чувство собственного достоинства — вот загадочный
инструмент:
созидается он столетиями, а утрачивается в момент,
под бомбежку ли, под гармошку ли, под красивую ль
болтовню
иссушается, разрушается, сокрушается на корню.

Чувство собственного достоинства — вот таинственная
стеся,
на которой разбиться запросто, но с которой свернуть
нельзя,
потому что без промедления, вдохновенный, чистый,
живой,
растворится, в пыль превратится человеческий образ
твой.

Чувство собственного достоинства — это просто
портрет любви.
Я люблю вас, мои товарищи, — боль и нежность
в моей крови.
Что б там тьма и зло ни пророчили, кроме этого ничего
не придумало человечество для спасения своего.

472

Р. Рождественскому

Пока еще жизнь не погасла,
сверкнув, не исчезла во мгле...
Как было бы всё распрекрасно
на этой зеленой земле,

когда бы не грязные лапы,
неправый вершащие суд,
не бранные крики, не залпы,
не слезы, что речкой текут!

473

Не каждому поэту удача выпадает.
Не каждому поэту читателей хватает,
но каждому поэту пути иного нет...
Конечно, если это не лапоть, а поэт.

От сотворенья к судьям течет людское племя.
Судья закону служит, хоть тяжело это бремя,
грабителей карая, хулителей щадя...
Конечно, если это не лапоть, а судья.

Артиста не начальство — фортуна выбирает.
Он в честь нее стократно за век свой умирает,
из передряг злодейских душой выходит чист...
Конечно, если это не лапоть, а артист.

Солдат идет с винтовкой, врага он не боится.
Но вот какая странность в душе его творится:
он пушки ненавидит, и войнам он не рад...
Конечно, если это не лапоть, а солдат.

474

Париж для того, чтоб ходить по нему,
глазеть на него, изумляться,
грозящему бездной концу своему
не верить и жить не бояться.

Он благоуханием так умощен,
таким он мне весь достается,
как будто я понят уже и прощен,
и праздновать лишь остается.

Париж для того, чтоб, забыв хоть на час
борения крови и классов,
войти мимоходом в кафе «Монпарнас»,
где ждет меня Вика Некрасов.

Вроцлав. Лиловые сумерки.
Первые соки земли.
Страхи вчерашние умерли,
новые — где-то вдали.

Будто на мартовском острове
не расставаясь живем,
всё еще братьями-сестрами
гордо друг друга зовем.

Нашу негромкую братию
не погубило вранье.
Всё еще, слава Создателю,
верим в спасенье свое.

Сколько бы мартов ни минуло,
как ни давила бы мгла,
только бы Польшка не сгнула,
только б Россия смогла.

Прощайте, стихи, ваши строки и ваши намеки,
и струны,
и ваши вулканы погасли, и, видимо, пробил тот час...
И вот по капризу природы, по тайному знаку фортуны
решается эта загадка: кто будет услышан из вас.

Когда вы так странно рождались, как будто входили
без спроса,
как будто с блаженной улыбкой с господского ели
стола,
вам всё удавалось отменно, и были наглы вы, а проза
была, словно нищенка, нема и словно подачи ждала.

Но вот, словно молнии, стрелы в глазах неподвижных
проснулись,
но вспыхнули, зарозовели неюные щеки ее.
И тотчас гусиные перья шершавой бумаги коснулись,
и тотчас ушли, не прощаясь, и быт, и беда, и вранье.

А там уж как Бог пожелает, а там уж как время
а там, что подскажет природа, а там, что позволят
захочет,
грехи...
Покуда шершавой бумаги хоть капля слезы не омочит,
кто знает — что проза такое? Кто знает, что значит
стихи?

477

Мне нравится то, что в отдельном
фанерном домишке живу,
и то, что недугом смертельным
еще не сражен наяву,
и то, что погодам метельным
легко предаюсь без затей,
и то, что режимом постельным
не брезгаю с юных ногтей.

Но так, чтобы позже ложиться,
и так, чтобы раньше вставать,
а после обеда свалиться
на жесткое ложе опять.
Пугают меня, что продлится
недолго подобная блажь...
Но жив я, мне сладко ложится —
за это чего не отдашь?

Сперва с аппетитом отличным
съедаю нехитрый обед
и в пику безумцам столичным
ныряю под клетчатый плед,
а после в порыве сердечном,
пока за глазами черно,
меж вечным и меж быстротечным
ищу золотое зерно.

Вот так и живу в Подмосковье,
в заснеженном этом раю,
свое укрепляя здоровье
и душу смиряя свою.
Смешны мне хула и злословье
и сладкие речи смешны,
слышны мне лишь выхлопы крови
да арии птичьи слышны.

Покуда старается гений
закон разгадать мировой,
покуда минувшего тени
плывут над его головой
и редкие вспышки прозрений
теснят его с разных сторон,
мой вечер из неги и лени
небесной рукой сотворен.

И падает, падает наземь
загадочный дождик с небес.
Неистовой он раз за разом,
хоть силы земные в обрез.
И вот уж противится разум,
и даже слабеет рука,
но будничным этим рассказом
я вас развлекаю слегка.

На самом-то деле, представьте,
загадочней всё и страшней,
и голос фортуны некстати,
и черные крылья за ней,
и вместо напрасных проклятий,
смирив слепой их обвал,
бегу от постыдных объятий
еще не остывших похвал.

Во мгле переделкинской пущи,
в разводах еловых стволов,
чем он торопливей, тем гуще,
поток из загадок и слов.
Пока ж я на волю отпущен
и слово со мной заодно,
меж прожитым и меж грядущим
ищу золотое зерно.

478

Б. Чичибабину

Я вам описываю жизнь свою, и больше никакую.
Я вам описываю жизнь свою, и только лишь свою.
Каким я вижу этот свет, как я люблю и протестую,
всю подноготную живую у этой жизни на краю.

И с краюшка того бытья, с последней той ступеньки
шаткой,
из позднего того окошка, и зазывая и маня,
мне представляется она такой бескрайнею и сладкой,
как будто дальняя дорога опять открылась для меня.

Как будто это для меня: березы белой лист багряный,
рябины красной лист узорный и дуба черная кора,
и по капризу моему клубится утренник туманный,
по прихоти моей счастливой стоит сентябрьская пора.

479

Пишу роман. Тетрадка в клеточку.
Пишу роман. Страницы рву.
Февраль к стеклу подставил веточку,
чтоб так я жил, пока живу.

Шуршат, шуршат листы тетрадные,
чисты, как аиста крыло,
а я ищу слова нескладные
о том, что было и прошло.

А вам как бы с полета птичьего
мерещится всегда одно —
лишь то, что было возвеличено,
лишь то, что в прах обращено.

Но вам сквозь ту бумагу белую
не разглядеть, что слезы лью,
что я люблю отчизну бедную,
как маму бедную мою.

480

Я рад бы был покоем восхититься,
но нет его. Тяжки судьбы удары.
Простите меня, турки-месхетинцы!
Простите меня, крымские татары!

Когда вас под конвоем вывозили,
когда вы на чужбине вымирали,
вы ведь меня о помощи просили,
ко мне свои ладони простирали.

Когда на мушку брали вас подонки,
вы ведь меня просили о защите...
Когда-нибудь предъявят счет потомки
мне одному...

Я вас прошу: простите!

481

Ребята, нас вновь обманули,
опять не туда завели.
Мы только всей грудью вздохнули,
да выдохнуть вновь не смогли.

Мы только всей грудью вздохнули,
и по сердцу выбрали путь,
и спины едва разогнули,
да надо их снова согнуть.

Ребята, нас предали снова,
и дело как будто к зиме,
и правды короткое слово
повисло, как голубь во тьме.

482

Л. Люкимсону

Из Австралии Лёва в Москву прилетел,
до сестры на машине дожал.
Из окошка такси на Москву поглядел:
холодок по спине пробежал.

Нынче лик у Москвы ну не то чтоб жесток —
не стреляет, в баранку не гнет.
Вдруг возьмет да и спросит: «Боишься, жидок?» —
и с усмешкою вслед подмигнет.

Там, в Австралии вашей, наверно, жара
и лафа — не опишешь пером!
А в Москве нынче хуже, чем было вчера,
но лучше, чем в тридцать седьмом.

По Безбожному, Лёва, пройдишь не спеша
и в знакомые лица взглядишь:
у Москвы, может быть, и не злая душа,
но удачливым в ней не родишь.

483

Полночь над Босфором. Время тишины.
Но в стамбульском мраке, что велик и нем,
крики моих предков преданных слышны...
Инч пити асем? Инч пити анем?*

Если б можно было, как заведено,
вытравить из сердца, позабыть совсем!
Но на древних плитах — черное пятно...
Инч пити анем? Инч пити асем?

Это ль не отрава? Это ли не яд?
Полночь быстротечна. Времени в обрез.
Если я не знаю, ты, мой дальний брат,
Инч пити асес? Инч пити анес?*

484

Сочиняет плов Мазлум из баранины и риса.
Жир бурлит, вода клокочет, пламя пышет в камельке.
И ковбоекка на нем золотая, словно риза,
и поношенные джинсы, и половничек в руке.

Он стучит по котелку, будто всё не достучится.
Пахнет дом травой, и дымом, и землею, и водой.
Жир задумчивый течет, рис рассыпчатый струится,
и Мазлум над ним колдует, молодой и чуть седой.

Он турецкий любит плов, а любой другой не любит.
Плову — наша благодарность, сочинителю — почет.
Или голод нас сомнет, или сытость нас погубит,
или-или, или-или, или нечет — или чет.

---

* Что должен сказать? Что должен сделать? (арм.)

** Что скажешь? Что сделаешь? (арм.)

Виртуозней и ловчее истамбульского шофера
 в целом свете, как ни бейся, не найти.
 Каждый выезд — авантюра, приключение, афера,
 роковые неурядицы в пути.

Он садится на сиденье в предвкушенье наслаждений,
 он сознательно готовится к борьбе.
 Сколько в граде Истамбуле непредвиденных течений,
 где спасение таится лишь в судьбе.

Но судьба, как я заметил, это детище счастливых,
 это им звучит мотив ее трубы,
 ну, а тем, кто видит счастье лишь в движениях
суетливых,
 не до жиру, не до милостей судьбы.

Вот Ахмет, он спозаранку, чуть поел — и за баранку.
 Он и кучер, он и рыцарь, он и плут,
 и езда усугубляет его гордую осанку,
 хоть шоферы ему форы не дают.

И когда машин лавины, словно танки, словно льдины,
 разнести его на части норовят,
 тут ему подспорьем служат опыт, риск, и жест единый,
 и судьба, и обаянье — всё подряд.

Да, он вымотан, конечно. Да, чело покрыто потом,
 но в какой-нибудь случайной чайхане
 он, отхлебывая чинно чай густой, что пахнет медом,
 как паломник исповедуется мне.

И сливаются нежданно лики Запада с Востоком,
 кейф — с безумием, пускай лишь раз на дню,
 но и скорбь о самом низком, но и мысли о высоком
 под ленивую под нашу болтовню.

А потом опять баранка и коварная дорога,
 и умение, и страсть, и волшебство...
 Всё безумное от Бога, всё разумное от Бога,
 человеческое — тоже от него.

Прикатить на берег крымский и на Турцию глядеть,
а потом взмахнуть руками, поднапрячься и взлететь
по чудесному капризу, по небесному лучу...
Проплывают лодки, рыбы, всё плывет, а я лечу!

Пролетаю я над морем, над стамбульской Галатой.
Подо мною жизнь иная, Рог, довольно Золотой,
минареты, и трамваи, и бараньи шашлыки...
А у нас — одни заботы, только слезы да штыки.

Вот стою уже я прочно на стамбульском берегу,
но гляжу на крымский берег, изогнувшийся в дугу.
Шею вытянул до хруста, мысли черные гоня:
неужели всё впустую? Как там нынче без меня?

Что за грозные решенья долетают сквозь туман?
То ли впрямь разоруженье, то ли заново обман?
Что там будет? Кем мы были? Кто мы есть, и что нас
ждет?

А на пристани турецкой собирается народ.

Все дела давно забыты, и веселье, и уют,
и они не тостов праздных и не манны с неба ждут,
ждут, чтобы Мазлум с Ахматом здесь, на краешке
земли,
с русского на их турецкий боль мою перевели.

Ты, живущий вне наших сомнений и драм,
расточающий благостный свет по утрам.
Ты, кому с придыханием мы говорим:
Тешекюр эдерим! Тешекюр эдерим!*
Ты, кого за печали свои не корим
и дороги к кому в бездорожье торим,
и за то, что живем, и за то, что горим,
и за то, что во имя Твое мы творим,
Тешекюр эдерим! Тешекюр эдерим!

---

* Благодарствуй! (турецк.)

Анатолию Рыбакову

Европа пьет водичку из Босфора
И Азия. Вода на всех одна.
Босфор для них — дорога и опора,
но кровь веков на дне его видна.

Неужто ради золота и пищи
от лет молодых до гробовой доски
мы столько поистратили кровищи,
что сердце холодеет от тоски?

За всё платить приходится жестоко.
Всё остальное — суета и прах.
За черный камень, брошенный в пророка,
за слезы на его похоронах.

Когда придут большие перемены —
не ради власти, злата и жратвы
очнется мир и вскрыет себе вены
длиною от Босфора до Москвы.

489. АМЕРИКАНСКАЯ ФАНТАЗИЯ

Л. Лосеву

Столица северного штата — прекрасный город
Монпелье.
Однако здесь жара такая, что хочется ходить в белье.
Да, да, в белье. Да, да, в исподнем. Да, да, пусть даже
в прошлогоднем,
а впрочем, лучше без него.
Как в том дарованном господнем, чтобы предстать
пред этим полднем
рисунком тела своего.

Да, да, пожалуй, обнаженным, лишь долларами
снаряженным,
в ладошке потной их держа.
И с этой потною ладошкой, как будто с деревянной
ложкой,
перед витринами кружа.

Моя московская ладошка, в тебя вложить совсем
немножко,
и эти райские места благословят мои уста.
Мои арбатские привычки к пустому хлебу и водичке
здесь обрывают тормоза, когда витрины бьют в глаза.

Удар — и вой в пустом желудке, не слишком
явственный, но жуткий,
людей пугающий окрест.
Но этот тип, на вид опасный, — всего лишь
странничек несчастный,
и он Вермонта не объест.

Глоток — и всё преобразилось: какая жизнь, скажи
на милость!
Я распрямляюсь наяву.
Еще глоток — и что там будет: простит ли Бог или
осудит,
что так несправедно живу?

Да, этот тип в моем обличье, он так беспомощен
по-птичьи,
так по-арбатски бестолков.
Он раб минувших сантиментов, но кофию за сорок
центов
ему плесните без долгов.

Дитя родного общепита, пустой еды, худого быта,
готов к свершениям опять,
И снова брюхо его сыто, но... на ногах растут копыта,
да некому их подковать.

Америка в оцепененье: пред ней прыжками, по-оленьи
я по траве вермонтской мчусь.
И, непосредствен, словно птица, учу вермонтцев
материться
и мату ихнему учусь.

490. КРАСНЫЙ КЛЕН

Красный клен, мое почтение!
Добрый день, вермонтский друг!
Азбуки твоей прочтение
занимает мой досуг.

Каждый лист твой что-то важное
говорит ученику
в это жаркое и влажное
время года на веку.

Здесь из норвичского скверика
открывается глазам
первозданная Америка,
та, что знал по «голосам».

Здесь, как грамота охранный,
выдана на сорок дней
жизнь короткая и странная
мне и женщине моей.

Красный клен, в твоей обители
нет скорбящих никого.
Разгляди среди всех и выдели
мать сына моего.

Красный клен, рукой божественной,
захиревшей на Руси,
приголубь нас с этой женщиной,
защити нас и спаси.

491. ЖАРКИЙ ПОЛДЕНЬ В МАССАЧУСЕТСЕ

Джоан Афферика

Какая-то птичка какой-то свисточек
настроила вдруг на июль голубой.
Не знает заботы, поет и стрекочет,
не помнит ни зла, ни обид за собой.

О, как неожидан дебют ее сольный!
Он так поражает и сердце и слух,
как дух Массачусетса, жаркий и вольный,
как Латвии дальней полуденный дух.

Я музыку эту лелею и холю
и каждую ноту ловлю и ценю,
как вновь обретенную вольную волю,
которую сам же всю жизнь хороню...

Шуршание клена. Молчанье гранита.
И птичка, поющая соло свое.
И трудно понять, где таится граница
меж болью моею и песней ее.

492. ЯПОНСКАЯ ФАНТАЗИЯ

Когда за окнами земля кружиться перестала,
тогда Япония сама глазам моим предстала,
спеша, усердствуя, молясь, и плача, и маня...
Друзья мои, себя храня, молитесь за меня.

Пойду пройдусь ночной порой на Гиндзу золотую,
костер удачи распалю, свечу обид задую.
Не зря я десять тысяч верст нащелкивал коня...
Друзья мои, себя храня, молитесь за меня.

То брызнет дождь, а то жара, а то туман, о Боже!
Судьба на всех везде одна, знакомо всё, всё то же,
как будто к дому я иду перед началом дня...
Друзья мои, себя храня, молитесь за меня.

Я так устал глядеть вперед с надеждой и опаской.
Пора уж как-нибудь остыть от трепотни арбатской.
Да, я москвич, и там мой дом, и сердце, и броня,
но между тем, себя храня, молитесь за меня.

493

О. и Ю. Понаровским

Под крики толпы угрожающей,
хрипящей и стонущей вслед,
последний еврей уезжающий
погасит на станции свет.

Потоки проклятий и ругани
худую рукою стяхнет,
и медленно профиль испуганный
за темным стеклом проплывет.

Кстати, конюх тоже видит сон, что он на мавзолее, что стоит, не удивляется величию своему, что инструктор городского комитета, не жалея ни спины и ни усердья, поклоняется ему.

Эта яркая картина неспроста его коснулась: он стоял на мавзолее, широко разинув рот!..
...Кони все на дне лежали, но душа его проснулась, и мелькал перед глазами славных лет круговорот.

495

И. Бродскому

На странную музыку сумрак горазд,
как будто природа пристанище ищет:
то голое дерево голос подаст,
то почва вздохнет, а то ветер просвищет.

Всё злей эти звуки, чем ближе к зиме
и чем откровеннее горечь и полночь.
Там дальние кто-то страдают во тьме
за дверью глухой, призывая на помощь.

Там чьей-то слезой затуманенный взор,
которого ветви уже не упрячут...
И дверь распахну я и брошусь во двор:
а это в дому моем стонут и плачут.

496

Не уезжай, жена моя, в леса
ни в лодке, ни в машине, ни в телеге.
Провидческие слышу голоса...
Еще нам предстоит разъезд навеки.

Его приход, увы, неумолим,
его шаги расчетливы и скоры.
Повременим, мой друг, повременим
седлать коней и заводить моторы.

Из бытия земного своего
в грядущие не верю обещанья —
ведь там уже не будет ничего:
ни боли, ни прощенья, ни прощанья.

И поражений горьких и побед
и жертвы и охотники мы сами...
Не уезжай, мой ангел: счастья нет,
тем более за дальними лесами.

497. НЕСЧАСТЬЕ

Когда бы Несчастье явилось ко мне
в обличии рыцаря да на коне,
грозящем со мной не стесняться, —
я мог бы над ним посмеяться.

Когда бы оно мою жизнь и покой
пыталось разрушить железной рукой
и лик Его злом искажался —
уж я бы над Ним потешался.

Но дело всё в том, что в природе Оно
неясною мерою растворено
и в тучке, и в птичке взлетевшей,
и в брани, что бросил сосед на ходу,
в усмешке, мелькнувшей в минувшем году,
в газете, давно пожелтевшей.

Но в том-то и дело, что нам не видать,
когда Ему выпадет нас испытать
на силу, на волю, на долю.
Как будто бы рядом и нету Его,
как будто бы нет вообще ничего —
а раны посыпаны солью.

Нельзя быть подверженным столь уж всерьез
предчувствиям горьким насмешек и слез,
возможной разлуки и смерти...
Гляди: у тебя изменилось лицо!
Гляди: ты боишься ступить на крыльцо,
и пальцы дрожат на конверте!

И всё ж не Ему достаются права,
и всё же бессильны Его жернова:
и ты на ногах остаешься,
и, маленький, слабый, худой и больной,
нет-нет да объедешь Его стороной,
уйдешь от Него, увернешься.

Наверно, а амбарах души и в крови
хранятся запасы надежд и любви
(а даром они не даются).
И вот, утверждая свое торжество,
бывает, срываешь погоны с Него...
Откуда и силы берутся?

498

Антону

Что-то сыночек мой уединением стал тяготиться.
Разве прекрасное в шумной компании может
родиться?

Там и мыслишки, внезапно явившейся, не уберечь:
в уши разверстые только напрасная просится речь.

Папочка твой не случайно сработал надежный свой
кокон.

Он состоит из дубовых дверей и зашторенных окон.
Он состоит из надменных замков и щеколд золотых...
Лица незваные с благоговением смотрят на них.

Чем же твой папочка в коконе этом прокуренном
занят?

Верит ли в то, что перо не продаст, что строка
не обманет?

Верит ли вновь, как всю жизнь, в обольщения вечных
химер:
в гибель зловещего Зла и в победу Добра, например?

Шумные гости, не то чтобы циники — дети стихии,
ищут себе вдохновенья и радостей в годы лихие,
не замечая, как вновь во все стороны щепки летят,
черного Зла не боятся, да вот и Добра не хотят.

И, хрипя от проклятой одышки,
помянув минувшую статью,
не берусь за серьезные книжки:
всё боюсь не успеть дочитать.

Добрый доктор, соври на прощанье.
Видишь, как к твоей ручке приник?
Вдруг поверю в твои обещанья
хоть на день, хоть на час, хоть на миг.

Раб ничтожный, взыскующий града,
перед тем как ладошки сложить,
вдруг поверю, что ложь твоя — правда
и еще суждено мне пожить.

Весь в туманах житухи вчерашней
так надеюсь на правду твою...
Лучше ад этот, грешный и страшный,
чем без вас отсыпаться в раю.

501

Славная компания... Что же мне решить?
Сам я непьющий, — друзья подливают.
Умирать не страшно — страшно не жить.
Вот какие мысли меня одолевают.

Впрочем, эти мысли высказал Вольтер.
Надо иногда почитать Вольтера.
Запад, конечно, для нас не пример.
Впрочем, я не вижу лучшего примера.

502

Дима Бобышев пишет фантазии
по заморскому календарю,
и они долетают до Азии —
о Европе уж не говорю.

Дима Бобышев то ли в компьютере,
то ли в ручке находит резон.
Всё, что наши года перепутали,
наострился распутывать он.

Дима Бобышев славно старается,
без амбиций, светло, не спеша,
и меж нами граница стирается,
и сливаются боль и душа.

503

Мне не нравится мой силуэт:
невыпад как-то скомкан и скроен.
А ведь мальчик был ладен и строен...
И надежды на лучшее нет.

Поистерся мой старый пиджак,
но уже не зову я портного:
перекройки не выдержать снова —
доплетусь до финала и так.

Но тогда почему, почему,
по капризу какому такому
ничего не прощаю другому
и перчатку швыряю ему?

Покосился мой храм на крови,
впрочем, так же, как прочие стройки.
Новогодняя ель — на помойке.
Ни надежд, ни судьбы, ни любви...

Но тогда отчего, отчего
рву листы и бумагу мараю?
Не сгорел — только всё догораю
и молчанья боюсь своего?

504

Владимиру Фрумкину и Виктору Соколову

Калифорния в цвету. Белый храм в зеленом парке.
Отчего же в моем сердце эта горечь, эта грусть?
Я уже писал о том, как объятья наши жарки
от предчувствия разлуки. Ничего, что повторюсь.

Тайный голос высших сил. Незнакомый почерк веток.
Мы, затерянные где-то между счастьем и бедой...
Ностальгии на века не бывает — лишь на этот,
на короткий промежуток нашей жизни золотой.

Времечко, что ли, еще непривычное, облачко, слишком
уж низко бредущее,
образ ли жизни, рожденный цветком луговым?
Или вам видится, ваше величество, непредсказуемым
наше грядущее,
или минувшее видится вам роковым?

Кто его знает, что завтра отыщется. Может, случится,
надежд увеличится.

Кто потеряет, а кто непременно найдет.

Новая Англия. Старая песенка.

Что ж тут поделаешь, ваше величество:
что предназначено, то и стоит у ворот.

507

Кабы ведать о том, кабы знать:
чем дышать, на кого опереться!..
Перед вами — пустая тетрадь,
с ней еще предстоит натерпеться.

508

Проснется ворон молодой
и, глаз уставив золотой,
в оконное стекло подышит
и, разорив свое крыло,
достанет вечное перо
и что-то вечное напишет.

509

Наша жизнь — это зал ожидания,
от младенчества и до седин.
Сколько всяких наук выживания,
а исход непременно один.

510

И ты, который так угрюм, и ты, что праздничен.
Мы стали братьями давно, мы все теперь родня
Вы оба.
до гроба —

и тот, что в облачке витает, и тот — в подвальном
этаже,
нам не в чем упрекать друг друга, делить нам нечего
уже.

Пустые лозунги любви из года в год теряют цену,
хоть посиней до хрипоты, хоть бейся головой о стену.
Они слабы и бесполезны, как на последнем вираже,
а мы уж не спешим друг к другу: спешить нам
незачем уже.

Но если жив еще в глазах божественный сигнал
надежды,
подобный шепоту листвы — необъяснимый, вечный,
нежный,
но если на сердце тревожно, но если горько на душе,
рискнет ли кто сказать, что нынче терять нам нечего
уже?

511

Воспитанным кровавою судьбой
так дорого признание земное!
Наука посмеяться над собой
среди других наук — дитя дурное:
она не в моде нынче, не в чести,
как будто бы сулит одни мытарства...
А между тем, чтоб честь свою спасти,
не отыскать надежнее лекарства.

512

Корабль нашей жизни приближается к пристани,
и райская роща всё яснее видна.
Чем больше раздумываем, тем ближе мы к истине,
но чем ближе мы к истине, тем всё дальше она.

513

Смилуйся, быстрое время,
бег свой жестокий умерь.
Не по плечу это бремя,
бремя тревог и потерь.

Будь милосердней и мягче,
не окружай меня злом.
Вон уж и Лета маячит
прямо за ближним углом.

Плакать и каяться поздно.
Тропка на берег крута.
Там неприступно и грозно
райские смотрят врата.

Не пригодилась корона,
тщетною вышла пальба...
И на весле у Харона
замерли жизнь и судьба.

514

Арбата больше нет: растаял, словно свеченька,
весь вытек, будто реченька; осталась только Сретенка.
Сретенка, Сретенка, ты хоть не спеши:
надо, чтоб хоть что-нибудь осталось для души!

515

Раз и два.
Нынче ты одна, Маруся, в доме голова.
Раз, два, три.
Ничего, что денег мало, — в поле собери.

Раз и два.
Ты одна, моя Маруся, в доме голова.
Раз, два, три.
Ничего, что горя много, — плюнь и разотри.

516

Мой дом под крышей черепичной
назло надменности столичной
стоит отдельно на горе.
И я живу в нем одиноко
по воле возраста и рока,
как мышь апрельская в норе.

Ведь с точки зрения вселенной
я — мышь и есть, я блик мгновенный,
я просто жизни краткий вздох...
Да, с точки зрения природы
ну, что — моя судьба и годы?
Нечаянный переполох.

517

Становлюсь сентиментальным.
В моем облике печальном
что-то есть от поздних рощ,
по которым с перебором
ходит ветер, по которым
шелестит осенний дождь.

Лист моей щеки коснется,
как прохладная ладонь,
и минувший век проснется,
весь — надежда и огонь.

Пред его закрытой дверью
подымаюсь на носки,
будто помню, будто верю,
будто млею от тоски.

518. ШЕСТИДЕСЯТНИКИ ВАРШАВЫ

Шестидесятники Варшавы,
что вас заботило всегда?
Не призрак злата или славы,
а боль родимого гнезда

И не по воле чьей-то барской
запоминали, кто как мог,
и Яцка баритон бунтарский,
и Виктора тревожный слог.

И в круговерти той безбрежной
внимали все наперечет,
что Витольд вымолвит с надеждой,
что Адам пылко изречет.

Как души жгло от черной хвори!
Но как звенели голоса!
И всё мешалось в этом хоре
и предвещало чудеса.

Конечно, время всё итожит:
и боль утрат, и жар забот,
и стало въявь, что быть не может
чудес — а только кровь и пот.

Шестидесятники Варшавы,
хулы и кары не боясь,
вы наводили переправы,
чтоб песня не оборвалась.

519

Пора уже не огорчаться,
что в жизни предстоит прощаться,
что скоро выпадет пора
обняться дружною семьею
мне с вами, вам же всем — со мною,
пред тем, как сгинуть со двора.

520

Пока от вранья не отвыкнем
традиции древней назло,
покуда не всхлипнем, не вскрикнем:
куда это нас занесло?! —

пока покаянного слова
не выдохнет впалая грудь,
придется нам снова и снова
холопскую лямку тянуть.

521

Собралися молокане,
жар почуяв под ногами.
Взяли в руки тяжкий плуг,
не щадя ни спин, ни рук.

Улеглись пустые споры,
сникли праздные дела.
Только спины — как опоры,
только руки — как крыла.

Шли они передо мною
белой праведной стеною,
лебединым косяком.
Ни печальных и ни слабых.
Белые платки на бабах.
И мужик за мужиком
в белых робах домотканых,
в черных кепках полотняных
с духоборским козырьком.

Улеглись дневные страсти...
Вот и славно! Вот и счастье!
Я им водочки поднес,
чтоб по-русски, чтоб всерьез.

Но они, сложивши крылья,
тихо так проговорили:
«Мы не русские, браток, —
молочка бы нам голоток...»

И запели долгим хором
о Христа явленье скором.
И потрескивал костер,
их сопровождая хор.

В свете искорок бивачных
сонмы ангелов прозрачных
в платях призрачных до пят,
вскинув крылья за спиною,
всё кружились предо мною,
словно листья в листопад.

522

Анжею Мангальяну

По Польше елочки бегут. Над Польшей птицы
пролетают.

Видны задумчивые лица и голубые небеса.
И снова сводит нас судьба, и эти встречи обещают
любовь, и слезы, и надежды, и неземные чудеса.

Когда бы грянул яркий свет, чтоб жить нам
в идеальном мире
среди нетоптанной природы, не зная горечи разлук!..
А тут хотя бы так, мой друг, в твоей прокуренной
квартире,
в твоих видавших виды креслах согрело б нас пожатье
рук

Не будем плакать о былом. Пускай всё так — и это
дело.
Успеть бы сердцем поделиться, последний снег смести
с крыльца...
По Польше елочки бегут, и, значит, Польшка
не сгинела,
а если Польшка не сгинела — еще далече до конца.

<1990>

523

Слово бурь не предвещало — было пламенным
начала.
Слово за слово. И снова — то в восторге, то в тоске.
От прозренья их качало. С неба музыка звучала.
Голубая кровь стучала у ораторов в виске.

И, оглохнув и ослепнув в одночасье в день ненастный,
встали все лицом друг к другу, Бога общего моля,
и потом армянской красной и азербайджанской
красной,
только красной, только красной кровью залило поля.

А потом они лежали на земле своей несчастной.
А живые воздевали в горе руки над собой:
ибо кровь бывает красной, только красной, только
красной,
одинаковой, прекрасной, страстной,
но не голубой.

1990

524

Что происходит под нашими крышами,
в наших сердцах, средь своих и чужих?
Вижу потомка я профиль возвышенный
и удивленье в глазах голубых.

Да, мы старались, да вот пригодится ли
наше старанье на все времена?
Дезик, мне дороги наши традиции:
верность, виктория, вобла, война,

воля, восторг, вероятность везения,
всё, что угасло, как детские сны...
Да не сотрутся в лукавом забвении
гении нашей кровавой вины!

И, растворяясь по капельке в воздухе,
может, когда-нибудь выйдут на свет
сладость раскаянья, слезы и отзвуки
боли, чему и названия нет.

1990

Памяти А. Д. Сахарова

Когда начинается речь, что пропала духовность,
что людям отныне дорога сквозь темень лежит,
в глазах удивленных и в душах святая готовность
пойти и погибнуть, как новое пламя, дрожит.

И это не есть обольщение или ошибка,
а это действительно гордое пламя костра,
и в пламени праведном этом надежды улыбка
на бледных губах проступает, и совесть остра.

Полночные их силуэты пугают загадкой.
С фортуны не спросишь — она свои тайны хранит,
и рано еще упиваться победою сладкой,
еще до рассвета далече... И сердце щемит.

1990

526. ПОДМОСКОВНАЯ ФАНТАЗИЯ

В. Астафьеву

Ворон над Переделкином черную глотку рвет.
Он как персонаж из песни над головой кружится.
Я клювом назвать не осмеливаюсь его вдохновенный
рот,
складками обрамленный скорбными, как у провидца.

И, видя глаз прозорливый и слушая речи его,
исполненные предчувствий, отчаяния и желчи,
я птицей назвать не осмеливаюсь крылатое существо
как будто оно обвиняет, а мне оправдаться нечем.

Когда бы я был поэтом — я бы нашел слова
точные и единственные, не мучаясь, не морочась,
соответствующие склонностям этого существа
и скромным моим представлениям о силе его
пророчеств.

Но я всего стихотворец: так создан и так живу
в пристрастии к строчке и рифме, в безумии этом
нелепом,

и вижу крылья, присущие этому существу,
но не пойму души его, ниспосланной ему небом.

Я выгляжу праздным и временным в застывших его
глазах,
когда он белое облако рассекает крылом небрежным.
Я царствую здесь, в малиннике, он царствует
в небесах,
и в этом его преимущество передо мною, грешным.

Ворон над Переделкином черную глотку рвет,
что-то он всё пророчит мне будто бы ненароком,
и, судя по интонациям, он знает всё наперед...
Но в этом мое преимущество перед лесным пророком.

1990—1991

527

Власть — администрация, а не божество.
Мы же все воспитывались в поклоненье власти.
В этом был наш стимул, в этом было счастье...
вот мы и холопствуем все до одного.
Рабствуем, усердствуем, спины гнем в дугу —
страстотерпцы, праведники, воры, прохиндеи,
западники, почвенники, добрые, злодеи,
бездари, талантливые...

Больше не могу!

<1991>

528

Мимо кладбища едет купец молодой,
теплой пылью дороженьку вымостив.
Колокольчик звенит под дугой золотой:
Видно, Бог к нему всё еще милостив.

Ни тревоги какой, ни беды под рукой,
ни тоски, под колеса подброшенной,
и вокруг как в раю, да и сам он такой —
не названный, не лишний — а прощенный.

Ни морщинки пока на счастливом лице,
невдомек ему горечь прощания.
Ждут подарки его на заветном крыльце,
и счастливые ждут обещания.

Он другим оставляет суму и тюрьму,
что легко своим ближним даруем мы,
и разлуки — другим, а себе самому —
только празднички да с поцелуями.

А послушать: как песни покуда чисты,
как безвинны пока прегрешения...
И плывут мимо брички кресты да кресты,
как природы живой украшения.

<1991>

529

Нет, не от гриппа или умопомрачения,
не на фронте, не от пули палача —
как обидно умереть от огорчения,
раньше времени растаять, как свеча.

Между жизнью и смертью покачаешься,
не успеешь даже родины понять;
пообщаешься с друзьями, поотчаешься,
и пора уже итоги подбивать.

Не поплакаться уже своим родителям —
из задуманного вышла только часть...
Не успеешь нагуляться победителем,
как выходит в побежденные попасть.

<1991>

530

Нашему дикому обществу нужен тиран во главе?
Чем соблазнить обывателя?

Тайна в его голове,
в этом сосуде, в извилинах, в недрах его вещества.
Скрыт за улыбкой умильной злобный портрет
большинства.

К цели заветной и праведной узкая вьется тропа.
Общество, мир, население, публика, масса, толпа,
как они сосредоточенно (оторопь даже берет)
движутся, верят... И все-таки это еще не народ.

Не обольститься б истерикой, не доверять никому,
тем, что клянутся расхристанно в верной любви
к нему.

Эта промашка нелепая может возникнуть в толпе.
Видел всё это воочию. Знаю про то по себе.

<1991>

531

Вы — армия перед походом
в преддверии грозных атак.
Отставка вчерашним свободам!
Всё собрано в жесткий кулак.

Соперника профиль неясный
всё четче под жгучим огнем,
и ваши солдаты прекрасны
в воинственном раже своем.

Всё будет как в том, сорок пятом:
приходит с едой аппетит.
И армия свой ультиматум
предъявит, когда победит.

Рассеется дым над полями,
но вы — уже войско без крыл
с обозами, с госпиталями,
с надгробьями братских могил.

<1991>

532. ПЕСЕНКА КОРНИЛОВЦА

Я тебя давно забыл — имя лишь запомнилось.
Я тобою был любим, а теперь забыт...
Загадал себе любовь — только не исполнилось,
клялся шашкою стальнойю, да по горло сыт.

Русского романа городского
слышится загадочный мотив,
музыку, дыхание и слово
в предсказанье судеб превратив.

За волной волна, и это значит:
минул век, и не забыть о том...
Женщина поет. Мужчина плачет.
Чаша перевернута вверх дном.

<1991>

535. МАРУСЕНЬКА

Какая грусть — лететь в полночном поезде
среди степей и прочих гиблых мест...
Едва хлебнешь начала этой повести,
опомнишься, как вдруг упрешься в Брест.

Марусенька, ты словно незаконная
вдруг вынырнешь из темного угла
и побежишь, а в сердце — дурь вагонная,
а на весу — кошелки барахла.

Там, в облаке, под крышею вокзальной
прозрачный ангел вьется и кружит.
Чем связан он с судьбой твоей печальной?
Как горек хлеб! Как времечко бежит!

Бегут за нами следом обещания
счастливых дней, которых так хотим...
Марусенька, той станции прощания,
тех фонарей огонь неотвратим.

Но будет впрок сумятица вечерняя
и добрый знак твоим младым летам,
что тайна твоего предназначения
не здесь, не здесь — а там, а там, а там...

Пусть судьба ковры не стелет под ноги,
но не забудь совсем в иные дни,
Марусенька, сама витая в облаке,
ты обо мне украдкой помани

<1991>

Д. А. Половец

Вот Дина Абрамовна с улыбкой Фаины Раневской, с ее же глазами, которых не спутаешь: не с кем, еврейская женщина, родом от Красных ворот, где всё расколосось однажды, а в поисках адреса возможно, представьте, попасть и в объятия Лос-Анджелеса, что реже случается именно наоборот.

Да, это, конечно, значительно реже случается. И надо же так нахлебаться, нажраться, отчаяться, что станут профессией Боль, и Надежда, и Даль. А там уж, естественно, белых платочков махание и радостный вздох, а потом затрудненность дыхания, поскольку разлука — не только «отчал да причаль».

И вот она в городе, где поживают колибри и Господа славят, где домики к скалам прилипли, а рядом течет по-арбатски знакомо Ферфакс... И если взглядеться в его тротуары отсюда, Вы, Дина Абрамовна, словно звезда Голливуда, плывете спокойно. В авто. Мимо них. Просто так-с.

1991

537. МАНХЭТТЕН

Променады по Манхэттену... Загадочен Манхэттен! Даже стреляный арбатец и начитанный при этом удивляется, как топчется на стертом пяточке забастовщик в черном галстуке, в тугом воротничке.

Или видит он воочию бродвейскую премьеру, или хиппи, или мусорщика стройного не в меру и различные картинки в этой каменной глуши: ленты, кружева, ботинки — что угодно для души!

И тогда его охватывает, этого арбатца, мир, в который ему выпало так призрачно пробраться, и хотя над ним трепещут еще прежние крыла, но в башке уже колотятся нью-йоркские дела.

Мир компьютеров и кнопок!.. Чем же мы не угодили?
Отчего же своевременно нас не предупредили,
чтоб мы знали: что посеем — то и будем пожинать?
Отчего нас не на кнопочки учили нажимать?

Кто мы есть? За что нам это? Что нас ждет и кто
поможет?

Или снова нас надежда на удачу облапошит?
Или всё же в грудь сомнений просочится тайный яд?
Или буду я, как прежде, облапошиваться рад?

<1991>

538. ШМЕЛЬ В МАССАЧУСЕТСЕ

Ну надо же: шмель подмосковный
откуда куда залетел!
А свой пиджачишко посконный
для пущего форса надел.

А свой локоточек протертый
под крылышко спрятал слегка,
а лапкой как будто нетвердой
коснулся живого цветка.

Не склонный отнюдь к сантиментам,
он словно из ковшика пил
и с русским как будто акцентом
английские фразы бубнил.

Потом покачал головою,
пыльцу утирая со щек...
И вновь загудел над травкою
шляпинский чистый басок.

<1991>

539

На улице моей беды стоит ненастная погода,
шумят осенние деревья, листвою блеклою соря.
На улице моих утрат зиме господствовать полгода:
всё ближе, всё неумолимей разбойный холод декабря.

Всё затянется к утру...
Иллюстрация к добру.

Мир замешан на крови.
Это наш последний берег.
Может, кто и не поверит —
ниточку не оборви...
Иллюстрация к любви.

<1992>

542. МНЕНИЕ ПАНА ОЛЬБРЫХСКОГО

*Русские принесли Польше много
зла, и я презираю их язык...
(анонимная записка из зала)*

«Язык не виноват, — заметил пан Ольбрыхский, —
всё создает его неповторимый лик:
базарной болтовни обсевки и огрызки,
и дружеский бубнеж, и строки вечных книг.

Сливаются в одно слова и подголоски,
и не в чем упрекать Варшаву и Москву...
Виновен не язык, а подлый дух холопский —
варшавский ли, московский — в отравленном мозгу.

Когда огонь вражды безжалостней и круче,
и нож дрожит в руке, и в прорезь смотрит глаз,
при чем же здесь язык, великий и могучий,
вместилище любви и до и после нас?»

<1992>

543. РАЙ

Я в раю, где уют и улыбки,
и поклоны, и снова уют,
где не бьют за былые ошибки —
за мытарства хвалу воздают.

Как легко мне прощенье досталось!
Так, без пропуска, так, налегке...
То ли стража у врат зазевалась,

то ли шторм был на Стиксе-реке,
то ли стар тот Харон в своей лодке,
то ли пьян, как трактирный лакей...

«Это кто ж там, пугливый и кроткий?
Не тушуйся, всё будет о'кей.
Не преминем до места доставить,
в этом я побожиться могу...
Но гитару придется оставить
в прежней жизни, на том берегу.
И претензии к прошлому миру,
и дорогу обратно домой...»

И сулил мне то арфу, то лиру,
то свирель с золотою каймой.
Но, заласканный сладким тем бредом,
дней былых позабыть не могу:
то ли продал кого, то ли предал,
то ли выдал на том берегу.

<1992>

544

Я в Кёльне живу. Возле Копелева.
В Собор захожу по утрам.
Хватает еды мне и топлива,
и мало трагедий и драм.

Из этого, правда, не явствует,
что сытостью я обольщен,
и к людям, в их помыслы частные,
мой въедливый взор обращен.

А что в этих людях таинственных?
И чем они нынче полны?
И нет ли страстей в них воинственных,
а может, уколов вины?

Вот каменщик замер над кладкою,
вот с площади выметен сор,
и улицей, будто украдкою,
задумчивый едет таксёр.

Рабы философии будничной
надежнее прячут улов,
и дух круасанов из булочной
привычен, дразнящ и здоров.

Покуда пророки витийствуют
и учат, как праведно жить,
котомку фортуны единственную
хотя б до крыльца дотащить.

Как всё-таки мало несхожего
во всем, что вокруг наяву...
— Ну как? — вопрошаю прохожего.
— Да так, — отвечает, — живу.

Весь город — как мальчик с обновочкой,
с какою-то тайной в глазах...
Здесь жили и Раечка с Лёвочкой —
да нынче она в небесах.

<1992>

545. ДЕТСКАЯ ПЕСЕНКА

Король ушел на пенсию,
отставлен от двора,
Сменить свою профессию
пришла ему пора.
От трона королевского
он обалдел сполна...
И тут не спросишь, не с кого —
такие времена.

Король ушел на пенсию
под дудку и свирель,
и завершилась песнею
вся эта канитель.
Кричит в восторге публика,
таращит мир глаза:
«Да здравствует республика!» —
такие чудеса.

Нет карнавала радужней.
Но в той толпе, как врос,
стоит тиранчик завтрашний,
засунув пальчик в нос.

Никто и не спохватится:
    перед ними даль светла...
Но время быстро катится —
    такие вот дела.

<1992>

546

Теперь уж снегá не оставят,
теперь уж они навсегда,
и летние бредни растают
в морозном пару навсегда.

Тот замысел первоначальный
потухнет, отброшенный вспять,
и вы вашей ручкой печальной
не сможете грядку вскопать.

Не будет ни киндзы, ни лука.
Повянут, взойти не успев...
И эта вселенская мука
страшнее, чем ярость и гнев.

Как это не к месту, некстати:
апрель, а земля в серебре!
Вы только взгляните, представьте,
что значим мы в этой игре?

В январские шубы одеться?
Всё вспомнить и вновь повторить?..
Когда бы хоть облик гвардейца,
так было б о чем говорить.

Но вам не поможет оковы
разбить до скончания лет
мой праведный, мой бестолковый,
беспомощный мой силуэт.

<1992>

Чувство меры и чувство ответственности
не присущи унылой посредственности.
Сладость жертвы и горечь вины
ей не свойственны и не даны.

Потому-то посредственность эта
не выносит полдневного света —
так и тянет её в темноту...
И знамена кровавого цвета
прикрывают ее наготу.

<1993>

Вы говорите про Ливан...
Да что уж тот Ливан, ей-Богу!
Не дал бы Бог, чтобы Иван
на танке проложил дорогу.

Когда на танке он придет,
кто знает, что ему приспичит,
куда он дула наведет
и словно сдуру что накличет.

Когда бы странником — пустяк,
что за вопрос — когда б с любовью,
пусть за деньгой — уж лучше так,
а не с буденными и с кровью.

Тем более, что в сих местах
с глухих столетий и поныне —
и мирный пламень на крестах,
и звон малиновый в пустыне.

Тем более, что на Святой
Земле всегда пребудут с нами
и Мандельштам, и Лев Толстой,
и Александр Сергеич сами.

<1993>

Тель-авивские харчевни,
забегаловок уют,
где и днем, и в час вечерний
хумус с перцем подают.

Где горячие лепешки
обжигают языки,
где от ложки до бомбежки
расстояния близки.

Там живет мой друг приезжий,
распровавшийся с Москвой,
и насмешливый, и нежный,
и снедаемый тоской.

Кипа, с темечка слетая,
не приручена пока...
Перед ним — Земля Святая,
а другая далека.

А от той, от отдаленной,
сквозь пустыни льется свет,
и ее, неуголенной,
нет страшней и слаще нет...

...Вы опять спасетесь сами.
Бог не выдаст, черт не съест.
Ну, а боль навеки с вами,
боль от перемены мест.

<1993>

550. РОМАНС

В. Никулину.

В Иерусалиме первый снег.
Побелели улочки крутые.
Зонтики распахнуты у всех
красные и светло-голубые.

Наша жизнь разбита пополам,
да напрасно счет вести обидам.
Всё сполна воздастся по делам
грустным и счастливым, и забытым.

И когда ударит главный час
и начнется наших душ поверка,
лишь бы только ни в одном из нас
прожитое нами не померкло.

Потому и сыплет первый снег.
В Иерусалиме небо близко.
Может быть, и короток наш век,
но его не вычеркнуть из списка.

<1993>

551

Новелле Матвеевой

Мы — романтики старой закалки
из минувшей и страшной поры.
Мы явились на свет из-под палки,
чтоб воспеть городские дворы.

Струн касались рукою привычной,
и метался меж нами, как зверь,
целомудренный ангел столичный,
одурев от любви и потерь.

Ну, а нынче, запутавшись между
давней страстью своей и виной,
расплатиться хотим за надежду
самой горькой дворовой ценой.

<1993>

552

Вот приходит Юлик Ким и смешное напевает.
А потом вдруг как заплачет, песню выплеснув в окно.
Ничего дурного в том: в жизни всякое бывает —
то смешно, а то и грустно, то светло, а то темно.

Так за что ж его тогда не любили наши власти?
За российские ли страсти? За корейские ль глаза?
Может быть, его считали иудеем? Вот так здрасьте!
Может, чудились им в песнях диссидентов голоса?

Страхи прежние в былом. Вот он плачет и смеется
и рассказывает людям, кто мы есть и кто он сам.
Впрочем, помнит он всегда, что веревочка-то вьется...
Это видно по усмешке, по походке, по глазам.

<1993>

553

Рахели

Сладкое бремя, глядишь, обернется копейкою:
кровью и порохом пахнет от близких границ.
Смуглая сабра с оружием, с тоненькой шейкою
юной хозяйкой глядит из-под черных ресниц.

Как ты стоишь... как приклада рукою касаешься!
В темно-зеленую курточку облачена...
Знать, неспроста предо мною возникли, хозяйюшка,
те фронтовые, иные, мои времена.

Может быть, наша судьба, как расхожие денежки,
что на ладонях чужих обреченно дрожат...
Вот и кричу невпопад: до свидания, девочки!
Выбора нет! Постарайтесь вернуться назад!..

<1993>

554

Что есть полоски бересты,
разбросанные перед нами?
Они — как чистые листы,
украшенные письменами.

Из тех рисунков и значков
к нам, в нашу жизнь, под наши своды
врывается из тьмы веков
исповедальный крик природы.

Непраздным опытом полна,
она тот крик в листы заносит,
и что-то всё твердит она:
предупреждает или просит?

<1993>

555

Пока он писал о России,
не мысля потрафить себе,
его два крыла возносили —
два праведных знака в судьбе.

Когда же он стал «патриотом»
и вдруг загордился собой,
он думал, что слился с народом,
а вышло: смешался с толпой.

<1993>

556. ПЕСЕНКА ЛЬВА РАЗГОНА

— Лёва, как ты молодого выглядишь!

*— А меня долго держали в
холодильнике... (в лагере)*

Я долго лежал в холодильнике,
омыт ледяною водой.
Давно в небесах собутыльники,
а я до сих пор молодой.

Преследовал Север угрозой
надежду на свет перемен,
а я пригвоздил его прозой —
пусть маленький, но феномен.

По воле судьбы или случая
я тоже растаю во мгле,
но эта надежда на лучшее
пусть светит другим на земле.

<1993>

Матушки Нонна и Анна,
здесь, в Гефсиманском саду,
гром и ледовая манна
этой зимою в ходу.

Снежное крошево льется,
но до скончания лет
солнышко всё же пробьется —
в этом сомнения нет.

Матушки Анна и Нонна,
что ни грозило бы впредь,
небо глядит благосклонно —
будем любить и терпеть.

<1993>

Со скоростью сто сорок километров
под музыку ночных французских ветров
я ехал из Нормандии в Париж.
Откинувшись лениво на сиденье,
не в «Жигулях» я ехал — в «ситроене»,
московский запоздалый нувориш.

Я песни пел, я с Францией общался,
в Париж к своим пенатам возвращался,
и не понять, откуда что бралось.
Я был почти что на верху блаженства,
и каждый жест был полон совершенства...
Как что-то вдруг во мне оборвалось.

Припомнилось, привиделось, приснилось,
пригрезилось, и всё остановилось
на том углу, где был я юн и слеп,
в землянке той, не слишком-то удобной,
перед лицом моей фортуны злобной
я выронил из рук свой сладкий хлеб.

Грядущего бытья нечеткий профиль:
пора считать, да вроде час не пробил,
пора забыть, да как-то не с руки...

Что это было, Господи мой Боже?!
Нормандия. Апрель. Мороз по коже.
Ночной пейзаж: И всё — не пустяки.

Не то движенье это скоростное,
а может, просто что-то возрастное:
все радости — гори они в огне...
Когда-нибудь за жизнь свою вторую
я это всё, конечно, расшифрую,
а нынче это недоступно мне.

<1993>

559

Под копытами снег голубой примят,
Еду в возке я по чужой стороне...
Так грустно, брат мой, грустно, мой брат!
Ах, кабы вспомнил кто обо мне.

Там горит огонек у того леска.
Еду в возке я. Дуга на коне...
Всё тоска окружает, тоска, тоска!
Ах, кабы вспомнил кто обо мне.

Всё чужие леса да чужая даль.
И мороз страшней, и душа в огне...
А печаль-то, мой брат, печаль, печаль!
Ах, кабы вспомнил кто обо мне.

<1993>

560

А. Приставкину

Насколько мудрее законы, чем мы, брат, с тобою!
Настолько, насколько прекраснее солнце, чем тьма.
Лишь только начнешь размышлять над своею судьбою,
как тотчас в башке — то печаль, то сума, то тюрьма.

А долго ль еще колесить нам по этим дорогам
с тоскою в глазах и с сумой на сутулой спине?
И кто виноват, если выбор, дарованный Богом,
выходит нам боком? По нашей, по нашей вине.

507

Конечно, когда-нибудь будет конец этой драме,
а нынче всё то же, что нам непонятно самим:
насколько прекрасней портрет наш в ореховой раме,
чем мы, брат, с тобою, лежащие в прахе пред ним!

<1993>

561. ТАМОЖЕННОЕ

Как будто кто-то в небе играет на трубе!
Сладка родная речь!.. Как это мило!..
Но слышится: «А ну-ка, пройдите все в купе!..»
То родина со мной заговорила.

Таможенник прекрасный, послушай мой рассказ,
покуда остановка наша длится.
Без лишнего кокетства, без лжи и без прикрас
с тобою я успею поделиться.

Когда я был в Париже (предание свежо),
в квартире скромной жил, как миллионы.
Морис, в футбол влюбленный, катал меня в «пежо»,
официанты были благосклонны.

Чего ни пожелаешь — лишь руку протяни,
ну просто словно в сказочной пиесе.
Всегда с тобою рядом — Елена Мартини,
а рядом с ней — Ковальский в «мерседесе».

Париж прекрасный город, устроенный хитро
в том смысле, что продуман он как надо:
там всё к твоим услугам от песен до метро,
от мяса и вина до авокадо.

Конечно, там хватает трагедий и проблем:
ведь без проблем мертва людская масса.
И вот они бастуют, шумят, а между тем
им всем хватает молока и мяса.

Таможенник прекрасный, ну что тебе во мне?
Корысть ли, долг ли? Что с тобой такое?
Не только ты, служивый, мы все, мой друг, в дерьме,
и оттого-то нету нам покоя.

У каждого народа — свой Бог, свое лицо.
И нам, бывает, счастье выпадает.
Вот и метем метлою парадное крыльцо...
А все-таки чего-то не хватает.

<1993>

562

Не обязательны пуля и кнут,
чтобы холопов плодить повсеместно.
Голод и холод почище согнут,
и унижения — это известно.

Если напрасною станет борьба
и недоступнее вновь перемена,
выйдут ответчики рок, и судьба,
и Провидение — всенепременно.

Что же валить понапрасну, на них?
Разве от этого счастья прибудет?
Нам бы удачи хотя б на двоих —
всем остальным облегчение будет.

<1993>

563

Что нужно муравью, когда он голоден?
Две жирных тли. Паси, дурак, паси...
Не перечеть счастливых в нашем городе —
их много так, что Боже упаси!

<1993>

564. ОТЪЕЗД

Владимиру Спивакову

С Моцартом мы уезжаем из Зальцбурга.
Бричка вместительна. Лошади в масть.
Жизнь моя, как перезревшее яблоко,
тянется к теплой земле припасть.

509

Ну а попутчик мой, этот молоденький,
радостных слёз не стирает с лица.
Что ему думать про век свой коротенький?
Он лишь про музыку, чтоб до конца.

Времени нету на долгие проводы...
Да неужели уже не нужны
слёзы, что были недаром ведь пролиты,
крылья, что были не зря ведь даны?
Ну а попутчик мой ручкою нервной
машет и машет фортуне своей,
нотку одну лишь нащупает верную —
и заливается, как соловей.

Руки мои на коленях покоятся,
вдох безнадежный густеет в груди:
там, за спиной — «До свиданья, околица!»...
И ничего, ничего впереди.
Ну а попутчик мой божеской выпечки,
не покладая стараний своих,
то он на флейточке, то он на скрипочке,
то на валторне поет за двоих.

<1994>

565. ПАМЯТИ АЛЕСЯ АДАМОВИЧА

Старость — явление не возрастное.
То ли итог поединка с судьбой,
то ли, быть может, предчувствие злое,
то ли сведение счетов с собой.

И ни один златоустый потомок
не извлечет вдохновенно на свет
из отдаленных ли близких потомков
то, чего не было вовсе и нет.

Вот и дочитана сладкая книжка,
долгие годы в одно сведены,
и замирает обложка, как крышка,
с обозначением точной цены.

1994

Меня удручают размеры страны проживания.
 Я с детства, представьте, гордился отчизной такой.
 Не знаю, как вам, но теперь мне милей и желаннее
 мой дом, мои книги, и мир, и любовь, и покой.

А то ведь послушать: хмельное, орущее, дикое,
 одетое в бархат и в золото, в прах и рваньё —
 гордится величиём! И всё-таки слово «великое»
 относится больше к размерам, чем к сути ее.

Пространство меня удручает, влечет, настораживает,
 оно — как посулы слепому на шатком крыльце:
 то белое, красное, серое, то вдруг оранжевое,
 а то голубое... Но черное в самом конце.

<1995>

На почве страха и тоски
 рождаются в башке химеры.
 Я трачу чистые листы,
 изображая их манеры.

Срисовываю их с себя,
 кошусь на них пугливым оком,
 как, издеваясь и сопя,
 они бесчинствуют под боком.

И искаженный профиль мой
 со стороны всего виднее...
 Пожалуй, не найти бледнее
 перед сумою и тюрмой.

<1995>

Тщеславие нас всех подогревает.
 Пока ж никто и не подозревает,
 как мы полны тщеславием своим,
 давайте в скромных позах постоим.

А это значит: не боксер на ринге,
не заводила — оторви да брось,
а глазки в пол, а ручки на ширинке,
а пятки вместе, а носочки врозь.

И вот тогда удача улыбнется,
тогда и постреляем по своим.
Кто рвется к власти — всласть ее нажрется...
А нынче в скромных позах постоим.

<1995>

569

История, перечь ей — не перечь,
сама себе хозяйка и опора.
Да здравствует, кто сможет уберечь
ее труды от суетного вздора!

Да, не на всех нисходит благодать,
не всем благоприятствует течение.
Да здравствует, кто сможет разгадать
не жизни цель, а свет предназначенья!

<1995>

570

Давайте чашу высечем хрустальную
из голубого хрусталя
под музыку резца печального
в честь ловких пальцев кустика.

Давайте позабудем дерзость вздорную
на диком берегу своем;
на чашу глядя ту, на рукотворную,
иные дали воспоем.

В который раз не зря ж мы души подняли
и речи о правде завели...
На свете нет заботы благороднее,
чем украшение земли.

Она нам всем — и первый крик и матушка,
да и последнее жильё.
Ах, только б ни кровинушки, ни пятнышка
веки на челе ее!

<1995>

571

Лицо у завистника серое с желтым оттенком,
поэтому он благодарен житейским потемкам,
где цвет этот странный как будто размазан по стенкам,
ну чтоб попрличнее, что ли, пробиться к потомкам.

<1995>

572. ПАМЯТИ БОРИСА ЧИЧИБАБИНА

Ускользнул от нас Борис.
А какой он был прекрасный!
Над судьбою мы не властны,
хоть борись — хоть не борись.

И глядит издалека,
улыбается и плачет...
Время ничего не значит.
Перед ним — века, века.

1995

573. ПЕРЕД ВИТРИНОЙ

Вот дурацкий манекен, расточающий улыбки.
Я гляжу через стекло. Он глядит поверх меня.
У него большая жизнь, у меня ж — одни ошибки...
Дайте мне хоть передышку и крылатого коня!

У него такой успех! Мне подобное не снится.
Вокруг барышни толпятся, и милиция свистит.
У него — почти что всё, он — почти что заграница,
а с меня ведь время спросит и, конечно, не простит.

Мой отец погиб в тюрьме. Мама долго просидела.
Я сражался на войне, потому что верил в сны.
Жизнь меня не берегла и шпыняла то и дело.
Может, я бы стал поэтом, если б не было войны.

У меня медаль в столе. Я почти что был героем.
Манекены без медалей, а одеты хоть куда.
Я солдатом спину гнул, а они не ходят строем,
улыбаются вальяжно, как большие господа.

Правда, я еще могу ничему не удивляться,
выпить кружечку, другую, поскользнуться на бегу.
Манекены же должны днем и ночью улыбаться
и не могут удержаться. Никогда. А я могу.

Так чего же я стою перед этою витриной
и, открывши рот, смотрю на дурацкий силуэт?
Впрочем, мне держать ответ и туда идти с повинной,
где кончается дорога... А с него и спросу нет.

<1996>

574

Нынче я живу отшельником
меж осинником и ельником,
среди лени и труда.
И мои телохранители —
не друзья и не родители...
Солнце, воздух и вода.

<1996>

575

Если б можно было тихо умереть:
без болячек, не сказав ни слова;
на леса и горы посмотреть,
удивиться жизни, и... готово.

<1996>

576. ОБОЛЬЩЕНИЕ

В старинном зеркале стенном, потрескавшемся,
тускловатом,
хлебнувший всякого с лихвой, я выгляжу аристократом,
и млею, и горжусь собою, и с укоризною гляжу
на соплеменников ничтожных — сожителей по этажу.

Какие жалкие у них телодвижения и лица!
Не то что гордый профиль мой, достойный
с вечностью слиться.

Какие подлые повадки и ухищрения у них!
Не то что зов фортуны сладкий и торжество надежд
МОИХ.

Знать, высший смысл в моей судьбе златые
предсказали трубы...

Вот так я мыслю о себе, надменно поджимая губы,
и так с надеждою слепую в стекло туманное гляжу,
пока холопской пятернею к щеке своей не прикоснусь.

<1996>

577

Малиновка свистнет и тут же замрет,
как будто я должен без слов догадаться,
что значит всё это и что меня ждет,
куда мне идти и чего мне бояться.

Напрасных надежд долгожданный канун.
Березовый лист на лету бронзовеет.
Уж поздно. Никто никого не заменит...
Лишь долгое эхо оборванных струн.

<1996>

578. В АЛЬБОМ

И. Лиснянской

Что нам досталось, Инна,
как поглядеть окрест?
прекрасная картина
сомнительных торжеств,

поверженные храмы
и вера в светлый день,
тревожный шепот мамы
и Арарата тень.

А что осталось, Инна,
как поглядеть вокруг?
Бескрайняя равнина,
и взмах родимых рук,
и робкие надежды,
что не подбит итог,
что жизнь течет, как прежде,
хоть и слезой со щек.

<1996>

579

Вымирает мое поколение,
собралось у двери проходной.
То ли нету уже вдохновения,
то ли нету надежд. Ни одной.

<1996>

580

Мгновенна нашей жизни повесть,
такой короткий промежуток,
шажок, и мы уже не те...
Но совесть, совесть, совесть, совесть
в любом отрезке наших суток
должна храниться в чистоте.

За это, что ни говорите,
чтоб всё сложилось справедливо,
как суждено, от А до Я,
платите, милые, платите
без громких слов и без надрыва,
по воле страстного порыва,
ни слез, ни сердца не тая.

<1996>

Вот какое нынче время —
 всё в проклятьях и в дыму...
 Потому и рифма «бремя»
 соответствует ему.

<1996>

Ничего, что поздняя поверка.
 Всё, что заработал, то твое.
 Жалко лишь, что родина померкла,
 что бы там ни пели про нее.

<1996>

583. СВАДЕБНОЕ ФОТО

*Памяти Ольги Окуджава
 и Галактиона Табигзе*

Тетя Оля, ты — уже история:
 нет тебя — ты только лишь была.
 Вот твоя ромашка, та, которая
 из твоей могилки проросла.

Вот поэт, тогда тебя любивший,
 муж хмельной — небесное дитя,
 сам былой, из той печали бывшей,
 из того свинцового житья.

А на фото свадебном, на тусклом,
 ты еще не знаешь ничего:
 ни про пулю меж Орлом и Курском,
 ни про слезы тайные его.

Вот и восседаешь рядом тихо
 у нестрашных, у входных дверей,
 словно маленькая олениха,
 не слылавшая про егерей.

<1996>

Был Лондон предо мной. А нынче вновь всё то же.
 Был Лондон предо мной и чистое крыльцо.
 Был Лондон предо мной. А нынче — дрожь по коже
 и родины больной родимое лицо.

<1996>

Мне русские милы из давней прозы
 и в пушкинских стихах.
 Мне по сердцу их лень, и смех, и слезы,
 и горечь на устах.

Когда они сидят на кухне старой
 во власти странных дум,
 их горький век, подзвученный гитарой,
 насмешлив и угрюм.

Когда толпа внизу кричит и стонет,
 что — гордый ум и честь?
 Их мало так, что ничего не стоит
 по пальцам перечесть.

Мне по сердцу их вера и терпенье,
 неверие и раж...
 Кто знал, что будет страшным пробужденье
 и за окном — пейзаж?

Что ж, век иной. Развеяны все мифы.
 Повержены умы.
 Куда ни посмотреть — всё скифы, скифы.
 Их тьмы, и тьмы, и тьмы.

И с грустью озираю землю эту,
 где злоба и пальба.
 И кажется, что русских вовсе нету,
 а вместо них толпа.

Я знаю этот мир не понаслышке:
 я из него пророс,
 но за его утраты и излишки
 с меня сегодня спрос.

<1996>

Резо Габриагзе

А вот Резо — король марионеток,
чей тонок вкус и каждый палец меток:
марионетки из его ребра.
В них много и насмешки, и добра.

И нами управляет Провиденье,
хоть ниточек и скрыта череда...
Но как похожи мы! Вот совпадение!..
Не обольщайтесь волей, господа!

<1996>

Украшение жизни моей:
засыпающих птиц перепалка,
роза, сумерки, шелест ветвей
и аллеи Саксонского парка.

И не горечь за прошлые дни,
за нехватку любви и ласки...
Всё уходит: и боль, и огни,
и недолгий мой полдень варшавский.

<1996>

Лучше безумствовать в черной тоске,
чем от прохожих глаза свои прятать.
Лучше в Варшаве грустить по Москве,
чем на Арбате по прошлому плакать.

<1996>

Поверившие в сны крамольные,
владельцы злата и оков,
наверно, что-то проворонили
во тьме растаявших веков.

И как узнать, что там за окнами?
Какой у времени расчет?..
Лишь дрожь в душе, и плечи согнуты,
и слезы едкие — со щек.

Но эти поздние рыдания
нас убеждают неспроста,
что вечный мир спасут страдания,
а не любовь и красота.

<1996>

590

Дальний звук городского романса,
несмотря на январь и мороз.
Юность кончилась. Голос сломался.
Всё не в шутку уже, а всерьез.

<1996>

591

Возражение — не спор,
лишь желанье потасовки.
Это тёмный коридор,
где укрыты мышеловки.
Идиоту без сноровки
не везет в нем с давних пор:
чем внушительнее вздор,
тем мучительней уловки.

<1996>

592

Силуэт мой будничным хмурится, сутулится,
музыка забытая снова души рвет.
Танго моей юности на киевской улице.
Мартовская оттепель. Девяностый год.

<1996>

Вот Тюрингии столица.
 Нам бы в ней повеселиться!..
 И проследовали.
 В этом городе зелёном
 Александр с Наполеоном
 всё беседовали.

Два тирана, два кумира,
 разделившие полмира.
 Им прислуживали.
 А они — про то и это,
 то есть знание предмета
 обнаруживали.

Вот и мы пивцо гоняем,
 но одно лишь вспоминаем:
 годы проклятые.
 Не щадя ни слов, ни пыла,
 лишь о том, что с нами было,
 словно чокнутые.

<1996>

Вот постарел, и стало холодно, и стало тихо на земле.
 Не то чтоб шум житейский кончился и крики сгинули
 во мгле.
 Нет-нет, и крики продолжают, и розы красные
 в соку,
 и солнце жжет... А мне вот холодно — никак согреться
 не могу.

<1996>

От стужи, от метелей и от вьюг,
 от полчищ соплеменников несчастных,
 бывало, улетали мы на юг
 для поисков пристанищ безопасных.

Так жили мы в иные времена,
но давние дороги позабыты,
и к северу торопится война.
и юг сожжен, и компасы разбиты.

Пророчества сбываются теперь.
Видать, пришло им времечко сбываться:
распахиваю запертую дверь,
но... продолжаю, как всегда, бояться.

<1996>

596. В КАРЕТЕ ПРОШЛОГО

1

В карету прошлого сажусь. Друзья в восторге.
Окрестный люд весь двор заполнил.
Тюльпаны в гривах вороной четверки,
и розу кучер к шляпе прицепил.
С улыбкою я слышу из-за шторы
ликующий шумок скороговорки...
Не понимаю: чем я угодил?
Как будто хлынул свет во все каморки,
которыми кишат еще задворки,
как прошлого неповторимый жест...
Не понимаю сути сих торжеств.

2

Я что хочу? В минувший век пробраться.
Быть может, там — секреты бытия,
что так бездарно в канувшем таятся
и без которых нынче жалок я.
Вот и рискую. А куда деваться?
И обойдусь, такое может статься,
без ваших правд и вашего вранья.
Как просто всё! Чего же тут бояться?
И визы ведь не нужно добиваться
и всяких циркуляров и словес,
пожалованных будто бы с небес.

3

Мы трогаемся. Тут же ироничный,
 глумливый хор арбатский слышен вслед.
 Как понимать? На мне костюм приличный,
 не под судом, долгов как будто нет.
 Я здесь рожден, я — баловень столичный,
 к мытарствам и к хуле давно привычный...
 Не понимаю: чем я застю свет?
 Кому мешает мой поступок личный?
 Чей шепоток несется фанатичный,
 что мне, мол, не уехать далеко?..
 Не понимаю: едетя легко.

4

Откинувшись, я еду по бульварам,
 Пречистенке, Никитской и Сенной.
 Вот дворник с запотевшим самоваром,
 а вот субботний митинг у пивной,
 где некто норовит надраться даром.
 Его городской порочит с жаром,
 а барышня обходит стороной.
 Попахивает анекдотцем старым
 с папашей-недотепой и гусаром...
 И в этот водевильный ералаш
 въезжает мой стерильный экипаж.

5

Стоит июль безветренный и знойный,
 на козлах кучер головой поник,
 Мясницкою плетется скот убойный
 (народ не только баснями велик).
 Виновного в тюрьму ведет конвойный,
 и оба лучшей участи достойны,
 но каждый к этой участи привык.
 Прошла война, грядут другие войны,
 их воспевают бардов хор нестройный,
 героев прославляя имена
 всё те же, что и в наши времена.

Минувшее мне мнится водевильным,
 крикливым, как пасхальное яйцо.
 Под ярмарочным гримом, под обильным,
 лубочное блестит его лицо.
 Отряхивая бутафорским, пыльным
 отрепьем то военным, то гражданским,
 комедиант взбегает на крыльцо
 и голосом глухим и замогильным
 с каким-то придыханием бессильным
 вещает вздор, сивухую томим...
 Минувшее мне видится таким.

И всё-таки я навзничь пораженным
 не падаю. Не проявляю прыть.
 На всем пути, в былое протяженном,
 Америки, я вижу, не открыть.
 И не каким-то городским пижоном,
 а путником, в раздумья погруженным,
 я продолжаю потихоньку плыть;
 всё тем же завсегдаем прожженным,
 картинками из быта окруженным...
 Кого-то, знать, их правда потрясла,
 но не меня. Я не из их числа.

И вижу: ба, знакомые всё лица,
 и речи, и грехи из года в год!
 В одежке, может, малая крупица
 нас различает — прочее не в счет.
 Так стоило ли в даль сию тащиться,
 чтоб выведать, в чем разница таится?
 Уж эта ловля блох из рода в род!..
 Куда течешь, ленивая столица?
 Успел уже и кучер притомиться:
 Он в этом разбирается весьма,
 хоть не учил ни счета, ни письма.

Отбив бока и с привкусом отравы
 во рту, я поздно начал понимать:
 для поисков мифической державы
 вояжи ни к чему предпринимать:
 итоги их, как водится, лукавы,
 а за пределы выходить заставы —
 ну разве что суставы поразмять.
 Дворовые пророчества, вы правы:
 я жертвой стал совсем пустой забавы,
 с которой с детства кем-то связан был...
 Движение я переоценил!

«Дай Бог», — я говорил и клялся Богом,
 «Бог с ним», — врага прощая, говорил
 так, буднично и невысоким слогом,
 так, между дел, без неба и без крыл.
 Я был воспитан в атеизме строгом.
 Перед церковным не вздыхал порогом,
 но то, что я в вояже том открыл,
 скитаясь по минувшего дорогам,
 заставило подумать вдруг о многом.
 Не лишним был раздумий тех итог:
 пусть Бога нет, но что же значит Бог?

Гармония материи и духа?
 Слияние мечты и бытия?
 Пока во мне всё это зреет глухо,
 я глух и нем и неразумен я.
 Лишь шум толпы влетает в оба уха.
 И как тут быть? Несовершенство слуха?
 А прозорливость гордая моя?
 Как шепоток, когда в гортани сухо,
 как в просторечье говорят, «непруха»...
 А Бог, на всё взирающий в тиши, —
 гармония пространства и души.

Скорей назад, покуда вечер поздний
 движенья моего не перекрыл!
 И там и здесь — одни и те же козни,
 добро и зло и пагубность чернил,
 кровавой сечи шум и запах розни,
 хотя неумолимей и серьезней,
 но тот же, тот же, что и прежде был...
 И всякий день, то знойный, то морозный,
 нам предстает судьбою нашей грозной.
 История нам кажется дурной.
 А сами мы?.. А кто тому виной?..

И в наши дни, да и в минувшем веке,
 как это парадоксом ни зови,
 всё те же страсти бьются в человеке:
 в его мозгу, и в жестах, и в крови.
 Всех нас ведет путеводитель некий,
 он сам приподымает наши веки,
 и нас сжигает то огонь любви,
 а то страданье о родимом бреге,
 то слепота от сытости и неги...
 А то вдруг распояшется толпа,
 откинув чубчик праздничный со лба.

...Чем тягостней кареты продвиженье,
 тем кажется напраснее езда.
 Печально распалать воображенье,
 но расслаблять не стоит повода.
 Крушение надежд — не поражение,
 и наших лиц святое выраженье,
 авось, не исказится от стыда.
 стакан вина снимает напряженье...
 Как сладостно к пенатам возвращенье!
 Да не покинем дома своего,
 чтоб с нами не случилось бы чего.

Ах, если бы можно уверенней
и четче в сей трудный момент:
расплывчатость чистых намерений —
не лучший к добру аргумент.

Две жизни прожить не дано,
два счастья — затея пустая.
Из двух выпадает одно —
такая уж правда простая.

Кому проиграет труба
прощальные в небо мотивы,
кому улыбнется судьба,
а он улыбнется счастливый.

Погода что-то портится,
тусклее как-то свет.
Во что-то верить хочется,
да образцов всё нет.

Поверь мне, Агнешка, грядут перемены...
Так я написал тебе в прежние дни.
Я знал и тогда, что они неперемённы,
лишь ручку свою ты до них дотяни.

А если не так, для чего ж мы сгораем?
Так, значит, свершится всё то, что хотим?
Да, всё совершится, чего мы желаем,
оно совершится, да мы улетим.

Как улыбается юный флейтист,
 флейту к губам прижимая!
 Как он наивен, и тонок, и чист!
 Флейта в руках как живая.

Как он старается сам за двоих,
 как вдохновенно всё тело...
 И до житейских печалей моих
 что ему нынче за дело?

Вот он стоит у метро на углу,
 душу раскрыв принародно,
 флейту вонзая как будто иглу
 в каждого поочередно.

Вот из прохладной ладони моей
 в шапку монетка скатилась...
 Значит, и мне тот ночной соловей —
 кто он, скажите на милость?

Как голосок соловья ни хорош,
 кем ни слыву я на свете,
 нету гармонии ну ни на грош
 в нашем счастливом дуэте.

Покуда на экране куражится Сосо,
 история всё так же вращает колесо.

Когда же он устанет и скроется во тьму,
 мы будем с прежней страстью прислуживать ему.

И лишь тогда, пожалуй, на место встанет всё,
 когда нас спросит правнук: «А кто такой Сосо?»

Через два поколения выйдут на свет
 люди, которых сегодня нет.

Им будут странными страхи мои,
искаженный овал моего лица.
Ниточка неразделенной любви
вонзится пулею в их сердца.
Им будет робость моя чужда,
они раскованней будут и злей...
Зависть, ненависть и вражда
взойдут над просторами их полей.

604

«Шибко грамотным» в обществе нашем
неуютно и как-то темно.
Нет, не грохот проклятий им страшен —
злой шепот, возникший давно.

605

Я обнимаю всех живых,
и плачу над умершими,
но вижу замершими их,
глаза их чуть померкшими.

Их души вечные летят
над злом и над соблазнами.
Я верю, что они следят,
как плачем мы и празднуем.

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВХОДИВШИЕ
В АВТОРСКИЕ СБОРНИКИ

---

606. МОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Октябрь. Петроград, возбужденный
осенний...
Не на наших глазах совершалось начало,
не видело Ленина
мое поколение
и в Смольном в ту ночь
на посту не стояло.
Не нас посылал он с матросами
к Зимнему,
заревом наступленья объятому;
не мы сражались с Ленина именем
под Перекопом и под Кронштадтом.
Мое поколение
выросло позже,
оно в колыбелях
еще лежало,
когда Москва
на Красную площадь
в молчанье торжественно
его провожала.
Герои того
сурового племени,
овейные
революции ветром,
мальчишкам рассказывали о Ленине
тепло, как
о самом большом
и светлом.
И эту любовь,
растя и испытывая,
стараясь ему подражать во всем,
я больше всего
мальчишкой завидовал
тем,
кто с Лениным был знаком,

тем, кого посылал он к Зимнему,
руки кому пожимал горячо,
кто умирал с этим светлым именем,
с мужеством,

данным ему Ильичом.

Нет,

непроста,

в повседневном горении

жизнь к коммунизму

трудом торопя,

с самого детства

мое поколение

ленинцами называет себя.

Ведь для него, боевого и чистого,
приближающего дальние дали,
высшее счастье —

быть коммунистами

такими, как Ленин,

такими, как Сталин.

<1953>

607. ВЕСЕННЕЕ

Весна — не только ледоход и грозы,
и теплый ветер на лице твоём,
апрельских звезд бесчисленная россыпь,
и первый гимн, пропетый соловьем.
Знакомые весенние дары...

Наш город стал совсем неузнаваем:
еще вчера спешили маляры,
кистями разноцветными играя,
и мостовую дворники мели.

Но вот звезда последняя погасла,
и улицы внезапно шелком красным,
знаменным шелком буйно зацвели.

Но, проходя по городу в колоннах
и вдохновеньем творчества горя,
мы не забыли тех, что под знамена
вставали в те года, до Октября;
вставали, как в сражениях встают,
встречая испытание любое...

Они любили Родину свою
горячей, неизменной любовью,
любили жизнь, а им — петля и кнут,
сибирский плен суровый и далекий,
и люди, полюбившие Весну,
шагали по Владимирской дороге.
Лихая смерть смотрела им в глаза,
над ними тучи сумрачно висели.
Их жаркой крови падала роса
на майскую нетронутую зелень.
Нет, памяти о них года не скроют,
и гул боев минувших не затих:
ведь мы любить учились у героев,
И мужеству учились мы у них,
у них, великих, и у них, безвестных,
у них, добром помянутых не раз...
Они идут сегодня с нами вместе,
они во всем, что окружает нас:
в строительства размахе и величье,
в расцветших яблонь утреннем дыму
и в том, что мы хозяевами нынче
по городу проходим своему.

<1954>

608. ГОСТИ

Далекий путь. Вагоны за вагоном
к моей Москве настойчиво бегут,
их то обнимет лес огнем зеленым,
то степи под колеса упадут.

А паровоз кричит, землей красивой
как будто бы впервые удивлен.
И смотрят, смотрят на простор России
взволнованные гости из окон.

Они прошли со всех окраин света...
Каких препятствий не было в пути!
Но впереди была Москва, и это
им дало сил пробиться и пройти.

Еще клубится ночь, и в небе звезды,
заветный час пока еще вдали,
и можно спать вполне под стук колесный,
но гости к темным окнам подошли.

Постель забыта. Нынче не до сна им.
Незванным гостем сон уходит прочь.
Не спится им. Они часы сверяют
уже который раз за эту ночь.

И каждый смотрит в темноту ночную,
как будто разглядеть стремится там
свою надежду давнюю, живую,
не сдавшуюся пыткам и годам.

И вот уж за спиною версты странствий,
вот, наконец, гремит гудка раскат...
Мелькнуло подмосковье. Здравствуй! Здравствуй!
В рассветной дымке вставшая Москва.

Высокий негр улыбкою светлеет,
испанец руку сжал в кулак свою,
как будто перед матерью своею
немую клятву дав стоять в бою.

Москва! Москва! Их будущее в этом.
Их этот новый мир спаял, сроднив.
Они отсюда понесут по свету
своих сердец зажженные огни.

<1954>

609. О МЕЛОЧАХ

Большая река из ручьев незаметных растет.
Большие дела вырастают из мелких забот,
но может случиться, встречается в жизни у нас:
теряется дружба за горечью мелких обид,
тускнеют хорошие мысли за мусором фраз,
за частым вздыханьем порою не сыщешь любви.
А разве не мы, провожая погибших, клялись,
что будет им памятью наша высокая жизнь:
и разве не нас, опалив, научила война
любить эту жизнь до последнего вдоха, до дна,

любить и в веселье и в дни испытаний больших...
Храните же эту любовь, как святая святых,
украсьте делами ее, а не громом речей,
чтоб не было в жизни досадных, пустых мелочей,
а если уж мелочь, то чтоб и она кирпичом
ложилась в работу, которой мы с вами живем.

<1954>

610. В ДОРОГУ

Так уже заведено у нас.
Сын родился. Сколько нежных фраз,
сколько предсказаний

и пророчеств:

Он уже

известный миру летчик,
композитор,
инженер,
поэт...

Все с улыбкой

смотрят на него,
а ему еще

и года нет —
три-четыре дня ему всего.

Так уже заведено у нас.
Вот окончит он десятый класс.
И неожиданно

в первый день цветенья
постучится в дверь

разлуки час,
час,

который ждет со дня рожденья
и хранится,

словно под замком,
чтоб пока не думали о нем
до поры,

до времени,
до срока...

В общем, час,

который в каждый дом,
будто бы случайно, ненароком,
может постучать

однажды днем.

В этот день
                                вся земля расцветает
  знаменами,
словно это весна их раскрыла сама.
И по улицам
                                всех городов и местечек
разливаются морем
                                весенние речи.
Только в штабах войны,
  затаившись, молчат.
И укрывшимся там,
  в глубине за бетоном,
до чего ж ненавистен
  разлив кумача
и идущие майской дорогой колонны.
Им бы мраком тюрьмы,
  им бы громом войны
задушить, уничтожить
  весеннее шествие...
Но всё ярче, светлее
  улыбка весны,
всё чеканнее поступь людей
  и торжественней.
Если ж вдруг поджигатели,
  сталью гремя,
вновь надумают ринуться к нам за кордоны,
пусть им вспомнится
  эта большая семья,
боевыми знаменами осененная.

<1955>

613. ТВОИ ГЛАЗА

В зале оружейного музея
дремлет отшумевшая гроза.
Потому, нисколько не робея,
я вхожу в притихший этот зал,
где на черном бархате подушек,
словно звезд холодные лучи,
вспыхивают сталью непотухшей
шпаги и каленые мечи.

Но среди безмолвной этой силы,
выставленной людям напоказ,
нет твоих, по-утреннему милых,
по-ночному непонятных глаз.
А они забыты понапрасну:
им ведь тоже подвиги сродни.
Разве есть оружие опасней,
и верней, и тверже, чем они?
Не они ль нежданною порою,
теплотой какой-то осеня,
закружив своею глубиною,
взяли в плен, как малыша, меня?
И в часы разлуки и печали,
в горькие часы моей земли
не они ль меня благословляли
и сквозь все невзгоды провели?
И теперь, взгляну лишь ненароком,
всё узнаю в них и всё найду:
и любовь, и дальнюю дорогу,
и свою удачу, и беду.
Разве я остался б неизменным,
перенес бы всё, что перенес
на дорогах мирных и военных,
без твоих, без путеводных звезд?

<1955>

614. РОДИНА

С войной мы стали вдруг взрослее,
а дни не ждут: скорей, скорей...
С недолгой юностью своею
я распрощался на заре.
Прощай! И затихали речи,
как будто слов запас иссяк,
и шла, и шла ко мне навстречу
земля, о помощи прося.
Сожженный дом, изрыто поле,
народ, бредущий на восток...
Мне душу тот пейзаж изжег.
Я был как будто крепко болен,
а боли той унять не мог.

Но как издревле, как когда-то
в походах трудных повелось,
меня усталые солдаты
лечили песнями до слез.
Не отыскать сильнее средства,
и драгоценней всех даров
мне было верное соседство
тех бездипломных докторов.
Не потому, что был на диво
хорош мотив и ночь плыла,
а потому, что с тем мотивом
мне в сердце Родина вошла.
И обожгла своей любовью,
печалью горькою до дна:
и понял я, что нам обоим
судьба назначена одна.
Судьба земли, войной объятай,
побед размеченные дни...
Ах песни, песни. Сколько правды
тогда раскрыли мне они.
В них было всё, чем люди дышат,
что как зеницу берегут,
вот почему, певцов забывши,
забыть их песен не могу.

<1955>

615. ОСЕНЬ

По Калуге море ярких листьев —
изумрудных,
красных,
золотых:
кружится октябрь,
коврами выстелив
пестрые осенние цветы.
И, украшен щедрою рукою,
в праздничное ею разодет,
старый город
над Окой-рекою
словно на сто лет помолодел.
Хочется запечатлеть все части,
каждый шаг
судьбы его большой:

вот деталь
        под пальцами у мастера,
как звезда, сверкнула новизной.
В строй вступил завод,
                        асфальт ложится гладко,
этажей ряды возведены...
День учтен, — на город и украдкой
некогда взглянуть со стороны.
А когда зажгутся
                        электрические звезды
и в Оке заплещется луна,
над Калугой поплывет
                        безгрозная
тишина...
Сникнет, отпылав,
                        пожар листвы над кленами,
ночь застынет
                        на посту своем,
переулком не спеша
                        пройдут влюбленные,
с тишиной
                        втроем.
И, наверно,
                        в эту ночь осеннюю,
за день поработавши не зря,
люди, оглянувшись,
                        как судьбу оценят
мирное дыхание
                        октября.

<1955>

616. ВЕСЕЛЫЕ СОЛДАТЫ

Толстые, сочные,
построившись в ряд,
веселые солдаты
на грядках стоят.

А всех впереди,
нахмурив лицо,
старый огурец —
командир огурцов.

Он в желтом мундире,
он машет рукой,
веселых солдат
он зовет за собой:

«Солдаты, солдаты,
готовьтесь в поход:
время не ждет,
это осень идет.

Горячее лето
ушло со двора,
на зимние квартиры
пора, пора!..

Бочки с рассолом
в кладовках стоят
для самых веселых
моих ребят!»

...Трубы трубят,
барабаны бьют,
веселые солдаты
по грядкам идут.

<1955>

617

Во все века и во все времена
щедрой хозяйкой цвела весна.
Как от бомбового удара
трескался лед,
сердца веселя,
и, клубясь,
исходила паром
истомившаяся земля;
птицы первые запевали,
и поднимались, теплом налиты,
самые пестрые,
как в карнавале,
самые радостные цветы.
Но хотя по-весеннему
солнце вставало
и голубела в реке волна,

всё же чего-то весне не хватало,
чем-то была она не полна.

Годы...

И встают из бывшего
первый прибой
подпольных маёвок,
первые ленточки

алого ситца,

гордые,

мужественные слова

и

весна на взволнованных лицах,

весна,

предъявляющая права.

Годы...

А путь не из легких пройден.
Светлой судьбой,

дорогой ценой.

Кумачевое

половодье

шар захлестывает земной.

<1956>

618. ВАЛИНЫ ЭКЗАМЕНЫ

I

Пожалуй,

лучше нее не сыщется,

вдумчивей и ученой.

Известно, что Валя —

круглая отличница

и скромнейшая из девчонок.

Вы посмотрите,

как она над книжками

восседает!

Вы посмотрите,

как она мальчишками

пренебрегает!

И мама спокойна: дела в порядке —
всё заслонили тетрадки.

И мама думает, строгость храня:
это ли не броня?

Мама,
если бы знать, что завещано,
какие струнки звенят в груди,
какие невероятные вещи
подстерегают нас на пути...
И как самой себя не бояться?
Как равнодушной казаться,
если вчера пробило семнадцать.
Шутка сказать —
семнадцать!

И косы —
уже не крысиные хвостики,
и голос тонет в утреннем воздухе.
А весна по-хозяйски обходит двор
(мало ли всяких дел),
и кто-то глядит на тебя в упор,
как раньше не глядел.
Но разве ты виновата,
что весенний прибой
тревогою полнится,
что совсем завладело тобой
рыжее солнце?
Кого же винить?
И кто ответчик
(не ты, во всяком случае),
что вдруг округлились
по-девичьи плечи,
и стали глаза задумчивей.
...Сиди на подоконнике с книжкой,
и слушай,
и перебирай имена.
Пусть мама думает:
«Как Валюша
алгеброй увлечена!»

II

На кухне пирог
остывает торжественно.
В карауле почетном
праздничные бутылки вина.
Нарядные гости
гуськом в столовую шествуют,
и по комнате плавает
предгрозовая тишина.

Я значительно старше Вали
и должен казаться
мудрым, важным,
и если вдруг захочу,
я имею полное право
читать ей нотации
и похлопывать
снисходительно по плечу.

Валя,
душевные драмы тебя не коснулись.
Что ты знаешь? Черную классную
доску?
Шорох страниц? Липы исхоженных улиц
или же,
кто такой Александр Македонский?
Что ты умеешь?

Радоваться свету весеннему?
Опечалиться, если дожди, дожди?
Написать контрольное сочинение?..
Все сочинения, Валечка, впереди...
Но Вале не до шуток. Вале горько,
она встревожена.
И гости думают: пятерка —
дело сложное.
И мама думает: «Скоро экзамены,
вот и беда

ясна...»

Но, видно, из поля зрения мамы
выпала

весна,

а ведь даже самый спокойный зритель,
хлебнув апрельский настой,
мечется сам не свой...

Весна (что там ни говорите) —
сплошное колдовство.

Но Валя не улыбается,
молча смотрит в окна,
как дождь земли касается
и как деревья мокнут.

Складочка вздрагивает возле губ —
первой тревоги след.

Валечка, я тебе помогу
освоить трудный предмет.

Валечка, я на вопрос любой
ответчу наверняка...

И Валя спрашивает:

«А есть ли любовь,
которая на века?..»

.....

И смотрит в лицо мне,

внимательно, не мигая,

какая-то не такая,

совсем другая.

Я в списки провидцев

не буду внесен,

не буду взят на учет.

Я чувствую себя простым карасем,

попавшимся на крючок.

И тогда поворачиваюсь

к маме

обреченно,

а мама всплескивает

руками

огорченно:

«Что за вопросы?»

Что это за темы

для разговора,

когда нужно заучивать

теоремы

Пифагора!»

III

О, если бы Пифагору

всё это было близким,

он бы, конечно, задумался прежде,

чем в геометрию

старательно втискивать

части своей одежды.

И, конечно, мир ученого

был безобиден и прост,

потому что в нем не было

ни московских девчонок,

ни журавлей и ни звезд.

Мама,

тебе ведь прекрасно это знакомо,

когда всё остальное — прочь,
когда даже грамматики законы
бессильны
помочь;
Когда нельзя уже отшутиться
по-весеннему,
хоть сто раз учи таблицу
умножения;
Когда всё позабыла бы,
всё бы оставила.
Кругом идет голова,
и нужны соловьи.
Соловьи, и не правила
вступают в свои права.

IV

Валечка, Валечка... несколько минут —
это ведь не трудно переждать их,
гости на шумятся и уйдут,
и, конечно, кстати.
Потому что даже и теплом напутствий
не развеешь непонятной грусти,
радости внезапной не залешь...
Потому что сеет теплый дождь.
И под тем, под ласковым дождем,
до поры не узнав,
ходит темнотою огражден
твой союзник.
Разойдутся гости. Станет тихо вскоре,
станет нужно встретить вечер
за стеклом оконным,
и самой с собой поспорить,
и себе самой перечить
удивленно.
И, от праздничного шума,
не успев остыть,
что-то важное обдумать,
что-то изменить.
Еще не украшен торжественно класс,
и первых пятерок
в помине нету...

Этот дым Марсинеля — он душит до слез,
рвется в двери и в душу с газетных полос.
Плачь, вдова. Это пятый рассвет засинел.
Не войдет твой шахтер в Марсинель.
И над вспухшей землей, как подачи просты,
одноногие встанут кресты.
За твою спиной в кабинетной тиши
подсчитают убытки и барыши.
За твою спиною среди тишины
захотят отсидеться они.
Только им не придумать такие слова,
чтоб тебя успокоить, вдова.
Плачь, вдова. Не стирай серой пыли со щек.
Пусть и слезы им впишутся в счет.
Не погаснет огонь Марсинеля теперь.
Ты поверь мне, вдова,
поверь.

Август 1956

621

Чувств низжайших выражение —
это тоже унижение.
И елей, и обожание,
и не просто уважение,
а священное дрожание
вплоть до головокружения —
это хуже наказания,
это просто поражение.

<1956>

622

Встречали вы счастливых тонущих,
не помышляющих о помощи?
Тонули вы в глазах хоть раз,
в глазах бездонных, как озера.
Не от тоски, не от позора...
Тонули вы в озерах глаз?

А я тонул, а я видал,
как, вскинув руки над собою,
бросались в это голубое,
быть может, в свой, в девятый вал.

<1956>

623

Тучи — на небо, звезды умерли.
Не гореть огнем куполам.
Вот крадутся на город сумерки
с непогодой пополам.
Пахнет вымокшими кустами,
первым въедливым холодком.
И мороженщицы устали
о каблук стучать каблуком.
Завтра утром последним инеем
скрутит выжженную траву.
И колючие мухи зимние
вровень с окнами поплывут.
И последний, кленовый, рыжий
лист ударится о стекло.
И запросится к людям ближе —
в человеческое тепло.

<1956>

624

Не в сафьяновом переплете,
не тисненая серебром,
на столе твоём, на комодё,
в вещмешке походном твоём
книжка тоненькая такая...
Очень скромный на ней наряд.
Две минуты её листают,
много лет о ней говорят.
Ею мысли людей до срока
перевернуты все вверх дном.
Я вас очень прошу не трогать
эту книжицу перед сном,
ранним утром ли, поздним вечером,
когда попросту делать нечего...

Бездна черная сдалась и разверзлась,
стала мельче

ее глубина...

Как тебе нравится наша дерзость,
наша неистовость,

а, Луна?

И, отдаленная от нас веками,
не принимавшая нас в расчет,
ты подумала, что мы — великаны...

А мы, земные, некрупный народ.

Мы бессребренники. Но отныне
стали хозяевами твоего серебра...

Эй, Луна!

Как тебе нравимся мы, земные,
великаны мечты и чудес мастера?

<1959>

630

Ах, трубы медные гремят,
кружится воинский парад —
за рядом ряд, за рядом ряд

идут в строю солдаты.

Не в силах радость превозмочь,
поет жена, гордится дочь,
и только мать уходит прочь...

Куда же ты, куда ты?

И боль, и пыль, и пушек гром...

Ах, это будет всё потом,
чего ж печалиться о том —

а может, обойдется?

Ведь нынче музыка — тебе,
трубач играет на трубе,
мундштук трясется на губе,

трясется он, трясется.

1959(?)

631. ВЕСНА

Вы думаете, хлынет птиц поток,
и лодки закачаются у причалов?..
Нет, птицы — это потом,
и лодки — потом,
а сначала...

Голубой капелькой с весла
вдруг упадет весна,
вскрикнет под корочкой тонкого льда
первая маленькая вода,
и в парке на перекрестке аллей,
где еще по-зимнему снежно и тихо,
гипсовый круторогий олень
затрубит, призывая свою олениху;
оснастят журавли за морями свои корабли,
и в сарае успокоятся дровни,
и трактор вздрогнет,
почувствовав запах земли.

<1960>

632

Это случится, случится,
этого не миновать:
вскрикнут над городом птицы,
будут оркестры играть.

Станет прозрачнее воздух,
пушек забудется гам,
и пограничное войско
с песней уйдет по домам.

Кровь и военная служба
сгинут навеки во мгле.
Вот уж воистину дружба
будет царить на земле.

Это случится, случится.
В домах расплавят броню...
Не забывайте учиться
этому нужному дню.

<1960>

Туапсинский дворик —
 игрушечный такой.
 Синее Черное море
 прямо под рукой.
 Гребешками играя,
 волны о берег бьют.
 И это зовется раем,
 и я

живу
 в раю.

Вы знаете раю цену?
 О, она высока,
 как вздымающиеся из пены
 скалистые берега.
 И, южным солнцем полнясь,
 бьющим через край,
 я никогда б не понял,
 что

такое
 рай,
 если б передним краем
 сам бы не шел под огнем,
 помня об этом рае
 и украдкой грустя о нем.

<1960>

Какая глупая игра —
 пора завязывать, пора, —
 а я давно, представьте, инвалид.
 Кричит с порога райсобес,
 что я чужой, что я пролез, —
 а у меня болит радикулит.

И даже юный пионер
 мне подает рукой пример —
 неужто я так рано постарел?
 Жизнь коротка, жизнь коротка —
 она короче коробка, —
 а коробок, представьте, прогорел.

Эгей, бухгалтер Иванов,
прикинь на счетах, будь здоров,
какой кусок осталось мне прожить?
Какая глупая игра —
пора завязывать, пора, —
хоть пару лет на книжку положить.

1960

635

К небу поднимающиеся городские строения,
вы — мое лучшее настроение!

Я не буду вам кланяться низко и набожно.
Я просто люблю вас светло и бережно,
и, всматриваясь из-под руки,
я вижу с нашей недостроенной набережной,
как

будущее

прет

из-за реки.

Оно в грузовиках уже не умещается,
оно намеревается начать

полет...

Ах, на нашей набережной

последняя мешаночка

слезы льет,

понапрасну льет.

<1960>

636. МАЛЕНЬКАЯ ЖЕНЩИНА

Ж. Болотовой

Маленькая женщина стоит у окна,
маленькая женщина — одна, одна.
Там — белая зима, там — черные дома.
Кого она ждет — не знает сама...

Никто не спешит к ней — никто, никто.
Книжки бы читать ей — всё не то, не то...
Смотрит в окна она — молчит, молчит,
в хрупкое окно она молча кричит...

1960(?)

Ах ты, шарик голубой,
грустная планета,
что ж мы делаем с тобой?
Для чего всё это?

Всё мы топчемся в крови,
а ведь мы могли бы...
Реки, полные любви,
по тебе текли бы!

1957—1961

638. ОТЕЧЕСТВО МОЕ

У отечества моего
очень много забот различных,
очень много всякого дела. Век двадцатый: держи ответ.
Вот представьте:

едва лишь зори журавлями в небе
прокличут,
а оно уж давно в походе, и обратной дороги — нет.
У отечества моего

столько всякого за плечами!
Голодало оно и стыло, и войной душило его.
Но во имя побед нелегких не однажды трубы звучали...
У него широкие плечи,
у отечества моего.

У отечества моего
очень много друзей на свете,
ну таких друзей, что не сыщешь ни надежнее, ни
верней.

А душа у него — как Волга,
а мечта у него — как ветер,
а любовь у него — как море:
ни конца и ни края ей.

У отечества моего
светел путь. Чудес не бывает:
всё оно — своими руками,
с божьей помощью — ничего.
Вот встает оно на рассвете,
строит, празднует, добывает.
Вот и я встаю на рассвете
и учусь-учусь у него.

<1961>

641. ПЕСЕНКА О ПЕТУХАХ

Сладко спится на майской заре,
петуху б не кричать во дворе.
Но не может петух промолчать,
потому что он создан кричать.

Он кричит, помутнел его взор —
но никто не выходит во двор.
Видно, нету уже дураков,
чтоб сбегаться на крик петухов.

1961—1962

642

Десять тысяч дорог, и тревог, и морок пережить
лишь затем, чтоб потом вещмешок на порог положить,
лишь затем, чтоб потом башмаки от росы отряхнуть,
чтобы дверь распахнуть и вздохнуть, и опять
в дальний путь.

Ты устал, человек. Век короткий — дорога длинна.
Тишина и война, и опять — тишина и война.
И опять ты шагнул через пыль, через боль, через
смерть...

Ты красив, человек!
Это надо ж такое суметь!

<1962>

643

Как случилось — не заметила сама,
только двери потихоньку приоткрыла...
Мама, мама, в нашем городе зима
тишину на мостовые уронила!

Белый цвет у этой зимней тишины —
полдень с нею и прозрачней, и яснее...
Мама, мама, далеко тебе видны
те дороги, на которых мы выросли!

<1963>

644. СТАРЫЙ ПРИЧАЛ

Чайка летит, ветер гудит,
шторм надвигается.
Кто-то и мне машет рукой
и улыбается.
Кто-то и мне прямо в глаза
молча глядит.
Словно забыть старый причал
мне не велит.

День пролетел, месяц прошел,
время растаяло.
Значит, и мной на берегу
что-то оставлено.
Если опять берег мелькнет,
сердце болит.
Словно забыть старый причал
мне не велит.

<1963>

645

Плывут дома, как корабли, из дальних стран,
под паруса всех созывая...
Ночь белая, сегодня я твой капитан,
твой рулевой, твоя душа живая.

Бело вокруг — белы дома, бела река,
всё — от Фонтанки до предместий...
Ночь белая, ты отложи дела пока,
давай пойдем побродим вместе.

Ни огонька, спят фонари — к чему они?
Зачем их слабый свет дорогам?
Ночь белая, остановись, повремени...
Мне хорошо с тобой молчать о многом.

Как корабли, плывут они из дальних стран,
спокойных дум не нарушая...
Ночь белая, сегодня ты — мой океан...
Мне по душе твоя душа большая.

<1964>

648. ПОЭЗИЯ В СТОЛОВКЕ ЗАВОДСКОЙ

Поэзия в столовке заводской,
где щи кипят, где зреют макароны,
где ежедневно, как прибой морской,
ты переходишь в бой из обороны.

Здесь изучили всё за много лет,
попробовали всё и повидали,
от праздников и до военных бед...
И сыты были и недоедали.

В столовку заводскую, в дом ее,
поэзия, неси свое искусство:
здесь нужно откровение твое
не менее, чем мясо и капуста.

Такие совершенства обнаружь,
чтобы под стук подносов и ботинок
желудков жар и жар сердец и душ
вступали ежечасно в поединок.

Покуда правды жаждет род людской,
будь начеку, не допусти промашку,
встань во весь рост в столовке заводской,
поэзия,
с душою нараспашку!

<1966>

649

Коллективное дитя
общие кончало классы,
и у коллективной кассы,
за реестрами следя,
коллективное дитя
намечает жизни трассы,
тратя общие запасы,
в жизнь входя и выходя.

Коллективное дитя
свято верит в голос массы,
если кто-то точит ляды,
хоть серьезно, хоть шутя,

коллективное дитя
эти мнения и фразы
принимает как указы
командира и вождя.

1966

650

Есть армия врагов,
обученных и бравых,
всегда и всюду правых,
не дур, не дураков.
Есть армия врагов.
Во тьме ее рядов,
во всех ее глубинах,
как в клювах голубиных, —
надежды простаков.
Есть в армии врагов
проверенный, короткий
набор прекрасных слов,
дешевых, как подметки,
который так не нов,
как судьи и решетки,
как прыщ — на подбородке,
как мир — для стариков.

<1967>

651. БАЛЛАДА О ПШЕНЕ

Фронтальная дорога тряская.
И влажно опущено знамя.
И кухня вегетарианская
покорно скрипит за нами.
Пшеница опостылевший запах
стоит сплошной стеной.
А запад, а запад
горит за спиной.
И разликает кашу черпак,
по едокам деля;
но с каждым шагом меньше на шаг
становится наша земля.

Позвольте, товарищ старшина...
мы голод свой утоляем,
мы бережем остатки пшена,
а родину оставляем?
Она ускользает из-под ног,
ее остается мало...

А кухня варит и варит пшено
как ни в чем не бывало.
Позвольте, товарищ старшина...
но как увязать тем не менее
мúки страны, сытность пшена
и наше отступление?

Давайте к врагу повернемся: нас
приличное войско, и знамя!..
Но старшина говорит: «Приказ...»
И кухня скрипит за нами.
Всё брошено наземь,
что не с руки,
на память огню и пустыне.
Но автоматы и котелки
к нашим бокам пристыли.
А дождь нас святою водою кропит,
потомки к святым нас припишут,
а кухня скрипит!.. а кухня скрипит!..
и варит горячую пищу...
А кухня скрипит, словно назло
за взводом святых ползя,
о том, что без родины тяжело
и без пшена нельзя.

<1967>

652. ПЕРВЫЙ ГВОЗДЬ

Города начинаются с фунта гвоздей.
Первый гвоздь всех собратьев дороже.
А потом уж пора новоселий, гостей...
Каждый гость дорогой — в макинтоше.
А потом первый дом обмываем — поем,
Умиляется гость, тяжелеет...

Первый гвоздь в первой свае ржавеет,
он ржавеет, мы пьем,
мы пьем,
он ржавеет.

<1967>

653

Официант Иван Николаевич ненавидит посуды звон.
Всё равно ему — оловянная, серебряная, золотая.
И несдержанность постояльцев оборачивается злом,
И тускнеет шевелюра его завитая.

Шеф-повар Андрей Митрофанович ненавидит
пышную снедь.

Ему бы селедки да хлеба кусочек,
А супруга ему пророчит голодную смерть
И готовит ему повкуснее. А он — не хочет.

Она идет к нему с блюдами, как на свидание.
Но пончики портятся, прокисает рагу,
И лежат нетронутыми караси в сметане,
Как французские гренадеры в подмосковном снегу.

Полковник Сергей Поликарпович ненавидит
шаг строевой.

Человеку нужна раскованная походка.
Но он марширует, пока над его головой
Клубится такая рискованная погода.

Я, нижеподписавшийся, ненавижу слова.
Слова, которым не боязно в речах произноситься.
Слова, от которых кружится говорящего голова.
Слова, которые любят со звоном произноситься.

Они себя кулачками ударяют в тощую грудь,
Захлебываются, выкрикиваются трубно.
Слова, которым так хочется меня обмануть,
Хотя меня давно уже обмануть трудно.

<1967>

654. А ГОДЫ УХОДЯТ, УХОДЯТ...

В нашем доме война оттремела,
Вновь земля зеленеет,
Злые пули по кровь не летят...
Женихи навсегда молодые
С фотографий военных глядят.
А годы уходят, уходят,
Вернуться назад не хотят...

По дорогам, по старым дорогам
Отправляется память
Иногда, словно так, невпопад...
Как из песни не выкинуть слова,
Так из сердца — погибших ребят.
А годы уходят, уходят,
Вернуться назад не хотят...

Твои плечи с бедою знакомы,
Твои белые руки
Кровь и пепел смывали с полей...
И земля никогда не забудет
Боль и слезы своих дочерей.
Хоть годы уходят, уходят.
Хоть время торопит — скорей!

Может, время всех ран не излечит,
Но черемухи белой
Невозможные гроздья горят...
Потому что любовь и надежда,
Что ни делай — бессмертны сто крат!
А годы уходят, уходят,
Вернуться назад не хотят...

<1972>

655. ПЕСЕНКА ПРО МОРЕ

Море существует для чего?
Море существует для того,
чтобы нам глядеть — не наглядеться
на красоты вечные его.

Мальчики,
мальчики и девочки,
с крыльями и без,
в трудный час,
в трудный час решения,
в главный час —
выбирайте море
среди всех чудес.
И вы не пожалеете,
уверяю вас.

Для чего же надобно ему
штормы нагонять на нас и тьму?
Чтобы мы узнали хорошенько,
что почем, зачем и почему.

Нас увозят в море корабли,
чтоб от берегов своих вдали
нашу землю доброй и прекрасной
снова мы почувствовать могли.

<1973>

656. ПЕСНЯ ОБ ИНТЕ

Сверяйте любовь
по минувшим дорогам.
Где каждая в душу
ложится верста,
Я многое видел,
я помню о многом,
Но в сердце моем
остается Инта.

Припев:

Что проку, если
вечные подошвы
Да грустная короткая
любовь?..
Пожить бы подольше,
Чтоб встретиться вновь.

И если в какой-нибудь
вечер январский
Инта предо мной замаячит,
маня,
Пусть давний приятель мой
Женя Урбанский
Приедет на станцию
встретить меня.

Припев.

<1974>

657

В нашем старом саду, там, где тени густые,
Отчего же слова ты мне шепчешь пустые?
Отчего же слова ты мне шепчешь пустые?

В нашем старом саду листья поздние падают с клена...
Отчего же теперь на меня не глядишь ты влюбленно?
Отчего на меня не глядишь ты влюбленно?

Дорогое лицо незнакомо и строго...
Ах, как мало любви, а печали так много!
Ах, как мало любви, а печали так много!

В нашем старом саду, где судьба мне тебя подарила,
Разве сердце свое я тебе до конца не открыла?
Разве сердце свое я тебе не открыла?..

<1976>

658

Да здоровствует Великий Понедельник!
Все трудятся, и в доме ни души.
Лишь я один — классический бездельник:
плюй в потолок и думай, и дыши.

Да здоровствует и Вторник Величавый,
прощающий наш суетливый быт.
Все носятся за хлебом и за славой,
и счастлив я, что всеми позабыт.

Да здравствует Среда — День Перевальный!
(За мир и тишину чего не дашь?)
Как смирен без гостей мой стол овальный,
и как безлюден за окном пейзаж.

Да здравствует Четверг — мое почтение!
Бумага терпит, и перо бежит,
и старых мыслей новое прочтение
господствует и голову кружит.

Да здравствует и Пятница!
Но странно
преобразился мир в моем окне:
что с ними? От какого урагана
бежит толпа?

И все ко мне, ко мне...

Неладна будь, Суббота дорогая,
покой мой уносящая в когтях,
меня без сожаленья обрекая
на болтовню о ценах и вождах!

Будь проклято, Святое Воскресенье!
Святой огонь в душе моей затих.
Бесчинствует мой ЖЭК, и нет спасенья
от потных современников моих.

1977

659

Ф. Искандеру

Жизнь как будто ничего
возле дома своего.
Но едва свернешь в сторонку —
сразу все — на одного.

Так и хочется спросить:
чем я вам мешаю жить?
Почему, едва я выйду,
нужно вам меня убить?

Отвечают: потому,
неизвестно почему,
но у нас от сотворенья
нет пощады никому.

*Декабрь 1979
Малеевка*

660

Как испортилась погода!
Будто прокляла меня.
Вот вам воля и свобода —
плод холодного огня.

Искажен пейзаж счастливый —
даль осенняя одна.
Вместо речки шаловливой
пропасть черная видна.

Я не то чтоб зол иль трушу:
небо что ни говори...
Но войдите в мою душу
и взгляните изнутри.

1979

661

Не будем хвастаться, что праведно живем,
а разойдемся скромно по домам.
А что останется потом,
когда мы все порем,
пусть это будет памятником нам.

И если грянет правды торжество,
пусть это будет памятником нам.
Всем станет ясно: кто — кого,
и почему, и для чего...
А нынче разойдемся по домам.

1979

662. НА ЭМИГРАНТСКИЕ ТЕМЫ

Все поразъехались давным-давно,
даже у Эрнста в окне темно,
лишь Юра Васильев и Боря Мессерер —
вот кто остался еще в Эс-Эс-Эс-Эр.

<1970-е>

663

Со стариками-атаманами
о правде спорить не берись.
Вон наши парни с автоматами
по разным странам разбрелись.

И нет войны — а залпы катятся,
как будто мир — а кровь, да кровь,
и на ракеты деньги тратятся,
и старикам не прекословь.

Пока печать и телевизоры
нас учат потрошить врага,
в музейной крепости, как призраки,
они сидят у пирога.

Пора бы им уже очухаться,
а то ведь верные сыны
так незаметно и очутятся
все за пределами страны.

Пора бы им поверить этому
и о своих-то порадеть,
а то ведь завтра будет некому
у телевизоров сидеть.

1980

664

Внезапно сник мороз, и ртутный столб взлетел.
Узкоколейка санная
коробится манерно.

Неужто это то, чего я так хотел?
А впрочем, это самое
из нужного, наверно.

Вот обрубают лед ленивым топором,
и ручейками хилыми
сбегает он в овраги.
А я пишу стихи отточенным пером
лиловыми чернилами
на меловой бумаге.

Во всем видна судьба, и пламень, и порыв.
И с заметями снежными
разделаться несложно.
Надеюсь, что не зря всё, чем я жил и жив...
И я живу надеждами —
иначе невозможно.

1982

665. ПЕРЕД ТЕЛЕВИЗОРОМ

Слишком много всяких танков, всяких пушек и солдат.
И военные оркестры слишком яростно гремят,
и седые генералы, хоть и сами пули льют, —
но за скорые победы с наслаждением водку пьют.
Я один. А их так много, и они горды собой,
и военные оркестры заглушают голос мой.

1983

666

Кого бояться и чего стесняться?
Всё наперед расписано уже.
Когда придется с критиком стреляться,
возьму старинный «Лефоше».
За позабытым Спасом, что на Пёсках,
разметим смертный путь.
Средь аргументов между нами веских
ему прицелюсь в грудь.
Вот он стоит, похожий на лакея,
уставясь трехлинейкой в меня,

хозяин и Арбата, и Лицея,
и прошлого, и нынешнего дня.
Он не спешит, заступничек народный,
на мушку жизнь мою берет,
и «Лефоше» мой, слишком благородный,
не выстрелит, я знаю наперед.
Я как последний юнкер безоружен,
в лакейскую затею завлечен...
Но вот курок нажат, Арбат разрушен,
кто прозевал свой выстрел — обречен.
Там, за спиной, — чугунная ограда
кругла как мученический венец...
А благородство — это ль не награда,
в конце концов, за поздний сей конец?

1983

667

Когда вам стукнет шестьдесят,
вы вряд ли ощутите,
что вам уже за шестьдесят...
Но с этим не шутите.

Когда вам стукнет шестьдесят,
вы не поймете сразу,
что вам уже под шестьдесят
не сможет быть ни разу.

Когда вам стукнет шестьдесят,
вы сможете проверить,
что вам уже за шестьдесят...
Но в это больно верить.

<1984>

668

Все влюбленные склонны к побегу
по ковровой дорожке, по снегу,
по камням, по волнам, по шоссе,

на такси, на одном колесе,
босиком, в кандалах, в башмаках,
с красной розою в слабых руках.

<1984>

669. ОКОНЧАНИЕ РАБОТЫ

Последняя крепость разрушена. Шапки долой!
Дописана повесть. Поставлена точка. Свобода!
К тому же гитара устала дремать под полой,
и дама прекрасная мерзнет у самого входа.
Антоновкой прелой, лежалой пропахли углы,
с рассеянной грустью перо золотое сжимаю
и бури мне больше не снятся, желанья круглы...
Но это не значит, что я вам того же желаю.

<1984>

670. ЛЕНИНГРАД

Год от года пышней позолота,
многослойнее тонны румян,
но погибелью тянет с болота,
и надежды съедает туман.

Он совсем для житья не пригоден:
нету в нем для души ничего...
Саша Кушнер и Шура Володин —
вот и все из полка моего.

7 октября 1984

671

Вот какая-то лошадка бьет копытами в песок,
и какая-то карета застывает у дверей,
и красавицы какой-то льется чистый голосок:
«Отвези меня, возница, на Луару поскорей!»...

Пускай лошадка поспешит
сквозь полночь наугад...
А там без нас Господь решит,
кто прав, кто виноват.

Там каштановые рощи, водопады и луна,
и какой-то древний замок, по обличью нежилой,
и какие-то надежды, где утешится она,
и какой-то рыцарь гордый и немного пожилой.

Пускай лошадка поспешит
сквозь полночь наугад...
А там без нас Господь решит,
кто прав, кто виноват.

Отвези ее, возница, поскорее, а не то —
жизнь помчится, словно птица, неизвестно почему,
что еще важней, чем это, что еще грустней, чем то...
Отвези ее, возница, и не спрашивай, к кому...

Пускай лошадка поспешит
сквозь полночь наугад...
А там Господь без нас решит,
кто прав, кто виноват.

<1984>

672

Почему я в этом доме,
неуютном и глухом?
Неужели нету кроме
мне пристанища кругом?

Почему я с этой дамой
среди радостей и бед?
Или я ничтожный самый
и спасения мне нет?

Что же, руки воздевая,
я гляжу в ее глаза?
Или просто страсть земная
нас уносит в небеса?

Или это мрак небесный
повергает нас на дно?
Или это мед чудесный,
что испить нам суждено?

<1985>

673. ЖЕРЕХ

Г. Умнову

Вот оно, чердынское чудовище
разгулялось под речной волной.
Здесь его пристанище, становище,
пастбище его и дом родной.
Я-то думал, что оно на отмели
лишь резвится, будто бы в раю,
а оно, как волк январский во поле,
на фортуна молится свою.
Я-то думал: на крючок подцепленное,
будет без борьбы на мир взирать,
а оно, холодное, серебряное,
хищное, не хочет умирать.
Среди плеска волжского и шепота,
может, вспоминается ему,
сколько было съедено и попито,
пожито — не снилось никому.
Вот и не сдается и сражается
(десятью потоми изойдешь),
словно знает, что судьба не сжалится
просто так, за здорово живешь.

<1985>

674

Век двадцатый явился спасателем,
потому и гордимся мы им.
Было трудно в России писателям,
достоевским и разным толстым.

Были все одиноки, разрозненны
и не знали, куда им идти,
да и Время зловредными кознями
поперек становилось пути.

Чужды были им сборища шумные,
обходились без творческих уз,
и поэтому головы умные
их собрали в единый Союз.

Всё вдруг ожило, всё вдруг устроилось,
всё наладилось: только бы жить.
И писателей сразу утроилось,
так что есть кем кого заменить.

И как будто в счастливом раёшнике
замелькали, спасения нет,
то начальники, то их помощники...
Что ни комната — то кабинет.

И шоферы, и завыв исправные,
секретарши, и секретари,
и писатели — самые главные
и не самые, черт их деря.

В главном зале под коркою глянцевою,
чтоб никто отвертеться не смог,
перед кровными и иностранцами
вожделенный разлегся пирог.

И, забывши всё мелкое, личное,
каждый мог, отпихнувши врага,
выбить место себе поприличнее
и урвать от того пирога...

Я не знаю, на что и рассчитываю,
но с большим удивленьем гляжу,
как и сам от той корки отщипываю
и с надеждой туда прихожу,

где на радость миллионам читателей,
словно выйдя из пены морской,
министерство Союза писателей
размещается на Поварской.

<1985>

675. СОБАЧКА

(По мотивам М. Булгакова)

Мой сын подобрал собачку у хлебной лавки.
Она тряслась на снегу, поджимая лапки.
Он ходил за хлебом, а вернулся с собачкой.
Мы не сочли его находку удачной.

Но вот она отоспалась у нас, и отъелась,
и черную спинку выгнула, и залоснилась,
и сразу ей очень многого захотелось
из недоступного раньше, что только снилось.

Ей захотелось нежиться в моей постели,
свежие кучки раскладывать по глади паркета,
что она и проделывала на деле
до самого вечера, начиная с рассвета.

У нас был пудель, старый и деликатный,
интеллигентный, чуждый этих пристрастий
и победитель конкурсов неоднократный,
четко означенный в нашем семейном пространстве.

Он пребывал всегда от нее в отдаленье,
видно, желания сблизиться с ней не имея,
и эти кучки разглядывал с удивленьем,
не возмущаясь, конечно, а сожалея.

Пудель благоговел перед выданной пищей —
эта же, по природе своей по низшей,
мгновенно разделавшись с доброй порцией корма,
причитала, что ей недодана законная норма.

Вспомни, собачка, кем ты была и кем стала.
Да неужели, собачка, этого мало?

Ее обучать чему-нибудь было напрасно,
выгнать в стужу заново — неблагоприятно,
зато общение с ней становилось опасно,
даже невыносимо (как вам будет угодно).

Она с женой разговаривала подбоченья,
в мою тарелку заглядывала за обедом,
и слышно было, как лязгает ее челюсть,
когда мы за стол сходились... Но дело не в этом.

Эта девица еще неведомой масти
стремительно распространялась по всей квартире,
явно уже не нуждаясь в нашем участье,
а наши друзья посещения свои прекратили.

Потому что она начинала биться в припадке,
и зубки ее погружались в брюки и в пятки,
а когда они отступали, пятились задом,
она покрывала их вслед трехэтажным матом.

Вспомни, собачка, кем ты была и кем стала.
Или тебе, собачка, и этого мало?

Меня всё чаще и чаще спасала рыбалка.
Жена запиралась на кухне — ее было жалко.

Сын теперь поднимался с постели рано
и бросался к раскрытому фортепиано:
собачка не выносила этого звука,
предпочитая звуки своего круга.

Вот так она разрасталась, она разрасталась,
становилась всё выше, толще, обретала бессмертье.
Собачка, что с нами было и что с нами случилось?
И чем завершатся теперь превращения эти?

И неизвестно, чем кончится это дело,
словно часы нашей жизни остановились...
Ты, собачка, добилаь всего, чего ты хотела,
мы тоже, собачка, добились, к чему стремились.

Я не о миске и шерсти на наших лапах,
не о полднейной пляске и нашем полном вое...
Ведь что с нас взять, с таких счастливых и слабых,
забывающих, собачка, свое бывшее?

Но куда еще не познаны тайны природы,
нам не о чем, собачка, сказать друг другу.
И все народы одною со мной породы
лобызают твою тяжелую и шершавую руку.

1 марта 1986

Две женщины плакали горько,
а Ванька ну просто рыдал.
О Господи, что за несчастье,
такого и свет не видал!
Циркачка была безутешна,
Маруся дышала едва.
И тут бесполезны усилия
и вовсе напрасны слова.

Классический тот треугольник,
дарованный черной судьбой!
Он выглядит странно и дерзко —
навечно сведенный с тобой.
Простерши железные грани,
что так холодны и грубы,
среди легиона счастливых,
не знающих этой судьбы.

Две дамы по Ваньке тоскуют,
и Ванька без них не жилец,
и обе они современны,
и обе мудры, наконец!
Одна восседает на белом,
другая — на черном коне,
но Господи, что за несчастье
свершается в нашей стране!

И Ванька, наверное, рад бы
великую тайну решить.
Но кто в этом мире способен
их слезы навек осушить?
Кто тот треугольник разрушит?
Кто узел судьбы разорвет?..
И слезы любви он глотает,
и воздух разлуки он пьет.

<1986>

677. МОИ ДЯДЬЯ

Прекрасные мои дядья,
Володя, Саша, Коля, Миша,
я думал, что вам Бог судья,
я думал так, да вот что вышло.

Я не поверю никогда,
хоть в жизни доверял я много,
что эти горе да беда,
ниспосланные вам от Бога.

Я не поверю до конца,
хоть сам не недоверчив вроде,
что капли жгучего свинца
сродни божественной природе.

Кто ж эту руку подымал?
Кто дуло в вашу грудь уставил?
Неужто он не понимал?
А может, кто его заставил?

И с каждым выстрелом верней
за то, на что кому ответил?
Знать, отблеск дьявольских огней
в зрачках он ваших заприметил.

Забыты гиблые места,
и скудны прошлого примеры.
Лишь слов напрасных пустота,
да море клятв, да запах серы.

<1987>

678

Лечу над картою судьбы,
зеленой дымкою одетой.
Километровые столбы
мне не видны на карте этой.

Лечу над пухом облаков.
Прохладна их немая гряда.
И до московских дураков
пока что далеко отсюда.

Еще неведано, кто прав,
и что прошло, и что настанет,
и по-хозяйски за рукав
никто не дергает, не тянет.

Еще ни впадин и ни гор,
и время ничего не значит,
но твой, отечество, укор
уже сквозь облако маячит.

<1987>

От безумного гриба,
вставшего над Хиросимой,
отделяют нас незримо
рок, фортуна и судьба.

Но мистический союз
их, как видно, эфемерен,
оттого я неуверен
и надеяться боюсь.

1987

Еще в литавры рано бить
и незачем, и всё же
мне стало интересно жить.
Желаю вам того же.

1988

На Сретенке ночной
Надежды голос слышен.
Он слаб и одинок,
Но сладок и возвышен.
Уже который раз
Он разрывает тьму.
И хочется верить ему...

Когда пройдет нужда
За жизнь свою бояться,
Когда мои друзья
С прогулки возвратятся.
И оживет Москва
От погребов до крыш,
Тогда опустеет Париж.

А если всё не так
И всё как прежде будет,
Пусть Бог меня простит,

Пусть сын меня осудит,
Что зря я распахнул
Счастливые крыла.
Что ж делать? Надежда была.

<1988>

682. РОМАНС

Стала чаще и чаще являться ко мне
с видом пасмурным и обреченным
одна дама на белом, на белом коне,
а другая на черном, на черном.

И у той, что на белом, такие глаза,
будто белому свету не рады,
будто жизни осталось на четверть часа,
а потом — всё утраты, утраты.

И у той, что на черном, такие глаза,
будто это — вместилище муки,
будто жизни осталось на четверть часа,
а потом — всё разлуки, разлуки.

Ах, когда б вы ко мне заглянули в глаза,
ах, когда б вы в мои поглядели, —
будто жизни осталось на четверть часа,
а потом — всё потери, потери.

<1988>

683. ПЕСЕНКА

На пригорке стояла усадебка.
До сих пор ее остов не срыт.
То поминки, то святки, то свадьба
за деревьями вдрут прошумит.

Там когда-то пылало пожарище,
низвергались и жизнь, и покой,
и какая-то грустная барышня
на прощанье взмахнула рукой.

И, во власть расставания отдана,
за морями искала жилье.
Тротуары Стамбула и Лондона
закачались под ножкой ее.

Силуэт ее скорбный рассеялся
на далеком чужом берегу...
Я глумился над ней и посмеивался,
а забыть до сих пор не могу.

<1989>

684. ПОСЛАНИЕ ЛИТЕРАТОРАМ

Проклятья, и злоба, и месть, и бои.
Вповалку лежат те и эти...
Когда ж осознаем, что все мы — свои,
что мы лишь и есть на свете?

Зачем искушать нам фортуна свою?
Пусть Бог нам труды подытожит.
Ну ладно, допустим, врага я сваю —
ведь это писать не поможет.

А нужно всего-то того не забыть,
что короток миг этот пестрый,
друг друга жалеть, ну, пускай, не любить...
Подумайте, братья и сестры!

1990

685

В. Корнилову

Хрипят призывом к схватке глотки,
могилам братским нет числа,
и вздернутые подбородки,
и меч в руке, и жажда зла.

Победных лозунгов круженье,
самодовольством застлан свет...
А может, надобно крушенье,
что не стошнило от побед?

Нам нужен шок, простой и верный,
удар по темечку лихой.
Иначе — запах ада скверный
плывет над нашей головой.

<1991>

686

Осудите сначала себя самого,
научитесь искусству такому,
а уж после судите врага своего
и соседа по шару земному.

Научитесь сначала себе самому
не прощать ни единой промашки,
а уж после кричите врагу своему,
что он враг и грехи его тяжки.

Не в другом, а в себе побеждайте врага,
а когда преуспеете в этом,
не придется уж больше валять дурака —
вот и станете вы человеком.

<1990>

687. ПОСВЯЩАЕТСЯ ГЕНЕРАЛУ М.

Всё умирает, только он живет,
два века прочь, а он здоров и выжил,
по облику не то чтоб идиот,
а вот поди ж ты, в генералы вышел.

По-прежнему тяжки его шаги,
по-прежнему мерзка ему свобода,
опять масоны для него враги
и демократы из его народа.

Хоть и слышны напевы новых труб
и о свободе пламенные речи,
но... депутатом избран Скалозуб,
а значит, нам до праздников далече.

Октябрь 1990

688. НА ПОЛЕ БРАНИ

Вон враг мой, из колоды вынутый,
как на ладони предо мной,
и автомат мой, грозно вскинутый,
готов стрелять любой ценой.

С горячею мольбой к Всевышнему
тянусь из сердца своего...
Что остается мне, охрипшему?
Стрелять и больше ничего.

Бегу воинственный, расхристаный,
хриплю: достань его! Убей!
Ну награди хотя б единственным
погибшим от руки моей!

А кто уж там последней точкою
распорядится — что гадать?..
...И впрямь, и сам вот грязной щечкою
к земле... И больше мне не встать.

1990

689

Моя жена уже давно
для самообороны
везет из Турции пшено,
из Рима макароны.

А из немецких закров —
не разные изыски,
а радость сретенских домов:
то мыло, то сосиски.

Она везет со всех концов,
судьбой платя не в меру
за легкомыслие отцов,
за слепоту и веру.

Она везет в свое жилье,
ей не остановиться,
пока жива, пока ее
Европа не боится.

<1991>

690. КУРТУАЗНЫМ МАНЬЕРИСТАМ

Я похвалил поэта
за правду без прикрас,
за глаз, за то, за это,
как быть должно средь нас.

Как он слова и слезы
роняет на ходу
и за шипы и розы
в его ночном саду.

Хвалил я и не видел,
что всё померкло вдруг,
как будто я обидел
всё сущее вокруг.

Как будто я обманно
за труд ему воздал,
что шар наш окаянный
вращаться перестал.

Когда б я только ведал,
даря ему свой стих,
что этим самым предал
всех скопом остальных!

<1991>

691

Два тревожных силуэта,
растворившихся в веках...
Господи, да мы ли это
с красной розою в руках?

В необжитом мирозданье,
в тихой звездной толчее...
Мы ль из капли прорастаем
с горькой тайной на челе?

Видя близкую разлуку,
помня поздние слова...
И рука ласкает руку
безнадежно и едва.

<1992>

692. ГОП СО СМЫКОМ

И. Иртеньеву

Вот какая странная пора:
митинги с утра и до утра.
Гитлеровские обноски
примеряет хам московский,
а толпа орет ему «ура!»

Я прошу, конечно, извинить,
только как всё это расценить:
русские фашистов били,
но об этом что, забыли?
И готовы свастику носить?

Ну, а может, это только сброд?
Просто сброд хмельной раззявил рот?
Жаждет он как прежде скопом
в услуженье быть холопом?..
Ну а сброд — конечно, не народ...

Впрочем, утешенье лишь на час:
зря я обольщался в смысле масс.
Что-то слишком много сброда —
не видать за ним народа...
И у нас в подъезде свет погас.

1992

693

Держава! Родина! Страна! Отечество и государство!
Не это в душах мы лелеем и в гроб с собою унесём,
а нежный взгляд, а поцелуй — любви сладкое
коварство,
Кривоарбатский переулок и тихий трёп о том, о сём.

1992

Той круговерти адской
горестные дела
с музыкою арбатской,
с финкою из-за угла.

<1993>

696

Что проку быть в миру загробном,
туманы вечности клубя,
святым и ангелоподобным
и не похожим на себя?

Я не пророк и не провидец,
и не ропщу, и не борюсь.
Я просто бедный очевидец
событий, в коих сам варюсь.

Но, не подверженный гордыне
и обращенный к небесам,
я ноги в кровь собою в пустыне
и расскажу, что видел сам.

<1993>

697

На митинге народных депутатов,
которым управляет Хасбулатов,
не всё так просто сердцу и уму:
шумит толпа уездных корифеев,
не то секретарей, не то лакеев,
и, между прочим, даже не евреев,
и нашенских по духу своему.

Кто ведал, что у кухни коммунальной
такой прицел расчётливый и дальний!
Такой финал почти что криминальный!
А ведь она была на всех одна...
И нам нужны не эти развлечения
по азбуке марксистского ученья —
а долгое и трудное леченье...
Нам помощь медицинская нужна.

<1993>

Кухарку приставили как-то к рулю.
Она ухватилась, паскуда.
И толпы забегали по кораблю,
Надеясь на скорое чудо.

Кухарка, конечно, не знала о том,
Что с нами в грядущем случится.
Она и читать-то умела с трудом,
Ей некогда было учиться.

Кухарка схоронена возле Кремля.
В отставке кухаркины дети.
Кухаркины внуки спуют у руля:
И мы не случайно в ответе.

<1993>

Конечно, я во многом виноват:
ну, проглядел, такой уж я бездарный...
Но если Хасбулатов — демократ,
то лучше уж в режим тоталитарный!

<1993>

700. ПОСЛЕ ПОСЕЩЕНИЯ НЕМЕЦКОЙ ТЮРЬМЫ

Возле супермаркета тюрьма.
Приглядишься — и сойдешь с ума.
Там большие жулики сидят
и кино по телеку глядят.

Все у них для славного житья:
простыни отменного шитья,
сытный завтрак, с фруктами обед
и зубоврачебный кабинет.

У меня Россия за спиной.
Я в ладу и с сыном, и с женой.
Я народом чтим, но почему
хочется в немецкую тюрьму?!

<1993>

Обсуждали донос и стукачество
И сошлись, между прочим, на том,
Что и здесь обязательно качество
И порядок — а совесть потом...

<1993>

Оле

Я — враг весенней суеты
и друг осеннего покоя.
С весною так легко на «ты»,
когда все рюмки налиты,
когда все кудри завиты,
накрашены, и всё такое.

Мне осенью целебней жить,
возвышенной, как в старой драме,
когда внезапно между нами
давно оборванная нить
соединяется узлами,
чтоб прошлое восстановить.

И я вхожу, как в молоко,
в осенний дым и понемногу
нащупываю в нем дорогу.
Пусть медленно. И слава Богу,
что в нем не видно далеко.

Октябрь 1993

Вот странный инструмент для созиданья строчек,
которых в первый миг никто понять не хочет.
Вот странный инструмент: два уха, два зрачка,
изгиб надменных губ и шепоток сверчка.

Под ним внизу — сама конструкции основа, —
в ней буйствует душа, разогревая слово.
Меж ними — коридор, на нем, его доля, —
то крестик, то кадык, то галстук, то петля.

Январь 1994

704

*Сергею Никитину
в день его 50-летия*

Знаком он по песенке старой,
и все-таки он не артист.
Он всем нам привычен с гитарой,
и всё же он не гитарист.

Немало нам песен пропевший,
споющий еще не одну,
он, физик, к стиху прикипевший,
ученый, влюбленный в струну.

Как впору ему этот свитер!
Как точен аккомпанемент!..
Он прежде всего — композитор,
но главное — интеллигент.

1994

705. ПЕСЕНКА ЖЕНИ АЛЬБАЦ

Зачем мне Ваши индульгенции?
Теперь иные времена,
я каждый вечер во Флоренции
беру себе бутылъ вина.
И тем вином я время скрашиваю,
бутылъ употребив до дна,
а индульгенций не выпрашиваю:
теперь иные времена.

19 июля 1994

К юбилею профессора Жоржа Нива

Ах, Жорж Дантес убил поэта!
 И проклят был в веках за это.
 А Жорж Нива поэтам друг —
 известно мне из первых рук.

В словесность русскую влюбленный,
 он с гор слетает, окрыленный,
 и вносит негасимый свет
 в Женевский университет.

К чему ж я вспомнил про Дантеса?
 Он был бездельник и повеса.
 Иное дело Жорж Нива —
 мой друг, профессор, голова.

А вспомнил потому, наверно,
 что в мире есть добро и скверна,
 что принцип нашего житья —
 два Жоржа разного шитья.

И счастлив я, что с этим дружен,
 что этот Жорж мне мил и нужен,
 что с ним беседы я веду...

А тот
     пускай горит в аду.

1995

Дойдя до края озверения,
 в минутной вспышке озарения,
 последний шанс у населения —
 спастись путем переселения.

<1995>

**708. ЧТО ЭТОТ МИР БЕЗ НАС,
БЕЗ ВМЕСТЕ ВЗЯТЫХ?**

Еще не перечитаны все книжки,
сердец не омрачи, разлуки тень,
я, старый человек, тебе, мальчишке,
шлю поздравленье в юбилейный день.

История литературы нашей
капризна, переменчива и зла,
и выглядит счастливый век проспавшей,
и новых козней ждет из-за угла.

А мы опять чураемся безверья,
пока скорбим и помыслы чисты,
и сладко рисковать, и наши перья
нацелены на белые листы.

Душа горит, нога достала стремя,
не жди похвал, о славе позабудь:
ведь что мы есть — решат молва и время
уже без нас. Потом. Когда-нибудь.

И ты, мой друг, теперь уже парижский,
глядишь на мир с порога своего...
Что нам с тобой до прихотей прописки?
Теперь она не значит ничего.

Что этот мир без нас, без вместе взятых?
Он весь расположился у крыльца.
А хроника времен пятидесятых —
не кончилась.
И нету ей конца.

1995

709. НАЗИДАНИЕ АВТОМОБИЛЬНЫМ ЛИХАЧАМ

Не меняйте полосы
в напряженные часы.
Не старайтесь доказать,
что нельзя вас наказать.

Пусть другой рулит смешно,
унижать его грешно.
Научитесь в миг любой
посмеяться над собой.

Да, схватившись за рули,
Вы, конечно, — короли.
Но любого короля
ждет родимая земля.

Лучше шествовать по ней,
чем молчать в краю Теней.
Жизнь не надо торопить,
пригодится, может быть.

<1995>

710. К ПОТОМКАМ

Вы размахнетесь крылами — всё как надо,
что ни взмах,
разноцветные ворота к храмам раскрывая.
Мы ж исчезнем так банально со слезами на глазах.
Будет вам над чем смеяться, недоумевая.

И не то чтобы случайно: мол, ошиблись в тесноте,
а намеренно, надменно, как приговорили:
мол, не стоит оправданий, мол, другие вы, не те...
Мы не те? Да вы-то те ли? Те ли? Да и вы ли?

А на рублище елейном, а на праведных шелках —
кровь и ложь, всё наше с вами — то плаха, то пашня...
Нам бы с песней в чисто поле — да оружие в руках!
Нам обняться бы навеки — да в обнимку страшно!

1995

711. РОМАНС

Не предвкушай счастливых дней,
преподнесенных небесами.
Омыты горькими слезами,
они взойдут в душе твоей.

Смирился я с решением:
вполне хорош уют...
Вдруг вижу с изумлением:
мне третью подают,

И взял я эту рюмочку!
Сполна хлебнул огня!..
А как зовут ту улочку?
А как зовут меня?

<1992—1996>

714. КУКОЛЬНОМУ ДОМУ

Между небом и кукольным племенем
расстоянье — всего ничего.
И рожденные будто бы временем,
всё ж они понадежней его.

Что б ни каркали там злопыхатели
о кончине добра и любви,
даже в бурю его обитатели
остаются, представьте, людьми.

19 февраля 1996

715

Уроки пальбы бесполезны —
они словно поздний недуг.
И вы свой характер железный
поглубже упрячьте, мой друг.

Он был и воспет и освистан
по возрасту и по судьбе.
А нынче уже не до истин,
а только презренье к себе.

1996

Да, старость. Да, финал. И что винить года?
 Как это всё сошлось, устроилось, совпало!
 Мне повезло, что жизнь померкла лишь тогда,
 когда мое перо усердствовать устало!

Оно как добрый знак — на краешке стола
 лежит перед листом, разглаженным и новым.
 Не время их свело, а жажда их свела,
 не блажь и не каприз, а восхищенье словом.

Отгородясь на век от праздничных сует,
 лишь букву и мотив приемлют, словно братья...
 Знать, есть особый смысл и вдохновенный свет
 и в высшей их вражде, и в их рукопожатье.

1996

Хороша она или плоха,
 выплакана или недопета,
 музыка стиха всегда тиха
 и непредсказуема, как Лета.

Буковок беспечный разворот,
 слова одинокого наплывы,
 строфы, что строги, а то глумливы,
 будто мы не знаем, что нас ждет.

Странной фразы тусклый силуэт,
 шепот, заклинания, надрывы...
 Это не о том, что счастья нет,
 а о том, что все-таки мы живы.

1996

В арбатском подъезде мне видятся дивные сцены
 из давнего детства, которого мне не вернуть:
 то Ленька Гаврилов ухватит ахнарик бесценный,
 мусолит, мусолит, и мне оставляет курнуть!

То Нинка Сочилина учит меня целоваться,
и сердце мое разрывается там, под пальто.
И счастливы мы, что не знаем, что значит прощаться,
тем более слова «навек» не знает никто.

1996

719

Что было, то было. Минувшее не оживает,
Ничто ничего никуда никого не зовет...
И немец, застреленный Ленькой, в раю проживает,
и Ленька, застреленный немцем, в соседях живет.

Что было, то было. Не нужно им славы и денег.
По кущам и рощам гуляют они налегке.
То перышки белые чистят, то яблочко делят,
то сладкие речи на райском ведут языке.

Что было, то было. И я по окопам полазил
и всласть пострелял по живым — всё одно к одному,
Убил ли кого? Или вдруг поспешил и промазал?..
...А справиться негде. И надо решать самому,

1996

720

Что жизнь прекрасней смерти — аксиома,
осознанная с возрастом вдвойне...
Но если умирать, то только дома:
поля сражений нынче не по мне.

1996

721

Роза сентябрьская из Подмосковья
так добросердна и так высока,
будто небесное в ней и мирское,
даже случайное, но на века.

И не какой-то там барышней жаркой,
красное платье взяв поносить,
вдруг обернется ордынской татаркой:
только про милость ее и просить.

Ну а куда мы жизнь свою тешим
и притворяемся, будто творим,
всё — в лепестках ее неоскудевших:
страсть, и разлука, и вечность, и Рим.

1996

722

Слишком часто простор голубого экрана
Заливает пошлятина ресторана,
И отсутствует вкус, и бесчинствует бес...
Неужели и впрямь не бывает чудес?

Может быть, в день рожденья канала седьмого
Бог замолвит за нас свое веское слово,
И очистимся мы от маразма и тьмы
Ну хотя бы в разгаре вот этой зимы?

Может быть, наконец по седьмому каналу
Постепенно придем к своему идеалу,
К воплощению вкуса, добра и любви...
Очень хочется верить в тебя, «РЕН Ти Ви»!

1997

723

Что им нужно для комфорта?
Тряпочки любого сорта,
стеклышки и камешки, и речки.
Куклы, куколки, кукленки,
кто во фраке, кто в дубленке,
а кто — просто в старой телогреечке.

Мы от жадности сгораем,
мы в политику играем,
мы больны банальным вожделием.

А у них — покой прекрасный,
и к добру они пристрастны
и на нас взирают с сожалением.

2 мая 1997

724. ВПЕЧАТЛЕНИЕ

Вниз поглядишь — там вздыхает Париж,
именно он, от асфальта до крыш.
Вверх поглядишь — там созвездие крыш:
крылья расправишь и тут же взлетишь.

Вот я взлетаю на самую крышу.
Что же я вижу? Что же я слышу?
Вижу скрещение разных дорог.
Слышу знакомый Москвы говорок.

Там проживает Миша Федотов,
там отдыхает, день отработав,
там собираются время от времени
стайки гостей из российского племени
передохнуть от родимого бремени,
вдруг залетевшие в этот Париж,
где не захочешь, да воспаришь.

Ну, а вокруг, теплых чувств не тая,
Маша и дети. Семья как семья.
Что им внушает эта квартира?
Лучше котлетки из козьего сыра.
Лучше в Париже ютиться на крыше:
что еще слаще? Что еще выше?
Лучше в парижском этом гнезде,
а не в Консти

туционном
суде.

19 мая 1997

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящее издание стихотворений Б. Окуджавы — наиболее полное из всех, выпускавшихся до сих пор. Это практически всё, написанное им в поэтическом роде, за исключением нескольких самых ранних произведений, опубликованных в военных газетах, 21 песни к телефильму и спектаклю «Приключения Буратино», 12 песен к телефильму «Соломенная шляпка» а также нескольких стихотворений, в своем большинстве никогда не публиковавшихся самим поэтом, и переводов.

Б. Окуджава выпустил в свет 13 поэтических книг. Первые две (Лирика. Калуга: Изд-во газ. «Знамя», 1956; Острова: Лирика. М.: Советский писатель, 1959) еще достаточно адекватно отражали творческий процесс поэта, в основном воспроизводя то, что он писал и публиковал в периодической печати. Но в содержании последовавших затем книг (Веселый барабанщик: Книга стихов. М.: Советский писатель, 1964; По дороге к Тинатин. Тбилиси: Литература да хеловнеба, 1964; Март великодушный. М.: Советский писатель, 1967) уже заметно было отсутствие значительного числа произведений, которые в это время были широко известны по магнитофонным записям в исполнении Б. Окуджавы и составляли его славу. В течение последующих примерно двух десятилетий, когда, по собственным признаниям поэта, он почти не писал стихов, вышла в свет книга (Арбат, мой Арбат: Стихи и песни. М.: Советский писатель, 1976), вобравшая в себя то, что было написано поэтом за последние годы, и, главное, восполнившая отмеченный выше пробел в публикации самых популярных произведений Б. Окуджавы. Книги поэта 1980—1990-х гг. (Стихотворения. М.: Советский писатель, 1984; Посвящается Вам: Стихн. М.: Советский писатель, 1988; Избранное: Стихотворения. М.: Московский рабочий, 1989; Песни и стихи. М.: Приложение к журн. «Полиграфия», 1989; Милости судьбы: Новая книга стихов. М.: Московский рабочий, 1993) воспроизводили публикации произведений поэта в текущей периодической печати или были в разной степени избранным из предшествовавшего поэтического наследия. Особняком среди всех стихотворных книг Б. Окуджавы стоит сборник: Зал ожидания: Стихи. Н.-Новгород: Деком, 1996. Большинство стихотворений написаны поэтом специально для этой книги, в ней заметна выстроенная композиция и драматичный сюжет. Итоговый сборник — «Чаепитие на Арбате: Стихи разных лет». М.: ПАН, 1996 — явился последней и самой большой по объему стихотвор-

ной книгой, составленной Б. Окуджавой, в которую он включил значительную часть своего поэтического наследия. Публикация стихотворений Б. Окуджавы последовательно по авторским сборникам, на наш взгляд, не отражала бы в полной мере ни творческого процесса писателя, ни даже его представления об авторском поэтическом сборнике. Поэтому стихотворения публикуются в хронологическом порядке.

Вместе с тем комплекс проблем, возникающих при публикации поэтического наследия писателя почти следом за его кончиной, побуждают к отступлению от исключительно хронологического принципа расположения текстов и введению раздела стихотворений, не включавшихся поэтом в авторские сборники (но внутри этого раздела порядок тоже хронологический).

Датировка стихотворений Б. Окуджавы — проблема не только для публикатора; она была проблемой и для самого автора. Многие из опубликованного (или исполнявшегося в различных аудиториях) в 1950—1960-е гг., по имеющимся свидетельствам, было написано еще в конце 1940 — начале 1950-х гг. Впоследствии Окуджава не раз в интервью и в частных разговорах высказывал безразличие к датировкам своих сочинений; так, по свидетельству С. Рассадина, поэт расставил даты в «Избранном» по требованию редактора книги: «Я указал приблизительно: какая разница?» — ЛГ. 1997. 23 июля). В итоговом сборнике стихотворений «Чаепитие на Арбате» Окуджава расположил стихотворения по десятилетиям («Пятидесятые», «Шестидесятые» и т. д.). Для расположения текстов в настоящем издании авторское деление на разделы и датировка в «Чаепитии на Арбате» (если публикуемый текст присутствует в этом сборнике) является решающей. Мы лишь сочли возможным ее конкретизировать, когда есть более локальная дата, указанная самим автором в других публикациях. Когда дата первой публикации позволяет сузить рамки десятилетия, которым Окуджава датирует текст в «Чаепитии на Арбате», мы приводим дату в угловых скобках (это означает, что стихотворение написано не позднее указанной даты). В нескольких случаях стихотворения (их не более десяти), публиковались ранее, чем их датирует Окуджава, — они располагаются согласно времени первой публикации (это оговаривается в примечаниях). Для датировок остальных текстов, как правило, критерием является дата первой публикации; дополнительные сведения о времени создания текста, если они расходятся с датой публикации, по возможности приводятся в примечаниях. Мы сочли необходимым учесть также датировки, приводимые в книге: Окуджава Б. Песни: Мелодии и тексты / Сост. А. Шилов. М., 1989, — составитель ссылается на консультации по этому вопросу с Окуджавой. Что касается подборки текстов: Окуджава Б. Я выбираю свободу / Сост. М. Баранов // Надежды маленький оркестрик. Кемерово, 1990 — то в связи с тем, что в этом сборнике во многих случаях даются очень конкретные (вплоть до месяца) даты создания текстов, но отсутствуют их мотивировки, мы сочли целесообразным только указать на эти даты, когда они существенно расходятся с нашими;

в некоторых случаях, за отсутствием других источников, мы прибегаем к датировкам этого издания, приводя их со знаком вопроса и в скобках. Даты, охватывающие целое десятилетие, специально не указываются.

Тексты, как правило, печатаются по последней авторской публикации. Как пишут многие исследователи творчества Окуджавы, широкое авторское исполнение им своих песен сопровождалось импровизацией, при которой очертания канонического текста размывались. Многие публикации таких текстов, сделанные с магнитофонных пленок (а такими были по преимуществу многочисленные зарубежные собрания его сочинений и подготовленное Клубом авторской песни к 60-летию поэта в 1984 г. 12-томное собрание его сочинений), несут на себе следы этих импровизаций и, разумеется, содержательны. Однако мы сочли целесообразным при выборе текстов в настоящем издании опереться на постоянно повторяющуюся Окуджавой автохарактеристику, считавшего себя прежде всего поэтом (а не исполнителем песен), и, следовательно, отдававшего первенствующее значение тексту напечатанному. Поэтому из всех возможных источников текста мы старались отдавать предпочтение тому, который опубликован самим автором или им авторизован, и лишь в исключительных случаях отступали от этого принципа во имя полноты настоящего собрания. При этом мы, насколько это было возможным, фиксировали в примечаниях бытование того или иного текста под другими заглавиями (как это часто наличествует в публикациях песенных вариантов).

Примечания содержат указание на первую публикацию. Через тире отмечаются публикации, в которых текст претерпевал изменения, имел иное заглавие или датировку, что отмечается в скобках. Последним указывается источник, по которому текст публикуется. Не оговаривается наличие вариантов в строфике — в газетных публикациях и малоформатных изданиях длинный стих Окуджавы часто приспособлялся к ширине газетного столбца или страницы. Далее приводятся сведения о переложении стихотворений на музыку и об исполнении их в кинофильмах; история создания текста; сведения о некоторых важных интерпретациях или конкретных наблюдениях исследователей; фактические пояснения; отмечаются реминисценции.

Благодарим И. В. Живописцеву, М. Н. Золотоносова, Б. И. Колоницкого, А. С. Корецкого, А. де Лазари, А. С. и М. С. Левитанов, С. Г. Стратоновского, В. А. Фрумкина и Н. В. Хмелевскую за помощь в работе по подготовке наст. издания.

Список условных сокращений

- Аврора — Аврора (Ленинград), журнал
АиФ — Аргументы и факты (Москва), еженедельная газета
Антенна — Антенна (Москва), газета
Апрель — Апрель (Москва), альманах
Арбат — Окуджава Б. Арбат, мой Арбат: Стихи и песни. М., 1976
Библиография — Библиография (Москва), журнал
Бойко — Бойко С. С. Поэзия Булата Окуджавы как целостная художественная система: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1998
ВВ — Окуджава Б. Веселый барабанщик: Книга стихов. М., 1964
Век — Век (Москва), журнал
Вечерний клуб — Вечерний клуб (Москва), газета
Веч. Москва — Вечерняя Москва, газета
В мире кн. — В мире книг (Москва), журнал
Воп. лит. — Вопросы литературы (Москва), журнал
Даугава — Даугава (Рига), журнал
Дело — Дело (Москва), газета
ДП (Л) — День поэзии (Ленинград), ежегодник
ДП (М) — День поэзии (Москва), ежегодник
Др. народов — Дружба народов (Москва), журнал
Живописцева — Живописцева И. Опали, как листва, десятилетия... СПб., 1998
Зал ож. — Окуджава Б. Зал ожидания: Стихи. Н.-Новгород, 1996
Звезда — Звезда (Ленинград, С.-Петербург), журнал
Звезда Вост. — Звезда Востока (Ташкент), журнал
Знамя (К) — Знамя (Калуга), газета
Знамя (М) — Знамя (Москва), журнал
Избранное — Окуджава Б. Избранное: Стихотворения. М., 1989
Известия — Известия (Москва), газета
Искусство кино — Искусство кино (Москва), журнал
Капли — Окуджава Б. Капли Датского короля: Киносценарии. Песни для кино / Сост. В. И. Босенко. М., 1991
КиЖ — Культура и жизнь (Москва), газета
Кн. обоз. — Книжное обозрение (Москва), еженедельная газета
Континент — Континент (Париж; Москва), журнал
КП — Комсомольская правда (Москва), газета
Крестьянка — Крестьянка (Москва), журнал
Культура — Культура (Москва), газета
ЛГ — Литературная газета (Москва)
ЛГ-Досье — ЛГ-Досье (Москва), ежемесячное приложение к «Литературной газете»
Лен. знамя — Ленинское знамя (Киев), газета
Лен. смена — Ленинская смена (Горький), газета
Лесная пром. — Лесная промышленность (Москва), газета
Лирика — Окуджава Б. Лирика. Калуга, 1956
Лит. Грузия — Литературная Грузия (Тбилиси), журнал

Лит. Калуга — Литературная Калуга, альманах
 Лит. нов. — Литературные новости (Москва), газета
 Лит. обоз. — Литературное обозрение (Москва), журнал
 Лит. Рос. — Литературная Россия (Москва), еженедельная газета
 Лит. учеба — Литературная учеба (Москва), журнал
 Магазин — Магазин (Москва), журнал
 Март — Окуджава Б. Март великодушный. М., 1967
 Милости судьбы — Окуджава Б. Милости судьбы: Новая книга стихотворений. М., 1993
 МК — Московский комсомолец, газета
 МЛ — Молодой ленинец (Калуга), газета
 МН — Московские новости, еженедельная газета
 Мол. гв. — Молодая гвардия (Москва), журнал
 Молодежная эстрада — Молодежная эстрада (Москва), журнал
 Молодость Сибири — Молодость Сибири (Новосибирск) газета
 Московский литератор — Московский литератор, газета
 МП — Московская правда, газета
 Муз. жизнь — Музыкальная жизнь (Москва), журнал
 Насекомое — Насекомое: Альманах. М.; Калининград; СПб., 2000
 Нева — Нева (Ленинград), журнал
 Неделя — Неделя (Москва), еженедельная газета
 Нез. газ. — Независимая газета (Москва)
 Нов. вр. — Новое время (Москва), журнал
 Нов. газ. — Новая газета (Москва)
 Нов. мир — Новый мир (Москва), журнал
 ОГ — Общая газета (Москва)
 Огонек — Огонек (Москва), журнал
 Острова — Окуджава Б. Острова: Лирика. М., 1959
 Песни (АА) — Окуджава Б. Песни: В 2 т. / Сост. В. Фрумкин. App Arbor, 1986—1988
 Песни (М) — Окуджава Б. Песни: Мелодии и тексты / Сост. Л. Шилов. М., 1989.
 Пионер — Пионер (Москва), журнал
 ПиС — Окуджава Б. Песни и стихи. М., 1989 (Прилож. к журн. «Полиграфия».)
 Посв. Вам — Окуджава Б. Посвящается Вам: Стихи. М., 1988.
 Правда — Правда (Москва), газета
 Правда Украины — Правда Украины (Киев), газета
 Родина — Родина (Москва), журнал
 Родник — Родник (Рига), журнал
 Рос. газ. — Российская газета (Москва)
 Россия — Россия (Москва), газета
 Рус. курьер — Русский курьер (Москва; Нью-Йорк; Париж), журнал
 Рус. мысль — Русская мысль (Париж), газета
 Рус. речь — Русская речь (Москва), журнал
 СиМ — Страна и мир (Тель-Авив), журнал
 Слово — Слово (Москва), журнал

СМ — Сельская молодежь (Москва), журнал
 Смена (Л) — Смена (Ленинград), газета
 Смена (М) — Смена (Москва), журнал
 Сов. библио. — Советская библиография (Москва), журнал
 Сов. культура — Советская культура (Москва), газета
 Сов. муз. — Советская музыка (Москва), журнал
 Сов. патриот — Советский патриот (Москва), газета
 Сов. Рос. — Советская Россия (Москва), газета
 Сов. экран — Советский экран (Москва), журнал
 Сов. эстр. — Советская эстрада и цирк (Москва), журнал
 Стихотворения — Окуджава Б. Стихотворения. М., 1984
 Столица — Столица (Москва), журнал
 Страж Балтики — Страж Балтики (Калининград), газета
 Стрелец — Стрелец (Париж; Москва), журнал
 Тинатин — Окуджава Б. По дороге к Тинатин. Тбилиси, 1964
 Труд — Труд (Москва), газета
 Ур. след. — Уральский следопыт (Свердловск), журнал
 Чайковский — Чайковский Р. Милости Булата Окуджавы:
 Работы разных лет. Магадан, 1999
 ЧНА — Окуджава Б. Чаепитие на Арбате: Стихи разных лет. М.,
 1996
 Шилов — Шилов Л. Феномен Булата Окуджавы. М., 1989
 Юность — Юность (Москва), журнал
 Юрмала — Юрмала, газета
 ЯВС — Окуджава Б. Я выбираю свободу / Сост. М. Баранов //
 Надежды маленький оркестрик. Кемерово, 1990
 RL — Russian Litteratur (Amsterdam), журнал
 WSA — Wiener Slavistischer Almanach (Мюнхен)

ПЯТИДЕСЯТЫЕ

1. МЛ. 1953. 23 января (под загл.: «Франция»; без ст. 9—12 и иным оконч. вм. ст. 29—32:

С ясным открытым взглядом,
 Сметая прогнивший строй,
 Женщиной с баррикады
 Ты встаешь предо мной).

— Лирика. В вар. первой публ.: *Женщиной с баррикады* — образ с картины франц. художника Э. Делакруа «Свобода на баррикадах» (1830).

2. Лит. Калуга. 1954. № 2. — Лирика. Поэма посвящена Константину Эдуардовичу Циолковскому (1857—1935) — основоположнику современной космонавтики; с 1892 г. проживал в Калуге, где преподавал физику и математику. О чтении Б. Окуджавой

первого вар. поэмы на областной писательской конференции в Воронеже в 1954 г. см. вступит. статью к наст. изд., с. 64.

3. МЛ. 1955. 2 февраля. — Лирика.

4. МЛ. 1955. 22 апреля. — Лирика.

5. МЛ. 1955. 15 мая (под загл.: «Сыну»; после ст. 12 еще один ст.: «У тебя на щеке сохнут капли кисельные»). — Лирика.

6. Знамя (К). 1955. 21 мая (под загл.: «В семье»: вар. ст. 12: «Котенком слабым и незрячим»). — НМ. 1955. № 11 (без загл.). — Лирика.

7. МЛ. 1955. 1 июля (без загл.) — Лирика (с загл.) — Огонек. 1990. № 19 (с датой: 1946 г.).

8. МЛ. 1955. 14 августа (с нач. ст. 5: «Вот он — лес, зарей окутан»; ст. 1—4 — после ст. 16; после ст. 28: «И уже не в мочь охота, И тропа влечет назад, Словно смотрит в сердце кто-то... Не ее ли то глаза?» — Лирика.

9. МЛ. 1955. 16 октября (первоначальный вар.):

Первая ночь, ты так далека...
Первая ночь, ты так близка...
Ничем тебя в памяти не превозмочь,
Первая послевоенная ночь.
Отгремели салюты, сник закат,
Но не спится Европе в чаду весны:
В ночной тишине болят, болят
Свежие, свежие раны войны.
Играет оркестр в спальном саду.
Как много невест в этом году.
Танцуют они в ночной темноте;
Матери ищут пропавших детей;
Наполовину отвыкнув уже,
Жены разыскивают мужей.
А где-то в окопах в обнимку лежат
Кости берлинцев и парижан.
Безногие люди сидят на скамье.
Они не хотят говорить о войне.
Лишь вслед мне упрямо и долго глядят:
Откуда такой невредимый солдат?
И грустно молчат, и вздыхают не зло:
«Здорово мальчику повезло».
А мальчик по саду идет налегке,
У мальчика Родина вдалеке,
Морщинки у рта — горьки, горьки,
И пылью пропитаны сапоги...
Где он не шел? По каким городам?

Полосатых верст подсчитать невмочь...
А сколько он мучался и страдал,
Пока не нахлынула эта ночь,
Ночь удивительной тишины,
Первая ночь после войны).

— Лирика.

10. Нов. мир. 1955. № 11 (под загл.: «Зависть»). — Лирика.

11. МЛ. 1956. 10 февраля (с подзаг.: «Из стихов о Пушкине»). — Лирика. *Тропой незаросшей...* — парафраз пушкинского: «К нему не зарастет народная тропа».

12. МЛ. 1956. 16 марта. — Нева. 1957. № 4.

13. Знамя (К). 1956. 25 марта. — Лирика.

14. МЛ. 1956. 30 марта (с вар. ст. 1—2: «Вскрикнул медные трубы и будет печален Этот крик, и в ушах прозвенит»). — Лирика.

15. МЛ. 1956. 8 августа (в цикле: «Стихи о Юге»). — Знамя (М). 1957. № 9 (в цикле «Встреча»). — Острова. — Лит. Грузия. 1961. № 6 (в подборке под загл.: «Новые стихи»). *Картли* — Грузия.

16. МЛ. 1956. 23 сентября (под загл.: «О красоте»). — Острова. *Афродита* — греч. богиня любви и красоты, согласно одной из легенд, рожденная из морской пены.

17. МЛ. 1956. 31 октября (без загл.). — Калужанин. Калуга, 1959 (с незначит. вар.). — Острова.

18. Лирика. *Гейне Генрих (1797—1856)* — немецкий поэт, публицист. Ст-ние Окуджавы отсылает к неназванной им поэме Гейне «Германия (Зимняя сказка)» — написана в 1843 г. по возвращении поэта на родину после 13-летнего отсутствия.

19—26. Лирика.

27. Лирика. — Острова.

28. Лирика. *За Черной речкой* — речь идет о месте, где 27 января 1837 г. состоялась дуэль Пушкина с Ж. Дантесом (тогда — вблизи Петербурга; ныне — в черте города).

29. Песни (АА). Т. 1. — Сов. библ. 1990. № 1 (под рубрикой: «Из неопубликованного», с датой: 1958). — Столица. 1994. № 19 (с датой: 1956). — ЧнА. *...одна моя мама* — см. вступит. статью, с. 58.

30. Калужанин. Калуга, 1959 (под загл.: «Баллада о лесе» и незначит. вар.). — Острова.

31. ЯВС. — ЧНА. Датировка — ЯВС. По словам Ст. Рассадина, Окуджава называл это «самой первой песенкой» (Век. 1994. № 17. 6—12 мая). На *Тверском бульваре* находится Литературный институт им. А. М. Горького, где в это время учились некоторые друзья Окуджавы.

32. МВ. — Стихотворения (без частей IV и V, с датой: 1956 — 1957). — Избранное (части II и III как самостоятельные). — ЧНА (только III). Печ. по первой публ. А. Урбан отметил, что ст.: «Где-то там, где первый лег ручей...» — «...напоминает натурфилософские утопии Н. Заболоцкого тридцатых годов» (Урбан А. Называя имена // Звезда. 1971. № 5. С. 184). То же можно сказать и о других частях настоящего цикла: «...*гуют в гудочку души*» (II) или «...*перелистывают книгу воды*» (IV).

33. Знамя (М.). 1957. № 9 (в цикле: «Встреча»; с незначит. вар.) — Острова. Очевидно непосредственное влияние поэмы А. Блока «Двенадцать».

34. Знамя. 1957. № 9 (в цикле: «Встреча»). — Острова.

35. Острова (без последних 8 ст. и с вар. заключительных ст.: «А яблочки моченые катились прямо в снег»). — Стихотворения (с датой: 1957). — Избранное (с вар. в ст. 4: «бредет за нами вслед»). — ЧНА.

36. Острова. — Стихотворения (с датой: 1957). — ЧНА.

37. Острова (под загл.: «Сентиментальный романс»). — ВБ (под загл.: «Сентиментальный марш»). — Стихотворения (с посвящ. Е. Евтушенко и датой: 1957). — ЧНА. Исполн. в кинофильме «Мне двадцать лет» («Застава Ильича»; 1963). *Евтушенко Евгений Александрович* (р. 1933) — писатель. «Однажды в одной студенческой компании я услышал, как запели замечательную песню "Но если вдруг на той войне мне уберечься не удастся", и тогда возникла фигура поющего поэта, непривычная для нас в то время» (Евтушенко Е. Поющий нерв нашей эпохи // *Вспоминая Владимира Высоцкого*. М., 1989. С. 356). В опубликованной в 1963 г. в ФРГ и Франции «Преждевременной автобиографии» Е. Евтушенко рассказывал о событиях 1957 г.: «Поэт Булат Окуджава редактировал в издательстве скучные рукописи. По вечерам за стопкой водки он пел под гитару двум-трем своим друзьям свои неповторимые песенные стихи, не подозревая, что через несколько лет их будут переписывать на множество магнитофонных пленок» (Цит. по: Межаков-Корякин И. И. Особенности романтизма в поэзии Булата Окуджавы // *Melbourne Slavonic Studies*. 1972. № 7. P. 58—59). По агентурным сведениям КГБ, в июне 1972 г., после исклю-

чения Окуджавы парткомом Московского отделения Союза писателей РСФСР из коммунистической партии, Евтушенко предпринимал попытки восстановить с Окуджавой «и его окружением» дружеские отношения, «пошатнувшиеся в последнее время из-за того, что он (Евтушенко. — Комм.) заигрывает с руководством Союза писателей, в связи с чем пользуется привилегиями» (МН. 1997. 22—29 июня, № 25). Воспоминания Евтушенко об Окуджаве см.: Евтушенко Е. Волчий паспорт. М., 1998. С. 497—502. Об упоминаниях Окуджавы в ст-ниях Евтушенко см.: Чайковский. С. 89. См. также наст. изд., № 150. По воспоминаниям Окуджавы, «Тогда, в 57-м, когда я сочинил эту песню, и позже, когда ее исполнял <...>, еще живы были во мне идеалы моей юности. <...> Я и сегодня ничего не менял бы в этих стихах, кроме последней строчки: “и комиссары в пыльных шлемах склонятся молча надо мной”. Мне сегодня не дорого их признание» (Окуджава Б. Упраздненный театр // Огонек. 1991. № 19. С. 6). П. Вайль и А. Генис отмечают «почти текстовые совпадения» наст. текста со стихами Евтушенко: «Грозные, убежденные, в меня устремляя взгляд, на тяжких от капель буденновках крупные звезды горят» (Вайль П., Генис А. Страна слов // Нов. мир. 1991. № 4. С. 245). Я. Хелемский находит в наст. тексте «влияние Светлова» (Возьмемся за руки, друзья / Авт.-сост. Л. Беленький. М., 1990. С. 25). Анализ и интерпретацию см.: Елигуашвили Э. Булат Окуджава без аккомпанеента // Лит. Грузия. 1965. № 11. С. 74—75.

38. Острова. — Стихотворения (с датой: 1957). — ЧНА.

39. Острова. — Стихотворения (с датой: 1957).

40. Московский литератор. 1959. 24 сентября (под загл.: «Баллада о Неве»). — Острова (без загл.; с посвящ.: А. Ш.). — Стихотворения (с датой: 1957). — ЧНА.

41. Острова. — Стихотворения (с датой: 1957).

42. Пионер. 1961. № 2 (под загл.: «Песенка о веселом барабанщике»). — ВБ. — Стихотворения (с датой: 1957). — ЧНА. Исполн. в кинофильме «Друг мой, Колька» (1961). Посвящено Ю. Левитанскому (отмечено В. И. Босенко: Капли). Левитанский Юрий Давыдович (р. 1922) — поэт, переводчик. См. его воспоминания о том, как в январе 1956 г. поэт Г. Поженян подарил ему ко дню рождения билет на поезд в Ленинград и повез туда его и Б. Окуджаву: «Наверное, я вообще первый, кто открыл Булата. Тогда я учился на Высших литературных курсах, а он работал в издательстве “Молодая гвардия”. Случайно там, в издательстве, и познакомились. И хотя в ту пору он еще не был никакой О к у д ж а в а, полюбил Булата сразу, с первого взгляда. Стихи Булат писал хорошие (в Калуге вышла небольшая книжка), а из песен сочинил, по-моему, лишь “Девочка плачет: шарик улетел”. Свел его с Твардовским, Светловым, Смеляковым, таскал из дома в дом, “вне-

дрял"» (Левитанский Ю. «— Что же из этого следует? — Следует жить...» // Смена (Л). 1991. 11 декабря). Левитанскому принадлежат пародии на Окуджаву, «очень удачные, по-моему» (из ответов Окуджавы на записки во время выступления в Доме писателя в 1984 г. — цит. по: Песни (АА). Т. 2. С. 103). См. также: наст. изд. №№ 141, 157, 305 и 313. Об истории создания ст-ния во время совместной поездки по заданию «Литературной газеты» в Вильнюс см.: Берестов В. Веселый барабанщик // Окуджава Б. Стихи. Рассказы. Повести. Екатеринбург, 1999. С. 559. По-видимому, в конце 1960 г. песня (на музыку М. Блантера) прозвучала по радио, а после первой публ. с нотами, «подправленными одним из профессиональных композиторов» (то есть М. Блантером. — Комм.), песню стали исполнять «многие детские хоры» (Шилов Л. «Я слышал по радио голос Толстого...». М., 1989. С. 185). Поэт Е. Долматовский, вообще отрицательно относившийся в творчеству Окуджавы, одобрительно отмечал, что в наст. тексте «нет меланхолии и ресторанной вымученности» (Долматовский Е. Из жизни поэзии. М., 1967. С. 69). О переключках с Г. Гейне см.: Елигуашвили Е. В оригинале и в переводе. Тбилиси, 1969. С. 123. Но взглядишь — и ты увидишь... — ср.: «Оглянись и ты увидишь» (Б. Пастернак. Весна. 1919).

43. Юность. 1962. № 6 (под загл.: «Ленька Королев» и без посвящ.). — Стихотворения (с датой: 1957). — ЧНА. «Булат Шалвович однажды рассказывал мне: «"Леньку Королева" я написал очень быстро. Было это году в пятьдесят восьмом. Как-то однажды утром стихи будто сами пришли, строчка за строчкой, мне теперь кажется, чуть ли не в пять минут. <...> Были у нас такие ребята в арбатских дворах, так сказать, заводилы. И помочь в трудную минуту они могли. Но образ этот собирательный, конечно. А имя, имя конкретное. Для меня, во всяком случае. Был у нас на Арбате Ленька Гаврилов, такой рыжий, очень милый парень. Совсем не вожак, не "король", никаких функций того Леньки Королева, что в песне, он не нес. Но почему-то мне его ужасно жалко было, когда он погиб. Особенно нелепой, обидной казалась его смерть. И вот его имя я и дал моему герою песни» (Шилов Л. Феномен Булата Окуджавы // Муз. жизнь. 1988. № 8. С. 5). См. также в интервью Окуджавы: «Утром написал стихи, вечером — мелодию» (МК. 1984. 14 апреля); «...написал за пять минут» (МН. 1985. 6 января). Одно из последних авторских высказываний: «В песенке, написанной в 1957 году, нет ни капли фальши: она принадлежит истории и свое дело сделала. Но фальшью было бы петь ее в наши дни» (ЛГ-Досье. 1993. № 6. С. 4). По версии Ст. Рассадина, он посоветовал Окуджаве изменить первоначальное имя героя «Ванька» на «Ленька» (Столица. 1994. № 19. С. 52). Анализ и интерпретацию наст. текста см.: Паперный З. За столом семи морей: (Булат Окуджава) // Воп. лит. 1983. № 6. С. 47—48); Танич М. «У прибоя в тишин...» // КП. 1984. 16 марта; Новиков Вл. Тайна простых чувств // Лит. обоз. 1986. № 6. С. 79—80; Новиков Вл. Булат Окуджава // Авторская песня: Книга для ученика и учителя. М., 1998. С. 21—23).

«Мессершмитты» — военные самолеты немецкого авиаконструктора и промышленника В. Мессершмитта (1898—1975).

44. Юность. 1962. № 6. — Стихотворения (с датой: 1957). — ЧНА. По отзыву поэта С. Наровчатова, «столько в этой песенке доброты, столько веры в людей, что, право, удивляешься той настороженности, с которой ее иногда встречают» (Наровчатов С. Пафос гражданственности в нашей поэзии // Коммунист. 1965. № 11. С. 77). М. Лобанов уничижительно назвал наст. текст «гитарно-гуманной песенкой» (Лобанов М. Просвещенное мещанство // Мол. гв. 1968. № 4. С. 294). Эти стихи «...несомненно ритмически связаны с мандельштамовским "На мертвых ресницах Исакий замерз..."» (Синельников М. Окрасивший время // МН. 1997. № 25. 22—29 июня. С. 21). О переводах наст. текста на нем. яз. см.: Чайковский Р., Христофорова С. «Полночный троллейбус» Булата Окуджавы в немецких переводах // Чайковский. С. 72—78. В авторском исполнении прозвучало в кинофильме «Цепная реакция» (1963) — первое появление Окуджавы на экране (отмечено В. И. Босенко: Капли).

45. Мол. гв. 1962. № 11 (под загл.: «Песенка об арбатских ребятах»). — Посв. Вам (с датой: 1957). — ЧНА. Датируется также концом 1950-х гг. (Шилов) и 1958 г. (ЯВС). В одном из интервью Окуджава указывал, что «эти строки, не входившие ни в одну из книг», написаны в 1956—1957 гг. (СМ. 1987. № 5. С. 32; здесь опубл. под загл. «Арбатские ребята»). *Отец расстрелянный мой...* — см. вступит. статью, с. 57. *И грустные те комиссары...* — см. № 37.

46. ВБ. — Стихотворения (с датой: 1957). — Крестьянка. 1991. № 3 (без заглавия). — ЧНА. *Мама, белая голубушка...* — см. № 29.

47. ВБ. — Стихотворения (с датой: 1957). — ЧНА. Печ. также под загл.: «О синих маяках». В ЯВС датируется: 1956—1957. Музыку на наст. текст писал М. Блантер; отрицательную характеристику см.: Сов. муз. 1969. № 10. С. 26. По мнению З. Паперного, «Выражение "семь морей" ведет к фольклору, к сказке» (Паперный З. За столом семи морей: (Булат Окуджава) // Воп. лит. 1983. № 6. С. 33). В. П. Григорьев сопоставил «за столом семи морей» в качестве «лексической формулы поэтического языка» и «за столом голубого июля» в ст-нии Б. Примерова (1974) (Григорьев В. П. Поэтика слова. М., 1979. С. 239). *За столом семи морей* — см. примеч. 85.

48. Стихотворения (с датой: 1957). — ЧНА. Печ. также под загл.: «О войне». В ЯВС датируется: 1956—1959. О выступлениях Окуджавы с исполнением наст. текста см. вступит. статью, с. 67, 81. *А по полям жиреет воронье* — ср. у Киплинга: «Коршунье и воронье Налетит урвать свое...» («Марш "Хищных птиц"» — Киплинг Р. Рассказы; Стихотворения. Л., 1989. С. 314) и «Врачи при-

ходят после воронья, Когда не разберешь, где рот, где нос...» («Добровольно "пропавший без вести"» — Там же. С. 323); «мужественную киплинговскую интонацию» в наст. тексте (без конкретизации) отместил Марран (Марран. Булат Окуджава и его время // Континент. 1983. № 36. С. 333).

49. Стихотворения (с датой: 1957). — Крестьянка. 1991. № 3 (под загл.: «Песенка о голубом шарике»). — ЧНА. О «допроявленности» мотива и смысла наст. текста в других произведениях Окуджавы «тсх же лет» см.: Белая Г. Булат Окуджава, время и мы // Окуджава Б. Избранные произведения: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 10—11. О более широком историко-литературном контексте мотива полета шариков (у И. Мятлева, И. Анненского, В. Эрлиха, Д. Хармса) см.: Кобринский А. Поэтика «ОБЭРИУ» в контексте русского литературного авангарда: В 2 ч. М., 1999. Ч. 2. С. 62—64.

50. Стихотворения (с датой: 1957). — Избранное (с незначит. вар.). — ЧНА. По воспоминаниям К. Ваншенкина, Окуджава в узком дружеском кругу переименовывал текст и пел: «Он в цирк ходил на Старой площади...», имея в виду ЦК КПСС, находившийся там (ЛГ. 1998. № 18/19, 13 мая). Об актуальных политических переделках текста («За что ж вы Клима Ворошилова...») см.: интервью Окуджавы (Известия. 1993. 6 марта); Медриш Д. Вокруг Окуджавы: Послеюбилейные воспоминания // Воп. лит. 1994. Вып. 6. С. 360—361. По мнению Ю. Андреева, «В. Аксенов позже написал рассказ — аналогию "Ваньке Морозову" — я имею в виду рассказ "На полпути к луне"» (Андреев Ю. Наша авторская: История, теория и современное состояние самодеятельной песни. М., 1991. С. 145). Межиров Александр Петрович (р. 1923) — поэт, переводчик. Ср. диалог Межирова с Окуджавой: «Межиров: Это вы про меня написали песню о Ваньке Морозове? — Булат: Нет, это я о себе — и замолчал угрюмо» (Цыбулевский А. Не хватило бормотанья // Лит. Грузия. 1981. № 8. С. 181. «Пекин»... — московский ресторан.

51. Посв. Вам (с датой: 1957 и вар. в ст. 15 — «...офицерские девочки...»). — ЧНА. В ЯВС датируется: 1958—1959.

52. МС. — ЧНА. Печ. также под загл.: «Припортовые царевны» и «Песенка о припортовых царевнах». В ЯВС датируется: 1957.

53. МС. — ЧНА. В ЯВС датируется: 1957. По воспоминаниям Ст. Рассадина, из ставших впоследствии известными песен к 1958 г. у Окуджавы были написаны только эта и «Из окон корочкой несет поджаристой...» (наст. изд. № 62; см.: Рассадин Ст. Судьба барабанщика // Век. 1994. № 17. 6 12 мая; Он же. «Нам не хватало Окуджавы» // Столица. 1994. № 19. С. 51). Песня «...была объявлена чуть ли не гимном "золотой молодежи"» (Рассадин Ст. Простакки, или Воспоминания у телевизора // Искусство кино. 1990. № 1. С. 20—21). Т. М. Николаева отметила, что в те годы, когда написа-

но ст-ние, «...богатыми б р ю н е т а м и, готовыми швырять деньги на красавиц, были, конечно, грузины. И ресторан этот, вероятно, "Арагви"» (Николаева Т. М. А мы швейцару: «Отворите двери!»: (В развитие идей Дмитрия Николаевича Шмелева о цельности семантики лексемы) // Облик слова: Сб. статей. М., 1997. С. 275).

54. Острова. — Стихотворения (с датой: 1958). — ЧНА.

55. Острова (с вар. последнего ст.: «Помните трудную щедрость мою»). — Стихотворения (с датой: 1958). — ЧНА. Б. Окуджава привел наст. текст в качестве примера такого, в котором уже «была какая-то внутренняя мелодика» еще до того, «как запел» (Смена (Л). 1971. 24 ноября). По воспоминаниям Е. Храмова, Окуджава читал наст. текст на занятиях литобъединения «Магистраль» в 1956 г.

56. Острова. — Стихотворения (с датой: 1958). — ЧНА.

57. Острова. — Стихотворения (с датой: 1958).

58. Острова. — Стихотворения (с датой: 1958). — ЧНА.

59. Острова. — Стихотворения (с датой: 1958).

60. СМ. 1966. № 1 (с вар. в ст. 1: «Я гляжу на фотокарточку»). — Март (с незначит. вар.). — Стихотворения (с датой: 1958). — ЧНА. В ЯВС датируется: 1957.

61. СМ. 1966. № 1 (с вар. в ст. 9: «О, когда б только эти войска!..»). — Стихотворения (с датой: 1958). — ЧНА. Печ. также под загл.: «Часовые любви». В ЯВС датируется: 1957. Исполн. в кинофильме «Покровские ворота» (1982). Текст был объявлен «песней о проститутках» (см.: Рассадин Ст. Простаки, или Воспоминания у телевизора // Искусство кино. 1990. № 1. С. 21). В ст-нии перечисляются московские топонимы.

62. Стихотворения (с датой: 1958). — Крестьянка. 1991. № 3 (под загл. «Надя-Наденька»). — ЧНА. По воспоминаниям Ст. Рассадина, к 1958 г. у Окуджавы были только эта песня и № 53 (см. примеч. 53). Песня цит. в кинофильме «Короткие встречи» (1967). Рейн Евгений Борисович (р. 1935) — поэт. О его ст-ниях, посвященных Окуджавае, см.: Чайковский. С. 98.

63. Юность. 1962. № 6. — Стихотворения (с датой: 1958). — ПиС (с датой: 1959). — ЧНА. В Капли с посвящ. Б. Балтеру. Исполн. в кинофильмах «Горизонт» (1962) и «Не самый удачный день» (1966); по мнению Окуджавы, в последнем фильме «песня... умерла» — см.: Смена (М). 1984. № 18. С. 22; в то же время она стала «потрясающим финалом» спектакля «Зримая песня» в Ленинграде в 1964 г. (Там же). Интерпретацию наст. текста см.: Чайковс-

кий Р. «Будьте высокими!» // Рус. речь. 1984. № 3. С. 35—38. Балтер Борис Исаакович (1919—1974) — писатель, друг Окуджавы. Первым прочитал рукопись повести Окуджавы «Будь здоров, школяр», опубликованную, в том числе по его рекомендации, в альм. «Тарусские страницы» (Калуга, 1961). Напечатанная здесь же повесть Балтера «Трое из одного города», в отд. изд. (1962) названа, с согласия Окуджавы, «До свидания, мальчики». См. также № 311. Ср. с написанным в 1959 г. ст-нием Е. Евтушенко «Давайте, мальчики»; напр.: «Давайте, мальчики! Давайте! Будьте стойкими!» (Евтушенко Е. Собр. соч.: В 3 т. М., 1983—1984. Т. 1. С. 233).

64. ЯВС (с датой: 1958). Исполн. в кинофильме «На ясный огонь» (1976).

65. См. 1966. № 1. — Аврора. 1988. № 4 (с датой: 1957—1961). — Песни (М) (с датой: 1960). — ЧНА (в разделе: 1950-е). Исполн. 30 ноября 1967 г. на авторском вечере Окуджавы в Париже. По воспоминаниям Вл. Новикова, «Все, кто слушал песни Окуджавы, переписывал их на свои громоздкие по тем временам магнитофоны, сами пели их под гитару в дружеской компании, решали для себя, что в "Песенке про Черного Кота" <так!> под Черным Котом имеется в виду не кто иной, как Сталин» (Новиков Вл. Булат Окуджава // Авторская песня: Книга для ученика и учителя. М., 1998. С. 34).

66. Век. 1994. № 17, 6—12 мая (публ. Ст. Рассадина по датированному автографу из своего архива с указанием места написания: «Москва»). — ЧНА. Рассадин Станислав Борисович (р. 1935) — литературный критик, писатель. См. его статьи и мемуары об Окуджаве: Лит. Грузия. 1963. № 9; Искусство кино. 1990. № 1; Век. 1994. № 17, 6—12 мая; Дело. 1994. № 18, май; Столица. 1994. № 19; ЛГ. 1997. № 24, 18 июля; ЛГ. 1997. № 30, 23 июля; Век. 1998. № 23, 11—18 июля. См. № 103.

67. Московский литератор. 1959. 24 сентября (под загл.: «Огонек»). — Острова (с посвящ.: «Памяти отца»). — ЛГ. 1960. 4 февраля. «Это стихотворение может служить ключом к лирике Окуджавы. Она проникнута добротой и нежностью к людям, но состоит из мелочей, прозаизмов и полупризнаний» (Меньшутин А., Синявский А. За поэтическую активность: (Заметки о поэзии молодых) // Нов. мир. 1961. № 1. С. 239). Об отце см. вступит. статью, с. 57.

68. Острова. ...словно позабыть про себя не велит — ср. № 644.

69—71. Острова.

72. Острова. Наровчатов Сергей Сергеевич (1919—1981) — поэт. См. примеч. 44.

73—74. Острова.

75. Острова. Положено на музыку С. Слонимским.

76. Острова.

77. Острова. — ВБ. В одном из интервью Окуджава отметил: «Я не люблю эти стихи. <...> Я написал их сгоряча <...> и очень несправедливо было то, что я написал. <...> Я ее (песню. — Комм.) больше не исполнял никогда. Для меня этих стихов не существует» (Огонек. 1994. № 2/3. С. 15). Адресовано первой жене — Галине (см.: Живописцева. С. 30).

78. Острова. — Стихотворения (с датой: 1959). О. Б. — по-видимому, О. Батракова (см. также № 104, 106, 108). *Марфа...* — см. под таким заглавием: № 73.

79—80. Острова.

81. Острова. — ВБ.

82—84. Острова.

85. Острова. *Галина* — посвящено первой жене (см. вступит. статью, с. 70—71 и № 77). *За семь морей и рек* — автоцитата (см. № 47).

86. Острова.

87. Острова. *Ортачала* — район Тбилиси.

88—91. Острова.

92. Острова. О няньке Акулине Ивановне с Тамбовщины см.: Окуджава Б. Упраздненный театр: Семейная хроника. М., 1995. См. также № 459. *Пели про картошку* — популярная пионерская песня «Здравствуй, милая картошка...» (в песенниках — с конца 1920-х гг.; см., напр.: Красный коробейник. М., 1929. С. 213—214).

93—95. Острова.

96. Мол. гв. 1962. № 11. — Стихотворения (с датой: 1959). — ЧнА. В ЯВС датируется: 1958.

97. Лит. Грузия 1962. № 12 (под загл.: «Бумажный солдат»). — Стихотворения (с датой: 1959). — Песни (М), с предпоследней строфой устного вар.: «А он, судьбу свою кляня, не тихой жизни жаждал, и всё кричал: "Огня! Огня!" Забыв, что он бумажный». — ЧнА. Судьба заглавного персонажа — трансформация судьбы героя сказки Г. Х. Андерсена «Стойкий оловянный солдатик».

98. Лит. Грузия. 1962. № 12 (под загл.: «Арбат»). — ВБ (под загл.: «Песенка об Арбате»). — Арбат (под загл.: «Песенка»). —

Стихотворения (с датой: 1959). — ЧНА. Исполн. в кинофильме «Покровские ворота» (1982). Окуджава вспоминал, как эту песню «много лет тому назад» взяли в репертуар известного эстрадного ансамбля: «Я был очень польщен: в те годы меня не баловали добрым вниманием. Но кого-то шокировала строка "Ах, Арбат, мой Арбат, ты — моя религия...". Предложили мне заменить строку так, чтобы не ощущался "религиозный настрой". Я отказался» (Окуджава Б. *Время идет...* // *Воп. лит.* 1967. № 8. С. 64). Позже Окуджава рассказал, что «религию» заменили на «реликвию»: «Я согласился, но слава Богу, певец оказался хорошим человеком и не захотел петь песню в таком варианте» (ЛГ. 1973. 20 июня). *От любви твоей...* — Вл. Новиков интерпретирует как солецизм (неправильный оборот как элемент стиля, по определению М. Гаспарова); см. также отмеченные им параллели с Блоком и Маяковским: Новиков Вл. Булат Окуджава // *Рус. речь.* 1984. № 3. С. 64. *...сорок тысяч других мостовых любя.* Независимо от перевода (Н. Полевого или Б. Пастернака) сочетание «сорок тысяч» и «любовь» присутствуют в одной фразе шекспировского Гамлета (Действие 5, явл. 1).

99. ДП. 1962. — Стихотворения (с датой: 1959). — ЧНА. В ЯВС датируется: 1961. Исполн. в кинофильме «Покровские ворота» (1982). Интерпретацию наст. текста, названного Вл. Новиковым «эстетической декларацией», см.: Новиков Вл. Булат Окуджава // *Авторская песня: Книга для ученика и учителя.* М., 1998. С. 36—37. *Васильев Юрий Васильевич (1925—1990) — художник.* См. о нем: Нагибин Ю. *Дневник.* М., 1996. С. 565—566 и др. Этому художнику посвящали ст-ния также Б. Ахмадулина («Гостить у художника») и Е. Евтушенко («Монолог из драмы "Ван-Гог"»). См. также № 662. *Что гадать нам: удалось — не удалось?* — аллюзия на: «Но пораженья от победы Ты сам не должен отличать» (Б. Пастернак. «Быть знаменитым некрасиво», 1956): Новиков Вл. Ук. соч. С. 37.

100. Юность. 1963. № 2. — Стихотворения (с датой: 1959). — ЧНА.

101. ВБ. — Стихотворения (с датой: 1959). — ПиС (с посвящ. Б. А.). Б. А. — вероятно, Ахмадулина Белла (Изабелла) Ахатовна (р. 1937) — поэт и прозаик. По свидетельству Окуджавы, «С Беллой мы познакомились в конце 1956 года. Она была еще совсем девочкой, студенткой. Мы большие друзья. Из всех московских литераторов Белла мне особенно по-человечески близка. Воспринимаю ее как друга, как сестру» (Юрмала. 1984. 11 января). См. также: Окуджава Б. *Письмо Белле* // *Лит. Грузия.* 1987. № 5. С. 221. *Высказывания Б. Ахмадулиной об Окуджаве и о своих ст-ниях, посвященных ему,* см.: Даугава. 1987. № 3. С. 97; *Рос. газ.* 1997. 18 июня; *Веч. Москва.* 1997. 19 июня; ЛГ. 1997. 21 июля; *Лит. обоз.* 1998. № 3. См. также: Чайковский Р. *Зарифмованный Булат Окуджава* // *Чайковский.* С. 88, 91 и др.; Белла Ахмадулина Булату.

Булат Окуджавы Белле. Изд. Дома-музея Б. Окуджавы в Передсл-
кине. <2000>. См. также: № 102, 189, 306, 313, 394, 471.

102. ВБ. — Стихотворения (с датой: 1959 и посвящ.: Б. А.). —
ПиС (без посвящ.). — ЧНА. Б. *Ахмагулина* — см. примеч. 101. *Риф-
мы, милые мои, баловни мои...* — ср. у Пушкина: «Рифма, звучная
подруга Вдохновенного досуга...» (Пушкин А. С. Поли. собр. соч.:
В 10 т. М., 1963. Т. 3. С. 76).

103. ЛГ. 1967. 20 сентября (без посвящ.). — Стихотворения
(с датой: 1959). — ЧНА. Ст. *Рассажин* — см. примеч. 66.

104. Март (без посвящ.). — Стихотворения (с датой: 1959 и
посвящ.: О. Б.). — ЧНА. В ЯВС датируется: октябрь—декабрь 1959.
О. Батракова — см. примеч. 78.

105. Март (под загл.: «Телеграф моей души» и без посвящ.). —
Стихотворения (с датой: 1959 и посвящ.). *Ломинадзе* Сергей Вис-
сарионович (р. 1926) — литературовед, критик.

106. Март (без посвящ.). — Стихотворения (с датой: 1959 и
посвящ.: О. Б.). — ЧНА. Печ. также под загл.: «Песенка о москов-
ском муравье» и с вар. ст. 1: «Мне надо». Сопоставление «поэти-
ческих миров» Окуджавы и Пастернака на примере наст. текста
см.: Жолковский А. К. Поэтический мир как система инвариан-
тов и задачи сопоставительной поэтики // RL. Vol. XI. № 1.
Р. 105—108; Он же. Тема и вариации: Пастернак и Окуджавы:
Опыт сопоставительного описания // WSA. SBd. 2. S. 61—85.
О. Б. — см. примеч. 78.

107. Март (без загл.). — Стихотворения (с датой: 1959). —
Избранное (с вар. ст. 24: «открывают последний кредит для
меня»). — ЧНА.

108. Стихотворения. *О. Б.* — см. примеч. 78.

109. Острова. — ВБ.

110. Острова. — ЧНА.

111. Острова (без загл.). — Тинатин (под загл.: «Синька»). —
ЧНА.

112. Ур. след. 1982. № 7. — ЧНА. В ЯВС датируется: октябрь—
декабрь 1959.

113. СМ. 1966. № 1 (под загл.: «Песенка о такой любви»). —
Март (без загл.). — Аврора. 1988. № 4 (с датой: 1957—1961). —
ЧНА (в разделе: 1950-е). Воспоминания И. Живописцевой, сестры
первой жены Окуджавы, относят наст. текст к концу 1940-х гг.,
когда, «научившись играть на гитаре, Булат сразу начал подби-

рать мелодии к своим стихам. Запомнилась одна из первых мелодий (а может, первая?) на стихи "Гадалка" ("Эта женщина! Увижу и немею").

Ни кукушкам, ни ромашкам я не верю
И к гадалкам, понимаешь, не хожу.
...Нагадают, нагадают, накукуют,
А она на нашей улице живет.

Отец (мемуаристики. — Комм.) не очень верил в поэтический успех Булата. <...> Эта песня изменила его отношение к увлечению Булата. Он похвалил ее, видимо, содержание затронуло что-то личное, в ней было что-то достоверное и реальное для него...» (Живописцева. С. 20).

114. Милости судьбы (в разделе: «Из самого начала»). В ЯВС датируется: 1959.

115. СМ. 1987. № 5. — ЧНА. В ЯВС датируется: 1959.

116. Ур. след. 1982. № 7 (под загл.: «Вот как она любит меня»). — ЧНА. В ЯВС датируется: 1959.

117. Милости судьбы (в разделе: «Из самого начала»).

118. Милости судьбы (в разделе: «Из самого начала»). В ЯВС датируется: декабрь 1974. Исполн. фрагмент в кинофильме «Аты-баты, шли солдаты» (1976). *Аты-баты, шли солдаты* — начальный ст. детской считалки (см.: Русская поэзия детям: В 2 т. / Вступит. статья, сост., подгот. текста и примеч. Е. Путиловой. СПб., 1997. Т. 1. С. 76 (Новая библиотека поэта. Большая сер.).

119. Родник. 1987. № 5 (с вар. ст. 1: «Шел троллейбус по улице»; ст. 4: «глаз не сводили с нее»; ст. 8: «долго смотрели ей вслед...»). — Милости судьбы (в разделе: «Из самого начала»). В ЯВС датируется: 1961.

120. Клуб и художественная самодеятельность. 1977. № 6 (без посвящ. и со сведениями о дате: 1946). — ЧНА. Исполн. в кинофильме «На ясный огонь» (1976). Об изложении Окуджавой истории создания текста см. вступит. статью, с. 62. Вл. Новиков находит в наст. тексте «...своеобразное зерно того жанра, который получит затем широкое развитие» (Новиков Вл. Булат Окуджава // Авторская песня: Книга для учеников и учителей. М., 1998. С. 16—17). *Нагибин* Юрий Маркович (1920 — 1994) — писатель. Об участии Нагибина в судьбе Окуджавы в 1960 г., см. вступит. статью, с. 68. *Гори, огонь, гори...* — М. Чудакова находит «словесно-музыкальную реминисценцию из широко известного в военные и первые послевоенные годы текста Михаила Светлова — припев "Песни о фонариках" (1942): "Бессменный часовой Все

ночи до зари, Мой старый друг — фонарик мой, Гори, гори, гори!"» (Чудакова М. «Лишь я, таинственный певец...» // Лит. обоз. 1998. № 3. С. 11). *Семь бег — один ответ...* — о переосмыслении Окуджавой пословицы см.: Новиков Вл. Булат Окуджава // Рус. речь. 1989. № 3. С. 66.

121. Неделя. 1962. 30 сентября — 6 октября (без загл.). — ВБ (под загл.: «Песенка об открытой двери»). — Стихотворения (с датой: 1961). — ЧНА. Положено на музыку К. Акимовым и М. Блантером. Исполн. в кинофильме «Фотографии на стене» (1977). О переводах на иностранные языки см.: Чайковский Р., Лысенкова Е. Поэтический перевод как затрудненное прочтение // Чайковский. С. 61—71.

122. Юность. 1963. № 2 (под загл.: «Март»). — ВБ (без загл.). — Арбат (под загл.: «Вальс»). — Стихотворения (с датой: 1964 и без загл.). — Песни (АА.) (под загл.: «Мартовский снег»). — Песни (М) (с датой: 1963—1964). — ЧНА. В ЯВС датируется: 1958. Во всех публ. вар. ст. 10: «кузнечики к вам».

123. Юность. 1963. № 2. — Стихотворения (с датой: 1962). — ЧНА.

124—125. Март. — ЧНА.

126. Песни (М). — Сов. библ. 1990. № 1 (среди текстов под рубрикой: «Из неопубликованного», под загл.: «Песенка о Надежде Черновой», с датой: 1961 и с повтором ст. 13—14, как припева, после каждой строфы — песенный вар.). — ЧНА.

127. Ур. след. 1982. № 7. — ЧНА. В ЯВС датируется: 1960.

128. Милости судьбы. — ЧНА. В ЯВС датируется: 1961.

129. Зал. ож. — ЧНА.

130. Зал. ож. — ЧНА.

131. ЧНА.

ШЕСТИДЕСЯТЫЕ

132. МК. 1960. 27 марта. — ВБ.

133. Лит. Грузия. 1960. № 10 (под загл. «Детство»). — Тинатин (1-е ст-ние цикла «Тбилиси моего детства», без загл.).

134. Лит. Грузия. 1960. № 10. — Тинатин.

135. ДП (Л). 1964 (под загл.: «Песенка о московском муравье»). — Март (под загл.: «Московский муравей»). — ЧНА. Датируется по свидетельству Ст. Рассадина об исполнении Окуджавой наст. текста на его (Ст. Рассадина) 25-летию (Столица. 1994. № 19. С. 52). В ЯВС датируется: 1957. *Московский муравей* — ср. № 106.

136. ЛГ. 1962. 23 августа (с вар. в ст. 1 — «...возник осенний вечер...»). — Лит. Грузия. 1962. № 12 (под загл.: «Осень в Карданахи»). — Тинатин (под загл.: «Октябрь в Карданахи»). — Стихотворения (с датой: 1960, под загл.: «Осень в Кахетии» и со ст. 1 — «возник осенний ветер»). — ЧНА.

137. ДП (М). 1963. — ВБ (с вар. ст. 14: «...утомительно скрипит...»). — Стихотворения (с датой: 1960). — ЧНА.

138. ВБ. — Стихотворения (с датой: 1960 и посвящ.: Ж. Б.). — Избранное (с посвящ.: Ж. Болотовой). — ЧНА. Положено на музыку М. Блантером. Исполн. в кинофильме «Фотографии на стене» (1977). Об отрицательном отношении к наст. тексту см.: Сов. муз. 1969. № 10. С. 24. По мнению Л. Шилова, написано «в стиле Беранже» (Шилов Л. Феномен Булата Окуджавы // Муз. жизнь. 1986. № 5. С. 5) — вероятно, имеется в виду ст-ние «Мой старый фрак» (Беранже П.-Ж. Полн. собр. песен: В 2 т. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 305—306). *Болотова* Жанна Андреевна (р. 1941) — киноактриса. См. также №№ 139, 141, 636. *Искусство кройки и шитья* — ср. заглавие рассказа Окуджавы «Искусство кройки и жития». *Серьезно так перешивает, а сам-то всё переживает* — ср. у Б. Ахмадулиной: «— Всё это надо перешить, — сказал портной, — ведь дело к маю. — Всё это надо пережить, — сказала я, — я понимаю» (Ахмадулина Б. Сны о Грузии. Тбилиси, 1979. С. 18). Ср. те же мотивы на протяжении всего творчества Окуджавы: № 163, 460, 503.

139. Март. — Стихотворения (с датой: 1960 и посвящ.: Ж. Б.). — Избранное (с посвящ.: Ж. Болотовой). — ЧНА. *Ж. Болотова* — см. примеч. 138.

140. Март (без посвящ.). — Стихотворения (с датой: 1960 и посвящ.: Г. В.). — Песни (М). (под загл.: «Ваше величество женщина»). — ЧНА (с посвящ.: Г. Венгеровой и опечаткой в иниц.: Т. вм. Г.). «Это блоховская Незнакомка нынешнего городского поэта, его Прекрасная дама» (Марран. Булат Окуджава и его время // Континент. 1983. № 36. С. 337). Сопоставление «поэтических миров» Окуджавы и Пастернака на примере наст. текста см.: Жолковский А. К. Поэтический мир как система инвариантов и задачи сопоставительной поэтики // RL. Vol. XI. № 1. P. 105—108; Он же. Тема и вариации: Пастернак и Окуджава: Опыт сопоставительного описания // WSA. SBd. 2. S. 61—85.

141. Март. — Стихотворения (с датой: 1960 и посвящ.: Ж. Б.). —

Избранное (с посвящ.: Ж. Болотовой). — ЧНА. По свидетельству Ст. Рассадина, маршал Г. К. Жуков утверждал, что слышал эту песню в 1943 г. (Рассадин Ст. Сны Булата Окуджавы // Дело. 1994. № 18, май. С. 8). Окуджава многократно рассказывал о том, что песня сочинилась вместе с поэтом Ю. Левитанским (см. примеч. 42) «действительно на смоленской дороге», зимой, во время поездки по заданию «Литературной газеты» (см., напр.: Смена (М). 1984. № 18. С. 22). «Это единственная моя песня, где мелодия опередила слова, — они родились позже» (КиЖ. 1980. № 5. С. 18). Ср. с рассказом Ю. Левитанского: «Ну уж "вместе"... Ехали от "Литературки" в Пушкино. По пути, действительно на смоленской дороге, в пикапчике, под гитару что-то родилось. Поверьте, моя доля в том сочинении ничтожна...» (Смена (Л). 1991. 11 декабря). Ж. Болотова — см. примеч. 138. *...рук твоих кольцо* — В. П. Григорьев сопоставил в качестве «лексической формулы поэтического языка» с «кольцо рук твоих» в ст-нии М. Луконина (1945): Григорьев В. П. Поэтика слова. М., 1979. С. 239; ср. у Пастернака: «Вкруг тебя мои руки обвиты» («Хмель», 1953).

142. Милости судьбы. — ЧНА. В ЯВС датируется: февраль 1960.

143. Аврора. 1988. № 4 (с датой: 1957—1961 и под загл.: «Песенка о метро»). — Милости судьбы. В ЯВС датируется: 1956, 1961. По сообщению З. Казбек-Казиева, вызванный для объяснений по поводу этого ст-ния в ЦК КПСС Окуджава «лукаво ответил, что он только повторил Маяковского: левой, левой, левой» (Казбек-Казиев З. А. Воспоминание // Лит. обоз. 1998. № 3. С. 9). Судя по стенограмме заседания Идеологической комиссии при ЦК КПСС 24 и 26 декабря 1962 г., Окуджава высказался так: «Когда я в 1956 г. молодым коммунистом приехал из Калуги в Москву и попал в московскую литературную организацию, познакомился с писателями, меня прежде всего захватила и поразила какая-то странная разделенность людей на непонятные мне совершенно "левую" и "правую" стороны. Меня долго те и другие убеждали в преимуществах этих сторон. Наконец, я смог понять, что "правые" — это придерживающиеся традиционной манеры, а "левые" — это склонные к формализму писатели и поэты» (Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 212).

144. Аврора. 1988. № 4 (с датой: 1957—1961). В ЯВС датируется: 1962.

145. Аврора. 1988. № 4 (с датой: 1957—1961). В ЯВС датируется: 1960.

146. Аврора. 1988. № 4 (с датой: 1957—1961 и под загл.: «Песенка о дураках»). — ЧНА (в разделе: 1960-е).

147. Аврора. 1988. № 4 (с датой: 1957—1961 и под загл.: «Песенка лихого солдата»). — ЧНА (в разделе: 1960-е). В ЯВС датируется: 1960, май—июнь 1961. Печ. также под загл.: «Песенка аме-

риканского солдата». По воспоминаниям Д. Медриша, Окуджавы, «выступая в Лужниках, объявлял не без грустной иронии — так: "Песня а м е р и к а н с к о г о солдата"» (Медриш Д. Вокруг Окуджавы: Послеюбилейные воспоминания // Вопр. лит. 1994. Вып. 6. С. 361; здесь же см.: о перепевах наст. текста в среде физиков-ядерщиков).

148. Звезда Вост. 1967. № 3 (под загл.: «Размышления возле дома, где жил Тициан Табидзе»). — Аврора. 1988. № 4 (с датой: 1957—1961). — ЧНА (в разделе: 1960-е). *Табидзе Тициан (1895—1937)* — грузинский поэт.

149. СМ. 1966. № 1 (под загл.: «Песенка об отряде»). — МК. 1985. 31 марта (под загл.: «Отрада»). — Аврора. 1988. № 4 (с датой: 1957—1961). — ЧНА (в разделе: 1960-е). Интерпретацию Г. Владимова (со слов Ст. Рассадина) см.: Дело. 1994. № 18, май. С. 8.

150. Ур. след. 1983. № 4 (под загл.: «Песня старого шарманщика»). — Аврора. 1988. № 4 (с датой: 1957—1961 и под загл.: «Песенка старого шарманщика»). — ЧНА (в разделе: 1960-е). Датируется также: 1962 (Шилов). Мелодико-ритмическая основа песни — знаменитая шарманочная «Разлука, ты разлука» (Шилов Л. Феномен Булата Окуджавы // Муз. жизнь. 1988. № 8. С. 5). Ср. с «Песенкой шарманщика» Б. Ахмадулиной (впервые опубли.: Юность. 1964. № 1). *Е. Евтушенко* — см. примеч. 37.

151. Аврора. 1988. № 4 (с датой: 1957—1961). — ЧНА (в разделе: 1960-е).

152. Посв. Вам. — Аврора. 1988. № 4 (с датой: 1957—1961). — ЧНА (в разделе: 1960-е). ...наши бредни о том, кто первый, кто последний — ср. лицейскую песню: «Этот список сущи бредни, Кто тут первый, кто последний» (Грот К. Я. Пушкинский Лицей. СПб., 1998. С. 266).

153. Аврора. 1988. № 4 (с датой: 1957—1961). — ЧНА (в разделе: 1960-е). Исполн. в кинофильме «Человек на полустанке» (1983).

154. Сов. библ. 1990. № 1 (с датой: Начало 1961). — Милости судьбы. *Кривенко Лев Александрович (1920—1979)* — прозаик.

155. ЛГ. 1961. 9 мая (под загл.: «Перед рассветом. Баллада» и посвящ.: «Посвящается сорокалетию Советской власти в Грузии»). — Тинатин. По словам Д. Джингарадзе, «Мать <...> напоминает героиню известного романа Горького Ниловну» (Джингарадзе Л. Поэтическая летопись дружбы. Тбилиси, 1979. С. 55). Описываются исторические события, связанные с вооруженным восстанием в Тифлисе в феврале 1921 г., когда большевики изгнали руководивших Советами с февраля 1917 г. меньшевиков и провозгласили Грузию Советской социалистической республикой. *Арсенал, Дигубе, Нахаловка* — рабочие кварталы Тифлиса. *Головинский проспект* — ныне пр. Руставели.

156. Лит. Грузия. 1961. № 6. — Тинатин. *Лордкипанидзе* Мариам — историк Грузии. *Старая Мцхета* — древняя столица Грузии; ныне райцентр в 20 км от Тбилиси.

157. ВБ. — Стихотворения (с датой: 1961). — ЧНА. Датируется также: конец 1962 (Шилов). Печ. также под загл.: «Лесной вальс». Ср. с № 305 (печ. под наст. загл.). По характеристике М. Котова, в наст. тексте «...полный набор обветшалых метафор и фраз» (Котов М. Чувство времени. Саратов, 1969. С. 82). Ю. *Левитанский* — см. примеч. 42.

158. Тинатин (в качестве 6-го текста в цикле «По дороге к Тинатип»). — Стихотворения (с датой: 1961). — ЧНА. Печ. также под загл.: «Петухи» и «Песенка о петухах».

159. Посв. Вам (с датой: 1961). — ЧНА. «Мессер» — см. примеч. 43.

160. СМ. 1966. № 1 (под загл.: «Песенка о Барабанном переулке»). — Стихотворения (с датой: 1961 и под загл.: «В Барабанном переулке»). — ЧНА. В ЯВС датируется: 1963. Положено на музыку М. Блантером.

161. Арбат. — Стихотворения (с датой: 1961). — ЧНА. Исполн. в кинофильме «Июльский дождь» (1967).

162. Др. народов. 1970. № 11. — Стихотворения (с датой: 1961). — ЧНА.

163. Март. Датируется по упоминанию о чтении на вечере в ленинградском Дворце искусств в 1961 г.

164. Посв. Вам. — ЧНА. В ЯВС датируется: 1961. Печ. также под загл.: «Песенка о старом, больном, усталом короле (который отправился завоевывать чужую страну), и о том, что из этого получилось» и «Песенка о старом короле».

165. Милости судьбы. — ЧНА (в разделе: 1960-е). В ЯВС датируется: 1961.

166. ЧНА (в разделе: 1960-е). В ЯВС датируется: 1961. *Лужина* Лариса Анатольевна (р. 1939) — киноактриса.

167. Мол. гв. 1962. № 11 (без загл.). — ЧНА (в разделе: 1960-е).

168. ЛГ. 1962. 23 августа. — Стихотворения (с датой: 1964). Датируется по первой публ. *И я гляжу бесстрастно куда-то всё в пространство* — автоцитата (см. № 157).

169. ЛГ. 1962. 23 августа. — Стихотворения (с датой: 1962). — ЧНА. Полемику Г. Красухина с Окуджавой по поводу его уничи-

жительной автохарактеристики наст. текста см.: Красухин Г. Обыкновенное чудо // Новое в школьных программах: Русская поэзия XX века. М., 1998. С. 177. Интерпретацию наст. текста см. также: Богомолов Н. А. Стихотворная речь: Учебно-методическое пособие. М., 1988. С. 43.

170. Неделя. 1962. 21—27 октября. — ВБ (первое в цикле из двух ст-ний; второе см.: № 197).

171. Юность. 1964. № 2. — Стихотворения (с датой: 1962). — ЧНА. *Растрелли* Бартоломео Франческо (1700 — 1771) и *Росси* Карл Иванович (1775—1849) — петербургские архитекторы.

172. 1. Тинатин (как 1-е ст-ние другого цикла и без посвящ.). 1—4. — ВБ (с посвящ.). — Стихотворения (с датой: 1962). — ЧНА. *Оля* — Ольга Владимировна Окуджавы (урожд. Арцимович) — вторая жена Б. Окуджавы; ей посвящена книга Окуджавы «Арбат, мой Арбат» (1976). См. также № 112, 176, 217, 345, 375, 391, 464, 506, 702 и примеч. 184.

173. ВБ. — Стихотворения (с датой: 1962). — ЧНА. 3. Паперный сопоставил наст. текст «по сходству и по контрасту» со ст-нием Я. Смелякова «Кресло» (Паперный 3. За столом семи морей: (Булат Окуджавы) // Воп. лит. 1983. № 6. С. 40—41).

174. ВБ. — Стихотворения (с датой: 1962). — Родник. 1987. № 5 (под загл.: «Песенка о главной песенке»). — ЧНА. В ЯВС датируется: 1960. Исполн. в кинофильме «На ясный огонь» (1976).

175. ВБ. — Стихотворения (с датой: 1962). — ЧНА (с пропуском в ст. 26 «еще»). *Симон Чиковани* (1903—1966) — грузинский поэт.

176. Звезда Вост. 1967. № 3 (без посвящ. и с взаимобратным расположением ст. 20 и 21). — Март (с перемены местами первоначального расположения ст. 20 и 21). — Стихотворения (с посвящ. и датой: 1962). — ЧНА. *Оля* — см. 172.

177. Арбат (с вар. в ст. 14: «ночь подступила...»). — Стихотворения (с датой: 1962). — ЧНА. Публ. также под загл.: «На ясный огонь». Исполн. в кинофильме «На ясный огонь» (1976).

178. Юность. 1963. № 2 (под загл.: «Картина» и с вар. в ст. 20: «у черной реки»). — ЧНА.

179. Юность. 1963. № 2. — ВБ.

180. ДП (М). — ВБ.

181. Молодость Сибири. 1964. 1 апреля (под загл.: «Март»). — Март (под загл.: «Март великодушный»). — Стихотворения (с датой: 1963). — ЧНА.

182. Тинатии (с вар. в ст. 10—11: «Пахнет персиками и любовью и поет Тинатин в окне...»). — Стихотворения (с датой: 1963 и наст. вар. ст. 10—11). — ЧНА. Хуциев Марлен Мартынович (р. 1925) — кинорежиссер. Уроженец Тбилиси. В его кинофильме «Мне 20 лет» («Застава Ильича»; 1963) Окуджаву впервые попал на киноэкран в кадрах кинохроники (см. примеч. 37). Воспоминания Хуциева об Окуджаве см.: МН. 1997. № 24. 15—22 июня. *Хугосочные дети с Арбата* — ср. с заглавием романа А. Рыбакова «Дети Арбата», над которым писатель работал в эти годы; анонс о публикации см.: Нов. мир. 1966. № 9; впервые опубл. в 1987 г. Отзыв Окуджавы об этом романе см.: Огонек. 1987. № 27. С. 5.

183. Юность. 1964. № 12 (без загл.). — Арбат (под загл.: «Красные цветы»). — Стихотворения (с датой: 1963). — ЧНА. Домбровский Юрий Осипович (1909—1978) — писатель. См. также 286. *И помыслы их так чисты* — см. № 194 и 708. Ср. также у Б. Ахмадулиной: «Стоит охотник и солдат. Защита его одежда. Помыслы чисты» («Прекрасен не прекрасной синерамой...», 1962). *Они, как красные быки, идут толпою к водопою* — аллюзия на знаменитое стихотворение П. Яшвили «Красные быки» (1917).

184. Юность. 1964. № 12 (под загл.: «Франсуа Вийон»). — Стихотворения (с датой: 1963). — Избранное (под загл.: «Молитва»). — ЧНА. В ЯВС с датой: 1964 и посвящ.: «Оле». Исполн. в кинофильме «Свободное падение» (1987). О процессе создания текста Окуджаву вспоминал: «...я сочинял ее, наверное, лет 10, по строчке в год» (МН. 1985. 6 января); «Когда я писал это стихотворение, моя жена была очень тяжело больна, лежала в больнице, я думал о ней, и ее глаза мне казались зелеными» (Сов. экран. 1990. № 4. С. 14). *Франсуа Вийон* (наст. фам.: Монкорбье или де Лож; 1431/1432 — ?) — франц. поэт. *Оля* — см. примеч. 172. *...И не забудь про меня*. Эти слова Марран сопоставил с возгласом распятого Иисуса Христа: «Эли, Эли, лама савахвани!» (Марран. Булат Окуджаву и его время // Континент. 1983. № 36. С. 341). *Каину дай раскаяние*. Эти слова В. П. Григорьев относит к «неорфографической» паронимии (Григорьев В. П. Поэтика слова. М., 1979. С. 292).

185. Юность. 1964. № 12. — Тинатин (с вар. в ст. 18: «веселые, шумные пирушества не для нее»). — Стихотворения (с датой: 1963 и наст. вар. ст. 18). — ЧНА. Э. Елигуашвили соотнес с текстом № 186, называя оба «поэтическим диптихом» (Елигуашвили Э. Возвращение к Тинатин // Лит. Грузия. 1984. № 5. С. 155—156).

186. ДП (Л). 1964. — Стихотворения (с датой: 1963). — ЧНА. По воспоминаниям Э. Елигуашвили, поводом к написанию наст. текста явилось посещение Окуджавой после долгого перерыва Грузии: «Грузинские поэты Джансуг Чарквиани и Тамаз Чиладзе, сдвинув в чадной полутьме духана головы, словно заговорщики, затаили вполголоса песню. И все сразу замолчали, внимая этой

молитве, возносимой во славу родного города и родной земли» (Елигуашвили Э. Возвращение к Тинатин // Лит. Грузия. 1984. № 5. С. 155). См. также примеч. 185. *Чилагзе* Тамаз (р. 1931) — писатель. *Чарквиани* Джансуг (р. 1931) — грузинский поэт.

187. Юность. 1964. № 12. — Стихотворения (с датой: 1963). — ЧНА.

188. 1. Март. — ЧНА.

2. МК. 1966. 6 ноября (как отдельное стихотворение). — Март (в цикле «Фрески»). — ЧНА.

3. Март. — Стихотворения (с датой, относящейся ко всему циклу: 1963). — ЧНА.

189. Юность. 1967. № 4 (без посвящ.). — Стихотворения (с датой: 1963 и посвящ.: Б. А.). — ЧНА. В ЯВС датируется: 1965. Публ. также под загл.: «Маленький оркестрик» и «Надежды маленький оркестрик». Положено на музыку М. Блантером; отрицательно характеризуется: Сов. муз. 1969. № 10. С. 24—25. По словам Вл. Новикова, в последней строфе «слышится отзвук знаменитой формулы из романа Достоевского «Идиот»: «Красота спасет мир»» (Новиков Вл. Булат Окуджава // Авторская песня: Книга для ученика и учителя. М., 1998. С. 44). Ср. примеч. 589 и вступит. статью, с. 86. *Б. Ахмагулина* — см. примеч. 101.

190. Март (с вар. ст. 19: «И лучше пусть меня судят...»). — Стихотворения (с датой: 1963). — ЧНА. *Антокольский Павел Григорьевич* (1896—1978) — поэт, переводчик, литературный критик. О его печатном выступлении в защиту Окуджавы см. вступит. статью, с. 68. *Киллинг Редьяр* (1865—1936) — англ. писатель. См. также примеч. 220 и 538. *Вийон Франсуа* — см. примеч. 184.

191. Март. — Стихотворения (с датой: 1963). — ЧНА. Печ. также без загл. *Паустовский Константин Георгиевич* (1892—1968) — писатель. Воспоминания Окуджавы о Паустовском см.: ЛГ. 1997. № 24, 18 июня.

192. ДП (М). — Стихотворения (с датой: 1963). — ЧНА. ...как *Вертер, над серенькой мышкой своей*. Имеется в виду герой романа Гете «Страдания юного Вертера» и его возлюбленная Лотга. О домашнем употреблении Окуджавой слова «мышка» см.: Живописцева. С. 41.

193. Др. народов. 1970. № 11. — Посв. Вам (с датой: 1963). — ЧНА.

194. Юность. 1964. № 2 (под загл.: «А остальное всё приложится»). — ЧНА. *О, были б помыслы чисты! А остальное всё приложится*. В этих строках отмечена реминисценция из Евангелия:

«Ищите прежде всего Царствия Небесного, а все остальное приложится вам» (Тихомиров С. Забыв и рошу и свободу: О религиозной теме в литературоведении и кинематографе последних десятилетий // Лит. обоз. 1992. № 10. С. 84). См. также примеч. 183. *Ругаюсь, как мастеровой, — печет пирожное пирожница — парфраз басни И. Крылова «Щука и Кот».*

195. Юность. 1964. № 2 (под загл.: «Стихи про маляров» и с вар. ст. 13: «как недельный бег весны»; ст. 33—34: «Или ранний свет утра, Или поздний свет костра»; ст. 38: «Как предупреденные сны»). — ЧНА. *Брежят кистями лагони* — ср. у Маяковского: «Горло бредит бритвою» («Человек»).

196. Юность. 1964. № 2. — Тинатин.

197. ВБ (2-е в цикле — см. примеч. 170). — Избранное (отдельно). — ЧНА.

198—200. ВБ. — ЧНА.

201. ВБ (без последней строфы). — Стихотворения (с датой: 1965). — ЧНА. Печ. также под загл. «Сыграй мне чтонибудь...»

202. ВБ. *Володя...* — Владимир Емельянович Максимов (наст. фам. и имя: Самсонов Лев Алексеевич; 1930—1995) — прозаик и драматург, с 1974 г. в эмиграции, основатель и гл. ред. журн. «Континент». По воспоминаниям Окуджавы, один из ближайших его друзей в конце 1950-х гг. (см.: Окуджава Б. Несколько сцен из провинциальной пьесы // Родина. 1991. № 4. С. 70—73). В начале 1990-х гг. Максимов выступил с неодобрительными высказываниями по поводу гражданской позиции Окуджавы (см. об этом: Максимов В. «Возьмемся за руки, друзья!..» // Кн. обоз. 1994. № 3. 21 января; Рассадин Ст. Свобода в зоне // Век. 1998. № 23. 11—18 июля; Окунев Л. Виноградная косточка в горле КГБ // Веч. Москва. 1998. 5 ноября).

203. ВБ. Стиховедческий анализ наст. текста см.: Гаспаров М. Дериваты русского гексамetra: (О границах семантического ореола) // Res Philologica — Филологические исследования: Памяти академика Г. В. Степанова. Л., 1990. С. 340.

204—205. ВБ.

206. ВБ. Сюжетом ст-ния является эпизод Гражданской войны: бегство юнкеров в апреле 1919 г. в Константинополь в результате взятия Красной армией Севастополя.

207. ВБ.

208. ВБ. Э. Елигуашвили интерпретирует наст. текст как «своеобразное рондо» (Елигуашвили Э. Булат Окуджава без accompa-

нементы // Лит. Грузия. 1965. № 11. С. 72). *Таится, представьте себе!* — автоцитата (ср. № 44). Лиговка — Лиговский проспект в Ленинграде.

209. ДП (Л). 1964.

210. Тинатин. — ЧНА.

211. Тинатин.

212. Тинатин. *Саакагзе* Георгий (ок. 1580—1629) — грузинский полководец и политический деятель, вынужденный эмигрировать в Турцию, где и погиб. *Вечерний звон, вечерний звон* — цитата из ст-ния И. И. Козлова (1827), ставшего популярной песней, музыку к нему писали многие композиторы (самая известная — А. А. Алябьева).

213. Юность. 1964. № 12 (под загл.: «Дорога»). — Тинатин (2-е в цикле «По дороге к Тинатин»). *И царь, и раб, и плотник, и лот...* — парафраз одновременно двух текстов: «Я царь — я раб, я червь — я бог» (Г. Державин. Ода «Бог»); «То академик, то герой, То мореплаватель, то плотник...» (А. Пушкин. «Стансы»).

214. Тинатин (3-е в цикле «По дороге к Тинатин»).

215. Тинатин (4-е в цикле «По дороге к Тинатин»). Исполн. в кинофильме «Оставить след» (1982).

216. ПДТ (5-е в цикле «По дороге к Тинатин»). *Мцхета* — см. примеч. 156. *...нагрянет апрель; полоумная эта капель* — ср.: «С капелью говорит апрель» (Б. Пастернак. «Земля»). *И какая-то вечная женщина* — парафраз «Вечной Женственности» Гете.

217. Тинатин (без посвящ. и как 7-е ст-ние цикла «По дороге к Тинатин»). — Март (с посвящ. и как самостоятельный текст). — ЧНА. *Оля* — см. примеч. 172.

218. ВБ (под загл.: «Из поэмы» и с вар. в ст. 48: «в наветах и пыли»). — Тинатин (без загл., 8-е в цикле «По дороге к Тинатин»).

219. Тинатин. *Навтлуг* — в то время первая железнодорожная станция после Тбилиси, ныне район города.

220. МК. 1985. 31 марта (без посвящ. и под загл.: «Стихи об оловянном солдатики моего сына»). — Аврора. 1988. № 4 (с датой: 1957—1961). — Посв. Вам (с датой: 1964). — ЧНА. *Игорь Булатович Окуджава* (1954—1997) — сын Окуджавы от первого брака.

221. Юность. 1964. № 12. — Тинатин (2-е в цикле «Тбилиси моего детства»). — Стихотворения (с датой: 1964 и как отдельный текст). — ЧНА.

222. Юность. 1964. № 12. — Стихотворения (с датой: 1964). — ЧНА. Грицок Николай Демьянович (1922—1976) — художник. Пиросмани (Пиросманавили) Нико (1862?—1918) — грузинский художник. Красотка Маргарита — имеется в виду портрет «Актриса Маргарита», изображающий легендарную возлюбленную художника, французскую кафешантанную певицу (см.: Кузнецов Э. <Вступит. статья> // Нико Пиросмани: 1862—1918. Л., 1984. С. 8).

223. Смена (Л). 1965. 21 июня. — Март (с вар. в ст. 25: «сгореть»). — Стихотворения (с датой: 1964).

224. СМ. 1966. № 1. — Март (под загл.: «Песенка о каплях Датского короля» и без ст. 1—8). — Стихотворения (с датой: 1964). — Капли (с еще одной строфой по тексту режиссерского сценария кинофильма «Женя, Женечка и "катюша"»:

Добрый старый рыцарь мой
в современной кепке,
мне приелся, видит бог,
хмель разлуки цепкий.
В честь Надежды и любви
Радости и Веры
Капли датского короля
пейте кавалеры!).

— ЧНА. Исполн. в кинофильме «Женя, Женечка и "катюша"» (1967). Мотыль Владимир Яковлевич (р. 1927) — кинорежиссер; песни на слова Окуджавы вошли в его кинофильмы «Белое солнце пустыни», «Звезда пленительного счастья», «Невероятное пари», «Лес» (см. № 264, 319, 351, 387). Воспоминания В. Мотыля о сотрудничестве с Окуджавой см.: Веч. Москва. 1997. № 25, 19 июня; ЛГ. 1997. 21 июня; Антенна. 1997. № 24, 30 июня — 6 июля; Страж Балтики. 1997. 22 июля; Лит. обоз. 1998. № 3. С. 20—22.

225. ДП (М). 1966. — Март (с вар. ст. 10: «Великодушным я обязан быть»). — Стихотворения (с датой: 1964). — ЧНА (с опечаткой в ст. 33: «осенний горький час»). Прощаю побелевшими губами. См. замечание Г. Красухина по поводу этого ст.: «...поэтический слух Булата Окуджавы не всегда безупречен» (Красухин Г. «То грустен он, то весел он...» // Воп. лит. 1968. № 9. С. 46).

226. Звезда Вост. 1967. № 3 (с вар. ст. 4: «Командир приказывает спать»; ст. 24 и 28: «как Христос» вм. «словно мать»). — Стихотворения (с датой: 1964). — ЧНА.

227. Звезда Вост. 1967. № 3 (с еще двумя ст. после ст. 12: «...Забарабанит в бой барабан: "Вот тебе за любовь, болван!"»). — Стихотворения (с датой: 1964). — ЧНА.

228. Юность. 1967. № 4. — Стихотворения (с датой: 1964). — Избранное (с вар. в ст. 4: «спрыгивал он, как танцор, на носок»). — ЧНА. Смеляков Ярослав Васильевич (1913—1972) — поэт. Кузнецик и сверчок — герои ст-ния Д. Китса «Кузнецик и серчок».

229. Март. — Стихотворения (с датой: 1964). — ЧНА.

230. Юность. 1968. № 2. — Стихотворения (с датой: 1964). — Капли. Анализ наст. текста см.: Фарбер Л. Всего лишь одно стихотворение // Лен. смена. 1978. 14 января. Пенелопа — у Гомера жена Одиссея, 20 лет ждавшая возвращения мужа. Жанна д'Арк (ок. 1412—1432) — народная героиня Франции, возглавившая французскую армию. Мона Лиза (Джоконда) — картина Леонардо да Винчи.

231. ДП (М). 1969. — Стихотворения (с датой: 1964). — ЧНА.

232. ДП (М). 1969 (под загл.: «Спасение»). — Стихотворения (с датой: 1964 и под загл.: «Зной»). — ЧНА.

233. Юность. 1971. № 8. — Посв. Вам (с датой: 1964). — ЧНА. В ЯВС датируется: 1967. Печ. также под загл.: «Былое нельзя воротить». Исполн. в кинофильме «Храни меня, мой талисман» (1986). Яр — знаменитый в пушкинские времена ресторан с цыганами. Москва, ты не веришь слезам... — ср. № 293 и 458. Теперь нам не надо по улицам мыкаться ошулюю и далее — ср. с: «Я буду метаться по табору улицы темной...» и далее (О. Мандельштам) вплоть до параллели «извозчиков» (Окуджава) и «черной рессорной кареты» (Мандельштам).

234. ДП (МЛ). 1965. — ЧНА.

235. ДП (МЛ). 1965. Наргы — старинная восточная игра. Распутывать хитросплетенья улиц и далее — ср. с № 233 и примеч. к нему.

236. Смена (Л). 1965. 21 июня.

237. Звезда. 1965. № 7. — Стихотворения (с датой: 1965). — ЧНА. Сопоставление с лермонтовскими мотивами см.: Чайковский Р. Р. «Мой Демон продолжает тосковать...» // Рус. речь. 1989. № 5. С. 23—26. Кулиев Кайсын (р. 1917) — балкарский поэт. Что царь? и далее — парафраз оды Державина «Бог» (ср. с № 213 и примеч. к нему). Суждены нам новые порывы — парафраз из ст-ния Н. Некрасова «Рыцарь на час».

238. Звезда. 1965. № 7. — Стихотворения (с датой: 1965). —

ЧНА. Сопоставление наст. текста с книгой А. Белинкова «Юрий Тынянов» (1961; 2-е изд. — 1965) см.: Иванова Н. Смена языка // Знамя. 1989. № 11. С. 227. *Цинангали* — имение кн. Александра Чавчавадзе, грузинского поэта, на дочери которого Нине Грибоедов женился незадолго до отъезда с дипломатической миссией в Персию, где он был растерзан возбужденной толпой 30 января 1829 г. Гроб с телом Грибоедова перевезли в Тифлис и похоронили на горе *Мтацминда*; надгробная надпись принадлежит Н. А. Грибоедовой: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русских, но для чего пережила тебя любовь моя».

239. Юность. 1965. № 12. — Март. *Гомборская высота* — горный перевал, через который попадают в Тбилиси.

240. Юность. 1968. № 2. — Стихотворения (с датой: 1965). — ЧНА. Исполн. в кинофильме «Эквилибрист» (1976) на музыку А. Рыбникова. *Никулин Юрий Владимирович* (1921—1997) — артист цирка, киноактер. Воспоминания Ю. Никулина об Окуджаве см.: КП. 1997. 16 июня.

241. Юность. 1966. № 7 (с вар. ст. 14: «мы строки строгаем свои нелегко»). — Сов. культура. 1987. 7 февраля (без заглавия и посвящения). — ЧНА. *Щипачев Степан Петрович* (1898—1980) — поэт. По словам Ст. Рассадина, в бытность Окуджавы в изд-ве «Молодая гвардия» всдал переводами и давал зарабатывать друзьям. «...и передо мной и перед Окуджавой открылся как человек порядочный и добрый...» (Рассадин Ст. Судьба барабанщика // Век. 1994. № 17. 6—12 мая). *У тех — всё утехы, у этих всё зрелища* — парафраз идиомы «Хлеба и зрелищ!» (вошла в обиход из 7-й сатиры римского поэта Ювенала), по ассоциации отсылающей к ст-нию Пушкина «Поэт и толпа». «*Вгова Клико*» — марка шампанского.

242. Юность. 1966. № 7 (под загл.: «На тихоокеанском бреге»). — Март (под загл.: «Дорожная фантазия»). — ЧНА.

243. Юность. 1966. № 7 (под загл.: «Не о смерти»). — Март (без загл.). — ЧНА (в разделе: 1970-е).

244. ДП (М). 1966. — Март (с посвящ. А. Осецкой и ее именем «Агнешка» в ст. 1 вм. «поляки»). — ЧНА. В ЯВС датируется: 1964—1965. Исп. в кинофильме «Белая тень» (1979). По словам Окуджавы, «Это в каком-то смысле мой программный текст. Польша — моя первая любовь» (Рус. мысль. 1983. 24 ноября — перевод из варшавского еженедельника «Крик» от 8 октября). *Осецка Агнешка* (р. 1936) — польская поэтесса. Окуджава сделал вольные переводы нескольких ее ст-ний для спектакля «Вкус черешни» (1971). См. также № 601. *Плач Ярославны*. Этот фрагмент из «Слова о полку Игореве» в советской школе учили наизусть.

245. Март. — Стихотворения (с датой: 1966, без посвящ. и с

вар. в ст. 17: «В миг расставания»). — ЧНА. В ЯВС датируется: 1965—1966. Исполн. в кинофильме «Почти ровесники» (1984). Сравнение со ст-нием Б. Пастернака «Вальс со слезой» см.: Марран. Булат Окуджава и его время // Континент. 1983. № 36. С. 337—338. О литературных прототипах наст. текста (Г. Х. Андерсен, бр. Гримм, А. Блок) см.: Панченко О. Магнитное поле романа // Лит. учеба. 1985. № 6. С. 206. Интерпретацию мотива ели в ст-ниях Окуджавы см.: Эпштейн М. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. М., 1990. С. 84. Крахмальникова Зоя Александровна (р. 1929) — филолог, религиозный писатель; за свои работы о религиозном возрождении в России уволена в 1974 г. с государственной службы, в 1983—1987 гг. — в заключении и ссылке. ...гордые, как гренадеры. В. Григорьев относит эти слова к «эпентетическому случаю паронимии» (Григорьев В. П. Поэтика слова. М., 1979. С. 281).

246. Юность. 1967. № 4. — ЧНА. Положено на музыку В. Берковским.

247. Март. — ЧНА. *Квадрига* — четверная конная колесница; на фронтоне Большого театра — работа скульптора П. К. Клодта (1855—1856).

248. Март. — ЧНА. *Хевсуретия* — горная местность в Грузии. *Чоха* — грузинская верхняя одежда.

249. Март. — ЧНА.

250. ДП (М). 1967. — ЧНА. *Тиль Уленшпигель* — герой книги Шарля де Костера (1827—1879) «Легенда об Уленшпигеле и Ламме Гудзаке...». Ср. с «Монологом Тили Уленшпигеля» (1965) Е. Евтушенко.

251. Март. — Стихотворения (с датой: 1959). — ЧНА (в разделе: 1960-е). *Сивцев Вражек* — улица в Москве.

252. Март. — ЧНА. Сопоставление со ст-нием Пушкина «Счастливчик» (обращенным к П. Вяземскому) см.: Секей Н. Пушкин в советской поэзии последних лет // *Studia Slavica* (Budapest). 1971. Т. 17. № 1/2. С. 164.

253. Март. *Воздвиженка; Фили; Потылиха; Самотечная* — московские топонимы.

254. Март. — Лесная пром. 1982. 4 мая. Печ. по первой публ.

255. Март. *Снег падал без предела* — ср.: «Мело, мело по всей земле, Во все пределы» (Б. Пастернак. «Зимняя ночь»).

256—260. Март.

261. ДП (М). 1972 (под загл.: «Дальняя дорога»). — Арбат («Пе-

сенка о дальней дороге»). — Стихотворения (с датой: 1967). — ЧНА. В ЯВС датируется: 1971. Исполн. в кинофильме «Поздние свидания» (1980). *Золотухин* Борис Андреевич (р. 1930) — юрист, правозащитник; в 1967 г. в качестве адвоката защищал А. Гинзбурга на процессе по обвинению его в антисоветской пропаганде, за что был уволен с работы; в связи с этими обстоятельствами «дальняя дорога» здесь, возможно, эвфемизм, традиционно обозначающий тюрьму или ссылку.

262. Юность. 1971. № 8 (без посвящ.). — Стихотворения (с датой: 1967). — ЧНА. Ст. Рассадин передает со слов Окуджавы, что вместо «Пока безумный наш султан...» было: «Покуда полоумный жлоб...». Исполн. в кинофильмах «Мои современники» (1984) и «Непрофессионалы» (1987). По свидетельству Окуджавы, «...это стихотворение было написано и посвящено моему другу Феликсу Светову, у него была очень сложная ситуация... Да и у всех она была сложной — нас все время разъединяли, то ли КГБ, то ли еще кто-то — не знаю. Был такой период, когда всех разъединяли. Вот я и написал эти строчки: "Возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть по одиночке". Потом это уже стало. Настолько стало, что просто обрыдало. <...> Действительно, надоело. Исполняют эти строчки все, кому не лень» (Известия. 1993. 6 марта). По мнению С. Бойко, в тексте имеются пушкинские реминисценции (Бойко. С. 21). *Светов* Феликс Григорьевич (р. 1927) — литературный критик, религиозный писатель; в январе 1980 г. исключен из Союза писателей, в январе 1985 г. арестован и осужден на 5 лет; освобожден в июне 1987 г. Его выступления об Окуджаве см.: Светов Ф. Опыт биографии. Paris, 1986. С. 323—324; Рус. мысль. 1994. 12—18 мая; Рус. мысль. 1997. 19—25 июня. *Возьмемся за руки, друзья — ср.:* «Смелей! Дадим друг другу руки И вместе двинемся вперед» (А. Плещеев. «Вперед! без страха и сомненья...». 1846. Отмечено: Иоффе С. Стихов мелодия живая: Этюды о поэтах. Иркутск, 1983. С. 161).

263. Арбат. — Стихотворения (с датой: 1967). — ЧНА. *Рыбаков* Анатолий Наумович (1911—1999) — писатель. См. также № 488 и примеч. 182. *Я всё забыл, как днище вышиб из бочки века своего* — реминисценция из «Сказки о царе Салтане» Пушкина (отмечено в: Бойко. С. 21).

264. Арбат. — Стихотворения (с датой: 1967). — ЧНА. В ЯВС датируется: 1964. Печ. также под загл.: «Песня Верещагина» и «Ваше благородие, госпожа разлука». Исполн. в кинофильме «Белое солнце пустыни» (1970). Музыка И. Шварца. По свидетельству Окуджавы, режиссер фильма В. Мотыль «выудил на моем письменном столе» «набросок стихотворения» (Сов. экран. 1976. № 20. С. 8; Сов. экран. 1990. № 4. С. 14), которое стало основой песни. *Луспекаев* Павел Борисович (1927—1970) — актер, исполнитель роли таможенника Верещагина в кинофильме «Белое солнце пустыни».

265. ДП (М). 1969. — Стихотворения (с датой: 1967). — ЧНА. Окуджава вспоминал: «Когда-то я записал строчку: "Виноградную косточку в теплую землю зарю". Она мне понравилась. Я стал искать к ней смысл. Получилось восемь строк. И рефрен был: "А иначе зачем на Земле этой вечной живу". Но законченности не было». Далее следует рассказ о встрече в Ленинграде с грузинским поэтом М. Квливидзе, которому 13-летняя девочка принесла на просмотр свои стихи, написанные по-грузински. «Она ушла. У меня появилась строчка, появились атрибуты грузинские. Мише понравилось это стихотворение. Я посвятил его Квливидзе и назвал "Грузинская песня". А потом появилось желание сочинить мелодию. Сочинил. Вот и всё» (Смена (М). 1984. № 18. С. 24). Квливидзе Михаил Георгиевич (р. 1925) — грузинский поэт.

266. Юность. 1968. № 2. — ЧНА. ...люблю легко, печально и навеки — ср. с пушкинским: «Мне грустно и легко; печаль моя светла; Печаль моя полна тобою...» и далее («На холмах Грузии лежит ночная мгла...»). Лазенки — парк в Варшаве. Конфедератка — трехцветная шапка польских повстанцев 1830—1831 гг.

267. Рус. речь. 1989. № 3. — Песни (М.). Печ. по первой публикации.

268. Песни (М). В ЯВС датируется концом 1960-х гг., и обозначены фамилии лиц, которым посвящен текст: Агам Михник — историк, правозащитник, автор книги «Польский диалог: церковь — левые» (1977); Яцек Куронь (р. 1934) — педагог, историк, правозащитник; Кароль Модзелевский (р. 1937) — историк медиевист, правозащитник. О встречах Окуджавы с этими «польскими литераторами, известными своими ревизионистскими и сионистскими взглядами», см. секретное донесение КГБ в ЦК КПСС: Труд. 1993. 30 января.

269. Юность. 1990. № 4. — ЧНА. Слуцкий Борис Абрамович (1919—1986) — поэт, переводчик.

270. ДП (М). 1969 (под загл.: «Моцарт на скрипке играет»). — Стихотворения (с датой: 1969 и посвящ.: И. Б.). — ЧНА. Впервые в авторском исполн. — 9 мая 1969 г. в Доме творчества в Ялте (Аксенов В. Господи, прими Булата // МН. 1997. № 24, 15—22 июня). Свидетельство Окуджавы о записи песни в авторском исполнении на киностудии Ленфильм (для неназванного кинофильма): Нов. мир. 1997. № 1. С. 82—83. Критическое замечание А. Галича в беседе с А. Сахаровым по поводу неточной детали («цельзя прижимать ладони ко лбу, играя на скрипке») см.: Знамя. 1991. № 2. С. 152. Сопоставление наст. текста со ст-нием Д. Самойлова «Франц Шуберт» см.: Паперный З. За столом семи морей: (Булат Окуджава) // Воп. лит. 1983. № 6. С. 39. Интерпретацию ст-ния как посвященного И. Бродскому см.: Лосев Л. Бродский: От мифа к поэту // Поэтика Бродского: Сб. статей / Под ред. Л. Лосева. Нью-Йорк, 1986. С. 9—10. См. также № 495.

271. ДП (М). 1969. — ЧНА (в разделе: 1970-е). *Боярышник «Пастушья шпора»* — одна из разновидностей лекарственного растения, принимаемого в том числе при гипертонии. *Росинант* — конь Дои Кихота.

272. ДП (М). 1969. — ЧНА (в разделе: 1970-е).

273. Др. народов. 1975. № 4 (под загл.: «Романс»). — Стихотворения (с датой: 1969). — ЧНА. В ЯВС датируется: 1975. *Бывали дни такие — гуляя я молодой* — парафраз популярной песни на стихи П. Г. Горохова «Изменница» (пач. 1900-х гг.).

274. Молодежная эстрада. 1986. № 4. — ЧНА (в разделе: 1960-е). В ЯВС датируется: 1959. По свидетельству Окуджавы, текст написан, «...когда меня никто не знал <...> и мне лестно было приглашение любой киностудии, я готов был сочинять о чем угодно и на любых условиях. <...> Тогда же у меня стали появляться первые песни, и одна из них, «Четыре года», настолько понравилась одному режиссеру, что он захотел использовать ее в своем фильме». Но и текст и музыка в итоге были отвергнуты литературной и музыкальной редакциями (см.: Молодежная эстрада. 1986. № 4. С. 94). *Орлов Сергей Сергеевич (1921—1977)* — поэт.

275. Арбат. — ЧНА. В ЯВС датируется: 1962.

276. Ур. следопыт. 1982. № 7. — ЧНА. В ЯВС датируется: 1975. Посвящ. К. Померанцеву (отмечено В. И. Босенко: Капли). Исполн. в кинофильме «На ясный огонь» (1976). *Померанцев Кирилл Дмитриевич (1907—1991)* — поэт; в 1920 г. увезен родителями из России в Константинополь, с 1926 г. — в Париже. Писал о первом пребывании и выступлении Окуджавы в Париже: Рус. мысль. 1967. 14 декабря. О ст-ниях К. Померанцева с упоминаниями Окуджавы см.: Чайковский Р. Зарифмованный Булат Окуджава // Чайковский. С. 96. См. также № 349. *Кант малинов* — знак стрелкового рода войск. ...как ходили гулять по Фонтанке. На Фонтанке находилось Юнкерское артиллерийское училище.

277. Песни (М). — ЧНА. В ЯВС датируется: лето 1962.

278. Смена (Л). 1971. 9 мая. — Песни (М) (с датой: 1970). — ЧНА. Датируется 1969 г. (Капли). Печ. также под загл.: «Мы за ценой не постоим» и «Песня десятого десантного батальона». Исполн. в кинофильме «Белорусский вокзал» (1971). В многочисленных интервью Окуджава рассказывал, что песня была написана по просьбе режиссера кинофильма «Белорусский вокзал» А. Смирнова, музыку аранжировал композитор А. Шнитке.

279. Юность. 1971. № 8 (под загл.: «Напутствие сыну»). — Посв. Вам (с датой: 1974). — ЧНА.

280. СМ. 1984. № 5. — ЧНА. В ЯВС датируется: 1975. Печ. также под загл.: «Песня московских ополченцев» и «Песня о...». Посвящ. К. М. Симонову (Капли). Исполн. в кинофильме «Великая Отечественная», фильм 2-й: «Битва за Москву» (1979). Симонов Константин (наст. имя: Кирилл) Михайлович (1915—1979) — писатель. В выступлении по Всесоюзному радио в передаче «Стихи и песни Булата Окуджавы» так отзывался о творчестве поэта: «Я люблю его стихи. Каждая новая книга доставляет мне, так же как и другим многочисленным его читателям, истинную радость. Надо добавить к этому то, что, в общем-то, все знают, что талант Окуджавы редкий талант, многогранный...» (Клуб и художественная самодеятельность. 1977. № 6. С. 41).

281. Милости судьбы. — ЧНА. В ЯВС датируется: 1959.

282. Милости судьбы. — ЧНА. В ЯВС датируется: 1959.

283. Песни (М). — ЧНА. В ЯВС датируется: 1970, с посвящ Д. Межевичу.

284. Песни (М) (с датой: нач. 1980-х). — ЧНА. В ЯВС датируется: 1982.

285. Избранное. — ЧНА. *То не ветер в поле стонет, Не губравушка шумит...* — парафраз песни «То не ветер ветку клонит...» (1840-е) на слова поэта С. И. Стромиллова (муз. А. Варламова).

286. Юность. 1990. № 4 (с датой: 1979). — ЧНА. Ю. Домбровский — см. примеч. 183.

287. Др. народов. 1991. № 4. — ЧНА.

288. Апрель. 1991. Вып. 3. — ЧНА. *Когда известный русский царь* и далее — вероятно, император Петр I.

289. Юность. 1991. № 8. — Милости судьбы (без последнего ст.). — ЧНА.

290. Милости судьбы. — ЧНА.

291. Милости судьбы. — ЧНА. Содержательный и ритмический парафраз, соответственно, двух пушкинских стихов: «Телега жизни» и «Дорожные жалобы». *...пыль, разлука да туман* — ср. с популярной песней на слова поэта Л. Ошанина «Дороги» (1945): «Эх, дороги... Пыль да туман...».

292. Милости судьбы. — ЧНА. *Какой-то призрачной свободы достался мне шальной глоток* и далее — аллюзия на заглавие пьесы Окуджавы «Глоток свободы» (1966) и написанной позднее одноименной повести (первонач. загл.: «Бедный Авросимов»).

293. Милости судьбы. — ЧпА. *Тарковский* Андрей Арсеньевич (1932—1986) — кинорежиссер.

294. Милости судьбы. — ЧпА.

295. Милости судьбы. — ЧпА. *Очкарики и фраера* — ср. с № 375.

296. Зал ож. — ЧпА. *Мориц* Юппа Петровна (р. 1937) — поэт и переводчик. Вспоминая о своем исключении в 1956 г. из Литературного института с формулировкой. «За нарастание нездоровых настроений в творчестве», Ю Мориц рассказала о том, что Окуджава, работавший тогда в отделе переводной поэзии изд-ва «Молодая гвардия», «хорошо зная, в каком бедственном положении я очутилась, нашел возможность включить некоторые мои переводы в очередной сборник. Это сейчас кажется просто, а чего это ему стоило тогда — знает только он сам...» (Даугава 1987. № 7. С. 82). Об отзыхах Окуджавы о переводах Ю. Мориц см. запись в дневнике Н. Эйдельмана (Век. 1998. № 23. 11—18 июня). О ст-ниях Ю. Мориц с упоминаниями Окуджавы см.: Чайковский Р. Зарифмованный Булат Окуджава // Чайковский. С. 93 и др.

297. Милости судьбы. — ЧпА.

298. Милости судьбы. — ЧпА. Исполн. в кинофильме «Дела давно минувших дней» (1973).

299. Зал ож. — ЧпА.

300. Зал ож. — ЧпА. *Самойлов* (наст. фамилия: Кауфман) Давид Самойлович (1920—1990) — поэт, переводчик. См. в дневниках Самойлова: 19 октября 1963 г. — «Слушал песни Булата. Снова убедился, что это очень хорошо и намного выше всего интеллигентского фольклора» (Лит. обоз. 1990. № 11); 3—5 декабря 1966 г. — записи о совместных выступлениях в Ярославле, а 23 января 1967 г. — в Казани (Лит. обоз. 1992. № 7/9); «Приснился ласковый Булат, Он улыбался добродушно» (14 марта 1986 г.) — Столица. 1994. № 19. С. 54). О ст-ниях Самойлова с упоминаниями Окуджавы см.: Чайковский Р. Зарифмованный Булат Окуджава // Чайковский. С. 89, 94 и др.

СЕМИДЕСЯТЫЕ

301. Др. пародов. 1970. № 11 (с вар. в ст. 1: «торопится в лес»). — Стихотворения (с датой: 1970). *Горбовский* Глеб Яковлевич (р. 1931) — поэт. См. его отзыв об Окуджава, как о «... лирике не менее возвышенном, некогда, как и М. Дудин, поддерживавшем меня в беде и даже вставившем меня в плоть своего стихотворе-

ния <...>, — а недавно почему-то не узнавшем меня в ЦДЛ, не ответившем на мое трехкратное "здравствуй!" (видимо, принявшим меня за кого-то другого, скорей всего — за воинствующего русофила, а не просто патриота, каковым всегда старался быть» (Звезда. 1991. № 6. С. 134—135). Стихотворение Г. Горбовского, посвященное Окуджаве, см.: Звезда. 1986. № 1. С. 98.

302. Юность. 1971. № 8 (под загл. «Приезжая семья фотографируется на площади Пушкина»). — Стихотворения (с датой: 1970 и без посвящ.). — ЧПА. Интерпретацию наст. текста см.: Красухин Г. Будьте высокими... // Юность. 1984. № 7. С. 98. По словам Э. Паперного, здесь «нельзя не заметить сходство со стихотворением Д. Самойлова "Фотограф-любитель"» (Паперный Э. За столем семи морей // Воп. лит. 1983. № 6. С. 39). *Цыбулевский Александр Семенович* (1928—1975) — писатель, литературовед, соученик Окуджавы по Тбилисскому университету; вместе с ним занимался в литературном «Обществе Соломенная Лампа» (Елигуашвили Э. ...Начинается судьба // Лит. обоз. 1998. № 4. С. 31; Живописцева. С. 19).

303. Др. народов. 1975. № 4. — Арбат (без посвящ.). — Стихотворения (с датой: 1970 и без загл.). — ЧНА. Ермаков Владлен. Рассказывая о том, как уживались в его детской компании коммунистические лозунги и игры с пьянством, хулиганством и грязью, Окуджава вспоминал: «Мало, мало кто мог устоять. Среди моих знакомых был всего лишь один такой самостоятельный человек — Владик Ермаков, с которым я подружился после ареста родителей. <...>. Владик жил собственной, не коллективной жизнью, у него был свой круг интересов, он много читал — и такого, о чем я понятия не имел. Например, Хемингуэя. Двор он просто презирал — и все, с ним связанное» (ОГ. 1997. 17—23 июля). *Глазков Николай Иванович* (1919—1979) — поэт. Воспоминания о нем см.: Князева С. «Надо быть очень умным, чтобы сыграть дурака»: (О Коле Глазкове) // Насекомое. С. 231—237. Ст-ние Н. Глазкова «Арбатские воспоминания», посвященное Окуджаве, см.: Глазков Н. Автопортрет. М., 1984. С. 234—235. Перечисляются московские топонимы.

304. ДП (М). 1971 (под загл.: «Семь дней недели»). — Стихотворения (с датой: 1973). — ЧНА. Интерпретацию наст. текста в рамках темы «анимализм в поэзии» и в сравнении со стихами А. Вознесенского и Е. Евтушенко см.: Эпштейн М. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. М., 1990. С. 120 (здесь текст Окуджавы датируется: 1963). *Ваншенкин Константин Яковлевич* (р. 1925) — поэт. Его воспоминания о знакомстве с Окуджавой в 1956 г. и др. см.: ЛГ. 1998. № 18/19, 13 мая; Знамя. 2000. № 5. С. 143. Стихотворение К. Ваншенкина. «Гитара», посвященное Окуджаве, см.: Звезда. 1972. № 4. С. 112. См. также № 72.

305. ДП (М). 1972 (под загл.: «Чудесный вальс» — ср. № 157). — Арбат (под загл.: «Вариация на тему "Чудесного вальса"»). — Стихотворения (с датой: 1975). Положено на музыку И. Калныньшом. Ю. Левитанский — см. примеч 42.

306. Др. народов. 1975. № 4. — Стихотворения (с датой: 1972). — ЧНА. *Считалочки для Беллы* — имеется в виду Б. Ахмадулина (см. примеч. 101). *Михаил и Александр* — М. Лермонтов и А. Пушкин.

307. Др. народов. 1975. № 4. — Стихотворения (с датой: 1973). — ЧНА. В своем дневнике Н. Эйдельман отметил, что он был первым слушателем наст. текста и что Окуджаву намеревался посвятить его Эйдельману (Век. 1998. № 23, 11—18 июня).

308. Др. народов 1975. № 4 (под загл.: «Танго»). — Стихотворения (с датой: 1973 и под загл.: «Послевоенное танго»). — ЧНА. *Кондратьев Вячеслав Леонидович (1920—1993)* — прозаик. *Я пил из чашки голубой старался гочиста... Случайно чашку обронил...* — аллюзия на рассказ А. Гайдара «Голубая чашка» (1935).

309. Ур. следопыт. 1982. № 7. — Стихотворения (с датой: 1973). — ЧНА. Исполн. в кинофильме «Грибной дождь» (1982). Интерпретацию наст. текста см.: Служевская И. *Время молитвы // Стрелец*. 1991. № 1. С. 178—180. *Маркитантка* — мелкая торговка, сопровождавшая войска в походах.

310. Милости судьбы. Исп. в кинофильме «Кортик» (1973).

311. Избранное. — ЧНА. *Борис Балтер* — см. примеч. 63. О его смерти и поведении Окуджавы на похоронах см. воспоминания К. Ваншенкина: ЛГ. 1998. № 18/19, 13 мая.

312. Др. народов. 1975. № 4. — Стихотворения (с датой: 1974). — Пис.

313. Ур. следопыт. 1982. № 7. — Посв. Вам (с датой: 1976). — ЧНА. Печ. также под загл. «Кабинеты». Датируется на основании записи в дневнике Н. Эйдельмана от 10 октября 1976 г. о чтении Окуджавой «еще не сделанной» песни (Век. 1998. № 23, 11—18 июня). В. Вигилянский вспоминает, как «в гнусные семидесятые» «Цэдзэловский зал покатывался со смеху», слушая исполнение Окуджавой наст. текста (Нез. газ. 1992. 18 января). *Юра* — Ю. Левитанский (см. примеч. 42); *Фазиль* — Искандер Фазиль Абдулович (р. 1929) — писатель. См. его воспоминания об Окуджаве: *Культура*. 1997. № 23, 19 июня; ЛГ. 1997. 21 июля. См. также № 346 и 659. *Белла* — см. примеч. 101.

314. Др. народов 1975. № 7 (под загл. «Памяти Галактиона Табидзе»). — Посв. Вам (с датой: 1967 и без загл.). — ЧНА. *Табидзе Галактион (1892—1959)* — грузинский поэт; его женой была тетка

Окуджавы Ольга Степановна. См. также № 583. *Натела* — двоюродная сестра Окуджавы, дочь О. С. Окуджавы и Г. С. Табидзе.

315. Песни радио и кино. М., 1975. Вып. 214. — ЧНА. Исполн. в кинофильме «От зари до зари» (1975) и «Аты-баты, шли солдаты» (1976). Положено на музыку В. Левашевым. Первоначальное загл.: «Песня о погибшем друге». Об истории создания песни см.: Сов. Рос. 1985. 11 августа.

316. Др. народов. 1975. № 4. — Стихотворения (с датой: 1975). — ЧНА.

317. Др. народов. 1975. № 4. — Арбат (с датой: 1976). — ЧНА (в разделе: 1980-е). *Лунин Михаил Сергеевич (1787—1845)* — декабрист; осужден на 20 лет каторги в Сибири, умер в Акатуйской тюрьме. *Эйдельман Натан Яковлевич (1930—1979)* — историк и писатель, автор книги о Лунине в серии «Жизнь замечательных людей» (1970). Дневниковые записи Эйдельмана об Окуджаве см.: Век. 1998. № 23. 11—18 июня. См. также примеч. 307. *Увяла забвенья трава* — парафраз заглавия произведения В. Катаева «Трава забвенья», впервые опубл.: Нов. мир. 1967. № 3.

318. Др. народов. 1975. № 4. — ЧНА (в разделе: 1980-е).

319. Муз. жизнь. 1976. № 6. — Стихотворения (с датой: 1975). — Милости судьбы (ст. 17—22 в качестве 9—14). — ЧНА. Исполн. в кинофильме «Звезда пленительного счастья» (1975). Положено на музыку И. Шварцем.

320. Арбат (без загл.). — Стихотворения (с датой: 1975). — ЧНА. Исполн. в кинофильме «Ключ без права передачи» (1977). По словам Окуджавы наст. текст — старое стихотворение, которое режиссер Д. Асанова использовала в кинофильме (Смена (М). 1984. № 18. С. 22). *Трифонов Юрий Валентинович (1925—1981)* — писатель. Высказывание Окуджавы о своей дружбе с ним см.: СМ. 1987. № 5. С. 33.

321. Стихотворения (с датой: 1975). — ЧНА. *Божественная Суббота* — у иудеев: день, посвященный Богу, когда нельзя ничем заниматься, кроме совершения молитвы. *Геррт Зиновий Ефимович (1916—1996)* — актер.

322. Лит. Рос. 1977. 1 января. — Стихотворения (с датой: 1975). — ЧНА. Интерпретацию наст. текста см.: Архангельский А. «Все уходящее уходит в будущее»: Судьба классических жанров в современной лирике // Лит. обоз. 1987. № 3. С. 15; Невзглядова Е. Повод и сюжет в лирическом стихотворении // Воп. лит. 1987. № 5. С. 140—141 (как пример «неповествовательного сюжета»). *Исторический роман* — «Путешествие дилетантов». *Аксенов Василий Павлович (р. 1932)* — писатель. С 1980 г. в эмиграции. По

словам Аксенова, «песня была <...> сочинена и посвящена мне после прочтения тогда тайного "Ожога" (романа Аксенова, впервые опубл. за границей в 1980. — *Комм.*)» (МН. 1997. № 24, 15—22 июня; см. также № 662). О своем знакомстве с Окуджавой Аксенов вспоминал: «...первый раз увидел Булата в его излюбленной позе: одна нога на стуле, гитара на колене. 1960-й, скопище друзей на чьей-то кухне...» (Там же). См. также: Веч. Москва. 1997. № 25. 19 июня; ЛГ. 1997. 21 июля *Каждый пишет, как он слышит* — ср. слова Тригорина в «Чайке» Чехова: «Каждый пишет так, как хочет и как может».

323. Песни (М). — Крестьянка. 1991. № 3.

324. Арбат (под загл.: «Ласточка»). — Избранное.

325. Арбат (под загл.: «Романс о любви»). — ЧНА (в разделе: 1980-е).

326. Арбат.

327. ДП (М). 1976. — Стихотворения (с датой: 1976). — ЧНА. Исполн. в кинофильме «Беда» (1977). *Чухонцев Олег Григорьевич* (р. 1938) — поэт.

328. ДП (М). 1981. — Стихотворения (с датой: 1976). — ЧНА. Дом государственного деятеля, графа Алексея Андреевича *Аракчеева* (1769—1834) находился по адресу: наб. Мойки, 35; дом поэта *Антон Антоновича Дельвига* (1798—1831) в 1825—1826 гг. находился на Миллионной ул. (ныне д. 26).

329. ДП (М). 1979. — Стихотворения (с датой: 1980). — ЧНА (в разделе: 1980-е). Исполн. Окуджавой в Америке в нач. 1979 г. (Песни (АА). Т. 2. С. 9).

330. В мире кн. 1988. № 4. — ЧНА. В ЯВС датируется: 1982. Печ. также под загл.: «Антон Павлыч Чехов...» и «Продолжение песенки о дураках». Исполн. в кинофильме «Из жизни начальника уголовного розыска» (1983). *...умный любит учиться, а дурак учить*. С обозначением: «пословица» эти слова внесены Чеховым в записную книжку (Чехов А. П. Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1980. Соч. Т. 17. С. 89). Прозаический парафраз см. в романе Б. Окуджавы «Свидание с Бонапартом» (Избранное: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 268). Вл. Новиков указал на то, что эта пословица выписана Чеховым из В. Даля (Новиков Вл. Булат Окуджава // Авторская песня: Книга для ученика и учителя. М., 1998. С. 53).

331. Песни (М). — ЧНА (в разделе: 1970-е). В ЯВС датируется: 1982. Исполн. в кинофильме «Из жизни начальника уголовного розыска» (1983). Посвящ. Л. Филатову (Капли), исполнителю песен Окуджавы в названном кинофильме (см. также № 330). *Филатов* Леонид Алексеевич (р. 1946) — актер; его высказывания об

Окуджаве см.: Муз. жизнь 1985. № 7. С. 22. *Горят святого Эльма свечки*. По средневековым преданиям, на башнях церкви святого Эльма (св Эразма) наблюдалось яркое свечение, служившее ориентиром морякам. *Портленг* — крупный порт и город на северо-западе США (штат Орегон), основанный в 1840-х гг.

332. Стрелец. 1987. № 1 (с указанием на первое исполнение в 1985 г.). — Рус. речь. 1989. № 3 (с датой: 1982). — ЧИА. Интерпретацию наст. текста см.: Чупринин С. Прямая речь. (Заметки о гражданственности поэзии наших дней). М., 1988. С. 46; Новиков Вл. Булат Окуджавы // Рус. речь. 1989. № 3. С. 65; Иванова Н Смелая языка // Знамя. 1989. № 11. С. 227.

333. Песни (М). — ЧИА. В ЯВС датируется: 1979—1980. Исполн. в кинофильме «Тайны мадам Вонг».

334. СМ. 1984. № 5. — ЧИА.

335. МК. 1985. 31 марта. — ЧИА.

336. Аврора. 1985. № 12. — ЧИА.

337. Др. народов. 1988. № 1. — ЧИА.

338. Др. народов. 1988. № 1. — Посв. Вам (с датой: 1961). — ЧИА.

339. Др. народов. 1988. № 1. — Посв. Вам (с датой: 1966). — ЧИА. *Убили моего отца* — см. вступит. статью, с. 57.

340. Др. народов. 1988. № 1. — Посв. Вам (с датой: 1966). — ЧИА.

341. Нов. мир. 1988 № 2. — ЧИА.

342. Огонек. 1988. № 19. — ЧИА. *Биргер* Борис Григорьевич (р. 1923) — художник. Портрет Окуджавы работы Б. Биргера (1978) воспроизведен: Сов. культура. 1989. 23 декабря.

343. Посв Вам. — ЧИА.

344. Посв Вам. — ЧИА

345. Посв. Вам. — ЧИА. *Оля* — см. примеч. 172.

346. Юность. 1988. № 9. — ЧИА. *Ф. Искандер* — см. примеч. 313.

347. Избранное. — ЧИА. *Так Дезик однажды писал* — имеется в виду ст. 1 ст-ния Д. Самойлова «Из детства» (1956), ...с улуйскою розой в руках — по-видимому, от названия населенного пункта Улу Якутской обл. (месте ссылки матери Окуджавы?).

348. Избранное. — ЧНА.

349. Огонек. 1991. № 4. — ЧНА. *К. Померанцев* — см. примеч. 276. *Зворыкин Владимир Кузмич* (1888—1982) — инженер, эмигрировал из России в 1918 г., в 1931 г. изобрел иконоскоп — телевизионную трубку, положив тем самым основание телевидению, разработал многочисленные электронные оптические приборы.

350. Огонек. 1992. № 47—49 (без посвящ.). — Милости судьбы (с посвящ.). — ЧНА *Войнович Владимир Николаевич* (р. 1932) — писатель. В 1981 г., во время пребывания за границей, был лишен советского гражданства (в 1990 г. — восстановлено). Выступления об Окуджаве см.: Россия. 1997. № 8; Веч. Москва. 1997. 19 июня; Огонек. 1997. № 25. С. 34—35; АГ. 1997. 21 июля.

351. Милости судьбы. — ЧНА. Исполн. в кинофильме «Лес». По свидетельству режиссера В. Мотыля, цензурой были изъяты первая и две последних строфы (Страж Балтики. 1997. 22 июля).

352. Зал ож. — ЧНА (с опечатками).

353. Зал ож. — ЧНА. *Некрасов Виктор Платонович* (1911—1987) — писатель; с 1974 г. — в эмиграции. По словам Окуджавы, «С Викой Некрасовым мы были друзьями. Ну, может, не закадычными, но я его очень любил и ценил, и он, как мне кажется, отвечал тем же» (Нов. мир. 1997. № 1. С. 86—87). См. также № 474 и вступит. статью, с. 82.

354. Зал ож. — ЧНА.

355. Зал ож. (с вар. в ст. 1: «Вот Король»; в ст. 7: «Распахнулась грустная тетрадь»). — ЧНА.

356—358. Зал ож. — ЧНА.

359. Зал ож. (с вар. в ст. 2: «унижений и новых утрат») — ЧНА.

360. ЧНА.

361. ЧНА. Парафраз популярных анекдотов о Сталине и Пушкине, в финале которых обязательно появляется Берия. *Магический кристалл* — цитата из гл. 8, строфы L, ст. 13 «Евгения Онегина» Пушкина (стеклянный шар, используемый при гадании). *Из тьмы и света* — парафраз лермонтовского «Из пламя и света Рожденное слово» («Есть речи — значенье...»). *Берия* Лаврентий Павлович (1899—1953) — нарком внутренних дел Грузинской ССР, первый секретарь КП(б) Грузии, министр внутренних дел СССР.

ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ

362. Капли (песенный вар., частично использованный в тексте 370). — Милости судьбы. Исполн. в кинофильме «Вторая весна» (1980). Положено на музыку И. Шварцем.

363. ДП (М). 1981. — Стихотворения (с датой: 1980). — ЧНА. В *Салослово* Окуджавой написан роман «Свидание с Бонапартом»

364. Стихотворения (с датой: 1980). — ЧНА. *Высоцкий Владимир Семенович* (1938—1980) — актер, поэт. Высказывания Окуджавы о Высоцком см.: Нов. вр. 1987. № 5, 30 января; Комсомольская правда (Вильнюс). 1987. 9 апреля. См. также записи в дневнике Н. Эйдельмана: Век. 1998. № 23, 11—18 июня. О посвящ. Высоцким Окуджаве своей песни см.: Томенчук Л. Я. О музыкальных особенностях песен В. С. Высоцкого // В. С. Высоцкий: исследования и материалы. Воронеж, 1990. С. 162. См. также № 379 и 461. *Марина Владимировна Полякова-Байдарова* (псевд.: Марина Влади; р. 1938) — франц. актриса, вдова В. Высоцкого.

365. Стрелец. 1987. № 1. — ПВ (с датой: 1980). — ЧНА. *Антон* — А. Б. Окуджава (р. 1965), сын от второго брака. См. также № 498 и 505. Интерпретацию наст. текста в связи с пушкинскими и мандельштамовскими мотивами см.: Жолковский А. Блуждающие сны и другие работы. М., 1994. С. 51—52. *Дворник Алим* — «...он был татарский князь, к нему за советом ездили соплеменники со всей Москвы и из загорода. Когда «Арбатское вдохновение» опубликовали в «Дружбе народов», я получил письмо от внука Алима, он мне поведал о кочине своего деда: его арестовали в 38-м, он сгинул в Сибири» (Окуджава В. С иллюзиями надо расставаться // ОГ. 1997. 17—23 июля). *Соплеменник из Кремля* — И. В. Сталин; его путь на ближнюю дачу пролегал по Арбату. *Еще загадкой манит поговоротня* — ср.: «Листаю книги в глыбких поворотнях» (О. Мандельштам. «Еще далеко мне до патриарха...») (отмечено: Жолковский А. Поэту настоящему спасибо: Новые стихи и песни Булата Окуджавы // СиМ. 1987. № 4. С. 139).

366. Зал ож. — ЧНА. *Гинзбург Лев Владимирович* (1924—1980) — поэт-переводчик, публицист, мемуарист. О совместной поездке в Германию в 1976 г. см.: Б. Окуджава, Л. Гинзбург, Л. Лавлинский. Возвратись из Баварии // ЛГ. 1976. № 19, 12 мая.

367. Др. народов. 1988. № 1. — Посв. Вам (с датой: 1981). — ЧНА. «Большой ценности этим стихам я не придаю и из последнего «Избранного» почти всё такого рода исключаю, хотя от своих суждений не отказываюсь» (Под управлением любви: Булат Окуджава в беседе с Ириной Ришиной // ЛГ. 1994. 11 мая). Отзыв о наст. тексте см.: Чупринин С. ...И аз воздам // ЛГ. 1988. 20 апреля. *Карякин Юрий Федорович* (р. 1930) — историк, публицист.

368. ЛГ. 1982. 28 июля. — Стихотворения (с датой: 1982). — ЧНА.

369. Юность. 1982. № 10. — Стихотворения (с датой: 1982). — ЧНА. Соколов Владимир Николаевич (1928—1997) — поэт.

370. Юность. 1982. № 10. — Стихотворения (с датой: 1982). — ЧНА. Исполн. в кинофильме «Нас венчали не в церкви» (1983). Положено на музыку И. Шварцем. См. также примеч. 362. О совпадении с пушкинскими мотивами см.: Поздняев М. Пушкин как Окуджава // Столица. 1994. № 19. С. 55—57.

371. Юность. 1982. № 10. — Стихотворения (с датой: 1982). — ЧНА.

372. Юность. 1982. № 10 (только часть 1 под загл.: «Арбатский мотив»). — Стихотворения (с датой: 1982). — ЧНА. Публ. в различных изданиях и как цикл и по отдельности. *Амирэджиби* Чабуа (Мзечабук) (р. 1921) — грузинский писатель; «уличный король», после войны живший в Тбилиси через дорогу от Окуджавы; в эти годы репрессирован (Елигуашвили Э. ...Начинается судьба // Лит. обоз. 1998. № 3. С. 31).

373. Юность. 1982. № 10. — Стихотворения (с датой: 1982). — ЧНА. *Тарковский* Арсений Александрович (1907—1989) — поэт.

374. ДП (М). 1982. — Стихотворения (с датой: 1982). — ЧНА. Печ. также под загл.: «Арбатский дворянин». По словам Окуджавы, «Мне очень нравится это слово "арбатство", которое придумал не я, а старшеклассники одной московской школы. Для них это символ любви к Москве, ее традициям, символ товарищества. По-моему, прекрасное, емкое слово. Я его использовал, а стихотворение (теперь оно уже стало романсом) посвятил этим ребятам» (ЛГ. 1982. 28 июля). Ср. с другим рассказом Окуджавы: «...недавно лежал в больнице и вдруг впервые за десять лет почувствовал желание написать стихотворение» (Сов. эстр. 1983. № 11. С. 9).

375. ДП (М). 1982 (без загл.). — СМ. 1983. № 2 (под загл.: «Как я написал исторический роман»). — Стихотворения (с датой: 1982 и без загл.). — ЧНА. Оля — см. примеч. 172.

376. СМ. 1983. № 2. — Стихотворения (с датой: 1982). *Иванов* Александр Александрович (1936—1996) — поэт-пародист. «Он написал пять пародий. Но должен сказать, что они неудачные, потому что мы с ним большие друзья, он ко мне очень хорошо относится, и все его пародии — комплиментарного свойства. А пародия должна быть едкой» (Песни (АА). Т. 2. С. 103). Ответ А. Иванова см.: Антипародия на автопародию: (Булат Окуджава) // Иванов А. Реплики в сборе. М., 1989. С. 75.

377. Др. народов. 1983. № 3. — Стихотворения (с датой: 1982). — Чна. Давыдов Юрий Владимирович (р. 1924) — писатель.

378. Др. народов. 1983. № 3 (без посвящения). — Стихотворения (с датой: 1982, посвящ.: Т. К. и иным расположением ст. 9—11: 11, 9, 10). — Чна. Окуджава рассказывал: «Я никогда не вел путевых дневников, не писал очерков о загранице или стихов. Специально — никогда не получалось. А вот в последний раз, вернувшись из Франции, написал стихотворение “Французская фантазия” <так!>» (МН. 1985. 6 января). *Voilà — Вот! (франц.)*.

379. Юность. 1988. № 9. — Чна. Печ. также под загл.: «Новая песня о Высоцком». *Володя* — В. Высоцкий (см. примеч. 364). *Кто потом украл вагон*. См. автокомментарий Окуджавы: «...когда вышел тираж (книги «Нерв». — Комм.) Высоцкого, он почему-то никак не поступал в магазины. И пошел слух, что украли вагон с книжками» (выступление Окуджавы в Доме писателя в 1984 г. — Песни (АА). Т. 2. С. 98). *Ведь и песни не горят* — парафраз известного высказывания из «Мастера и Маргариты» М. Булгакова (отмечено: Жолковский А. Поэту настоящему спасибо: Новые стихи и песни Булата Окуджавы // СиМ. 1987. № 4. С. 137).

380. Ур. след. 1983. № 4. — Стихотворения (с датой: 1983). — Чна. Шварц Исаак Иосифович (р. 1923) — композитор, автор более 30 песен на стихи Окуджавы. Статью Окуджавы об И. Шварце см.: Окуджава Б. «Музыка — и надежда, и боль...» // Сов. экран. 1983. № 14. С. 17. Воспоминания И. Шварца об Окуджаве см.: Рос. газ. 1997. 21—27 июня; МН. 1997. № 24, 15—22 июня; Лит. обоз. 1998. № 3. С. 22—23.

381. Др. народов. 1988. № 1. — Посв. Вам (с датой: 1983). *Собрался к маме...; к отцу хотел...* — см. вступит. статью, с. 58, 57.

382. СМ. 1984. № 5. — Чна. ...командир — гам уездных кумир. С. Бойко отметила парафраз из «Евгения Онегина» Пушкина (Гл. 5, строфа XXVIII): «Уездных барышень кумир <...> Приехал ротный командир» (Бойко. С. 21).

383. СМ. 1984. № 5 (под загл.: «Детство»). — Чна.

384. Аврора. 1984. № 9. — Чна.

385. МК. 1985. 31 марта. — Посв. Вам. Жигулин Анатолий Владимирович (1930—2000) — поэт.

386. Милости судьбы.

387. Милости судьбы. Исполн. в кинофильме «Невероятное пари, или Историческое происшествие, благополучно завершившееся сто лет назад» (1984). Положено на музыку И. Шварцем.

388. Милости судьбы. Исполн. в кинофильме «Капитан Фракс» (1985).

389. Стрелец. 1987. № 1. — Посв. Вам (с датой: 1984). — ЧНА. Гиви — «двоюродный брат. Студентом в 1938 году попал в лагерь на Колыму. Отбыл срок. Жил на поселении. Вернулся в 1956 году больной, израненный, гордый. Работал инженером в тресте. Медленно умирал» (из частного письма, опубл.: Песни (АА). Т. 2. С. 24).

390. СМ. 1987. № 5. — Избранное (с вар. в ст. 2: «вам ваше ремесло»; в ст. 12: «будет нам победа»). — ЧНА.

391. Крестьянка. 1985. № 5 (под загл.: «Вилковская фантазия»). — Песни (М). (с воспроизведением автографа и полной датой). — ЧНА. Оля — см. примеч. 172. Вилково — город и порт в Одесской обл. на Дунае. Дебаркадер — плавучая пристань (от франц. *debarcadere*). Жок, сиртаки — молдавский и греческий народные танцы.

392. МК. 1985. 31 марта. — ЧНА. Автокомментарий Окуджавы: «В день моего шестидесятилетия Алла Борисовна в подарок мне спела песню, которая нас очень тронула, а две строчки особенно понравились: "Если есть гитара в доме, в нем уютно и тепло". И я написал стихи недавно <...>, а эпиграфом взял эти две строчки Пугачевой» (СК. 1985. 27 апреля). Алла Борисовна Пугачева (р. 1949) — певица.

393. МК. 1985. 31 марта. — ЧНА.

394. МК. 1985. 31 марта (под загл.: «Записка Белле»). — ЧНА. Обращено к Б. Ахмагулиной — см. примеч. 101.

395. МК. 1985. 31 марта. — ЧНА.

396. МК. 1985. 31 марта. — ЧНА. Зевеса нагменные дочери — имеются в виду девять муз.

397. МК. 1985. 31 марта. — ЧНА.

398. МК. 1985. 31 марта (под загл. «Песенка»). — ЧНА. Исполн. в кинофильме «Законный брак» (1985). Положено на музыку И. Шварцем.

399. МК. 1985. 31 марта. — Избранное.

400. ЛГ. 1985. 3 апр. — ЧНА. Ким Юлий Черсанович (р. 1937) — поэт, драматург. Первая публ. сопровождает статью Окуджавы о Ю. Киме «Запоздалый комплимент». По словам Ю. Кима, «Мы не были очень близки, но Булату (я всегда обращался к нему по имени-отчеству) я обязан многим» (МН. 1997. № 24, 15—22 июня).

Другие высказывания Кима об Окуджаве см.: Рус. мысль. 1994. 12—18 мая; Нез. газ. 1997. 16—22 июня. См. также №. 461 и 552 ...*Авось твой труд упорный* — ср. гл. 1, строфа XLIII, ст. 9 «Евгения Онегина» Пушкина: «Хотел писать — но труд упорный...» (отмечено: Бойко. С. 21).

401. Сов. культура. 1985. 27 апреля (без загл.). — Аврора. 1985. № 12 (под загл.: «Мой почтальон»). — ЧНА. Автокомментарий Окуджавы: «Появилось такое четверостишие (т. е. ст. 1—4. — *Комм.*). О чем оно, я не знаю. Стал продолжать, и вдруг понял, что я в него внес свой опыт, свое страдание, что толчком к нему послужили какие-то мои внутренние перипетии. Почему весь опыт моих переживаний вылился в разговор о почтальоне, я не знаю. Пришли эти строчки, и туда попало мое страдание. Вот и все!.. А теперь это уже песня, и я на нескольких концертах ее пел» (Сов. культура. 1985. 27 апр.).

402. Аврора. 1985. № 12. — Избранное (с вар. в ст. 12: «вдруг проявится из тьмы»). — ЧНА.

403. Аврора. 1985. № 12 (с вар. в ст. 11: «имянины»). — Избранное. *Вдруг аромат антоновки лежалой, какие-то деревни, горюга* — аллюзия на загл. произведений И. Бунина: «Антоновские яблоки» и «Деревня».

404—406. Юность. 1986. № 1. — ЧНА.

407. Юность. 1986. № 1. — Избранное (с вар. в ст. 11. «в суете не доигрался»). — ЧНА.

408. Юность. 1986. № 1. — ЧНА. Волков Олег Васильевич (1900—1996) — писатель.

409. Юность. 1986. № 1. — ЧНА. *Мед огней домашних* — ср.: «и льется мед огней вечерних» в «Рождественском романсе» И. Бродского (отмечено: Бойко. С. 18).

410. Юность. 1986. № 1. — ЧНА.

411. Юность. 1986. № 1. — ЧНА. *Будто это лишь приснилось: смерть моя и жизнь моя* — ср.: «Жизнь моя? иль ты приснилась мне? (С. Есенин. «Не жалею, не зову, не плачу...»).

412. Юность. 1986. № 1. — ЧНА. Обухова Надежда Андреевна (1886—1961) — певица. Камбурова Елена Антоновна (р. 1941) — певица. По рассказу Камбуровой о знакомстве с Окуджавой, «самая первая встреча была в Ленинграде. Меня повез к нему знакомиться композитор Кирилл Акимов, первым решивший аранжировать песню “Ленька Королев”. <...> Из того вечера больше всего запомнилась детская кровать, где уютно спал недавно ро-

дившийся сын Буля» (ЛГ. 1997. № 24, 18 июня). См. также: Веч. Москва. 1997. 19 июня; ОГ. 1997. 19—25 июня.

413. Даугава. 1986. № 7. — Песни (М) (с воспроизведением автографа, в котором в ст. 1 вар.: «У поэта соперника нету»). — ЧНА.

414. Даугава. 1986. № 7. — ЧНА. ...*колокольчик гремит однозвучный* — парафраз популярной песни сер. XIX в. на слова И. Макарова (муз. А. Гурилева).

415. ЛГ. 1987. 18 марта. — ЧНА.

416. СМ. 1987. № 5 (под загл.: «Черный ворон»). — ЧНА.

417. Твоя песня / Твоя пісня. Київ, 1987. — ЧНА.

418. Др. народов. 1988. № 1. — Посв. Вам (с датой: 1975). — ЧНА (в разделе: 1980-е).

419. Нов. мир. 1988. № 2. — ЧНА.

420. Нов. мир. 1988. № 2. — ЧНА. Сравнение со ст-нием О. Мандельштама «Жил Александр Герцевич» см.: Бойко. С. 23.

421—423. Нов. мир. 1988. № 2. — ЧНА.

424. Др. народов. 1988. № 1. — Посв. Вам (с датой: 1987). *Отец* — см. вступит. статью, с. 57.

425. Нов. мир. 1988. № 2.

426. Огонек. 1988. № 19. — ЧНА.

427. Огонек. 1988. № 19. — ЧНА. Александр Семенович Кушнер (р. 1936) — поэт. Оценку им творчества Окуджавы см.: Кушнер А. Риска вызвать негодование // ЛГ-Досье. 1992. Ноябрь; ЛГ. 1997. 21 июля. См. также № 670. *Хочу воскресить своих предков* — возможно, аллюзия на теорию «воскрешения отцов» философа Н. Ф. Федорова (1828—1903), труды которого, после большого перерыва, были переизданы в 1982 г. В это время Окуджава работал над книгой романизированных воспоминаний «Упраздненный театр». *Бабушка Елизавета* — урожд. Перемужева.

428. Огонек. 1988. № 19. — Правда. 1988. 23 сентября (без загл.). — ЧНА.

429. Огонек. 1988. № 19. — ЧНА. Сарнов Бенсдикт Михайлович (р. 1927) — литературовед, критик. Об Окуджаве см.: Сарнов Б. Перестаньте удивляться!: Непридуманные истории. М., 1998. С. 18 и др. *Брандмайор* — начальник пожарной команды.

430. Огонек. 1988. № 19. — ЧНА. Дюфур Генрих (1787—1875) — генерал, военный инженер.

431. Огонек. 1988. № 19. — Избранное.

432. Юность. 1988. № 9. — ЧНА. *И общая участь на всех* — автоцитата (ср.: «...одна победа, одна на всех...» — см. № 278).

433. Юность. 1988. № 9. — ЧНА. *Ортачила* — см. примеч. 87. *Тетка* — Сильвия Степановна (см. вступит. статью, с. 60).

434. Юность. 1988. № 9. — ЧНА. *Володин* (наст. фам.: Лифшиц) Александр Моисеевич (р. 1919) — драматург. Об организации Володиным выступлений Окуджавы в Ленинграде в начале 1960-х гг. см. вступит. статью, с. 67. Окуджава опубликовал предисловие к кн. Володина «Весенний марафон» (М., 1980. С. 66—67). См. также статьи Володина об Окуджаве: ОГ. 1997. 19—25 июня; ЛГ. 1997. 21 июля. См. также № 670.

435. Юность. 1988. № 9. — Избранное.

436. Посв. Вам. — ЧНА. *Брандмайор* — см. примеч. 429.

437. Посв. Вам. — ЧНА. *Белякова* Алла Михайловна (р. 1914) — художник, автор рассказов. *Глехо* (груз.) — крестьянин.

438. Посв. Вам. — ЧНА. *Козаков* Михаил Михайлович (р. 1934) — актер и режиссер; постановщик кинофильма «Покровские ворота» (1982), в котором исполнялись песни Окуджавы. *Художник Лунёв* — вероятно, имеется в виду Иван Логипович Линёв (конец XVIII — первая пол. XIX в.). Портрет Пушкина его работы (1836—1837) хранится в Институте русской литературы (Пушкинский дом) РАН.

439. Посв. Вам. — ЧНА.

440. Посв. Вам. — ЧНА. *Взяться за руки...* — отсылка к «Старинной студенческой песне» (см. № 262).

441. Посв. Вам. — ЧНА. *Фогельсон* Виктор Соломонович — редактор поэтических книг Окуджавы.

442—445. Посв. Вам. — ЧНА.

446. Посв. Вам. — ЧНА. *Сретенка; Пятницкая* — московские улицы.

447. Посв. Вам (с заключительной строфой: «То раскидистая тень, то крови кипенье, рифма “лснь” и рифма “пень”, пенье и терпенье»). — Избранное.

448. Посв. Вам. — Избранное.

449—450. Посв. Вам.

451. Посв. Вам. — Избранное.

452. Избранное. *Генерал Опочинин* — персонаж романа Окуджавы «Свидание с Бонапартом» (1983).

453. Огонек. 1989. № 35. — ЧнА. На публ. наст. текста последовал стихотворный ответ ген.-майора А. Фролова, который приведен в выдержках:

Не иронический ответ Булату Окуджавс на его «Ироническое обращение к генералу»

Когда вдруг пасквиль и талант
В содружестве сойдутся рядом,
То муза, одобренная ядом,
Не принесет успех, Булат.
Я, беспризорник от войны,
Пришелец давний из подвала,
С благословения страны
Носящий форму генерала,
Сейчас даю Вам свой ответ:
«...что в положении дурацком
не лучше ли шататься в штатском?»
Я отвечаю твердо: — Нет!
<...> А Вы? Гитару наострив,
Привычно тянете куплеты
О господах иль юнкерах,
Или о Яснинских горах,
Поете, что велит натура.
Натура — часто конъюнктура,
И кто бы вдруг подумать мог,
Что Вы, войною опаленный,
Пускай в ту пору и «зеленый»,
Но спутник фронтовых дорог
Забыли напрочь строчки эти:
«Мы все войны шальные дети,
И генерал, и рядовой?».
Шинель вы взяли — и домой,
Другим досталось жить в шинели,
Чтоб Вы печатались и пели,
А Вы на них скорей навет.
Незрело все для Ваших лет!
<...> И если грянет час кровавый,
Вперед дивизии взметнут,
Конечно же, — не Окуджавы...

(Лен. знамя. 1989. 22 октября; то же: Сов. патриот. 1989. 12 ноября; Правда Украины. 1989. 23 ноября).

454—455. Огонек. 1989. № 35. — ЧНА.

456. Огонек. 1989. № 35. — ЧНА. *Пироговка* — имеется в виду Большая Пироговская улица, где в д. 2/6 помещается клиника московского 1-го Медицинского ин-та.

457. Огонек. 1989. № 35. — ЧНА. *Вуземе* — ист. область в Латвии.

458. Огонек. 1989. № 35. — ЧНА. *Даниэль Юлий Маркович* (1925—1988) — писатель, переводчик. В начале 1950-х гг. учительствовал в Калуге, где в то время жил Окуджаву. В феврале 1966 г. осужден на 5 лет лагерей за публикацию за границей (одновременно с А. Синявским) своих прозаических произведений (псевд.: Николай Аржак). Окуджаву дал имя для публикаций переводов Даниэля (из Варужана, Аполлинера и др.), который не мог под собственным именем печататься в советских изданиях (см.: ЛГ. 1992. 25 марта). О произведениях Даниэля с упоминаниями Окуджавы см.: Чайковский Р. Зарифмованный Булат Окуджаву // Чайковский. С. 92.

459. Огонек. 1989. № 35. — Избранное (с посвящ. Вл. Заманскому). — ЧНА. *Акулина Ивановна* — см. примеч. 92. *Заманский Владимир Петрович* (р. 1928) — актер. *Храм Христа Спасителя* — построен в Москве в 1839—1883 гг., разрушен в 1932 г., ныне воссоздан. *По долинам, по взгорьям* — аллюзия на популярную песню (переделанную из «Марша Дроздовского полка» сначала в 1920 г., затем в 1926 г.); ...*всё, что мы натворили...* — ср. со словами матери по прочтении «Архипелага ГУЛАГа», воспроизведенными Окуджавой: Огонек. 1991. № 19. С. 4; Столица. 1992. № 24. С. 12.

460. Избранное. — ЧНА. В *больнице медленно течет река часов* и последующее: *На новый лаг судьбу не перешить* — ср. в последнем ст-нии Державина: «Река времен в своем течении Уносит все дела людей...» с последующим: «И общей не уйдет судьбы»; таким образом, весь текст Окуджавы может рассматриваться как парафраз державинского. См. также примеч. 138.

461. Избранное. — Огонек. 1991. № 14 (под загл.: «Перед афисей западного певца»). — ЧНА. *Галич Александр Аркадьевич* (1919—1977) — драматург, автор и исполнитель песен; в 1971 г. эмигрировал из СССР; В. *Высоцкий* — см. примеч. 364; Ю. *Ким* — см. примеч. 400.

462—463. Избранное. — ЧНА.

464. Избранное. — ЧНА. *Оля* — см. примеч. 172. *Придут иные времена* — ср.: «Придут иные времена. Взойдут иные имена.» Евтушенко Е. Придут иные времена (1963)

465. Юность. 1990. № 4 (с вар. в ст. 16: «печали главной»). — ЧНА.

466. Юность. 1990. № 4. — ЧНА.

467. Юность. 1990. № 4 (без строфы 5). — Милости судьбы. — ЧНА.

468. Юность. 1990. № 4. — ЧНА. Рифмующиеся: *время-время* ср. с № 581.

469. Юность. 1990. № 4. — ЧНА.

470. Юность. 1990. № 4. — ЧНА. *Карпинский* Лен Вячеславович (1929—1995) — журналист; в 1960-е гг. — зав. Отд. пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ и др.; в 1967 г. уволен за выступления против цензуры; в 1975 г. исключен из КПСС.

471. Юность. 1990. № 4 (без посвящ., с вар. в ст. 5: «вот загадочная стезя» и иным окончанием после ст. 8:

Так не траться, брат, не сворачивай,
плюнь на вздорную суету,
потеряешь свой лик божественный,
первозданную красоту.
Ну зачем рисковать так попусту?
Разве мало других забот?
Поднимайся, иди, служивый,
лишь прямехонько, лишь вперед).

— Милости судьбы. — ЧНА. Б. *Ахмагулина* — см. примеч. 101.

472. Юность. 1990. № 4. — ЧНА. *Рождественский* Роберт Иванович (1932—1996) — поэт. Воспоминания Окуджавы о Рождественском см.: Вечерний клуб. 1997. 14 августа. См. также: Нез. газ. 1994. 6 мая (Рождественский об Окуджаве).

473. Юность. 1990. № 4. — Милости судьбы.

474. ЛГ. 1990. 2 мая. — ЧНА. *Вика Некрасов* — см. № 353.

475. Апрель. 1991. Вып. 3. — ЧНА. *Только бы Польша не сгинула* — парафраз первой строки польского гимна.

476—477. Апрель. 1991. Вып. 3. — ЧНА.

478. Апрель. 1991. Вып. 3. — ЧНА. *Чичибабин* (наст. фам.: Полушин) Борис Алексеевич (1923—1995) — поэт. *Как будто дальняя горага...* — автоцитата (см. № 261).

479. Апрель. 1991. Вып. 3. — ЧНА.

480. Апрель. 1991. Вып. 3. — Милости судьбы. Турки месхетинцы; крымские татары — народы, подвергнутые при советской власти геноциду и депортации.

481. Веч. Москва. 1991. 4 февраля (только первая строфа). — Зал ож. — ЧНА.

482. Веч. Москва. 1991. 4 февраля. — ЧНА. Автокомментарий Окуджавы при первой публ.: «Приехал вот друг из Австралии, бывший советский гражданин, эмигрировавший туда. И родились такие строчки...».

483. Знамя. 1991. № 3. — ЧНА. *Босфор* — пролив в Турции, между Европой и Азией, по обе стороны которого расположен Стамбул; ...крики моих предков преданных слышны. Имеется в виду геноцид армян в 1915 г.

484. Знамя. 1991. № 3. — ЧНА.

485. Знамя. 1991. № 3. — ЧНА. *Кейф* — ничегонеделанье (от тур. kejf).

486. Знамя. 1991. № 3. — ЧНА. ...наг стамбульской Галатой — квартал, исторический район поселения купцов из Италии. *Рог, довольны Золотой* — стамбульская бухта Золотой Рог.

487. Знамя. 1991. № 3. — ЧНА. Интерпретацию наст. текста см.: Бойко С. За каплями Датского короля: Пути исканий Булата Окуджавы // Вop. лит. 1998. № 5. С. 17 и далее.

488. Знамя. 1991. № 3 (без посвящ.). — Милости судьбы. — ЧНА. А. Рыбаков — см. примеч. 263. *Европа пьет водичку из Босфора* — см. примеч. 483.

489. Знамя. 1991. № 3. — ЧНА. *Лосев* (наст. фам. Лифшиц) Лев Владимирович (р. 1937) — поэт, филолог; в 1976 г. эмигрировал; проф. Дартмутского колледжа в США (Ганновер, Нью-Хэмпшир). *Монпелье* — столица штата Вермонт.

490. Знамя. 1991. № 3. — ЧНА. *Вермонтский грут!* — см. примеч. 489; *Из норвичского скверика*. Окуджава был удостоен звания почетного профессора Норвичского университета.

491. Знамя. 1991. № 3. — ЧНА. *Массачусетс* — штат на севере Атлантического побережья США. *Афферика Джоан* (р. 1932) — профессор русской литературы.

492. Знамя. 1991. № 3 (с подзаг.: «Песенка»). — МС. — ЧНА. *Гингза* — главная улица в Токио.

493. Др. пародов. 1991. № 4. — ЧНА.

494. Др. народов. 1991. № 4. — Магазин. 1991. Вып. 1 (под загл.: «Лето»). — Милости судьбы. — ЧНА. Коржавин Н. (наст. имя, отчество и фамилия Наум Моисеевич Мандель; р. 1925) — поэт и литературный критик; в 1973 эмигрировал в США. Его статью об Окуджаве см.: Нез. газ. 1997. 22 июля. *Кони красные купаются...* — аллюзия на известную картину К. Петрова-Водкина «Купание красного коня» (отмечено: Крымова Н. Свидание с Окуджавой // Др. народов. 1986. № 5. С. 263). *Молотов* (псевд.; наст. фам. Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890—1986) — в 1939—1949 гг. и 1953—1956 гг. — нарком, министр иностранных дел. *Буденный* Семен Михайлович (1883—1973) — маршал, в 1939—1940 гг. — зам., с 1940 г. — первый зам. наркома обороны; Окуджаву воспроизводит традиционное и строго регламентированное расположение вождей на трибуне. *По степи по полуденной* — ср. с популярной песней И. Дунаевского на слова Н. Асеева «Конная Буденного» (1922): «С неба полуденного Жара — не подступи. Конная Буденного Раскинулась в степи».

495. Юность. 1991. № 8. — Милости судьбы (без посвящ.). — ЧНА. *Бродский* Иосиф Александрович (1940—1996) — поэт; в 1972 г. эмигрировал.

496—497. Юность. 1991. № 8. — ЧНА.

498. Юность. 1991. № 8. — ЧНА. *Антон* — см. примеч. 365.

499. ЛГ. 1991. 27 ноября. — ЧНА. Тематически связано с киноповестью Б. Окуджавы и О. Арцимович «Мы любили Мельпомену». *Волковские актеры* — актеры ярославского драматического театра им. Ф. Волкова (организованного в 1750 г. актером Ф. Волковым).

500. Огонек. 1992. № 47/49. — Зал ож. (без загл. и без последней строфы). — ЧНА. *Раб ничтожный, взыскующий града* — парафраза послания апостола Павла (Евр. 13, 14).

501. Огонек. 1992. № 47/49. — ЧНА. *Умирать не страшно — страшно не жить. Впрочем, эти мысли высказал Вольтер* Затрудняемся указать на соответствующее место этого высказывания в трудах Вольтера; нельзя не отметить большую близость наст. выражения тексту В. Маяковского: «В этой жизни помереть не трудно. Сделать жизнь значительно трудней» («Сергею Есенину», 1926), являющемуся, в свою очередь, парафразой предсмертного стиха С. Есенина «До свиданья, друг мой, до свиданья...» (1925).

502. ЛГ. 1993. 10 февраля. — ЧНА. *Бобышев* Дмитрий Васильевич (р. 1936) — поэт; с 1979 г. — в эмиграции; с 1985 г. — профессор Иллинойского университета (США). Факсимиле письма Окуджавы Бобышеву и наст. ст-ния с датой 9.11.1992 г. см.: Петрополь: Альманах 9. СПб., 2000. С. 29—30.

503. Милости судьбы. — ЧНА. *Поистерся мой старый пиджак* и далее — автоцитаты (см. примеч. 138). *Новогодняя ель...* — автоцитата (см. № 245).

504. Милости судьбы. — ЧНА. *Фрумкин Владимир Аронович* (р. 1929) — музыковед, один из первых исследователей авторской песни, в частности, творчества Окуджавы; в 1974 г. эмигрировал в США, где занимается преподавательской и издательской деятельностью; сост. двухтомного собрания песен Окуджавы. *Соколов Виктор* — бывший московский журналист; настоятель храма Св. Троицы в Сан-Франциско; познакомился с Окуджавой во время пребывания последнего в Летней школе при Норвичском университете, где вел занятия о. Виктор. *Белый храм в зеленом парке* — по сообщению В. Фрумкина, ст-ние написано под впечатлением полученной фотографии, где Окуджава изображен вместе с В. Фрумкиным и В. Соколовым, но не в Сан-Франциско на фоне собора Св. Троицы, как ошибочно решил Окуджава, а на фоне часовни Норвичского университета (см. также примеч. 490).

505. Милости судьбы. — ЧНА. *Антон* — см. примеч. 365.

506. Зал ож. (с вар. в ст. 7: «ваше грядущее»). — ЧНА. *Новая Англия* — наименование Нью-Хэмпшира (см. примеч. 489). *Оля* — см. примеч. 172.

507. Зал ож. — ЧНА.

508—511. Зал ож. — ЧНА.

512. Зал ож. (с вар. в ст. 3: «Чем больше страдаем»). — ЧНА. См. примеч. 589.

513. Зал ож. — ЧНА. *Тщетною вышла пальба...* — автоцитата (см. № 270). *Харон* — в греч. мифологии перевозчик душ умерших через реку Стикс в подземный мир. *Замерли жизнь и судьба* — аллюзия на загл. книги В. Гроссмана «Жизнь и судьба».

514—515. Зал ож. — ЧНА.

516. Зал ож. — ЧНА. *Как мышшь апрельская...; я — мышшь и есть...; я просто жизни краткий вздох...* — аллюзия на пушкинское: «Жизни мышшь беготня...» («Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы»); вообще весь текст можно рассматривать как парфраз названного пушкинского.

517. Зал ож. — ЧНА.

518. Зал ож. (без последней строфы). — ЧНА.

519—520. Зал ож. — ЧНА.

521. ЧНА. Молокане — одна из христианских сект, возникшая в России в XVIII в. Духоборы — одно из ответвлений секты молокан; большая часть их проживает ныне в Канаде.

ДЕВЯНОСТЫЕ

522. Апрель. 1991. Вып. 3. — ЧНА. Отметим, что этот текст Окуджава включил в ЧНА в раздел 1990-х гг., тогда как опубликованные в том же вып. альманаха «Апрель» другие тексты отнес в разделу 1980-х гг. Анжей Мангальян — переводчик, составитель и редактор изданий произведений Окуджавы в Польше; см.: Okudźawa W. Pieśni, Ballady, Wiersze. Kraków, 1996. И, значит, Польша не сгинела — см. примеч. 475.

523. ЛГ. 1990. 24 января. — Милости судьбы. И потом армянской красной и азербайджанской красной и далее — отклик на резню армянского населения Баку в январе 1990 г.

524. Зал ож. (под загл.: «Памяти Давида Самойлова» и с вар. в ст. 11: «Да не померкнут»). — ЧНА. Д. Самойлов — см. примеч. 300.

525. Юность. 1990. № 4. — ЧНА. Сахаров Андрей Дмитриевич (1921—1989) — физик, лауреат Нобелевской премии, основатель Комитета по правам человека в Москве (1970). По словам Сахарова, он близко узнал Окуджаву осенью 1971 г., но с тех пор не встречался: «Жизнь развернула нас в разные стороны...» (Знамя. 1991. № 2. С. 151).

526. ЛГ. 1991. 16 января. — Др. народов. 1991. № 4 (под загл.: «Московская фантазия», с вар. в ст. 19: «Я здесь прозябаю... в малиннике, он царствует в небесах»). — ЧНА. Астафьев Виктор Петрович (р. 1924) — писатель.

527. Др. народов. 1991. № 4. — Милости судьбы.

528. Др. народов. 1991. № 4. — Милости судьбы. Не названный, не лишний — а прощенный — парафраз притчи о званых и избранных: «много званых, но мало избранных» (Матф. 20, 16; 22, 14).

529. Др. народов. 1991. № 4 (с вар. в ст. 1: «Не от гриппа»; в ст. 12: «Как выходит»). — Милости судьбы.

530. Др. народов. 1991. № 4. — Милости судьбы.

531. ЛГ. 1991. 27 мая. — Милости судьбы.

532. ЛГ. 1991. 27 мая (с вар. в ст. 9: «Впереди — заветный путь»). — Милости судьбы. Корниловец — участник восстания 25—

31 августа 1917 г. под руководством верховного главнокомандующего Временного правительства, ген. А. Г. Корнилова (1870—1918).

533. Юность. 1991. № 8. — Милости судьбы. В *Мерзляковском переулке* в Москве находится Академическое музыкальное училище при Московской консерватории.

534. Юность. 1991. №8. — Милости судьбы.

535. Апрель. 1991. Вып. 3. — ЧНА.

536. ЛГ. 1991. 27 ноября (с подзаг.: «К восьмидесяти...летию Д. А. Половец»). — ЧНА. *Половец* Дипа Абрамовна (1906—1997) — мать редактора журн. «Панорама» А. Половца, в доме которого в Лос-Анджелесе Окуджава жил перед операцией. *Раневская* Фаина Григорьевна (1896—1984) — артистка.

537. ЛГ. 1991. 27 ноября. — МС (с вар. в ст. 21: «и что поможет?») — ЧНА. *Ленты, кружева, ботинки — что угодно для души!* — детская считалка (см.: Русская поэзия детям: В 2 т. / Вступ. статья, сост., подгот. текста и примеч. Е. О. Путиловой. СПб., 1997. Т. 1. С. 77 (Новая библиотека поэта (Большая сер.)). *Или буду я, как прежде, облапошиваться рад?* — парафраз заключит. ст. ст-ния Пушкина «Признание»: «Я сам обманываться рад!»

538. ЛГ. 1991. 27 ноября. — ЧНА. *Шмель* — см.: «мохнатый шмель» в ст-нии Киплинга «За цыганской звездой», ставшем особенно популярным благодаря песенному вар. в кинофильме «Жестокий романс» (1984). *Массачусетс* — см. примеч. 491; *Шалпинский чистый басок* — Федор Иванович Шаляпин (1873—1938), певец, с 1922 г. — в эмиграции в США.

539. ЛГ. 1991. 27 ноября (с доп. 2-й строфой:

На улице моей души то снег вздохнет, то дождь проплещет,
то вдруг загадочно застонет вдали последнее седло...
Еще за окнами темно, но раскрывается, трепещет
похожее на парус робкий синицы легкое крыло). — ЧНА.

540. Звезда. 1993. № 1 (под загл.: «Песенка»). — ЧНА.

541. Огонек. 1992. № 47/49. — ЧНА.

542. Огонек. 1992. № 47/48 (с эпитафией: «Это язык оккупантов. (Голос в толпе)»). — Зал ож. — ЧНА. Отметим высказывание польского актера Даниеля Ольбрыхского (р. 1945) о русском языке в связи с творчеством Окуджавы: «Поэт, считавшийся не слишком благонадежным в собственной стране, заставил тысячи молодых поляков задать себе труд, чтобы понять этот прекрасный язык» (Ольбрыхский Д. Поминая Владимира Высоцкого. М., 1992. С. 11).

543. Огонек. 1992. № 47/49. — Зал ож. Стикс — см. примеч. 513. Харон — см. там же.

544. Огонек. 1992. № 47/49. — ЧНА. Копелев Лев Зиновьевич (1912—1997) — историк, литературовед, переводчик; в 1980 г. — эмигрировал; последний раз Окуджава навестил его незадолго до своей смерти. Раечка — Раиса Давыдовна Орлова (1918—1989) — критик, литературовед, жена Л. З. Копелева.

545. Кн. обоз. 1992. 3 апреля. — Милости судьбы.

546. Звезда. 1993. № 1 (под загл.: «Плач над грядкой»). — Зал ож.

547. ЛГ. 1993. 10 февраля. — Милости судьбы.

548. ЛГ. 1993. 10 февраля. — ЧНА.

549. ЛГ. 1993. 10 февраля. — ЧНА. Разнообразные реминисценции из Пушкина отмечены: Бойко. С. 21. Хумус — широко распространенное еврейское национальное блюдо. Кипа — традиционный головной убор религиозного еврея. Бог не выгаст, черт не съест — парафраз поговорки.

550. ЛГ. 1993. 10 февраля. — ЧНА. Никулин Валентин Юрьевич (р. 1932) — актер; проживал тогда в Израиле.

551. ЛГ. 1993. 10 февраля. — ЧНА. Матвеева Новелла Николаевна (р. 1934) — поэтесса и исполнительница песен на свои стихи. Ее высказывания об Окуджаве см.: Лит. обоз. 1998. № 3. С. 28—29.

552. ЛГ. 1993. 10 февраля. — ЧНА. Юлик Ким — см. примеч. 400.

553. ЛГ. 1993. 10 февраля. — ЧНА. Сопоставительный анализ наст. ст-ния и «Ах, война, что ж ты сделала, подлая...» см.: Козицкая Е. А. Автоцитация и интертекстуальность: (Два стихотворения Б. Окуджавы) // Литературный текст: Проблемы и методы исследования. IV. Тверь, 1998. С. 120—126. Сабра (цабра) — человек, родившийся в Израиле. До свидания, девочки! — автоцитата (см. № 63).

554. ЛГ. 1993. 10 февраля (с вар. ст. 10: «его для нас в листы заносит»). — ЧНА.

555. Известия. 1993. 6 марта. — Труд. 1995. 13—19 сентября (с пометой: «Публикуется впервые»). — ЧНА.

556. Милости судьбы. — ЧНА. Анализ и интерпретацию наст. текста см.: Бойко С. «Лишь букву и мотив...»: О концепции твор-

чества Булата Окуджавы // «Свой поэтический материк...»: Научные чтения, посвященные 75-летию со дня рождения Булата Окуджавы. М., 1999. С. 28—29. *Разгон Лев Эммануилович* (1908—1999) — популяризатор науки, историк детской литературы, прозаик. Арестован в 1938 г.; до реабилитации в 1955 г. находился 17 лет в лагерях. Воспоминания Л. Разгона об Окуджаве см.: МН. 1997. № 24, 15—22 июня; Рус. мысль. 1997. 19—25 июня. См. также № 713.

557. Милости судьбы. — ЧНА.

558. Милости судьбы. — ЧНА. *Нувориш* — богач-высочка (от франц.: *poivre et riche* — новый богач).

559. Милости судьбы (под загл.: «Дорожная песня»). — ЧНА.

560. Милости судьбы. — ЧНА. *Приставкин* Анатолий Игнатьевич (р. 1931) — писатель, с 1992 г. — председатель Комиссии по вопросам помилования при Президенте РФ, в которой работал и Окуджава. Воспоминания Приставкина об Окуджаве см.: МК. 1997. 19 июня; Рус. мысль. 1997. 19—25 июня; ЛГ. 1997. 21 июля. *А долго ль еще колесить нам по этим дорогам* — одна из многочисленных аллюзий Окуджавы на «Дорожные жалобы» Пушкина.

561—563. Милости судьбы.

564. Страж Балтики. 1994. 25 июня (без загл.; без посвящ.; с вар. ст. 7: «он и не знает, что век-то коротенький»; ст. 10: «Что ж они больше уже не нужны»; ст. 12: «крылья, которые Богом даны?»; ст. 13—14: «Ну, а попутчик мой только и верует жару души и фортуне своей»; ст. 18: «горестный вздох угасает в груди...»; ст. 21—22: «Ну а попутчик божественной выпечки, не покладая усилий своих»; в ст. 24: «то на вальдхорне...»). — Зал ож. — ЧНА. *Спиваков* Владимир Теодорович (р. 1944) — скрипач и дирижер, организатор музыкальных фестивалей в Зальцбурге, на родине Моцарта. Воспоминания Спивакова об Окуджаве см.: МН. 1997. № 24, 15—22 июня. Ст-ние Спивакова, посвящ. Окуджаве: Лит. обоз. 1998. № 3. С. 38—39. *Не покладая стараний своих* — автоцитата (см. № 270). В вар.: *вальдхорн* — валторна (от нем. *Waldhorn*).

565. Зал ож. — ЧНА. *Агамович* Алесь (Александр Михайлович) (1927—1994) — писатель, публицист, доктор филологических наук.

566—567. ЛГ. 1995. 29 марта. — ЧНА.

568. ЛГ. 1995. 29 марта (под загл.: «Шутка»). — Труд. 1995. 13—19 октября (с пометой: «Публикуется впервые»). — ЧНА.

569. ЛГ. 1995. 29 марта.— Зал ож. (с 1-й строфой:

Сегодня утром уж в который раз
Я не проснулся — я родился снова...

Да здравствуют живущие среди нас
И свет в окне, и музыка и слово!

— ЧНА.

570. ЛГ. 1995. 29 марта. — ЧНА.

571. Труд. 1995. 13 — 19 сентября. — ЧНА.

572. ЛГ. 1995. 29 марта. — Зал ож. Б. Чичибаши — см. № 478 и примеч. к нему.

573. Звезда. 1996. № 3. — ЧНА.

574. Зал ож. — ЧНА. *Солнце, воздух и вода* — из пионерской речевки.

575. Зал ож.

576—577. Зал ож. — ЧНА.

578. Зал ож. — ЧНА. *Лиснянская* Инна Львовна (р. 1928) — поэтесса, переводчица. О ее ст-ниях с упоминаниями Окуджавы см.: Чайковский Р. Зарифмованный Булат Окуджава // Чайковский. С. 387.

579—580. Зал ож. — ЧНА.

581. Зал ож. — ЧНА. *Потому и рифма «бремя»* — ср. № 468.

582. Зал ож. — ЧНА.

583. Зал ож. — ЧНА. *О. Окуджава и Г. Табигзе* — см. примеч. 314.

584. Зал ож. — ЧНА.

585. Зал ож. — ЧНА. *Всё скифы, скифы* — см. ст-ние Блока «Скифы» (отмечено: Бойко. С. 23).

586. Зал ож. — ЧНА. *Габриадзе* Реваз (р. 1936) — сценарист, режиссер, создатель оригинального театра марионеток.

587. Зал ож. — ЧНА. *Саксонский парк* — точнее, Саксонский сад в Варшаве (одно из мест действия поэмы А. Блока «Возмездие»).

588. Зал ож. — ЧНА.

589. Зал ож. — ЧНА. *...вечный мир спасут страдания, а не любовь и красота* — парафраз слов Ипполита из романа Достоевского «Идиот»: «Правда, князь, что вы раз говорили, что мир спа-

сет «красота»? Господа, — закричал он громко всем, — князь утверждает, что мир спасет красота!» (отметим, что Мышкин молчит и не подтверждает сказанного Ипполитом). См. также примеч. 189, 512 и вступит. статью, с. 86.

590—592. Зал ож.

593. Зал ож. *Вот Тюрингии столица; Александр с Наполеоном все беседовали* — имеется в виду Эрфурт, где в 1808 г. произошло так называемое «Эрфуртское свидание» двух императоров и заключена союзная конвенция, которой закреплялось за Россией владение Финляндией, Молдавией и Валахией (правда, Эрфурт тогда не являлся столицей Тюрингии).

594. Зал ож.

595. ЧнА.

596. Зал ож. (с вар. в строфе 9, ст. 9: «я жертвой пал»; в строфе 14, ст. 11: «чтоб с нами не случилось ничего»). — ЧнА. По мнению С. Бойко, прототекстом является «Домик в Коломне» Пушкина; загл. отсылает к идиоме, пришедшей из слов Сатина в «На дне» Горького («В карете прошлого никуда не уедешь»; чаще употребляется «далеко»); отмечены также грибоедовские и чеховские реминисценции (Бойко. С. 22).

597. ЧнА.

598. ЧнА. *Две жизни прожить не дано* — ср. у Д. Самойлова: «Две жизни не прожить, А эту, что дана, Не всё равно — тянуть Длиннее иль короче?» («Стихи о Дельвиге», 1974). Ср. также № 39.

599. ЧнА.

600. ЧнА. *Агнешка* — А. Осецка (см. примеч. 244). *Грядут перемены* — автоцитата (см. № 244).

601. ЧнА.

602. ЧнА. *Сосо* — одна из партийных кличек Сталина; груз. сокр. от Иосифа.

603—605. ЧнА.

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВХОДИВШИЕ В АВТОРСКИЕ СБОРНИКИ

606. Знамя (К.). 1953. 21 января. *Пог Перекопом и под Кронштадтом* — своеобразные клише для обозначения Гражданской

войны в советской литературе и искусстве. *Такими, как Ленин, такими, как Сталин*. Ср. со словами Окуджавы в одном из интервью: «Сталин, однако, для меня никогда не был обожаемым, я не написал о нем ни одной строчки...» (Веч. Москва. 1991. 4 февраля).

607. МЛ. 1954. 1 мая. *Владимирская дорога* — так называемая «Владимирка», или Владимирский тракт, — путь, по которому в дореволюционной России этапировали ссыльных на каторгу в Сибирь.

608. Знамя (К). 1954. 19 сентября.

609. МЛ. 1954. 17 октября.

610. МЛ. 1954. 14 ноября.

611. МЛ. 1955. 11 марта. *Уж не все ль красавицы России* — ср. с популярным стихом Я. Смелякова «Милые красавицы России» (впервые в журн.: Знамя. 1946. № 4).

612. МЛ. 1955. 1 мая.

613. МЛ. 1955. 29 мая.

614. МЛ. 1955. 11 сентября.

615. Знамя (К). 1955. 9 октября.

616. МЛ. 1955. 13 ноября.

617. МЛ. 1956. 1 мая.

618. МЛ. 1956. 6 мая.

619. МЛ. 1956. 8 августа (в цикле: «Стихи о Юге», под загл.: «Цветы моей земли», с вар.: ст. 27 — «Подари им туапсинских роз цветенье»: ст. 36 — «И над синим морем». — Мол. гв. 1957. № 4). Стих написан под впечатлением пребывания в Туапсе (указано И. В. Живописцевой). См. также № 633.

620. МЛ. 1956. 24 августа. 18 августа 1956 г. газ. «Правда» извещала: «По сообщениям из Шарлеруа (Бельгия) десятый день продолжают спасательные работы на шахте в Марсинеле. До настоящего времени извлечены на поверхность трупы 120 горняков, погибших при катастрофе 8 августа. Судьба 149 шахтеров, находившихся в момент возникновения пожара на глубине 980—1050 метров, еще не известна. Однако, как официально заявлено, почти нет надежды на их спасение. В стволе шахты по-прежнему продолжается пожар, скопления гремучего газа угрожают взрывом».

- 621—623.** МЛ. 1956. 14 октября.
- 624.** МЛ. 1956. 31 октября. Ст-ние посвящено партбилету, который Окуджава, вступивший в КПСС, получил в 1956 г.
- 625.** МЛ. 1956. 2 ноября.
- 626.** МЛ. 1956. 31 декабря.
- 627.** КП. 1957. 1 мая.
- 628.** ЯВС. *Пресню беру. — Красную.* Пресненский район Москвы был опорным в борьбе большевиков за власть в 1917 г. и потому стал называться Краснопресненским.
- 629.** ЛГ. 1959. 29 октября. 12 сентября 1959 г. автоматическая межпланетная станция «Луна-2» достигла поверхности Луны; 4 октября 1959 г. «Луна-3» облетела Луну и сфотографировала ее обратную сторону.
- 630.** ЯВС (с датой: 1959). *Куда же ты, куда же ты?* — ср. с популярной песней на слова Д. Бедного «Проводы» (1918), с той же рифмующейся парой «куда ты» — «солдаты».
- 631.** МК. 1960. 27 марта (под загл.: «Начало»). — Лит. Грузия. 1961. № 6.
- 632.** МК. 1960. 15 сентября (под загл.: «Ласточка нового дня»). — ЛГ 1990. 2 мая (с авторским примеч.: «Через несколько лет после окончания войны я написал маленькое стихотворение, которое не включал в свои книги, так как его пацифистский пафос был неприемлем»). Датируется по первой публ.
- 633.** МК. 1960. 15 сентября.
- 634.** Сов. библ. 1990. № 1 (под рубрикой: «Из неопубликованного»). В ЯВС датируется: 1962.
- 635.** ДП (М). 1960. По воспоминаниям В. Цыбина, «Стихи хотели петься, но еще не пелись <...>. Но Я. Смеляков смело угадал поэта в интонационном разломе стиха...» (Цыбин В. Удивлensия. М., 1991. С. 336—337). *Всматриваясь из-под руки* — автоцитата (см. № 48 и 178).
- 636.** ЯВС (с датой: январь—февраль 1960). Ж. *Болотова* — см. примеч. 138.
- 637.** Аврора. 1988. № 4 (с датой: 1957—1961). В ЯВС датируется: 1961.
- 638.** ЛГ. 1961. 1 января.

639. ЛГ. 1961. 16 февраля. Лумумба Патрис Эмеру (1925—1961) — первый премьер-министр независимой республики Конго (июнь—сентябрь 1960), отстраненный от власти и убитый (вплоть до его гибели в Советском Союзе проходила бурная идеологическая кампания в защиту Лумумбы, а после его смерти — с требованием наказания убийц).

640. Звезда Вост. 1967. № 3. Датируется по упоминанию о чтении на вечере во Дворце искусств в Ленинграде в 1961 г.

642. ЯВС (с датой: 1961). Датируется по высказыванию Окуджавы об исторических переменах конца 1950 — начала 1960-х гг. «...подъем сменился упадком и очень быстрым. Окончательный удар я почувствовал в 61—62-м году, когда пошли гонения на интеллигенцию. Тогда все надежды рухнули, и я, помню, написал песенку: "Сладко спится на майской заре..."» (Смена (М). 1990. № 3. С. 18).

642. Мол. гв. 1962. № 11.

643. Щуровский Ю. Пісні. Київ, 1976. — Капли. Исполн. в кинофильме «Трое суток после бессмертия» (1963).

644. Избранные песни из советских кинофильмов. М., 1964 (под загл.: «На причале»). — Капли. Исполн. в кинофильме «Цепная реакция» (1963).

645. «Слушай, Ленинград, я тебе спою...»: Песни о Ленинграде. Л., 1969. Исполн. в кинофильме «Возвращенная музыка» (1964). Положено на музыку В. Чистяковым.

646. Юность. 1964. № 12.

647. Капли. Исполн. в кинофильме «Возвращенная музыка» (1964). Положено на музыку В. Чистяковым.

648. Юность. 1966. № 7. Согласно принятой в советские времена установке о пропаганде культуры в массах, поэты нередко выступали с чтением стихов на заводах, в обеденный перерыв. *Покуда правды жаждет рог людской* — парафраз известных стихов «Интернационала». *Встань во весь рост...* — аллюзия на загл. поэмы В. Маяковского «Во весь голос».

649. Знамя. 1995. № 2.

650—651. Звезда Вост. 1967. № 3.

652. Юность. 1967. № 4. Интерпретацию паст. текста см.: Жолковский А. К., Щеглов Ю. К. Работы по поэтике выразительности. М., 1996. С. 83, 84.

653. ДП (М). 1967 (под загл.: «личное дело»; с вар. наименования персонажей: «официант Иван Афанасьевич» и «шеф-повар Антон Андрияныч»; вар. в ст. 5: «ненавидит всякую снедь»; в ст. 6: «да ржаного хлеба кусочек»; в ст. 8: «И готовит ему разносолы»; в ст. 13: «Майор товарищ Сергеев»; в ст. 21: «в медную грудь»; ст. 22: «Разевают ротки розовые, чтоб крикнуть трубно»; после ст. 24 еще одна строфа: «О, нет ничего, чего бы любой не смог. Все отдается родине: душа и тело. И все эти люди прекрасны, да и сам я прекрасен как бог... Что до вышеизложенного — это наше личное дело»). — Стрелец. 1987. № 1 (с ред. примеч. о том, что публ. впервые).

654. Капли. Частично вошло в текст музыкально-драматической поэмы А. Колкера «Жар-птица» (клавир: Л., 1980. С 9—13). Исполн. в кинофильме «Расскажи мне о себе» (1972). Положено на музыку И. Шварцем.

655. Капли. Исполн. в кинофильме «Капитан» (1973).

656. ЛГ. 1974. 21 августа (с авторским примеч.: «...в этом приполярном городе жил мой товарищ, актер Евгений Урбанский»). *Урбанский Евгений Яковлевич (1932—1965)* — киноактер.

657. Капли. Исполн. в кинофильме «Последняя жертва» (1976). Положено на музыку И. Шварцем.

658. Знамя. 1997. № 1.

659. Столица. 1994. № 19. Ф. *Искандер* — см. примеч. 313.

660. ЛГ. 1995. 29 марта.

661. Знамя. 1997. № 1.

662. Аксенов В. Остров Крым. Ardis: Ann Arbor, 1981. С. 121. — Слово. 1990. № 1 (с датой: 1980). Датируется на основании того, что в «Острове Крым» В. Аксенова, написанном в 1977—1979 гг., о наст. тексте говорится: «...еще недавно пели». *Неизвестный Эрнст Иосифович (р. 1925)* — скульптор. *Васильев Ю. И.* — см. примеч. 99. *Мессерер Борис Асафович (р. 1933)* — художник.

663. Магазин. 1991. № 2. *Верные сыны* — из ст-ния Ф. Н. Глинки «Военная песнь» (1812).

664. Др. народов. 1983. № 3 (с вар. в ст. 1: «Внезапно сдал мороз»). — Знамя. 1997. № 1.

665. Огонек. 1988. № 19 (с вар. ст. 1: «Слишком много всяких пушек, всяких танков и гранат»; в ст. 4: «ледяную водку пьют»). — Знамя. 1997. № 1. С. 7).

666. Знамя. 1997. № 1. «Лефоше» — тип дуэльного пистолета. Спас на Песках — церковь Спаса Преображения в Спасопесковском пер. (вблизи Арбата).

667—669. Аврора. 1984. № 9.

670. ЛГ. 1997. 21 июля (дарственная надпись А. Кушнеру на кн. «Избранное»). А. С. Кушнер — см. примеч. 427. А. Вологин — см. № 434.

671. Капли. Исполн. в кинофильме «Капитан Фракасс». Луара — река на юге Франции.

672. МК. 1985. 31 марта. — Аврора. 1985. № 12.

673. Юность. 1986. № 1 (с опечаткой в ст. 1: чердымское). Умнов Григорий Романович — журналист, краевед. Жерех — хищная рыба семейства карповых. Чердынъ — город в Пермской обл.

674. Стрелец. 1987. № 1 (с ред. примеч. о первом исполн. в 1985 г. в московском Доме художника). — Магазин. 1991. Вып. 1.

675. Библиография. 1994. № 2.

676. Даугава. 1986. № 7. Автокомментарий Окуджавы: «Когда-то, тридцать лет назад, я написал "Песенку о Ваньке Морозове". И сейчас написал ее снова — в другом плане, в другом ключе» (Даугава. 1986. № 7. С. 100).

677. Др. народов. 1988. № 1. Дядя — Александр, Владимир, Михаил и Николай Степановичи.

678. Нов. мир. 1988. № 2.

679. Знамя. 1997. № 1.

680. Правда. 1988. 23 сентября (с автокомментарием: «Я написал такие четыре строчки, просто для себя самого»).

681. Юность. 1988. № 9. — Труд. 1993. 30 января. Сретенка — см. примеч. 446.

682. Юность. 1988. № 9.

683. Огонек. 1989. № 35.

684. МП. 1990. 27 февраля (без загл.). — Апрель. 1991. Вып. 3.

685. Апрель. 1991. Вып. 3. — Лит. обоз. 1994. № 5/6 (в тексте интервью, только 3-я строфа, с вар. в ст. 9: «Нам нужен шок, прямой и верный»; в ст. 12: «кружит над нашей головой»). Печ. по первой публ. Корнилов Владимир Николаевич (р. 1928) — поэт,

прозаик, переводчик.

686. Юность. 1990. № 4. — ЛГ. 1990. 2 мая (только 2-я строфа). Печ. по первой публ.

687. Рус. мысль. 1990. 26 октября (под загл.: «Скалозуб» и посвящ.: «Посвящается генералу М.»). — Труд. 1993. 11 марта. Скалозуб — персонаж комедии А. Грибоедова «Горе от ума». Генерал М. — возможно, генерал-полковник Альберт Михайлович Макашов (р. 1938), с 1989 г. — народный депутат СССР, известный шовинистическими взглядами. 12 октября 1990 г. происходил суд над Смирновым-Осташвили, устроившим фашистскую акцию в московском Доме писателя.

688. Знамя. 1997. № 1.

689. Веч. Москва. 1991. 4 февраля. *Рагость сретенских годов* — см. примеч. 446.

690. ЛГ. 1991. 27 ноября. *Куртуазные маньеристы* — литературная группа («Орден»): Вадим Степанцов, Константэн Григорьев, Дмитрий Быков, Андрей Добрынин, Виктор Пеленягрэ; выпустили два коллективных сб.: «Волшебный яд любви» (М., 1989) и «Любимый сад принцессы Грэзы» (М., 1992). См. ст-ние Д. Быкова «Мост» с упоминанием Окуджавы: Кардиограмма: Стихи поэтов литературного кабаре. М., 1991. С. 21. *Как он слова и слезы роняет на ходу* — ср.: «Давай ронять слова, Как сад — янтарь и cedру...» (Б. Пастернак, 1922).

691. Звезда. 1993. № 1.

692. Знамя. 1995. № 2. Разнообразные проявления фашизма в Москве в первой половине 1992 г. вызвали многочисленные антифашистские митинги, самым крупным из которых явился митинг общественного движения «Демократическая Россия» под лозунгом «Фашизм не пройдет» 29 июня (Современная политическая история России: В 2 т. М., 1997—1998. Т. 1. С. 388—476). *Гол со смыком* — популярная в люмпенской среде песня. *Иртеньев Игорь Моисеевич* (р. 1947) — поэт. Об истории написания Окуджавой наст. ст-ния в ответ на ст-ние Иртеньева «Я шел к Смоленской по Арбату», посвященное Окуджаве, см.: Иртеньев И. «...Он оказался Окуджавой». Б. м.: Дом-музей Булата Окуджавы, <1999>. *И у нас в поезде свет погас* — ср. № 65.

693. Знамя. 1997. № 1.

694. ЛГ. 1993. № 1/2, 13 января. Эпиграф — автоцитата (см. № 147). *Конвент* — высший законодательный и исполнительный орган Первой французской республики (1792—1795).

695—696. ЛГ. 1993. 10 февраля.

697. ЛиФ. 1993. № 13, апрель (без ст. 1 — 3). — Лит. нов. 1993. № 30/31, апрель. В ответ на решение VIII съезда народных депутатов отрешить президента России Б. Ельцина от власти, он выступил 20 марта по телевидению с объявлением о назначении на 25 апреля всероссийского референдума о доверии себе; Верховный Совет 21 марта расценил это выступление Ельцина как попытку государственного переворота; 26 марта собрался внеочередной IX съезд народных депутатов (Современная политическая история России: В 2 т. М., 1997—1998. Т. 1. С. 591—614). *Хасбулатов* Руслан Имранович (р. 1942) — экономист; с октября 1991 г. — Председатель Верховного Совета РСФСР (в октябре 1993 г. возглавит сопротивление Съезда народных депутатов и Верховного Совета президентскому указу об их роспуске).

698. Лит. нов. 1993. № 30/31, апрель. — Лит. обоз. 1994. № 5/6. *Кухарку приставили как-то к рулю* — парафраз интерпретированного советской пропагандой высказывания Ленина в статье «Удержат ли большевики советскую власть?» (1917) о том, что в настоящее время любой чернорабочий и любая кухарка не способны управлять государством, но необходимо привлекать к обучению этому всю бедноту. *Кухаркины дети* — идиома, вошедшая в обиход после циркуляра министра просвещения И. Д. Делянова (1887), ограничившего поступление в гимназии детей кучеров, лакеев, прачек и т. п.

699. Лит. нов. 1993. № 30/31. Апрель. *Хасбулатов* — см. примеч. 697.

700. Рус. курьер. 1993. № 2. — ЛГ-Досье. 1993. № 9/10. По воспоминаниям А. Приставкина, написано во время посещения Германии членами Комиссии по вопросам помилования при Президенте РФ (МК. 1997. 19 июня).

701. МК. 1997. 19 июня. См. примеч. 700.

702. Домовой. 1993. № 3. — ЛГ. 1994. 11 мая. *Оля* — см. примеч. 172.

703. ЛГ. 1994. № 18—19. — Столица. 1994. № 19.

704. ЛГ. 1994. № 10, 9 марта. *Никитин* Сергей Яковлевич (р. 1944) — исполнитель авторских песен. Отзыв Окуджавы о творчестве Никитина см.: Известия. 1985. 27 июля. См. также воспоминания Никитина об Окуджаве: ЛГ. 1997. 21 июля.

705. ОГ. 1997. № 28, 17—23 июля. *Альбац* Евгения Марковна (р. 1958) — журналист, член Комиссии по вопросам помилования при Президенте РФ. По ее воспоминаниям, ст-ние написано на

одном из заседаний Комиссии под впечатлением Окуджавы от рассказа Е. Альбац о пребывании в Италии. *Индульгенция* — папская грамота об отпущении грехов (от лат. *indulgentia*); здесь — аллюзия на занятия Комиссии.

706. ЛГ. 1995. 29 марта. *Нива* Жорж (р. 1935) — филолог-славист, профессор Женевского университета.

707. Нов. мир. 1995. № 7.

708. Известия. 1995. 19 августа. Под редакционной заметкой об эмигрировавшем из России в 1976 г. писателе Анатолии Тихоновиче Гладиле, в связи с 60-летием, «с которым его поздравляет друг по тревожной литературной молодости Булат Окуджава». *Помыслы чисты* — см. примеч. 183.

709. Труд. 1995. 13—19 октября.

710. Знамя. 1997. № 1.

711—712. Знамя. 1997. № 1.

713. МК. 1997. 19 июня. А. Разгон был членом Комиссии по вопросам помилования при Президенте РФ. Об истории создания наст. текста рассказал при его публ. председатель комиссии А. Приставкин: «Был случай, когда на заседании на Помилование пришел Лев Разгон и пожаловался, что жмет сердце. Я предложил рюмку, он согласился. Тут же сидящий напротив Булат выдал четверостишие <...>. — Ну, можно и две, — отреагировал сразу я и принес Разгону еще одну рюмку, которую он аппетитно проглотил. А затем последовали новые во мгновение возникшие стихи <...>. — Почему же “никогда”, — тут я как бы в шутку возмутился и сбегал, принес третью <...>. Эти стихи он так назвал “Происшествие с А. Разгоном”». См. также № 556.

714. Нов. газ. 1996. 8 апреля (с вар. в загл.: «...Дому»). — Лит. обоз. 1998. № 3 (факсимиле автографа). Текст записан в альбом Музея кукол, организованного и возглавляемого О. В. Окуджавой.

715—718. Знамя. 1997. № 1.

719. Знамя. 1997. № 1. *И немец, застреленный Ленкой...* и далее — аллюзия на № 43.

720—721. Знамя. 1997. № 1.

722. Вечерний клуб. 1997. 9 января. Посвящ. основанию 1 января 1997 г. телескомпании REN-TV.

723. Лит. обоз. 1998. № 3 (факсимиле автографа). «...послед-

нее, написанное Окуджавой на родине» (перед отъездом за границу, где Окуджава скончался.) (Лит. обоз. 1998. № 3. С. 5).

724. Рус. мысль. 1997. 19—25 июня. Федотов Михаил Александрович (р. 1949) — посол России во Франции, в семье которого Окуджава жил во время своего последнего пребывания за границей, накануне кончины. В 1992 г. Федотов был одним из представителей Президента РФ в Конституционном суде на процессе о конституционности указов Президента о запрете деятельности КПСС и КПРФ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

- «А вот Резо — король марионеток...» 519
А годы уходят, уходят... 566
«А месяц тонкий-тонкий...» 172
«А мы с тобой, брат, из пехоты...» 348
«А мы швейцару: "Отворите двери!.."» 145
Август в Латвии 449
Автопародия не несуществующие стихи 395
Ад 476
Аисты 235
Александр Сергеевич 294
Американская фантазия 468
Ангелы 133
«Анкара, Анкара!..» 259
«Антон Палыч Чехов однажды заметил...» 361
Апрель 119
«Арбат беру с собою — без него я ни на шаг...» 552
«Арбата больше нет: растаял словно свеченька...» 482
Арбатские напевы 391
Арбатский дворик 176
Арбатский романс 318
Арбатское вдохновение, или Воспоминания о детстве 384
Аты-баты шли солдаты 190
«Ах, война, она не год еще протянет...» 188
«Ах, если б знать заранее, заранее, заранее...» 457
«Ах, если бы можно уверенней...» 527
«Ах, Жорж Дантес убил поэта!..» 594
«Ах, оркестры духовые...» 443
«Ах, трубы медные гремят...» 553
«Ах ты, шарик голубой...» 557
«Ах, что-то мне не верится, что я, брат, воевал...» 425
- Баллада о донкихотах 174
Баллада о пшене 563
Батальное полотно 343
Белорусский вокзал 321
«Берегите нас, поэтов, берегите нас...» 206

- Бессмертье 110
«Благородные жены безумных поэтов...» 420
Божественная Суббота, или Стихи о том, как нам с Зиновием
Гердтом в одну из суббот не было куда торопиться 354
Божественное 299
Большая перемена (школьная песенка) 333
Боярышник «Пастушья шпора» 316
Бумажный солдатик 177
«Был Лондон предо мной. А нынче вновь всё то же...» 518
«Былое нельзя воротить, и печалиться не о чем...» 284
«Быстро молодость проходит, дни счастливые крадет...» 372
- В альбом 515
«В арбатском подъезде мне видятся дивные сцены...» 599
В Барабанном переулке 219
«В больнице медленно течет река часов...» 451
«В больничное гляну окно, а там, за окном — Пироговка...» 448
В городском саду 242
«В день рождения подарок преподнес я сам себе...» 415
«В детстве мне встретился как-то кузничик...» 280
В дорогу 534
«В земные страсти вовлеченный...» 447
В карете прошлого 522
В лесу 107
В музее Революции 131
«В нашей жизни, прекрасной, и странной...» 418
«В нашем старом саду, там, где тени густые...» 568
«В саду Нескучном тишина...» 253
«В чаду кварталов городских...» 248
«В юности матушка мне говорила...» 403
Валины экзамены 541
Ванька Морозов 143
«Ваше благородие госпожа разлука...» 311
Вдова 106
«Век двадцатый явился спасателем...» 576
Веселые солдаты 539
Веселый барабанщик 138
Весеннее 531
Весна в октябре. Поэма 90
Весна на Пресне 170
Весна. («Небо синее, как на картинке...») 346
Весна. («Вы думаете, хлынет птиц поток...») 554
«Весь этот век, такой бесплодный...» 479
«Вечера французской песни...» 452
«Взяться за руки не я ли призывал вас, господа?...» 438

«Витя, сыграй на гитаре...» 438
«Власть — администрация, а не божество...» 489
«Внезапно сник мороз, и ртутный столб взлетел...» 571
«Во все века и во все времена...» 540
Вобла 134
Военные портняжки 325
Возвращение 120
«Возражение — не спор...» 520
«Восемнадцатый век из античности...» 447
«Воспитанным кровавою судьбой...» 481
Воспоминание о Дне Победы 439
«Восхищенность вашим сердцем, вашим светом...» 410
«Вот и не стало снега...» 589
«Вот какая-то лошадка бьет копытами в песок...» 574
«Вот какое нынче время...» 517
«Вот комната эта — храни ее Бог!..» 456
«Вот король уехал на войну. Он Москву покинул...» 378
«Вот музыка та, под которую...» 408
«Вот несчастный человек — это видно по всему...» 190
«Вот постарел, и стало холодно, и стало тихо на земле...» 521
«Вот приходит Юлик Ким и смешное напевает...» 503
«Вот странный инструмент для созиданья строчек...» 592
«Вот Тюрингии столица...» 521
«Вот я добираюсь...» 175
«Вот я, убитый, падаю у бережка...» 561
«Впереди идет сержант...» 377
Впечатление 602
Времена 281
«Время идет, хоть шути — не шути...» 195
Время 236
«Вроцлав. Лиловые сумерки...» 460
«Все влюбленные склонны к побегу...» 573
«Всё глуше музыка души...» 417
«Всё забуду про тревогу...» 412
«Всё ты мечешься день-деньской...» 166
«Всё утрясается мало-помалу...» 431
«Вселенский опыт говорит...» 315
«Всему времечко свое: лить дождю, Земле вращаться...» 386
Встреча 287
«Встречали вы счастливых тонущих...» 548
«Всю ночь кричали петухи...» 218
«Вы — армия перед походом...» 491
«Вы говорите про Ливан...» 501
Вывески 272
«Вымирает мое поколение...» 516

Гейне 116
Георгий Саакадзе 266
Гимн уюту 406
Гитара 223
Главная песенка 231
«Глаза — неведомые острова...» 138
«Глаза, словно неба осеннего свод...» 189
«Глас трубы над городами...» 390
Голубой человек 308
Голубой шарик 143
«Гомон площади Петровской...» 416
Гоп со смычком 588
«Горит пламя, не чадит...» 204
Город 199
Гости 532
Грибоедов в Цинандали 288
Грузинская песня 312

«Да здравствует Великий Понедельник!..» 568
«Да, старость. Да, финал. И что винить года?...» 599
«Давайте придумаем деспота...» 366
«Давайте чашу высечем хрустальную...» 512
«Дальний звук городского романса...» 520
«Дама ножек не замочит...» 440
Два великих слова 225
Два силуэта 356
«Два тревожных силуэта...» 587
«Двадцатый век, ты — странный человек!..» 558
«Две женщины плакали горько...» 579
«Две жизни прожить не дано...» 527
Дежурный по апрелю 202
«Держава! Родина! Страна! Отечество и государство!..» 588
Державин 364
Дерзость, или Разговор перед боем 405
«Десять тысяч дорог, и тревог, и морок пережить...» 559
Детская песенка 499
Детский рисунок 307
Детство. («Синело утро. Было рано...») 173
Детство. («Я еду Тифлисом в пролетке...») 433
Джазисты 181
«Дима Бобышев пишет фантазии...» 477
До свидания, мальчики 152
«Дойдя до края озверения...» 594
«Долго гордая упряжка...» 329

- Дом на Мойке 359
 «Дома лучше (что скрывать?)...» 196
 «Допеты все песни. И точка...» 221
 Дорога 166
 «Дорога, слишком дорого берешь...» 267
 Дорожная песня 389
 Дорожная фантазия 294
 «Друзья, не надейтесь на чудо...» 330
 Дунайская фантазия 405
 Душевный разговор с сыном 322
- «Европа пьет водичку из Босфора...» 468
 «Если б можно было тихо умереть...» 514
 «Если сполна надыхаться морским ароматом пряным...» 115
 «Есть "да" и "нет", и не шутя...» 358
 «Есть армия врагов...» 563
 «Есть муки у огня...» 269
 «Есть разные красивые слова...» 165
 «Ехал всадник на коне...» 496
 «Еще в литавры рано бить...» 582
 «Еще ничто не погасло...» 176
 Еще один романс 360
- «Жаркий огонь полыхает в камине...» 403
 Жаркий полдень в Массачусетсе 470
 «Женщины-соседки, бросьте стирку и шитье...» 195
 Жерех 576
 Живописцы 178
 «Живые, вставай-подымайся...» 352
 «Жизнь как будто ничего...» 569
 «Жизнь моя — странствия. Прощай! Пиши!..» 196
 Жизнь охотника 337
 Житель Хевсуретии и белый корабль 299
 Журавли 123
- За Черной речкой 124
 «Заезжий музыкант целуется с трубою...» 340
 Замок надежды 224
 «Затихнет шрапнель, и начнется апрель...» 332
 «Зачем торопится в Сибирь поэт Горбовский?..» 335
 Звезда Голливуда 494
 Звездочет 432
 «Звезды сыплются в густую траву...» 163
 Здравствуй, весна 535
 Здравствуй, жизнь! 116

- «Здравствуй, маленький...» 104
«Земля изрыта вкривь и вкось...» 209
«Зима отмела, отсугробилась...» 109
«Знаком он по песенке старой...» 593
Зной 283
- «...И когда под вечер над тобою...» 182
«...И когда удивительно близко...» 187
«И ты, который так угрюм, и ты, что праздничен. Вы оба...» 480
«Из Австралии Лёва в Москву прилетел...» 464
«Из Вашингтона в назначенный срок...» 452
Из окна вагона 283
«Из окон корочкой несет поджаристой...» 151
Из стихов генерала Опочинина 1812 года 445
Из фронтového дневника 370
Ироническое обращение к генералу 446
Искала прачка клад 149
«История, перечень ей — не перечень...» 512
«Итак, я постарею.... » 161
- «К нам в окна вновь, врываясь, плещет...» 118
«К небу поднимающиеся городские строения...» 556
К потомкам 596
«К старости косточки стали болеть...» 455
Кабинеты моих друзей 347
«Кабы ведать о том, кабы знать...» 480
«Как время беспощадно...» 369
«Как испортилась погода!..» 570
«Как мне нравится по Пятницкой в машине проезжать!..» 440
Как научиться рисовать 275
«Как наш двор ни обижали — он в классической поре...» 398
«Как разбитая белая армия...» 270
«Как случилось — не заметила сама...» 559
«Как улыбается юный флейтист...» 528
«Как хорошо, что Зворыкин уехал...» 374
Как я сидел в кресле царя 230
«Какая глупая игра...» 555
«Калифорния в цвету. Белый храм в зеленом парке...» 478
Калужская фантазия 472
«Канадский берег под моим крылом...» 380
Канли Датского короля 276
Каравай 193
«Карандаш желает истину...» 328
Картли 114
«Клубничины сорваны с грядки...» 444

- «Когда вам стукнет шестьдесят...» 573
«Когда затихают оркестры Земли...» 301
«Когда известный русский царь в своей поддевочке короткой...»
327
«Когда мы уходим...» 170
«Когда начинается речь, что пропала духовность...» 488
«Кого бояться и чего стесняться?...» 572
«Коллективное дитя...» 562
Колокол 159
Колумбы 168
Колыбельная 217
Кольцо 158
«Конечно, я во многом виноват...» 591
«Корабль нашей жизни приближается к пристани...» 481
Король 139
Красные цветы 238
Красный клен 469
«Красный снегирь на июньском суку...» 376
«Красотки томный взор...» 402
Краткая автобиография 441
«Куда вы подевали моего щегла?...» 164
Кукольному дому 598
Куртуазным маньеристам 587
«Кухарку приставили как-то к рулю...» 591
Кухня 453
- «Ласточка, звонкая птица...» 357
Левкои 262
Ленин 102
Ленинград 574
Ленинградская музыка 227
Ленинградская элегия 252
«Лес таинственный...» 126
Летний сад 171
«Летняя бабочка вдруг закружилась над лампой полночной...» 382
Лето 157
«Лечу над картою судьбы...» 581
«Листва багряная — осенние цветы...» 121
«Лицо у завистника серое с желтым оттенком...» 513
Лунин в Забайкалье 352
«Лучше безумствовать в черной тоске...» 519
«Любовь, любовь — такое государство...» 271
- «Магическое "два". Его высоты...» 193
Маленькая женщина 556

«Малиновка свистнет и тут же замрет...» 515
Манхэттен 494
Марсинель 547
Март великодушный 237
Марусенька 493
Марфа 160
Мастер Гриша 314
«Матушки Нонна и Анна...» 506
«Мгновенна нашей жизни повесть...» 516
«Мгновенно слово. Короток век...» 279
Медсестра Мария 144
«Меня удручают размеры страны проживания...» 511
«Мерзляковский переулочек...» 492
«Мимо кладбища едет купец молодой...» 489
«Мне всё известно. Я устал всё знать...» 454
«Мне не в радость этот номер...» 418
«Мне не нравится мой силуэт...» 478
«Мне не хочется писать...» 442
«Мне нравится то, что в отдельном...» 461
«Мне нужно на кого-нибудь молиться...» 183
«Мне русские милы из давней прозы...» 518
Мнение пана Ольбрыхского 497
«Много ли нужно человеку...» 155
Мое поколение. («Октябрь. Петроград, возбужденный,
осенний...») 530
Мое поколение. («Всего на одно лишь мгновенье...») 433
Мои дядя 580
«Мой брат по перьям и бумаге...» 455
«Мой город засыпает. А мне-то что с того?...» 298
«Мой дом под крышей черепичной...» 482
Мой карандашный портрет 224
«Мой мальчик, нанося обиды...» 154
Мой отец 427
Мой почтальон 412
Молитва 240
«Мореходы бедуют...» 122
Московский муравей 200
«Моя жена уже давно...» 586
Моя Франция 89
Музыка 232
Музыкант 398
«Мы едем на дачу к Володе...» 331
«Мы приедем туда, приедем...» 237
«Мы — романтики старой закалки...» 503
«Мы стоим — крестами руки...» 185

«Мы стоим с тобой в обнимку возле Сены...» 377

«На арбатском дворе — и веселье и смех...» 192

На берегу Великого Океана 317

«На митинге народных депутатов...» 590

«На мне костюмчик серый-серый...» 195

На поле брани 586

«На полотне у Аллы Беляковой...» 435

«На полянке разминаются оркестры духовые...» 424

«На почве страха и тоски...» 511

На рассвете 156

На смерть Бориса Балтера 346

«На Сретенке ночной...» 582

«На странную музыку сумрак горазд...» 473

На Тверском бульваре 127

«На углу у гастронома...» 333

«На улице моей беды стоит ненастная погода...» 495

На эмигрантские темы 571

«Над глубиной бездонных вод...» 428

«Над площадью базарною...» 425

«Над синей улицей портовой...» 145

«Надежда, белою рукою...» 254

«Надежды крашенная дверь...» 454

Надпись на камне 393

Назидание автомобильным лихачам 595

«Насколько мудрее законы, чем мы, брат, с тобою!..» 507

Настольные лампы 392

«Настоящих людей так немного!..» 126

«Нацеленный глаз одинокого лося...» 234

«Наша жизнь — это зал ожидания...» 480

«Нашему дикому обществу нужен тиран во главе?..» 490

«Не бродяги, не пропойцы...» 142

«Не будем хвастаться, что праведно живём...» 570

«Не в сафьяновом переплете...» 549

«Не вели, старшина, чтоб была тишина...» 149

«Не верь войне, мальчишка...» 189

«Не верю в Бога и в судьбу, молюсь прекрасному и высшему...» 248

«Не каждому поэту удача выпадает...» 459

«Не обязательны пуля и кнут...» 509

«Не пробуй этот мед: в нем ложка дегтя...» 196

«Не слишком-то изыскан вид за окнами...» 368

«Не сольются никогда зимы долгие и лета...» 410

«Не уезжай, жена моя, в леса...» 473

«Не успел на жизнь обидеться...» 449

- «Нева Петровна, возле вас — всё львы...» 137
«Неистов и упрямя...» 191
«Немоты нахлебавшись без меры...» 330
«Непокорная голубая волна...» 224
Несчастье 474
«Нет, не от гриппа или умопомрачения...» 490
«Ничего, что поздняя поверка...» 517
Но Африка встает! 558
Новая Англия 479
Новое утро 141
Ночной разговор 233
«Ночь белая. Спят взрослые, как дети...» 161
Ночь после войны 108
Ночь прощания с летом 115
«Ну чем тебе потрафить, мой кузничек?...» 411
«Ну что, генералиссимус прекрасный...» 386
«Нужны ли гусару сомненья...» 396
«Нынче я живу отшельником...» 514
Нянька 450
- О Володе Высоцком 383
О дроздах 304
О кузничиках 201
О мелочах 533
«О фантазии на темы...» 375
«О чем ты успел передумать, отец расстрелянный мой...» 141
«О чем ты, Тинатин?...» 268
Обольщение 515
«Обсуждали донос и стукачество...» 592
Одна морковь с заброшенного огорода 278
Окончание работы 574
Оловянный солдатик моего сына 273
«Он, наконец, явился в дом...» 320
«Оркестр играет боевые марши...» 374
Осень. («По Калуге море ярких листьев...») 538
Осень в Кахетии 200
Осень в Царском Селе 247
«Осень ранняя. Падают листья...» 253
«Осудите сначала себя самого...» 585
«От безумного гриба...» 582
«От войны войны не ищут...» 428
«От нервов ли, от напряженья...» 435
«От стужи, от метелей и от выюг...» 521
Отечество мое 557
Отрада 207

«Отчего ты печален, художник...» 441
Отъезд 509
«Официант Иван Николаевич ненавидит посуды звон...» 565

Памяти Алеся Адамовича 510
Памяти Бориса Чичибабина 513
Памяти брата моего Гиви 404
Памяти Льва Гинзбурга 385
Памяти Обуховой 419
«Париж для того, чтоб ходить по нему...» 459
Парижская фантазия 397
«Пароход попрашивается басом...» 137
Первый гвоздь 564
Первый день на передовой 135
«Первый звонок, первый звонок, первый звонок дан...» 550
Перед витриной 513
Перед телевизором 572
«Переулоч Божественным...» 444
Песенка. («На пригорке стояла усадебка...») 583
Песенка. («Совесть, благородство и достоинство...») 430
Песенка Белле 408
Песенка веселого солдата 206
Песенка Жени Альбац 593
Песенка кавалергарда 353
Песенка корниловца 491
«Песенка короткая как жизнь сама...» 324
Песенка Льва Разгона 505
Песенка о белой крови 210
Песенка о белых дворниках 256
Песенка о дальней дороге 309
Песенка о комсомольской богине 150
Песенка о моей душе 205
Песенка о моей жизни 204
Песенка о молодом гусаре 399
Песенка о московских ополченцах 323
Песенка о московском метро 204
Песенка о московском трамвае 319
Песенка о Моцарте 315
Песенка о народном депутате 589
Песенка о ночной Москве 244
Песенка о петухах 559
Песенка о пехоте 220
Песенка о присяге 153
Песенка о Сокольниках 255
Песенка о Фонтанке 194

Песенка о художнике Пиросмани 274
Песенка об Арбате 177
Песенка об открытой двери 191
Песенка про дураков 205
Песенка про маляров 249
Песенка про море 566
Песенка про старого гусака 314
Песенка про Черного кота 153
Песня красноармейца 345
Песня о солдатских сапогах 142
Песня об Инте 567
Пешеходов родословное древо 258
Пиратская лирическая 361
Письма 111
Письмо Антокольскому 245
Письмо к маме 423
«Пишу роман. Тетрадка в клеточку...» 463
«Плывут дома, как корабли, из дальних стран...» 560
«Плыл троллейбус по улице...» 190
«По Грузинскому валу воинственно ставя носок...» 437
«По какой реке твой корабль плывет...» 434
«По Польше елочки бегут. Над Польшей птицы пролетают...» 486
По Смоленской дороге 203
«По утрам за колхозною площадью...» 197
«Поверившие в сны крамольные...» 519
«Поверь мне, Агнешка, грядут перемены...» 527
«Погода что-то портится...» 527
Под знаменами майскими 535
«Под копытами снег голубой примят...» 507
«Под крики толпы угрожающей...» 471
«Под Мамонтовкой жгут костры...» 400
Подмосковная фантазия 488
Подмосковье. («Март намечается. Слезою со щеки...») 128
Подмосковье. («Подмосковье, подмосковье...») 132
Пожелание друзьям 354
«Поздравьте меня, дорогая: я рад, что остался в живых...» 408
«Пока еще жизнь не погасла...» 458
«Пока он писал о России...» 505
«Пока от вранья не отвыкнем...» 484
«Покуда на экране куражится Сосо...» 528
Полдень в деревне (поэма) 387
«Полжизни промчалось в походах...» 102
Полночный троллейбус 140
«Полночь над Босфором. Время тишины...» 465
Поминальная 382

- «Понедельник, после вторник...» 378
«Пора уже не огорчаться...» 484
Посвящается генералу М. 585
Послание литераторам 584
«После дождичка небеса просторны...» 423
После посещения немецкой тюрьмы 591
Послевоенное танго 344
Последний мангал 241
Последний пират 300
Посредник 105
«Почему мы исчезаем...» 414
«Почему я в этом доме...» 575
Поэзия в столовке заводской 562
«Поэтов травили, ловили...» 208
Приезжая семья фотографируется у памятника Пушкину 336
«Прикатить на берег крымский и на Турцию глядеть...» 467
Примета 401
«Приносит письма писмоносец...» 436
«Пробралась в нашу жизнь клевета...» 303
Проводы у военкомата 369
Проводы юнкеров 320
Прогулки фрайеров 394
«Продолжается музыка возле меня...» 264
Происшествие с Л. Разгоном 597
«Проснется ворон молодой...» 480
«Прощайте, стихи, ваши строки и ваши намеки, и струны...» 460
Прощальная песенка волковских актеров 476
Прощание с новогодней елкой 297
Прощание с осенью 277
Прощание с Польшей 297
«Пускай твердят иные остряки...» 561
Путешествие в памяти 311
Путешествие по ночной Варшаве в дрожках 313
Пятак 164
- Работа 421
«Раз и два...» 482
«Разве лев — царь зверей? Человек — царь зверей...» 326
Разговор по душам 552
Разговор с рекой Курой 265
«Разлюбила меня женщина и ушла не спеша...» 323
Рай. («Туапсинский дворик...») 555
Рай. («Я в раю, где уют и улыбки...») 497
«Раскрываю страницы ладоней...» 178
«Распахнуты дома. Безмолвны этажи...» 426

- «Ребята, нас вновь обманули...» 464
Речитатив 336
«Решайте, решайте, решайте...» 327
«Римская империя времени упадка...» 362
«Рифмы, милые мои...» 180
Родина. («Говоришь ты мне слово покоя...») 179
Родина. («С войной мы стали вдруг взрослее...») 537
«Роза сентябрьская из Подмосковья...» 600
Романс. («В Иерусалиме первый снег...») 502
Романс. («Не предвкушай счастливых дней...») 596
Романс. («Стала чаще и чаще являться ко мне...») 583
Руиспири 289
«Русского романса городского...» 493
- «С каждым часом мы старше...» 375
«С последней каланчи, в Сокольниках стоящей...» 430
Сапожник 148
Свадебное фото 517
Свет в окне на улице Вахшуты 250
Сентиментальный марш 135
Сентябрь 364
Сердце скажет 113
«Сестра моя прекрасная, Натела...» 348
«Сижу на опушке лесной...» 443
«Силуэт мой будничный хмурится, сутулится...» 520
Синька 187
Сказка 156
«Сколько сделано руками удивительных красот!...» 413
«Скрипят на новый лад все перья золотые...» 326
«Славная компания... Что же мне решить?...» 477
«Сладкое бремя, глядишь, обернется копейкою...» 504
«Слишком часто простор голубого экрана...» 601
«Слово бурь не предвещало — было пламенным сначала...» 486
«Смилуйся, быстрое время...» 481
«Снится или не снится?...» 167
«Со скоростью сто сорок километров...» 506
«Со стариками-атаманами...» 571
Собачка 577
«Собрались молокане...» 484
«Собрался к маме — умерла...» 399
«Соединение сердец...» 357
«Солнышко сияет, музыка играет...» 363
«Сочиняет плов Мазлум из баранины и риса...» 465
«Среди стерни и незабудок...» 332
«Сталин Пушкина листал...» 380

- «Становлюсь сентиментальным...» 483
«Старики умирать не боятся...» 426
Старинная солдатская песня 344
Старинная студенческая песня 310
Старый дом. («Дом предназначен на слом. Извините...») 251
Старый дом. («Пятится он, к переулку лепится...») 226
Старый король 222
Старый пиджак 201
Старый причал 560
Старый флейтист 324
Стихи без названия 228
Стихи, являющиеся кратким руководством для пользования пугачом 221
«Стихло в улицах вранье...» 182
«Сто раз закат краснел, рассвет синел...» 147
«Стоит задремать немного...» 366
«Стоят леса, опутаны...» 112
«Строитель, возведи мне дом...» 286
«Строка из старого стиха слывет настоящей...» 414
Счастливчик Пушкин 302
Считалочка для Беллы 341
Сыну 261
«Сыпь, вечер, звезды...» 162
- Тамань 147
Таможенное 508
Тбилиси 285
Твои глаза 536
«Тель-авивские харчевни...» 502
«Теперь уж снегб не оставят...» 500
Тиль Уленшпигель 301
«То падая, то снова нарастая...» 274
Трамвай 305
Три сестры 184
Турецкая фантазия 466
«Тучи — на небо, звезды умерли...» 549
«Тщеславие нас всех подогревает...» 511
«Ты в чем виновата?...» 162
«Ты веди нас по жизни строго...» 121
«Ты, живущий вне наших сомнений и драм...» 467
«Ты падаешь навзничь, без сил...» 307
«Ты — мальчик мой, мой белый свет...» 270
«Тьмою здесь всё занавешено...» 203
«Тянется жизни моей карнавал...» 496

- У городской елки 551
«У поэта соперников нету...» 419
«У Спаса на Кружке забыто наше детство...» 371
«Убили моего отца...» 367
«Украшение жизни моей...» 519
Улица моей любви 257
«Умереть — тоже надо уметь...» 295
«Уроки пальбы бесполезны...» 598
Утро в Тбилиси 169
Утро. («Погас на Масловке фонарь...») 401
- Фотографии друзей 281
Фрески 242
- «Ходьба — длинноногое чудо дорог...» 185
«Хороша она или плоха...» 599
«Хочу воскресить своих предков...» 429
Храмули 240
«Хрипят призывом к схватке глотки...» 584
- Цвет любви 551
Цирк 293
- Чаепитие на Арбате 349
Чаепитье. («Начинается чаепитье...») 197
«Часики бьют так задумчиво...» 379
Часики 323
«Часовые любви на Смоленской стоят...» 151
Человек 164
«Человек стремится в простоту...» 284
«Через два поколения выйдут на свет...» 528
Черный «мессер» 219
«Черный ворон сквозь белое облако глянет...» 422
Четыре года 319
Четыре сына 211
«Читаю мемуары разных лиц...» 413
«Что было, то было. Минувшее не оживает...» 600
«Что есть полоски бересты...» 504
«Что жизнь прекрасней смерти — аксиома...» 600
«Что им нужно для комфорта?...» 601
«Что нужно муравью, когда он голоден?...» 509
«Что происходит под нашими крышами...» 487
«Что проку быть в миру загробном...» 590
Что этот мир без нас, без вместе взятых? 595
«Что-то знает Шура Лифшиц...» 434
«Что-то сыночек мой уединением стал тяготиться...» 475
«Чувств нижайших выражение...» 548

- «Чувство меры и чувство ответственности...» 501
«Чувство собственного достоинства — вот загадочный инструмент...» 458
«Чувствую: пора прощаться...» 371
Чудесный вальс 217
- «Шарманка старая крутилась...» 365
Шарманка-шарлатанка 208
Шестидесятники Варшавы 483
«Шестидесятники развенчивать усатого должны...» 457
«"Шибко грамотным" в обществе нашем...» 529
«Шла война к тому Берлину...» 210
«Шла девушка тропинкою лесной...» 123
Шмель в Массачусетсе 495
- «Эта женщина такая...» 186
«Эта женщина! Увижу и немею...» 188
Эта комната 246
«Это случится, случится...» 554
- «Я в Кельне живу. Возле Копелева...» 498
«Я вам описываю жизнь свою, и больше никакую...» 462
«Я вас обманывать не буду...» 329
«Я вновь повстречался с Надеждой — приятная встреча...» 359
«Я — враг весенней суеты...» 592
Я встречаю гостей 546
«Я выдумал музу Иронии...» 409
«Я горой за сюжетную прозу...» 379
«Я дарю тебе к светлому празднику множество...» 305
«Я жалею собак с нашей улицы...» 332
«Я живу в ожидании краха...» 380
«Я люблю! Да, люблю! Без любви я совсем одинок...» 597
«"Я маленький, горло в ангине"...» 373
«Я никогда не витал, не витал...» 233
«Я обнимаю всех живых...» 529
Я пишу исторический роман 354
«Я рад бы был покоем восхититься...» 463
«Я умел не обольщаться...» 409
«Я ухожу от пули, делаю отчаянный рывок...» 146
Январь в Одессе 306
Японская фантазия 471

СОДЕРЖАНИЕ

- О природе вещей. *Вступительная статья Л. Дубшана* 5
Слеза барабанщика. *Вступительная статья В. Н. Сажина* .. 56

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПЯТИДЕСЯТЫЕ

1. Моя Франция 89
2. Весна в октябре. Поэма 90
3. «Полжизни промчалось в походах...» 102
4. Ленин 102
5. «Здравствуй, маленький...» 104
6. Посредник 105
7. Вдова 106
8. В лесу 107
9. Ночь после войны 108
10. «Зима отмела, отсугробилась...» 109
11. Бессмертье 110
12. Письма 111
13. «Стоят леса, опутаны...» 112
14. Сердце скажет 113
15. Картли 114
16. «Если сполна надыхаться морским ароматом
пряным...» 115
17. Ночь прощания с летом 115
18. Гейне 116
19. Здравствуй, жизнь! 116
20. «К нам в окна вновь, врываясь, плещет...» 118
21. Апрель 119
22. Возвращение 120
23. «Листва багряная — осенние цветы...» 121
24. «Ты веди нас по жизни строго...» 121
25. «Мореходы бедуют...» 122
26. «Шла девушка тропинкою лесной...» 123
27. Журавли 123

28. За Черной речкой	124
29. «Настоящих людей так немного!..»	126
30. «Лес таинственный...»	126
31. На Тверском бульваре	127
32. Подмосковье. («Март намечается. Слезою со щеки...»)	128
33. В музее Революции	131
34. Подмосковье. («Подмосковье, подмосковье...»)	132
35. Ангелы	133
36. Вобла	134
37. Сентиментальный марш	135
38. Первый день на передовой	135
39. «Пароход пощается басом...»	137
40. «Нева Петровна, возле вас — всё львы...»	137
41. «Глаза — неведомые острова...»	138
42. Веселый барабанщик	138
43. Король	139
44. Полночный троллейбус	140
45. «О чем ты успел передумать, отец расстрелянный мой...»	141
46. Новое утро	141
47. «Не бродяги, не пропойцы...»	142
48. Песня о солдатских сапогах	142
49. Голубой шарик	143
50. Ванька Морозов	143
51. Медсестра Мария	144
52. «Над синей улицей портовой...»	145
53. «А мы швейцару: «Отворите двери!..»	145
54. «Я уйду от пули, делаю отчаянный рывок...»	146
55. Тамань	147
56. «Сто раз закат краснел, рассвет синел...»	147
57. Сапожник	148
58. «Не веди, старшина, чтоб была тишина...»	149
59. Искала прачка клад	149
60. Песенка о комсомольской богине	150
61. «Часовые любви на Смоленской стоят...»	151
62. «Из окон корочкой несет поджаристой...»	151
63. До свидания, мальчики	152
64. Песенка о присяге	153
65. Песенка про Черного кота	153
66. «Мой мальчик, нанося обиды...»	154
67. «Много ли нужно человеку...»	155
68. Сказка	156
69. На рассвете	156
70. Лето	157
71. Кольцо	158

72. Колокол	159
73. Марфа	160
74. «Итак, я постарею...»	161
75. «Ночь белая. Спят взрослые, как дети...»	161
76. «Сыпь, вечер, звезды...»	162
77. «Ты в чем виновата?...»	162
78. «Звезды сыплются в густую траву...»	163
79. Пятак	164
80. «Куда вы подевали моего щегла?...»	164
81. Человек	164
82. «Есть разные красивые слова...»	165
83. Дорога	166
84. «Всё ты мечешься день-деньской...»	166
85. «Снится или не снится?...»	167
86. Колумбы	168
87. Утро в Тбилиси	169
88. «Когда мы уходим...»	170
89. Весна на Пресне	170
90. Летний сад	171
91. «А месяц тонкий-тонкий...»	172
92. Детство. («Синело утро. Было рано...»)	173
93. Баллада о донкихотах	174
94. «Вот я добираюсь...»	175
95. «Еще ничто не погасло...»	176
96. Арбатский дворик	176
97. Бумажный солдатик	177
98. Песенка об Арбате	177
99. Живописцы	178
100. «Раскрываю страницы ладоней...»	178
101. Родина. («Говоришь ты мне слово покоя...»)	179
102. «Рифмы, милые мои...»	180
103. Джазисты	181
104. «...И когда под вечер над тобою...»	182
105. «Стихло в улицах вранье...»	182
106. «Мне нужно на кого-нибудь молиться...»	183
107. Три сестры	184
108. «Мы стоим — крестами руки...»	185
109. «Ходьба — длинноногое чудо дорог...»	185
110. «Эта женщина такая...»	186
111. Синька	187
112. «...И когда удивительно близко...»	187
113. «Эта женщина! Увижу и немею...»	188
114. «Ах, война, она не год еще протянет...»	188
115. «Не верь войне, мальчишка...»	189
116. «Глаза, словно неба осеннего свод...»	189

117. «Вот несчастный человек — это видно по всему...»	190
118. Аты-баты шли солдаты	190
119. «Плыл троллейбус по улице...»	190
120. «Неистов и упрям...»	191
121. Песенка об открытой двери	191
122. «На арбатском дворе — и веселье и смех...»	192
123. Каравай	193
124. «Магическое «два». Его высоты...»	193
125. Песенка о Фонтанке	194
126. «Женщины-соседки, бросьте стирку и шитье...»	195
127. «Время идет, хоть шути — не шути...»	195
128. «На мне костюмчик серый-серый...»	195
129. «Дома лучше (что скрывать?)...»	196
130. «Не пробуй этот мед: в нем ложка дегтя...»	196
131. «Жизнь моя — странствия. Прощай! Пиши!...»	196

ШЕСТИДЕСЯТЫЕ

132. Чаепитье	197
133. «По утрам за колхозною площадью...»	197
134. Город	199
135. Московский муравей	200
136. Осень в Кахетии	200
137. О кузнечиках	201
138. Старый пиджак	201
139. Дежурный по апрелю	202
140. «Тьмою здесь всё занавешено...»	203
141. По Смоленской дороге	203
142. «Горит пламя, не чадит...»	204
143. Песенка о московском метро	204
144. Песенка о моей жизни	204
145. Песенка о моей душе	205
146. Песенка про дураков	205
147. Песенка веселого солдата	206
148. «Берегите нас, поэтов, берегите нас...»	206
149. Отрада	207
150. Шарманка-шарлатанка	208
151. «Поэтов травили, ловили...»	208
152. «Земля изрыта вкривь и вкось...»	209
153. «Шла война к тому Берлину...»	210
154. Песенка о белой крови	210
155. Четыре сына	211
156. Колыбельная	217
157. Чудесный вальс	217

158. «Всю ночь кричали петухи...»	218
159. Черный «мессер»	219
160. В Барабанном переулке	219
161. Песенка о пехоте	220
162. «Допеты все песни. И точка...»	221
163. Стихи, являющиеся кратким руководством для пользования пугачом	221
164. Старый король	222
165. Гитара	223
166. «Непокорная голубая волна...»	224
167. Замок надежды	224
168. Мой карандашный портрет	224
169. Два великих слова	225
170. Старый дом. («Пятится он, к переулочку лепится...») .	226
171. Ленинградская музыка	227
172. Стихи без названия	228
173. Как я сидел в кресле царя	230
174. Главная песенка	231
175. Музыка	232
176. «Я никогда не витал, не витал...»	233
177. Ночной разговор	233
178. «Нацеленный глаз одинокого лося...»	234
179. Аисты	235
180. Время	236
181. Март великодушный	237
182. «Мы приедем туда, приедем...»	237
183. Красные цветы	238
184. Молитва	240
185. Храмули	240
186. Последний мангал	241
187. В городском саду	242
188. Фрески	242
189. Песенка о ночной Москве	244
190. Письмо Антокольскому	245
191. Эта комната	246
192. Осень в Царском Селе	247
193. «В чаду кварталов городских...»	248
194. «Не верю в Бога и в судьбу, молюсь прекрасному и высшему...»	248
195. Песенка про маляров	249
196. Свет в окне на улице Вахшуги	250
197. Старый дом. («Дом предназначен на слом. Извините...»)	251
198. Ленинградская элегия	252
199. «В саду Нескучном тишина...»	253

200. «Осень ранняя. Падают листья...»	253
201. «Надежда, белою рукою...»	254
202. Песенка о Сокольниках	255
203. Песенка о белых дворниках	256
204. Улица моей любви	257
205. Пешеходов родословное древо	258
206. «Анкара, Анкара!..»	259
207. Сыну	261
208. Левкой	262
209. «Продолжается музыка возле меня...»	264
210. Разговор с рекой Курой	265
211. 1945 год	265
212. Георгий Саакадзе	266
213. «Дорога, слишком дорого берешь...»	267
214. «О чем ты, Тинатин?..»	268
215. «Есть муки у огня...»	269
216. «Как разбитая белая армия...»	270
217. «Ты — мальчик мой, мой белый свет...»	270
218. «Любовь, любовь — такое государство...»	271
219. Вывески	272
220. Оловянный солдатик моего сына	273
221. «То падая, то снова нарастая...»	274
222. Песенка о художнике Пиросмани	274
223. Как научиться рисовать	275
224. Капли Датского короля	276
225. Прощание с осенью	277
226. Одна морковь с заброшенного огорода	278
227. «Мгновенно слово. Короток век...»	279
228. «В детстве мне встретился как-то кузничик...»	280
229. Фотографии друзей	281
230. Времена	281
231. Из окна вагона	283
232. Зной	283
233. «Былое нельзя воротить, и печалиться не о чем...»	284
234. «Человек стремится в простоту...»	284
235. Тбилиси	285
236. «Строитель, возведи мне дом...»	286
237. Встреча	287
238. Грибоедов в Цинандали	288
239. Руиспири	289
240. Цирк	293
241. Александр Сергеевич	294
242. Дорожная фантазия	294
243. «Умереть — тоже надо уметь...»	295
244. Прощание с Польшей	297

245. Прощание с новогодней елкой	297
246. «Мой город засыпает. А мне-то что с того?..»	298
247. Божественное	299
248. Житель Хевсуретии и белый корабль	299
249. Последний пират	300
250. Тиль Уленшпигель	301
251. «Когда затихают оркестры Земли...»	301
252. Счастливчик Пушкин	302
253. «Пробралась в нашу жизнь клевета...»	303
254. О дроздах	304
255. Трамваи	305
256. «Я дарю тебе к светлому празднику множество...»	305
257. Январь в Одессе	306
258. «Ты падаешь навзничь, без сил...»	307
259. Детский рисунок	307
260. Голубой человек	308
261. Песенка о дальней дороге	309
262. Старинная студенческая песня	310
263. Путешествие в памяти	311
264. «Ваше благородие госпожа разлука...»	311
265. Грузинская песня	312
266. Путешествие по ночной Варшаве в дрожках	313
267. Песенка про старого гусака	314
268. Мастер Гриша	314
269. «Вселенский опыт говорит...»	315
270. Песенка о Моцарте	315
271. Боярышник «Пастушья шпора»	316
272. На берегу Великого Океана	317
273. Арбатский романс	318
274. Четыре года	319
275. Песенка о московском трамвае	319
276. Проводы юнкеров	320
277. «Он, наконец, явился в дом...»	320
278. Белорусский вокзал	321
279. Душевный разговор с сыном	322
280. Песенка о московских ополченцах	323
281. «Разлюбила меня женщина и ушла не спеша...»	323
282. Часики	323
283. Старый флейтист	324
284. «Песенка короткая как жизнь сама...»	324
285. Военные портняжки	325
286. «Разве лев — царь зверей? Человек — царь зверей...»	326
287. «Скрипят на новый лад все перья золотые...»	326
288. «Когда известный русский царь в своей поддевичке короткой...»	327

289. «Решайте, решайте, решайте...»	327
290. «Карандаш желает истину...»	328
291. «Долго гордая упряжка...»	329
292. «Я вас обманывать не буду...»	329
293. «Друзья, не надейтесь на чудо...»	330
294. «Немоты нахлебавшись без меры...»	330
295. «Мы едем на дачу к Володе...»	331
296. «Среди стерни и незабудок...»	332
297. «Я жалею собак с нашей улицы...»	332
298. «Затихнет шрапнель, и начнется апрель...»	332
299. Большая перемена (школьная песенка)	333
300. «На углу у гастронома...»	333

СЕМИДЕСЯТЫЕ

301. «Зачем торопится в Сибирь поэт Горбовский?..»	335
302. Приезжая семья фотографируется у памятника Пушкину	336
303. Речитатив	336
304. Жизнь охотника	337
305. «Заезжий музыкант целуется с трубой...»	340
306. Считалочка для Беллы	341
307. Батальное полотно	343
308. Послевоенное танго	344
309. Старинная солдатская песня	344
310. Песня красноармейца	345
311. На смерть Бориса Балтера	346
312. Весна. («Небо синее, как на картинке...»)	346
313. Кабинеты моих друзей	347
314. «Сестра моя прекрасная, Натела...»	348
315. «А мы с тобой, брат, из пехоты...»	348
316. Чаепитие на Арбате	349
317. Лунин в Забайкалье	352
318. «Живые, вставай-подымайся...»	352
319. Песенка кавалергарда	353
320. Пожелание друзьям	354
321. Божественная Суббота, или Стихи о том, как нам с Зиновием Гердтом в одну из суббот не было куда торопиться	354
322. Я пишу исторический роман	354
323. Два силуэта	356
324. «Ласточка, звонкая птица...»	357
325. «Соединение сердец...»	357
326. «Есть «да» и «нет», и не шутя...»	358

327. «Я вновь повстречался с Надеждой — приятная встреча...»	359
328. Дом на Мойке	359
329. Еще один романс	360
330. «Антон Палыч Чехов однажды заметил...»	361
331. Пиратская лирическая	361
332. «Римская империя времени упадка...»	362
333. «Солнышко сияет, музыка играет...»	363
334. Сентябрь	364
335. Державин	364
336. «Шарманка старая крутилась...»	365
337. «Давайте придумаем деспота...»	366
338. «Стоит задремать немного...»	366
339. «Убили моего отца...»	367
340. «Не слишком-то изыскан вид за окнами...»	368
341. «Как время беспощадно...»	369
342. Проводы у военкомата	369
343. Из фронтового дневника	370
344. «У Спаса на Кружке забыто наше детство...»	371
345. «Чувствую: пора прощаться...»	371
346. «Быстро молодость проходит, дни счастливые крадет...»	372
347. «Я маленький, горло в ангине...»	373
348. «Оркестр играет боевые марши...»	374
349. «Как хорошо, что Зворыкин уехал...»	374
350. «О фантазии на темы...»	375
351. «С каждым часом мы старше...»	375
352. «Красный снегирь на июньском суку...»	376
353. «Мы стоим с тобой в обнимку возле Сены...»	377
354. «Впереди идет сержант...»	377
355. «Вот король уехал на войну. Он Москву покинул...» ..	378
356. «Понедельник, после вторник...»	378
357. «Часики бьют так задумчиво...»	379
358. «Я горой за сюжетную прозу...»	379
359. «Я живу в ожидании краха...»	380
360. «Канадский берег под моим крылом...»	380
361. «Сталин Пушкина листал...»	380

ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ

362. Поминальная	382
363. «Летняя бабочка вдруг закружилась над лампой полночной...»	382
364. О Володе Высоцком	383
365. Арбатское вдохновение, или Воспоминания о детстве	384

366. Памяти Льва Гинзбурга	385
367. «Ну что, генералиссимус прекрасный...»	386
368. «Всему времечко свое: лить дождю, Земле вращаться...»	386
369. Поддень в деревне (поэма)	387
370. Дорожная песня	389
371. «Глас трубы над городами...»	390
372. Арбатские напевы	391
373. Настольные лампы	392
374. Надпись на камне	393
375. Прогулки фрайеров	394
376. Автопародия на несуществующие стихи	395
377. «Нужны ли гусару сомненья...»	396
378. Парижская фантазия	397
379. «Как наш двор ни обижали — он в классической поре...»	398
380. Музыкант	398
381. «Собрался к маме — умерла...»	399
382. Песенка о молодом гусаре	399
383. «Под Мамонтовкой жгут костры...»	400
384. Утро	401
385. Примета	401
386. «Красотки томный взор...»	402
387. «В юности матушка мне говорила...»	403
388. «Жаркий огонь полыхает в камине...»	403
389. Памяти брата моего Гиви	404
390. Дерзость, или Разговор перед боем	405
391. Дунайская фантазия	405
392. Гимн уюту	406
393. «Вот музыка та, под которую...»	408
394. Песенка Белле	408
395. «Поздравьте меня, дорогая: я рад, что остался в живых...»	408
396. «Я выдумал музу Иронии...»	409
397. «Я умел не обольщаться...»	409
398. «Не сольются никогда зимы долгие и лета...»	410
399. «Восхищенность вашим сердцем, вашим светом...» ..	410
400. «Ну чем тебе потрафить, мой кузнечик?...»	411
401. Мой почтальон	412
402. «Всё забуду про тревогу...»	412
403. «Читаю мемуары разных лиц...»	413
404. «Сколько сделано руками удивительных красот!...» ..	413
405. «Строка из старого стиха слывет ненастоящей...»	414
406. «Почему мы исчезаем...»	414
407. «В день рождения подарок преподнес я сам себе...» .	415

408. «Гомон площади Петровской...»	416
409. «Всё глуше музыка души...»	417
410. «В нашей жизни, прекрасной, и странной...»	418
411. «Мне не в радость этот номер...»	418
412. Памяти Обуховой	419
413. «У поэта соперников нету...»	419
414. «Благородные жены безумных поэтов...»	420
415. Работа	421
416. «Черный ворон сквозь белое облако глянет...»	422
417. «После дождичка небеса просторны...»	423
418. Письмо к маме	423
419. «На полянке разминаются оркестры духовые...»	424
420. «Над площадью базарною...»	425
421. «Ах, что-то мне не верится, что я, брат, воевал...»	425
422. «Распахнуты дома. Безмолвны этажи...»	426
423. «Старики умирать не бояться...»	426
424. Мой отец	427
425. «Над глубиной бездонных вод...»	428
426. «От войны войны не ищут...»	428
427. «Хочу воскресить своих предков...»	429
428. Песенка. («Совесь, благородство и достоинство...») ..	430
429. «С последней каланчи, в Сокольниках стоящей...»	430
430. «Всё утрясается мало-помалу...»	431
431. Звездочет	432
432. Мое поколение	433
433. Детство. («Я еду Тифлисом в пролетке...»)	433
434. «Что-то знает Шура Лифшиц...»	434
435. «По какой реке твой корабль плывет...»	434
436. «От нервов ли, от напряженья...»	435
437. «На полотне у Аллы Беляковой...»	435
438. «Приносит письма письмоносец...»	436
439. «По Грузинскому валу воинственно ставя носок...»	437
440. «Взяться за руки не я ли призывал вас, господа?...» ..	438
441. «Витя, сыграй на гитаре...»	438
442. Воспоминание о Дне Победы	439
443. «Дама ножек не замочит...»	440
444. «Как мне нравится по Пятницкой в машине проезжать!..»	440
445. Краткая автобиография	441
446. «Отчего ты печален, художник...»	441
447. «Мне не хочется писать...»	442
448. «Сижу на опушке лесной...»	443
449. «Ах, оркестры духовые...»	443
450. «Клубничины сорваны с грядки...»	444
451. «Переулоч Божественным...»	444

452. Из стихов генерала Опочинина 1812 года	445
453. Ироническое обращение к генералу	446
454. «Восемнадцатый век из античности...»	447
455. «В земные страсти вовлеченный...»	447
456. «В больничное гляну окно, а там, за окном — Пироговка...»	448
457. Август в Латвии	449
458. «Не успел на жизнь обидеться...»	449
459. Нянька	450
460. «В больнице медленно течет река часов...»	451
461. «Вечера французской песни...»	452
462. «Из Вашингтона в назначенный срок...»	452
463. Кухня	453
464. «Надежды крашенная дверь...»	454
465. «Мне всё известно. Я устал всё знать...»	454
466. «Мой брат по перьям и бумаге...»	455
467. «К старости косточки стали болеть...»	455
468. «Вот комната эта — храни ее Бог!..»	456
469. «Ах, если б знать заранее, заранее...»	457
470. «Шестидесятники развенчивать усатого должны...» ...	457
471. «Чувство собственного достоинства — вот загадочный инструмент...»	458
472. «Пока еще жизнь не погасла...»	458
473. «Не каждому поэту удача выпадает...»	459
474. «Париж для того, чтоб ходить по нему...»	459
475. «Вроцлав. Лиловые сумерки...»	460
476. «Прощайте, стихи, ваши строки и ваши намеки, и струны...»	460
477. «Мне нравится то, что в отдельном...»	461
478. «Я вам описываю жизнь свою, и больше никакую...» .	462
479. «Пишу роман. Тетрадка в клеточку...»	463
480. «Я рад бы был покоем восхититься...»	463
481. «Ребята, нас вновь обманули...»	464
482. «Из Австралии Лёва в Москву прилетел...»	464
483. «Полночь над Босфором. Время тишины...»	465
484. «Сочиняет плов Мазлум из баранины и риса...»	465
485. Турецкая фантазия	466
486. «Прикатить на берег крымский и на Турцию глядеть...»	467
487. «Ты, живущий вне наших сомнений и драм...»	467
488. «Европа пьет водичку из Босфора...»	468
489. Американская фантазия	468
490. Красный клен	469
491. Жаркий полдень в Массачусетсе	470
492. Японская фантазия	471

493. «Под крики толпы угрожающей...»	471
494. Калужская фантазия	472
495. «На странную музыку сумрак горазд...»	473
496. «Не уезжай, жена моя, в леса...»	473
497. Несчастье	474
498. «Что-то сыночек мой уединением стал тяготиться...» .	475
499. Прощальная песенка волковских актеров	476
500. Ад	476
501. «Славная компания... Что же мне решить?...»	477
502. «Дима Бобышев пишет фантазии...»	477
503. «Мне не нравится мой силуэт...»	478
504. «Калифорния в цвету. Белый храм в зеленом парке...»	478
505. «Весь этот век, такой бесплодный...»	479
506. Новая Англия	479
507. «Кабы ведать о том, кабы знать...»	480
508. «Проснется ворон молодой...»	480
509. «Наша жизнь — это зал ожидания...»	480
510. «И ты, который так утрюм, и ты, что праздничен. Вы оба...»	480
511. «Воспитанным кровавою судьбой...»	481
512. «Корабль нашей жизни приближается к пристани...»	481
513. «Смилуйся, быстрое время...»	481
514. «Арбата больше нет: растаял словно свеченька...»	482
515. «Раз и два...»	482
516. «Мой дом под крышей черепичной...»	482
517. «Становлюсь сентиментальным...»	483
518. Шестидесятники Варшавы	483
519. «Пора уже не огорчаться...»	484
520. «Пока от вранья не отвыкнем...»	484
521. «Собрались молокане...»	484

ДЕВЯНОСТЫЕ

522. «По Польше елочки бегут. Над Польшей птицы пролетают...»	486
523. «Слово бурь не предвещало — было пламенным сначала...»	486
524. «Что происходит под нашими крышами...»	487
525. «Когда начинается речь, что пропала духовность...» ..	488
526. Подмосковная фантазия	488
527. «Власть — администрация, а не божество...»	489
528. «Мимо кладбища едет купец молодой...»	489
529. «Нет, не от гриппа или умопомрачения...»	490

530. «Нашему дикому обществу нужен тиран во главе?..»	490
531. «Вы — армия перед походом...»	491
532. Песенка корниловца	491
533. «Мерзляковский переулочек...»	492
534. «Русского романса городского...»	493
535. Марусенька	493
536. Звезда Голливуда	494
537. Манхэттен	494
538. Шмель в Массачусетсе	495
539. «На улице моей беды стоит ненастная погода...»	495
540. «Тянется жизни моей карнавал...»	496
541. «Ехал всадник на коне...»	496
542. Мнение пана Ольбрыхского	497
543. Рай. («Я в раю, где уют и улыбки...»)	497
544. «Я в Кельне живу. Возле Копелева...»	498
545. Детская песенка	499
546. «Теперь уж снег не оставят...»	500
547. «Чувство меры и чувство ответственности...»	501
548. «Вы говорите про Ливан...»	501
549. «Тель-авивские харчевни...»	502
550. Романс. («В Иерусалиме первый снег...»)	502
551. «Мы — романтики старой закалки...»	503
552. «Вот приходит Юлик Ким и смешное напевает...»	503
553. «Сладкое бремя, глядишь, обернется копейкою...»	504
554. «Что есть полоски бересты...»	504
555. «Пока он писал о России...»	505
556. Песенка Льва Разгона	505
557. «Матушки Нонна и Анна...»	506
558. «Со скоростью сто сорок километров...»	506
559. «Под копытами снег голубой примят...»	507
560. «Насколько мудрее законы, чем мы, брат, с тобою!..»	507
561. Таможенное	508
562. «Не обязательны пуля и кнут...»	509
563. «Что нужно муравью, когда он голоден?..»	509
564. Отъезд	509
565. Памяти Алеся Адамовича	510
566. «Меня удручают размеры страны проживания...»	511
567. «На почве страха и тоски...»	511
568. «Тщеславие нас всех подогревает...»	511
569. «История, перечь ей — не перечь...»	512
570. «Давайте чашу высечем хрустальную...»	512
571. «Лицо у завистника серое с желтым оттенком...»	513
572. Памяти Бориса Чичибабина	513
573. Перед витриной	513
574. «Нынче я живу отшельником...»	514

575. «Если б можно было тихо умереть...»	514
576. Обольщение	515
577. «Малиновка свистнет и тут же замрет...»	515
578. В альбом	515
579. «Вымирает мое поколение...»	516
580. «Мгновенна нашей жизни повесть...»	516
581. «Вот какое нынче время...»	517
582. «Ничего, что поздняя поверка...»	517
583. Свадебное фото	517
584. «Был Лондон предо мной. А нынче вновь всё то же...»	518
585. «Мне русские милы из давней прозы...»	518
586. «А вот Резо — король марионеток...»	519
587. «Украшение жизни моей...»	519
588. «Лучше безумствовать в черной тоске...»	519
589. «Поверившие в сны крамольные...»	519
590. «Дальний звук городского романса...»	520
591. «Возражение — не спор...»	520
592. «Силуэт мой будничным хмурится, сутулится...»	520
593. «Вот Тюрингии столица...»	521
594. «Вот постарел, и стало холодно, и стало тихо на земле...»	521
595. «От стужи, от метелей и от вьюг...»	521
596. В карете прошлого	522
597. «Ах, если бы можно уверенней...»	527
598. «Две жизни прожить не дано...»	527
599. «Погода что-то портится...»	527
600. «Поверь мне, Агнешка, грядут перемены...»	527
601. «Как улыбается юный флейтист...»	528
602. «Покуда на экране куражится Сосо...»	528
603. «Через два поколения выйдут на свет...»	528
604. «"Шибко грамотным" в обществе нашем...»	529
605. «Я обнимаю всех живых...»	529

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВХОДИВШИЕ В АВТОРСКИЕ СБОРНИКИ

606. Мое поколение	530
607. Весеннее	531
608. Гости	532
609. О мелочах	533
610. В дорогу	534
611. Здравствуй, весна	535
612. Под знаменами майскими	535

613. Твои глаза	536
614. Родина. («С войной мы стали вдруг взрослее...»)	537
615. Осень	538
616. Веселые солдаты	539
617. «Во все века и во все времена...»	540
618. Валины экзамены	541
619. Я встречаю гостей	546
620. Марсинель	547
621. «Чувств нижайших выражение...»	548
622. «Встречали вы счастливых тонущих...»	548
623. «Тучи — на небо, звезды умерли...»	549
624. «Не в сафьяновом переплете...»	549
625. «Первый звонок, первый звонок, первый звонок дан...»	550
626. У городской елки	551
627. Цвет любви	551
628. «Арбат беру с собою — без него я ни на шаг...»	552
629. Разговор по душам	552
630. «Ах, трубы медные гремят...»	553
631. Весна. («Вы думаете, хлынет птиц поток...»)	554
632. «Это случится, случится...»	554
633. Рай. («Туапсинский дворик...»)	555
634. «Какая глупая игра...»	555
635. «К небу поднимающиеся городские строения...»	556
636. Маленькая женщина	556
637. «Ах ты, шарик голубой...»	557
638. Отечество мое	557
639. Но Африка встает!	558
640. «Двадцатый век, ты — странный человек!..»	558
641. Песенка о петухах	559
642. «Десять тысяч дорог, и тревог, и морок пережить...» .	559
643. «Как случилось — не заметила сама...»	559
644. Старый причал	560
645. «Плывут дома, как корабли, из дальних стран...»	560
646. «Вот я, убитый, падаю у бережка...»	561
647. «Пускай твердят иные остряки...»	561
648. Поэзия в столовке заводской	562
649. «Коллективное дитя...»	562
650. «Есть армия врагов...»	563
651. Баллада о пшене	563
652. Первый гвоздь	564
653. «Официант Иван Николаевич ненавидит посуды звон...»	565
654. А годы уходят, уходят...	566
655. Песенка про море	566

656. Песня об Инте	567
657. «В нашем старом саду, там, где тени густые...»	568
658. «Да здравствует Великий Понедельник!..»	568
659. «Жизнь как будто ничего...»	569
660. «Как испортилась погода!..»	570
661. «Не будем хвастаться, что праведно живём...»	570
662. На эмигрантские темы	571
663. «Со стариками-атаманами...»	571
664. «Внезапно сник мороз, и ртутный столб взлетел...»	571
665. Перед телевизором	572
666. «Кого бояться и чего стесняться?..»	572
667. «Когда вам стукнет шестьдесят...»	573
668. «Все влюбленные склонны к побегу...»	573
669. Окончание работы	574
670. Ленинград	574
671. «Вот какая-то лошадка бьет копытами в песок...»	574
672. «Почему я в этом доме...»	575
673. Жерех	576
674. «Век двадцатый явился спасателем...»	576
675. Собачка	577
676. «Две женщины плакали горько...»	579
677. Мои дядя	580
678. «Лечу над картою судьбы...»	581
679. «От безумного гриба...»	582
680. «Еще в литавры рано бить...»	582
681. «На Сретенке ночной...»	582
682. Романс. («Стала чаще и чаще являться ко мне...»)	583
683. Песенка. («На пригорке стояла усадьба...»)	583
684. Послание литераторам	584
685. «Хрипят призывом к схватке глотки...»	584
686. «Осудите сначала себя самого...»	585
687. Посвящается генералу М.	585
688. На поле брани	586
689. «Моя жена уже давно...»	586
690. Куртуазным маньеристам	587
691. «Два тревожных силуэта...»	587
692. Гоп со смычком	588
693. «Держава! Родина! Страна! Отечество и государство!..»	588
694. Песенка о народном депутате	589
695. «Вот и не стало снега...»	589
696. «Что проку быть в мире загробном...»	590
697. «На митинге народных депутатов...»	590
698. «Кухарку приставили как-то к рулю...»	591
699. «Конечно, я во многом виноват...»	591

700. После посещения немецкой тюрьмы	591
701. «Обсуждали донос и стукачество...»	592
702. «Я — враг весенней суеты...»	592
703. «Вот странный инструмент для созиданья строчек...»	592
704. «Знаком он по песенке старой...»	593
705. Песенка Жени Альбац	593
706. «Ах, Жорж Дантес убил поэта!..»	594
707. «Дойдя до края озверения...»	594
708. Что этот мир без нас, без вместе взятых?	595
709. Назидание автомобильным лихачам	595
710. К потомкам	596
711. Романс. («Не предвкушай счастливых дней...»)	596
712. «Я люблю! Да, люблю! Без любви я совсем одинок...»	597
713. Происшествие с Л. Разгоном	597
714. Кукольному дому	598
715. «Уроки пальбы бесполезны...»	598
716. «Да, старость. Да, финал. И что винить года?...»	599
717. «Хороша она или плоха...»	599
718. «В арбатском подъезде мне видятся дивные сцены...»	599
719. «Что было, то было. Минувшее не оживает...»	600
720. «Что жизнь прекрасней смерти — аксиома...»	600
721. «Роза сентябрьская из Подмосковья...»	600
722. «Слишком часто простор голубого экрана...»	601
723. «Что им нужно для комфорта?...»	601
724. Впечатление	602
Примечания	603
Алфавитный указатель стихотворений	677

Б. Ш. Окуджава

Стихотворения / Вступ. статьи Л. С. Дубшана и В. Н. Сажина. Сост. В. Н. Сажина и Д. В. Сажина. Примеч. В. Н. Сажина. — СПб.: Академический проект, 2001 — 712 с.

ISBN 5-7331-0224-1

В данном томе сделана попытка представить поэтическое творчество Окуджавы с максимальной возможной полнотой. Хронологический порядок позволяет отчетливо проследить эволюцию поэта в меняющейся исторической обстановке. Примечания и вступительная статья помогают разобраться в особенностях поэтики «поэта с гитарой», разрушить привычные стереотипы восприятия, раскрывают скрытые или ставшие уже непонятными реалии.

ISBN 5-7331-0224-1

9 785733 102245

Художник *В. В. Еремин*

Художественный редактор *В. Г. Бахтин*

Технический редактор *Е. Ф. Шараева*

Корректор *О. Э. Карпеева*

ЛР № 066191 от 27.11.98.

Подписано в печать 22.01.2001. Формат 84×108^{1/32}.
Бумага офсетная. Печать высокая. Гарнитура Балтика.
Усл. п. л. 44. Уч.-изд. л. 41. Тираж 5000 экз. Заказ № 2743.

Гуманитарное агентство «Академический проект».
191002, Санкт-Петербург, ул. Рубинштейна, д. 26.

Отпечатано с диапозитивов в ГПП «Печатный двор»
Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

